

**ВОЛЬНАЯ
РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
XVIII-XIX ВЕКОВ**

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII-XIX ВЕКОВ

В ДВУХ ТОМАХ

**ТОМ
ВТОРОЙ**

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1988

ББК 84Р1

В 67

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов, Е. А. Исаев, М. К. Каноат,
Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян,
Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник, А. И. Павловский, С. А. Рустам,
Н. Н. Скатов, М. Танк.

*Составление, подготовка текста
и примечания*

С. А. РЕЙСЕРА

Редактор Л. С. Гейро

В $\frac{4702010102-171}{083(02) - 88}$ 423-88

ISBN 5-265-00228-6 (т. 2)

ISBN 5-265-00222-7

© Издательство
«Советский писатель», 1988 г.

САНХУТБОРНИН

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

1

Как восьмого сентября
Мы за веру и царя
От француз ушли.
И так храбро отступали,
Что всех раненых бросали
Умирать в степи.
Меньшик, умный адмирал,
Суденушки потоплял
В море-пучине.
Молвил: «Счастья желаю»,
Сам ушел к Бакчисараю,
Ну вас всех...
Сент-Арно позакопался,
Он учтиво обращался —
Сзади обошел.
Кабы нам да в этот вторник
Не помог святой угодник,
Всех бы нас забрал.
С моря, с суши обложили,
Севастополь наш громили
Из больших маркел.
Духовенство всё молило,
Чтоб француза потопило,—
Бурю бог послал.
Была сиверка большая,
Но француз, не унывая,
На море стоял.
И князя к нам приезжали,
Да француза не спужали,—
Всё палит с маркел.

Штуцеров мы поджидали,
Да гвардейцы их забрали,—
Видно, им нужней.

Из-под града Кишинева
Ждали войска мы большого,—
Войско подошло.

Даненбергу поручили,
Его очинно просили
Войска не жалеть.

Павлов, Соймонов ходили,
Круты горы восходили,
Вместе не сошлись.

А Липранди хоть видал,
Как француз одолевал,—
Руку не подал.

Тысяч десять положили —
От царя не заслужили
Милости большой.

Князь изволил рассердиться:
Наш солдат-де не годится,
...показал.

Из сражения большого
Вышло только два героя,
Их высочества.

Им повесили Егорья,
Повезли назад на взморье,
В Питер напоказ.

Зимой вылазки чинили,
Много войска положили,—
Всё из-за туров.

Меньшик просит подкрепленья,
Царь ему во утешенье
Сакена послал.

Меньшик, умный адмирал,
Царю прямо отписал:
«Батюшка, наш царь,

Ерофеич твой не крепок,
От твоих же малолеток
Толку ничего».

Царь на Меньшика серчал,
И в ту пору захворал
На одном смотрю.

И отправился на небо,
Видно, в нем была потреба,—
И давно пора!
А когда же умирал
Сыну крепко наказал:
«Ты теперь смотри!»
Сын же к Меншику писал:
«Ты, мой милый адмирал,
К черту, брат, тебя.
Я пошлю туда другого,
Того князя Горчакова,
К турку что ходил;
Много войск ему не надо,
Будет пусть ему награда
Красные штаны».
Посылали тут Хрулева
Выгнать турку из Козлова,—
Наша не взяла.
И вот ждем и поджидаем,
Севастополь защищаем,—
Скоро ль отойдет?

Между сентябрем 1854 и мартом 1855

Л. Н. ТОЛСТОЙ

2

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы занимать.
Барон Вревский-енерал
К Горчакову приставал,
Когда под шефе:
«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мной ты в споры,—
Право, донесу».
Собирались на советы
Всё большие эполеты,
Даже Плац-Бекок.
Полицмейстер Плац-Бекок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать.

Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
 На большом листу.
Чисто писано в бумаге,
Да забыли про овраги,
 А по ним ходить.
Выезжали князя, графы,
А за ними топографы
 На большой редут.
Князь сказал: «Ступай, Липранди!»
А Липранди: «Нет, атáнде,
 Я уж не пойду;
Туда умного не надо,
А пошли-ка ты Реада,
 А я посмотрю».
А Реад — возьми да спросту
Поведи нас прямо к мосту:
 «Ну-ка на уру!»
Веймарн плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал;
 «Нет, уж пусть идут».
И «уру» мы прошумели,
Да резервы не успели,
 Кто-то переврал.
На Федюхины высоты
Нас всего пришло две роты,
 А пошли полки.
Енерал-то Ушаков,
Тот уж вовсе не таков,
 Всё чего-то ждал.
Долго ждал он, дожидался,
Пока с духом не собрался
 Речку перейти.
А Белявцов-енерал,
Тот всё знамен потрясал,
 Вовсе не к лицу.
Наше войско небольшое,
А французов ровно вдвое,
 И сикурсу нет.
Ждали — выйдет с гарнизона:
Нам на выручку колонна,
 Подали сигнал.
А там Сакен-енерал

Всё акафисты читал
Богородице.
И пришлось нам отступить,
.....
Кто туда водил?!
А как первого числа
Ждали батюшку-царя
Мы у Фот-Сала.
И в усердном умиленье
Ждали все мы награжденья,—
Не дал ничего.

Август 1855

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

3. КНУТ

(Подражание «Ветке Палестины» Лермонтова)

Скажи мне, двигатель народный,
Символ народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесен откуда ты?

От стран ли дикого Востока
Пришел ты в обществе меча,
В руках ревнителей пророка
Слепому рабству нас уча?

Иль, чуждого происхожденья,
Ты по сродству нам близок стал
И ни единого мгновенья
Еще нерусским не бывал?

Скажи мне: грешною спиною
Тебя кто первый перенес?
От униженья ль пред тобою
Он лил потоки горьких слез?

Иль, честью не обеспокоен
И крепок выей и хребтом,
Он был равно тебя достоин
Перед людьми и божеством?

Меж нами действуя свободно,
Пришлец в России вековой —
Ты лучший страж любви народной
И власти верный часовой!

<1858>

4. СКАЗКА

Я когда-нибудь сберусь
Сказку вам сложить про Русь,
Про царей ее державных,
Про людей, отвагой славных,
И про разные дела —
С той поры, как начала
Русь считаться государством,
Не спускать заморским царствам
Да врагам давать отпор...
Но покамест сказкой длинной
Я вам, други, удружу,—
На обычай, на старинный,
Я вам присказку скажу:

Гей!.. Садись, честной народ!
Разевай пошире рот,
Придвигай скамьи к огню,—
Слушай присказку мою!..

Долго бывши старшиною
Над славянской страной,
Князь маститый Гостомysl
Потерял под старость смысл.
И пред смертною кончиною
На болезненном одре
Он сказал перед дружиной:
«Надо думать о царе...
Вы одни не уживетесь,
Как бараны, вы деретесь;
Так плывите за моря
Выбирать себе царя!»

Вот и поплыли бараны
За царем в чужие страны
(Словно не было кого
Взять из стада своего)

И, приехавши к соседям,
Поклонились им челом,
Подарили их медведем,
Соболями и добром,
И чеканным серебром,
И сказали: «Край наш силен,
Он велик, как белый свет,
Он богатствами обилен —
Да порядку лишь в нем нет!
Так нельзя ли нас уважить:
К нам пожаловать и княжить?»

А соседи отвечали:
«Мы об вас давно слышали,
Рады мы вам сделать честь,
На престол к вам рады сесть!»

И пришли на Русь варяги,
Безземельные бродяги;
Стали княжить, не шутить,
А славяне — им служить...
Много времени прошло,
Много море унесло;
Но с тех пор судьба народа
Всё в руках чужого рода;
И до нынешних времен
Нам варяг дает закон...
Край славянский так же силен,
И богатствами обилен,
И велик, как белый свет, —
А порядку нет как нет!
Что за притча? Что за диво?
Как же жить ему счастливо?
Или нам других царей
Надо звать из-за морей?

Не шуми, честной народ,
Не дивись разиня рот!
Подвигай скамьи к огню,
Слушай присказку мою!

Но всему конец бывает,
Так и присказке моей...
Кто же, братцы, отгадает,
Что за мысль сокрыта в ней?

Кто не понял, пусть вспомнит
Притчу старую одну,
Притча эта не обманет,
Говорили в старину:
«Кто урод был в колыбели —
До могилы тот урод!»
(Так и русский, знать, народ.)
Други, что ж, теперь яснее
Стала присказка моя?
Да? Так знайте про себя!

⟨1858⟩

Н. П. ОГАРЕВ

5. ИСКАНДЕРУ

(1858 год)

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Зывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного,
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,

И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И всё-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода
И рук для борьбы захотела свобода —
Сейчас полечу на защиту народа!
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный, в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого:
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

1858

В. М. МИХАЙЛОВ

6. ИЗ «WINTERMÄRCHEN»

〈Из Г. Гейне〉

Редуют туманы, и первым лучом
Румяной зари освещен
Вот крест с изваяньем того, кто на нем
Неправедно был пригвожден.

Прискорбно стесняется сердце мое
При виде твоём, Назарей,
Мечтатель, безумец божественный, всё
Забывший для блага людей!

Собор фарисейский коварно, безбожно
На гибель тебя осудил,
Зачем же так смело, так неосторожно
Ты равенству, братству учил?

Не был, по несчастью, во время твое
Известен печатный станок,—
Особо книжкой ученье свое
Пустить бы вернее ты мог.

Цензура, приличие нравов любя,
Смарала бы много в ней мест,
Как добрая мать охраняя тебя,
И ты не попал бы на крест.

Как жаль, что с талантом твоим и умом
Ты не взял для речи Нагорной
Хоть текста другого, чтоб легче потом
Сойтись с синагогой упорной.

Сплеча бичевал ты злодейство, порок,
За что и прослыл вольнодумцем.
Был предан и распят — в урок
Подобным грядущим безумцам.

(1859)

Д. Т. ЛЕНСКИЙ (?)

7. ПОМОЙНАЯ ЯМА

Басня

На улице и длинной, и широкой
И на большом дворе стоит богатый дом;
И со двора разносится далеко
Зловоние кругом.

А виноват хозяин в том.
«Хозяин наш прекрасный, да упрямый,—
Мне дворник говорит,—
Раскапывать велит помойную он яму,
Но чистить не велит».

1857

8. КНУТ

Ремянный кнут, не безуханный,
Забытый в поле, вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто дал тебе твой вид приятный?
Тебя тесемкою обвил?
И кто твой кончик сырмятный
Так превосходно прикрепил?

Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек,
С тяжелой, легкой ли рукою?
А главное — кого ты сек?

Стегал ли ты клячонки жалкой
Хребет и впалые бока?
Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по ... мужика?

Мужчин ли больше ты исправил
Иль также женщин поучал?
И тот зачем тебя оставил
Кто, кнут, тобою обладал?

Ты, громко девок вызывая
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?

Иль, может быть, о бич славянской,
Вооружась тобой, холоп
Дал заднице понять дворянской
Тоску простых мужичьих ...?

И что б ни делал ты доньше,
Привет тебе усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Символ страны моей родной!

<1859>

9. ВОЖДИ СВОБОДЫ

На соломе лежал он в темнице сырой...
 Сквозь решетку сиял утра луч золотой,
 И ходил он узором по мокрой стене,
 Видны вольные птицы и небо в окне,
 Видны в огненном море плывут острова...
 И леса, и заря, и небес синева!
 А кругом давят своды темницы сырой,
 Да железо звенит и блестит под рукой.
 Он в темнице сырой неподвижно лежал,
 И с крестом перед ним черный инок стоял.
 Крест горел серебром на пурпурных лучах...
 Горе тайное — в мрачных монаха чертах...

«Завтра казнь! Топор широкий
 Эту голову отрубит...
 Я покоен! Кто жалеет —
 Будет плакать, если любит...
 Будет злобно издеваться
 Над моим кровавым телом
 Сонм рабов тупых и диких,
 Низких духом, подлых делом...
 За свободу, за свободу
 Я страдал и бился,
 За свободу богу силы
 Пламенно молился!
 Но растет тупая сила
 На бою упорном,
 И распнет она свободу
 На кресте позорном!
 И умру я бесполезно,
 Кровь прольется даром...
 Смерть покончит с жизнью счеты
 Топора ударом!»

Он упал на солому со стоном глухим...
 А монах неподвижно стоял перед ним,
 И глаза его дико сверкали,

И таинственно-тихо кровавым огнем
Осветили лучи его лик, и на нем
В светлотнях, бледнея, играли...

«Нет, брат мой, нет! — заговорил,—
Нет, кровь людей не льется даром,
Ты в души искры заронил,
И вспыхнут искры те пожаром...
Ты дело жизни совершил,
И подвиг смерти пред тобою;
В венце терновом в сень могил
Иди с поднятой головою!..
Бесполезной жизни цепи
Я влачил, страдая,
Я постился и молился,
Плача и рыдая.
Власяницу и вериги
Я влачил, страдая.
И восстать я мнил духовно,
Тело убивая.
Но творец создал природу
В красоте и силе,
Мы ли смеем жизнь святую
Торопить к могиле?
Я смотрел на гнет безмолвно,
Ты ж за братьев вечно
Исходил в борьбе упорной,
В муке бесконечной...
Я — мертвец — смотрел бессильно,
Ты и жил, и бился!..»
И монах перед страдальцем
Тихо преклонился...

2

А тиранство тупое сурово
Налагает на волю оковы,
И мученья великого стон
Носит ветер от разных сторон...
Задыхаются люди от злобы —
Кровь, да цепи, да черные гробы!
И волнуется глухо народ,
И на битву свободы идет...

(1861)

10. ФАНТАЗИЯ

Шибко по полю мчится дорожный возок,
Под дугой заливаётся яркий звонок,
И от звона пугается стая ворон,
И далече разносится грохот и звон...
И безмолвно вперяюсь я в тусклую даль,
И чего-то я жду, и чего-то мне жаль,
И всё чудится, будто встают мужики,
И острят топоры, и собирают полки,
И огромною ратью идут без бояр
На Москву да на Питер... А в поле пожар
И гудит, и визжит, озаряя им путь,
«Не белые снеги» надрывают им грудь,
И поют мужики... Вот и Кремль, и Москва...
И катится одна за другой голова —
Что-то грозное будет...

Шибко по полю мчится дорожный возок,
Под дугой заливаётся яркий звонок,
И от звона пугается стая ворон,
И далече, далече проносится звон...
И безмолвно вперяюсь я в тусклую даль,
А на сердце и мщенье, и желчь, и печаль...
И всё чудится: будто бы цепи звенят,
Но ни вопля, ни слез — лишь проклятья гремят,
«Не белые снеги» надрывают нам грудь,
И мы в каторжных шубах, и долог наш путь...
А вокруг собралися попы да полки,
И акафисты правят, и точат штыки —
Что-то страшное будет...

Шибко по полю мчится дорожный возок,
Под дугой заливаётся яркий звонок,
И от звона пугается стая ворон,
И далече разносится грохот и звон...

(1861)

11. ФЕЙЕРВЕРК

Я страшный видел сон. Мне снилось, будто где-то,
В каком-то смрадном я вертепе заключен.
Запоры да замки, ни воздуха, ни света,
И душно было мне. Кругом я слышал стон,

Да свист бичей, да жертв отчаянные крики,
Проклятья и мольбы и хохот палачей,
Напевы пьяные каких-то песен диких,
И стук оков, и звук бряцающих цепей.
Обширен был вертеп, людей в нем было много,
И всё томилося впотьмах и духоте...
И терлись между них назойливо и строго
Тюремщик да палач. Привычный к темноте
Их глаз следил за всем, их ухо каждый шепот,
Казалось, слышало, ловило всякий плач...
И — горе бедняку! За жалобу, за ропот
На истязание тащил его палач.
И всем внушали нам, чтоб были мы покорны,
Что бог нам так велел, что нету благ иных,
Что блага прочие мечтательны и вздорны,
Что смирных возведут в тюрьемщики самих
И право, в свой черед, дадут им безгранично
Губить, и буйствовать, и грабить, и душить.
Что можно красть и лгать, но ловко и прилично;
Что всё тому простят, кто мастер доносить.
И узников народ, казалось, примирился
С своею долею; под бременем оков
Несчастный по уши погряз и опустился
В пороки гнусные подавленных рабов:
Невежество, обман, и ложь, и лицемерье,
Мздоимство, подкуп, лесть, наветы и подлог,
И веру для него сменило суеверье,
И стало золото ему единый бог.
Из удушающей атмосферы насилья
Исхода я искал, но заперт был исход,
И стерегло его народное бессилье,
И жалко было мне подавленный народ
В его падении, в его несчастной доле;
Безвестный всем певец, душою я скорбел,
Поклонник пламенный добра, любви и воли,
Хоть песней узников утешить я хотел
И в памяти поднять забитого народа
Слова, которые давно утратил он.
Сказать, что есть и свет, и право, и свобода;
Напомнить узникам, что сила не закон,
Что быть осиленным насилием возможно,
Но права признавать насилия не должно;
Что всё невольное обманчиво и ложно,
Коварно, пагубно, не право и темно!..

Мой голос с первых слов шпионы услышали,
Напали на меня тюремщики толпой,
И подняли бичи, и яму указали,
И рот зажали мне нечистою рукой.

Вдруг что-то странное в вертепе совершилось:
Внезапно ослабел давивший душу гнет,
Громадная тюрьма как будто оживилась,
Вздыхнул, задвигался колодников народ...
На час, казалось, замолкли плач и стоны;
Пахнуло воздухом; мелькнул отрадный свет;
Тюремщик был в слезах, в смущении шпионы,
И узники толпой кричали мне: «Рассвет!»
И чей-то голос вдруг, подобно сладкой песне,
Раздался с высоты: «Вставай, народ-мертвец!
Вставай, униженный! Подавленный, воскресни!
Конец насилию, цепям твоим конец!»
И мы поверили отрадному обету
(В несчастье верится так скоро и легко!),
Навстречу бросились мерцающему свету;
Но свет бежал от нас, блистал он далеко...
И это был не он, тот свет животворящий,
Свет вечный, истинный, то был не солнца свет,
А просто фейерверк трескучий и блестящий,
Иллюминация, минутный блеск ракет;
В его колеблемом, сверкающем сиянье
Едва успели мы друг друга опознать;
Про наши бедствия, неволю и страданье,
Про наши тяготы взаимно рассказать;
Оно лишь ужасы яснее озарило,
Которые досель от нас таила тьма!..
Но фейерверк угас, и всё опять как было,
И те ж тюремщики, шпионы и тюрьма.

<1861>

12. НАВУХОДОНОСОР

⟨Из П.-Ж. Беранже⟩

1

В давно минувшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка;
Оно для древних было ново.
Но льстили точно так же встарь,
И так же пел придворных хор:
«Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!»

2

«Наш царь бодается, так что ж,
И мы топтать народ здоровы,—
Решил совет седых вельмож,—
Да здравствуют рога царицы!
Да и в Египте, государь,
Бык — божество с давнишних пор,—
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!»

3

Державный бык коренья жрет,
Ему вода речная — пойло.
Как трезво царь себя ведет!
Поэт воспел царицу стойло.
И над поэмой государь,
Мыча, уставил мутный взор,—
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!

4

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной,

Что из сердец ему алтарь
Воздвиг народный приговор,—
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!

5

Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,
Но под ярмо жрецов попал
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь
За приговором приговор,—
Ура! да здравствует наш царь
Навуходоносор!

6

Тогда не вытерпел народ,
Царя избрал себе другого.
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного.
Как злы-то люди были встарь!
Придворным-то какой позор!
Был съеден *незабвенный* царь
Навуходоносор!

7

Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышенной —
Да и цензурный комитет
Ее одобрит непременно;
А впрочем, слово «государь»
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь —
Навуходоносор!

Между 1855 и 1858

13. БАСНЯ

Посвящается генералу Чевкину

Раз до царя животных Льва
Дошла, не знаю уж откуда,
Молва
Про редкие способности Верблюда.
И вот —
В тот самый год,
По высочайшей воле, быстро
Достиг Верблюд до звания министра.
В восторге земноводный мир,
Что дан им новой командир!
Но от Верблюда
Напрасно ждали чуда:
Он поперег
Большой дороги лег,
И больше уж по ней никто пройти не мог.

После октября 1855

14. НА КОНЧИНУ Е. И. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Умерла императрица...
Что же вышло из того?
Будет горько плакать Ницца,
А Россия — ничего.

1860

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

У царя у нашего
Верных слуг довольно,
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно.

Влепят в наказание
Так ударов со сто,
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

2

ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

У царя у нашего
Всё так политично,
Что и без Тимашева
Высекут отлично;

И к чему тут здание
У Цепного моста?
Выйдет приказание —
Отдерут и просто.

1860 или 1861 (?)

Н. П. ОГАРЕВ

17. ЗАБЫТЬЕ

Я сплю иль нет?.. Что это — ночь иль день?
Пора ли встать? Иль медленная лень
Даст мне понежиться и члены порасправить
И полусонный мозг на волю грез оставить?
День без утра, иль утро без зари...
Опять туман! Куда ни посмотри —
Сырое реянье в протяжном колебанье...

Всё зыбь — как на море. Я, точно наяву,
Куда-то вдаль на корабле плыву —
С волны и на волну в размеренном качанье.
Исчезли берега, в тумане небеса,
И только плеск кругом, всё только плеск бессвязный,
Безостановочный, глухой, однообразный,
Да ветер свищет в паруса.

Куда плыву? С чего сердечный трепет?
Не близки ли знакомые края?
И ты не лжешь — надежды тайный лепет?
Чу — в воздухе морозная струя!
Туман упал под ледяным дыханьем,
И ярко блещет день ликующим сияньем.
Передо мной лежит и искрится вдали
Равнина белая в серебряной пыли;
По ней, где кучками, а где поодиночке,
Чернеются рассеянные точки —
Дома, деревни, города,
И люди жмутся, как стада.

Прощай, плавучий дом с свободным, красным
флагом!..

На лед прибережный ступил я скользким шагом,
И, пробираясь утоптанной тропой,
Я миновал сугроб, метелью нанесенный,
И выхожу на путь, санями улощенный...
Печален плоский край с замерзшею рекой!
Безвестным странником вхожу я в город людной,
Прямые улицы, высокие дома...
Знакомый мне дворец, знакомая тюрьма,
И медный богатырь в посадке многотрудной,
Сто лет уже взмощенный на гранит,
На медной лошади безмолвие хранит.
А люди около мелькают постоянно:
Курьеры вскачь спешат, как на пожар,
Летит жандарм — архангел царских кар;
Чернильный мученик — чиновник бесталаный —
Пешком усердствует со связкою бумаг;
Идут ряды солдат — сто ног в единый шаг,
И всюду суета да грохот барабанный...
Лишь редкий гость — брадатый раб, мужик —
Сторонится и головой поник,
Глядя в унынии на город чужестранный.

Бывало, тоже гость, невольный иль незваный,
Тоскуя, проклинал я бледный небосклон,
Мундиры и гранит, весь новый Вавилон
И мерил с ужасом его тупую силу...
Теперь, я знаю, он — торопится в могилу.

Толпа стоит без шляп — и в санках проскакал,
В шинели до ушей, какой-то генерал —
Вид озабоченный, военная посадка,
И зыбкость помысла, и робкая оглядка...
Знакомым призраком он показался мне,
Его, мне помнится, я видел — но во сне.
То было в ночь, темно сошедшую в молчанье,
Над целою страной, томившейся в страданье,
То было в ночь, вослед за незабвенным днем,
Когда все в трауре, с торжественным пеньём
Огромного венчанного злодея
Похоронили не жалея;
В ту ночь, во сне, передо мной стоял,
В порфире и венце, вот этот генерал...
Ступай себе пока!.. А мне своя дорога.

И я на тройке быстроногой
Скачу по скатам и холмам
Да по бревенчатым мостам,
То полем безрубежно-белым,
То бором мрачно-поседелым.
По глади снежной тройка мчит,
Через ухаб, нырнув, летит,
Метет и жметя по сугробью,
И колокольчик мелкой дробью
И замирает, и звенит.

И гаснет день, и звезды ночи —
Небес бесчисленные очи —
Сквозь тьму глядят на белый путь,
Но мне не время отдохнуть.
Пусть дни и ночи, свет со тьмою,
Бегут, чередуясь меж собою, —
Не успокоюсь до конца,
С упорством вечного гонца;
Пренебрегу, покуда можно,
Пока не слег в тиши гробов,
Дороги усталю тревожной,
Седую усталю годов.

И идут дни, и следом идут ночи,
Уж холод сдал, и слышу я весну;
Посыпал дождь в замену мокрых клочий,
И рыхлый снег утратил белизну.
Полозья в земь ударились с упором...
Седлай коня! И дальше в путь!
И в топь, и вплавь, по кочкам и зажорам —
Я проберуся как-нибудь!
Чернеет почва из-под снега,
Ручьи сбегают в глубь долин,
И речка мутная с разбегу
Уносит вдаль обломки льдин.
Уже поля рядиться стали
В зеленый полог озимей,
Листом по роще зашептали
Побеги свежие ветвей;
Уж первый гром затих с раскатом,
Облекся вечер мирным златом;
При лунном трепете лучей
Защелкал первый соловей.

О! как баюкает томленьем сладострастья
Весенней неги мягкий звук!
Но мне не до него! Я вырос вон из счастья,
Мне нужен толк да сила рук.
Мой путь с утра идет дремучим бором...
А вот и ночь, и скат береговой,
Река — что море: не окинешь взором,
И месяц всплыл над синей мглой.
Внизу у отмели пологой
Стоит бурлак с ладьей убогой.
Бурлак, вези! Пора пришла!
Ладья скользит, и волны мчатся,
И брызги искрами дробятся
Под взмахом мощного весла.
Плыву, молчу от ожиданья,
От нетерпенья и желанья,
А тут и волны, и луна,
И плеск, и блеск, и тишина...

Свежеет воздух, ночь бледнеет,
И сумрак трепетный редет.
Заря, заря! Я различить могу
Кусты на дальнем берегу.

И вижу я: стоит толпа народа,
Кричат: «Скорей! сюда! сюда! свобода!»
И голос, точно дальний зов,
Поет... и песня так знакома!..
И подхватили с силой грома
Ее сто тысяч голосов:

«Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья,
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, собирайтесь —
С Бела-моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украине по казацкой!
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю,
Чтоб земля нам да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!..»

Ладья причалила, я выпрыгнул на берег...

Первая половина 1862

П. Л. ЛАВРОВ

18—19. СОВРЕМЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ

Посвящено Виктору Гюго

Et j'ajoute à ma lyre un corde d'airain¹.

1

ПРОРОЧЕСТВО

Пусть преклоняются пред палкою народы!
Пусть попран и презрен закон!
Пусть равенство, и братство, и свободу
Считают за нелепый сон!

Бессмертна истина! Не поколеблют люди
Ее несокрушимый храм;
Ее огонь зажжет опять их груди
И поселится там...

Кто перед истиной колена преклоняет,
Кто верит в бога своего,—
Тот без завес грядущее читает
И людям возвестит его...

Как злые коршуны над пищею кровавой,
Сидели над своей добычею цари.
Их власть была свята; разврат был их забавой;
Народ страдал, молчал и ждал своей зари.
И вот она взошла. И бури взволновали
Дремавший издавна народов океан,
Престолы рухнули, и кровью искупляли
Тогда цари земли свой вековой обман.
Но утомились народы от волнений:

¹ И я прибавил к моей лире медную струну (фр.).— *Ред.*

Напиток равенства хмелен был для детей.
Мир задремал: над ним вознесся деспот-гений;
Он пал — и сонный мир стал вновь рабом царей.
И много лет прошло. И снова клич свободы
От Сены берегов пронесся через свет,
И встали мощные пред тронами народы,
Грозя царям бедой и требуя ответ.
Монархи, трепеща на ненадежном троне,
Для усмирения разгневанных судей
Бросали им права, министров и короны,
Блюсти вовек закон клялись душой своей.
Но деспот Севера склонился к их молению;
Тяжелый бросил меч он на весы судьбы,
«Оставьте, — он сказал, — мечту освобождения:
Царям — от бога власть, народы — их рабы!»
Восстали все цари по слову властелина:
Толпа слуг-воинов их окружила трон,
Забывши для наград призванье гражданина,
И повторили все: «Свобода — это сон!»
Как хитрый жид-торгаш, как ябедник подьячий,
Цари нарушили священный договор,
От слова отреклись, над клятвою горячей
Смеялись и права вон вымели, как сор...
И самый тот народ, свободы проповедник,
Забыв свои права, призванью изменил;
Бесславный — имени великого наследник —
Постыдное ярмо на граждан наложил.
Страх подлый обуял, оцепенил народы,
И беспрепятственно нарушен был закон...
«Изгнание и смерть защитникам свободы!»
И повторили все: «Свобода — это сон!»

Нет! Отгоните прочь коварное сомненье,
Не верьте слугам зла, невежества и тьмы!
То не мечта, за что страдали поколения,
К чему стремились великие умы...
Ударит час: придет неправды наказанье,
Придет для всей земли желанная пора;
Стократною ценой искупятся страданья,
Настанет торжество свободы и добра...
А вы, цари земли! вы, пастыри народа!
Падучею звездой промчится ваша власть,
И вам проклятие пройдет из рода в роды!
Спешите выситься, чтобы страшней упасть!

Готовьтесь! скоро вас настигнет наказание:
Придут к вам мстители потребовать ответ,
И не помогут вам пустые обещанья:
Клятвопреступникам уж не поверит свет...
Да грянет вечное, тяжелое проклятье
Свободы хищникам — Европы королям!
Забыли вы свой долг и то, что люди братья,
Вы, незаконные цари, — проклятье вам!
И ты, сын случая, избранник миллионов,
Воздвигший власть свою на трусости людей,
Изменник Франции, присяге, враг законов!
Потомство изречет стыд памяти твоей!
И вечный стыд всем тем, которые кручину
Отчизны в страшный час, смеясь, пренебрегли,
Присягу воина — присяге гражданина,
Приказ начальника — закону предпочли!
Стыд вечный воинам — опорам самовластья!
Стыд вечный знамени отечества бичей!
Убийцам братьев — стыд, без мысли и без страсти
Провозгласившим власть свободы палачей!..

И ты, один из всех не дрогнувший поныне,
Полмира властелин, самодержавный царь!
Для подданных твоих твои слова — святыня,
Желание — закон, и твой престол — алтарь.
Вне прав твоих — нет прав; ты выше всех законов;
Беспрекословную, бессмысленной толпой
Разноплеменные десятки миллионов
Во прахе ног твоих лежат перед тобой.
Монархам Запада ты подаешь советы,
На сонме королей Европы ты глава.
Стоокою толпой стоят твои клеветы,
В народе сторожа и мысли, и слова...
И веришь ты в свое божественное право,
Ты веришь, что престол твой непоколебим,
Что, как утес средь бурь, стоит твоя держава,
Что ввек твои слова — закон рабам твоим.
Но и для них придет пора освобожденья,
Когда луч истины проникнет их умы;
Не вечен будет сон: настанет пробужденье,
И устыдится Русь невежественной тьмы,
И вырастет тогда общественное мнение,
Признает русский царь народные права,

К гражданской доблести воскреснут поколенья,
Свободно потекут и мысли, и слова.
Молись, чтобы тогда не выстрадали внуки
За всё величие, за все твои дела!
Молись, чтобы без слез, без крови и без муки
Освобождения минута перешла!
Молись, чтоб луч один теперешней святыни
В печальный час твоих потомков осенил,
Чтобы грехи отца не наказались в сыне.
Молись, чтобы тебя народ твой позабыл!

Когда над обществом господствует порок,
В годину злую испытанья,
Встает среди людей восторженный пророк,
Чтоб братьям облегчить страданья.
Спокойно будущность указывает он:
Пусть мчатся годы за годами,
Пусть торжествует зло — божественный закон
Вновь воцарится над умами.
Не сомневайтесь — отчаяние грех!
Постигнут кары святотатство —
И будет лишь один тогда закон для всех:
Свобода, равенство и братство!

Январь 1852

2

РУССКОМУ НАРОДУ

Ты вставай, во мраке спящий брат!

Хомяков

«Меня поставил бог над русскою землею,—
Сказал нам русский царь.—
Во имя божие склонитесь предо мною,
Мой трон — его алтарь.
Для русских не нужны заботы гражданина —
Я думаю за вас;
Усните — сторожит глаз зоркий властелина
Россию всякий час.
Мой ум вас оградит от чуждых нападений,
От внутреннего зла;

Пусть ваша жизнь течет вдали забот,
в смиренье,

Спокойна и светла.

Советы не нужны помазаннику бога:

Мне он дает совет;

Народ идет за мной невидимой дорогой,

Один я вижу свет;

Гордитесь, русские, быть царскими рабами:

Закон вам — мысль моя;

Отечество вам — флаг над царскими дворцами;

Россия — это я!»

Мы долго верили: в грязи восточной лени

И мелкой суеты

Покорно целовал ряд русских поколений

Прах царственной пяты.

Бездействие ума над нами тяготело!

За грудями бумаг,

За перепискою мы забывали дело

В присутственных местах.

В защиту воровства, в защиту нераденья

Мы ставили закон;

Под буквою его скрывалось преступленье,

Но пункт был соблюден.

Своим директорам, министрам мы служили,

Россию позабыв;

Пред ними ползали, чинов у них просили,

Крестов наперерыв.

И стало воровство нам делом обыденным:

Кто мог схватить, тот брал;

И между нами тот был более почтенным,

Кто более украл.

Развод определял познания генерала,

Он глуп или умен,

Церемоньяльный марш и выправка решала,

Чего достоин он.

Бригадный генерал был лучший губернатор,

Искуснейший стратег,

Отличный инженер, правдивейший сенатор,

Честнейший человек.

Начальник, низшего права не соблюдая,

Был деспот, полубог;

Бессмысленный сатрап был царский бич для края,

Губил, вредил где мог.

«Быть может, он и прав... Да, жалко
вольнодумца...

Но что за дело нам?»

Гордились мы одним: могуществом России
В собрание королей;

«Что нам,— мы думали,— их укоризны злые,
Мы все-таки сильней».

Когда на площади пред царскою коляскою
Шли стройные полки,

Знамена веяли, блестели грозно каски,
И искрились штыки,

И над колоннами, окрестность оглашая,
Гремел приветный клик,—

Мы верили на миг: сильна страна родная
И русский царь велик.

Мы верили, гордясь необозримым краем,
Мильонами штыков:

Не любят нас за то, что мы преобладаем
Над сонмищем врагов.

И вот ударил час: британские витии
Пустили в оборот

Народов ненависть давнишнюю к России,
И наступил расчет...

И бросил Францию в кровавый путь сражений
Венчанный интриган,

И стала Австрия готовиться к измене:
Встал враг от всяких стран...

А мы?.. Смеялись мы началу непогоды,
Мы гордо шли на бой.

«Пусть,— говорили мы,— безумствуют народы;
Силен наш край родной.

Предвидел русский царь давно уже волнение,
Всё приготовил он,

И мировой борьбы ждет тяжкое мгновение,
Спокоен и силен».

И крепче прежнего сбирались мы вокруг трона,
Внимая бранный клик;

Давали богачи отчизне миллионы,
Свой грош давал мужик...

И что ж? Застал врасплох нас взрыв вражды народной;
В тяжелый, мрачный час

Объял посланников сон глупости природной:
Все обманули нас.

Куда девались солдатом миллионы?
Где был готов отпор?
Мы всё не верили, а слышались уж стоны
Из-за Кавказских гор;
Пределы русские война уж разоряла,
Уже страдал народ,
С креста Исакия Россия различала
Британский гордый флот.
Один курьер идти вперед нес приказанье,
Другой — идти назад,
И двигались войска без цели, без сознанья —
То был уж не парад...
И было мало нас везде, где враг являлся.
Солдат наш грудью брал;
Глупее прежнего зато распоряжался
Парадный генерал.
Там отступали мы от фортотв Силистрии
С потерей и стыдом,
Здесь унижали мы достоинство России
Пред габсбургским орлом;
Тут берег финский весь был предан разграбленью;
Там гордый адмирал —
Амфибия, герой проигранных сражений —
Своей земли не знал;
Толпой любимчиков ничтожных окруженный,
Он погубил наш флот;
Паркетный бонмотист, шут колкий и надменный,
Злой гений — для острот...
Он защищает Крым, высочествам с почтеньем
Он раздаёт кресты...
А русских кровь течет... враг ближе к укреплениям...
Россия! Где же ты!

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством!
От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движение,
Черед уж за тобой!

Давно гнетут тебя наследники Батыя,
Нет права для тебя...
Проснись, проснись! Восстань, несчастная
Россия!

Твой бог зовет тебя...
Не в звучном пении торжественного клира
Пред ликом золотым,
В живой душе ищи глагол владыки мира,
Внимай словам живым!
Встань: ты пред идолом колена преклоняешь,
Внимаешь духу лжи;
Свободный, вечный дух ты рабством
оскверняешь...

Оковы развяжи!
Восстань, свободная, пред силой беззаконной,
Пред хаосом властей!
От неурядицы спасенье, оборону
Ищи в душе своей!
Припомним, русские, печальную годину,
Пору великих смут,
Когда боярин-князь по слову мещанина
Шел на кровавый суд;
Когда поляк царил над матушкой Москвою,
Огромным пустырем
Лежала наша Русь; шла челядь злой толпою
За тушинским царем...
Но в день безвластия проснулась Русь родная,
Сознанием сильна;
Живой глагол прошел от края и до края,
И поднялась она...
Встань на анархию чиновных мандаринов
Теперь, как под Москвой
На крамолу бояр, на ляхов и литвинов
Ты шла живой стеной!
Пред тронем деспота, без криков и проклятий
Предстань судьей, народ!
За славу русскую, за кровь всех падших братьев
Пускай он даст отчет...

Скажи ему: не бог вознес тебя над нами;
Твой трон — не божий трон,
Не он нас осудил твоими быть рабами!
Нет! рабство — не закон!
Где знаки твоего божественного права?

Где чудеса твои?
Где кротость голубя — свидетель нелукавый?
И мудрость где змии?
Россия облекла тебя верховной властью,
Ты на земле был бог —
Владел ли ты собой? повелевал ли страстью?
Всё ль совершил, что мог?
Читаешь ли ты, царь, прозрением пророка
В умах, в сердцах людей?
Ты ненавидишь ли слуг лести и порока?
Живешь ли для детей?
Ты слушаешь ли, царь, глас божий — глас
народа?

Зовешь ли в свой совет
Ты крепких доблестью — не знатностию рода,
Не древностию лет,
Не раболепных слуг, не алчных чиновлюбцев,
Клеветников, ханжей,
Продажных обирал, развратных сластолюбцев,
Бесчувственных судей?
Нет, увлекался ты неведеньем и страстью,
Ты прямодушье гнал;
В опасную игру своей играл <ты> властью —
И Русь позабывал;
Ты делал всё смотри; ты отменял султаны;
Наперекор уму,
Под предложением невежды, шарлатана
Писал: «Быть по сему»!
Ты собрал цензоров презренную породу,
Чтоб сон твой охранять,
Чтобы не видеть слез, не слышать стон народа,
Чтоб правде не внимать...
Ты предал истину на тяжкие мученья,
На смерть ее обрек.
— Распни, распни ее! — кричали в исступленье
Безумство и порок.
Она истерзана, оплевана рабами,
В ночь погребена;
На камень гробовой нечистыми руками
Печать наложена,
И стражу строгую над грозною могилой
Поставил фарисей.
И деспот говорит, гордясь своею силой:
«Нельзя воскреснуть ей».

Но видишь ли: заря зажглася на востоке —
То третий день настал...
Давно тот светлый день провидели пророки;
Довольно мир страдал...
Ты видишь ли: в огне несутся херувимы
С пылающих небес...
Ты слышишь ли — гремит их глас незаглушимый —
Христос, Христос воскрес!
Воскресла истина! На суд собирайтесь строгий
Пред скипетром ея,
Монархи-деспоты, земные полубоги!
Грядет ваш судия!
Предстань, царь, пред судом истории, закона,
Пред Божиим судом!
Ты правду отвергал, ты попирал свободу,
Ты был страстей рабом;
Россию погубил ты гордостью пустою
И мир вооружил...
Смирись пред братьями, пред родиной святою:
Ты немощен и хил.
«Простите мне, — скажи, — мое забвенье, братья!
Мне нужен ваш совет;
Откройте грешнику народные объятия —
Другой опоры нет...»
Смирись; летят часы; пройдут дни испытанья,
История не ждет...
И грозно под тобой волнуется в молчанье
Проснувшийся народ.

Декабрь 1854

В. С. КУРОЧКИН (?)

20. РУССКИЙ ПЕВЕЦ

При разделе мира
Мне сказал Зевес:
«Вот тебе, брат, лира,
Вот клочок небес.
Полную свободу
Дам тебе кругом —
Пой себе природу
И Романов дом!»

Полон мощной веры,
Я пошел в леса:
Надо мною серы
Были небеса;
Тучи, как в дремоте,
Плыли над рекой —
Город на болоте
Встал передо мной.

Звезды генералов
Озаряли путь;
Несколько журналов
Силились раздуть
Где-то в тьме безличья
Тлевший огонек —
Русского величья
Маленький залог.

На плацу солдаты;
Делал царь развод;
Пастырь бородатый
Поучал приход;
Под кнутом боярским,
Взятку дав властям,
Раб кадил о царском
Здравье фимиам.

Прелесть царской власти
В сердце ощутив,
Укротил я страсти
Бешеный порыв.
К нежным песням склонность
Вдруг я возымел
И цепей законность
Сладостно воспел.

Рабства все разряды,
Каждый звук цепей,
Взятки, мрак, парады,
Шалости царей,
Крепостное право —
Пел в поту лица
И облекся славой
Русского певца.

Нынче будто стали
Строже к соловью.
Громовержец! Я ли
Без усердия пью
Из Фонтанки воду,
Чтобы петь потом
Серую природу
И Романов дом!

(1857)

В. С. КУРОЧКИН

21. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да никак ты о двух головах!»

Я нашел, друзья, нашел *и проч.*

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью
Заклеймен двуголовым орлом.
Наш брат, русский, уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется,
Оттого что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел *и проч.*

Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят
На обоих бортах вицмундира
По шести двуголовых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зеркалом, внушающим страх,—
А уж грабит, так грабит здорово
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел *и проч.*

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего.
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

<1857>

Н. П. ОГАРЕВ

22. ПРЕДИСЛОВИЕ (К «КОЛОКОЛУ»)

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребенка мощного давил,
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,
Какая есть в ребенке сила:
Рука ее не задушила —
Сама с натуги замерла.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни,
А потому, что здесь язык
К свободному мыслию привык —
И не касался окова
До человеческого слова.

Привета с родины далекой
Дождался голос одинокой,
Теперь юней, сильнее он...
Звучит, раскачиваясь, звон,

И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет
И крепко на ноги не станет!
И, непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознанием доблести спокойной,
Звонить во все колокола.

Май или июнь 1857

В. Р. З О Т О В

23. ШАРМАНКА

(К воспоминаниям о Незабвенном)

По дворам таскал старик
Тридцать лет шарманку,
Он вертеть ее привык:
Вертит спозаранку,
Вплоть до полночи глухой,
На потеху людям;
Той шарманки писк и вой
Мы не позабудем:
Что за музыка, ей-ей,
Не поймешь, хоть тресни!
И всего-то были в ней
Три плохие песни:
Бога славил одна,
А царя — другая,
Третья — ужас как длинна —
Честь родного края.
Многих не было в ней нот,
Так что слушать гадко,
Всё визжит, бренчит, скребет,
Не выходит гладко.
И не то чтоб стар уж так
Инструмент потешный;
Сколотил его варяг,
Северян, не здешний;

Им вертеть потом пошла
Русопетов стая,—
Что за музыка была,
Бестолочь родная!
Наконец им завладел
Удалой татарин
И шарманку завертел
Молодцом, как барин.
С нею пробовал потом
И поляк возиться,
Но ни силой, ни трудом
Ладу не добиться,
Всё фальшивила она,
Шла в разлад со светом —
Инструмента ли вина,
Мастера ли в этом?
Леший сам не разберет!
Вскоре отыскался
Для шарманки доброхот
И чинить принялся.
Придал ей он новый вид
И покрой немецкий,
А шарманка всё скрипит
И пищит по-детски.

Вот шарманкой завладел
Наш шарманщик ярый,
Повернул, пересмотрел —
Песни больно стары.
Он навел на крышку лак,
Починил снаружи,
А внутри осталось так,
Даже стала хуже.
Сам он видит, что она
Уж пришла в негодность,
Что в ней лопнула струна,
Певшая *народность*,
Что осипла в ней давно
Песня *православья*,
Что поправить мудрено
Хрип *самодержавья*.
«Ведь починка труд большой,
А на век мой станет!

Да и внутрь шарманки той
Вряд ли кто заглянет!» —
Так шарманщик рассуждал —
Видно, что дубина,—
И шарманку ту взвалил
Он на плечи сына.
Сын справляет день и ночь
Старую работу,
Хоть вертеть ему невмочь,
Да и не в охоту:
В том труде не быть пути,
Так и жди — порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг,
Взяться бы за разум,—
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом,
Если ты под звук заснешь
Льстивого напева
Иль, забывшись, повернешь
Справа да налево.

1855 или 1856 (?)

Н. П. ОГАРЕВ

24. С ТОГО БЕРЕГА

Молчат. Топор блеснул с размаха,
И отскочила голова.
Всё в поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.

Пушкин. «Полтава»

На утесе на твердом сию я и слушаю:
Море темное плещет, колышется;
И хорош его шум, и безрадостен,
Не наводит на помыслы светлые.
Погляжу я на берег на западный —
И тоска берет, отвращение;
Погляжу я на дальний на восток —
Сердце бьется со страхом и трепетом.

Голова так и клонится на руки,
И я слушаю, слушаю волны — да думаю,
А что думаю — говорится вслух,
Не то оно песня, не то сказание.

Погляжу я на берег на западный,—
Вот что было там, что случилось.
Мерзлым утром рано-ранехонько
Выступали полки, шли по улице;
Громко конница шла, стуча копытами,
Мерно пехота шла, раз в раз, не сбиваясь;
Гул тяжелый несся от поступи.
Барабаны трещали без умолку,
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орел сидит,
А орел — птица кровожадная!
А пришли полки, стали на площадь,
Средь площади плаха воздвигнута.
За полками народу тьма тьмущая;
Все на плаху глядят и безмолвствуют.
Тишина была страшная, гробовая.
Вот на площадь ввели двух колодников,
Что задумали подорвать кесаря;
Не хотели они орла кровожадного
Али ястреба, падалью сытого.
Вот ввели их, двух колодников,
А ввели их со солдатами,
А солдаты со саблями с обнаженными —
Для двух скованных сила грозная!
И пришли они, два колодника,
По морозцу пришли босоногие,
Два попа им лгали милость божию.
И пришли они, два колодника,
А затылки у них острижены,
Топору чтоб помехи не было.
И надели на них, на колодников,
Покрывало черное на каждого:
За отцеубийство казнить их велено.

Да отец-то где ж, вы скажите мне?
Разве тот отец, кто казнить велит,
Кто казнить велит, а не миловать?
Ах, лжецы вы, лжецы окаянные!
Погляжу на вас да послушаю —
Так с отчаянья индо смех берет.

И пошли на плаху колодники.
Шли спокойно они и безропотно,
Перед смертью только воскликнули:
«Эх! да здравствует наша родина
И другая страна, столь любимая,
Где теперь мы слагаем головы,
А в любви к ней не раскаялись!»
И попадали обе головы,
И палач склал обе головы в мешок,
А безглавые тела повалил на телегу,
Повезли спозаранку к ночлегу.

И безмолвный народ по домам пошел,
Кто понурясь пошел с горькой горестью,
А иной был рад, что бог милость дал
Увидать на веку дело редкое.
Постояли полки — делать нечего,
И пошли опять стройной выстройкой,
Только гул стонал от их поступи.
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орел сидит,
А орел — птица кровожадная!

Кровожадная она и не новая:
В стары годы ее на знамени
Гордо-лютые носили римляне.
И у них был Брут, убил кесаря,
И была ему слава великая.
Да не впрок пошло убиение,—
Сам народ был раб, по душе был раб,
И пошли всё кесари да кесари;
Много крови лилось человеческой...
Сказка старая, невеселая!

Погляжу я на дальний на восток:
Там мое племя живет, племя доброе.
Кесарь хочет ему сам свободу дать,
Хочет сам, да побаивается.
Если кесарь сам нам свободу даст,
Он не кесарь — новый дух святой!
Ну! да как же кесарю нам свободу дать?
У него всё ж орел на знамени:
Дух святой являлся в виде голубя,
А орел — птица кровожадная!

Верить хочется — и не верится,
С думы сердце в груди надрывается.

И всё жаль мне их — этих двух людей,
Что сложили свои головы
Так спокойно и так доблестно,
Перед смертью только воскликнули:
«Эх! да здравствует наша родина
И другая страна, столь любимая,
Где теперь мы слагаем головы,
А в любви к ней не раскаялись!»

Моя песня — не просто сказание,
Моя песня — надгробное рыдание
По людям, убиенным за родину,
За любовь к воле человеческой,
По мученикам, по праведным,
Святой вольности угодникам.
Моя песня — не просто сказание,
Моя песня — надгробное рыдание:
Из груди она с болью вырвалась,
От глубокой тоски сказала...
Ты лети ж, моя песня скорбная,
Через море, море шумное,
Долетай до людских ушей,
Пусть их слушают хотя-нехотя.
Кто в душе грешон — тот пусть бесится,
До него мне и дела нет;
А прямая душа — пусть прочувствует,
Горькой думою призадумается.
А не тронешь из них ни единого, —
Лучше ж, песня ты моя скорбная,
Потони ты в плеске волн морских,
Без следа развейся по ветру.

Март — апрель 1858

25. СОВРЕМЕННОЕ

Вот Семен Авдеич
Крикнул, зло немножко:
«Филька!.. ерофеич!..
Всё сосет под ложкой.
Ты, дурак, скажи-ка —
Врал там кто с тобою,

Даст-де царь великой
Волю да с землею?
Что ж? Поверил сдуру?
А? Холопья морда!
Ты свою фигуру
Держишь больно гордо.
Эдак мне умыться
От тебя, крамольный,
Скоро не добиться:
Скажешь — я-де вольный!
Ну! вы что от воли
Ждете за послугу?
Излентиться, что ли,
Да и спиться с кругу?
Чай, мой дед не даром
Вас купил с землями
И причислен к барам:
Нажил всё трудами;
Долго службу правил,
Исполнял веленья
И себе составил
Важное именье.
Ну! С твоей ли рожей
Станешь ты вдруг волен?
Спи себе в прихожей
Да и будь доволен!»

«Эх! Семен Авдеич!
Успокойтесь, барин,
Пейте ерофеич,
Век у нас бездарен.
Те, к царю кто ближе,
Наши лиходеи,
Думают как вы же,
Тупы и злодеи.
Неизвестно, что ли,—
Там всё разговоры:
Не дадут нам воли
Панины да воры;
Так восторжествуют,
Так подпустят шпильку,
Что кругом надут
И царя, и Фильку!»

Август 1858

26. ИАКОВУ РОСТОВЦЕВУ

В ДЕНЬ ЕГО ЮБИЛЕЯ, 23 ДЕКАБРЯ 1856 ГОДА

Когда деспот от власти отрекался,
 Желая Русь, как жертву, усыпить,
 Чтобы потом верней ее сгубить, —
 Свободы голос вдруг раздался,
 И Русь на громкий, братский зов
 Могла б воспрянуть из оков:
 Тогда, как тать ночной, боящийся рассвета,
 Позорно ты бежал от друга, от поэта,
 Взывавшего: «Грехи жидов,
 Отступничество униатов,
 Все преступления сарматов
 Принять я на душу готов,
 Лишь только б русскому народу
 Вновь возратить его свободу!»
 Ты убежал! Куда ж? — В Аничковский дворец.
 И приумножил ты грехи жидов, сарматов,
 Отступничество униатов:
 Ты деспоту скрепил шатавшийся венец.
 И как презрительна, подла твоя услуга!
 Ты указал ему на друга,
 По пальцам жертвы сосчитал;
 Деспот их всех арестовал —
 И пала русская свобода!
 И друг твой, честь, краса народа,
 Повис на петле роковой!..

Скажи, ужель ни в размышленьях,
 Беседах с собственной душой,
 Ни покаянья в час святой,
 Ни даже в темных сновиденьях
 Ни разу ты не вспоминал,
 Как друг твой в воздухе качался,
 Как он весь корчился, дрожал
 И как мучительно скончался?
 Ужель тебе глас совести твоей,
 Во весь период долгой жизни,
 Ни разу не шепнул, что ты — злодей,
 Продажный враг своей отчизны!..

Печальных две картины знаю я:
 В одной — ты сам; рука твоя
 Рылееву сжимает руку;
 В другой — Иуда, во уста
 Лобзающий Христа:
 И друг, и ученик равно ведут на муку!..
 Но нет! С Иудой не сравню
 Я душу черствую твою!
 В раскаянье Иуда удавился,
 А ты всегда своим предательством гордился,
 И возвышал тебя деспот
 Как самовластия и подлости оплот.
 Потом, чтобы не дать опомниться народу,
 Чтоб окончательно убить его свободу,
 Он поручил тебе воспитывать детей!
 Сынам России благородной
 Он указал идти твоей тропой позорной,
 Сосать млекó души твоей,
 Души безнравственно-тлетворной!
 Ты долг свой выполнил пред дэспотом-царем:
 Программы всех наук раздуты пузырем,
 Подчинены науки барабану,
 В младенчестве задавлен человек
 И ход открыт бездушному болвану;
 Умы отдвинуты назад на целый век,
 А нравы чистые, а чувства семьянина,
 А долг и доблесть гражданина
 Убиты наповал!..
 Теперь, исполненный отваги самохвал,
 Ты вздумал сам себя потешить юбилеем:
 Ты приказал своим лакеям,
 Чтоб в честь твою задали пиршество,
 Чтоб каждый, позабыв нужду, свою злодейку,
 На пир твой отдавал последнюю копейку
 И восхвалял тебя, как будто божество!
 Но ты забыл: дела и помыслы людские
 Рассудит бог, узрит потомства верный взор.
 Твой юбилей есть стыд России
 И человечеству позор.
 Придет пора — и летопись науки
 Предаст тебя проклятью, Герострат,
 И от тебя твои родные внуки
 Откажутся не трижды, но стократ.

21—22 декабря 1856

Грустно матушке России,
 Грустно юному царю.
 Царь покойный гнуть лишь вы
 Дворню выучил свою.

Грустно! Думаю я часто
 Про отечество отцов:
 Незабвенный лет *ведь на сто*
 Заготовил дураков!

(1858)

П. И. ВЕЙНБЕРГ

28. ГИБКИЙ ЧЕЛОВЕК

Посв. Михайле Ивановичу

Я составил себе положение —
 Без связей, без протекций, один.
 У меня славный дом и имение,
 Ордена и почетнейший чин.
 Оттого что сгибаться почтительно
 Было делом святым для меня.
 Говорят: шею гнуть унизительно!
 Это всё пустяки, болтовня;
 Это мелют философы новые
 (Упаси и избави нас бог!),
 Это всё либералы суровые,
 Без чинов, кошелька и сапог.
 Я таким убежденьям не следую,
 Не такая натура моя.
 Сыновьям я своим проповедую:
 Дети: гнитесь — как гнулся и я.
 У меня был заступник сиятельный,
 Оттого он и силу мне дал,
 Что чиновник я смиренный, искательный
 И ему, как никто, угождал.

Раз — помню — пришел я с докладами, —
Перед ним его младшая дочь.
На нее он сердитыми взглядами
Смотрит сумрачен, грозен как ночь;
Обернулся ко мне и с суровою
Миною мне он изволил сказать:
«Что мне делать с девчонкой бедовою?
Мне не хочет руки целовать!
Покажи ей пример послушания,
Одолжи ты меня, старика:
Поцелуй для ее назидания».
Тут его протянулась рука.
В ту ж минуту смиренно, почтительно
Подбежал я, согнувшись дугой,
И губами своими чувствительно
Приложился к руке дорогой.
Помню также другой замечательный,
Славный случай из жизни моей.
Было лето: начальник сиятельный
Жил в то время на даче своей.
В вицмундире, навесив отличия,
Я являюсь к нему, только вдруг
Говорит он: «Такие приличия
Бесполезны на даче, мой друг.
Здесь не город, тебе позволительно
В сюртуке здесь стоять предо мной».
Я ни слова: согнулся почтительно
И из комнаты мигом домой;
Снял тотчас я свои украшения,
Взял сюртук у лакея его
И, исполнен святого смирения,
Перед шефа предстал своего.
Много, много услуг я оказывал,
Чтобы быть у него на виду:
Для него я обеды заказывал,
Расчищал я дорожки в саду,
На лошадке сыночка прокачивал,
У супруги болонок чесал,
В магазины по счетам уплачивал
И провизию в дом припасал.
По его одному мановению,
Голос сердца в себе затая,
Правых я подвергал осуждению
И виновных оправдывал я.

Чуть кого награждал он любовью,
Я того принимался любить;
Никакому ни в чем прекословию
Не давал из себя выходить.
Оттого я вознесся значительно,
Оттого сила есть у меня...
Говорят, шею гнуть унизительно!
Это всё пустяки, болтовня.

<1860>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

29. УРАЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Как по реченьке
По мутнешенькой
Неснащенное
Судно плавало.
Как снесло его
Путем-нёпутью,
А мутной струей
В море синее.
Поперек и вдоль
Всё исплавало,
Пополам с горем
Всё изведало.

Порасшатанный
Руль навесили,
Позаплатанный
Парус подняли,
А на ту беду
С зари утренней —
Злая непогодь,
Необходимая
Не косым реем
И не веслами...
Приросло ко дну
Двойным якорем.

Много вынесло
Бурь, невзгодушек;

Горек был настой
Соляной воды.
Ждет погодушки,
Что не жалуясь
На судьбу свою
Горемычную;
Чаёт волюшки,
Что не радуясь,
Глядя в зеркало
Моря мутного.

Отдало свои
Все подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.
Расплылись они
По всем речушкам,
Разбрелися вдоль
По мутнешеньким:
По Днепру, Дону,
Волге-матушке,
По золотну дну,
По горыничу.

То не вороны
От обеих зорь
На гребцов пали
Тучей черною:
Цари-кормщики —
Императоры,
Рулевые их —
Губернаторы.
Не сизой орел
Из-за тучи той
Змией-молнией
Снесся на корму.

И собрал, созвал
Милых детушек
Под свое крыло
Неразрывное:
То вспорхнул орлом
Вечевой наш дух,
И пал на корму
Мировой наш круг.

И сплылись в круг
Все подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.

Он одним крылом
Бился с тучею,
А другим — с волной
Всё кипучею, —
И суденышко
Всею грудью крыл,
И подчалочки
Меж широких крыл.
Уходила
Туча черная,
Уложилась
Волна бурная.

Засветилась
Заря алая,
И суденышко,
Тихо плавая,
Всё идет вперед,
Не торопится,
На стояньице
Не воротится:
Всё нажитое
Не взято займом,
А прожитое
Поросло быльем.

(1861)

М. Л. МИХАЙЛОВ

30. ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчет произвол.

И чем жизнь честней и чище,
Тем нещаднее судьба;
Раздвигайся ты, кладбище,
Принимай гроба!

Гроб вчера, и гроб сегодня,
Завтра гроб... А мы стоим
Средь могил и... «власть господня»,
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Жаждой правды изнывая,
В темном царстве лжи и зла
Жизнь зачала молодая,
Гнета не снесла!

Ты умолк, но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба?
Что любовь молчит?»

Иль в любви у вас лишь слезы
Есть для ваших кровных бед?
Или сил и для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья! Пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова,—
И, ликуя, зверски зол,
Тризна мысли, тризна слова
Правит произвол.

20 ноября 1861

31. МИХАЙЛОВУ

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь —
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепenea, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал —
В рядах один из наших пал!..
И гнева трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед, вперед! Разрушен страх —
И гордый враг падет во прах.

Ты эта жертва! За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьм, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалеи!

Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор
Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли —
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово «казнь» не произнес,
Но до пощады не дорос,
Мозг узок и душа мелка —
Мысль милосердия далека.

Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,
И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закован в желёзы, с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною снежною степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

И верь неослабно, мой мученик ссыльный,
Иной рудокоп не исчез, не потух —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный дух;

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвье ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отвинет,
На праздник народный тебя призовет.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

1861

32. УЗНИКУ

Из стен тюрьмы, из стен неволи
Мы братский шлем тебе привет.
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!

Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать.

Но день придет, и на свободе
Мы про тебя расскажем всё,
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам;
Верь — плод взойдет и наше племя
Отмстит сторицею врагам.

И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя!

Ноябрь 1861

М. Л. МИХАЙЛОВ

33. ОТВЕТ

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенья
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнания
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

Конец ноября 1861

Н. П. ОГАРЕВ

34. «СИМ ПОБЕДИШИ»

(Ответ писавшему «Братское слово», «Колокол», № 171)

Мой друг, твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет.
А есть с чего сойти с ума
Или утратить силу веры —
Так зверств и подлостей чума
Россией властвует без меры!

И вот пришло на память мне,
Как в старину, никем не знаем,
Бывал, спасаясь в тишине,
Отшельник адом искушаем.
Из тьмы углов, из черной мглы,
Из-за полуночной завесы,

И отвратительны и злы,
Его смущать являлись бесы,
А он крепился и мужал
И призрак верой побеждал.

Мой друг, твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет,
И верю, верю я в исход
И в наше светлое спасенье,
В землевладеющий народ
И в молодое поколение.
И верю я — не вдалеке
Грядет, грядет иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — *Земля и Воля!*

Сентябрь или октябрь 1863

В. С. КУРОЧКИН (?)

35

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти,—
Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись,
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечьё стадо,—
Стричь да брить нас надо.
Про царей попы твердили миру
Спьяна или с жиру —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин, до бога высоко,
До царя далеко;

Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Всё не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малыим начальством.
Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слышал о 25-м годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело,
И сложили головы за братьий
Пестель да Кондратий.
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

(1861)

Н. П. ОГАРЕВ

36. ДО СВИДАНИЯ

Смолкает «Колокол» на время,
Пока в России старый слух
К свободной правде снова глух,
Пока помещичье племя
Царю испуганному в лад
Стремится всё вести назад.
И вновь касается окова
До человеческого слова.
Но вспять бегущая волна
Не сгубит дерзостным наплывом

Раз насажденные по нивам
Свободы юной семена.

Смолкает «Колокол» на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится, как ненужный сон,
И снова наш раздастся звон,
И снова с родины далекой
Привет услышится широкой,
И, может, в наш последний час
Еще светло дойдет до нас —
Как Русь торжественно и стройно,
И непорывисто смела,
С сознанием доблести спокойной
Звонит во все колокола!

Июнь 1867

К. Ф. РЫЛЕЕВ.
ДУМЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ

Лондон. 1860

Н. П. ОГАРЕВ

37. ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья
И в первый русский вольный день,

В виду молодого поколения,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая, и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоеет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

1859

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
XIX СТОЛЕТИЯ

Отдел первый. Стихотворения.
Часть первая. С предисловием Н. Огарева

Лондон. 1861

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

38. НА СМЕРТЬ ПОМЕЩИКА ОЛЕНИНА,
УБИТОГО КРЕСТЬЯНАМИ ЗА ЖЕСТОКОЕ
ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Перед гробницею позорной
Стою я с радостным челом,
Предвидя новый, благотворный
В судьбе России перелом.

О славном будущем мечтаю
Я для страны своей родной,
Но о прошедшем вспоминаю
С негодованьем и тоской.

На муки рабства и презренья
Весь род славянский осужден,
Лежит печать порабошенья
На всей судьбе его племен.

И Русь давно уж подчинилась
Иноплеменному ярму,
Давно безмолвно покорилась
Она позору своему.

В цари к нам сели скандинавы,
Теснили немцы нас. Царьград
Вносил к нам греческие нравы
И всё вертел на новый лад.

Потом, при этом рабстве старом,
Доставшись новым господам,
Русь в пояс кланялась татарам
И в землю — греческим попам.

Сперва под игом Русь стонала,
Кипело мщение в сердцах,
Но рабство и тогда сыскало
Себе защитников в попах.

«Покорны будьте и терпите,—
Поп в церкви с кафедры гласил,—
Молиться богу приходите,
Давайте нам по мере сил».

Века промчались. Поколенья
Сменялись быстрой чередой.
В повиновенье и терпенье
Нашли обманчивый покой.

Природными рабами были
Рабы, рождаясь от рабов,
И, как веленья бога, чтили
Удар кнута и звук оков.

И пред баскаками смиренно
Князья их падали во прах...
Но гибнет мощь татар мгновенно
В домашних распрях и войнах.

Орда разбилась. Русь свободна...
Но с рабством русские сжились,—
Они, не умствуя бесплодно,
От воли сами отреклись.

Зато князья, увидев ясно,
Что не рабы они теперь,
Принялись править самовластно,
С господ ордынских взяв пример.

Как из лакеев управитель,
Как дворянин из мужиков,
Таков же вышел повелитель —
Царь-самодержец из рабов.

И деспотизмом незаконным
Довольно Русь угнетена;
И до сих пор в забытьи сонном
Молчит и терпит всё она.

Царь стал для русских полубогом,
Как папа средневековой;
Но не спокойствия залогом
Был он, а гибельной грозой.

Но пусть бы так!.. Еще России
Полезны дядьки и лоза;
Пусть предрассудки вековые
Рассеет царская гроза;

Пусть сказки нянек царь прогонит,
Пусть ум питомца развернет,
Сомненья искру в нем заронит,
К любви, к свободе приведет.

Тогда пусть правит. Но неведом
Ему язык высоких дум;
Но чужд он нравственным победам,
Но груб и мелочен в нем ум.

Но шесть десятков миллионов
Он держит в узах, как рабов,
Не слыша их тяжелых стонов,
Не ослабляя их оков.

О Русь! Русь! долго ль втихомолку
Ты будешь плакать и стонать
И хищного в овчарне волка
«Отцом-надеждой» называть?

Когда, о Русь, ты перестанешь
Машиной фокусника быть?
Когда проснешься ты и встанешь,
Чтобы мучителям отмстить?

Проснись, о Русь! Восстань, родная!
Взгляни, что делают с тобой!
Твой царь, себя лишь охраняя,
Сам нарушает твой покой.

И сам, в когтях своих сжимая
Простых и знатных, весь народ,
Рабов чиновных награждая,
Такое ж право им дает.

И раб разумно рассуждает:
«Я сам покорствую царю;
Коль он велит, то умолкает
Честь, разум, совесть — я творю.

И раб мой, ползая во прахе,
Пусть, что велю ему, творит;
Пусть в угнетении и страхе
И ум и совесть заглушит.

Он мой! Он должен отступиться
От прав, от чести... от всего...
Он для меня живет, трудится;
Мои — плоды трудов его».

И в силу мудрого решенья
Он мучит бедных мужиков,
Свои безумные веленья
Законом ставя для рабов.

Какой-нибудь крючок приказный,
За подлость «статского» схватив,
Солдат, бессмысленный и грязный,
Дворянство силою добыв;

Князь промотавшийся, мильоны
Взяв за купеческой женой;
Безвестный немец, жид крещеный,
Нажившись на Руси святой,—

Все ощущают вдруг стремленье
Душáми ближних обладать,
Свое от высших униженье
Чтоб на подвластных вымещать.

И хладнокровно приступает
К позорной купле старый плут,
И люди братьев покупают!..
И люди братьев продают!..

Ужасный торг. Он — поношенье
Покупщикам и продавцам,
Царю и власти униженье,
Всему народу стыд и срам.

Какой закон, какое право
Торг этот могут оправдать?
Какие дикие уставы
Дозволят ближних продавать?

Не ты ль, наш царь, с негодованьем
Продажу негров порицал?
Филантропическим воззваньем
Не ты ль Европу удивлял?

А между тем в твоей России
Не негры, пленники войны, —
Свои славяне коренные
На гнусный торг обречены.

Скажите, русские дворяне,
Какой же бог закон изрек,
Что к рабству созданы крестьяне
И что мужик не человек?..

Весь организм простолюдина
Устроен так же, как у вас,
Грубей он, правда, дворянина,
Зато и крепче во сто раз.

Как вы, и душу он имеет,
В нем ум, желанье, чувства есть,
Он ложь высказывать не смеет;
Но и за это — вам же честь!

Свободы, мысли и желанья
Его лишили; этот дар —
Всех человеков достоянье —
Ему неведом: он товар.

О нем спокойно утверждают,
Что рабство у него в крови, —
И те же люди прославляют
Ученье братства и любви.

Сыны любимые Христовы,
Они Евангелие чтут
И однокровного, родного
Позорно в рабство продают.

И что за рабство! Цепь мучений,
Лишений, горя и забот;
Не много светлых исключений
Представит горький наш народ.

Всё в угнетенье, всё страдает,
Но всё трепещет и молчит,
Лишь втайне слезы проливает
Да тихо жалобы твердит.

Но ни любви, ни сострадания
Нет в наших барах-палачах,
Как нет природного сознанья
О человеческих правах.

На грусть, на плач простолюдина
Они с презрением глядят,
Рабы в руках их все — машина,
Они вертят ей как хотят.

Помещик в карты проиграет —
Завел машину: «Дай оброк!»
И раб последнее собирает,
Скрыв в сердце горестный упрек.

Но если бедный, разоренный
Неурожаем мужичок,
Большой семьей обремененный,
Не в силах выплатить оброк?

Так что ж! пусть мерзнет, голодает,
Пусть ходит по миру с семьей.
Свои права помещик знает
Над крепостной своей душой:

Он у раба возьмет корову,
Отнимет лошадь, хлеб продаст
И в назидание сурово
Ему припарку в спину даст.

И раб покорен, как машина,
Но хочет он и есть и пить,
И не во власти господина
В нем чувства тела истребить.

Меж тем и хлеб дневной не может
Он, как хотелось бы, иметь:
Гнилую корку часто гложет,
Пустые щи — его обед.

Изба соломою покрыта,
В ней тараканы, душь и смрад —
И вот всё доброе забыто,
Мужик пускается в разврат.

Пустеет хата, плачут дети,
Муж с горя пьет, да бьет их мать,
Не силен страх господской плети —
У них уж нечего отнять.

И, наконец, мужик несчастный,
Уже негодный для господ,
Для муки новой и ужасной
К царю в солдаты попадет.

Еще счастлив, когда он может
Мгновенно в битве умереть,
Но чаще в гроб его уложат
Труд, горе, бедность, розги, плеть.

Да еще крепкое сложенье,
Да мысль, что так велит судьба,
С привычкой давнею к терпенью
Спасают русского раба.

Лишь русский столько истязаний
С терпеньем может выносить,
Лишь он среди таких страданий
Спокойно может еще жить.

Но есть ужасные мученья,
Невмочь и русскому они,
И большей части населения
Они в России суждены.

Проступок легкий и ничтожный
И даже мнимая вина,
В чем мысль и правду видеть можно,
Всегда жестоко казнена.

Не может барину свободно
Всей правды высказать мужик,
Не может мыслить благородно,
Боясь бессовестных владык.

Не может барину ответить
На вздор и грубости его;
Не смеет даже он приметить
Уничуженья своего.

Владеть имуществом не смеет,
Не волен даже сам в себе,
Затем что барин им владеет,
Он господин в его судьбе.

И даже брачных наслаждений
Раб часто барином лишен:
Тиран для скотских наслаждений
Берет детей, берет и жен.

Считая барина священным,
Каким-то высшим существом,
Мужик пред деспотом презренным
Поникнет телом и умом.

А тот собаками для шутки
Начнет несчастного травить;
Велит в мешок на трое сутки
Позорно вплоть его зашить,

Иль на дворе в крещенский холод
Водой холодной обольет,
Или на жажду и на голод
Дня три-четыре предает.

Заставит голыми руками
Из печки угли выгребать
Иль раскаленными щипцами
На теле кожу припекать.

Льет кипяток ему на руки,
Сечет плетью по животу...
Но все их казни, все их муки
Я никогда не перечту.

Одну ужасную картину
Запомнил я до этих пор,
Как раз к вельможе-господину
Рабы являлись на позор.

С тупым, но злобным выраженьем,
С самодовольствием в лице,
К рабам проникнутый презреньем,
Сидел он гордо на крыльце.

И вот идут к нему в ворота,
Без шапок, кучка мужиков;
Грызет их бедность и забота,
Довольства нет в них и следов.

Печально, робкими шагами
Они к тирану их идут,
Стараясь угадать глазами,
Что — гнев иль милость — в нем найдут?

«Скоты! все станьте на колена!» —
Вдруг крикнул барин. Мужики
Со страхом падают; их члены
Дрожат, и чувства их горьки.

Они пришли сюда с прошеньем,
Чтоб их палач повременил
Оброк с них драть с ожесточеньем,—
Но сразу он их поразил.

Все в землю стучаются лбами
И на коленях все ползут...
Зачем? Они не знают сами,
Им на язык слова нейдут.

А он, смотря на них спесиво,
Дает им ближе подползать
И, точно папа, горделиво
Велит сапог свой лобызать.

Все исполняют. Лишь несчастный
Один остался средь двора,
И стал — бессмысленный, бесстрастный.
Теперь пришла его пора.

«Сюда!» — прикрикнул барин гневно;
Земной поклон ему мужик
И говорит ему плачевно:
«Отсохни, барин, мой язык!

Ей-богу, ноженьки разбило.
Тронуться с места не могу!
Я чуть доплелся. Кабы сила,
Тогда я первый прибегу».

С лицом больным, изнеможенным,
Дрожащий, бледный и худой,
Со взором тусклым, помраченным,
Был жалок он своей тоской.

Но барин крикнул: «Притащите
Его ко мне!» И вот мужик
Притащен. «Барин, пощадите!»
Но он щадить их не привык.

Вскочив, он начал кулаками
Бить в грудь и в щеки мужика
И, сбивши с ног, топтал ногами,
Толкал пинками под бока.

Потом за чуб поднял и снова
Его хлестать стал по щекам
И, в кровь избивши, чуть живого
На руки бросил мужикам.

И приказал, чтоб двести палок
Ему приказчик завтра дал;
Но завтра раб был меньше жалок:
Несчастный завтра не видал.

Запомнил я, в душе смятенной,
Его страдальческую тень...
Зовет она борьбы священной,
Суда и мщенья грозный день.

И, может, дружным, громким криком
Ответит Русь на этот зов,
И во дворянстве полудиком
Взволнует он гнилую кровь.

И раб, тиранством угнетенный,
Вдруг от апатии тупой
Освобождаясь, прервет свой сонный,
Свой летаргический покой.

И встанет он в сознание права,
Свободной мыслью вдохновён,
И гордых деспотов уставы,
Быть может, в прах низвергнет он.

Отмстит он им порабоженье
Свободы равных им людей,
Свои беды и поношенье
Крестьянских жен и дочерей.

Восстанет он, разить готовый
Врагов свободы и добра,
И для России жизни новой
Придет желанная пора.

Уже в ней семя жизни зреет,
Стал чуток прежний мертвый сон,
Зарей свободы пламенеет
Столь прежде мрачный небосклон.

И друг за другом грезы ночи
При свете мысли прочь летят,
И всё бледней и всё короче
Видений сонных пестрый ряд.

Без малодушия, боязни
Уж раб на барина восстал
И, не страшась позорной казни,
Топор на деспота поднял.

Вооружившись на тиранство,
Он вышел с ним на смертный бой
И беззаконному дворянству
Дал вызов гордый и прямой.

За право собственности личной,
За душу, наконец, он встал.
«Я не товар для вас обычный,
Душа — моя,— он им сказал.—

Протек для русского народа
Тьмы и тиранства долгий век,
Я жить хочу! хочу свободы!..
Я равен вам, я — человек!»

И пусть во всех концах отчизны
То слово мощно прозвучит,
Пусть всех возбудит к новой жизни
И гибель рабству возвестит!

И пусть злодеи затрепещут
И в прахе сгинут навсегда,
И ярким светом пусть заблещет
Величья русского звезда.

Вставай же, Русь, на подвиг славы —
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волнением
Твои полки увижу я!
О Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя,—

Когда, сорвав свои оковы,
Уж не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величье благородных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств —

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин —
И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

Начало 1855

39. ДРУЗЬЯМ В РОССИИ

(Перевод с польского)

(Из А. Мицкевича)

Вы вспоминаете ль меня? А я мечтаю
Всегда о вас, когда моих друзей
Изгнанья, смерть и ссылки вспоминаю;
Хоть чуждые, но вы родны душе моей.

Где ж вы теперь? Погиб Рылеев непокорный...
Вкруг шеи той, что я в объятиях моих,
Как брат, сжимал, обвился шнур позорный...
О, проклят ты народ, бич избранных своих!

Меч отнят и перо у воина-поэта;
Бестужев — в рудниках, в тележку запряжен,
И той рукой, что мне давал он знак приветя,
Там, рядом с поляком, руду копает он...

Другим же, может, казнь еще лютей: в позоре
〈Умов〉 и орденов, предал царю иной
Свой дух, и счастья ждет он в милостивом взоре
И бьет порог царя покорной головой,

Наемным языком его триумфы хвалит,
И злобно тешится страданьями друзей,
И в родине моей, 〈моей〉 же кровью залит,
Как честью, хвалится проклятьем Польши всей.

О, если с Запада, от вольного народа,
Унылый стих мой к вам на Север долетит
И в небе прозвучит, над краем льдов, свободу,
Пусть, как журавль, весну он вам предвозвестит.

Знаком вам голос мой... Опутан быв сетями,
Я, с хитростью змеи вился, тирану льстил;
Но душу и тогда раскрыл пред вами,—
Для вас, друзья, всегда я прост, как голубь, был.

Теперь открыто я излил отравы чашу,
И жгуч и едок яд моих горячих слов:
И слезы высосал, и кровь он Польши нашей,
Пусть же сосет и ест — не вас, — а вашу сталь оков!

Когда ж <на> речь любви ответит кто мне бранью,
Как лай цепного пса приму я эту брань,
Который, полюбив цепей своих бряцанье,
Кусает их с него срывающую длань.

Сентябрь или октябрь 1855 (?)

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

40. СОБАЧИЙ ПИР

<Из О. Барбье>

Когда взошла заря и страшный день багровый,
Народный день настал,
Когда гудел набат и крупный дождь свинцовый
По улицам хлестал,
Когда Париж взревел, когда народ воспрянул
И малый стал велик,
<Когда в ответ на гул старинных пушек грянул
Свободы звучный клик,—>
Конечно, не было там видно ловко сшитых
Мундиров наших дней,—
Там действовал напор лохмотьями прикрытых,
Запачканных людей.
Чернь грязною рукой там ружья заряжала,
И закопченным ртом,
В пороховом дыму, там сволочь восклицала:
... .. умрем!

А эти баловни в натянутых перчатках,
 С батистовым бельем,
 Женоподобные, в корсетах, на подкладках,
 Там были ль под ружьем?
 Нет! их там не было, когда, всё низвергая
 И сквозь картечь стремясь,
 Там чернь великая и сволочь та святая
 К бессмертию неслась.
 А те господчики, боясь громов и блеску
 И слыша грозный рев,
 Дрожали где-нибудь вдали, за занавеску
 На корточки присев.
 Их не было в виду, их не было в помине
 Среди общей свалки там,
 Затем что, видите ль, свобода — не графиня
 И не из модных дам,
 Которые, нося на истощенном лице
 Румян карминных слой,
 Готовы в обморок упасть при первом крике,
 Под первую пальбой.
 Свобода — женщина с упругой, мощной грудью,
 С загаром на щеке,
 С зажженным фитилем, приложенным к орудию,
 В дымящейся руке;
 Свобода — женщина с широким, твердым шагом,
 Со взором огневым,
 Под гордо веющим по ветру красным флагом,
 Под дымом боевым;
 И голос у нее — не женственный сопрано:
 Ни жерл чугунных ряд,
 Ни медь колоколов, ни шкура барабана
 Его не заглушат.
 Свобода — женщина, но в сладострастье щедром
 Избранникам верна;
 Могучих лишь одних к своим приемлет недрам
 Могучая жена!
 Ей нравится плебей, окрепнувший в проклятьях,
 А не гнилая знать,
 И в свежей кровию дымящихся объятых
 Ей любо трепетать.
 Когда-то ярая, как бешеная дева,
 Явилась вдруг она,
 Готовая дать плод от девственного чрева,
 Грядущая жена!

И гордо вдаль она, при кликах исступленья,
 Свой простирала ход
 И целые пять лет горячкой вожделенья
 Сжигала весь народ.
 А после кинулась вдруг к палкам, к барабану
 И маркитанткой в стан
 К двадцатилетнему явилась капитану:
 «Здорово, капитан!»
 Да, это всё она! Она с отрадной речью
 Являлась нам в стенах,
 Избитых ядрами, испятнанных картечью,
 С улыбкой на устах;
 Она — огонь в зрачках, в ланитах жизни краска,
 Дыханье горячо,
 Лохмотья, нагота, трехцветная повязка
 Чрез голое плечо.
 Она — в трехдневный срок французов жребий вынут!
 Она — венец долой!
 Измята армия, трон скомкан, опрокинут
 Кремнем из мостовой!
 И что же? О, позор! Париж, столь благородный
 В кипенье гневных сил,
 Париж, где некогда великий вихрь народный
 Власть львиную сломил,
 Париж, который весь гробницами уставлен
 Величий всех времен,
 Париж, где камень стен пальбою продырявлен,
 Как рубище знамен,
 Париж, отъявленный сын хартий, прокламаций,
 От головы до ног
 Обвитый лаврами, апостол в деле наций,
 Народов полубог,
 Париж, что некогда как светлый купол храма
 Всемирного блистал,—
 Стал ныне скопищем нечистоты и срама,
 Помойной ямой стал,
 Вертепом подлых душ, мест ищущих в лакеи,
 Паркетных шаркунов,
 Просящих нищенски для рабской их ливреи
 Мишурных галунов,
 Бродяг, которые рвут Францию на части
 И сквозь щелчки, толчки,
 Визжа, зубами рвут издохшей тронной власти
 Кровавые клочки.

Так вепрь израненный, сраженный смертным боем,
Чуть дышит в злой тоске,
Покрытый язвами, палимый солнца зноем,
Простертый на песке;
Кровавые глаза померкли, обессилен,
Свирепый зверь поник;
Раскрытый зев его шипучей пеной взмылен,
И высунут язык...
Вдруг рог охотничий пустынного простора
Всю площадь огласил,
И спущенных собак неистовая свора
Со всех рванулась сил.
Завыли жадные, последний пес дворовый
Оскалил острый зуб
И с лаем ринулся на пир, ему готовый,
На неподвижный труп.
Борзые, гончие, легавые, бульдоги,
Пойдем! — и все пошли;
Нет вепря-короля! Возвеселитесь, боги!
Собаки — короли!
Пойдем! Свободны мы — нас не удержат сетью,
Веревкой не скрутят,
Суровый старец нас не приударит плетью,
Не крикнет: «Пес! назад!»
За те щелчки, толчки хоть мертвому отплатим;
Коль не в кровавый сок
Запустим морду мы, так падали ухватим
Хоть нищенский кусок!
Пойдем! И начали, из всей собачьей злости,
Трудиться что есть сил:
Тот пес — щетины клоч, другой обглодок кости
Клыками захватил.
И рад бежать домой, вертя хвостом мохнатым,
Чадолюбивый пес,
Ревнивой суке в дар и в корм своим щенятам
Хоть что-нибудь принес
И, бросив из своей окровавленной пасти
Добычу, говорит:
«Вот, ешьте: эта кость — урывок царской власти.
Пируйте — вепрь убит».

1856 или 1857 (?)

Когда он в вечность преселился,
Наш незабвенный Николай, —
К Петру-апостолу явился,
Чтоб дверь ему он отпер в рай.
«Ты кто?» — спросил его ключарь.
«Как кто? Известный русский царь!»
— «Ты царь, так подожди немного,
Ты знаешь, в рай трудна дорога,
К тому же райские врата
Узеньки, видишь — теснота».
— «Да что же это всё за сброд?
Цари или простой народ?»
— «Ты не узнал своих! Ведь это россияне,
Твои бездушные дворяне,
А это вольные крестьяне,
Они все по миру пошли,
А нищие к нам в рай пришли».
Тогда подумал Николай:
Так вот как достигают в рай!
И пишет к сыну: «Милый Саша!
Плоха на небе доля наша.
Коль подданных своих ты любишь —
Богатством только их погубишь,
А если хочешь в рай ввести —
Так всех их по миру пусти!»

1855 (?)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

42

На голос:

«...Ах ты, Феня, Феня, Феня,
Феня ягодка моя!..»

Эх, солдатское житье,
Горемычное вытье!

Ай, люлюшеньки люли!
Ай, люлюшеньки люли!

Только тем и кавалер,
Что блестит его мундер.

Ай и пр.

А посмотришь, за душой
И полушки нет одной.

Ай и пр.

Всяка воля отнята!
Всяка правда заклята!

Ай и пр.

От зари и до зари
Царской службы лямку три.

Ай и пр.

Чуть заслышишь барабан,
Повинуйся как чурбан.

Ай и пр.

Не доспи и не доешь,
Знай ученье да манеж!

Ай и пр.

Зябь и мокни под ружьем
На морозе, под дождем.

Ай и пр.

На ученье день-деньской
Майся, словно как шальной.

Ай и пр.

А в награду опосля
Кулаки да фухтеля.

Ай и пр.

Командеры-то отцы
Только грабить молодцы.

Ай и пр.

Отобрать солдатский грош
Да давить тебя, как вошь.

Ай и пр.

Чтоб без дела наказать,
Матюками обругать...

Ай и пр.

Провиантом обделить,
Да и в рыло норовить!

Ай и пр.

Эх, солдатское житье,
Горемычное вытье.

Ай и пр.

Хуже каторги оно,
Очень больно солоно!

Ай и пр.

Между июнем и ноябрем 1862

43

На голос: .
«Молодцам солдатам
Не о чем тужить»

Русскому солдату
Тяжело служить,
Хоть какому хвату
Тошно станет жить!
Бедность одолела,
Командир гнетет,
Он сечет без дела
И без дела бьет.
А скажи хоть слово
За себя в ответ,
Всяку смелость снова
Он в тебя вобьет!
Палочной науки
Школу проходя,
Много всякой муки
Примешь на себя!
И хоть будь начальства
В десять раз умней —
Ихнего нахальства
Осуждать не смей...
Половину века
В службе загубя,
В ней за человека
Не считай себя!
А дотянешь, с богом,
Лямки царский срок —

90

Клянчай по дорогам
Да иди в острог...
До могилы дружбы
Не забудь с сумой,
Ежели со службы
Не прошел «сквозь строй»!

Между июнем и ноябрем 1862

44

На голос:

«...Василиса, Василиса,
Не сердися на меня,
Оттого что мы с Борисом
Всё узнали про тебя!..»

Эх, товарищи любезны,
Уж и что я вам спою —
Проливайте токи слезны,
Как и сам я слезы лью!
Для того ли вы от поля
В службу царскую пошли,
Чтобы те, что ищут воли,
Смерть от ваших пуль нашли!
Чтобы вы, как ворог, стали
Без вины стрелять в крестьян,
А они вас проклинали,
Умираючи от ран!
Чтобы честный штык солдата
Проникал — не в вражью грудь,
А отца порой иль брата
Отправлял в смертельный путь!..
Чтоб на родине любезной
Исчезала к вам любовь
И повсюду, как *под Бездной*,
Пролилась честная кровь!..
Чтоб повсюду, где крестьянин
Настоящей воли ждет,
Командиры, их тираня,
Вас травили на народ
И с нахальной отвагой
Заставляли вас стрелять,
Наказаньем и присягой
Вас сумевши запугать...

91

Командирам злым не верьте,
И присяги нет такой,
Чтоб своих же бить до смерти
Пулей штуцерной, шальной!
И честней под наказаньем
Самым тяжким умирать,
Чем по злему приказанью
В горемык крестьян стрелять.

Между июнем и ноябрем 1862

45

На голос:

«То не соколы крылаты,
Чуя солнышка восход,
Белого царя солдаты
Собираются в поход».

Что так ветер воет глухо,
Али воля отнята?..
Нет, то плачет мать-старуха:
Сын попался в рекрутá.
В чужедальную неволю
На солдатское житье,
Проклиная злую долю,
Он уходит от нее.

«Ты прощай, моя родная,
От сегодня навсегда!
Умереть тебе, пока я
Отслужу свои года!

Горек черствый хлеб солдата,
Хоть труды и тяжелы,
Да и скорого возврата
Нет из царской кабалы!
Для тебя ль навек отселе,
Всё равно что умер я,
Не в бою — не на постеле
Приключится смерть моя!
Гибнуть я иду — без доли,
Но приказ не исполнять,
Ни в крестьян, что ищут воли,
Ни в поляков — не стрелять!

Ты прощай, моя старуха,
Богомолица моя!
Ветер в поле стонет глухо. —
Не вернусь в деревню я!..»

Между июнем и ноябрем 1862

46

На голос:

«Братья! дружно веселюю
Грянем песню в добрый час!»

Братцы! дружно песню грянем
Удалую в добрый час!
В поляков стрелять не станем,
Не враги они для нас!
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтобы русские мундиры
В этой бойне осрамить...
Брат ли встанет против брата?
А поляки — братья нам,
И для честного солдата
Убивать их — грех и страм!
Женщин слабых и недужных
Арестуя по церквам,
Убивая безоружных —
Не бывало ль стыдно нам?..
Нам ли сердце не сжимали
Ихний стон и ихний плач?..
В этой бойне мы устали,
Русский воин — не палач!..
И за что их бить?.. За то ли,
Что они стране своей
Ищут счастья, ищут воли
И терзаются об ней?..
Русский — русским быть обязан,
Как поляк — поляком быть,
Быть к стране своей привязан
И отечество любить.
Пусть себе за послушанье
Нас начальство душит всех,
Лучше вынести истязанье,
Чем принять на душу грех!..

Нам довольно доказали,
Как самих тиранят нас,
Как *Арнгольда* расстреляли
И *Сливицкого* зараз!
И *Ростковского* сгубили
Вместе с *Щуром* зауряд
Лишь за то, что все любили
Всей душой они солдат!
В память их мы дружно грянем
Нашу песню в добрый час:
В поляков стрелять не станем,
Не враги они для нас!..

Между июнем и ноябрем 1862

47

«Дядя, ты в походах
Побывал довольно,
Расскажи — повсюду ль,
Как у нас, невольны?
Всюду ли солдаты,
Как у нас доселе,
Держатся начальством,
Тоись, в черном теле?»

«Правду молвить, точно,
Видел я довольно,
Но сказать ли, братцы?
Говорить-то больно!
Нет нигде по свету
Тяжелей неволи,
Как в России нашей
Злой солдатской доли!..
У других народов
Люди без различья:
Офицер, солдат ли —
Вовсе нет отличья;
В службе — он начальник,
Ровня — не на службе,
И живет с солдатом
Офицерство в дружбе.
Всякий там солдатом

В очередь бывает,
Оттого и званье
Всякий уважает!..
Отслужил два года
Или три — не боле
И опять, как прежде,
Стал гулять на воле!..
Ведь и мы, признаться,
То же бы имели,
Если б только, братцы,
Дружно захотели...
Стоит лишь однажды
Сговориться дружно
И сказать всем вместе:
То и то нам нужно!
Порознь нас, конечно,
Насмерть перепорят —
А как все мы вместе,
Нас не переспорят!
Самый царь ведь нами,
Братцы, только силен:
Выйдем *все* на площадь —
Будет с нами смирен!»

Между июнем и ноябрем 1862

Н. П. ОГАРЕВ

48

На голос:

«Ездил русский белый царь,
Православный государь,
Из своей страны далеко
Лавры пожинать»

Жил на свете русский царь,
Разнемецкий государь,
Он крестьянскому народу
Волю обещал!

Чтобы каждый селянин,
Как теперя дворянин,
От работы подневольной
Век не горевал.

95

Чтоб его ни бить, ни сечь,
Обдирая шкуру с плеч,
Ни помещик, ни чиновник
 Более не мог.

Чтобы он землей владел
И пошли ему в надел
Те поля, за что платил он
 Барину оброк.

Обещал-то царь легко,
Но уехать далеко
На посуле, как на стуле,
 Видно, захотел.

Думал: «Глуп мужик, всё съест!»
И составил манифест,
Что ни в толк взять, ни понять
 Никто не сумел.

Ну, чиновники читать
Да крестьянам толковать,
Что та новая неволя
 Волюшка и есть.

Воля вольная нищать,
Да под розгами пищать,
Да начальству грош последний
 Со слезами несть.

Призадумался народ.
Чует — кто-нибудь да врет,
Иль начальство надувает,
 Или самый царь.

Что за воля без земли?
Чтобы барщину несли
И оброк крестьяне так же,
 Как водилось встарь?

Это что-нибудь не так —
И попалися впросак
Те крестьяне, что судили
 О делах своих.

По селам без дальних слов,
Как прямых бунтовщиков,
Стала сечь их и тиранить
 Стая становых.

Ну сзывать на них полки
Да водить солдат в штыки,
Чтоб по старому порядку
 Всё водилось вновь.

Напроказил царь-отец!
На Руси с конца в конец
Из-за царского обмана
 Пролилася кровь.

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно — миром, волостями
 В одно время встал.

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему как брат
И, не слушая приказа,
 В него не стрелял.

Между июнем и ноябрем 1862

Н. П. ОГАРЕВ

49. МЫСЛИ РОССИЯНИНА

ПРИ ЧТЕНИИ УКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КРЕСТЬЯН К ПОМЕЩИКАМ В ЗАПАДНЫХ ЧЕТЫРЕХ ГУБЕРНИЯХ
И ЧЕТЫРЕХ УЕЗДАХ

1

Эх ты, царь наш батюшка,
Александр Второй!
Знать, и вправду бубны-то
Славны за горой.
Знать, покуда в Питере
Тешили слова,
Думал ты, пируячи:
«Всё, мол, трын-трава!
И в освободители
Попаду, мол, я,
И с моими барами —
Будем мы друзья.
Мужику помажу я
Медом по усам,
А другой-де воли я
Всё ж ему не дам.
В некой постепенности
Отыщу матьрю
Удоблетворить зараз
Всю мою имперью...»

2

Эх ты, царь наш батюшка,
Я простой мужик —
И к словам заморским
Вовсе не привык.

Мне бы как попроще-то:
Посулил — подай,
Хочешь да — скажи, а нет —
Рта не разевай.
В промежутке пустошном
Между да и нетом
Смыслу не найти тебе
С всем твоим Советом.
Был бы ты, царь-батюшка,
Сам себе не враг, —
Верно, не втесался бы
В постепенный мрак,
А с начала с самого
Нам бы землю дал,
Без оброков-выкупов
Всех бы развязал.

3

Ты пойми, царь-батюшка,
Испужавшись ляха,
Ты ведь за развязку-то
Вдруг взялся со страха.
Страх — советник плохонькой,
Не волён в мыслях
И, глаза зажмуривши,
Бродит всё впотьмах.
Страх в российском воинстве
Уничтожил строй
И пустил солдатушек
На простой разбой;
Так что победятся-то
Ляхи не войсками,
А сдадутся — будут в том
Виноваты сами.
С страху ты, царь-батюшка,
Русским на проклятье
Бросился украдкою
В прусские объятья;
С поганью немецкою
Заклучил союз,
Хныча, словно махонькой:
«Дяденька, боюсь!»

И теперь со страху же
 Хочешь ты, чтоб пан
 Лапою казенною
 Брал оброк с крестьян.
 Да смотри: не поздно ли
 Ты взялся за ум?
 Да и ум не выйдет ли
 Только *наобум*?
 Кто к уставной грамоте
 Руку приложил —
 По указу надобно,
 Чтобы рубль платил;
 Кто же не подписывал,
 Был тебе противен —
 Тот заплатит с скидкою
 Только восемь гривен:
 Стало быть, царь-батюшка,
 Уж такой уряд —
 Кто тебя послушался,
 Тот и виноват.
 Племена литовские
 Идут бунтовать —
 Ты крестьян от панщины
 Хочешь развязать.
 А как между русскими
 Бунта еще нет —
 Ну, так переходностью
 Сжать их на сто лет,
 Чтобы царской милости
 Век был русский барин
 За неразвязание
 Очень благодарен.

Ну, с Литвой как рядышком
 Если наш народ
 В неповиновении
 Выгоду поймет?
 Если Псков да Новгород
 Да смоленский люд,
 А потом московские
 К ним же подойдут;

Да по всей империи
Русский весь народ
На неправоудие
Вдруг возопиет:
«Ну-тка, царь, развязывай!»
Нет, уж тут с рубля
Двадцатью копейками
Отлынять нельзя!
Видишь ли, царь-батюшка,
В страхе нет добра,
С ним — чего мудреного —
Побежишь с двора.
Знамо, тучу божию
Не сшвырнешь на вилах —
Ты сознайся попросту,
Что владать не в силах,
Обратись-ка к земщине,
Созови собор,
Да народных выборных
Слушай приговор;
Слушай во смирении,
Головой склонись,
Разуму народному
Сам-то поучись.
Да спеши, царь-батюшка,
Чтоб не запоздать,
Не пришлось бы земщину
Без тебя сзывать!

6

Если я, царь-батюшка,
Что сказал не в лад —
Ты уж не взыщи на мне,
Я не виноват.
Твой покойный тятенька
Человек был строг,
Всех, кто был пограмотней,
Гнул в бараний рог.
Мы учились без толку,
Как-то на авось...
Впрочем, свет царь-батюшка,
Ты меня не бось.

Человек я маленький,
Смирный, не буян,
Чином не запятнанный
И не из дворян.
Я не вор, не взяточник,
Не шпион какой,
Купленный и проданный,
А мужик простой...
Пока верноподданный.
Фирс¹ Холмогоров

1863

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

50. ЗАМЕЧАНИЯ СТАРООБРЯДЦА НА ТАЙНЫЕ «ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА»

Царь, советом утвердьясь,
Сел и думает гордясь:
«Ведь я барин, господин
И почетный властелин.
Мужики, мол, дураки,
Крепки *наши* кулаки —
Мы дворяне, господа!
Подавай-ка их сюда,
Нужно зубы обчесать;
А указов им не знать —
А то нам и не нажиться,
Если всякий вразумится;
Слово сказано в кулак,
Чтоб никто не знал никак,
Кроме нас — одних господ,
И да здравствует деспот!»

¹ Я, люди добрые, именинник бываю 14 декабря; милости просим закусить.

Так дворяне все считают,
 Императоры мечтают —
 Через тайные указы
 И дворянские пролазы
 Как бы даром дани брать
 Да с крестьян всю шкуру драть,
 Грабить деньги трудовые
 Да стяжать чины пустые.
 Знают, как когда прижать
 Аль немножко воли дать,
 Чтоб народ не рассердился,
 Свергнуть иго не решился.
 А народу жутко это,
 Горемыкает по свету,
 Тщится скрыть он злую долю,
 Затекает *землю-волю*.

«Мы пускай, мол, мужики,
 По-вашему дураки,
 А ты, батюшка наш царь,
 Благодушный государь,
 Ты, однако, *землю дай* —
 Наш природный вечный пай,
 Не забудь и *волю* тоже —
 Вот что нам всего дороже.
 А не дашь — так мы возьмем
 И *народный* суд начнем,
 И как скажем: «Надо так!» —
 Не изменишь ты никак.
 Сгинут паны и дворяне:
 Что дворяне, что крестьяне —
 Станут все один народ
 Без различия пород.
 Мы же будем все с народом,
 Как желатели свободы,
 Дорогие наши братцы,
 Вообще старообрядцы!»
 (1863)

СВОБОДНЫЯ
РУССКІЯ ПѢСНИ

КРОНШТАДТЪ,
Въ типографіи главной брандвахты

1863

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

51

На голос:
«Камаринской»

Ах ты сукин сын, проклятый становой!
Во всю прыть бежишь, раздуй тебя горой!
Целый стан, поди, как липку ободрал;
Ах ты сукин сын, чтоб черт тебя подрал!

Ах ты сукин сын, помещик-грубиян!
Чай, надул уставной грамотой крестьян,
Их землей, как есть, негодной наделил,
Черту с богом в одно время угодил.

Ах ты сукин сын, ярыга-пьяный поп!
Полицейский да помещичий холоп!
Что бежишь опять о воле божьей врать?
Стыдно харей постной бога надувать.

Ах ты сукин... то бишь царской адъютант,
Что, на девок зарясь, свой теребишь бант,
Для чего навел ты к нам в село солдат?
Не стрелять ли снова вздумал невпопад?..

Нет, брат, шутки! Нашей воле не перечь!
Ноне вам уже нас более не сечь!
Коль земли своей да мир не господин,
Так и царь-то смыслит дела на алтын!¹

〈1863〉

¹ Вариант: Так и царь в〈аш〉 т〈оже〉 с〈укин〉 с〈ын〉.

На голос:
«Marseillaise»

Час ослушный пробил для нас,
Освободим себя со славой!
Злодеи вынудили нас
К расправе дружной и кровавой! (*bis*)

К оружию, друзья!
Сомкнемся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды!

Пусть, как единый человек,
Вся Русь замученная встанет!
Освободим себя навек!
Земли родной на всех достанет! (*bis*)

К оружию, друзья! *и т. д.*

Довольно немцам пировать,
Довольно тешиться над нами!
Солдат да земство угнетать
С кнутом, плетью и кандалами! (*bis*)

К оружию, друзья! *и т. д.*

Нас грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родные нивы напоили! (*bis*)

К оружию, друзья! *и т. д.*

Довольно нас терзали зря,
Довольно стригли нас, как стадо...
Не надо больше нам царя,
Чиновной сволочи — не надо! (*bis*)

К оружию, друзья! *и т. д.*

Без полицейских и дворян
С собой управимся мы сами;
Рассудим все дела мирян,
Как встарь — землей да волостями! (*bis*)

К оружию, друзья! *и т. д.*

Сходись со всех сторон, народ,
Всяк, кто за *волю* — будет с нами.
Солдаты к нам! Настал черед
Свободу отстаять штыками! (*bis*)

К оружию, друзья!
Сомкнетесь в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды!

(1863)

53

На мотив:

«Славься же, славься, русский наш царь».

Из оперы Глинки

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытаются и жгут нас огнем —
Песню свободе и в пытке споем.

Славься же, славься, родимая Русь,
И пред царем и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорее, родимая, встань!

Не позднее сентября 1861

54. ПЕСНЯ БРАННОГО ВОИНСТВА

Послушайте, братцы,
Советы мои!
Есть на всяком месте
Выгоды свои.

В городах — палаты,
В деревнях — сады,
В столицах — кареты,
А в полях — цветы.

Иной от шампанского
В подагре лежит,
А наш брат и за версту
Водку пить бежит.

Отбить государство
Посылают нас,
Опоздать к разводу —
Под арест тотчас!

Мундир рублей в триста,
А в кармане грош,
Корми коня сытно,
А сам сухарь гложь.

Над скотом — в сто тысяч
Стоит мавзолей,
А над нашим братом —
Свищет воробей.

Отбей десять пушек —
Дают крест златой,
Оторвало ногу —
Ступай жить домой.

А где ж этот домик,
Которого нет?..
Вот тебе награда
За двадцать пять лет.

<1863>

55

Уж опять не бывать
Прежней рабской доли,
Ночью, днем — жадно ждем
Мы желанной воли.

108

Облегчить, свободить
Нас давно сулили,
А пока — лишь бока
Наши колотили.

Уж опять не бывать *и т. д.*

Коль путем и добром
Не дадут нам воли,
Топором заберем
Мы свое приволье!

Уж опять не бывать *и т. д.*

Обещать и не дать
Уж теперь не могут,
Не то нам, мужикам,
Рученьки помогут!

Уж опять не бывать *и т. д.*

И плечо горячо
Раззудится силой,
И хоть раз, да горазд
Хватим, что ли, вилой!

Уж опять не бывать *и т. д.*

И с лихвой дружный бой
Барщине отплатим,
Не одну голову
Барскую отхватим!

Уж опять не бывать *и т. д.*

Пусть тогда для суда
Земские наедут —
И по ним, по родным,
Рученьки проедут.

Уж опять не бывать
Прежней рабской доли,
Ночью, днем — жадно ждем
Мы желанной воли.

Между 1857 и 1861

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

56

Внемли, о царь, надежда Руси новой!
Перед тобой народ — на всё, на всё готовый,
И много дум, и много светлых сил!
Чтоб утвердиться на отцовском месте,
Как будешь в высочайшем манифесте
Из-под оков воров освобождать
И каторжным свободу даровать,
Не позабудь родной литературы
Освободить из-под цепей цензуры!
Дай ей хоть миг свободой подышать
И молодые грезы рассказать,
Невинного несчастья упования,
К добру и чести чистые воззвания!
Тогда всё, всё простят тебе ее сыны!
И даже новые кафтаны и штаны,
Которыми свою ты начал славу
И удивил родную ты державу.

1855

57. К ГЕНЕРАЛУ ГАРИБАЛЬДИ

Муж убеждений! Муж призванья!
Вождь героических времен!
Звезда народного восстанья!
Любовь и щит родных племен!

Веди свои полки на торжество народу,
В обетованный край, дней наших Моисей!
Погибни, произвол! Умолкни, звук цепей!
Святая брань, провозгласи свободу!

Муж вдохновенья, муж сознания!
Ты выждал час, судьбой храним!
Ты силой своего призванья
Неколебим, непобедим!

Ценили голову избранника злодеи,
Предателя искали — не нашли!
Затих синедрион... смутились фарисеи...
Тиара никнет до земли!..

Июль 1860

ЛИСТОК,
издаваемый кн. Петром Долгоруковым

Брюссель — Лондон. 1862 — 1864

Н. П. ОГАРЕВ

58. <Н. П. ПОГГЕНПОЛЮ>

В «Норде» сквозь все тонкости
Языка французского
Беспреданно чувствуешь
Погань поля русского!

Я хвалю за оное
Царскую полицию:
Третье отделение
Нужно за границую...

1863

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

59. РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИЙ

Вот, истертым вицмундиром
Облеченный, он идет,
В департамент от квартиры
Совершая свой поход.
Худ и слаб, и нищ и беден,
С виду робок и угрюм.
Посмотрите, как он бледен,
Как убит в нем дух и ум;
Всё ведь, кажется, пристойно,
Но взгляните, и вас
Безнадежностью спокойной
Испугает он подчас,—

Так бессильем апатий
Мертво-страшен этот вид.
Это он, беда России,
Это он, наш Вечный жид;
Порожденье канцелярий,
Он не нижний, мелкий чин,
Он — наш русский пролетарий,
Всех губерний дворянин.
Повсеместный — это верно,
Потому что лишь ему,
Что на всей Руси безмерной,
Нету места одному;
Нету места в ней такого,
Чтобы мог он вспоминать
Больше всякого другого
И своей сторонкой звать:
Чтоб он был там — точно дома,
Не заезжий, не чужой,
Хоть по имени — знакомый,
Хоть по кладбищу — родной!
Всякий дворник, без сомненья,
В праздник божий с земляком
Чинно сядет в заведенье
Угоститься кипятком.
Расспросить, как мать-старуха
Дома может да живет
И по-прежнему ль Петруха
Всё запоем так же пьет?
Как-де выборный Никита
Нынче ладит с головой?
Как господь сподобил жито
И каков был яровой?
Всяк бурлак, окончив гонку,
Всякий нищий, дровосек
На свою идет сторонку
Меж родными кончить век;
Есть у каждого избенка:
Некрасива — да своя;
Есть приют вдове с ребенком, —
Не пойдет вразброд семья.
Односелы — не чужие:
С ними полгоря в беде,
Для него лишь вся Россия
Одинакова везде!

Дед схоронен в Оренбурге,
Слег в Житомире отец,
Мать скончалась в Петербурге,—
Где-то он найдет конец?..
Русской почве отпрыск чуждый,
К ней насильственно привит,
Он гнетет ее без нужды,
Засоряет и мертвит!

Жизни радости на свете
От него, как тень, бегут:
Недоступны те, а эти
Неприличны, не идут.
Наслаждения искусства
Чужды, темны для него;
Прежде было в нем и чувство,
Но давно уж нет его;
Но давно оно убито
Гнетом жизни деловой,
Тяжкой жизни без защиты,
Беспардонной, роковой.
Никогда он не был молод:
В лета юности и сил
Нищеты суровый холод
Молодую кровь студил;
Но тогда, по крайней мере,
Упованье было в нем;
Было в сердце место вере
Одолеть судьбу трудом.
«Рано ль, поздно ль, труд, конечно,—
Думал,— выведет меня»,
Но напрасно ждал сердечный
Он прохлады от огня!
Поздно вызнал мой бедняга,
Вызнал горько над собой,
Что бесплодны труд, отвага
В этой битве роковой!
Чтоб не пасть на этом поле,
Там, что даже не зовут
Полям чести, мало воли;
Что тут с боя не берут;
Что игры служебной тайна
И хитра, и глубока...

Долго нес он гнет постылый,
Злой судьбе не уступал
И, покуда были силы,
Не смущался, не роптал...
Видел с страшным он мученьем,
Как томила жена,
Как в работе и лишениях
Изнурялася она;
Нестерпимым истязаньем,
Истязаньем выше сил
Поднялося в нем сознание,
Что ее он погубил!
И при мысли, что, быть может,
То же ждет его детей,
Что судьба их также сгложет
Неправдивостью своей,
Позабыл он самолюбье,
О достоинстве забыл,
Совесть, гордость, честолюбье
Навек в сердце задушил
И готов сорвать был взятку,
Чтоб малюток оградить,
Но ведь право и на взятку
Прежде надобно купить...
Убедясь, что нет спасенья,
Что, куда ни погляди,
Нищета и унижение —
Назади и впереди,
Свыкся с мыслью он угрюмой,
Что забыл его творец,
И под гнетом этой думы
Пал он духом наконец!
Не решился мой бедняга,
Злополучный мой чудака,
Утешеньем сделать флягу,
А прибежищем кабак;
Но, прокляв свою судьбину,
Угнетавшую весь век,
Обратился он в машину,
И заглох в нем человек!
Без надежд, без упованья,
Ничего уже не ждет;
Уничтоженный страданьем,
Служит он — но не живет!

Словно маятник, исправно
Он поход свершает свой
Ежедневно, тихо, плавно
В департамент и домой.

(1862)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

60. САДОВОДСТВО

Жил-был садовник — барин важный,
Он про Версаль давно слышал
И каждый кустик, прутик каждый
Собственноручно подрезал.

Он стриг леса, сажал аллеи,
С соснами пальмы разводил;
Ну, словом, барские затеи
В своем владении вводил.

Он детям не давал развиваться
В заповедных лесах своих,
И ни один сучок развиваться
Не смел по воле между них.

Он резал их, крутил, калечил,
Стриг все деревья каждый год
И дивный сад так изувечил,
Что стал он истинный урод.

И это всё дошло к потомку:
Он пальм не трогал, не губил;
Покончил стрижку, бросил ломку,
Но много тыну порубил.

Он издавна любил природу
И волю дал всему расти:
Хотел он сучьям дать свободу
И от увечья их спасти.

Оделись зеленью березы;
Лес, приосанясь, зашумел;
Веселье заменило слезы,
Топор и ножик присмирел.

Уже, без стрижки и обрезки,
Деревья радостно глядят,
Оделись тенью перелески,
Кусточки листвой шелестят,

Не пахнут воздухом теплицы,
Уж не запружены ручьи,
И завелись в деревьях птицы,
И засвистали соловьи.

Везде и весело, и любо,
Свежо, отрадно и светло;
Садовник не ломает грубо
И не сажает под стекло.

Но экзотических растений
Немноголюдная семья
Перепугалась свежей тени
И вольной песни соловья.

Все пальмы, кактусы, лимоны,
Семья ползучая плющей
Заговорили про законы
И про влияние лучей...

Что нету им благополучья,
Что этак им нельзя расти
И что плебеи эти — сучья —
Хотят им тени навести;

Что ничего сквозь их не видно,
Что заслоняют солнца свет,
Что жить им так весьма обидно,
Светло проживши столько лет!

И барин выслушал моления,
Склонясь к ласкающим плющам:
«Хоть пользы нет, но украшенья
Я вижу в них моим садам.

Да сучья что ж?.. Ведь сучьев много —
Еще их можно порубить;
А пальмы? Жаль! Зачем их строго
И так сурово погубить?..»

И вот пошел топор в аллеи,
Пошли пила и нож в леса;
Стал строить вновь оранжереи,
Стал барин делать чудеса...

Напрасно рос в лесу шиповник,
Напрасно руки всем колол;
Душил и снял его садовник —
И без оглядки к цели шел..

Он резал сучья без пощады,
Законы роста позабыв;
Деревья крепили от досады,
Все соки в корни перелив.

И поползли везде коренья,
И стали сильны под землей,
А наши нежные растенья
Всё чахли, чахли чередой...

Среди забот и сладкой неги
Лучи их солнца не спасли,
Затем что сильные побеги
От сильных корней проросли;

Что лишь себе благополучья
Они желали средь лесов;
Что из-за них губили сучья
Полезных и родных дерёв...

Ни вкус, ни прихоть, ни затеи —
Ничто не вечно под луной,
И пали в прах оранжереи
Над экзотической семьей...

Ни пальм, ни кактусов колючих,
Ни орхидеев, ни плющей
Уж не видать среди могучих
Побегов новых от корней.

От тех дубов, и сосн, и елей,
От лип, и кленов, и берез...
А сколько вьюги и метелей
Ты, лес родимый, перенес!..

Теперь вздохни и верь! Настанет
Иная, лучшая пора!
Тебя никто уж стричь не станет,
И не увидишь топора.

1862

61. ОВЦЫ

На земле у нас родной
Не изнежены судьбой
Овцы — славная порода
Всем известного завода,
Но пасут их — пастухи,
Воплощенные грехи;
Жутко стаду достается,
И не так оно пасется,
А паслось бы так, как надо;
Ох! лихое было б стадо!..
Хоть в лугах позеленело,
Да кому какое дело,
Что смиренные ватаги
Загоняются в овраги?..
Что за дело пастухам?
Невдомек их головам,
Что скотину надо холить,
Не морить и не неволить?..
Пастухам удобно тут,
Где овец они пасут:
Вечно веселы и пьяны...
Ничего... Зато бараны...
Топчут тернье да песок...
Если ж маленький клочок
Им случайно попадется

Доброй травки и придется
Пощипать и пожевать, —
Да зато ее искать
Уж не малой стоит муки,
И терпения, и скуки!
Вот, родимый, и причина,
Отчего у нас скотина
Пропадает ни за грош...

⟨1862⟩

П. И. ВЕЙНБЕРГ

62. ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ

Я люблю смотреть на звезды —
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны:
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны.

И люблю я слышать шелест,
Но не вязов, не акаций —
Мне милее шелест крупных
Всероссийских ассигнаций.

И люблю внимать я реву —
Но не ветра над волнами:
Мне милее рев *особы*
Над мельчайшими чинами.

Я люблю смотреть, как гнется —
Но не ива в роще темной:
Мне милей сгибанье тела
У начальника в приемной.

Я люблю ключи большие,
Но не в скалах и пещерах:
Мне милее те, что блещут
На высоких камергерах.

И люблю я теплый климат —
Но не стран благословенных:
Мне милей теплынь родная
Мест гражданских и военных.
(1862)

В. Г. ТИХАНОВИЧ

63. ВЕЛЬМОЖА

У подъезда линейки, коляски;
Нет прохода от пышных карет;
Из карет появляются маски,
Лиц открытых, без хитрости — нет...

У подъезда швейцар с булавою,
Желтым, черным украшен — как шут;
Все кивают ему головою
И по отчеству даже зовут.

В кресле Гамбса, в своем кабинете,
Наш вельможа внимает доклад;
Он не в полном своем туалете
И закутан в соболий халат.

За страницей проходит страница
И уходит на вечный покой...
А в приемной просителей лица
Ждут его, словно бога, с мольбой...

Сам же он устремляет заботы,
Оставляя подвластных людей,
На подарок для Мины, Шарлоты,
На четверки гнедых лошадей.

По сверхштатной улыбке министра
В голове его зреет расчет,
Что на службе, как кажется, быстро,
Очень быстро теперь он пойдет.

Ты, живущий трудами другого
И не ценящий тягостный труд,
Что тебе мое слабое слово?..
Выходи на общественный суд!

В твоей власти мильоны народа,
Что работать желают и есть;
В твою власть отданы их свобода,
Средства к жизни, и личность, и честь!

Полон мысли об общем их благе,
Ты, приехавши поздно домой,
Не читая подпишешь бумаги,
Всё подпишешь — чтоб с шеи долой!

Все дают тебе имя благого,
А в углу втихомолку клянут...
Сибарит и вельможа, я снова
Вас зову на общественный суд!

<1862>

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

64. СТАРИК

Пусть молодежь кричит публично,
Что грабить взятки неприлично;
А я к ним с детства так привык,
Что хороню концы отлично...
Хоронит кто?.. Да я, старик!..

Пускай лишусь с отставкой чести:
Беда, ей-ей, невелика!
Коль сосчитать все деньги вместе,
Найдется верных тысяч двести...
А у кого?.. У старика...

Другой пусть служит кровью, потом,
А я, век лежа на боку,
Прослыть успел уж патриотом,
И едут, идут все с почетом...
К кому?.. Ко мне же, старику...

Как прогрессистов к нам набрали,
Я взял их сразу за бока:
Придрался, вытурил вначале...
Так старики ж и прославляли...
Кого?.. Меня же, старика!..

Раз мы казну обдули ловко...
Какой везде поднялся крик:
Вот в ком сноровка так сноровка!
О, тонкий плут! О, вор старик!..

Кто побогаче, пораспутней —
Со мной наверное знаком...
En grand¹ с кем можно спрятать плутни?
Да всё со мной же, стариком!

О ком пришлось молодежи
Кричать, как я раз, налегке,
Пришел с попойки без одёжи,
С большой царапиной на роже,
С спиной — синяк на синяке?
Всё обо мне, об старике!..

Хоть прокричи всему народу,
Что мы старье и дураки;
Вводи гуманность, гласность в моду,
А не дадим ни в чем им ходу...
Да кто?.. Всё мы же, старики...

Писак непризванных ватаги
Кричат: кто стар, тот бестолков;
То эгоист, то плут, то скряга...
Вам, молодежь, не сделать шага...
А без кого?.. Без стариков!..

Не страшны ваши нам порядки,
На плутни ярые нападки.
Мы рот зажмем говорунам...
Всегда лупить удобно взятки
Кому?.. Да нам же, старикам...

¹ В общем (фр.). — *Ред.*

На них желчь можно только вылить,
Загорбок малость им намылить
Сарказмом прозы и стихов...
А уж на деле не осилить...
Кого?.. Да нас же, стариков!

Коль ты писатель с головою,
Так злость не бранью площадною,
А тонкой шуткой облеку
И не кричи перед толпою:
О, плуты, воры — старики!

Сказать по совести, меж нами:
Мы выживаем из ума,
И если целыми веками
У нас в отчизне длилась тьма,
Так это нами, стариками!..

<1862>

65. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ПАНОРАМЕ

Рифмованные строчки

Мужичок с ящиком по ярмарке похаживает,
Разные картинки в стеклышко показывает.

1

Не бось, не бось! мои боярыни и баре,
В стеклышко смотрите, подходите по паре;
Вам, чай, приятна и ектенья на амвоне,
Вы попривыкли ко всякой царской вони.
Мужик вот нейдет — ему неинтересно,
Земля-то широкая, только жить тесно;
И что, мол, мне до восточного вопроса,
Коли дома ни ржи, ни пшеницы, ни проса.
А у вас, господа мои, боярыни и баре,
Всё же кое-что да сбереглося в амбаре;
Вы на комедию восточного заката
Приходите взглянуть по копеечке с брата.

2

Вот первое стеклышко — тем и обидно —
Кажется, когда темно, так ничего не видно.
В прочих стеклышках идет иллюминация,
В каждом стеклышке особая нация.

3

Первая — Франция — Наполеон Третий,
Человек первый из девятнадцати столетий;
Речь говорит — уж нельзя превосходней,
«Француза, говорит, прижать — тем он и свободней,

Я, говорит, не просто король аль император,
Человек, говорит, штатский и больше оратор.

Хожу, говорит, не в мундире, а во фраке я,
Что мне их Крит, а либо Фракия?

Я, говорит, человек мирный — даже по платию,
Между Турцией и Грецией учрежду симпатию.

Конфедерацию строю из плюса да минуса,
Да затем дальше всех вперед и подвинуся.

Войско для миру держу, даже денег не жальится
(Они ж не свои), а иначе мир провалится.

Франция меня любит, у меня жена Евгения,
И все рукоплещут, в принце узрев гения».

Видите, господа, у него речи звонкие,
Мысли всё благие и усы тонкие.

4

А вот тут на него граф Бисмарк смотрит косо,
«Я, говорит, за Рейном ему дам хлопштоса.

У меня, говорит, совсем новая Пруссия,

Стало — в восточном вопросе упрусь и я,

Правда, нас не обдаёт оттолева страхом;

Мое дело — князьков немецких швырнуть прахом,
Да кто б и Австрию хватил, кабы да не я?

У меня в комочек свернулась и Дания.

У меня король Фридрих вошел в леты,

А носит всегда енеральские эполеты.

А сам я хоть и граф, но настоящий король;

Богатейшая, говорит, моя на сем свете роль».

5

А вот Австрия — император Франц-Осип,

По-венгерски Карл — такой уж у них способ:

Надо, говорит, чтоб имен была троица,

Потому что без троицы дом не строится,

А сам он сидит бедный да печалится.

«Того гляди, говорит, Австрия провалится;

Друзей в самом деле нету, потерял святого Марку,

А Берлина, говорит, боюсь и его Бисмарку.

Славяне к России тянут, и Чехия, и Галиция

(Я, говорит, немец — не люблю их лица я),

Да им и к нам притянутым время соскучиться,

Куда им к России?.. Все врозь хотят скучиться».

Того гляди, говорит, не Франц-Осипом имперским,
А придется остаться мне только Карлом венгерским». Но фон Бейст говорит: «Не беспокойтесь, обделаю, уж такую господь в меня вложил душу смелую». Франц-Осип фон Бейсту на шею повалился, от избытка чувства слезами залился.

6

А вот Виктор-Иммануил, веселый любитель,
А по-русски значит: избранный победитель,
«У меня, говорит, богатырские и усы и талия,
И королевство теплое — имя ему Италия.
Всякие строгости хотел бы ослабить,
Да с министрами пришлось только народ грабить,
А народ от евтова тянет к республике.
А мне бы, говорит, только поплясать в публике.
А тут ничего не поделаешь и с папою,
Он всё загребаёт священную лапою;
Рад бы поплясал на его гробе я,
Да у него всё французские пособия.
Какое, говорит, мне дело до восточного дела,
Лишь бы своя голова-то на плечах уцелела».

7

А вот Англия — в восточный вопрос-то
Вступаться не желает, говорит просто.
«Мне, говорит, чтоб у народа прошел глад и стон,
Только и нужно, и министр у меня Гладстон,
Человек, мол, крепкий, да и сама королева
Ездит себе в коляске безо всякого гнева».

8

А вот, господа, стеклышко большое самое,
Это наша Россия, племя неупрямое.
Александр Николаевич, всех дел вершитель.
«Я, говорит, ввожу всякие реформы,
А сам, говорит, знаю, что это для проформы.
Войны, говорит, не хочу, хотя мы и хватили,
А рекрутов, говорит, надо — поиграть в солдатики.
Грекам обещаний надам выше тополя,
А сам, говорит, и прочь — не забыл Севастополя».

Мужичкам любезным поберегу розги,
Пусть дворяне секут — это в их мозге.
А сам к обедне схожу для божьего оплоту
Да позабавиться и съезжу на охоту».
Так у нас, господа, дело и варганится,
Куда нам тут восточным вопросом чваниться?

9

А вот греческий король сидит да всё плачет:
«Всё, говорит, христианство ко гробу скачет.
Мне бы, говорит, хорошо — и в салате настурция,
Сам я греков не ем, ест нас Турция.
Но надо мириться, когда кто не сможет,
Все, говорит, нас надуют, никто не поможет».
Да вот и Султан: «Я, говорит, лыс, без волоса,
Но с Грецией смирюсь — мы оба без голоса.
Голос, говорит, у Краевского, с ним и оболванится».
Затем, господа, прощайте! Другьям просим
кланяться.

1869

66. МУЖИЧКАМ

Люди мои милые, люди мои бедные,
Когда ж это вы начнете голоса-то победные?

Поразберите сами — что вы теперь справляете —
Плётите, плётите, голодаете, голодаете...

Разве это в самом деле жизнь для человека?
И чем же это лучше какого крепостного века?

Старшин выбираете будто вы, а выбирает
начальство,—
От этого и идет только грабеж и нахальство.

А вся беда, что вы еще верите в дело царское,
А оно тоже дело чиновничье и дело барское.

Когда ж это вы перестанете во вздоры-то верить
Да станете все дела на свой аршин мерить?

Пора, братцы, пора! Время-то уходит.
Не станете за себя сами — так они вас уходят.

Надо самим силу в руки взять для лучшей-то доли,
Чтобы добиться в самом деле и земли и воли.

А там уж меж себя поделитесь и разверстаете,
Не то что по указу царскому, а как сами знаете.

Июль или август 1869

67

Гой, ребята, люди русские!
Голь крестьянская, рабочая!
Наступает время грозное!
Пора страдная, горячая.
Подымайтесь наши головы,
От печалей преклоненные!
Разминайтесь наши рученьки,
От работы притомленные!
Мы расправу учинить должны,
Суд мирской злодеям-ворогам.
А злодеи эти вороги:
Все дворяне, все чиновники,
Люди царские, попы, купцы,
Монастырские, пузатые,—
Все они нас поедом едят,
Поедом едят — судом судят,
Обложили нас оброками,
Мы за всё про всё платить должны;
Про их брюхо ненасытное
Работаём с утра до ночи,
Сами наги, сами голодны,
На Руси мы как в аду живем!
Подмененный царь Александрушка,
С головой пустой, со немецкою,
Только пиво пьет да командует
Палачам своим толстой гвардии,
Чтоб стреляли нас, чтоб нас вешали,
Чтоб в Сибирь вели людей умных.
Видно, с глупыми легче справиться,—
Как ни мучай их, всё «ура» кричат.

А отродье-то его царское,
Дети, внучата, сестры, братчики
В золотых дворцах потешаются,
Только пьянствуют да распутствуют;
А мы, глупые, неразумные,
За них молимся, «много лет» кричим.
От нужды-горя крестьянскова
Как бы стон стоит на земле русской;
В деревнях печаль ветром носится,
Сердце рвет у всех, зубы скоркают.
Услыхал о том Стенька Разин сам,
Во горах что спал лет поболее ста.
Он, заступник наш, просыпается,
На помогу к нам собирается.
Подымайтесь наши головы,
От печалей преклоненные!
Разминайтесь наши рученьки,
От работы притомленные!
Мы расправу учинить должны,
Суд мирской царю да ворогам.
Припасайте петли крепкие
На дворянские шеи тонкие!
Добывайте ножи острые
На поповские груди белые!
Подымайтесь, добры молодцы,
На разбой — дело великое!
Мы оплатим нашим недругам
Все злодейства, все мучения;
От рук наших умираючи,
Пусть помянут годы тяжкие,
Как тиранили народ простой,
Как поборами нас грабили!
Будут плакать, будут сетовать
Жены их и дети малые:
Не должно для них пощады быть,
Надо всех их нам со света сжечь,
Города, дворцы огнем спалить,
Чтоб не знали, где главы склонить.
И очистим мы землю русскую
От всех ворогов да бездельников,
Что наш хлеб едят да нам зло творят,
От попов, купцов, от чиновников,
От дворян, от бар, что кровь нашу пьют.

Мироедам всем карачун дадим;
Все дома их пустим по ветру.
Подставному царю-батюшке,
Александрюшке подмененному,
Мы скрутим руки немецкие,
Поведем на площадь Красную,
На московскую площадь Красную,
Пред мужичий люд, им обманутый;
Там судить его станем миром всем,
Мы допрос ему учиним такой:
«Подмененный царь, Александрюшка,
Лиходей земли нашей русския,
А зачем ты нас обманул-надул,
Вместо волюшки в кабалу отдал?
Ты зачем велел нас рубить-стрелять,
Как хотели мы себе землю брать?
Ты за что про что мучил пытками
Вожаков наших да заступников?
Ты за что рубил, ты за что секал
Их разумные, буйны головы?
Подымались под Архангельском
Мы от голода от великого,
Наги, босы, отошальные,
В Питер-город шли шестьсот тысячей,
Ты послал на нас свою гвардию
С генералом своим плутом Треповым,
Свою гвардию откормленную,
Откормленную, подпоенную;
Ты велел нас бить, да без милости,
Без разбору безо всякого
Палить залпами да картечами,
На штыки сажать, конем топтать.
От тоё ли от картечи от поганья
Полегло нас много тысячей,
Потекла ручьем кровь мужицкая
По лицу земли нашей русския.
Мы теперь с тобой, подмененный царь,
Поквитаемся, рассчитаемся!
Мы теперь тебя разорвем в куски,
Разбросаем их во все стороны».
Подымайтесь наши головы,
От печалей преклоненные!
Разминайтесь наши рученьки,
От работы притомленные!

Мы расправу учинить должны,
Суд мирской царю да ворогам,
Без пощады им поделом воздать,
Чтоб добыть себе волю вольную.

1869

68. ВСТРЕЧА

Посвящено духовенству

От плевка мужика поп обиделся.
«Ты из старой сказки,— говорит,— не выбился.
Чем же я не друг тебе, мужичок?
А пойдем-ка мы лучше с тобой в кабачок,
Зеленáго вина выпьем чару дружную,
Потолкуем речь, обоим нужную.
А старуха святых даров без хлопот подождет
И, приду ли я поздно, всё равно помрет».

И пошел с попом мужичок в кабачок,
Чару выпили зеленáго вина,
И поп говорит: «Моя жизнь не красна
И не лучше мужицкой, ты мне просто поверь,
Мы живем — как холоп, как замученный зверь.
А теперь нам еще хуже приходится,
Наше племя больше на шатанье расходится».

А мужик говорит: «Дурень ты, поп,
Присылай к нам детей и в жар и в зноб,
Мы им работу дадим на месте,
Землю пахать станем вместе,
Мы только примем их как родных,
Мы только вскормим их как своих.
А не то надоело косить траву блеклую,
Я возьму косу, косу вострую,
Да смету вас всех, моих начальников,
Моих предателей, моих нахальников,
И поверь, тогда, без вашей подготовщины,
Проживем и проверуем безо всякой поповщины».

Сентябрь 1869

69. НАПУТСТВИЕ

Научите немудрых.

Забудь уныния язык!
Хочу — помимо произвола,—
Чтоб ты благоговеть привык
Перед святынею глагола.

Мне надо, чтобы с уст твоих,
Непразднословных и нелживых,
Звучал поток речей живых,
Как разум ясных и правдивых.

Отбрось рабов обычных школ —
И книжника, и фарисея:
Пред ними истины глагол
Проходит, власти не имея.

Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто жаждет, искренен и смел,
Рассудка простоты несложной.

Глагол — орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли?.. Ну! Теперь смотри,
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

⟨1858⟩

70. СТУДЕНТ

Молодому другу Нечаеву

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.

В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

И, гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом,
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но, весь век нелицемерен,
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

1868 (?)

71- РАЗМЫШЛЕНИЯ РУССКОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ПЕРЕД ПОХОДОМ

Решено, чтобы шли мы под турку
Для спасения братьев-славян,—
Пусть же царь наш сдирает с них шкурку,
А не то что турецкий султан.
Царь забыл, знать, про крымское дело,
Где их тятенька выступил смело,
Да и слег, проклиная судьбу...
Ах! !

Ну куда посылать нам солдата,
Чтоб спасти незнакомый народ?
Своего понужнее нам брата —
Мужика-то спасти от господ,
От попов, от судей-лиходеев,

От царя и от всяких злодеев,
Ну! потом уж и можно идти,
А теперича!

Всем нам голодно, холодно, тупо,
Все мы жалкие люди-рабы,
А казалось, племя неглупо,
Не того нам ждалось от судьбы.
Душит нас генеральчик с полчишком,
Душит нас и чиновник с крестишком,
Душит нас что ни есть господин —
Сукин сын, сукин сын, сукин сын!

Душит царь подавляющей лапой,
Забирая налог да рекрут,
Всё его, что мужик ни состряпай,—
До войны ли, любезные, тут?
Не пойти ль со степей да с Урала
Их прогнать от велика до мала,
Да уж им на прощанье сказать:
Вон!!

Сентябрь (?) 1869

72. ПЕСНЯ РУССКОЙ НЯНЬКИ У ПОСТЕЛИ БАРСКОГО РЕБЕНКА

Подражание Лермонтову

Спи, потомок благородья,
Баюшки-баю,
Я, дитя простонародья,
Песенку спою.
Мать на бале пляшет стройно —
Барыня она...
Ты же спи себе спокойно —
Я с тобой одна.
Наш народ хотел бы воли,
Воли да с землей,
Но не даст хорошей доли
Царский наш разбой.
И отец твой, русский барин,
Знает роль свою,
Он хоть ловок, но бездарен,
Баюшки-баю.

Он учен всему на свете,
Вышло — ничего.
У него одно в предмете —
Денежки его.
Но и с ними он не сладит,
Разорит семью,
Праздной жизнью всё изгадит,
Баюшки-баю.
Он служил в полку на диво
И солдат бивал,
В Отделение третьем живо
Вышел генерал.
А потом был губернатор,
Грабил всех гуртом,
Его русский император
Наградил крестом.
Но не верь ты в штуку эту —
Всё не впрок пойдет...
Ты с сумой пойдешь по свету,
Няня, знай, помрет.
Да ты будь слугой народа,
Помни цель свою,
Чтоб была ему свобода,
Баюшки-баю.

1871

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

73

Обманул нас царь свободой,
Ждать нам нечего теперь,
Лучше с барскою породой
Нам расправиться скорей!
Мы теперя пашем, сеем,
 Всё в оброк идет,
И разинуть рта не смеем,
 Потому — *убьет*.
Подпят солдат и шлют их
 К мужикам тотчас,
Как услышат, что ругаем
 Царский мы указ.
Бунт! — кричат, как затолкуем
 Мы про что-нибудь,
И солдат штыком пыряет
 Во мужицку грудь!
Кровь течет наша задаром,
 Нечего нам ждать.
Наступает пора, братцы,
 Топоры нам брать.
Передушим лиходеев,
Перевешаем злодеев,
Всех купцов, всех попов,
Всех чиновных подлецов!
Все столицы Петербурги,
Все большие города
Мы по камню раскидаем,
Чтобы не было следа!

Все приказны крючкотворства,
Все законы, все дела
Вместе с судьями, с судами
Мы сожжем дотла.
Вот когда огнем, железом
Вспашем мы весь божий мир,
Тогда вырастет свобода,
Будет про нас пир.

<1870>

74

Царь, дворяне да попы,
Мироеды да купцы —
Враги наши искони,
Кровопийцы все они!

Они нами завладели,
Мы холопами их стали,
И про их мы все работали,
А они нас драли!

Жен, девиц наших любили,
Ко себе в спальню водили;
Если мы за них просили,
Нас за это били!

Мы от этакой печали
В городах суда искали,
Во судах с бар взятки брали,
А нас там стегали.

Мы в леса от них бежали,
Нас ловили, нас хватали,
В цепи звонкие ковали,
Во Сибирь ссылали!

Мы в Сибири сговорились,
Наутек пустились!
Мы в Расеюшку вернемся,
Врознь все разойдемся!

В разны стороны пойдем,
Крепку дружбу соблюдем,
Крепку дружбу соблюдем,
Дружно дело поведем.

Ножи за пояс заткнем,
Мы разбойничать начнем,
Как мы в силушку войдем,
Их, злодеев, перебьем!

Всех злодеев перебьем!
Города их мы сожжем!
Города их мы сожжем,
Жить по-новому начнем!

<1870>

Н. П. ОГАРЕВ

75. НАДГРОБНОЕ

Что тебя прихлопнуло,
Старый генерал?
Совесь ли проснулася?
Царь ли обругал?

Видишь, как бы ни было,
Будь хотя подлец,
А кондрашка все-таки
Хватит наконец.

И хватил насмешливо,
Не уважив чин,
Накануне именно
Царских именин.

И равно ни холодно
И ни горячо,
Есть Андрей с брильянтами
Иль через плечо.

Вот мораль из этого —
Будь ты хоть палач,
А издохнешь все-таки,
Злобствуй или плачь.

Сентябрь 1866

76. ЦАРСКИЕ УКАЗЫ

Подражание Лермонтову

Есть речи — значенье
Темно и ничтожно,
Но их без волненья
Сносить невозможно.

Как полны их звуки
Безумством стяжаний,
В них все наши муки,
Обман обещаний.

Дождется отпора
От схода мирского
Из гнета и вздора
Сотканное слово.

В седле или в поле
Мы — где б ни случилось, —
Проклясть поневоле
Его мы решились.

Не кончивши жнитвы,
Для воли все разом
Мы бросимся в битвы
На гибель указам.

1869

СОБРАНИЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ СТИХОВ И ПРОЗЫ

Лейпциг. 1865—1876 (?)

«ЛЮТНЯ»

*Собрание свободных русских песен
и стихотворений*

Лейпциг. 1869—1879 (?)

ЛЮТНЯ II

Потаенная литература XIX столетия

Лейпциг. 1874

ЛЮТНЯ III

Молодая Россия в стихах

Лейпциг. 1897

В. Р. ЗОТОВ

77. ГОДОВЩИНА (18 ФЕВРАЛЯ 1856 г.)

Была пора: над трупом фараона,
В том склепе, где хранились мертвецы,
Спокойные, без жалобы и стона,
Сбиралися мемфисские жрецы.
Всю жизнь усопшего без страха разбирали
И приговор над мертвым изрекали.

И новый царь внимал суду жрецов,
Покорствуя правдивому решению,
И хоронил отца в тиши, с толпой рабов,
Иль пышное ему готовил погребенье —
И на граните первозданных скал
Народный приговор историк высекал.

Теперь не та пора: пусть нам невмочь страданья,
Погибших извергов судить мы не должны.

Усопшим мир! — нам говорит преданье,
Завет веков, обычай старины.
Религия прощать врагов нас учит,
Молчать, когда нас царь гнетет и мучит.

И мы молчим; нет, больше: между нас
Является поэт, покрытый срамом;
Забыв, что голос музы — бога глас,
Он злу кадит душевным фимиамом,
Он деспота зовет спасителем людей,
В грязь затоптав всю славу прежних дней.

Но пусть его боятся и в могиле,
В ней льстят ему, чтоб только он не встал.
Душа кипит, покорна высшей силе,
Певец на суд веков царя призвал.
Покинь свой гроб! Взгляни на рубежи родные —
Смотри, что в год ты сделал из России!

Вот без конца проходит вереница,
Вся в трауре, отцов, детей, сирот;
Вот плачет мать, одежды рвет вдовица —
Кто кости их мужей, сынов берет?
За что погибло ты, младое поколенье,
Полно надежд и сил, в безумном ослепленьи?

Смотри, наш царь: вот реки слез тяжелых,
Вот море крови чистой, горы тел;
Не мало ли? А в городах и селах
Вот новый бич: огонь рассвирепел,
Рукой врага зажженный. Стены, зданья —
Всё падает во прах, — за что же наказанье?

За что ж и мирный сын родной земли
Богат сегодня, — завтра бедный нищий,
Все житницы, все дома, корабли
Вдруг потеряв, насущной просит пищи,
Бежит из города, где думал мирно жить,
Которого, о царь, не мог ты защитить.

Считай же, сколько этих городов
Разрушено иль взято у России
И сколько доблестных отечества сынов
В плену, изранены, выносят муки злые...

Картиной этой не доволен ты?
История тебе перевернет листы.

Смотри — вот золото сияет пред тобой:
Богатство здесь без счета, без числа;
Владельцы их идут сплошной толпой —
Но золото толпа не принесла
Отчизне в дар, а, зная блага в жизни,
Его сама украла у отчизны.

Здесь всё: и миллион казны твоей,
Последний грош, пожертвованный нищим,
Хлеб ратнику, пособие врачей,
Оружие, одежда... Мы отыщем
Наверно лепты здесь самих воров, —
Недаром все они слывут за бедняков.

Позор и стыд! Грабеж вошел в обычай,
В закон, в обряд, и нагл и явен стал.
И крадут все: путеец и лесничий,
Чиновник, поп, солдат и генерал;
И девка грязная, любовница министра,
Продажей мест разбогатела быстро.

А кто стоит у трона твоего?
Тебе б советник, правды друг, наскучил.
Нет, ты искал молчанья одного,
Покорности — и ряд бездушных чучел,
Холопов чувством, евнухов ума,
Вокруг тебя — и их такая тьма!..

И над тобой, и над твоей землей
Теперь Европа целая смеется.
И твой позор, и стыд земли родной
В потомстве отдаленном отзовется.
И дорог будет примиренья пир,
И за войной нелепой — подлый мир.

Лишь год прошел — и ты забыт, как мебель
И неуклюжий хлам старинных лет,
Венчанный Хлестаков, между царей фельдфебель,
Разбитый и расслабленный атлет —
И ноют в гробе от тоски и злости
Гниющие, поруганные кости.

И день придет!.. — и не один певец,
Но голос всей народной Немезиды
Средь века прогремит вдруг из конца в конец:
Да будешь проклят ты < и все Николаиды! >
И в страхе и в стыде в последний, Судный день
Не выйдет из гробниц развенчанная тень.

Февраль 1856

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

**78. НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА Н. И. ГРЕЧА**

Вниманьем высшего начальства
Заслуги ваши почтены:
Достигли вы до генеральства...
Вас все российские сыны

Достойно чтут как патриота
И как творца учебных книг.
В своих грамматиках без счета
Терзали вы родной язык.

Вы в географии мешали
Восток и Запад меж собой;
Фаддея с Гоголем равняли,
Уча словесности родной.

Вы и историю нам дали,
Чужой издавши перевод,—
Где много мест вы пропускали,
Чтобы не знал их наш народ.

И на позорище журнальном
Вы подвизались много лет:
Кто чище вас, вы звали сальным,
Ложь правдой звали, мраком — свет.

Заслуг таких не мог, конечно,
Ваш добрый барин позабыть,—
И вот он дал чистосердечно
Свое согласие вас почитать

Формально, громким юбилеем,
Как генерала подлецов:
И мы, дескать, ценить умеем
Заслуги преданных рабов.

И рад наш Греч. Одушевились
Его бездушные черты,
В душонке мелкой зароились
Честолюбивые мечты.

Мечтает он, как сонм ученых
Придет труды его почитать
И на сединах посрамленных
Венец бессмертья возложить.

Мечтает с радостным волнением
О близком часе торжества,
О том, как поздним поколениям
О Грече перейдет молва.

Он мыслит: не противореча,
Русь примет торжество мое
И не поймет, что праздник Греча
Есть унижение для нее.

И рад наш Греч... Но рано, рано
Ты поднял знамя торжества!
Не всем довольно слов обмана,
Чтобы признать твои права!

Ты хочешь в славе и почете
К потомству перейти на суд;
Не ошибись, мой друг, в расчете:
Тебя поняли и поймут.

Скажи нам, немец обруселый,
Что для России ты свершил?
Когда и в чем ты в век свой целый
Любовь свою к ней проявил?

В те дни, как русские спасали
Святую Русь от чуждых сил,—
В патриотическом журнале
Ты иль ругался, или льстил.

Ни разу голос благородный
Из уст твоих не прозвучал;
Святой любви к стране природной
Ты, как пришлец, не понимал.

И вслед за тем, когда Россия
Вдруг пробуждаться начала;
Когда понятия живые
Европа нам передала;

Когда к нам светлый луч познаний
Сквозь мрак невежества проник,
То сколько пошлой, грубой брани
Изверг поганый твой язык?..

Всё, в чем дышала жизнь живая —
Любовь, свобода, правда, честь, —
Чиновный дух твой возмущая,
В тебе нашло вражду и месть,

Затем что чести был приятней
Тебе державный произвол,
И, льстя ему, ты благодатно
Всю жизнь позорную провел.

С другим мошенником связавшись,
Составил шайку подлецов,
Судьей в словесности назвавшись,
Метал ты громы глупых слов

На гениальные созданья;
В них видел ложь и пустоту;
Фаддея ж пошлому маранью
Придал и ум, и красоту.

Поляк и немец, вы судили
О русском слове вкривь и вкось,
И патриотами прослыли,
Хваля Россию на авось.

Весь брак литературы нашей,
Всё, что в ней пошло и подло,
Всё к вам сошлось, в газете вашей
Всё дичь свободно понесло.

Князь Вяземский, поэт продажный,
Брант — не писатель — аферист,
И Зотов, романист отважный,
Масальский — поздний фабулист,

И Розен тот, кому донине
На лад язык наш не дался;
Сушков, взывающий в пустыне,
И А-А-А, и Я-Я-Я.

Но с этой братией убогой
Успеха не могло вам быть.
Явился Пушкин... Суд ваш строгой
Его не мог уж сокрушить.

Явился Гоголь... За живое
Он вас, Тряпичкиных, задел.
Ругались вы, но бранью злою
Уж не могли поправить дел.

И знает вас теперь Россия,
Известны ваши все дела,
И ваши личности седые
Судьба презренью предала.

Твой друг, безграмотный писака,
Легко презрение сносил;
Но ты, поборник лжи и мрака,
Ты путь другой себе открыл.

Как раб, как червь ты пресмыкался,
Позорно ближних продавал,
И всё за честью ты гонялся,
Хоть честь давно ты потерял.

И вот добился... По прошенью
Твоих протекторов, друзей,
Заслуг твоих в вознагражденье,
Тебе назначен юбилей...

Твоя почетная известность
Решеньем тех утверждена,
Кому вся русская словесность
Есть незнакомая страна.

И вот, по общему решению,
Взялись чиновные друзья
Собрать на праздник приношенье
От почитающих тебя.

Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым
И с Гоголем век другом был,
Он прежде всех презренья словом
Твой пошлый праздник заклеил.

За ним все те, кто уважает
Науку, правду и себя,
Не слышат зова, презирают
И этот праздник, и тебя.

И ты остался лишь с толпою
Писак да нескольких людей,
Давно задобренных тобою...
Скажи, прекрасный юбилей!

А чтоб он был еще прекрасней,
Прими приветствие мое...
И прокляни, мой Греч несчастный,
Высокомудрие свое.

Мой стих жестокий за тобою
Пусть будет бегать, будто тень,
Пусть он не даст тебе покою,
Тебя тревожит каждый день.

Пусть будешь ты кричать, беситься,
Начнешь бессмысленную речь...
Но даже мщеньем насладиться
Не можешь ты, бедняжка Греч.

Презрение других, безмолвных
Легко отсюда ты поймешь,
И у друзей своих чиновных
Ты утешенья не найдешь.

И даже твой державный барин
Отвергнет твой молящий стон...
Лишь твой достойный друг Булгарин
Напишет громкий фельетон.

Декабрь 1854

79. ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Нет, бог не милосерд! Пред ним напрасны слезы,
 И не сочувствует людскому горю он;
 Спокойно внемлет он и скрип сухой березы,
 Жужжание пчелы и человека стон.
 Нет, он не милосерд! По вечному закону,
 Один вслед за другим кончаются века.
 И рушатся миры, и падают короны,
 И кровью пенится истории река.
 И заблуждение встает за заблуждением,
 Пороки новые влекут к себе людей;
 Игрушкой брэнча, страдает с наслаждением
 Толпа измученных, обманутых детей;
 И мукам голода обречены мильоны;
 Соблазна жертвою невинные падут;
 Над обществом стоят бессмысленные троны,
 Над правыми творя несправедливый суд.
 И благо каждое искуплено слезами,
 Для каждой истины страдает человек;
 И тщетно ползает толпа пред алтарями:
 Не придет для людей блаженства светлый век.
 Нет, бог не милосерд: когда его веленье
 Могло боренье сил враждебных отворотить,
 Могло дух излечить от зла и заблужденья
 И плоть могло от нужд, от боли охранить, —
 И он не захотел!.. Идьюту властелину
 Позволил угнетать измученный народ,
 Позволил матери рыдать над гробом сына,
 Дал людям бремя нужд, желаний и забот.
 И вы, скорбящие, не ждите утешенья;
 Молитвы ваши суть лишь бред души больной;
 Не милосердие, а предопределенье
 Влечет израненных вас жизненной стезей.
 И горе, братия, не есть вам наказанье,
 Не испытание вам посылает бог:
 Прибавить радости, (убавить) вам страданья
 Единой каплею он не хотел — не мог.
 Да, он не мог затем, что своего закона
 Не может отворотить неотменимых слов.
 Не захотел затем, что плач людей и стоны —
 Необходимы (и) звук в гармонии миров.

Затем, что каждый миг для целого созданья
Заранее в своем всезнанье он решил,
Затем, что каждый крик и каждое стенанье
Он завсегда уж знал и *⟨предопределил⟩*.
Затем, что он ведет нас к неизвестной цели
По скользкому, для нас печальному пути;
Желанье каждое нам шепчет с колыбели:
Нам *⟨больно⟩*, страшно нам, но мы должны идти.
И в этот самый миг он руководит мною;
Дрожит рука моя, но слышу глас: «Будь тверд!
Я мыслю чрез тебя, я говорю тобою».
И повторяю я: да, бог не милосерд.

1854

80. ЧАСОВЫЕ

Посвящ. В. Г. Б.

Не время спать!

«Слушай! Слушай!» — гремит над сонною
землею...

То оклик часовых,
Они одни стоят и в жар, и под грозою
Всё на местах своих.
И мимо часовых идет себялюбиво
Толпа, и все спешат
Себе построить дом, свою засеять ниву
И отыскать свой клад.
И, ежедневною осилены заботой,
Не смотрят люди вдаль:
Приносит каждый день им новую работу
И радость иль печаль.
Утомлены они работами дневными,
И крепок сон людей...
А между тем гроза собирается над ними:
В тьме крадется злодей;
И грех растет меж них, бесстыдно, без боязни;
Враг цепи им кует;
И суд истории готовит людям казни...
Кто ж сонный мир блюдет?
Над ним стоят одни во мраке часовые,
И зорки очи их,
И не заснут они в минуты роковые,
Не бросят мест своих.

Меж ними есть одни, увенчаны судьбою,
Полмиром почтены,
Высоко держат стяг могучею рукою.
На них устремлены
Всех современников внимательные очи;
Их подвиги гремят,
И гордо над толпой днем и во мраке ночи
Могучие стоят.
И ярко их щиты блестят над вышиною,
Их громки имена,
И слышно далеко их слово громовое:
«Восстаньте ото сна!
Слушай! готовит враг ночное нападение!
Слушай, грозит беда!
Порок ползет в тиши, и злое преступленье
Свершилось без суда!
Слушай, к оружию! за правду, за свободу!
Настал вновь день борьбы!
Слушай!..» И, слыша клич, волнуются народы
И ждут своей судьбы.
Но есть других бойцов ряд темный, безыменный,
Не виден миру он,
Стоит с мечом в руках он, мраком облеченный,
Без веющих знамен.
И повторяет он: «Слушай, над сонным миром
Не видим на местах —
Слушай, о братья, война земным кумирам!
Они да рухнут в прах!»
И братьев в тишине внимает он призывью
И шепчет: «Слава им!
Пусть имя их живет в народном почитанье,
В урок векам другим!
Пусть современники и будущее племя
Не знают наших дел!
Пусть нашей жизни след совсем завееет время;
Забвенье наш удел..
Мы долг свершили свой, мы тоже сторожили
Мир спящий до зари;
За ту же истину мы меч свой обнажили,
За те же алтари».

19 августа 1856

81. НОВОМУ ЦАРЮ

26 АВГУСТА 1856 ГОДА

Пусть гордой Франции презренный повелитель
Мечтает ослепить великолепьем мир;
Пусть думает прикрыть присяг всех нарушитель
Дела минувшего под бархатом порфир;
Пуускай пиры его неслыханно богаты;
Пуускай послы всех стран в передних Тюльери;
Пуускай безмолвствуют продажные сенаты;
Пусть братом назовут его земли цари;
Пуускай в тюрьма́х его все воины свободы;
Пусть голос партий всех во Франции умолк;
Пусть лижет след его придворная порода;
Пусть преклоняется рабов чиновных полк;
Пусть всеми звездами мундир его украшен;
Пуускай алмазами блистает двор его;
Пусть миру целому он армиями страшен,—
Он всё венчаный вор — и больше ничего.

Но ты, законный царь покорного народа,
Наследник родовой Великого Петра,
Ты, от кого ждала дел правды, дел свободы,
Дел милосердия, дел земского добра
Русь, утомленная солдатами-царями,
Русь, истощенная чиновным воровством,
Русь, развращенная шпионами, рабами,
Русь, разоренная безумным мотовством,
Ты, в ком мы с радостью встречали человека,
Ты, в ком приветствовал ум новую зарю,
Надежду лучшего, живительного века,
Кому Русь, верная законному царю,
Шептала: «Душно мне под ступенями трона!
Мне тесно, мне темно, сними мне бремя с плеч!
Дай мне свет знания! Дай воздух мне закона!
Освободи мою закованную речь».

Ты тоже захотел блеснуть пред целым миром,
Восточной роскошью народы ослепить,
Сравниться мишурой с французским лжекумиром
И в пышных празднествах мильоны рассорить.
Мильоны те добыл колодник из Сибири;
Их потом вырастил голодный твой мужик;

Их с нищего содрал в судах за герб проныра;
От пьяных в кабаке украл их откупщик.
А там неурожай... там голод, мор в народе...
Дорог нет; нету школ; аптек нет; нет врачей...
Невежество растет в России на свободе,
Продажность, рабство, лень — все низости людей...
А всё Москва горит в огне иллюминаций,
Стараясь превзойти ликующий Париж;
Пирует русский царь среди послов всех наций...
К чему весь этот блеск? Кого ты удивишь?

Неужли твой народ, с рожденья приученный
Тебя бессмысленно за бога почитать,
Что пред тобой лежит коленопреклоненный
И ждет слова твои, как божью благодать?
Ему всегда ты свят не золотой одеждой,
Не пышным празднеством, не царственным венцом,
Ты божьей властью свят, народною надеждой,
Ему посредник ты меж ним и божеством.
Ты не прельстишь его потешными огнями,
Не привлечешь сердца пирами напоказ:
Он ждет заветных слов меж царскими речами,
Он ждет: царь-батюшка не вспомнит ли про нас?
Скажи ты пахарям святое слово: воля!
Сними с них барщины несправедливый гнет!
Свободной общине отдай родное поле!
Тогда тебя народ великим назовет.

Не тех ли, что стоят толпой вокруг царских тронов?
Тех, что толкаются среди твоих дворов?
За ленты ползают, живут лишь для поклонов?
Бездушную толпу лакеев и льстецов,
Разводных тактиков, министров безголовых,
Вельмож безграмотных, советников немых,
Судей, отечество всегда продать готовых,
И паразитов всех на празднествах твоих?
Ты их не удивишь: они ждут жадной сворой
Добычу милостей, дождь титулов и чинов,
Ждут места теплого, где бы нажиться скоро,
Чтобы озолотить любовниц и льстецов.
Для них отечество — лишь дойная корова...
Для них казна твоя — источник воровства...
Нет, их не удивишь: им ничего не ново.
Ты для карманов их устроил торжества.

Иль тех, что вдалеке от царского престола
Стоят спокойные средь суетных детей,
Другому, высшему покорные глаголу?
Твоих непризнанных, неузнанных судей?
Во имя истины, во имя человека
Они поставлены свершать свой строгий суд,
И суд тот перейдет к сынам другого века,
И правнуки его в истории прочтут.
Для них цари земли — служители народа;
Для них короны блеск — лишь отраженный свет;
Для них не свят престол — одна свята свобода,
И, кроме истины, других законов нет.
И говорят они: твой пир есть расхищенье
Народного труда, народных свежих сил,
России собственность — твои все помышленья
И в пышных торжествах ты долг царя забыл.

Август или сентябрь 1856

В. С. КУРОЧКИН (?)

82. ВЕРХ ПРЕМУДРОСТИ

Крайний вывод рассудка и знания:
Всё на благо нам создал творец;
В стройном плане всего мироздания
Всё имеет разумный конец.

Создан свет, чтоб в России преследовать
Было что цензорам и попам
И чтоб было о чем проповедовать
Разных школ и цветов мудрецам.

Чтобы люди от глада не сгнули,
Создан хлеб, создан бык и баран;
Чтоб раздоры меж нами не минули,
Создан бог, создан царь и карман.

Только вникни, сколь промысла божия
Попеченье о нас велико:
То, за чем должен вылезть из кожи я,
Глядь — дается другому легко.

Всё затем, чтоб равенство зловерное
Водвориться меж нас не могло;
Чтобы всех прозябанье безбедное
У богатства цены не сняло.

Да, твердит мне рассудок и знание:
Всё ко благу нам создал творец;
В стройном плане всего мироздания
Всё имеет разумный конец.

(1868)

В. С. КУРОЧКИН

83. О ЦЕНЗУРЕ

*Комедия в трех действиях,
без соблюдения единства времени, места и действия*

Весна

1. Поэт

Пришла весна. Но не любовь
Меня манит под тень дубравы;
Нет, негодующая кровь
Меня зовет на бой кровавый.

(Кажется, цензурно?)

2. Редактор

(поправляя)

Пришла весна. Природа вновь
Раскрыла тысячи объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братьев.

3. Цензор

(зачеркивая и поправляя)

Пришла весна. Но не любовь
Меня манит под тень дубравы;
Не плоть, а дух. Я вижу вновь
Творца во всем величье славы.

(Печатать позволяется.)

Любовь

1. Поэт

Люблю тебя. Любовь к тебе
Дает мне бодрость, дух и силу,
Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

(Кажется, цензурно?)

2. Редактор

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной, вековой борьбе
Мои истраченные силы.

3. Цензор

Люблю тебя. И, не скорбя,
Подобно господам писакам,
Я буду век любить тебя,
Законным сочетавшись браком.

(Печатать позволяется.)

Вино

1. Поэт

Люблю вино; в нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорбь гражданина, а коплю
Вражду к проклятым самодурам.

2. Редактор

Люблю вино; я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья.

3. Цензор

Люблю вино; но как люблю?
Как сладкий мед, как легкий танец;
Пью рюмку в день и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.

(Печатать позволяется.)

1863

84. ТОСКА ПО РОДИНЕ

Город роскоши и шума,
 Суеты, молвы, балов,
 Где одна «Градская дума»
 Выше каменных дворцов,
 Где все весело скучают
 И всегда чего-то ждут,
 Служат, пляшут иль гуляют —
 Но житье свое клянут!
 Петра Первого «окошко»
 С толстой рамою двойной,
 Запад виден там немножко,
 А Восток весь за стеной.
 Коль зима — окошко стынет,
 Вид в неметчину закрыт,
 Осенью — волна нахлынет,
 Летом — из окна сквозит!
 А Европа — словно нищий,
 Не отходит от окна,
 За копейкой или пищей
 Лезет в форточку она.
 И хоть много там народу,
 Но — не стерпит ни один:
 Из окошка — прямо в воду
 И отправиться в Штеттин!

(1860)

85. ЧТО БУДУ ДЕЛАТЬ Я?

Что буду делать я,
 Скажи мне, дух!
 Болит душа моя;
 Мне скучно, друг!
 В стране родной всё вздор.
 На что взгляну,
 Во всем и грязь и сор
 Я нахожу.

Мне грезится то ад,
То Страшный суд,
То райский земной сад,
То плеть и кнут.
Ужели навсегда
Сокрыт тьмой свет?
Всё горе да беда,
А счастья нет!
Но что же счастье есть? —
Волшебный сон,
Пустая слава, лесть
Иль злата звон?
За золото — дают
И жизнь и смерть,
Невинность продают,
Закон и честь.
Скажи, где мне достать
Телец златой?
Ужель себя продать
Тебе, дух злой?
Ты хочешь править, бес,
Моей судьбой!
Но вот летит с небес
Защитник мой;
От бога дар несет —
Мне дар святой —
И вместе гимн споет
Творцу со мной.
И станут все внимать
Молитве той,
Лишь будешь ты дышать
Твоей злобой!

<1860>

86. ДВОРЯНИН-БАРИН

Писать задумав про дворянство,
Я рифму к слову стал искать —
И что ж... нашлось лишь *чванство, пьянство*.
Ну что прикажете сказать?
Когда ж прибегнешь к корнесловью,

Не годен корень ни один —
Ужель из одного отродья
Дворецкий, дворник, дворянин?
Зачем *дворняшками* зовутся
Те псы, что лают из ворот?
За кость между собой дерутся —
Ужель они *дворянский* род?
Два слова: «дворянин», «придворный» —
Увы! — слилися в слове «чин»;
И, значит, тоже — шут проворный
Тот, кто *придворный дворянин?*
Дворяне на Руси бывают
Одни лишь те, что при *дворе*;
Хоть родословной их не знают,
Но поместят в календаре,
Иные в *знать* попасть старались,
В своем дворянстве зря изъян,
И выскочки в число попались
Облагороженных дворян!

Но есть еще название... *барин*
И душ владелец столбовой,
Его права скрепил татарин,
С ордой пришедши Золотой.
И развилось в России барство
Назло народу и земли,
Наследство гнусного мытарства,
В степной расцветшее пыли.
Второго ига тяготенье
Тогда почувствовал народ,
И тащат баре к просвещенью
Россию... *задом наперед!*
В столице... барство умолкает,
Там всяк — «служащий дворянин»,
В деревне редко он бывает
И барство... променял на *чин!*
Но с честолюбием кто не знался —
В деревне барином живет.
А чтоб мужик не забывался,
Его он *отчески* гнетет.
Дворянство — в службе богатеет,
А барству — нищенский удел.
Но странно — взяточник худеет,
Помещик... смотришь, растолстел!

Доколь боярина значенье
Мы не способны понимать —
Дворянство — титул униженья,
А барство — варварства печать!
Август 1857

М. Л. МИХАЙЛОВ

87. БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО

〈Из М. Гартмана〉

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он: гордый нрав
В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом —
И взят в борьбе с могучим злом,
И к петле присужден врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть мир! Не смерть страшна:
Больному сердцу в ней отрада!
Ужасно в петле роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадные слетятся,
И над опальной головой
Голодный рой их станет драться.
Но граф в тюрьме, в углу сыром,
Заснул спокойным, детским сном.

Поутру, грустно мать лаская,
Он говорил: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мне так скоро суждено
Расстаться с жизнью молодою!
Погибнет без следа со мною
И имя честное мое.
Ах, пожалей дитя свое!

Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать как лист придется мне».

Мать говорила, утешая:
«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворец пойду, рыдая:
Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбуду на троне...
И поутру, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе.
Коль в черном платье буду я,
Знай — неизбежна смерть твоя...
Не правда ль, сын мой, шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?
Ведь кровь венгерская в тебе!
Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
И до утра он будет спать...
Ему всё на балконе мать
Под белым покрывалом снится.

2

Гудит набат; бежит народ...
И тихо улицей идет,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна настезь. Сколько глаз
Его глазами провожает,
И сколько женских рук бросает
Ему цветы в последний раз!
Граф ничего не замечает:
Вперед, на площадь он глядит.
Там на балконе мать стоит —
Спокойна, в покрывале белом.

И заиграло сердцем в нем!
И к месту казни шагом смелым
Пошел он... с радостным лицом
Вступил на помост с палачом...
И ясен к петле поднимался...
И в самой петле — улыбался!..

Зачем же в белом мать была?
О, ложь святая!.. Так могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

⟨1859⟩

88. ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

⟨Из Т. Гуда⟩

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иглой в руках...
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет —
Поет о рубашке она.

«Работай! работай! работай,
Едва петухи прокричат.
Работай! работай! работай,
Хоть звезды сквозь кровлю глядят!
Ах, лучше бы мне пропадать
В неволе у злых басурман!
Там нечего женщине душу спасать,
Как надо у нас, христиан.

Работай! работай! работай,
Пока не сожмет головы как в тисках!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — ворот —
Ворот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь всё да рубишь сорочку.

О братья любимых сестер!
Опора любимых супругов, матерей!
Не холст на рубашках вы носите — нет!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна!

Но что мне до смерти? Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,
Хоть тотчас костлявая гостя приди.
Я стала похожа сама на нее.
Похожа от голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О боже! зачем это дорог так хлеб,
Так дешево тело и кровь?

Работай! работай! работай —
Мой труд бесконечный жесток.
А плата? Отрепье, солома в углу
Да черствого хлеба кусок.
Скамейка да стол — голый пол —
Убогая кровля сквозится...
И то любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.

Работай! работай! работай!
От боя до боя часов!
Работай! работай! работай,
Как каторжник в тьме рудников!
Строчка — ластовка — ворот —
Ворот — строчка — рубец...
Застелет глаза, онемееет рука,
И сердце замрет под конец.

Работай! работай! работай,
Когда леденеет в окошке стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и светло и тепло —
И ласточки, к выступам кровли лепясь,
Щебечут в сиянии дня,
И кажут мне яркие спинки свои,
И дразнят весною меня.

О! только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами!
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами.
О! только бы час лишь пожить
Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед!

О! только бы час лишь один!
Лишь миг!.. чтоб душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вам нет:
Всё время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои, не теките!
Иголке моей не мешайте вы шить!
Шитья моего не мочите!»

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках...
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет...
Иль песня та к вам, богачи, не дойдет?..
Поет о рубашке она.
(1860)

П. Ф. АЛИСОВ

89. У МОГИЛЫ ГЕРЦЕНА

На мягком склоне покрытой лесом горы,
Где птички поют и так душисты цветы,
Памятник высится между мраморных плит:
Темный, бронзовый бюст солнца луч золотит
И играет на нем, и металл он живит.
Великий, мощный борец стоит как живой;
Взор, проникающий в душу, ясный, прямой;
Лицо величьем, думой полно роковой,

И скрещены руки на широкой груди,
Вздыхавшей тяжко, много при жизни, в тиши.
Горизонты с могильных плит необъятны;
Причудливы скалы, волнисты равнины.
Средь кактусов, пальм, рощ апельсинных садов
Разбросаны палаццы всех стилей, цветов.
Обвивают розы и плющ колоннады;
Ветерок зимний полон неги, прохлады.
Взор отдыхает, пестротой утомленный,
На дымчатых рощах олив монотонных.
Луга, горы в лесах, скал диких обрывы,
Ослепительным солнцем все залитые,
Венчают снегом вечным закутанные
Альпы, суровые, грозно холодные.
При закате льды сияют лазурные...
Моря сапфирного волны прозрачные
Омывают берега поэтичные.

2

Ты в туманной, далекой, свободной стране
Создал слово для немых, ходящих во тьме,
И правдивая речь облетела всю Русь;
Власти злой и тупой не давал ты уснуть;
Угнетателей родины бедной своей
Гнал сарказма бичами из огненных змей;
Спину жалких рабов от плетей защищал,
Оковы, с гневом, с тела и духа срывал.
Русь растущую на бой упорный ты звал;
На юную Русь с верой горячей взирал;
«Колокол» твой был для всей Руси вечевой,
Вольный, летучий листок, бессмертный журнал.
Гадких смертных бичуя, грома, сохранял...
Их безумье, ошибки послужат нам впрок,
Их тяжкий позор — живой и страшный урок.
Ненавистны тебе были трон и алтарь —
Ты видел в царе лишь допотопную тварь.
Всю жизнь казнил, подрывал живущий враждой,
Кровь рабочих сосущий общественный строй;
Не ожесточилось сердце долгой борьбой;
Когда светлые думы мелькали порой,
Было дивными чарами слово полно,
И душу таинственно ласкало оно,
Как ветер весенний меж заросших руин,
Лавра шелест грустный средь забытых могил.

Родись с могучим талантом, сердцем своим
 В стране, где ты, печалью изгнанья томим,
 Свободным словом родине верно служил,
 В Вестминстерском аббатстве твой прах бы
 лежал,

Юбилей твои весь народ бы справлял,
 Всем изданьям твоим счет потерян бы был,
 Ребенок бы знал, где ты навеки затих.
 Родись, где умер, где, чуя приступ грозы,
 Пророчил невзгоды социальной войны,
 И прах твой, при громе пушек, криках толпы,
 Под сенью веющих тихо красных знамен,
 В пантеон всеторжественно был бы внесен...
 Но ты забыт: ты в России рабской рожден!
 Увы! Не покрыт пьедестал именами
 Очарованных огневыми речами.
 Стою, полный восторга, твой почитатель,
 Перед могилой твоей, правды хранитель,
 Защитник России, великий писатель!
 Правительством диким гражданства лишенный,
 Чье слово до наших дней — плод запрещенный,
 Трепетно, тайно под полой провозимый.
 Еще чище горит души твоей пламя
 В наше идеалов лишенное время,
 Выше возносятся все духа стремленья
 Средь постыдного для всех русских забвенья.

Декабрь 1892

Ницца

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

90. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН

Вставай, Русь, царем вся измученная,
 Хищников толпами ограбленная,
 Поповством тупым замороженная,
 По лесам, степям с горя бродящая,
 Хлеба и угла не имеющая!

Есть мера позору, мера страданью!

Встань, обойденная, не медли, не жди,
Бей грозно в набат, ножи, косы остри;
На тюрьмы, дворцы бурной тучей иди.
В тюрьмах цепи разбей, дворцы запали
И красное знамя в окне разверни!
Есть мера позору, мера страданью!

Вставай, Русь, кнутами истерзанная,
Рабством злым, вековым развращенная,
В рубцах, ранах, больная, голодная;
Крест свой слепо, в потемках, несущая,
Как зверь властью лютой гонимая!
Есть мера позору, мера страданью!

Восстань на царя, челядь придворную,
На предателей свору проклятую,
На грабителей, кожу сдирающих,
На попов, раем, адом торгующих,
Чудесами народ надувающих!
Есть мера позору, мера страданью!

Встань, страна, страшный ад пережившая,
Смиреньем рабским мир поразившая,
Своих дивных борцов не познавшая,
В дни казней отстоять не умевшая,
Пред убийцей главу преклонившая!
Есть мера позору, мера страданью!

Народ! В день Судный не верь клятвам, рази!
Царский мерзкий вертеп дотла разнеси!
Публично чудовищ замучай, казни,
Всех гадов зловредных в крови разотри,
В царство света, правды без ноши войди!
Есть мера позору, мера страданью!

Встань за братьев своих погибающих,
В рудниках, крепостях изнывающих,
Заветы любви в груди сохранивших,
О всеобщем благе вечно мечтавших,
Смертную чашу до дна осушивших!
Есть мера позору, мера страданью!

Взбунтуйтесь, войска! собирайтесь, полки!
В грудь подлых злодеев направьте штыки.
В борьбе за народ вы сил не щадите,
Доблестью рабство свое искупите,
Царскую сволочь картечью сметите!
Есть мера позору, мера страданью!

Сентябрь 1891

⟨А. А. НАВРОЦКИЙ⟩

ВОЛЬНЫЙ АТАМАН
СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

⟨Женева. 1873⟩

91

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквям на Руси
Человека того проклинаят,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И, в полуночной мгле, на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути,
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою он был в Москву приведен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

И Степан, будто знал, никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет.

(1870)

Было времечко, время давнее,
 Время давнее, время славное:
 На Руси жила Воля-матушка;
 Никого она не боялася,
 И никто не смел обижать ее.

Как по селам, по богатым городам
 Без боязни все расхаживали,
 Перед Юрьевым, перед славным вольным днем
 От лихих бояр да перехаживали,
 Выбирали кто кого хотел
 И служили кому вздумалось.

Не понравится — и не нудятся,
 Год промаются, год потрудятся,
 А придет пора — не останутся:
 Воле-матушке всяк поклонится
 И пойдет туда, куда хочется.
 Было времечко, время вольное,
 Время вольное, переходное.

Но пришла на Волюшку невзгодушка,
 Юрьев день у бедной Воли отняли
 И детей ее, людей свободных,
 В кабалу по смерть боярам отдали.

С той поры лихой Воля-матушка
 От бояр ушла во дремучий лес,
 Во сыром бору схоронилася,
 С темной ноченькой породнилася.
 Ходит по лесу, по глухим местам,
 С бурей грозною потешается,
 С частым дождичком по корням стучит,
 А в осенний день, в непогодушку,
 Тянет песенку про невзгодушку
 Или по полю с вихрем кружится,
 Или по небу, с ветром буйным,
 Тучи черные разгонять учнет —
 Не мешали бы, непроглядные,
 Красну солнышку светить на землю.
 А иной порой залетит в село,
 Зашумит в трубе, застучит в окно

И шепнет тому, кому надобно,
Кто на барщине от работы мрет:
«Аль забыл меня, крепостной народ!
Позови, смотри, коль понадобится,
Коль пора придет старый счет свести!»
Ходит много лет, не стареется;
И давно уж ждет, не пришла ль пора,
Не отыщется ль богатырь какой
И забытую, и заглохшую
Пустит Волюшку на крешеный свет.
И дождалася. С Дону тихого
Атаман Степан Тимофеевич
Крикнул грозный клич! гаркнул с посвистом!
И сошлись к нему добры молодцы,
Слуги верные Воли-матушки!
А за ними вслед и сама она
Долго ждать себя не заставила!
Лишь слышала — встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетела к нам, поселилася,
Добрым молодцам полюбилася!
Атаман ее принял с почестью;
Погулял он с ней, понатешился!
Перемолвился да условился
С того времени вместе путь держать.
Где пройдет атаман, там и Воле быть!

Мы не воры, не разбойнички,
Атамановы работнички,
Есауловы помощнички.
Мы веслом махнем — корабли возьмем!

Х о р

Жги!

Кистенем махнем — караван собьем!

Жги!

А ножом махнем — всех бояр побьем!

Жги!

<1871>

То не на́ небе туча черная собиралася,
 То не на́ море буря грозная разыгралася,
 То на «Соколе» атаман Степан потешается,
 С есаулами его храбрыми забавляется.

Эх, гуляй, душа, душа вольная!
 Душа вольная, молодецкая!
 Эх, ты жги, говори, да на месте не сиди!
 Да на месте не сиди, знай поплясывай!

Расступись, народ, хоровод идет,
 Хоровод ведет Волга-матушка,
 С ветром буйным, с ночью темною,
 С нашей удалью молодецкою!
 Как пойдем плясать, разыграемся,
 Не мешай никто, с кем не знаемся!
 Начинай, Кузьма, ждать нам некого,
 Начинай живей, ноги чешутся!
 Эх, ходи, гуляй, разговаривай,
 Не робей, Косой, знай наяривай!
 Поднимайтесь ветры буйные,
 Надвигайтесь тучи черные,
 Расходись сама, Волга-матушка,
 Покачай ты нас ради праздничка!
 Ну, ходи живей, разговаривай!
 Не робей, Косой, знай наяривай!
 Расходись рука, ну, живей еще!
 Расступись, народ, места надобно!

Эх, ты жги, говори, да на месте не сиди,
 Да на месте не сиди, знай отплясывай!

<1871>

СБОРНИКЪ
НОВЫХЪ ПЪСЕНЪ
И
СТИХОВЪ.

ИЗДАНИЕ

ПЯТОЕ.

МОСКВА.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ БОРИСОВА.

1873

С. С. СИНЕГУБ

94. ДУМА ТКАЧА

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

«Ах, да зачем же, зачем же вы льетесь,
Горькие слезы, из глаз?
Делу — помеха; основа попортится!
Быть мне в ответе за вас!

Нитка порвалась в основе, канальская,
Эка канальская снасть!
Ну, жизнь бесталанная! Сколько-то на́ душу
Примешь мучениев — страсть!

Кашель проклятый измаял всю грудь мою,
Тоже болят и бока,
Спинушка, ноженьки ноют, сердечные,
Стой целый день у станка!

Шибко измаялся нынче, — присел бы я,
Кабы надсмотрщик ушел.
Эх, разболелися бедные ноженьки,
Словно верст сорок прошел!..»

Взором туманным обводит он ткацкую,
Нет ли надсмотрщика тут;
Сел бы, — торчит окаянный надсмотрщик —
Вмиг оштрафует ведь плут!

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопкѣ,
Маслом прогорклым воняет удушливо:
Да, жизнь ткача нелегка!

Стал он, бедняга, понуривши голову,
Тупо глядеть на станок.
Мечется, режет глаза наболевшие
Бешеный точно челнок.

«Как не завидовать главному мастеру,
Вишь, на окошке сидит!
Чай попивает да гладит бородушку,
Видно, душа не болит.

Ласков на вид, а взгляни-ка ты вечером,—
Станешь работу сдавать,
Он и работу бранит, и ругается,
Всё норовит браковать.

Так ведь и правит, чтоб меньше досталось
Нашему брату, ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин, надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу!

Хвор становлюся; да что станешь делать-то,
Нам без работы не жить —
Дома жена, старики да ребятушки,
Подати надо платить.

Как-то жена нынче с домом справляется,
Что нам земляца-то даст?
Мало землицы; плоха она, матушка,
Сушная, право, напасть!

Как сберегу, заработавши, денежки,
Стану домой посылать...
Сколько за месяц-то нынче придется мне
Денег штрафных отдавать?

Эх, кабы меньше... О, господи, господи!
Наш ты всевышний творец!
Долго ли будет житье горемычное,
Скоро ль мученью конец?!»

Конец 1872 или начало 1873

95. СВОБОДУШКА

На голос:

«Лучина-лучинушка»

Свобода, свободушка, воля вольная,
Что же к нам, лебедушка, не идешь, не летишь?
Полно тебе, вольная, за морем гулять,
Пора тебе гнездышко на Руси свивать.
Со бездоля горького, со людского зла
Давно стонет русская мать сыра земля!
У нас правды-матушки видом не видать,
Про любовь да братскую слыхом не слыхать.
Кривда безрассудная над нами царит,
Всех рукой железною давит и теснит.
Крестьянами вольными кривда нас честит,
А сама про волюшку пикнуть не велит;
Ни земли, ни лесу кривда не дает,
А налоги тяжкие шибко с нас дерет.
Судьи да властители нашу кровь сосут,
Нашим страдным хлебушком закусывают.
А сам царь с вельможами мужиков забил,
И народ измученный тяжким сном почил.
Только песню длинную тянет да поет,
Со страды-невзгодушки стонет да ревет.
Стонет в зиму лютую в студеной избе,
В мороз по дороженьке в худом армяке.
Стонет в лето жаркое в поле за сохой,
Вдоль по Волге-матушке с длинной бечевой.
Под кнутом, под розгами стонет он в судах,
В горькую рекрутчину — в грязных кабаках.
По торной дороженьке, что в Сибирь ведет,
Под конвоем скованный стонет да бредет.
В тюрьмах каменных, в мерзлых рудниках,
Вдали света вольного стонет он в цепях.
Ой ты гой, свободушка, на наш стон и вой
Ты лети к нам, вольная, каленой стрелой!
По полям, по рошицам соловьем свисти
И житье привольное нам благовести.
Рваные лохмотья наши позашей,
Мошны да кошельки казной понабей.
Гольтыбу казацкую напой-накорми,
Сон-дрему свинцовую с мужика сгони,
Силу-мощь духовную ты в него внеси,

По селам, деревушкам школы разведи
И хоть наших детушек светом просвети.
По тюрьмам решетчатым двери отпирай
И несчастных узников на свет выпускай.
Аль у тебя, волюшка, крылья связаны?
Аль пути-дороженьки к нам заказаны?
С тобой и крестьянину — рай, а не житье,
Без тебя же, волюшка, — горе да вытье!
Разойдитесь реченьки, горы да моря:
Проложите волюшке путь в наши края!

⟨1873⟩

96. ДОЛЯ

Посвящается крестьянину Борунову

*На голос:
«Сторона ль моя сторонка».*

Эх ты доля, моя доля,
Бесталанно горькая!
Ты меня ли, моя доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой
Стороны своей лишился —
За крещеный мир честной!

С нас в голодный год несчастный
Стали подати собирать
И крестьянские пожитки —
Скотинушку продавать.

Я от мира с челобитьем
К самому царю пошел,
Да схватили на дороге...
До Питера не дошел.

И по царскому велению,
За прошение мужиков,
Его милости плательщик
Сподобился кандалов.

До стороны своей далеко...
Эх! А надоби узнать:
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

(1873)

97. ПРОСЬБА

М у ж и к и

Государь наш батюшка,
Царь российский белый!
К тебе прибегаем
С просьбою несмелой
О своих нуждишках
И о многом прочем...

Ц а р ь

Говори короче!

М у ж и к и

Доля наша горькая
Да житье бедовое:
Хлеба нет ни крошечки,
Жрем кору сосновую;
Скота много пало,
Земли больно мало,
А оброков много.

Ц а р ь

Потерпи, ребята,
Уповай на бога!

М у ж и к и

Все твои чиновники
Да начальство разное
Нам чинят стеснения
Больно безобразные.
Животишки бедные...
Да деньжонки медные
Дочиста обобраны.

Ц а р ь

Ну, а недоимки с вас
Скоро будут собраны?

М у ж и к и

Время ныне мирное,
Тишина отменная,
Надо бы повинности
Облегчить военные,
Ведь солдаты лишние —
Чистый нам изъян!

Ц а р ь

Так вас и послушаюсь —
Расставляй карман!

М у ж и к и

Белый царь, российскому
Бедному народу
Дай ты настоящую,
С землю, свободу.
Заживет крестьянство
Вольно, тихо, мирно...

Ц а р ь

Не слишком ли, братцы,
Будет это жирно?

М у ж и к и

Если б на последнюю
Просьбу ты склонился,
Если б ты с народом
Властью поделился —
То-то бы веселие
Было на Руси!

Ц а р ь

Натко-сь! Выкуси!

(1873)

98. ДУМА КУЗНЕЦА

*(Посвящается кузнецам и слесарям
села Павлова, Нижегородской губернии,
Горбатовского уезда)*

Тридцать лет скоро вот,
Да с излишком пройдет,
Как я начал ковать
И деньгу добывать.
Молодым пареньком

Дружбу свел с молотком,
И в тяжелом труде,
В неисходной беде
С ним дожить довелось
До седых до волос.

Только станет светать,
Я иду работáть,
И пока в небе свет —
Мне и отдыху нет.

Так-то всю жизнь свою
Я железо кую,
С горя песню пою
Всё про долю мою.
Уголь в горне трещит,
Молот громко гудит;
Моей песне в ответ
Он другую поет.

«Брат мой, молот-ковач!
Я ли не был силач,
А с тобой работать
Скоро мне уж не стать:
Одряхла рука,
Ноют грудь и бока,
И давно б нам с тобой
Уж пора на покой,
Только отдыху, знать,
Нам с тобой не видать.

Сколько, братец, замков
Сработали, крючков
Да ножей в тридцать лет,
Так и счету уж нет!

Бережлив я, не мот,
Не беру водки в рот,
А для черного дня —
Гроша нет у меня.
И как молот нужда
В гроб вбивает меня.
Ты работай как хошь,
От нужды не уйдешь,
А как век доживешь —
Как собака помрешь».

«Куда ж деньги-то, друг,
Уплывают из рук?
Что за лютый злодей,
За лихой чародей
Наши деньги берет,
Кровь мужицкую пьет?»

«Эх! Не лютый злодей,
Не лихой чародей,
Не разбойный народ
Нас клещами-то жмет!

Именитый купец
Да царь белый — отец
Разорили вконец.
Вот рекрутский набор,
Да подушный побор,
Да акцизы на соль
Поперек нас и вдоль
Доконали!.. Потом,
Как живем мы с купцом?

Сработать да продать,
Грош за гривенник взять,
За железо должать —
Вот житье кузнецов,
Слесарей, мастеров.

А от наших трудов
Понастроил торгаш
И палат, и дворцов.

Нет! Довольно страдать!
На людей работáть!
Кликну я кузнецов!
Пик, ножей накуем,
Пушек, ядер нальем,
И густою толпой
За свой труд вековой
Мы на битву пойдем —
Всё вверх дном повернем!

Гей! Богатый народ!
Скоро час твой пробьет!
Уж зовет вас на суд
Весь ограбленный люд!»

(1873)

99

На голос:

«Когда я был аркадским принцем»

Когда я был царем российским,
... французских я любил;
Продав в Америке владенья,
Я им подарков накупил.

Любил охоту я до страсти,
И на медведя я ходил;
Но, нализавшись, не медведя,
А мужичонка подстрелил.

Когда я был царем российским,
С крестьянством лихо подшутил:
Дал в феврале я им свободу,
А к маю по миру пустил.

Когда я был царем российским,
Я много сделал для крестьян,
И их не барам-живодерам —
Велел посредникам я сечь.

Дворянство было недовольно,
Зато доволен был народ:
Его теперь ведь не помещик,
А господин посредник бьет.

Крестьян жалел и без причины
Я не велел их разорять;
За выбиванье ж недоимок
Стал очень щедро награждать.

Меньшую братью — сиволапых
Любил я больше, чем детей:
Для облегченья их страданий
Я им прибавил податей.

Когда я был царем российским,
Дворян в комиссию созвал
И как-то, выпив через меру,
Указ про волю подписал.

Надул народ и в то же время
Велел друзьям его молчать,
А подлое холуёв племя
Мне принялось «ура» кричать!

Когда я был царем российским,
Реформ я много затевал,
И что давал одной рукою —
Другой тотчас я отнимал.

Для блага подданных любезных
Я сделать много был готов;
И набрал <я> себе министров
Из палачей да из попов.

Когда я был царем российским,
Пруссак с шахом в гости звал,
Весьма был рад гостям высоким,
И чем их потчевать — не знал.

И несмотря на все заботы
О благе подданных моих,
Я ожидал, что будет плохо:
Народ, пожалуй, в шею даст.

Ввиду всех этих обстоятельств
Уж я беду предупредил:
На всякий случай куш изрядный
Я в банк английский положил!

(1873)

Д. А. КЛЕМЕНЦ и С. С. СИНЕГУБ

100. БАРКА

*На голос:
«Дубинушка»*

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села —

Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!

Белый царь наш — кормщик пьяный,
Он завел нас на мель прямо.

Ой... *и т. д.*

Шли теченью мы навстречу —
Понатерли лямкой плечи.

Ой... *и т. д.*

Жгло нас солнцем полуденным,
Секло дождичком студенным.

Ой... *и т. д.*

Ой, сидела барка грузно,
И вести было натужно!

Ой... *и т. д.*

Господа на ней сидели,
Веселились, песни пели.

Ой... *и т. д.*

Силы нашей не жалели,
Всё скорей велели.

Ой... *и т. д.*

Они били нас дубиной,
А кормили нас мякиной.

Ой... *и т. д.*

Нашей баркой заправляли,
Нам же пикнуть не давали.

Ой... *и т. д.*

От такого управленья
Стала барка без движенья.

Ой... *и т. д.*

Из-за глупости дворянской
Не стоять барке крестьянской.

Ой... *и т. д.*

Чтоб придать ей снова ходу —
Покидаем бар мы в воду!

Ой... *и т. д.*

Чтобы барка шла вернее —
Надо лоцмана в три шеи!

Ой... *и т. д.*

И тогда охотно, смело
Снова примемся за дело!

Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая, сама пойдет!

<1873>

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

101. КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

На голос:

«Здравствуй, милая, хорошая моя!»

Эй, ребята, собирайтесь поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружей!

Полно нам под дудку барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть?..

Не прогневайся, помещик-баринок,
Полицейский не прогневайся крючок!

Не прогневайся и ты, пузан-кулак,
Коль не по носу придется наш табак!

Сколько времени на нашу на беду
Уж помещик да кулак дудят в дуду.

А начальство знай подхлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом!..

Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний знай летит!

Господа да кулаки берут гроши:
Очень-де мужицки деньги хороши!..

А помещик-вор и землю оттягал;
Ах ты сукин сын, чтоб черт тебя подрал!

Ну а ты, надежда-царь, чего ж глядишь,
За сирот своих родных не постоишь?..

Коль не властен, так какой в тебе и прок!
А коль властен, да не хочешь,— ну, дай срок!..

Нет, шабаш теперь, честные господа,
Есть теперича своя у нас дуда!..

Собирайтесь, ребята, поскорей —
Грянем песню мы крестьянскую дружей!

Та ли песня мать-землицу отберет
И ко всем чертям помещиков пошлет!

Та ли песня изведет все паспорта
И постылое начальство навсегда!

Та ли песня сдаст все фабрики в артель,
А хозяин да кулак — пошли отсель!..

Припеваючи, по-братски заживет
Под крестьянску песню весь честной народ!..

Расправляйте ж, братцы, грудь свою вольней,
Грянем песню мы крестьянскую дружей!

Между 1873 и 1875

Н. А. НЕКРАСОВ

102. ПЕСНЯ НАРОДНОГО БОРЦА

Душно без счастья и воли,
Жизнь бесконечно длинна,—
Буря бы грянула, что ли!
Чаша с краями полна.

Грянь над пучиною моря!
В поле, в лесу засвищи!
Чашу народного горя
Всю расплещи!!!

1868

В П Е Р Е Д !

Непериодическое обозрение
Цюрих — Лондон. 1873 — 1877

В П Е Р Е Д !

Двухнедельное обозрение
Лондон. 1875 — 1876

Н. П. О Г А Р Е В

103. СВИДАНИЕ

Два императора
Съезжались ныне
Поцеловаться
В городе Берлине.

Мы, говорят, друг с другом
Войны не поднимем;
Мы, говорят, друг друга
Приятельно обнимем.

Друг другу, говорят, поможем
Надуть свои народы
Не только во имя рабства,
Но и во имя свободы.

Главное ж дело —
Сохранность власти
И чтобы самим не вышло
Какой напасти.

Ах, окаянные!
Скоро ли ж это
Люди очнутся
От Ветхого завета?

Да так уж очнута,
Чтоб не пришлось вам
Больше ни драться,
Ни целоваться!

Апрель или май 1875

П. Л. ЛАВРОВ

104. НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!

Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою;
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

<1875>

105. В ПАМЯТЬ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ 1848 ГОДА

Нету работы... семья голодает...
Двое малюток припали к отцу,
Рвут на нем платье, есть просят, рыдают...
Мать на них молча глядит и страдает...
«Полноте, дети,— отец утешает,—
Наши страдания приходят к концу:
Хлеба нам или свинцу
Завтра республика дать обещает».

Сдвинуты брови и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицам йдут, и звуки
Песни их грозной исполнены муки:
«Завтра раздастся здесь гром боевой;
Знайте же, братья: вас ждет впереди
Хлеб на столе или пуля в груди
После борьбы роковой!»

Знамя над грудюю камней взвивается...
Строит народ баррикаду...
Завтра он здесь умирать собирается;
Здесь для свободы алтарь воздвигается;
Здесь новой жизни заря загорается,
Людям грядущим в урок!
Будет героям награда —
Пуля иль хлеба кусок!..

Тени ночные спустились над зданьями...
Полон решимости мрачный народ:
Завтра он кончит с своими страданиями!
Полный надеждами и ожиданиями,
Жаждою полный борьбы,
Целую ночь он очей не сомкнет,
Завтра он хлеб или пулю возьмет
С бою у грозной судьбы!..

27 июня 1875

Париж

106. ЗАПОВЕДИ ОТЩЕПЕНЦА

(Акростих)

Борись за истинный закон
Равенства, братства и свободы,
А не за строй былых времен:
Тот строй идет против природы.

Своди с престола сильных мира —
Тиранов, деспотов, владык.
Война рабам царя-кумира:
Он к жертвам общества привык!

Работай за меньшую сестру,
Апостол истинной любви;
В ее борьбе с давящей знатью
Ей помогай, ее веди!

Не пожелай себе главенства,
Стать выше всех не пожелай;
Твой идеальный план равенства
В живое дело претворяй.

Одна за счастье порука —
Свободный мыслью человек;
Всё, что пророчила наука,
Осуществит свободный век.

Бесстрашен будь, ты — сын свободы!
Оставь рабам их страх людей:
Другая жизнь зовет народы,
А наша жизнь — ступень лишь к ней.

18 февраля 1876

107. АПОСТОЛ

Когда железною рукой
Нас власти гнет повсюду давит,
Когда безумный произвол
Измученным народом правит,
Когда никто во всей стране
От страха уст раскрыть не смеет
И силы лучшие людей
В дремоте тяжкой цепенеют,—
Среди страданий и оков
Порабощенного народа
Иди по селам, городам,
Кричи: «Да здравствует свобода!»

Где человека человек
Скотиной выючною считает,
Где всё пред денежным мешком
Колени трепетно склоняет,
Где честь, и женская любовь,
И человека труд свободный —
Всё покупается с торгов,
Где, презираемый, голодный,
Работник жизнь свою клянет,—
Пусть там твое живое слово
К борьбе со злом и к жизни новой
Народ молчащий воззовет.

Где сильный слабого теснит,
Где деньги право заменяют,
Где всюду наглый паразит
Народ бессильный истощает,
Где человека топчут в грязь,
Где палачи, страны судьбами
Владея, нагло душат всех
Своими грязными руками,—
Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы.
Туда иди! Будь людей!
Зови к оружию народы!

Не ты виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется:
Без жертв, без крови, без борьбы
Народам счастье не дается.
Не ты безжалостной рукой
Народа грабил достоянье;
Не ты отдал его судьбу
Своим льстецам на поруганье;
Не ты, когда страдал народ,
В чертогах пышных веселился;
Не ты виной, что он за нож
Теперь в отчаянье схватился.

Иди и не слабей в борьбе!
Пусть речь твоя не умолкает!
Пусть будит дремлющих она,
Из гроба мертвых поднимает!
Когда же, к радости врагов,
Ты попадешься власти в руки,
Не поблднеешь ты пред ней,
В оковах, обречен на муки.
И если радостный палач
Тебя с улыбкой бессердечной,
Нахально спросит: «Чья взяла?» —
Ответь: «Моя взяла, конечно!»

(1876)

И. Л. ЛАВРОВ (?)

108. НОВАЯ ТЮРЬМА

П р о х о ж и й

Строится, вижу, здесь что-то такое;
Здание, кажется, будет большое...
Что ты здесь строишь? Казармы? Дворец?
Знать любопытно: скажи, молодец!..

К а м е н щ и к

Правда, работы здесь будет немало.
Трудное время, брат, нынче настало.
Слышь, зароптал наш рабочий народ:
Полно работать ему на господ!

Видно, не стало уж дальше терпенья
Молча сносить все неправды, мученья,
Вечно трудиться для праздных гуляк...
Думу задумал крестьянин-вахлак:
Хочет он сам добывать свою долю;
Ходят всё слухи про новую волю...
Вот и пошел, что ль, указ от властей
Страху нагнать на строптивых людей:
Всех, кто стоит за народ за голодный,
Жалует царь наш тюрьмой новомодной.
Каторги мало, знать, стало ему:
Выдумал новую, злую тюрьму.
Важная штука — могилушка эта!
В ней не увидишь и божьего света;
Стоны, рыдания лишь гулом пройдут;
Заживо мертвым тебя погребут...
Так-то, земляк! не дворец, не палаты —
Строим живому мы гроб здесь проклятый,
Каменный гроб для свободы людей,
Каменный гроб для народных друзей.
А велика! Знать, немало народу
Стало теперь за святую свободу...
Был здесь сам царь и молебен служил,
Сам первый камень тюрьмы заложил —
Богу потом на коленках молился.
Я поглядел... и душою смутился...
Вишь, кровопийцы! Людей-то морят —
Сами о боге, любви говорят...
А как подумаешь, мы-то что сами?
Строим тюрьму мы своими руками,
Строим тюрьму для себя для самих
Да для народных друзей дорогих...
Горькая дума! Болит ретивое!
Время-то тяжкое вышло такое...
Эх, брат, заела злодейка нужда!..

П р о х о ж и й

Полно тужить, молодец, не беда!
Видимо стало: не долго нам маяться!
Скоро придется всем хищникам каяться;
Скоро здесь буря везде заревет;
Скоро восстанет рабочий народ.
Дрогнут враги его, страхом объятые;
Рухнут пред ним эти зданья проклятые:

Тюрьмы, казармы, суды и дворцы...
С гордых царей он сорвет их венцы...
Брось же, товарищ, печаль и заботу:
Скоро нам будет иная работа...

К а м е н щ и к

Слово ты, брат, не пустое сказал;
Я уж давненько его поджидал.
Больно уж много народу страданья!
Всё не приходит наш час воздаянья!
Пусть он ударит: мы вместе пойдём
Правду святую добыть топором!

⟨1876⟩

Г. А. МАЧТЕТ

109. ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ!..

Замученному в остроге Чернышеву, борцу за народное дело

Замученный тяжкой неволей,
Ты славную смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты буйные кости сложил...

Служил ты немного, но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твои братья по духу,
Тебя на кладбище снесли...

Наш враг над тобой не глумился...
Кругом тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах,—

Нет, злоба нас только душила!
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись!..

С тобою одна нам дорога:
Как ты — мы в острогах сгнием...
Как ты — для народного дела
Мы головы наши снесем;

Как ты — мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымеется мститель суровый,
И будет он нас посильней!

1876

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

110

Не трава в степи колышется,
Не в дубраве ветер шумит, —
Клич удалый, мощный слышится —
В бой с врагом идти велит.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецов, —
Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.

Не страшат борцов мучения,
Ни тюрьма, ни эшафот:
Полны мужества, презрения,
Смело движутся вперед.

Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков!
Суд чини, расправу грозную:
Зуб за зуб и кровь за кровь!

Западет пусть в душу каждого:
Подлость, зло с земли стереть
Иль на трупѣ брата павшего
За свободу умереть!

Братья! дело наше правое:
Смело в путь идти должно;
Пусть нас сотнями ссылают;
Будь что будет — всё равно.

Чем всю жизнь прожить под гнетом,
Лучше разом кончить с ней.
Жить, как жили мы доселе,
Это — жизнь меж двух огней.

Пусть горит в душе отвага!
Пусть пылает правдой речь!
Пусть девизом нашим будет:
Победить — иль с честью лечь!

Хлынем, братья, не робѣя,
Как потоки вешних вод!
Пусть для деспота со сворой
Час отмщения пробьет!

Так сойдемся, братья, дружно
Чашу братства вместе пить,
Чтоб над павшим монархизмом
Знамя равенства развить!

(1876)

П. Л. ЛАВРОВ

111. РОЖДЕНИЕ МЕССИИ

Когда-то шли толпы в соборы
Почтить ту ночь, когда с высот
Гремели херувимов хоры,
Благую вѣсть неся в народ:
«Родился в бедности Мессия,
Родился в яслях царь миров!

Он прекратит вражды земные,
Он уврачуе боль рабов,
Он сломит цезаря гордыню,
Он фарисея обличит,
Разрушит идолов святыню,
Любовь и правду водворит!»

Века минули за веками,
Но всюду царствует вражда;
Народов кровь течет реками;
Для фарисеев нет суда;
Под лицемерием закона
Раб голода живет рабом,
И на бессмысленные троны
С небес не низлетает гром.
Любви и правды от Мессии
Народы перестали ждать;
Не сходят ангелы святые
Земное зло уврачевать.

Бессильны жаркие молитвы,
Бессильны Будды и Христы
Среди бесчеловечной битвы,
Среди безумной суеты...
Встань, человек! Ты мертвый идол
Своей любовью оживил.
Ему *свою* ты силу придал,
Себя в Христе ты воплотил;
Благую весть освобожденья
Ты *сам* в душе своей пропел.
Ты чуда ждешь? пришло мгновенье:
Иди на путь чудесных дел!..

Иди! Да восстают народы!
Да прозревают все слепцы!
Весть братства, равенства, свободы
Да грянет в мир во все концы!
Да встанет из своей могилы
Работник Лазарь навсегда!
Да рухнут царства грубой силы!
Да придет грозный день суда!
Да воцарится правда всюду,
Да обновится мир трудом!
Иди, свершай земное чудо!
Сам для себя будь божеством!

Но знай: не дремлют фарисеи.
Христос! тебя Голгофа ждет!
Тебя осудят иереи;
Пилат на казнь тебя пошлет.
Ступай на крест за благо братьей,
На крест за правды торжество!
Среди клевет, среди проклятий
В себе родишь ты божество.
В борьбе твои окрепнут силы,
Настанет час: ты повелишь —
И разлетится свод могилы,
И старый мир ты обновишь.

Придешь ты грозным судиею
С мечом и пламенем в руках;
Ложь затрепещет пред тобою,
Кумиры зла падут во прах.
Народы в день освобожденья
Скрепят свой братский договор,
И новое раздастся пенье:
Благая весть! Священный хор!
«Мессия истинный родился —
Всесильный богочеловек!
Он в нашем деле воплотился —
Он — правда, братство, мир — навек!»

25 декабря 1870

Париж

П. Л. ЛАВРОВ (?)

112

Война!.. На землю мрак густейший
Ложится трауром окрест,
И повелитель августейший
В народ бросает манифест.

С лица земли стереть желая
Врагов, ликуют без конца
Опять, как в годы Николая,
Холопы Зимнего дворца.

201

Урок истории минувшей
Забыв, бушует вновь, как встарь,
Цивилизации хлебнувший,
Но ею проклятый дикарь.

Он, встав, шетинится штыками,
Славян освобождать идет,
Забыв, что *с русскими полками*
Свобода рядом не идет,

Что роль позорную играем
Мы на двойном своем пути:
Одной рукою Польшу давим,
Другой славян хотим спасти...

А вы, славяне, наши братья!
Пусть вас не тешит звон мечей!
Иуды нового объятья
Страшней турецких палачей...

И как евреи ждут Мессии
И не дождутся никогда,
Так не взойдет для вас в России
Освобождения звезда.

1877

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

113. ПИСЬМО В ТЮРЬМУ

Прощайте, братья дорогие!
Вы в жертву преданы судьбой,
В могилы гонят вас живыми,
Как гнали всех за правый бой.

Что тяжко жизнь влачить в неволе,
Мы это чувствуем глубоко;
И та же участь, та же доля
Постигнет нас по воле рока.

Но ни тюрьма, ни даже казни
Не сломят дух протеста в нас:
Дорогой той же без боязни
Пойдем мы мстить, друзья, за вас.

<1877>

Мой привет тебе, брат по несчастью!
 Ты, как я же, стал жертвой цепей!
 Погубило нас жизни ненастье:
 Трусость, глупость и злоба людей!

Не такого б ты стоил удела,
 Полный жизни, энергии, сил;
 Верный рыцарь великого дела,
 Ты любимым бы был и любил.

Но не то тебе пало на долю:
 Ты аскетом всю жизнь проживешь,
 Из тюремной лишь выйдешь неволи,
 Как в тюрьму ты опять попадешь.

И, всю жизнь, как бродяга, скитаясь,
 Слово правды везде разнесешь;
 Но, за счастьем людским век гоняясь,
 Своего ты нигде не найдешь!

Но во многом найдешь ты отраду:
 В том, что честно исполнил свой долг,
 Что страдал за любовь и за правду,
 Что твой подвиг был труден и долг

И что был он свершен не напрасно,
 Как отшельника подвиг тупой,
 Что, бичуя себя ежечасно,
 Истомляет бесплодной борьбой.

Нет, погибнешь ты, брат мой, недаром!
 Что ты сеял, то всё и взойдет,
 Всё, чему ты учил с юным жаром,
 Всё в народе свой отклик найдет!

Глубоко западут в его душу
 Семена те, назло людям тьмы:
 Их не вырвет суровая стужа
 Русской вселеденящей зимы.

Грозен будет тот отклик народа!
Громче звона его кандалов,
Громче яростных воплей врагов
Прозвучит это слово — «Свобода»!!

Рухнет старый союз бюрократа,
Фабриканта, попа и солдата;
Как виденье тяжелого сна,
Вековая исчезнет тюрьма!

Рухнет с виду столь прочное зданье,
Так как в самом его основанье
Подточил его старый термит,
Человеческих сил паразит.

И на грудах костей твоих братьей
Оснуется то царство любви,
Где не будет уж слышно проклятий,
Стонув жертв, затопленных в крови.

1877

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

115

Будем верить и ждать, будем громко звать
 Всех к расправе и мести народной
 И дождемся поры, что блеснут топоры
 И восстанет народ угнетенный.

(1876)

П. В. ГРИГОРЬЕВ (?)

116. К ДРУЗЬЯМ

И в лесах, и в степях,
 В низких кúрных избáх —
 Всё крестьянские семьи страдают...
 В тех избах злой зимой
 И в мороз ледяной
 Ветры свищут, гудят, завывают...
 Не имеет семья
 В них и хлеба куска
 И, питаясь корой, голодает...
 От зари до зари
 Почву тощей земли
 Она пóтом своим поливает...
 Что земля родила,
 Что за труд нам дала —
 То помещик и царь отнимают...
 Недоимку притом
 Всем хозяйством, скотом,
 Распродав кулакам,— пополняют...

И за голод, за труд
Их ругают и бьют,
Безнаказанно всё оскорбляют...

Там и сям гул стоит,
Дым тьмой небо коптит,—
Люд заводский, фабричный страдает;
Вечный смрад, дым и чад,
Как губительный яд,
Там несчастных людей отравляет!..
Там работа сверх сил
Средь бездушных машин
Им болезненно грудь надрывает...
Алчность там богачей
Для своих барышей
Тех рабочих увечит, ломает...
За увечье, за труд
Грош рабочим дают,
С бранью вон их богач прогоняет
И увечных отцов,
Их детей, жен и вдов
Бессердечно по миру пускает...
Холод, голод терпя,
Там малютка-дитя,
Даже тот свою жизнь проклиняет!

И страдальцев таких —
И бездельных, сирых
И голодных — у нас миллионы...
И гудят над землей
Всей России родной
Их бессменные, тяжкие стоны...
Кровью он удобрил
И слезами полил
Наш народ свою землю родную;
Обречен он страдать,
Голодать, холодать
Всю печальную жизнь трудовую...
Запретили ему
Суеверия тьму
Разогнать ярким светом науки,
И лишь в тщетных мольбах
Пред иконой в церквах
Ищет он исцеленья от муки...

А по тюрьмам глухим,
Нездоровым, сырым,
Души честных людей изнывают
Лишь за то, что честна
Молодая душа,
Их за то лишь в застенки бросают...
И народ свой любить,
Ему честно служить
Им под страхом тюрьмы запрещают...
Честным быть не велят,
Их за знанье казнят,
И ссылают в Сибирь, и пытаются...
С сердцем, полным любви
К угнетенным, они
Под рукой палача умирают —
И любить всей душой
Наш народ, край родной,
Умирая, живым завещают.

Эй, чиста чья душа,
Сердце чье и рука
Не обрызганы кровью народной,
Кто успел в царстве тьмы
Сохранить хоть мечты
О другой жизни, вольной, свободной,—
Не теряйте минут:
Вас друзья ваши ждут,
Протяните им руку скорее;
Породнившись в одной
Мысли честной, святой,
Вы с друзьями сходитесь теснее!
«Счастье всех» — наш девиз,
Знанье, честная мысль
Обеспечат идее победу...
Наш теперь здесь черед,
Наша мысль не умрет,
Разольет она счастье по свету...
Самовластье царя
И корысть торгаша,
Все, кто были народу врагами,
Подлость лишь в чьих умах,—
Все рассеются в прах,
Разлетятся, как дым, перед нами!

Эй, скорей же, скорей
Собирайте друзей
Вкруг себя для борьбы за свободу!
Не умрем — победим
В том бою и дадим
И науку, и счастье народу!

⟨1876⟩

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

117. НЕЧЕГО ЖДАТЬ!

Время унылое. Грозное горе
Камнем тяжелым на сердце легло:
Счастья житейского светлое море
Кровью народной полно...

И, в той крови, как в вине, утопая,
Мелких страстей и разврата полна,
Дикая, алчная хищников стая
В мире пирует одна.

Вечно народною кровию пьяны,
Сытые вечно народной слезой,
Гнусные эти народа тираны
Всё попирают собой.

И в эту страшно тяжелую пору
Присуждены мы позорно молчать
Или терпенью к тупому позору
Темный народ поучать.

Грозные мстители, встаньте же, что ли!
Нет больше сил, ни терпения ждать!
Ржавые цепи народной неволи
Время пришло разорвать.

Встань, подымайся, всё юное племя!
Встань, весь народ для расправы крутой!
Хищников алчных ненужное время
С плеч поскорее долой!

⟨1877⟩

118. ДРУЗЬЯМ

Друзья! Страдать, как я страдаю,
Не дай бог никому из вас;
Я не живу, я умираю
Изо дня в день, из часу в час.

И, может быть, настанет время,
Когда подавит наконец
Меня бессменной пытки бремя,
И стану я живой мертвец.

И неразумными устами
Произнесу хулу тому,
Что шел прямыми я путями,
Что слишком ненавидел тьму.

Но если это святотатство
Язык мой слабый совершит,
Пусть в вас не гнев, а чувство братства
И справедливость говорит.

Тогда, поникнув головою,
Скажите: пал он наконец!
Почтим его своей слезою;
Он наш, он честный был боец!

Для дела братства и свободы
Он ничего не пощадил,
Он отдал всё в бою с невзгодой,
Всё — до последней капли сил.

Он отдал то, что больше жизни, —
Свой ум, способность понимать,
И нам ли ядом укоризны
Такую жертву запятнать?

И пусть тогда мое паденье,
Вся горечь мысли обо мне
В вас пробудит и жажду мщенья,
И ненависть ко злу вдвойне!

Тогда кидайтесь в бой суровый,
Пусть он грозней, грозней кипит:
Быть может, клич ваш бранный снова
Мой дух замерший пробудит!

1877

ДЕТОУБИЙСТВО,
СОВЕРШАЕМОЕ РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ...

Женева. 1877

С. И. БАРДИНА (?)

119. ДВЕ СОСЕДКИ

Боже мой, какая скука
Заключенной быть в тюрьме!
Целый день лежать без звука
И без мысли в голове!
А как тяжко, тяжко, душно,
Словно камень давит грудь,
Сердце бьется непослушно,
И так тяжело вздохнуть.
Но ведь рядом тоже клетка...
Может, веселее там?
Стук-стук-стук! «Ну что, соседка,
Хорошо ль живется вам?»
— «Легкие всё не в порядке,
Стало трудно мне дышать,—
То чахотки злой зачатки.
Видно, надо помирать!
Кашель мучает вот тоже
Окаянный, грудь болит...
А сияющий мир божий
За окном так жить манит.
За железную решетку
Солнца луч скользнул,
Ветерок, ворвавшись в клетку,
Свежестью пахнул —
Шепчет, лишь к лицу касаясь,
Про зеленый лес,
Что, вершинами сливаясь
С синевой небес,

Аромат распространяет,
Свежесть сосен, мхов,
Грудь больную укрепляет
Лучше докторов...
Шепчет, нервы раздражая,
Про тот луг родной,
Где цветы, благоухая,
Искрятся росой;
А порой звучит уныло
О борьбе глухой,
Где была б полезна сила
Жизни молодой.
Но подрезаны мне крылья...
Давит, как тиски,
Чувство гордого бессилья,
Злобы и тоски.
Перед смертью я не трушу,
Но желала бы пожить,
Чтоб все силы и всю душу
В дело положить».
Кашель жалобный раздался,
И пронесся стон,
Жгучей болью отозвался
В сжатом сердце он.
Но и справа есть соседка,
Дай толкнусь туда,
Лишь понять ее нередко
Трудно — вот беда!
«Как живешь, касатка Маша?»
— «Плохо, друг мой, злят...
День и ночь ведь в стену нашу
Жулики стучат.
Арестанты — все спириты,
Замечаю я,
А жандармы ядовито
Смотрят на меня.
Замечаю, как презренье
В лицах их сквозит,
А улыбка сожаленья
На устах скользит.
Но, что вижу я, о боже!
Огоньки горят!
Из углов и окон рожи
Страшные глядят!

И всё больше! То толпятся
Гномы вокруг огня,
С адским хохотом грозятся
Погубить меня:
„Как, несчастная, мечтаешь
Обновить ты мир?
Уничтожить в нем желаешь
Наш кровавый пир?
Не спасешь ты человека!
Нам, и нам одним,
Адом власть дана от века
Царствовать над ним!“
Подо мной разверзлась бездна,
Всё плывет кругом,
Я борюсь, но бесполезно!
Побеждает гном!»
Смолкло всё. Лишь часового
Раздается мерный шаг,
Безотрадно и сурово
Смотрят звезды в небесах.

⟨1877⟩

120. К МАТЕРИ

Когда несчастье надо мной
Нависло крышкой гробовой,
Одна лишь, любящая мать,
Сумела ты меня понять.

Эгоистичная семья
Об арестантке позабыла,
Лишь ты, родимая моя,
В слезах и в горе вся изныла.

Зато я буду уважать
Тебя, родная, беспредельно
И образ твой благоговейно
В святыне сердца сохранять.

⟨1877⟩

*Осужденной на каторгу
сенат(ским) судом 22 февр(аля)
1877 г. девице Лидии Фигнер*

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, поскорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...

Крестьянские вериги вместо платья
Одев и сняв преступно башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.

Застигнута на месте преступления,
С поличным я на суд приведена...
Зачем же тут свидетели и пренья?
Ведь я кругом уличена!

Оставь, судья, ненужные допросы...
Взгляни — я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Видны мозоли на руках.

Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне.

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья!
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я!

Пожизненно меня ты покароешь,
Но мой недуг уж написал протест...
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арест...

А я умру всё с тою же любовью...
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!..

8 марта 1877

122

Блаженны кротции, ако тии
наследят землю.

Евангелие от Матфея, V, 5

Возлюбила ты брата убогого,
Ты его утешала слезами —
И за то пред судью тебя строгого
Привели, оковавши цепями.

Принесла перед ним ты повинную,
У судьи опустилися руки:
«Как могу я голубку невинную
Осудить на жестокие муки?!»

Нет, судья! Эту девушку бледную
Беспощадным карай приговором:
Иль не чуешь ты силу победную
Под незлобивым, любящим взором?!

Нет! не ратью, оружием сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побежден будет мир наш великий!

12 марта 1877

123

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели...

215

Нам было лестно состраданье
Прочесть у них на лицах к нам...
Мне даже слышалось рыданье
Из отделения для дам...

И продолжалась до обеда,
И даже больше, их печаль...
У них о нас велась беседа,
Все говорили: «Жаль их, жаль!..»

А у меня, в тюрьме угрюмой,
Была меж тем своя печаль.
Полна им непонятной думой,
Я говорила: «Мне *вас* жаль!..»

12 марта 1877

124

Мы были там. Его распяли,
А мы стояли в стороне
И осторожно все молчали,
Свои великие печали
Храня в душе своей — на дне.

Его враги у нас спросили:
«И в вас, должно быть, тот же дух?!
Ведь вы его друзьями были!»
Мы отреклись... Нас отпустили...
А вдалеке пропел петух...

Нам было слышно: умирая,
Он всё простил своим врагам;
Он умер, их благословляя,
Открыв убийце двери рая...
Но... он простил ли и друзьям?!

14 марта 1877

125. К <Л. Н.> ФИГНЕР

Милая девушка! Сильно влияние
Внешней чарующей нас красоты —
Так; но сильнее ее обаяния
Прелесть душевной твоей чистоты.

Много в изящной фигуре гармонии
И благородства в движеньях твоих,
Чувства движенья еще благороднее,
Сердце великое чуется в них.

Полон Спасителя лик сострадания,
Скорби в божественных много чертах,—
Но еще больше любви и страдания
В этих бездонно-глубоких очах.

<1877>

СТАНОВОЙ

*(Быль в стихах)**Петербург. 1877*

1

Полицейский нахал
Тройку серых загнал...
Он кричит, ямщика погоняет;
Точно вихорь зимой,
Господин становой
На деревню грозой налетает.

Колокольчик гудит,
То младенцем визжит,
То как пес перед гибелью ноет,
Тройка скачет, летит,
Бор сосновый дрожит
И макушками жалобно воеет.

За версту до людей
Осадил лошадей...
Колокольчик замолк, оборвался...
И к избе небольшой,
Словно тать, становой
По задворкам тихонько пробрался.

2

Некрасива изба:
Как старушка-раба,
Пригорюнилась, в землю вращает;
Но в окошке одном,
Что глазок небольшом,
Словно звезды господни мерцают.

И старинный напев,
Запрещенья презрев,
Из убогой избы доносился;
В ней собрался народ,
Сын тяжелых невзгод,
По душе собрался и молился.

Ряд старинных икон,
Память лучших времен,
Озарен восковыми свечами;
Посреди аналой,
На нем крест золотой —
Бог Исус, измозженный гвоздями.

Посредине стоит
И молитву творит
Ветхий старец, как лунь побелевший,
Но тяжелым постом
И великим трудом
На земле неземное прозревший.

Сколько в жизни видал,
Сколько мук испытал
Этот старец, бедою согбенный!
Ничего не забыл,
Много людям простил,
Голубиной душой вдохновенной.

То покой мудреца,
То улыбка отца
Добрый лик старика украшают...
В черный горести день
Изо всех деревень
За советом к нему приезжают.

Он утеху найдет,
Грусть-тоску разведет,
Побранит, приголубит, наставит;
А заблудших детей,
Что родных сыновей,
Понаучит и в жизни направит.

Под воскресные дни
Соберутся они,
А старик им по книге читает,
Как учил, как страдал,
Как за них умирал
Тот, кто миром миров управляет.

3

Распахнулась дверь. С глупой трубкой в зубах,
Шапку набок, глазами сверкает,
Полицейский стоит... На бескровных губах
Ядовито насмешка играет...

«Где мерзавец? Где поп?.. Что, попались, друзья?
Ах вы чертово подлое семя!..
Али гость невпопад? Аль забыли, кто я?
Или чешется хамское темя?»

Не докончивши речи, поганой рукой
Он за бороду старца хватает —
И со стоном на землю святой головой
Новый агнец, как сноп, упадает...

Дрогнул мир христиан. Застонала толпа,
Словно по сердцу плетью хватило...
Бабы плачут навзрыд (баба в горе глупа —
Плачет горько, бессильно, уныло).

Гул и ропот пошел. Загорелись глаза
У привычных к безмолвью страданья...
Брови сдвинулись вдруг, повисла гроза,
Наступила пора воздаянья!

Сжались все кулаки... «За отца постоим!
Не давайте в обиду святого!»
— «Я вас всех в кандалы!» — «Не дадим, не дадим!»
И приперли к стене станового.

Становому конец... Но, бывалый в делах,
Вдруг он свистнул... И, точно указом,
Отворилась дверь... С кандалами в руках
Пять десятских явилось разом.

Понятые и всякая сволочь вопит...
Мужики оробели, смешались...
Стали руки крутить... на телеги валить...
Остальные домой разбежались...

И пошла кутерьма! Крест, лампы, псалтырь,
Аналой и святые иконы
Опечатал и в кучу свалил...
Раздаются тяжелые стоны...

4

Но бессильны они! До сих пор не родил
Мир мужицкого вопля такого,
Что хоть раз бы вселенской бедою смутил
Злую душу дельца станowego.

И хоть тысячи тысяч веков протрадай
Этот люд в беспощадной невзгоде,
И хоть тысячи тысяч семей погибай
В безответном смиренном народе,—

Нет исхода ему! Его рок — изнывать
На работе бесплодной и дикой;
Что сработал — «счастливым» земли отдавать...
О народ, о страдалец великий!

Да придет ли, желанный, придет ли пора,
Когда силу свою роковую
Ты поймешь, развернешься и в три топора
Станешь чистить ту негодь людскую,

Что, забравшись вперед, не дает тебе жить,
Изо рта твой кусок вырывает.

Встань, проснись, богатырь! Время биться
и мстить!
Враг уж новые силы собирает!..

ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ

*Сборник стихотворений русских
заключенников по политическим причинам
в период 1873—77 гг., осужденных
и ожидающих «суда»*

Женева. 1877

С. С. СИНЕГУБ

127

Думы мои любые,
Думы мои честные,
Жить не помешают вам
Эти стены тесные:

Светом освещенные
Правого страдания,
Вы в народ прорветесь
Силой упования;

Жизнь его просветите,
Грудь его согреете,
Мысли-сон прогоните,
Рабства тьму рассеете!

(1877)

128. К БЮСТУ БЕЛИНСКОГО

Слава тебе, показавшему нам свет!

Ты в пору мрачную невзгод
Пришел с призывом к жизни новой.
Рабом замученным народ
Стоял внизу, во тьме гробовой,
И ни единого луча
Не прорывалось в мир голодный,
Там раздавался свист бича
Над трудовой спиной народной.

Без перемен его судьба
Плелась от века и до века,
Под оболочкою раба
Стиралась личность человека!
Вверху же — барство и разврат,
Невежество в союзе с ленью
Да, как чума, лакейства яд
Вполне царили. Отупенье
Владело каждого умом,
Пред сильным мира — все лакеи,
А над забитым мужиком
Свершали варварства затей.
За раболепие и лесть
В подачку «души» получали,
Средь них звучало слово «честь»,
Но чести люди те не знали.
Всё гниль, как в царстве мертвецов;
Темно, как в сумрачной могиле,
И лишь у мраморных дворцов
Огни потешные чадили...
И ты ошибся, в царстве тьмы
Признав «действительности» право,—
И вот с признательностью мы
Тебя тотчас венчали славой.
Но чутким сердцем ты познал
Всё благо правды животворной
И, раз познавши, разорвал
С средою лживой и тлетворной.
Ты сбросил силою своей
Традиций рабских гнет ужасный,
Переворот в душе твоей
Свершился пламенный и страстный.
Пред нами в этот час святой
Свет солнца вешнего разлился,
И мир наш пошлый и пустой
Пред нами в наготе явился!
Так гадок был тот мир, что мы
Его своим признать не смели:
Как?! Низость, подлость, мрак тюрьмы?
И это всё, что мы имели?!
И мы, как истые рабы,
Несли тебе слова укора:
«Зачем ты обнажил нам лбы
И показал клеймо позора?»

О! как мы злились, что судьба
Твой гений с правдой подружила! —
И вот развратная толпа
Тебя страданьем окружила...
Брань, клеветы со всех сторон,
Злой смех, в невежестве улики
Неслись, как карканье и крики
С добычи спугнутых ворон.
А ты всё ж нас людьми считал,
Людьми в оковах заблужденья,
И с твердой верой призывал
Гнилые души к возрожденью.
Ты в страстной речи говорил
Об уважении к народу,
Его права провозгласил
На жизнь, на счастье и свободу.
Ты призывал и нас самих
В себе возвысить человека:
«Сознай его, хотя на миг,
В себе — ты, нравственный калека!»
Но тупоумье медных лбов
Твои надежды отравило,
Сожгла тебя твоя любовь,
Негодование задушило!..
И вот, борец многострадальный,
Гляжу теперь на образ твой
С невольным горем и тоской,
Смущенный думаю печальной:
Зачем не торжество борца,
Не мир души в нем отразились, —
Черты прекрасного лица
Туманом скорби омрачились?
Зачем нельзя в них прочесть,
Что все сбылись твои желанья?
На них глубокая печать
Невыразимого страданья.

(1877)

Посвящается памяти Михаила Михайлова

Там, в краю далеком,
Гибнет много сил,
Есть там много, много
Дорогих могил.
И средь них могила
Гордого борца,
Равенства и братства
Светлого певца.
Родиной забытый,
В каторге глухой
Умер он, измучен
Сердцем и душой.
Но не посылал он
(Был он горд в борьбе)
За свои страданья
Укоризн судьбе.
Беззаветно, страстно
Родину любил,
За нее страдал он,
Для нее лишь жил;
Не свои невзгоды
Мучили его,
Ждал он в жизни счастья
Только одного:
Чтобы ты, воспрянув,
Родина моя,
Сбросила вериги
Рабского житья!..
Отчего ж от смерти,
От лихих оков
Не спасешь, родная,
Любящих сынов?

Умер... Путь тернистый
Пройден наконец;
Выстрадан сторицей
Доблестный венец!
И... колодник вырыл
Сажня два земли;
Четверо конвойных

К яме труп снесли;
Кое-как, с досадой,
Торопливо поп
Отчитал молитвы,
Запечатал гроб.
В яму опустили
Этот гроб простой,
Крепко надавили
Твердою землей...
И никто не пролил
Над могилой слез
И цветов прощальных
К гробу не принес.
Хоть бы крест сосновый
Миру говорил:
«Здесь лежит, кто честно
Родину любил!»
Только мать-природа
Раннею весной
Красит ту могилу
Шелковой травой.
Да зимой над нею
Выситя курган
Снежный, что навевает
Буря-ураган.

(1877)

130. ПРОЩАНИЕ ЭМИГРАНТА

Братья печальны, подруга грустна,
Очи блеснули слезою...
Пейте последнюю чашу вина,
Чашу разлуки со мною!..

Выпал на долю удел мне лихой —
Еду в изгнание далеко!
Тяжко расстаться с семьей дорогой
Братьев, любимых глубоко!..

Кажется, в жизни своей ты и я
Горя узнали довольно,—
Снова с тобою, голубка моя,
Надо расстаться невольно!..

Наши враги беспощадно меня
В душной темнице морили —
Отняли радости вольного дня,
Чувства и мысль иссушили.

Всех тех, кого я так страстно любил,
Мне не давали увидеть...
Господи! Кто же их так научил
Адски людей ненавидеть?..

Вырвался я из темницы... и вот
Надо расстаться с друзьями...
Кто ж в малодушие меня упрекнет,
Если зальюсь я слезами?!!

Время настало, уж скоро восход...
Братья! прощайте, прощайте!
Счастье-подруга, прощай!.. Средь забот
В битве меня вспоминайте!

Боже, когда же придется еще
С вами увидеться? Снова
Вместе работать, любить горячо,
Жить для народа родного?!

Братья печальны, подруга грустна,
Грудь разрывает тоскою!..
Пейте последнюю чашу вина,
Чашу разлуки со мною!

<1877>

131. С. М. К.

Горел огонь в его очах,
Он был силен и энергичен,—
Теперь нет краски на щеках,
Он так устал и апатичен.

Не разрешив своих задач,
Растратив силы безвозвратно,
Разбит он рядом неудач,
Изломан жизнью беспощадно.

В ком сердца нет, быть может, тот
С укором на него укажет,
Его безумцем назовет,
«Виновен сам»,— сурово скажет...

Он увлекался, как дитя,
Он ошибался — да, конечно!
Но он так верил бесконечно
И так измучен не шутя!

С любовью искренней в сердцах,
Простивши все его ошибки,
Без слов укора на устах
И без насмешливой улыбки —

Пойдем к нему и подадим
Ему с приветом братским руку
И теплым словом облегчим
Его больного сердца муку!

Хоть в нем не прежнего найдем,
Хоть в нем для нас сильна утрата,
Не мы измученного брата
Безумцем жестко назовем;

Не ядом горьких укоризн
Усилим мы его невзгоды! —
Но проклянем мы эту жизнь,
Где нет ни счастья, ни свободы!

Между 1873 и 1877

132. МОЙ ДРУГ КОЛЯ

Лишите вы светлого дня,
Свободы, труда и веселья,
Закуйте вы в цепи меня
И ввергните в мрак подземелья,
Убейте подругу мою,
Друзей на крестах вы распните,
Чтоб злобу насытить свою,
Их муки вы мне покажите,—

Но всё же к народу любовь
И ненависть к вам не убьете
И в сердце своих же сынов
В грядущем вы мщенье найдете!..
Что — это с решеткой окно,
Тюрьма, угнетенья, оковы?!.
Есть в мире мученье одно —
Его мне не выразить словом:
Народа глухие сердца,
Народа безмолвье немое,
Его равнодушие тупое
К страданиям своим без конца!
Ах! вскройте вы сердце мое
И ранами тело покройте,
В темницу, как в яму, заройте;
Всю жизнь пусть палач-идиот
Над мукой моею смеется, —
Но пусть шевелится народ,
Пускай протестует и бьется.

Между 1873 и 1877

133. ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ

(Отрывки)

Посвящается всем (преимущественно «высокопоставленным») лицам, сгорающим любопытством поглядеть на «политических» и с этой целью посещающим С.-Петербургский Дом предварительного заключения, тюрьмы и суд.

1

Гроб, гроб! гроб!..
В каждом живая душа изнывает!
Гроб, гроб! гроб!..
Медленно, тихо в них жизнь угасает.

Но подойдите поближе к гробам,
Станем, послушаем, — может быть, там
Кой-что полезное будет и нам.
Вот вам хоть камера № 00.

Тише, чу! тише! — сквозь дверь гробовую
Слышно биение сердца больного,
Слышится вздох человека живого...
Заживо зарыт в могилу сырую!..
Каждая нота биенья сердечного
Дышит любовью, святым упованием,—
Столько в ней чистого и человеческого!
Так наболело то сердце страданием!
Столько в нем ран — ран смертельных, без счета!
Гибнет борец и любви и народа!..
Вечный противник цепей, угнетения —
Годы уж в этом гробу изнывает;
Здесь от безделья тупого страдает
Вечно искавший в труде наслаждения!
Так беззаветно любивший людей,
Живший их счастьем, их горем страдавший,
Он умирает в тюрьме, испытавши
Муки тупых одиночества дней.

Если он в этом гробу не умрет,
Это еще не конец испытания;
О! впереди еще много страдания
Злоба в награду ему поднесет;
Много еще он узнает тревоги:
Цепью железной скуют ему ноги,
В дальнюю сторону прочь уведут;
Силы его бесполезно уйдут
В труд подневольный, в бессмысленный труд!
Как знать? Ведь, быть может, и в дружеском круге
Забудут о нем в треволнениях жизни;
Исчезнет и память любимой подруги
(Ведь память и чувства людские капризны!),
И вряд ли ему, в его темной отчизне,
Найти уваженье за эти мученья,
Погибнув безвестно в глухом заточеньи!

Но этот колючий терновый венец
С верою в счастье сносит боец.

Но дальше пойдем... Вот там новая дверь:
 За ней умирает безумец теперь!
 Он не был безумцем на воле — о нет! —
 Убили в нем душу вот в этой темнице...
 Он юношей был в цвете силы и лет,
 Когда очутился здесь, в этой гробнице.
 Я помню тот день, как его привели
 С двумя часовыми... Прекрасен он был!
 Глядел он не сыном греховной земли, —
 Так взор его кротко, любовно светил,
 Так кротко его улыбались уста
 И святостью, всей чистотою Христа
 Сияла его красота!..

Ввели и замкнули в темницу глухую,
 И тихо тянулись, как мертвые, годы,
 Гнели ежечасно тюремные своды
 И сердце и душу его молодую!..

Теперь он безумец. Угасли все силы,
 Увяла краса, как цветок на могиле,
 Морщины глубоко чело бороздят,
 И тускл, и бессмыслен блуждающий взгляд.

.
 Уж третий год его гнетет тюрьма,
 И в эти годы тяжкого мученья
 Он не имел ни пищи для ума,
 Ни ласки любящей, ни слова утешенья...
 Там, вне тюрьмы, была душа одна —
 Его сестра, любимая им страстно,
 Но он не знал, что с нею? где она?
 Не знала и она, где брат ее несчастный!
 Как долго он томился ожиданьем:
 Не щелкнет ли тюрьмы его замок?
 Не скажет ли тюремщик: «На свиданье!»
 С каким восторгом тотчас со всех ног
 Он кинулся б туда!.. Как страстно, жадно
 Взглянул бы он в любимые черты!
 Как обнял бы! И как тогда отраднo
 В нем шевельнулись бы надежды и мечты!..
 Согретый любящим, живым и теплым словом
 Своей сестры, ушел бы он в тюрьму,

И свежих чувств и грез притоком новым
Он прогнал бы все призраки, что тьму
Его гробницы мрачной населяли
И часто ум его больной терзали.

.....
Он ждет, по камере нетерпеливо ходит,
То остановится и слушает: идут!
Гремят ключи, тюремщик уж подходит...
А, это — рядом!.. Тотчас поведут!
Сосед ушел... Проходит полчаса,
Он слушает опять: шаги и голоса!
Спросили номер. Чей? Не слышно... Не его ли?
И сердце замерло от жгучей, сладкой боли!
Идут. Шаги всё ближе, ближе... Подошли.
Вот-вот отворят дверь... Сейчас, сейчас...
Прошли!!

.....
И много, много дней он ждал сестры прихода...
Так птичка солнца ждет живящего восхода,
Когда всю ночь кругом бушует непогода.
Но бедная сестра к страдальцу не пришла,
Ему любви своей и ласк не принесла...

Тюрьма лишь в дни свиданий оживлялась,
Когда приемная была полна толпой
Пришедших видеться кто с сыном, кто с женой;
Казалось, вдруг с приходом их вливалась
В темницу жизнь отрадную струей;
Но в дни обычные глуха, глуха тюрьма,
Как мрачный склеп мертва, уныла и нема!
И в эти дни тупого прозябанья
Он испытал едва ль не большие страданья.

Один, без книг, без воздуха, без света,
И день и ночь в объятиях тоски,
Он слышал только кашель у соседа
Да то, как щелкали тюремные замки.
Врагом терзаемый, друзьями позабытый,
Как похороненный мертвец,
Он постепенно гас в неволе ядовитой
И стал безумцем наконец!

Молча живет он и даже не бредит,
В сердце давно не живет ничего!..
Кто же за это злодейство ответит?
Кто же отдаст ему душу его?!

.....

Сегодня дом муки мы весь обойдем;
Что шаг, то живую могилу найдем,
И много страдальцев я вам покажу,
Но прежде кой-что от себя вам скажу:
Если вы в битву идти не желаете
С подлостью, с рабством, с позором, с насилием;
Если вы робостью, или бессилием,
Или любовью к покою страдаете;
Если страдальцев родимой земли
Участи вы разделить не смогли;
Если у вас у самих нету силы,
Чтоб облегчить их суровую долю,
Чтоб разнести эти стены-могилы,—
То отнесите же к ним с уважением!
Все недостатки их, все прегрешения —
Всё искупила их правда сердечная,
Честность, отвага, любовь бесконечная,
Пытка неволи и тяжесть мучения!

Благословите страдальцев святых
И помолитесь с любовью за них!

.....

Между 1873 и 1877.

134. «ВОЛЧОНОК»

Посвящается Вере Любатович

Ах, как на судьбу мне обидно:
Конца моим мукам не видно!
Так грудь разболелась в неволе,
Я вся исстрадалась от боли!

О! как бы я страстно хотела,
Чтоб весть в каземат долетела
О грозном, святом пробужденье
Народа родного; о мщенье

Поборникам тьмы иступленным,
Свободы врагам озлобленным,
Рабам суеты, сладострастья,
Гонителям правды и счастья,
Сгубившим в глухом каземате
Народа друзей — моих братьей.
И как мне ни тяжело в темнице,
Как в клетке измученной львице,
Без дела, без воли, без света...
Но только бы весточка эта —
И я бы, как роза, алела,
И грудь бы моя не болела.

Я знаю: народ мой любимый
Меня не забыл бы, гонимой,
И в час своей славы победной,
Когда над отчизною бедной,
Над краем застоя и тленья,
Прошла бы гроза обновленья,—
Он, звуки слышав тревоги,
Разнес бы дворцы и... остроги!..
И, полный и силы, и власти,
Он волю и светлое счастье
Мне дал бы, как верному другу,
За всю пережитую муку,—
И я бы, как роза, алела,
И грудь бы моя не болела!

Но если бы даже родимый
Народ, мною страстно любимый,
Разбивши ярмо угнетенья,
Забыл бы меня в заточенье,
В моем каземате постылом,
Как в склепе сыром и унылом,
То всё же в окно каземата,
От ранней зари до заката,
Не песни тоски и печали
Тогда бы ко мне долетали,
Но, полные счастья, свободы,
Неслись бы под темные своды,—
И я бы, как роза, алела,
И грудь бы моя не болела!

Но там, вне тюремной ограды,
Там тоже не много отрады!
Там нивы, луга зеленеют,
Небесные своды синеют,
Там шепот прохладного бора,
Раздолье степного простора,
И вольного вихря дыханье,
И грозного моря плесканье;
Там горы, там синие реки,
То злые, то полные неги;
Там все, все богатства природы,
Но нет одного: нет свободы!

Ах, если б народ угнетенный
Свободно вздохнул, обновленный! —
Я пышной бы розой алела,
И грудь бы моя не болела!

Между 1875 и 1877

135

Посвящается моей жене

Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою,
Когда еще девочкой дома жила,
Так страстно любила грозу я. Ждала
Всегда с нетерпеньем ее. И грозою
Я шла любоваться в открытое поле.
Лишь только услышу удар громовой
И ветра услышу свирепого вой —
О, как вдруг захочется быть мне на воле!
Из комнаты душной бегу я с отрадой...
Ни матери крик, ни угрозы отца —
Ничто не пугает... Сбегаю с крыльца,
И миг лишь — и я за садовой оградой.
Нависли на небе свинцовые тучи,
Соседняя роща печально шумит,
А в поле открытом свирепо царит,
Порывисто мечется ветер могучий.
Он черные косы разметет мои,
Горячие щеки мои обвеваает
И в грудь мне неистово, гневно кидает,
Как море бурливое, — волны свои.

А я всё иду... Мне так любо и мило
Бороться с напором дыханья его...
И, грудью встречая врага своего,
В ту пору я много в ней чуяла силы.
Но тучи промчатся; расстаться так жаль
Мне с молнией, с ветром, с ударами грома,
Чтоб снова под кровлей постылого дома
Встречать лишь обыденной жизни печаль.
А отчий мой дом, как тюремные своды,
Давил мою душу... Работал мой ум,
Роилось в нем много пленительных дум,
И сердце просило свободы, свободы!
На подвиг рвалась моя сила, как рвется
Измученный узник из душной тюрьмы
В открытое поле, из тягостной тьмы —
Под чистое небо, где солнце смеется!

Я вырвалась в жизнь. Я свободна, мой милый!
Сильна и бороться с судьбою хочу, —
Наружу дать выход живому ключу
Моей молодой и нетронутой силы.
Всю жизнь за народное счастье и волю
С врагами народа, с невежеством, с тьмой
Я буду бороться!.. И той же борьбой
И в хлебе насущном возьму свою долю.
Поверь, две борьбы — за себя и других —
Как сестры родные, жить могут в союзе, —
Как к людям любовь и любовь твоя к музе
Живут в безыскусственных песнях твоих.
С нуждой и с трудом не страшуся я встречи!
Судьбе я укора за них не пошлю!..
Людей уважаю, людей я люблю
И бременем лечь не хочу им на плечи!

А если страданья всегда неразлучны
С любовью к народу и с честным трудом —
Идите ко мне вы, с терновым венцом,
Страданья! Я встречу вас песнею звучной!
И что мне они?! Чтобы с ними бороться,
Так много я чувствую силы в груди!..
И если, мой друг, и тебе впереди
Спознаться со вражеской злобой придется
За правду, за святость твоих убеждений;
За честное сердце, за смелость ума

Постигнут тебя унижение, тюрьма
И ряд нескончаемых, жгучих мучений —
Тогда принесу я тебе не слезу...
О нет, мой желанный! Тогда я явлюся,
Тебя поцелую, тебе улыбнуся
И крест твой тяжелый с тобой понесу.
(1873)

136. ОНА

Посвящается женщинам процесса 21 февраля — 14 марта 1877 г.

Ее всегда в дни детства окружала
Толпа простых, трудящихся рабов;
Средь них она всегда к себе встречала
Одно вниманье, ласку и любовь.
И в их лице она привыкла видеть
Своих друзей — и добрых и прямых;
У них любить училась, ненавидеть
И понимать страдания других...
Зимой, бывало, девочка с охотой
Бежала к ним, в их бедный уголок,
Где коротали, сидя за работой,
Они в рассказах зимний вечерок.
Горит свеча, чадит и нагорает,
Уныло льет по стенам тусклый свет;
Так душно там; забав, веселья нет,
Но девочка-малютка не скучает.
Под крылышко забившись к доброй няне,
Головкою к груди ее прильнет
И слушает то сказку об «Иване»,
То повесть жизни, горя и забот.
Вникая в смысл правдивого сказанья
О их борьбе с позором и нуждой,
Сочувственною, детскою мечтой
Рвалась она в мир скорби и страданья...
Взросла... И вот из тихой детской кельи
Ее ввели в обширный, пышный зал,
Где утопал в изысканном весельи
Гостей блестящих праздный персонал.
Гремел оркестр, весь зал сиял огнями,
Носились пары в танцах перед ней...
С мужчинами кокетничали дамы,
Лился поток заученных речей.

И холодом повеяли ей в душу
Весь этот блеск, весь музыкальный гром:
И лед блестит,— но этот блеск теплом
Не наделит зимы суровой стужу!
Вокруг ни в чем не встретил отголоска
Весь мир ее заветных дум и грез;
Знакомых черт, ни радостей, ни слез
Не встретил глаз под внешним слоем лоска.
И сердце сжалось горько и тоскливо...
Что шаг — то цепь движенью и речам!..
И, в уголку усевшись сиротливо,
Не шла она к ликующим гостям...
Но жизнь не ждет... И перед ней широко
Раскрылся мир тщеславной суеты,
Приличием прикрытого порока,
Ничем не наполнимой пустоты.
В безделии за днями дни бежали;
Желанья все исполнены всегда:
Давалось всё без боли, без труда,
И в праздности ей жить бы без печали!..
Здесь жертвы рок не требовал жестоко;
За хлеб, за кров здесь не было борьбы;
Но шла она печально, одиноко
Среди пустой и барственной толпы;
Да! Сердце чуткое создало, что вокруг,
Где всё сияет внешней позолотой,
Довольство, блеск, всё — дело черных рук
Сынов нужды, задавленных работой;
Что нищета так страшно в их лице
Уничтожает личность человека
Затем, чтоб в пышном замке и дворце
Из слез нужды родились блеск и нега!..
В веселья час, когда ей поднесет
Бокал вина поклонник именитый,
Шипит вино, но кровью отдает,
Блестит слезой, страдальцами пролитой!
Да! Счастья нет в темнице наслажденья,
Здесь чистота души для сердца яд!
Здесь не найти душе успокоенья,
Как не найти здесь истинных отрад!
Так душно здесь... Всегда и все стремятся
Спокойно жить друг другу не давать,
Под счастье другого подкопаться
И павшего со смехом растоптать!..

Бежать, бежать от этого веселья!
Прочь из толпы ликующих людей!
Вон из палат, где тысячи огней,
Но всё ж темно, как в ходах подземелья!..
И, вырвавшись из золотой неволи,
С любовью к людям в сердце молодом
Пошла она искать счастливой доли
В тот мир забот, где всё полно трудом;
Она пошла искать себе спасенья
Туда, где жили бедные рабы,
Несчастные невольники терпенья
И пасынки озлобленной судьбы.
И вот она в иную жизнь вступила;
Не страшны ей работа и нужда,—
С великими героями труда
Она союз и братство заключила.
Чтоб их борьба к победе привела,
Чтоб их враги свободы не сломили,
Чтоб даром кровь людская не текла,—
Обменом сил они союз скрепили:
Она дала великий свет наук,
Сознание прав на избранную долю;
Они внесли испытанную волю
И силу, мощь своих трудовых рук.
В союзе братском стройною толпой
Они пошли встречать свои невзгоды,
Чтобы рассеять их... И битвы роковой
Ударил час, как вестницы свободы!

В ком сердце честное живет еще в груди,
Пошли им вслед свое благословенье!
Да встретят их любовь и уваженье,
Да встретит их победа впереди.

<1877>

137. К ДРУГУ

Ты не чужой мне, слава богу!
Зачем же ты мне говоришь,
Чтоб я простил тебя, коль строго
Ты на меня подчас ворчишь?

Затем и волосы твои
Уж сединой посеребрились,
Чтоб у тебя друзья учились
Страданью, жизни и любви.

Кто шел тернистою дорогой,
Лелея честные мечты,
Кто видел много, думал много,
Работал много, жил, как ты,

Тому дано страданьем право,
Нет — больше, это долг его —
Ошибки друга своего
Исправить прямо, нелукаво,

На недостатки указать,
Предохранить от заблужденья,
В час горя помощь оказать,
Не допуская до паденья.

О том, что ты, мой друг и брат,
Пережил в тяжкие години,
Мне эти ранние седины
Так просто, ясно говорят!

Не знаю, дороги ль тебе
Любовь, признательность поэта;
Но не лишай меня совета —
Твой опыт нужен мне в борьбе.

Ворчи побольше на меня
Без всяких в речи позументов:
Ах, друг мой, эта воркотня
Дороже всяких комплиментов.

<1877>

138. ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВУ

(ОСУЖДЕН 14 МАРТА 1877 г. ОСОБ(ЫМ) ПРИ(СУТСТВИЕМ)
ПРАВ(ИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО) СЕН(АТА) НА 10 ЛЕТ КАТОРЖНОЙ РАБОТЫ)

«Барству да маклачеству
Неужли потворствовать?!»
Не хотелось молодцу
Кланяться, холопствовать!

Невзлюбило пылкое
Сердце, непокорное,
Путь-дорожку битую,
Путь-дорожку торную.
Правду неподкупную
Божий свет увидела
Голова удалая
И — возненавидела
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую;
Вызвать в бой осмелилась
Гордо, без смущения
Царскую опричину,
Силу угнетения.
Эх, и озлобились же
Подлостью богатые
Палачи народные,
Палачи проклятые!
Каменное, жесткое
Сердце их гранитное
Ядом переполнилось,
Местью ненасытной.
Говорят удалому
Речи ненавистные:
«За свободомыслие,
Чувства бескорыстные,
Да за жизнь рабочую,
Трудную да серую,
Получи наградушку
Нашу полной мерою;
Ты слюбился с волюшкой,
Что с душой-девицею,
Так спознайся, молодец,
С душною темницею.
Невзлюбил ты горюшко,
Жизнь раба бездольную,
Так уж выпей, молодец,
Горя чашу полную.
Чтобы гребню частому
Не было заботушки,
Этой непоклончивой
Сбреем полголовушки;

В звании кандалника,
Битого, голодного,
Ройся в адской темени
Рудника холодного;
Знай землицу-матушку
Заступом покапывай,
Песни пой о волюшке
Да цепьми побрякивай!
Думал ты — для родины
Цепи рабства пагубны,—
Так добудь железца нам,
Нам на цепи надобно!
А уж цепи выкуем,
Так на славу: тонкие,
Хоть тяжеловатые,
Да, как гусли, звонкие!»
Голова удалая
Всё ж не поклонилась,
Сердце молодецкое
Всё ж не покорилося:
«Что ж! Закуйте в цепь меня
И обрейте голову,
Но не сброшу с плеч своих
Я креста тяжелого;
Не бегу страдания —
Сила в нем великая,—
Перед ним рассеется
Ваша злоба дикая;
На него помолится
Весь народ задавленный,
Славой увенчается
Вами обесславленный».

1877

139. МОНОЛОГ

За цепи тяжкие, сковавшие мне руки,
За гнет тюрьмы суровой и глухой,
За годы долгие мучительной разлуки
С страдалицей-подругой дорогой,
За одиночество, за пытки униженья,
За всё, за всё, чем мучите меня,—
Отнесся б к вам, враги, без озлобленья,
Простил бы вас с молитвой, не кляня;

Но адские деянья ваших рук —
На плахе палачом казненная свобода,
Позор и нищета родимого народа,
Всё горе тяжкое, разлитое вокруг,
Друзей моих и гибель, и мученья,
Вся пролитая вами кровь —
Убили в сердце чувство всепрощенья
И отравили злобою любовь!
Проклятье вам, ходячие вы гробы!
Вы умертвили всё, чем был я так богат...
Отдайте сердце мне мое назад!
Мне тяжело существовать для злобы!

Между 1873 и 1877

140. ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Победа трудна над господством позора,
Над злобным народным врагом,
И скорбно на сердце, что скоро уж, скоро
Усну непробудным я сном.

О, как бы хотелось не трупом холодным
Под крышкой гробовой гнить, —
Народа друзьям в их бою благородном
Хоть чем-нибудь в помощь служить!

Чтоб мог я, дождавшись минуты суровой,
Как грянет решительный бой,
Хотя бы одно одобрения слово
Им крикнуть из тьмы гробовой!

Но смерть беспощадна, — унесши в могилу,
Меня уж не выпустит вновь;
Скует мое сердце, скует мою силу,
И злобу мою, и любовь!

И свяжет мне руки своей пеленою,
Уста заградит мне навек,
Глаза не увидят под мертвой землею,
Как бьется живой человек!..

Но если для битвы не встать уж мне, братья,
Желал бы хотя вспоминать
О муках своих, о слезах, о проклятьях,
О всем, что пришлось испытать;

Чтоб эти все грезы будили сознание,
Что с жизнью я связан людской,
Что эта разлука с борьбой и страданьем
Есть временный только покой!

Я много страдал... Но страдания страстно
Душой полюбил я... Они
Надеждой на счастье светили так ясно
Мне в наши могильные дни!..

Когда я умру, вы, друзья, окажите
Услугу последнюю мне:
Возьмите мой труп и его схороните
В родимой степной стороне.

Там змейкой веселой, журча и блистая,
Речонка бежит меж холмов,
По берегу целая роща густая
Колючих терновых кустов;

Приветливо солнце сияет над нею,
Широкою степь золотит,
И степь, далеко-далеко зеленея,
Чуть слышно травой шелестит.

Там, с жизнью расставшись, хотел бы лежать я
Под сенью терновых ветвей;
Пусть терн, посылая мне тени объятья,
Растет над могилой моей;

Он, с вихрем степным и целуясь, и споря,
Всё будет, качаясь, шуметь,—
Он жизнь мне напомнит, страданье и горе,
Не даст мне вполне умереть!

<1877>

141. ЗАВЕЩАНИЕ

Здесь умирая, в казематах,
Мы завещаем всем друзьям
За муки бедного народа
Отмстить врагам!

Самой судьбе бросайте вызов,
Уж раз к врагу она пошла,
С ним против братства и свободы
В союз вошла!

Когда же, в час победы светлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнет в сердце — завещаем
Одну любовь!

Пускай тогда меж вами, братья,
Не будет нищих, богачей,
Ни вечно загнанных страдальцев,
Ни палачей!

Вы храм воздвигнете науки
На место храма лжи и тьмы
И храм свободы лучезарной —
Взамен тюрьмы!

Пусть край родной не оглашает
Ни стон страдающих людей,
Ни свист бича, ни гром орудий,
Ни звон цепей!

Святая личность человека
И честность мысли и труда
Пускай находят уваженье
У вас всегда!

Когда ж блеснет заря спасенья,
Настанет братства светлый час —
В счастливой жизни вспомните,
Друзья, и нас!

1877

142. ВЕРБОВЧАНИНУ

Злобой и мщением горят
 Все ненавистники свободы,
 И ждет того мучений ряд,
 Кто будит спящие народы!

Уж протекло три тяжких года,
 Как дерзкой деспота рукой
 В тюрьму ты брошен и свобода
 Навек простилася с тобой.

Уж много пролил алой крови
 Надетый на тебя венец...
 Но хмурые тирана брови
 Разглядит только твой конец.

И ты умрешь! Для палачей
 Всего дороже кровь героев,
 Слепцы тупые видят в ней
 Цемент гнилых своих устоев.

Но помни, милый,— эта кровь,
 Так гнусно добытая ими,
 Падет на деспота покров,
 Пожаром вспыхнет перед ними!

В груди рабов она зажжет
 Святой свободы чистый пламень,
 В сердцах отвагою взойдет
 И оживит бездушный камень.

Народу и друзьям твоим
 В пылу решительного боя
 Послужит кликом боевым
 Та смерть поэта и героя!

(1877)

Когда и тьму, и предрассудки
 Увидишь ты перед собой,
 Когда услышишь плоскость шуток
 Над словом истины святой,
 Когда заметишь пошлость в мире
 И развращенность меж людьми,
 Ты волю дай своей сатире
 И их насмешкой заклеи!

Когда ж среди гнили и разврата,
 Где царь — холопство и порок,
 Увидишь честный облик брата
 Со взором хмурым от тревог,
 Скажи ему: «Мужайся, милый!
 Не падай духом — это грех!
 Не задавить им грубой силой
 Могучего движенья всех!»

(1877)

Н. И. ЕДУКОВ (?)

144. ОЛЬГЕ ЛЮБАТОВИЧ

Песнь надежды, песнь свободы,
 Песню чудную свою
 Пела ты в былые годы,
 Угадавши грусть мою.

Эта песнь в меня вдохнула
 Жажду к подвигам святым,
 На добро меня толкнула
 Сердцем пылким, молодым.

Там, где гнет, где стон народный,
 Доля скорбная, нужда,
 Ты на подвиг благородный
 Бескорыстно шла туда.

И за преданность народу,
За любовь к стране родной
Суд убил твою свободу,
Наградивши злой тюрьмой...

Ты страдаешь за свободу,—
Так утешься: подвиг твой
Будет памятен народу,
Как иконы лик святой.

⟨1877⟩

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

145

Посвящается всем тем, кто заботился о нас в дни нашей невзгоды

Когда за жажду обновленья
Нас, обвиняя в преступленье,
Душили медленно тюрьмой,
«Бесчеловечие!» — кричали
И сами ж прочь от нас бежали
Рабы испуганной толпой.

Лишь вы одни нас не забыли:
Вы с нами братски разделили
И хлеб, и чистую любовь.

И ваше теплое вниманье
Нам облегчало гнет страданья
И силы нам давало вновь.

В тюрьме подчас и ум мутится;
И если услышать случится
Тогда сочувствия привет,

Опять отраднее вздохнется
И сердце радостнее бьется
Привету братскому в ответ.

Так иногда всё небо кроют
Густые тучи, ветер воет —
И вдруг из мрака серых туч

Проглянет солнце: всё светлеет,
И вмиг тюрьма повеселеет,
И радуется случайный луч...

Еще не кончен путь страданий...
Но светлых ряд воспоминаний
Я сохраню и в скорбный час;

И как-то верится живее,
Что скоро станет жизнь светлее,
Когда подумаю о вас.

<1877>

Л. А. ТИХОМИРОВ

146. ИЗ АПОСТОЛА ПАВЛА

Чувствую я: приближается время
Смертную чашу испить
И на себя возложить
Это последнее бремя.

Подвигом добрым я подвизался,
Честно свой путь совершил,
Веру в душе сохранил,
Злобы врагов не боялся...

Время настало... Пути беспокойного
Видится близкий конец,
Вьется терновый венец
И для меня, недостойного.

<1877>

147

Дорогие братья!
Из-за стен тюрьмы
Вам свои объятья
Открываем мы.

Верьте, братья, сила
Наших тяжких уз
Наш не задавила
Дружеский союз.

Верьте: путь страданья
Нас сломить не мог...
Братья, до свиданья!
Да хранит вас бог!

⟨1877⟩

148

Прочь мои снимите цепи,
Волю дайте мне,
Дайте мне об этом склепе
Позабыть вполне...

Животворный воздух воли
Дайте мне вдохнуть,
От тупой душевной боли
Дайте отдохнуть —

И забыть, что есть законы,
Судьи и штыки,
Прокуроры и шпионы,
Цепи и замки...

⟨1877⟩

149. К МОЕМУ ПИДЖАКУ

(Подражание Беранже)

Будь верен мне, товарищ мой короткий,
Мой старый друг,— другого не сошью!
Уж года три ни веником, ни щеткой
Я не стирал ни разу пыль твою.

Немало мы с тобою пережили,
Немало бед встречали вместе мы...
Ты помнишь, как мы время проводили
В начале той, мне памятной, зимы?

Ты помнишь дом за <Невск>ою заставой?
Там жили бедность, дружба и любовь;
Друзьям нужда казалась забавой,
И часто кровь их грела вместо дров.

О счастье там заботилися мало,
Но страсть великая горела в их груди,
И жизнь им много счастья посылала,
И столько же сулила впереди...

Увы, как сон минуло время это:
Ты помнишь ночь, когда обоим нам
Пришлось усестыся в «черную карету»,
Сказав «прости» свободе и друзьям?

Ты помнишь, как нас в крепость посадили?
Нам жизнь была обоим нелегка:
Ты весь зацвел от плесени и пыли,
Меня сожгли неволя и тоска.

Тебя никто не мог спасти от моли,
А я не мог спастися от людей,
Спастись от дум, от черных дум неволи,
От долгих дней, мучительных ночей.

Как долго шли убийственные годы!
Я их провел в могильной тишине,
В порывах страстных к жизни и свободе,
В отчаянье, в пассивном полусне.

А ты? Да, это время, друг мой милый,
Нам дорого обоим обошлось:
Истертые не жизнью, а могилой,
К чему теперь мы годны? — вот вопрос.

Служить опять найдутся ли в нас силы?
Иль ничего уж не осталось нам,
Как снова лечь, уже навек, в могилу,
Послав проклятье нашим палачам?!

<1877>

Прощай, земля родная! Может быть,
 Уж больше мне тебя не суждено увидеть;
 Но буду я тебя по-прежнему любить
 И всех твоих врагов, как прежде, ненавидеть.

В дали изгнания, закованный в цепях,
 Свободы, счастья и радости не зная,
 Я буду умолять судьбу о лучших днях —
 Не для себя, а для родного края.

Себе же одного прошу в темнице душевной:
 За все грехи меня не обвини,
 Смешные слабости забудь великодушно
 И за небольшое — с участием помяни.

(1877)

151. ПЛЯСОВАЯ

Полно, братцы, плакать, горьки слезы лить,
 Своего нам горя этим не избыть,
 Проживем мы и в Сибири как-нибудь,
 Так не лучше ль плясовую затянуть?

Лоб забрили, заковали в кандалы,
 В чужедальнюю сторонку повели,
 Да еще конвой нам дали для пути,
 Чтобы, значит, попочетнее идти.

Ну так что ж такое, братцы? Наплевать!
 Из-за малости такой не горевать!
 Мы еще себе дождемся красных дней,
 И себя еще потешим, и людей!

Полно ж, братцы, плакать, горьки слезы лить,
 Своего нам горя этим не избыть,
 Проживем мы и в Сибири как-нибудь,
 Так не лучше ль плясовую затянуть?

(1877)

Эх, кабы нам теперь да на луг, господя,
 Да весь день промахать бы косою!
 А как жар поспадет, и прилечь не беда
 Где-нибудь под душистой копною.
 Вон хоть там, где тот куст, что растет у конца
 Серебристой привольной полянки,
 Что манит, что зовет, искушая косца,
 Как объятья красивой смуглянки...
 Полной грудью вдохнуть ароматы полей
 Да раскинуть усталые руки
 И забыть, хоть на миг, про несчастья людей,
 Про их скорби, печали и муки!..
 Устремив светлый взгляд в синеву без конца,
 Песне звонкой, любовной внимая
 Прилетевшего к нам из-за моря певца,
 Полежать бы, беспечно мечтая...
 И, забывшись в мечтах, незаметно уснуть;
 А меж тем, подобравшись украдкой,
 Ветерок опахнет распаленную грудь,
 И зажжется истомою сладкой
 Молодая, горячая, страстная кровь...
 И приснятся задорные глазки,
 Поцелуи, объятья, улыбки без слов
 И любовные, страстные ласки...
 Да недолго проспишь... Вот потянет дымком,
 Смех у самого уха раздастся...
 Приоткроешь глаза: котелок — и кругом
 Наши все уж успели собраться.
 Так ли сладко зевнешь, дрожь пройдет вдоль
 спины...
 Полежишь да, схватясь за соседа,
 Подползешь к котелку — и забудешь все сны,
 Как начнется живая беседа!
 Хорошо бы, друзья, нам теперь на лужок,
 Хорошо б за работу приняться...
 Чу!.. Вот с визгом громыхнул проклятый замок...
 Эх!.. С лужком-то, знать, нужно прощаться!

<1877>

153. В ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Комнатки, точно пчелиные соты,
Стройно и плотно рядами стоят;
Люди в них тихо, без дел и заботы,
Словно личинки, в тех сотах сидят.

Самою чистою пылью одеты
Стены кругом, от окон до дверей,
Лишнего воздуха, вредного света
Нет, — как ума в голове у царей.

Точно орехам под их скорлупою,
Так нам уютно за этой стеной!
Сколько удобств!.. И, ликуя душою,
Стали мы бодры, как мухи зимой...

⟨1877⟩

154. В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Голые стены, тюремные думы,
Как вы унылы, темны и угрюмы!
Скверно в неволе без дела лежать,
Целые годы о воле мечтать.
Всё здесь так тихо, безжизненно, бледно...
Годы проходят бесплодно, бесследно,
Тянутся долго недели и дни,
Скуку тупую наводят они...
Мысли тупеют от долгой неволи,
Тяжесть в мозгу от мучительной боли,
Даже минута как вечность долга
В этой камерке в четыре шага!
Душно под низким, запачканным сводом,
Силы слабеют сильнее год за годом,
Давит собой этот каменный пол,
Этот железный, прикованный стол,
Эта кровать, этот стул, что прибиты
К стенам, как будто могильные плиты;
В вечном молчанье, суровом, немом,
Даже себя сознаешь мертвецом!

Наглухо рамы двойные забиты,
Грязью и пылью все стекла покрыты,
Замерла муха на грязной стене,
Лапки скрестивши на черной спине.
Полночь пришла. Бой часов раздается,
Резко их звук в коридоре несется...
Давит, сжимает болезненно грудь,
Гложет тоска... Не удастся заснуть...

<1877>

155. ПАМЯТИ 1873—75 гг.

Я врагами давно погребен,
Но живу всё еще год от году...
В дни тяжелой борьбы за свободу
Было время моих похорон.

За железной тюремной решеткой,
За сырой и холодной стеной
Ярким светом горят предо мной
Эти дни моей жизни короткой.

Вспоминается мне та пора,
Как по нивам родимого края
Раздалось, мужика пробуждая,
Слово братства, свободы, добра...

Как в смятенье забила тревогу
Сила мрака, оков и цепей
И покровом терновых ветвей
Застилала к народу дорогу...

Как в борьбе с той несметной толпой
Молодая, могучая сила,
Погибая, народ пробудила,
И проснулся рабочий на бой...

Вы, друзья, что в борьбе уцелели,
Тоже здесь вспоминаетесь мне...
Лучше ль вам на родной стороне?
Ближе ль, братья, стоите вы к цели?

Тяжкий крест привелось вам принять,
Легкий жребий мне выпал на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.

Трудно жить, чтоб порой не дрожала,
На врага подымаясь, рука,
Чтобы сил не губила тоска,
Если подлость добро побеждала;

Чтобы в том, кто восстал за любовь,
Вплоть до двери холодного гроба
Не смолкала кипучая злоба
На сосущих народную кровь!

<1877>

156. ТЮРЕМНЫЕ ВИДЕНИЯ

Однажды я в башне тюремной лежал,
Тоска мою грудь надрывала,
В окошко порывистый ветер стучал,
И лампочка слабо мерцала.
В каморку сквозь тучи светила луна,
Решетку ее озаряя;
Болезненно, бледно глядела она,
Как смотрит дитя, умирая.
Той темною ночью всё виделись мне
Унылые жизни картины:
Я думал о воле, родной стороне,
Мне грезились нивы, равнины
И бедные хижины с бедной землей,
Покрытые кровью народной...
И много картин тех прошло предо мной
В тот вечер сырой и холодный.

Казалось, иду я тернистым путем
 Один по кургану крутому;
 Терновник мне в платье вцепился кругом,
 И трудно идти мне, больному.
 Везде непроглядною, черною мглой
 Степная равнина одета,
 И мрачно и душно в пустыне глухой,
 И нет в ней ни жизни, ни света.
 Там только, как смутные тени, стоят
 Какие-то робкие люди:
 Глаза их потухшие в землю глядят
 И впали иссохшие груди.
 Темно, неприветно в глухой стороне,
 Молчит всё в природе глубоко;
 И только, я слышу, в ночной тишине
 Их песня звучит одиноко:
 «Таится болезненно в бедном уме
 Сознание тяжелой неволи,
 Весь век свой мы прожили в рабстве и тьме,
 Не видел ни счастья, ни воли.
 Под вечным трудом мы клонились без сил,
 Без хлеба и крова мы жили,
 Нас ветер зимой в непогоду знобил,
 Оковы и цепи давили.
 Мы жили в бесплодных и диких степях,
 В безвестной глуши умирали,
 И часто в подземных, сырых рудниках
 Напрасно мы смерть призывали.
 Вся жизнь наша долгой отравой была;
 Ряд бедствий, страданий и муки;
 Ничтожные против гнетущего зла
 Без сил опускаются руки!..»
 И песня, тоски бесконечной полна,
 Звучит и вдали замирает...
 Но всё безучастно. Кругом тишина,
 И мрак свой покров не снимает;
 Не выглянет небо меж туч полосой,
 Блеснувши светил хороводом,
 И ветер не дунет живящей струей
 Над темным, забытым народом.

Мой путь зарастает сильней и сильней...
 Туман, точно саван, ложится...
 Усталый иду я по гудам камней,
 И ум мой болит и мутится...
 Я вижу: Царь-колокол правит землей,
 Пред ним всё живущее гнется,
 Он громко гудит над густою толпой,
 Тот гул далеко раздается:
 «Проклятый навеки всевышним отцом
 И с сердцем, грехом омраченным,
 Ты должен быть бедным, покорным рабом,
 Служить для других осужденным.
 Ты должен смириться душой навсегда,
 Обиды сносить молчаливо,
 Страдать под ярмом векового труда
 И крест свой нести терпеливо.
 Люби свои цепи, неволю любви,
 Томись безотрадной заботой,
 Смиряй свою душу и тело губи,
 Работай, работай, работай!
 Гони наслажденья, трудись в тишине,
 Ты темным родился и грешным!..
 Иль будешь ты проклят и в адском огне
 Погибнешь во мраке кромешном!»
 И тучею черной на гул тот идут
 Попы и монахи тупые,
 Высоко хоругви и чаши несут
 Служители мрака слепые.
 И тихо проходят они по лугам,
 По нивам, полям — с образами,
 По хижинам бедным, большим городам,
 По дальним дорогам — с крестами;
 И где ни пройдут — всюду мрак над страной
 Ложится, как саван суровый,
 И давит он мысль человека собой,
 Как крышкою гроба свинцовой...

Всё камни, овраги... Как долог мой путь!
 Всё дальше и дальше он вьется...
 И негде пристать, и нельзя отдохнуть...
 Чу!.. Грохот навстречу несется...

Я вижу: Царь-пушка во мраке густом
Грохочет, губя что ни встретит,
И светом багровым на небе ночном
Кровавое зарево светит.
Над лужами крови, над мерзлой землей,
Над грудями ядер разбитых
Томится народ, и с томящей мольбой,
Упав над телами убитых,
Он просит пощады за то, что искал
От грозной неправды спасенья
И, вставши, бесправных рабов призывал
На бой против зла, угнетенья.
Но Пушка грохочет: «Клонись предо мной,
Ты, подлое, рабское племя!
Пока существует земля под тобой
И в вечность бегущее время
Еще не угасло — нигде не найдешь
Свободы и правды на свете!
Рабом родился ты, рабом и умрешь,
И будут рабы твои дети!»
Напрасны мольбы перед силою злой...
И клонятся темные люди
Над мокрой от крови погибших землей,
Пред силой ревущих орудий.
И роем пчелиным, несметным идут
Служители грозного бога:
Оковы и пыток орудья несут,
И всюду лежит им дорога.
И блеском железным, щетинясь, блестят
Штыки их, средь дыма сверкая;
И медные каски во мраке горят,
Пожар и огонь отражая.
И едут, и мчатся народа бичи:
И грубый жандарм, и сенатор,
И судьи — несчастной страны палачи —
И с ними палач-император.
То старое рабство привычной стезей
Идет, всё губя и терзая,
И зарево ярче горит над страной,
Мученья людей освещая...

Мой путь пропадает... Трудней и трудней
Идти по пустыне холмистой...
Как жарко средь этих песков и полей,
На этой дороге тернистой!
Темно — как в гробу; на земле, в небесах
Природа как будто застыла...
На западе дальнем, крутятся в облаках,
Свистя, непогода завывала...
И вздрогнул весь мир от конца до конца,
Лик прежних царей помрачился,
И образ царя, Золотого Тельца,
Средь мрака и дыма явился.
Всё стихло. Лишь воронов стая снует,
Навстречу тирану слетаясь,
Да полчище слуг на колени встает,
Пред новым царем преклоняясь...
Ревет он к народу: «Незыблем закон
Борьбы за богатство и силу:
Страдать терпеливо ты им осужден,
Трудиться весь век до могилы;
Напрасны о равенстве, братстве слова,
Где слабого сильный терзает.
Успех или гибель! — вот глас божества,
Что миром века управляет!»
И вижу я: движутся массой густой,
Как стаи голодных вампиров,
И золота слитки проносят с собой
Толпы фабрикантов, банкиров;
Фабричные трубы весь воздух коптят,
Поднявшись средь каменных сводов;
Как адские пасти, в долинах стоят
Высокие группы заводов;
Там злятся машины, гремят и ревут,
Шипят, точно змеи, насосы,
И тело и кости рабочего рвут,
Мелькая, как в вихре, колеса...
И алчное войско всё больше растет,
Всю землю собой наполняет,
И копотью, гарью кругом отдаёт,
И всё перед ним погибает...

Мой путь прекратился. В тумане и мгле
 Всё скрылось под ночью глубокой,
 И вот я стою на высокой скале
 Без сил, весь в крови, одинокий...
 Отсюда я вижу средь тьмы облаков,
 Что скрыто от взоров другого,—
 Я вижу течение могучих веков
 И долю народа родного.
 Мертва и спокойна лежит предо мной
 Страна векового застоя.
 Орел безобразный, с двойной головой,
 Парит средь ночного покоя.
 Там гады и черви повсюду кишат
 И хищные птицы летают;
 Как будто могилы, там тюрьмы стоят
 И стоны рабов не смолкают.
 В ней здание рабства, средь вьющихся змей,
 Стоит широко и громадно;
 И трое безумных, жестоких царей
 Терзают народ беспощадно.
 И вдруг в этой тьме гробовой разлились
 Могучая жизнь и волненье,
 Какие-то люди во тьме поднялись,
 И слышу я гимн пробужденья:
 «О родина! Долго ль ты будешь страдать
 Под бременем горькой невзгоды?
 И долго ль позорно ты будешь молчать
 На голос призывный свободы?
 Встань, бедный народ! Подымитесь, рабы,
 И в битву идите скорее!
 Довольно выгнулись под игом судьбы!
 Разбейте оковы! Смелее!»
 И гордый призыв по полям пролетел,
 И массы на троны восстали,
 И мрак застонал, загудел, зашипел,
 И в страхе цари задрожали.
 Задвигались гады, цепляясь кругом,
 И с громом земля расступилась,
 И здание рабства с двуглавым орлом,
 Сломившись, треща, провалилось
 И много людей под собой в глубине
 В паденье своем раздавило;

Но с ними пропала и тьма в той стране,
И рабства губящая сила.
И тучи исчезли с туманом густым,
Разбились оковы народа,
И вся ожила под лучом золотым
Весеннего солнца природа...
Но тут я проснулся... В каморке глухой
Всё было темно, безучастно;
И месяц сиял над моей головой
Так бледно, бездушно, бесстрастно...

1876—1877

157

Русская жизнь! Средь густой темноты
Как неуклюже сложилась ты!..

Родина-мать! нет ни счету, ни сметы
Змеям, что были тобою пригреты;
Дедов вина и беспечность отцов
Создали целое племя рабов;
Всюду душил тебя льстивый сенатор,
Хищный чиновник, жандарм, император,
Поп и помещик, судья и купец;
Грабил последний судейский писец...
Ты же,— ты только терпела, страдала,
Вечно трудилась и вечно молчала;
И средь громадной родимой земли
Вечно валялся народ твой в пыли...
Но разойдись ты, тоска гробовая!
Злу не поможешь, лениво страдая;
Некогда плакать, не время стонать,
Надо ошибку отцов поправлять!..
Родина-мать! разверни свои силы,
Жизнь пробуди средь молчанья могилы!
Встань! Угнетенье и тьму прекрати
И за погибших детей отомсти!

<1877>

Проклятие! Пиши стихи в тюрьме,
 Когда на воле ждет не слово — дело!
 Да, жить одной мечтою надоело...
 Бесплодно бьется мысль в моем уме...

Когда к борьбе с неправдой злой
 Стремится всё живое,
 Когда повсюду гнет тупой
 Над родиной больною, —
 Тогда не след в тюрьме сидеть
 И песни о неволе петь.

Тогда, поэт, бросай перо скорей
 И меч бери, чтоб биться за свободу:
 Стесненному неволею народу
 Ты не поможешь песнею своей...

Нет! Не для звуков сладких я
 Рожден, чтоб мог забыться
 Сресть грез и сна! Душа моя
 К борьбе с врагом стремится!
 И муза мне на ум нейдет...
 Лишь злость кипит и сердце рвет!

<1877>

Сгнули силы...
 Тускло сияние дня...
 Холод могилы
 Обнял, как саван, меня...

Те же всё стены,
 Тяжесть тупая в уме...
 Нет перемены!
 Глухо и душно в тюрьме...

Чаша всё ближе,
 Мало осталось пути...
 Благослови же,
 Родина-мать, и прости!..

<1877>

Прошла зима. Подходит лето,
Но радость мне не принесет,
А как любил я время это,
Когда природа вся живет!..
Но здесь, в могильной тишине,
Дает страдания одни
Всё то, что было мило мне
В былые, радостные дни...
Идет ли дождь, гремит ли гром,
Иль солнце ярче заблестит,
Луна ли на небе ночном
Меж туч украдкою бежит,—
Живее прошлое встает
В душе взволнованной моей
И тяжелей меня гнетет
Унылый звук моих цепей.

Когда ж свободен буду я?
Когда ж увижу я друзей?
Когда отрадно грудь моя
Вздохнет среди родных полей,
Среди лесов, где долго жил,
Где детства дни я проводил?..

Я помню... в детстве... у меня
Был в клетке сокол молодой.
Как часто, часто думал я
О нем в тюрьме моей глухой!
Я помню — он не раз сидел,
Свой взор в небесный свод вперив.
Как грустно, бедный, он глядел;
Как взор тот был красноречив!..
Однажды я с сестрой пришел
И пищу соколу принес;
Я мертвым сокола нашел,
Неволи тяжкой он не снес!..

Когда ты молод, полон сил,
Когда всю жизнь желаньем жил
Борьбы, свободы и труда,—

Сидеть в тюрьме, сидеть года,
Вдали от жизни и людей,
Нет муки в мире тяжелей!..

И, может быть, как сокол тот,
Умру и я в стенах тюрьмы,
Умру за то, что свой народ
Освободить хотели мы...

⟨1877⟩

161. ХАОС

Как страшно мне! — кругом меня всё мгла немая,

Разбит и помрачен мой ум больной,
И в сердце жизнь, как луч последний догорая,
Роит передо мной видений грозных строй:

Я вижу тяжкие несчастья и страданья
Кругом всё беззаветно гибнущих людей,

Их стоны громкие и громкие рыданья
Звучат как адский хор в груди моей.

Бушует зло... Тираны торжествуют

Над жертвами свободы мировой,

И тризну шумную их гибели пируют,

И шлют проклятья истине святой!

Что это? — Жизнь? Иль сон ужасный?

Иль бред разбитого ума?..

Ответа нет... Но знаю — мир прекрасный
Исчезнул для меня навеки, навсегда...

Долой же, прочь, ужасное виденье!

Ты душу узника несчастного не мучь!

⟨1877⟩

162. ДРУГУ ВЕРБОВЧАНИНУ

Венком из душистых весенних цветов

Покрыл бы я кудри твои;

Прекрасен ты стал бы среди этих оков,

В холодной могиле тюрьмы.

Я б песню безумно прекрасную спел

Герою Свободы народной,

Герою, которому дано в удел

Влачить дни в неволе холодной.

Далеко бы песня моя разнеслась,
В пучины б морские проникла,
В небесной лазури б она разлилась
И там бы замолкла, поникла.

Но сковано бедное сердце мое,
В нем звуки свободные мрут,
И песня свободы звучала бы дико
В стране, где рабы лишь живут.

<1877>

163. НА СМЕРТЬ БОГОМОЛОВА

Он пал, герой! Его могила
Зарыта свежеею землей;
Погибло всё, что свято было
Душе прекрасной и живой.
Ни слез, ни слова сожаленья
Он не найдет в стране родной;
Его мечты, его стремленья
Не были поняты толпой.
Награду мысли благородной
И сердца, полного любви,
Он уж стяжал себе в свободной
Борьбе за помыслы свои;
А сердца тайные мученья,
Что вынес он в борьбе со злом,
Схоронены в реке забвенья,
Исчезли, как зловещий сон.

1874(?)

164. ПАМЯТИ ПАВЛА ТРУТКОВСКОГО

Прощай, товарищ по страданьям!
Прими последний наш привет!
Иди — до скорого свиданья! —
Туда, где стонов, скорби нет;

Где не гремят рабы цепями,
Где вечный царствует покой,

Где из бессмертников венками
Венчает смерть того меж нами,
Кто гибнет в битве роковой;

Где все равны, где все лишь братья,
Где нет тюрьмы, ни палачей
И где природа-мать в объятья
Зовет свободы сыновей!

Внимая радостному вою
Шакалов, скоро все туда
Пойдем мы следом за тобою:
Здесь человеку и герою
Есть только кара — нет суда!

(1877)

Г. МИХАЙЛОВ

165. ПРОПАГАНДИСТ

Посвящается Н. А. М.

Непреклонная гордость во взгляде,
Неподдельная страстность в речах,
Простота в небогатом наряде,
Блеск ума и развития в очах —
Все черты несдающейся силы,
Неспособной пассивно страдать,
Неспособной лишь речью унылой
На невзгону тоску выражать.
Полон честным стремленьем — отчизне
Величавую будущность дать,
Уничтожить всё вредное в жизни
И народное благо создать,
Он не мог равнодушно-лениво
Выжидать измененья судьбы
Тех бедняг, что несут терпеливо
Жизни крест, как немые рабы.
Он не мог выносить угнетенья
И покорно несть рабства ярмо,
Преклоняться пред грубым стесненьем
И лелеять бесправья клеймо.

И, презрев мелочные заботы,
Не страшась тиранических гроз,
Он ушел в мир нужды и работы,
В мир отчаянья, горя и слез;
И учил он страдающих братьев,
И надеждой сердца наполнял —
Вместе с ним они слали проклятья
Тем, кто всё у них в жизни отнял.
Стойко, страстно он вел свое дело,
Пробуждая умы их от сна;
Он громил всё давящее смело,
И спадала с их глаз пелена...
Дни летели... Кипела работа...
Но не дремлет гнетущая власть:
Ее давит одна лишь забота —
Как бы вниз с высоты не упасть...
У тиранов есть верные уши:
Тип Иуды с земли не исчез,
Есть на свете продажные души...
Властелины ж богаты, как Крез.
И в тюрьму друг народа был брошен,
Как презренный и гнусный злодей;
Тупоумным насилием скошен
Силы цвет и великих страстей.
Прокурор своей речью пристойной
На суде его грозно громил
И мятежнику кары достойной
У озлобленных судей молил.
Робкий голос защиты напрасно
К милосердию суд призывал.
Суд не внял этой просьбе прекрасной
И борца за народ покарал.
И погиб для спокойствия власти
Друг народа в глухих рудниках;
Но великие, мощные страсти
Зажжены его смертью в сердцах!
И напрасны усилья тиранов:
Дух свободы проникнет в народ,
Рухнут все их безумные планы
И исчезнет губительный гнет.

<1877>

166. ИЗ 1874 года

Паспорт, котомка,
Дюжина с лишним «изданий»...
Крепкие ноги...
Множество планов, мечтаний.

Нивы, покосы,
Светлые виды, приволье...
Тракты глухие...
В хатах мужичьих бездолье.

Но в хате каждой
«Страннику» хлеб-соль готова...
С жадностью люди
Слушают равенства слово.

В селах жандармы,
Штрафы, оброки, поборы...
«Быть, братцы, бунту!» —
Слышно кой-где в разговоре.

Добрая почва:
Семя тут ладно упало...
Ну-ка, что дальше?
Пашни еще ведь не мало.

1874

167. НЕ ОТ МИРА СЕГО

Расскажи, научи
Ты, святой человек:
Мне к кому обратиться
Слово правды, любви?
«Ты не тех вразумляй,
Коиx злоба гнетет,
Речь свою говори
Тем, кто сами гнетут!»

Я пошел к богачам,
Кои дают нужду;
Услыхавши мою
Речь о правде, любви,—
Усмехнулись они
И зорчее свои
Сундуки принялись
Караулить-стеречь...
Я пошел к судиям,
Кои жмут бедноту;
Услыхавши мою
Речь о правде, любви,—
Усмехнулись они
И хитрее свое
Стали дело вести.
Я пошел и к царю,
Что гнетет свой народ;
Услыхавши мою
Речь о правде, любви,—
Он фискалам своим
Расторопней велел
За народом глядеть...
К морю я подошел,
Вижу — тонет рыбак.
Я «насильно» не стал
Человека спасать...
Нет, я словом любви
Волны стал укорять...
Но святые слова
Не спасли бедняка.
Эх, святой человек!
(Догадался тут я)
Не от мира сего,
Видно, мудрость твоя,
Так в мирские дела
Не совался б ты зря!..

⟨1877⟩

Из классического поэта Пиндара

Кто всем дознаньем заправляет?
Кто веру и царя спасает
И множество иных основ?
Жандармский генерал Жидков.

Кто наловил пропагандистов,
Искоренил социалистов,
Пресек распушенность умов?
Жандармский генерал Жидков.

Кто задает вопросы тонко,
С глубокомыслием теленка,
И козни все раскрыл врагов?
Жандармский генерал Жидков.

Кто всех поставил в затрудненье,
Спросив в внезапном вдохновенье:
«Фуражки этой смысл каков?»?
Жандармский генерал Жидков.

Кто арестантов размещает,
Пути к сношеньям преграждает,
Напрягши силы все мозгов?
Жандармский генерал Жидков.

Кто за преступные сношенья
Лишил их чаю, супу, чтенья
И даровал всё это вновь?
Жандармский генерал Жидков.

Кто, в свете дня и кислороде
Вред усмотрев людской природе,
Спас от него их, дураков?
Жандармский генерал Жидков.

Кто только сущность уважает,
А формализм так презирает,
Что плюнуть на закон готов?
Жандармский генерал Жидков.

Но нам всех дел не перечесть,
Жидкову делающих честь.
Так крикнем же без лишних слов:
Ура, Жидков!

<1877>

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

169

Пусть я в тюрьме, пускай я связан —
Всё ж остается мне мой смех;
И им я доконаю тех,
Кому веревками обязан!

<1877>

170. ПРОКУРОРСКИЕ РЕЧИ

*Посвящается гг. Шубину, Меркулову, Жукову, Жихареву,
Желиховскому и иным многим*

Нет, вы скажите мне одно:
О чем весь этот люд хлопочет?
Образованье им дано,
Карьера — всякому, кто хочет!
Так нет: им, видно, честь не в честь,
Коли не сразу в генералы!..
Но дайте мне на место сесть,
Тогда — держитесь, радикалы!
По мне, серьезный человек,
С определенной карьерой,
Не терпит нравственных калек,—
Его не подкупить химерой!
«Народ!», «Прогресс!» — всё это вздор,
Предлоги для интриг нахалов!
Но, к счастью, я уж прокурор
И... поприжму и радикалов!
Народ слагается из лиц,
Народное же благо, счастье —
Из счастья этих единиц.

Пусть, значит, каждый с трезвой страстью
Печется о судьбе *своей*,
Не становясь на пьедесталы,—
И вот вам счастье массы всей!..
О, берегитесь, радикалы!
Затем — прогресс: мой бог — прогресс!
Но ведь коли он не химера,
Так, значит, личный интерес
Ему и цель, и вес, и мера!
«Вперед! имея цель в виду» —
Вот мой девиз и идеалы!
И я действительно иду...
И... трепещите, радикалы!..
Давно ли был я в Окружном?
А вот теперь уже в Палате,
И, тем же следуя путем,
Наверно буду и в Сенате.
Оклад не бог знает какой —
Ведь жизнь так страшно вздорожала!..
Но в будущем-то шанс большой.
И... горе вам, о радикалы!..
Притом же, ежели идти
В своих стараньях всё *crescendo*,¹
То можно наконец дойти
До получения аренды...
Не спорю, труден этот приз;
Но я ведь бью во что ни стало
(Как и велит мне мой девиз),
И... горе вам, о радикалы!..
А раз я на виду — тогда...
Кто знает?.. Министерства стены
Ведь тоже видят иногда
Серьезнейшие перемены!..
Конечно, чтобы так шагнуть,
Усилий надобно немало,
Но я ведь выбрал верный путь.
И... трепещите, радикалы!
Я спрашиваю вас теперь:
О чем хлопочет это племя,
Коль блага и прогресса дверь
Открыта настежь перед всеми?!

¹ Усиливаясь (ит.).— *Ред.*

Нет, нет! Серьезный человек,
Хоть будь он трижды добрый малый,
Не терпит нравственных калек!..
И... горе вам, о радикалы!

<1877>

171. ПРОГРЕСС

Дважды ваш слуга покорный
Подвергался заключенью,
Ибо был подозреваем
В том, что служит убежденью.
В первый раз сидел полгода,
Во второй — два года с лишним,
Сколько ж времени на третий
Суждено ему всевышним?
Что ж, судя по прежним срокам
И логично рассуждая,
Мы едва ли ошибемся,
Лет пяточек полагая..
Но не думай, о читатель,
Что такое размышленье
Грусть в душе моей рождает
Или даже хоть смущенье!
О, напротив, я в восторге,
Вне себя от восхищенья,
Видя мощный дух прогресса
Даже в сроках заключенья!

<1877>

172. ГАРМОНИЯ

Как всё мудро в этом свете,
Как гармонии полно!
(И как жаль, что мысли эти
Не усвоил я давно!)
Для того, чей взгляд не шире
Ленты орденской,— простор
Предоставлен полный в мире,
Чтоб расширить кругозор...

Для того же, чьи стремленья
Чересчур уж широки,—
Небольшое помещенье
И... надежные замки!..

(1877)

173—174. ИЗ ДОРОЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

1

В СТЕПИ

Сам-друг в степи необозримой,
Да впереди еще ямщик,—
И только слышен звон, да топот,
Да ямщика удалый крик...

И ни шпионов, ни жандармов,
Ни полицейских на пути!..
О, если б в этом отношенье
Повсюду ту же степь найти!

2

ЗНАКОМЫЙ ТИП

Ходить в корню и на пристяжке,
Как тройка смирных битюгов;
Ходить во всяческой упряжке,
Хоть до скончания веков;

Возить кого и как угодно,
Возить куда укажет кнут,
Возить *всегда*, хоть неохотно,
Нося с терпением хомут;

Возить и под гору, и в гору...
Да об овсе мечтать порой —
Вот тип, давно знакомый взору,
Тип гражданина, нам родной!

(1877)

175. СУДЬБА РУССКОГО ПОЭТА

Глядишь, глядишь, как правду душат,
Как человека бьют ослы,
Как мысль и энергию глушат,
А тупости поют хвалы,—

Глядишь на все обиды эти,
Глотаешь со слезами их...
Но есть всему предел на свете —
И вот скуешь железный стих!

В него положишь ты всю душу,
Он — наболевший сердца крик,
Он — кровь, забившая наружу
Из-под ножа, что в грудь проник!

И что ж? Твое стихотворенье
Прочтет российский гражданин,—
Прочтет толково, с увлечением,
И... вспомнив вдруг день именин,

Надевши фрак, пойдет гнуть спину
Перед сиятельным ослом,
Что Русь, как выючную скотину,
Взнуздавши, хлещет знай кнутом!

1872

176. СЛУЧАЙНОМУ ТЮРЕМНОМУ ДРУГУ

П. Л. В — у

Спасибо, друг! Мы встретились случайно;
Но для меня так много сделал ты,
Что превзошел всё, что хранил я тайно
В душе как фантастичные мечты.

Я не за то тебя благословляю,
Мой добрый, честный, мой отважный друг,
Что если я свободу вновь узнаю,
То, может быть,— ценой твоих услуг.

Услуги вздор! Но ты всю сладость веры
Мне возвратил в успех добра, в людей,
И нет, поверь, да и не будет меры
Любви и благодарности моей!

Ошибками сердечными разбитый,
Истерзанный жестокою борьбой,
Я, словно Иов, язвами покрытый,
Измучен был и телом и душой;

.
.
.
.

Но ты пришел и для меня, чужого,
На карту ставил волю и покой,
И стал я верить, стал любить я снова...
Спасибо же, спасибо, милый мой!

1870

177. Н. Ч — И — У

Едва ли мать когда бывает
Так терпелива и нежна,
Когда дитя — в жару, без сна —
Ее капризами терзает,
Как ты ко мне был нежен, милый,
И к вечным стонам терпелив,
Хоть сам подчас едва был жив,
Измученный тюрьмой-могилой.
Мой добрый друг! В былые годы
Я часто слышал клевету,
Что мы, преследуя «мечту»
Равенства, братства и свободы,
Свою природу позабыли
И разучились полно жить,
По-человечески любить,
Что чувства в нас давно застыли,
Живет одна лишь голова...
А как готовить миру счастье
Без искры чувства и участия? —
Слова, слова, слова, слова!

И я тотчас терпенье,
Платил упреком за упрек,
И целый пламенный поток
Лился из уст моих в волнение!
Всё ту же клевету придется
Мне часто слышать и теперь;
Но сердце в этот раз, поверь,
Не гневом — торжеством забьется:
Я им ни слова не скажу,
Не стану попрекать ошибкой,—
Я молча встречу их улыбкой
И на тебя им укажу.

⟨1877⟩

178. М. А.

О, как я беден бесконечно,—
Беднее бедности самой!
Я это чувствую, подумав
О встрече будущей с тобой.

Когда я вновь тебя увижу,
Мой бесконечно милый друг,
Когда до сердца вновь проникнет
Знакомой речи милый звук;

Когда вновь руку дорогую
Почувствую в руке своей
И вновь на мне ты остановишь
Спокойный взгляд твоих очей,—

Скажи, желанная, скажи мне,
Как страсть тогда я передам,
Чтоб поняла ты сердцем чутким
Всё, что почувствую я сам?

Что я могу? Налюбовавшись,
Тебя в своих объятьях сжать
И страстно, трепетно и нежно
Всё целовать и целовать?

Иль, милые обняв колени,
Сказать на тысячу ладов,
Что я люблю тебя безмерно
И за тебя на смерть готов?..

Всё это так, всё это будет,
Невольню будет вновь и вновь!..
Но, бог мой, как всё это бедно,
Чтоб выразить мою любовь!

<1877>

179

Когда подумаю, голубка, о тебе —
Что переносишь ты и что переносила
Из-за любви ко мне, — то я молюсь судьбе
О том, чтоб ты меня скорее позабыла.

Когда ж подумаю, чего лишился б я,
Когда бы ты меня действительно забыла, —
О, как мне хочется, желанная моя,
Чтоб ты меня по-прежнему любила!

<1877>

180. ВСЁ ТО ЖЕ

Прошла весна, прошло и лето,
Прошла и осень, и зима,
И вновь всё зеленью одето,
А для меня — всё та ж тюрьма!

Природа вешнею красую
Стремится в душу жизнь вдохнуть;
Но без свободы и весною
Всё так же трудно дышит грудь.

1870 (?)

Не то обидно мне, что отнята свобода,
 Покой, здоровье и семья,
 Что в мертвой тишине и мгле глухого свода
 Дня светлого не вижу я;
 Нет, если б дали мне свершить благое дело,—
 Что мне страдание мое?
 Я делу правому отдался бы всецело,
 Свободу б отдал, счастье — всё!
 Я знаю этот мир: в нем, в этом жалком мире,
 Так исковеркан жизни строй,
 Что всяк, кто вздумает взглянуть на жизнь пошире,
 Тем самым жертвует собой.
 О, если б в мир внести хоть каплю правды чистой!
 За это я готов страдать.
 И, верьте, жалобы на мой удел тернистый
 Вам от меня б не услышать!
 Но вот обидно что: я полон был желаний,
 Я многое свершить хотел,
 Но я был взят среди одних мечтаний
 И воплотить их не успел.
 И вот я здесь сижу, страдаю, трачу силы,
 Из-за чего? — из-за мечты!
 А там, на воле, за стеной могилы,
 Там бой идет, там нужен ты!

⟨1877⟩

Бесконечно, мертво, монотонно
 За минутой минута ползет,
 Словно певчий ленивый и сонный,
 Что за гробом, зевая, идет;
 Словно всем им в глухое ненастье
 От начальства приказано встать
 И мое схороненное счастье
 Без конца, без конца отпевать...

⟨1877⟩

183. ПИСЬМО

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

Лермонтов

О, сколько ж времени еще мне ждать письма?
Всё, всё, чем жизнь красна, уж отняла тюрьма:
Последней радости и той не пощадила!
〈Последний луч и тот ревниво заслонила!〉
Так скряга алчною, дрожащею рукой
Обрезать норовит случайный золотой.
О, как хотелось бы измученной душою
Теперь мне отдохнуть над строчкой дорогою!
Но нет, я жду и жду; обычным чередом
Томительно идет, проходит день за днем,
А дорогого мне письма всё не приносит...
А сердце так щемит и так отрады просит!..
〈1877〉

184. ПРОЩАЙ!

Прощай, голубка дорогая:
Мне больше не видать тебя!
Не много радости, любя,
Узнала ты со мной, родная!

Прощай! Забудь меня скорее;
Полней, молю тебя, живи.
Будь счастлива в труде, в любви;
Гляди вперед, гляди бодрее!

А я... измученный тюрьмою,
Больной ребенок в 〈трид〉цать лет,—
Солгу я, если дам обет
До гроба быть твоим душою;

Но то, что я еще имею,
Та капля истинной любви —
Покамест есть она в крови —
Поверь, останется твоею.

〈1877〉

Ну, я преступник, уж положим:
 Я смел любить и рассуждать;
 Для извергов таких что ж ожидать мы можем?
 Но мать? За что страдает мать?
 За что же ей не знать покою,
 Хотя бы на один, хоть на единый час,
 И не смыкать ночной порою
 От слез распухших старых глаз?
 За что же ей в тоске бессменной, безысходной
 День в день томиться и хиреть,
 И силы надрывать работою бесплодной,
 И муки ожидания терпеть?
 И для чего нужны подобные искусства?
 Что палачам страданья наши принесли?
 Да будут прокляты властительные труссы,
 Да будут прокляты все сильные земли!

<1877>

Я вынести могу разлуку
 Со всем, что драгоценно мне;
 Я вынести могу всю муку —
 Быть вечно мертвой тишине;
 Всё — одиночество, лишенья,
 Грусть по родному очагу,
 В надеждах горькие сомненья —
 Всё это вынести я могу.
 Но *прозябать* с живой душою,
 Колодой гнить, упавшей в ил,
 Имея ум, расти травкою, —
 Нет, это свыше всяких сил!

<1877>

...не знаю,
 Чи я живу, чи доживаю,
 Чи так по світу волочусь,
 Бо вже й не плачу й не сміюсь.

Т. Шевченко

На сером фоне фас тюрьмы
 Рисується громадою мрачною;
 Чуть видно звездочка середь тьмы
 Горит во мгле полупрозрачною;
 Фигури движуться людей
 Без лиц, без ясных очертаний;
 Мигають лампы фонарей,
 Не освіщаючи мрачних зданий...
 Тоска!.. В душі якої-то сон,
 І в ній все темень покриваєт:
 Такої же срий общій фон,
 І так же светоч мой мигаєт...
 Проносяться обривки дум
 І образы без очертаний;
 Заснуло серце, спит і ум,—
 Нет ні стремлений, ні желаний...
 Устал я!

<1877>

188

Кашель душит, груди болит,
 Серце б'ється нестерпимо,
 І вертиться все вокруг
 Целый день неударжимо...

Спичка ль на пол упадет,
 Тень ли мимо пробігаєт —
 Все, как камнем, в сердце бьет
 І мучительно пугает.

Сколько ж лет еще так жить?
 Право, сил уж нету боле...
 Хоть ссылали бы скорей
 Или вешали уж, что ли!

<1877>

О братство святое, святая свобода!
 В вину не поставьте мне жалоб моих:
 Я слаб, человек я, и в миг, как невзгода
 Сжимает в железных объятьях своих,
 Невольного стона не в силах сдержать я —
 Ужасны тоски и неволи объятья!

Но быстро минутная слабость проходит,
 И снова светлеют и сердце, и ум,
 И снова спокойствие в душу нисходит,
 И рой благодатных и радостных дум
 В тюрьму мою вносит луч тихого света:
 Мне чудится звук мирового привета.

Далеко-далеко умчатся сомненья,
 И станет мне ясен смысл жизни моей,
 Всю душу охватит волна умиленья,
 И в той веренице нерадостных дней,
 Какую провел я без жизни, без дела,
 Я вижу всю прелесть святого удела!

Пусть жизни моей безотрадная повесть
 Богата желаньем, делами бедна! —
 Не ими одними народная совесть
 Выводится к жизни из долгого сна:
 Нет, сердцу народа живое страданье
 Понятней и ближе, чем все толкованья!

Быть может — как знать это? — кровь моя будет
 Той каплей, что, капнув горячим свинцом,
 Народную совесть от дремы пробудит,
 И в ужасе, встретясь с родным мертвецом,
 На этот раз совесть народа сознает,
 Чему совершаться она допускает?!

О братство святое, святая свобода!
 За каждый жестокий, убийственный миг,
 Который я вынес для счастья народа,
 За каждый невольный страдальческий крик
 Я вам и судьбе моей шлю в умиленья
 Горячее, светлое благодаренье!

(1877)

Пусть злоба низкая идет
На нас, работников свободы,
Пускай в разгар святой работы
Оковы нам с собой несет.
Как неизбежное отмщенье
За то, что были мы верны
В делах святому убежденью, —
Пускай лишь сны, одни лишь сны
Дают нам подышать свободой,
И пусть дальнейшей жизни нить
Сплошной окрашена невзгодой —
Пусть так! нет нужды! — не убить,
Нет, не убить вам тех стремлений,
Что в молодой живут груди
И, как прекрасный рой видений,
Манят приветно впереди!
Погибнем все мы незаметно,
Как погибает муравей,
Ногой досужею бесследно
Раздавленный среди полей...
Увы, нам чуждо утешенье,
Что в будущие времена
Произнесутся с уваженьем,
С любовью наши имена.
Когда и как погибли в битве —
Того никто не будет знать,
И только мученица мать
Помянет нас в своей молитве...
Да, мы погибнем. Но рядами
Уж новые бойцы стоят
И двинутся — за рядом ряд —
Тропой, проложенною нами.
Они и знать не будут нас,
Но та же жажда жечь их будет
И каждый день и каждый час
На битвы новые побудит.
Навстречу тьмам таких же бед,
Покорны голосу природы,
Они пойдут за нами вслед,
К живому роднику свободы!
Так неизменной чередой
За поколеньем поколенья

Пойдет пробитою тропой
Без отдыха, без утомленья,
Пока не сможет наконец
Поднять забитую свободу
И с деспота сорвать венец
И возвратить его народу.

1870

191. ТАМ И ЗДЕСЬ

Там, на Западе далеком,
Пролетарий бой ведет;
Крепнет он в бою жестоком,
Крепнет, множится, растет.

Здесь, на пасмурном Востоке,
Пролетарий крепко спит;
Он не думает о сроке
Избавленья и молчит.

Но зато студент проснулся
И протер уже глаза
И на Запад оглянулся:
Скоро ль божия гроза?

Он работника разбудит,
С ним сольет свой интерес
И с ним об руку добудет
Хлеб, свободу и прогресс.

1872

192. КРИЧИ!..

Кричи о равенстве, о братстве, о свободе,
За правду честный бой без устали веди,
Греми на деспота проклятьем и в народе
Сознание и мужество буди!

Кричи пером, и словом, и примером,
Кричи при всех, и всюду, и всегда,
Хотя б тебя прозвали изувером
Солидные, с брюшками, господа.

И пусть твои слова насмешкой дышат злою
И страстию кипят, как лава горячи,
И если крик твой кончится тюрьмою,
Припав к решетке — все-таки кричи!

И если деспот хищною рукою
Тебя за горло схватит наконец
И ты не в силах будешь крикнуть: «К бою!» —
Хоть молча плюнь в лицо ему, боец!

(1873)

П. А. ОРЛОВ

193. «МАЛЬЧИШКА»

«Мальчишка» я!.. Хотите вы сказать,
Что молод я, ничтожен, не опасен,—
Зачем же вам в тюрьме меня держать?
Зачем «мальчишка» так для вас ужасен?

«Мальчишки» мы!.. Зачем же поднимать
Вам из-за нас такую суматоху?
Тревогу бить, и голову терять,
И жертвы несть судебному молóху?

«Мальчишка» я!.. Пусть так; но вы-то кто ж,
Идущие с дреколием, толпами
На горсть «детей», едва скрывая дрожь?
Вас как назвать? Не доблести ль мужами

«Мальчишка» я!.. Но знайте — муж стальной
В «мальчишке» том стараньем вашим зреет!
Спасибо вам: спознался я с тюрьмой —
Она во мне кой-что посеет...

И не на радость вам такой посев взойдет;
Клянусь, он будет вам на горе!
Узнаете, когда в народном море
Девятый вал на ваш корабль найдет!

1871 (?)

Из скрытых жизни родников
 Течет предвечное движенье, —
 Оно сильнее всех богов,
 Оно разрушит ослепленье
 Людских сердец, людских умов,
 Как в грозный час землетрясенье —
 Основы храмов и дворцов.

Оно взволнует мысль народа,
 Как буря — спящий океан;
 Народ восстанет — ко́ру гнета
 Прорвет, разметет, как вулкан!
 Хоть туча влагою богата,
 Но ей волкана не залить, —
 Так жизни вам не задавить
 Решеньем дряхлого сената!

Да, лава хлынет и зальет
 Дворцы, и замки, и темницы!
 Да, буря грянет и сорвет
 С вас пышный пурпур багряницы!
 Огонь святой любви к свободе
 Всегда силен, всегда живуч,
 Всегда таится он в народе,
 Как под землю скрытый ключ;
 И он родит вокруг брожение,
 Не устоит ничто пред ним,
 Как искра Вечного Движенья —
 Он никогда не загасим!

<1877>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

195

Я

Лет тридцать, как раки, мы задом ползли,
Но крымские громы раздались,
И, вздрогнув, мы быстро вперед побегли,
Да прыти своей испугались.

По прошлому снова взяла нас тоска,
И снова презренно плетемся
Мы к старой болотине рабской, пока
На прусские пушки наткнемся.

Он

Побьют нас — и снова прогресс расцветет,
Падут и Тимашев, и Пален,
И ясное солнце свободы взойдет
Над грудой кровавых развалин.

К свободе воскреснет великий народ
Под песни свободные бардов...

Я

Да, если их всех наповал не убьет
Уплата пяти миллиардов.

<1877>

Люблю тебя, родная Русь,
Люблю до боли сердца я,
Твоих порядков лишь боюсь —
Они бросают в жар меня.
Тебя стеною окружают
Свои и внешние враги
И беззаконья разъедают,
Хотя законы и строги.
Твои чиновники хвалятся,
Что уж закона не обходят,
Но на закон зато садятся,
Ногами по закону ходят.
У нас ведь это просто чудо:
В двух-трех приказах в день побыть —
И там каким-нибудь Иудой
Совсем обиженным не быть.
Наш «статский» или «регистратор»
Равно причастны произволу,
Как всякий русский губернатор,
Что из корнетов вылез в гору.
Когда мы видим их в гостиных,
То всяк из них «съел европейца»,
В речах их милых и невинных
Не чуешь русского индейца.
Но лишь в «приказ» вы к ним войдете,
На лицах их, у всех подряд,
Большую надпись вы прочтете:
«Как ни верти — я азиат!»

(1878)

(Драматический этюд)

Действие происходит в кабинете царя в Зимнем дворце.

Ц а р ь

(один, ходит по кабинету)

Убит шпион, что жизнь мою хранил как око,
 Из-за угла преступною рукой,
 Как пес мне преданный и сыщик первый дока,
 О Мезенцев незаменимый мой!
 Да, тяжела ты стала, шапка Мономаха!
 Тебя я прежде, как перо, носил,
 И всякий славянин, за исключением ляха,
 Под шапкой той меня, как бога, чтил.
 И царствовать тогда мне было так отранно:
 Каприз мой был для подданных закон,
 Я жертв не принимал, как идолы, парадно,
 Но выше алтаря мой возносился трон.
 Вдруг что-то странное случилось с рабами,
 Какой-то вихрь по душам их прошел,
 Лассаль и Робеспьер царят над их умами,
 И пропаганда бродит среди сел.
 Два раза сам я был мишенью пистолета,
 Но божий перст направил выстрел вкось!
 О, если б не смотри, не гурии балета,
 Мишурный трон теперешний хоть брось!
 Как бедный Мезенцев, мой щит от всяких страхов,
 На Итальянской пал от страшных ран,
 Не буду ль также я, потомок Мономахов,
 На улице зарезан, как баран?
 Мысль эта страшная в уме моем гнездится,
 Убийц повсюду видит робкий глаз!
 Так жить нельзя, нет... надобно решиться!

(Звонит. Вошедшему лакею)

Министра мне двора позвать сейчас.

Лакей уходит.

Я побеседую с моим бесценным другом,
 Поплачем, вспомнивши о прежних днях,
 Когда вся жизнь казалась сладким нам досугом,
 При звоне чаш и в радужных цветах.

Теперь не то: дрожу, крамолой уstraшенный,
О пиршествах веселых позабыв,—
Пусть успокоит друг рассудок мой смущенный,
Рассеет мрачных дум наплыв.

Входит Адлерберг.

Что нового? Ужель убийцы на свободе?

Адлерберг

Увы, монарх, не пойманы они:
Жандармы рылись в пороховом заводе,
Но там нашли всё пустяки одни:
Кинжал заржавленный, чехол от пистолета,
Десяток книг цензурных и пустых.

Царь

Позор! Вас осмеют газеты всего света!
Как не найти изменников моих?

Адлерберг

Мы меры приняли на суше и на море,
Чтобы не дать преступникам бежать.
Мы всюду сыщиков пустили им на горе,
Всех подозрительных велели мы хватать,
И набрано теперь народу очень много,
Набиты наши тюрьмы все битком,
И с помощью суда, полиции и бога
Всю молодежь в Сибирь мы отвезем!

Царь

Ох, эта молодежь! Кошмар мой, червь ужасный,
Что точит трон самодержавный мой
И делает мне жизнь и скучной, и опасной!
Сибирью с ней не справиться одной.
Я двадцать лет ее прилежно погребая
В далеких ссылках по России всей.
И что ж? Я хороню, а женщины рожают,
И новая выходит — старой злей!
Она, как кредитор, как недуг неотвязный,
Преследует меня и день и ночь,
Вселяет страх во мне какой-то безобразный,
Которого нет силы превозмочь!
Толстой представил мне проект преинтересный:
Скопить он нам советует детей,

Чтобы подрезать зло в источнике телесном,
Лишив народ энергии, страстей.
Он этой мерою нам путь к спасенью кажет,
И я ее давно бы утвердил,
Да вдруг подумаю: а что Европа скажет?
И сделать смелый шаг не обретаю сил!
Желаю, Александр, твое узнать я мнение
Об оскотпенье подданных моих?

Адлерберг

Твои реформы, царь, премудры без сомненья,
Но то была б мудрейшая из них.
Среди реформ твоих, оскотпленный морально,
Не может жить нормальный человек.
Но, увенчавши их скоплением матерьяльным,
Ты узел бы тот гордиев рассек,
Что невозможное вносил противоречье,
Противу нас дух буйства поднимал,
Друзьям твоим грозил и смертью, и увечьем
И царственный покой твой нарушал.

Царь

Европа длинный нос в реформы эти сунет,
Вот почему я медлю их провести!

Адлерберг

Пусть русский царь в лицо Европы наглой
плюнет,—
Как смеет к нам непрошенная лезть?
Что нам до Франции, до англичан, до немцев?
Мы можем жить и собственным умом;
Свобода хороша для этих иноземцев,
Но русский люд быть осужден рабом.
Пусть Запад возится с своей свободой славной
И в пешки обращает королей;
А мы должны хранить твой трон самодержавный
От бешенства разнузданных страстей.
Мы сохраним его наперекор прогрессу,
Права людей рабам мы не дадим,
Закроем школы все, в тисках задушим прессу
И молодежь подряд всю оскотпим!

Царь

В твоих словах ясна как день любовь к престолу;
Не надо мешкать, сам я нахожу;

Составим комитет: фельдмаршала Николу
Я в президенты смело посажу.
В скоплении быков теперь он ищет счастья,
Которого в боях не мог снискать;
Животных любит он, и будет он со страстью
Людей в животных обращать.
Затем назначим в члены мы Толстого —
Мне мнится, между нами, он скопец!
Недаром он к семье относится сурово,
И этого проекта он творец.
Тимашев, Грейг, Валуев, два-три генерала,
Митрополит наш здешний, Исидор,
Ну и побольше лиц духовного закала —
И вот готов наш скопческий собор!

Адлерберг

Чтоб делу нашему научный лоск доставить,
Здекаура я в члены б предложил:
Он стал бы скопчество с большим усердьем
славить

И мантией науки нас прикрыл.
В видах практических недурно б тоже было
Плотицына из каторги призвать:
Пусть ведают скопцы, что время наступило
Им все свои таланты показать.
Его бы при дворе в форшнейдеры поставить
(То званье получило б смысл прямой),
И старые скопцы монарха будут славить,
И выступишь прогресс ты мирный свой.
Отрадно потечет твое существованье,
Спокойно станешь есть, и будет тих твой сон,
Повсюду тишина — ни бунта, ни восстанья,
Лишь томный ропот недовольных жен
Порою слышится... А для капеллы хора
Каких бы теноров мы стали добывать!
Да, для тебя воскреснет сказка Черномора!
О, что за жизнь и что за благодать!

Царь

Ты кровь мою зажег своею речью страстной...
Зажить скорей, как Черномор, хочу:
Скопить сейчас! Не трать же времени напрасно,
Лети! И я тебя озолочу!

За твой совет взыщу тебя щедротой царской —
Арендой польских дедовских лесов!
Ступай, и пусть Сильверстов, новый шеф жандармский,
Войдет ко мне, когда услышит зов.

Адлерберг уходит.

Бог не дал своего помазанника в руки
Поборникам разнузданных страстей,
А мне Людовика уж грезилися муки,
И эшафот, и сонмы палачей!
Я вскакивал с одра, ужален сновиденьем,
За эшафот я принимал кровать
И каялся в грехах, склоняясь пред провиденьем,—
С величием учился умирать!
Вдруг сон исчез — и вновь былые упоенья!
Я снова царь на троне вековом!
Крамола замерла, и улеглись волненья,
И я царю в безмолвье гробовом!
Да, как Навин остановил движенье солнца,
Движенью жизни я преграду дам,
И образ прадеда, свирепого чухонца,
Я в памяти народной воссоздам!

(Задумывается.)

Как червь, в уме моем ползет соображение:
Вдруг внешний враг ко мне ворвется в дом?
Как отбиваться мне? Как принимать сражение?
Не храбр скопец в дыму пороховом!
Обрезав у орлов орлиные их крылья,
Орлиной мощи мне от них не ждать!
Когда всё грезятся: то плаха, то Бастилья,
Мне ль о воинских подвигах мечтать!
Придется уступить тогда... вот что несносно!

(Махнув рукой.)

Э, уступлю! А там без дальних слов
Убытки, что нанес мне враг победоносный,
Взыщу с своих же каплунов!

(Опять задумывается.)

Вот орден Белого Орла теперь не нужен —
Его нам Белый Голубь заменит;
Им буду награждать, кто в скопчестве недужен,
И чтит меня, и мыслью не блажит.

(Кричит в дверь: «Сильверстов!»)

Сильверстов входит.

Послать во все концы Сибири телеграммы:
Скопцов в Россию снова возвращать!
Скарятин пусть Плотицына на берег Камы
С блестящей свитой выедет встречать.

Сильверстов

Осмелюсь, государь, молитв о снисхожденье —
Любовь и долг велят тебя спросить:
Какой смысл кроется в столь странном порученье —
Скопцами вновь Россию наводнить?

Царь

Молчать, Сильверстов! Я тобою недоволен,
Ты до сих пор убийц не разыскал,
По милости твоей я так расстроен, болен,
Что хуже мокрой, старой тряпки стал.

Сильверстов хочет говорить.

Не рассуждать! На ниточке твое спасенье!
Закон я нынче новый в силу ввел:
Плохим слугам послужит карой оскотление,
Ты в списке первым кандидатом. Пшел!..

(Выталкивает его из кабинета.)

(1879)

198. ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОТИВЫ

(Вольный перевод из «Floh»¹)

Вот толпа зевак у окон:
В большом доме освещенье,
И жандармы у порога,
И заметное движенье...

Верно, бал здесь или вечер
Элегантно-европейский...
Нет, мой друг, не угадали —
Это обыск полицейский.

¹ «Блоха» (нем.). — *Ред.*

Перед зданием громадным
Экипажей съезд огромный;
Вылезают генералы,
Со звездами люд сановный...

Верно, слушать собралися
Знаменитого артиста?..
Нет, сегодня в зданье этом
Судить будут нигилиста!

Вот хор музыки военной,
И войска идут повзводно.
Офицеры встречным дамам
Глазки строят превосходно...

Полковой, должно быть, праздник
Иль штандарта освященье?! —
Нет, над пленным нигилистом
Смертной казни исполненье!

Шум в столице и движенье,
Ко дворцу народ стремится,
С генералами и знатью
Ряд карет туда катится.

Уж не празднует ли Питер
Конституции явленье?! —
Нет, то вновь бог спас монарха
От седьмого покушенья!

(1880)

Н. А. МОРОЗОВ

199. ЗАВЕЩАНИЕ

Посвящается Н. А. С.

Когда для большего порядка
На бедной родине моей
Я от полиции украдкой
Переселюся в мир теней,

Друзья! Мой прах похороните
Без погребальных громких слов,
На гроб цветов мне не кладите
И не носите мне венков, —

Но врыйте жердь в сырую глину
Надгробной насыпи моей
И, свив веревку, на вершину
Жандарма вздерните на ней!

Пусть будет вихрь, в полях играя,
Его одежду развевать,
Пусть будет буря, завывая,
Холодный труп его качать!

Лишь только скрипнет шест высокий —
Могилы скромный мавзолей,
Я каждый раз в земле глубокой
Благословлю моих друзей!

⟨1880⟩

М. И. ВЕНЮКОВ

200. МАРСЕЛЬЕЗА

⟨Из Ж. Руже де Лиля⟩

(Музыка одна и та же)

Вперед, сыны страны родной:
Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
В наш вольный край вступили,
В наш вольный край вступили!
Вам слышны ли у очагов
Солдат свирепых клики?
Друзья! там ваших бьют сынов,
Подруг там ваших крики!

В ружье, друзья! Сомкнитесь в тесный строй,
Вперед за мной;
Да враг бежит кровавою стезей. (*bis*)

Что хочет здесь орда рабов
С злодеями вождями?
Кому железо сих оков
Куется их царями,
Куется их царями?
Друзья, то нам!.. Какое зверство!..
И как тут злобой не пылать,
Когда нам рабство, изуверство
Хотят штыками навязать!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis)*

Как! чужеземные толпы
Нам предписать закон посмеют?
Как! их наемные орды
Сынов отчизны одолеют,
Сынов отчизны одолеют?
Великий бог!.. Скуют нам длани
И под ярмо поставят вновь,
Чтобы зачинщик этой брани
Мог вновь сосать народа кровь?!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis)*

Дрожи, тиран! Дрожите вы,
Крамольники в изгнанье,
Изменники родной страны:
Вам будет воздаянье,
Вам будет воздаянье!
Здесь всяк солдат, чтобы вас бить!
И пусть падут герои:
Земля родит иных, чтоб мстить
В ожесточенном бое!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis)*

Друзья, вам сердце говорит:
Щади людей бездольных,—
Так пусть же меч ваш пощадит
Противников невольных,
Противников невольных!
Но деспотам, что крови ждут
И родины паденья,
Но извергам, что их ведут,—
Не будет им спасенья!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis)*

Д е т и

Когда мы в свой черед пойдем
Сражаться за отчизну —
Мы братьев кости лишь найдем
Да честь без укоризны,
Да честь без укоризны!
Но, не страшась им вслед идти,
Искать мы станем боя,
Чтоб мзду за них иль смерть найти,
Как следует героям!

В ружье, друзья! Сомкнитесь *и пр. (bis)*

Веди ж к победным нас путям,
Любовь к стране святая!
Будь лозунгом своим борцам
Ты, вольность дорогая,
Ты, вольность дорогая!
И пусть, с победой, прогремит
Гражданственность нам: «Слава!»
Да вся вселенная узрит,
Что меч стоял за право!

В ружье, друзья! Сомкнитесь в тесный строй,
Вперед за мной;
Да враг бежит кровавою стезей. *(bis)*

<1867>

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

201

<Из Т. Г. Шевченко>

Однажды я ночной порой,
Один идя по-над Невой,
Вот так беседовал с собою:
Когда бы, думаю, когда б
Не пал народ, как жалкий раб,
Мы не видали б над Невою
Вот этих мерзостных палат,
Была б сестра и был бы брат...

А то гладка теперь дорога,
Нет ни семьи у нас, ни бога;
Псаря с псарями царят,
А мы усердным доезжачим
За сворой ходим их да плачем.

Вот так-то я ночной порой,
Один идя по-над Невой,
Мекал себе; вдруг замечаю,
Что с того берега меня
Глазами кошка пожирает.
Смотрю, а то два фонаря
У врат апостольских сияют...
Я спохватился, шапку снял,
Перекрестился, трижды плюнул,
Пошел — и снова думать стал
О том же всё, о чем и думал.

⟨1881⟩

202

⟨Из Т. Г. Шевченко⟩

Кажись, здоров я... Что ж такое
Мне всё мерещится порою?
Чего же сердце ждет? Болит,
Болит оно и, как голодный
Ребенок, плачет и не спит.
Годину ль злой беды народной
Ты, сердце, ждешь? Добра не жди!
Не жди свободы! Мертвым сном
Спит усыпленная царем
Свобода наша сиротою.
А чтоб ее нам разбудить,
Так надо б прежде всей землею
Топор громадный смастерить
И хорошенько отточить,
Да уж идти потом будить.
Не то проспит она убого
Вплоть до пришествия второго,
А барство будет ликовать,

301

Дворцы да церкви созидать,
Да обожать царя дрянного,
Да византийство прославлять...
А больше нечего и ждать!

⟨1881⟩

В. П. МИХАЙЛОВ

203

Если трезвой мысли холод
Страсти ваши усмирил
И нужды железный молот
Волю вашу закалил,

Если верите вы твердо,
Что у жизни с бою взять
Всё возможно воле гордой,—
Смело можете сказать:

Братья! Час настал исхода,
И пароль священный дан —
Там, где счастье и свобода,
Там наш новый Ханаан.

Братство всем, кто выйдет ныне
На борьбу с царящим злом!
И да будет нам в пустыне
Братство огненным столпом...

⟨1882⟩

А. П. БАРЫКОВА

204. ПОЭТ

⟨Из Ж. Ришпена⟩

Приходи ко мне, голь непокрытая,
Спокон века бедою повитая,
Под забором, в грязи нарожденная
И горючей слезою вспоенная!

302

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

Приходите ко мне, голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарные, грязные,
В синяках, лишаях, безобразные!

Я певец *и т. д.*

Рвань базарная, вошью богатая,
Всё отродье, в утробе проклятое,
Приходи ты ко мне незаконное
И судьбой-палачом заклеянное!

Я певец *и т. д.*

Приходите ко мне, горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!
Подымися, проснися, убожество:
Нужно войска мне многое множество...

Я певец *и т. д.*

Встань, проснися, отребье народное!
Ополчимся мы в войско свободное,
Завоеем мы счастье и долюшку
Да широкую, вольную волюшку...

Я — певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я — твой брат, бессловесная тварь!
Я — поэт, я законный твой царь!

(1882)

205. ПЕСНЯ ГОЛЫТЬБЫ

Посвящается г. Врублевскому

Гой ты, голь российска,
Вольница удала,
Грянем плясовую,
Я ль не запевала!
 Ты звени, струна,
 Песня, грянь, стройна!

Для убога люда
Соловьем разлейся!
Над богатым-знатным
В сине небо взвейся,
 Что орел грозна,
 Что орел вольна!

Оповедай люду,
Оповедай свету,
Что житье нам худо,
Что житья нам нету
 От лихих врагов,
 Ото злых воров!

Что от тех воришек,
От пиявиц разных:
Лютых змей-купчишек,
Аспидов-приказных,
 От попов-святош,
 От князей-вельмож!

А того ль тяжельше,
А того ль нуднее
Вор, вора́м всем перший,
Что у всех на шее,
 Царь — бездонна пасть,
 Всей земле напасть!

У него ль, у глота,
С тою шайкой барской,
Только и заботы

В славной думе царской
Ободрать крестьян,
Понабить карман!

Подати, поборы,
Штрафы, недоимки...
Что ни год — наборы,
Что ни час — прижимки,
Ступишь шаг — платись,
Ступишь два — топись!

Мы терпели долго,
Аж иссякла Волга,
Волга, наша мать,
Стала дно казать!

Мы поля пахали,
Аж они не стали
Зерна подымать,
Стали сор рожать!

Нету нашей муке
Ни конца, ни меры:
По судам нет правды,
По церквам нет веры,
Без призору мрет
На Руси народ!

Ну-тко, братцы, время!
С нашего раздолья
Шаркнем черта племя
В топоры да колья,
Силы не жалей
Да берись дружней!

А вы, струнки, пойте,
Да без останову,
Вы играйте-пойте
Жизнь крестьянску нову.
Горюшку — конец,
Счастию — венец!

Пойте вы, доколе
Песнею певучей
О земле и воле
Колокол могучий
 В вече загудит,
 Русь возвеселит!

(1882)

Н. А. НЕКРАСОВ

206. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!...»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских,
Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других.

Так мыслит он, и смерть ему любезна,
Не скажет он, что жизнь его нужна;
Не скажет он, что гибель бесполезна;
Его судьба давно ему ясна.

Его еще покамест не распяли,
Но близок час — он будет на кресте;
Его послал бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

1874

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

207. ОДА НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА III

О ты, познавший жизнь острога,
Наш доморощенный Фальстаф,
Наш рыцарь страха и упрека,
Монарх, лишенный многих прав!

Идешь ты робко на венчанье,
Дрожа всем телом, сам не свой,
Как агнец глупый на закланье,
Как бык, влекомый на убой!

Но ждешь, что дух, тебе священной
Помазав кисточкою лоб,
Не даст крамоле дерзновенной
Свалить тебя до срока в гроб.

Папаша твой был мазан тоже
И потому был храбр и смел,
А умер он в канаве лежа,
Без ног в мир лучший улетел!

Его от пуль хранили боги,
Пока крамола била в лоб,
Но чуть задели бомбой ноги,
Он пал, раздавленный как клоп.

Тебе пример сей в поученье:
Чтоб избежать и бомб и мин,
Спаستись живым от покушенья,
Не надо мазать лоб один.

Прими ж совет, по мысли смелый:
Разденься весь, пришедши в храм,
И вымажь миром торс дебелий
И руки, ноги вымажь сам.

Обмазавшись, живи открыто,
Ответствуй кукишем врагам,
Ходи хоть голый и без свиты
По петербургским площадям.

Бесплодны будут покушенья!
Бессилен ков крамолы злой!
И купишь ты свое спасенье
Такой дешевою ценой!

Воспрянет доблесть в тебе снова
Всех предков, что царили встарь,
И станешь, по словам Каткова,
Ты истинный российский царь!

<1882>

Лечу крылатою мечтою
 Над синей царственной Невою...
 О, чем закончится февраль?
 Ужель над русскою душою
 Опять смеяться будет шваль
 В лице штыка, в лице мундира
 С небесной рожеею ханжи?
 Откликнись ты, защита мира,
 Вы, социальные ножи,
 Блеснувшие в лучах свободы
 В защиту угнетенных прав!
 О, скоро ли наступят годы,
 Когда издохнет царь-удав?

1884

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАССИК

209. ЦАРСТВО ДВОРНИКОВ

Реакции дикой суровый поборник,
 Дивя проходящий народ,
 В овчинном тулупе безграмотный дворник
 Бессменно сидит у ворот.

И снится ему, что при сей обороне,
 Нелепой, но грозной на вид,
 Такой же, как он, на наследственном троне
 Безграмотный дворник сидит.

〈1885〉

210. ПОСЛЕ ОДНОЙ ПРОПОВЕДИ

Мысли и чувства смиренномудрого инока Киево-Печерския обители, яко подражание отцам-сатирам. Сей слабый труд свой всенижайше посвящает всероссийскому наставителю преподобному отцу Бедоносцеву.

Автор

Глагол времен, металла звон,
Твой страшный глас меня смущает!

Ехидным змием, козлицем лукавым
Блеял ты с чувством проповедь свою.
Ей удивленья дань неволью отдаю:
Как ты сумел глаголом сим неправым,
Хоть русским письменным, но тяжким языком
Всех потрясти, в ковчег науки юной
Лить грязь и яд доктрины той угрюмой,
Которой служишь ты, кормясь от нея,
Мороча люд честной... Язык тебе и руки
Развязаны над всем — и даже свет науки
Ты с тьмою мог сравнить! Мне вспомнилась свинья
Неволью как-то та, что в басне у Крылова
Под дубом, рояся в корнях его, сурово
Бурчит и хрюкает, и впрямь воображая,
Что дуб могучий с корнем подрывает...

Отец! Тебя, кого я, ликом иезуита
И речи тою паки вдохновясь,
Как в храме днесь, когда моя ланита
Горела гневом, длань приподнялась...
Но ах, зачем? На свете есть сатира,
Она больней сумеет отхлестать;
К тому ж за оскорбление мундира
Еще пришлось бы все отвечать:
Ведь ты одет в мундирную был тогу,
И за тобой, как ангел лжи, парил
«Квартальный дух», в дыму же от кадил
Из недр твоих исправник выходил,

Чтоб расчищать невидимо дорогу
Твоим речам... в сыскную часть, не к богу!

А этот бог!.. Великими умами
Его ничтожество доказано давно...
О православные, вы согласитесь сами,
Что если людям думать суждено
Еще о нем, то и ему приятней,
И им самим покойней, благодатней,
Я думаю, чтоб мнили все о нем,
Что он почует где-то непробудным сном.
Ведь именем его повсюду и всегда,
Тем мертвым именем, живых людей терзали
И убивать еще теперь не перестали
И мысли их, и чувства, и тела.
Зане вы, люди божии, искусно
На мощь не ангелов, а ружей оперлись
И, господу хваля, хоть это очень грустно,
В связи с царями целью задались
Забить людей, стричь стадо человечье,
А непокорных, потчужа картечью,
Для царства божьего рядами рядом класть.
Вы, человечества жестокая напасть,
Когда ж сдадут в архив поповские оравы?
Когда удастся людям, раздавив
Вас всех, свой ум от пут лукавых,
Парадно призрачных и лживо величавых
Освободить совсем! И вас при свете знания
Из храма братства, счастья своего
Всех разом выгнать, всех до одного!
Поодиночке вы не стоите вниманья...

Прочти, отец, сие «похвально слово».
Простишь ли мне ты эту похвалу?
Быть может, всё сие уже тебе не ново?
И сам я чувствую: смиренному уму —
Хоть он тобою вдохновлялся
И подражать тебе старался —
Тебя ль красотами твоими же донять?
Ах, если б впредь хулы такие изрыгать
Сия хвала моя тебе бы помешала
И к чистоплотности в глаголах призывала,

Ах, если бы мой стих мог быть надгробным
СЛОВОМ

Твоим речам — на месяц целый с богом
Я примириться, право бы, готов.

⟨1885⟩

Град Петербург

211. НАД МОГИЛОЙ СУДЕЙКИНА

*Посвящается иерею, сказавшему над гробом Судейкина публике:
«Да послужит он вам примером, ибо только тот, кто живет
подобно ему, достоин венца» и т. д.*

Прости, о господи, служителям твоим:
О сыне преданном в них больше нет печали,
Позор предательства века давно умчали,
И средь апостолов Иуда ныне чтим.

Кошунственно куря святой твой фимиам
Над смрадом палача, предателя, шпиона,
Служители твои торжественно с амвона
Предательство не в грех, а в доблесть ставят нам.

Прости им, господи, и благи покров
Незримо распрости над жертвами печали,
Что так же, как и ты, детей своих теряли
От злопредательства иудиных сынов.

⟨1885⟩

212. ДВОРНИК

В столпах российского правленья
Наш взор невольно отличит
Тот высший столп, что из смиренья
Титулом дворника прикрыт.

Прижав к стене хребет свой мощный,
Пяту простерши чрез гранит,
Сей страж дневной и полунощный
Престол и родину хранит.

Его словарь в минуту бденья,
И свист, и храп в борьбе со сном
Являют дар и мощь внушенья
И тайну сил, сокрытых в нем.

Он рулевой ладьи закона
И судно царственных забот;
Царизма враг к ступеням трона
Лишь чрез него перешагнет.

(1885)

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

213. П. Л. ЛАВРОВУ

Давно, в дни юности далекой,
Соблазнов жизни и забот,
Ты предпочел стезе широкой
Ярмо страданья за народ.

Во дни печали и гоненья
Ты стыд будил в твоих врагах
Суровой мощью убежденья,
Глаголом истины в устах.

Всю жизнь гоним, всю жизнь терзаем,
И в наши дни, на склоне лет,
Ты сохранил, неувядаем,
Любви и правды пышный цвет.

Да сгинет родины мучитель!
Заздравный пенится бокал —
За наш священный идеал
И за тебя, его носитель!

1885

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

214. ВСТРЕЧНЫЙ ГОЛОС НА ВЪЕЗД АЛЕКСАНДРА III

Вот он, наш родимый, вот он в блеске новом!
Встретим же родного чисто русским словом,
Грянем целым миром, не одной столицей:
Да пожнет, что сеял на Руси, сторицей!

Зычно закачался колокол кремлевский,
Повалил на кличку блюдолиз московский,
Ярко освещались здания и храмы,
Рыскали шпионы, буйствовали хамы,
Золото сверкало колесниц и башен,
Дрался люд голодный у протухлых брашен,
И огней потешных пиршественной ночи
Были ярче стрелы, что метали очи
Русского народа. Бой сердец довольных
Слышался лишь только в хамах подневольных.
«Дети,— говорил он,— я вас не покину —
Всем вам настегая лядвия и спину.
Ныне я на милость руку простираю
И, не тронув плетью, просто отсылаю
К рудникам Сибири, к падшим и виновным —
Там вы прозябайте, в царстве всесословном».
И народ утешен словом благотворным,
Бьет, как одичалый, в землю лбом покорным
И, речей заморских тонкого изгиба
Чуждый, восклицает: «И на том спасибо!
Чувствуем, лобзаем царственную руку.
Прежде мы видали и страшнее муку,
И теперь, исполнен отческой заботы,
Ты от нас желаешь денег и работы.
Батюшка, спасибо! Дай-то бог, чтоб зрело
В этом направленьи царственное дело!
Не стерпи, родимый, лжи и злоуправства,
Что найдут жандармы среди пределов царства,
Хитрости змеиной, лести ядовитой.
Суд присяжных к черту, и устрой — закрытый.
Выслушай порою с благодтию кроткой,
Как родные братцы пьянствуют с кокоткой.
Пусть, отец наш, теми, кто к тебе приближен,
В порошок сотрется след крестьянских хижин.
Поуйдем в народе роскошь-лиходейку
И кнутом повыбьем для царя копейку;
Родственно-живая связь царя с народом
Пусть в России бродит пугалом-уродом.
Ты бы нас ведь не дал никому обидеть,
Да ведь где ж слепому божий свет увидеть!
Пусть же смотрят зорко верхние-то мужи,
Чтоб внутри всё гнило, лоснилось снаружи,
Чтоб сильней святая правда разгоралась,
Как и встарь, в холопство сильным отдавалась.

Дай тебе всевышний провоззрений быстрых,
Хоть крупицу чести в дураках министрах
И в мужах совета, сих опорах царства,
Да не лопнешь с ними средь потех боярства,
Да узришь в них знание, честь и правосудье —
Дворянином станет и Фома в безлюдье, —
Пусть они в блестящих, золотых палатах,
Отложивши дело, думают в халатах
О народных нуждах, о народных требах —
Воры, тунеядцы на российских хлебах, —
Плавают в довольстве... Все мы молим бога:
Будь тебе к папаше торная дорога!
Не взыщи на слове скудного привета:
По твоим деяньям так ничтожно это».

<1885>

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

215

Роскошный катафалк под аркой триумфальной,
Народ, венчающий поэта бранный прах,
Забывший о дневных заботах и трудах
И слезы и цветы несущий в дар прощальный...

Приют убогий жертв в годину искупленья,
Народ, безумствуя, сквернящий сень могил,
Святую память тех, кто так его любил,
Брат брата режущий в порыве исступленья!..

Цветы и кровь!.. В лучах шумихи театральной,
Небесный музы лик, поникнувший в слезах,
И Каин, брата кровь узревший на руках,
Средь лавров высятся над урной погребальной —
Вот памятник, тобой воздвигнутый, народ!
Потомство в нем позор страны своей прочтет.
Померкнет холм цветов и блеск тщеславный злата
Пред каплей пролитой невинной крови брата!

Ты понял ли, чему учил тебя поэт?
Как дико оскорбил ты память и завет
Вождей, когда-то в мир проливших луч сознанья,

За кем, по ступеням бессмертных их могил,
Ты так торжественно и славно восходил
Ко свету истины, свободы и познанья?!

Нет! Славой их покрыт, надменно треплешь ты
Ее, как свой наряд, рассудку не внимая,
И к поприщу бывлой духовной нищеты
Идешь, как блудный сын наследье их мотая...

12(24) мая (1885)

Париж

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

216

Закрылись тяжелые двери тюрьмы,
Тюремщик засовы задвинул,
Ключи прогремели... Один я среди тьмы,
И мир весь затем точно сгинул.
Ни звука. Лишь каменный свод надо мной,
Железо, чугун... да икона.
Никто не услышит — умри иль запой —
Ни песни, ни тяжкого стога.
Закрылись тяжелые двери тюрьмы,
А сердце широко открылось
Для жизни, свободы и братской любви,
И верой душа озарилась.
Не верю, тюрьма, ни в твердыни твои,
Ни в силу и счастье Креза,
А верю в одно лишь, что сила любви
Сильней всех твердынь и железа.
Я верю глубоко в тот день золотой,
Когда в эти душные своды
Вольется вдруг воздух живою струей
И звуки ворвутся свободы...
Увижу ли, нет ли я это живой,
Услышу ли, нет ли те звуки,
Но с верою в них оживаю душой,
И легче становятся муки.

1884

Петропавловская крепость

217. АКСАКОВСКАЯ МЕЛОДИЯ

У них в Европе
Темно, как в ...
Там волчий пир.
У нас же сладость,
Восторги, радость,
Любовь и мир.

Там басурмане,
Здесь христиане
И белый царь.
Живем мы ныне
Всё в той же тине,
В родной трясине,
Как жили встарь.

Мы бьем баклуши
И от кликуши
Ждем трезвых слов.
Лишились рая
Они, не зная,
Не постигая
Таких основ.

Мы духом тверды;
Нас хлещет в морды
Начальство, власть.
Мы не Европа,
А бить холопа,
Сколь стерпит ...
Ему же всласть.

<1885>

218. КВИНТЕТ

Победоносцев и Катков,
Толстой и Воронцов,
А с ними и Ванновский,
Собравши в Гатчине совет,
Устроили квинтет.
Катков запасся древней лирой,
Толстой Эола арфу взял,

Победоносцев взял цимбал,
Ванновский захватил тромбон,
А Воронцов гобой и камертон.
Поют: Толстой — латинскую балладу,
Катков — Гомера «Илиаду»,
Ванновский — польский марш,
Победоносцев — «Отче наш»,
А Воронцов трубит в гобой:
«Не выезжай, голубчик мой!»

Квинтет всю Гатчину привел в такое восхищенье,
Что тотчас издан был указ и царское веленье:

«Артистов тех за гениев считать,
подданным под музыку сию плясать, плясать,
плясать!!»

885)

А. А. ОЛЬХИН

219. ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
〈Там〉 про радость и горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! *(два раза)*
Подернем! *(два раза)* Ух!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И лишь только как станет работать невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Пока не взбороздят ему спину,
Ну, так как же забыть наш родимый мотив
И не петь про родную дубину!
Ой, дубинушка *и т. д.*

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работа невмочь,
Так затаяет родную дубину.
Ой, дубинушка *и т. д.*

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем,
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину в ней всё вспоминаем.
Ой, дубинушка и т. д.

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
Ой, дубинушка и т. д.

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину,—
Будем ждать и терпеть, и в нужде будем петь
Всё про ту же родную дубину.
Ой, дубинушка и т. д.

Мы пируем при блеске огней на балах,
И шутя мы поем про дубину,
А забыли о тех, кто сидит в кандалах
Всё за ту же родную дубину.
Ой, дубинушка и т. д.

Но ведь время придет, и проснется народ,
Разогнет он избитую спину
И в родимых лесах на врагов подберет
Здоровее и крепче дубину.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет! (два раза)
Подернем! (два раза) Ух!

<1885>

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

220. НА 1885 год

Как ревизор судом и карой
Былым правителям грозит,
Так новый год, сменяя старый,
Собрать «претензии» спешит.

И, записав по дням вступленья
Людских желаний пестрый сброд,
В красивой папке, без решенья,
Смеясь, преемнику сдает...
Но тщетно учат нас преданья —
Надежды луч упорно жив,
И каждый год свои желанья
Мы шлем заведомо в архив.
Толпы влечению послушный,
И я дерзаю в свой черед
Желанья с верой простодушной
Послать в грядущий новый год.

Желал бы я, чтоб наша пресса,
Дивя успехами весь мир,
Была на службе у прогресса,
Имела званье и мундир.

Чтоб речи наших либералов
Лилися шумною волной,
Чтоб толщина больших журналов
Не разрешалась «водяной».

Чтоб орган доблестный Каткова,
В своем стремлении «пресечь»,
Писал по крайности толково:
Кого, куда и как упечь.

Чтоб, всё «по штату» получая,
Над морем русских нужд и бед
Трудился, устали не зная,
Светил чиновных «комитет».

Чтобы «благие начинанья»,
Узрев, что прогнило давно,
Стремясь сберечь «основы зданья»,
Проникли каждое бревно.

Чтоб гордо с знаменем науки
Спешил к прогрессу русский люд,
Всегда по швам имея руки
И свыше посланный маршрут.

Чтоб в кассах сельского кредита
Давались в ссуду пяточки
И, пропивая их, сердито
Чесались после мужички.

Чтоб, вечно в пламени сраженья
Побед срывающий венец,
Попрал бы «кузьки» ополченья
Российский сеятель и жнец.

Чтобы, плодяся и тучнея,
Тузы концессий, земств и дум
В руках держали, не краснея,
И труд, и знания, и ум.

Чтоб всё, что в жизни мы стяжали,
Не съел безвременно кулак,
Чтоб иностранцы нам давали
За рубль хотя бы четвертак.

Чтоб в пику русскому бюджету
Плодился царский персонал
И чтобы бог всю клику эту
Елеем мазал наповал.

Чтоб всюду истина нагая
Лила святую благодать,
Чтоб уцелел я, утверждая,
Что дважды два — совсем не пять.

Чтобы всё это «циркуляром»
Нам было в жизнь водворено
И чтоб мы сеяли не даром
Надежды тощее зерно...

⟨1886⟩

221. НОЧЬ

Подражание Фету

Шепот, грозное бряцанье
 Сабель, звуки шпор,—
 Обыск, тягость ожиданья.
 Тихий разговор;

Свет ночной,— поодаль тени
 Матери, отца,—
 Смена быстрых выражений
 Бледного лица;

В вечность канувшие грезы,
 Бед в грядущем тьма,
 И прощание, и слезы —
 И тюрьма, тюрьма!..

〈1886〉

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

222

Русь пою, ко мне, мелодия!
 Преисполнен жару рьяного,
 Вспоминаю покровителей,
 Пестунов ее, учителей,
 От Кирилла и Мефодия
 До Делянова!

Много лет сидя с указкою,
 Под надзором православия,
 Ты корпишь над старой сказкою
 О сластях самодержавия.
 Много лет тебе историю
 Про ярмо поют татарское
 И велят носить с любовью
 Хоть такое ж, только царское.

Мутят дикими законами
Ум последний твой чиновники,
Пожирают миллионами
Плод трудов твоих сановники.
К просвещенью шель убогую
На твой счет законопатили
И ведут своей дорогою
К кабаку тебя предатели...

Продолжаю в том же роде я:
Русь! Скорей с размаху рьяного
Пореши ты, наученная,
До банкротства доведенная,
И Кирилла, и Мефодия,
И Делянова!

(1886)

А. И. СТРОНИН

223. ДЕРЖАВНАЯ ВОРОНА

Басня

Ворона случаем однажды очутилась
У соловьиного гнезда,
Где беззаботно приютилась
Семья певцов свободы и труда.
«Вот эти-то,— она сказала,— гниды
Всей роще песенки поют,
А нам чрез них покою не дают,—
Есть случай выместить на них свои обиды!
Весь наш державный хищный род
Мне будет очень благодарным;
Я также докажу, и без больших хлопот,
Что власть дается и бездарным».
И к гнездышку свой кровожадный нос
Приставила, трясясь от давней злобы,
Чтоб сразу порешить вопрос,
А также для своей утробы
Достать кусочки сладкого мяса...
Вспорхнула самка-мать, не годная для битвы,
И, сев в отчаянье на ветку деревца,
Могла лишь песнь запеть страданья и молитвы...

Казнь над детьми ее свершилась жадно, вдруг...
Ворона, нос от крови очищая,
Ждала приветствий от своих подруг,
Заранее блаженство предвкушая.
Но юноша-червяк льстецов опередил
И, сидя над корой древесной,
Руководимый думой честной,
— К вороне речь такую обратил:
«Бездушная и жадная повеса,
Урод без сердца и стыда,—
Когда бы знала ты, что отняла у леса,—
Ты не была б вороною тогда!»

Охотник до кровавой тризны,
Губитель юности, увенчанный болван,
Когда б ты мог понять, что отнял у отчины,—
Ты не был бы тогда ни варвар, ни тиран!

10 апреля 1886

224. ПАМЯТИ ЦАРЯ НИКОЛАЯ

У шпица римского Петра
Царь Николай склоняет выю
И молит господу Христа,
Как сын, «за матушку Россию».
Так он любил свой бедный край,
Ему добра желал так много,
Что даже итальянский рай
Не заглушил к стране убогой
Любви сознательной и строгой!
Меж тем один его клевет,
Давно потомством позабытый,
Хоть мог бы вырвать пистолет,
Но... затворился в кабинет —
И Пушкин пал, врагом убитый.
За шалость юноша другой
Был сослан,— среди гор далеких
Сражен безумною рукой
В пылу надежд и дум высоких.
Сатиры русской принципал
С ума сошел, и, умирая,

Он проклял всё, что написал
И чем горда страна родная.
Шевченко за какой-то пуф
Был отдан в Оренбург в солдаты,
Где лямку «широ» протянув,
Оттуда вышел весь измятый.
Гнил Костомаров в крепостях;
Щедрот же в довершение царских —
Белинский умер, как в когтях,
В стальных объятиях жандармских!
И как от сердца не сказать,
Склонив пред Николаем выю,
Что он был не чета Батыю,
Что он любил Россию-мать...
Да, он любил свою Россию!..

10 апреля 1886

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

225. СУЛТАН МУРАД

Восточная легенда

«От робости дрожавшими устами
Едва дерзавших лепетать,
Заставишь нас ты пыткой и мечами
Навеки замолчать;
Но верь, палач, настанет миг отмщенья,
Когда из грозной темноты
Возопиют холодные каменья,—
Молчать же будешь ты!»

Так говорили некогда султану
Три отрока, влекомые на казнь.
Убили их, но в глубь души к тирану
Закралася боязнь.
Он окружил себя бесчисленною ратью,
Обвел дворец кольцом высоких стен
И в нем засел, как преданный проклятью,
Как тигр, попавший в плен.

Среди дворца под каменные своды
Он повелел устроить тайный ход,

И под землей те мрачные проходы
Замкнули пять ворот —
Все пять ворот из черных плит железных,
На каждых три тяжелые замка,
Чтоб дрогнула в усильях бесполезных
Отважная рука!

Но в тот дворец, так тщательно хранимый,
Назло замкам венчанного раба
Вселился дух, как месть неумолимый
И грозный, как судьба.
В ночной тиши порой рождались звуки,
И в вышине носилась чья-то речь:
«Погибнешь ты, в крови омывший руки,
На нас поднявший меч!»

Султан Мурад раз, словно привиденье,
В глухую ночь бродил с конца в конец.
Вдруг слышит он: «Позором преступленья
Ты запятнал венец;
Народ твой нищ, сыта от крови плаха».
И дрогнул он... По темному двору
Он кинулся от бешенства и страха,
Как зверь в свою нору.

По лабиринту темных переходов
С ключом в руке блуждает дико он,
Вдруг грянули каменья горных сводов
Ему со всех сторон:
«Твой час пришел, свершается отмщенье!
Ты вспомни, царь: средь грозной тишины
Возопиют холодные каменья,
Молчать же будешь ты!..»

Что было там, под этим черным сводом,
Никто не знал. Предчувствием томим,
Любимый раб со стражей и народом
С зарей пошел за ним.
И вдалеке, объятый тишиною,
Он наконец султана отыскал:
Один во тьме, загадкою немой
Холодный труп лежал!

(1887)

226. НА 1887 г.

«Ничто не ново под луною» —
Не нов и этот будет год,
И он обычной чередою
В былое, старое уйдет.

Но с ним в немую даль забвенья,
Быть может, сжалившись, судьба
Возьмет и свой символ гоненья —
Самодержавного раба.

1887

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

227. В ЦАРСТВЕ ПЛУТОНА

В царстве тьмы, где, в угоду святым небылицам,
Будут жарить нас вечным огнем,
А царям и высокопоставленным лицам
Замежуют всё лучшее в нем,—

На хлебах, в ожиданье достойной награды,
Тени русских царей-молодцов
Впопыхах строят свиты свои на парады,
Шлют с приказами в Питер гонцов.

Разъярясь, звонким голосом Павел Мальтийский
Потрясает подземную ширь:
«Задремал? Ввозят книги! Мятаж всероссийский!
Строй в шеренги, командуй: в Сибирь!»

Николай, проникая до Гатчины взглядом,
Поучает, как правил он сам:
«Пропусти пред собою их майским парадом,
Да и крикни: мол руки по швам!»

Александр напевает с отеческой лаской:

«Позаштопай дворянскую честь,
А народ пожимай... Только, Саша, с опаской,
Берегись, чтобы ноги унести...»

(1887)

228. ДВА ДУХА

Современная драма в одном действии

Сцена представляет дикую цветущую долину. Розовый дух
в виде юноши, появляясь, поет.

Розовый дух

Мысль, сомненьем истомленную,
Успокоил нынче я.
Сладко в душу просветленную
Льется знания струя;
Сквозь былые затемнения
Всё живее и живей
Мне сияет путь стремления
К благу родины моей;
Полный чудных истин знания,
Для добра открывши грудь,
Взяв в законе основания,
Я ступлю на этот путь.
Дар, от родины мне вверенный,
Я в себе не утаю:
Просветительно-умеренный,
В жизнь деяньями пролью.
Не найдет придирок цепкая
Челядь гнета и цепей,
И законов сила крепкая
Свяжет руки даже ей... Даже ей!..

(Ходит, разглядывая и срывая цветы.)

Голубой дух, появляясь, витает над юношей.

Голубой дух

Опять!.. Откуда что берется!..
С рассветом уберешь, а к утру — смотришь — вновь!
Так места скоро не найдется,
И склад хоть из своей квартиры им готовы!..
«Всё обстоит благополучно!» —
Не более как час назад рапортовал,

А вот поди ты!.. Безотлучно
Торчи и наблюдай: не то — как раз скандал!..
Подставляет под ноги юноше раскрытый сундук, юноша падает туда.
Голубой дух захлопывает сундук и улетает с ним.

Г о л о с и з с у н д у к а

Какие же к сему в законе основанья?!

Г о л у б о й д у х

Законов больше нет — есть только примечанья!..

(1887)

С. М. КОГАН и Н — А З — А

229

Кто сердца в груди не имеет,
В ком чувство любви к людям спит,
Кто скорбью страны не болеет,
Пусть прямо нам тот говорит:
«Преступники казни достойны,
И казни вас всех предадут!»
Казните!.. Мы, судьи, спокойны...
За нами другие пойдут.
Как нас, их страданья народа,
Насилие, гнет, произвол
Подвигнут для казни уroda,
Занявшего царский престол.
Как мы, и они все дорогу
Узнают — какую избрать;
Узнают, какому им богу
Всю жизнь свою страстно отдать...
Им, братьям своим по идее,
Мы веру оставим свою:
*Враги наши ныне сильнее,
Но мы победим их в бою!*
А вам всем, лжесудьи, лакеи
Тирана и власти слепой,
История пишет своею
Рукой приговор роковой!

13 июня 1887

230. ОДА

Быть богом трудно в наше время:
Он сам, забыв лета свои,
Кой-как, на память, тянет бремя
И интенданта, и судьи.
Лишь светоч божьего вниманья
Прорежет сумрак облаков,
С мольбой дневного пропитанья
Вздыхнут мильоны мужиков.
Про всемогущество и славу
В псалмах сподручно петь вельми,
А в самом деле-то ораву
Поди попробуй — накорми!
А там, чуть солнце обогрело,
И прочий люд, крестьясь, встает.
И не зевай уж — что ни дело,
То так острогом и несет.
Обедни кончились — монахи,
Попы, причетники, цари
Того наделают, что в страхе
Дрожат дворцы и алтари...
Оно бы — как и подобает —
В них громом грянуть свысока,
Но здесь и в небе кто ж не знает,
Что «руку мыть должна рука».
И так-то день за днем! А к году —
— В великий пост собирай грехи
И всё прости. А из дохода
С просфор, с причастья — ни крохи.
К тому же люд, грехи сваливши,
Потопит плоть в пуховиках,
Порядком выпив, закусивши, —
А бог морозься в облаках...
А время где? Мольбы, служенья
Что час — несутся к богу сил;
Прилег, так нос свернут куренья
И дым притворства от кадил.
В конце концов, со всей сноровкой,
Что зашибешь на старость лет?
Купцы побалуют рублевкой?
Намажут в Суздале портрет?..

Да. Нынче ментором всесветным
Кто б ни засел на небесах,
И не с умом ветхозаветным,
Не раз почешет в волосах!

<1887>

231

В наш век безверия не в моде чудеса,
Но, приспособив их к потребности народной,
Могли б еще себя потешить небеса
И скрыть прошедшее под маской благородной:
Лишь стоит господу, прозрев, с кем он знаком,
Кому был чрез попов покров и оборона,
Посыпать с высоты божественного трона
Царей и сыщиков персидским порошком.

<1887>

232

Воистину пришло смешенье языков!
Не то что различать оттенки убежденья,
А просто разобрать: откуда кто, каков? —
Сам гений не найдет ни силы, ни уменья:
Вчерашний арестант сегодня судит вас,
Сидевший в долговом забрал поместья в руки;
Кто, света убоясь, в глуши безвестной гас —
Высоко зачадил на поприще науки;
Журналы потянул купец на свой аршин,
Ярыга о любви к отечеству толкует,
Встряхнулись Пастухов, Суворин, «Гражданин»,
И... старца Щедрина Буренин критикует!..

<1887>

233. 1888 год

По верноподданной реляции Толстого
Последний нигилист заклепан в Шлиссельбург,
Обет безграмотства вся Русь принять готова,
И можно помышлять о въезде в Петербург.

330

Всё пышные плоды победы предвещает:
Печатают рубли, приладили бюджет,
Растут чиновники... и, прѣзрев бремя лет,
Мещерский к торжеству тромбоны прочищает...
(1888)

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

234. СОНЕТ

Когда, сковав навек дрожащие народы,
Державный деспотизм бичует и гнетет —
На брань и ненависть к нему из рода в роды
Нетленной правды лик бестрепетно встает.

И если кто-нибудь среди борцов свободы,
Судьбою призванных потрясть державный гнет,
Рукою твердою сломить ярмо невзгоды,
Печалью многих лет истерзан, устает

И словом искренним любви и примиренья
Мечтает утишить безумный пыл гоненья —
Мне тайный голос песнь суровую поет:

«Цепей еще ничья слеза не растопила —
Их только силы мощь, почуяв волю, рвет
И топчет варвара за то, что их носила!..»

(1888)

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

235

В час, когда живой волною
Мысль, проснувшись, закипит,
Злым укором предо мною
Образ родины стоит,

Где в былые дни, лаская,
Как подснежные цветы,
Пробивались, вырастая,
Упованья и мечты;

Где теперь одни страдания,
Муки вечно новых ран,
Где последние мечтания
Смёл безумный ураган;

Где опоры нет в законе,
Где, в сердца вселяя страх,
Всё постыдное — в короне
И всё доброе — в цепях;

Где, упорно затмевая
Проблеск мысли, правды свет,
Губит сила роковая
Жизни трепетный расцвет;

Где зарею обновленья
Не сияет небосклон
И царит, краса правленья,—
Изолгавшийся шпион...

<1888>

НАЧАЛО

Орган русских социалистов

Петербург. 1878

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

236. 24 ЯНВАРЯ 1878 года

Посвящается Вере Ивановне Засулич

С тех пор как нам тупой монгол
В наследье плеть свою оставил,
Кнут в нашу жизнь царем вошел
И Русь терпеть себя заставил.
Он смелость, честь и ум попрал,
Позор тупого подчиненья
Возвел народу в идеал,
А благородство — в преступленье.
И сжались русские сердца,
Отважные приникли думы,
И громко только ложь льстеца
Да стон звучат в стране угрюмой...
Позор, позор! Свистят бичи,
А мысли и сердца немеют,
И от раздолья палачи
Что миг, то более пьянеют:

Открыто нагл бесстыдный взгляд,
Самоуверенны движенья,
И нет разгулу их преград,
И нет узды для преступленья!

Благоразумие? Расчет?
Приличье? Стыд, хотя наружный?
Зачем им этот хлам ненужный?
Всё безответный раб снесет?

И озираешься кругом
С невольным страхом и тоскою:
Куда ж мы наконец идем,
Что будет с русскою землею?!
Ответа нет!.. Кругом кошмар!..
И чутется с тревогой страстной —
Вот-вот сейчас падет удар,
Последний, страшный, безобразный...

И он упал... Зазнавшийся лакей,
Что весь свой век давил и пресмыкался,
Над всем, что только свято для людей,
Открыто, нагло, зверски надругался...

.

Что ж? Ликуйте шумней — уж не долг ваш пир!
Скоро, скоро падет ваш позорный кумир,
Скоро каждый из вас побледнеет!
В одинокой, неведомой, скромной тиши,
В тайниках недоступных бесстрашной души
Уж решимость великая зреет!
В бедной комнатке тихо. Мигая, горит
Скромной лампочки пламя скупое;
Сдвинув бровь, нервно девушка ходит, не спит,
Хоть пора бы — уж время ночное.
Мысли, образы, сцены, как вихорь, бегут:
Розги... свалка... и кровь — расправляется кнут.
Нервно ходит она и бледнеет...
«Неужели ж на них нет уж вовсе суда?
Всё равно! Пусть не будет! Найдется узда!»
И решимость великая зреет...

День... Светло и тепло... Тротуары полны...
Вот несется коляска красиво.
На нее из людской тротуарной волны
Та же девушка смотрит пытливо:
Там с осанкой монарха, блестя мишурой,
Сняв с улыбкою кепи, июльский герой,
Как Нарцисс, перед публикой млеет.
Стала девушка, гневно сверкнул ее взор:
«Что за наглость?! Как смел он, палач!
О, позор!»
И решимость в ней грозная зреет.

Дни идут. Пробегая печати столбцы,
Ищет девушка в пене газетной —
Где бормочут рабы, где ликують глупцы, —
Ищет, нет ли там вести заветной.
Но напрасно! И шепчет ей сердце: пора!
От опричных судов не дожидаться добра,
Больше незачем медлить удару...
И, обдумав и взвесив свой шаг роковой,
Понесла она твердой, бесстрашной рукой
Оскорбителю родины кару...

О, если б я владел тем даром песнопенья,
Которому дана волшебной силы власть
Над всеми струнами сердечного волненья
И всё подчинено: слеза, и смех, и страсть, —
Тогда бы, каждое подслушавши биенье
Всех честных на Руси сердец, в единый хор
Я слил бы их — и гимн святой, благоговейный,
Дрожа, разлился бы на весь родной простор!
И слышались бы в нем рокошующие звуки
Народной гордости, сознанья сил своих
И веры в будущность, в конец стыда и муки,
И звон оружия для битвы против них;
И ноты нежные любви и удивленья
К бесстрашной девушке звучали б в песне той,
И клики бурного восторга и волненья
Воюющих рядов фаланги молодой!
Но не дано мне сил титана песнопенья,
Всего не вылить мне ни в звуках, ни в словах,
Пред подвигом твоим стою я, полн смущенья,
И замирает стих на трепетных устах...
Но пусть я не могу твой подвиг благородный
Созвучьями стиха бессмертного почтить,
Могу я перед ним, пред славою народной,
Как дань души моей, и гордой, и свободной, —
В немом почтении колена преклонить!

А вы, кому судьба и страсти
Над ней вверяют приговор,
Что вы решили? В вашей власти
И оправданье, и позор.
Не ей позор иль оправданье:
Ее блестящий ореол

Лишь станет ярче от страдания,
Света с Голгофы в темный дол...
Нет! Вы словами приговора
Свои внесете имена
В страницы чести иль позора
На все отныне времена!
Не вам судить перун громовый,
Уже он взвешен Русью всей,
И Русь сплела венок лавровый
Геройской дочери своей.
И, доверяя вашей чести,
Его народ вручает вам,
Чтоб перед жрицей правой мести
Сложить его к ее ногам.
Ужели ж, чуждые народу
И не поняв своей судьбы,
Вы продадите честь, свободу,
Всё — как трусливые рабы?
Нет, нет! Поняв свое призванье,
Вы, светлой думою полны,
Произнесете оправданье,
Как Руси верные сыны!

Февраль или март 1878

А. А. ОЛЬХИН

237. У ГРОБА

Посвящается поразившему Мезенцева

Как удар громовой, всенародная казнь
Над безумным злодеем свершилась.
То одна из ступеней от трона царя
С грозным треском долой отвалилась.

Бессердечный палач упокоен навек —
Не откроются мертвые очи...
И трепещет у пышного гроба его
В изумлении деспот Полночи.

Мрачен царь. Думу крепкую думает он:
«Кто осмелился стать судьейю
Над тобою, над верным слугою моим,
Над любимцем, возвышенным мною?»

Не злодей ли без правды и бога в душе?
Не завистник ли подлый, лукавый?
Или враг потайной, или недруг лихой,
Преисполненный мстью кровавой?»

Всё молчит... Нет ответа. Кругом тишина...
Лишь псаломщик кафизмы читает
Да светильня дрожит... И вторично судьбу
Самодержец-монарх вопрошает...

Вот упала свеча и потухла... Дымясь,
Вслед за нею потухли другие...
Мрак густой опустился на бархатный гроб,
На покровы его дорогие...

Царь стоит и не верит смущенным очам —
Как на глас неземного веленья
Поднялись и проносятся мимо его
Рой за роем живые виденья...

Измозженны, избиты, в тяжелых цепях,
Кто с простреленной грудью, кто связан,
Кто в зияющих ранах на вспухшей спине,
Будто только что плетью наказан.

Тут и лапоть крестьянский, и черный сюртук,
Женский локон, солдатик в мундире,
И с веревкой на шее удушенный труп,
И поэт, заморенный в Сибири.

Словно духи на страшную тризну сошлись
В час условный ночного свиданья,
Подлетели и, ставши кругом мертвеца,
Затянули ему отпеванье.

ОТПЕВАНИЕ

Жизнью распутною всхолонный,
Нашею кровию вспоенный,
Жалости в сердце не ведавший,
Пытки и казнь проповедавший;

Шедших дорогой тернистою
Мявший стопою нечистою
В страшной, неравной борьбе!
Вечная память тебе!..

Память позорная
Мысли гонителю!
Память укорная
Злому мучителю!

Непоправимая,
Неизгладимая,
Бесчеловечная,
Вечная, вечная
Память тебе!

Застучали оковы на тощих ногах,
В расшивной катафалк ударяясь.
И с проклятием громким они понеслись,
Черной кровью из ран обливаясь.

Но виденье одно, долетев до царя,
Перед ним неподвижное встало
И, взглянув на него, с молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Бледный лик его гневным укором сверкал,
Страстный вызов во взоре светился:
«Царь, ты ведать хотел, кто любимца убил,
Кто на подвиг кровавый решился?

Не злодей, не завистник, не недруг лихой,
Не свои вымещал он обиды,—
То посланник смиренный, послушный боец
Всенародной святой Немезиды.

Не опричника злого он жизни искал.
Что опричник? Их много найдется...
Царь! Ты совесть спроси — и правдивый ответ,
Может быть, в ее недрах проснется...

За тебя изведен твой послушный холоп,
Исполнитель кровавых велений.
Ты — убийца его! Погляди и казись:
Это — жертва твоих преступлений!

Царь, вспоенный коварною лестью рабов,
Бог земной, лишь себя обожавший!
Властелин, беспощадной железной рукой
Свой народ неповинный сковавший!

Ненавистник свободы и правды святой!
Нарождавшейся мысли губитель!
Сладострастный, холодный, жестокий старик,
Наших сил молодых развратитель!

Окруженный плеядой дворцовых светил,
В облаках покупных фимиамов
Не расслышал ты вопля родимой земли
За напевом придворных боянов.

Ты не ведал, не знал за обильным столом,
Как в нужде умирает голодный.
Двадцать лет, как блудница, с друзьями мотал
Ты последний достаток народный!

А повсюду-то голод, и холод, и мор!
Обездоленный грабит, ворует!
Свищут розги в поганых руках станových,
А избитый те руки целует!

Там, где Плевна дымится, огромный курган —
В нем останки еще не догнили:
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч «своих» уложили...

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату;
А на родине ветер холодный шумит
И разносит солдатскую хату...

Подойди и взгляни! Убивается мать...
В каземате сгноил ее сына
Ты за то, что в пигмее, в тебе, он не мог
Мирового признать исполина...

Из родимого дома его увезли
И в гранитный мешок посадили,
И на годы, на долгие годы в тюрьме,
Как ненужную ветошь, забыли...

Вот рыдают младенцы, рыдает вдова,
Схоронивши колодника мужа;
Вторят им невпопад, завывая, метель
И Сибири трескучая стужа.

Да товарищ унылый стоит в кандалах,
Над могильным холмом вспоминая,
Как завяла во цвете загубленных сил
Бескорыстная жизнь молодая.

Там невеста в слезах... Расстреляли вчера
Жениха, объявившего смело,
Что не сдастся злодеям, пришедшим его
Оторвать от великого дела.

Стонут Польша, казаки, забитый еврей,
Стонет пахарь наш многострадальный,
Истомился в далекой якутской тайге ...
Яркий светоч науки опальной.

Всюду ходит беда, по селам, городам,
Во дворы, в конуры заползая,
Волком бешеным по миру рыщет она,
Воронье на поминки сзывая!

Стон и вопли страдальцев до самых небес
Горемычной росой поднялися
И вселенскою тучей над тронем твоим
С целой русской земли собралися.

И висит эта туча и будто бы ждет,
Словно крылья орел расправляет.
Но ударит твой час! Грозовая стрела,
Как архангела меч, засверкает.

Каждый стон, каждый вздох, пролитая слеза
В огнедышащих змей обратятся
И в давно зачерствелое сердце твое
Миллионами зубьев вонзятся!..»

Всё исчезло во тьме,
И умолкли правдивые речи...
Встрепенулся псаломщик, опять зачитал,
Восковые затеплились свечи...

Всё как прежде — и гроб, и покрытый налой,
Зеркала обвиты простынями...
И холодный, суровый в мундире мертвец,
И покров с золотыми кистями...

1878

238. НА СМЕРТЬ И. М. КОВАЛЬСКОГО

Снова бой неравный с дикой силой...
 Жертвой пал еще один герой.
 Над его безвременной могилой
 На врага сомкнется ль грозный строй?

Все ль пойдем под знамя правой мести?
 Иль на камень брошено зерно?..
 Нет! На nive вольности и чести
 Плод желанный принесет оно.

Жалкий страх не породит измену,
 Пусть борьба неравна и трудна:
 Уже нам идут бойцы на смену —
 И победа наша решена!

1878

Н. А. НЕКРАСОВ

239

Посвящается подсудимым процесса «50-ти»

Смолкли честные, доблестно павшие;
 Смолкли их голоса одинокие,
 За несчастный народ вопиявшие...
 Но разнузданы страсти жестокие!..
 Вихорь злобы и бешенства носится
 Над тобою, страна безответная!
 Всё живое, всё честное косится...
 Слышно только, о ночь безрассветная,
 Среди мрака, тобою разлитого,
 Как враги, торжествуя, скликаются...
 Так на труп великана убитого
 Кровожадные птицы слетаются,
 Ядовитые гады сползаются!

Между 1872 и 1874

240. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, малютка, спи, мой милый,—
 Баюшки-баю!
 Набирай здоровья, силу
 Укрепляй свою.

Много силы будет надо
 Для тебя в бою...
 Спи ж пока, моя отрада,
 Баюшки-баю!

Мы давно одни с тобою:
 Умер твой отец!
 Молодец он был собою,
 Честный был боец.

Был в нем крепок дух свободный,
 Было много сил;
 Да вдали, в стране холодной,
 Кости он сложил.

Я его не покидала,
 С ним в Сибирь пошла;
 В час невзгоды утешала,
 Тот же крест несла.

Помню, как тебя, бывало,
 На руки он брал:
 На лице любовь сияла,
 Цепи забывал.

На тебя глядит, смеется:
 «Весь в отца пойдет!»
 Мое сердце вдруг сожмется,
 И слеза блеснет...

А тебе и горя мало:
 Цепью зазвенишь
 И так весело, бывало,
 На отца глядишь.

Бодр он был, не опускался,
Да здоровьем плох:
Год до срока оставался,
Но... дожить не смог.

Спи теперь ты безмятежно!
Будешь подрастать —
Надо будет неизбежно
В жизни путь избрать.

Кто пойдет одним, тот будет
Силен и богат;
Скоро в роскоши забудет,
Как страдает брат.

Нет, не им пойдешь ты, милый!
Знаю я, что нет...
Не на то тебя родила
Я на божий свет.

Есть другой путь... Чудных много
Он минут дает;
Но трудна по нем дорога,
И в рудник сведет...

Неизбежно это — знаю...
Но ведь мать и я...
Стану думать — и рыдаю,
Глядя на тебя...

Знаю, знаю: сердце чутко!
Много слез пролью...
Спи ж покуда, мой малютка,
Баюшки-баю!

<1879>

Н. А. САБЛИН

241. ГОЛУБИ

Голуби по двору ходят, воркуют
Сизой артелью своей;
Всё подозрительно как-то толкуют,
Быстро летят от людей.

Часто гурьбою громадной слетаются
 Мирно ко мне под окно;
Целой коммуною дружно питаются,
 Делят по-братски зерно.

Видно влиянье идей растлевающих
 В бедной семье голубей,
Мыслей, основы основ подрывающих,
 Социализма идей!..

Где у них личность от злых ограждающий
 Мудрой полиции глаз?!
Где у них кормчий, их жизнь направляющий,—
 Этот порядка компас?

Здесь анархизма пример замечается —
 Страшный пример для людей!..
Браки свободны — никто не венчается,
 Нет ни попов, ни церквей!

Голуби сизые, пташечки бедные!
 Развращены вы совсем!
Кем же идеи-то эти зловредные
 К вам прививаются? Кем?

Скажут — природой?.. Для благ человечества
 Выскажу мнение свое:
Если природа враждебна отечеству —
 Выслать подальше ее!

<1879>

Н. А. МОРОЗОВ

242. ПЕРЕД СУДОМ

Приумолкла тюрьма...
Всюду тишь и покой...
И царит над землей
Полусвет-полутьма...

Что-то мрачно глядит
Нынче келья моя...
Хоть послушаю я,
Громко ль сердце стучит.

Чу!.. За дверью идут,
Слышен говор людей...
Близок час — поведут
Нас на суд палачей...

Но ни просьб, ни мольбы
И в последний тот час
Наши судьи-рабы
Не услышат от нас!

18 октября 1877

243

Скованы цепи...
Кто же их будет носить?
Взятый ли в степи
Ссылный, уставший бродить?

Вор ли, грабитель,
Схваченный ночью глухой?
Или служитель
Братства идеи святой?
1878

244. БОРЬБА

Могучее слово
Всесильным влияньем
Свет истины новой
Приносит в сознание
Немого раба.

Но гордую силу,
И твердую волю,
И мощь — до могилы
Не падать в неволе —
Дает лишь борьба.

Пред грозной борьбою
За свет бесконечный
Над дольной землею
Царящее вечно
Насилье бежит.

Лишь в битве с врагами,
В години невзгоды,
Великое знамя
Вселенской свободы
Народ водрузит!

⟨1879⟩

245. В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Посвящается В. Ф.

В долгой, тяжелой разлуке
Целые годы прошли;
Горя, страдания, муки
Много они принесли...

Стал я о воле смутнее
Помнить, как будто о сне...
Только друзья всё яснее
Припоминаются мне.

Часто сквозь сумрак темницы,
В душной камерке моей
Вижу я смелые лица
Верных народу людей.

Ярко, как будто живые,
Средь тишины гробовой
Образы их дорогие
Живо встают предо мной...

Всё здесь они оживляют,
Всё согревают они,
Быстро в душе пробуждают
Веру в грядущие дни...

Кажется — вот раздается
Голос их здесь, в тишине...
Словно струя пронесется
Воздуха с воли ко мне!

Знаю я — темные силы
Их не согнут перед злом,
Будут они до могилы
Биться с народным врагом!

1875

Петропавловская крепость

246

*Посвящается ****

Милый друг, безумно смелый,
Честный и живой,
Быстро время пролетело
Наших встреч с тобой!

Если я к тебе, бывало,
Мрачный приходил
И, подавленный, усталый,
С грустью говорил

348

О тоске невыносимой,
Что меня гнетет
В этой жизни нестерпимой
Горя и невзгод,—

Ты рассеянно молчала,
Слушая меня,
И скучала, и зевала,
Сон едва гоня.

Но когда в порыве новом
Речь я заводил
О борьбе с врагом суровым
До последних сил,

Снова клялся за свободу
Душу положить
И врагам за все невзгоды
Братий отомстить —

Все черты твои менялись,
Нет следа тоски!
Твои глазки загорались,
Словно угольки!..

<1879>

247. НОЧЬЮ

Всё тихо. Небесных светил мириады
Мерцают в лазурной дали.
Широкою тенью легли,
Облиты луною, утесов громады...
В равнинах и звери, и птицы, и гады
Умолкли и в норы ушли.

О, как хорошо средь природы живется!
Тепло и спокойно везде,
Всё спит на земле и в воде...
Лишь только на фабрике шум раздается,
И грустная песня оттуда несется
О горе, о вечном труде...

За рощею видны фабричные своды!
Их окна сквозь ветви блестят...
И в сердце вливается яд:
Одни только пасынки вольной природы,
Не ведая счастья, не зная свободы,
Одни только люди не спят.

О люди! Среди бесконечного мира,
Где нет ни рабов, ни царей,
В тиши этих чудных ночей,
Вы — чуждые гости средь чуждого пира...
Вселенная — царство свободы и мира,
Вы — жертвы труда и цепей...

(1879)

Н. А. МОРОЗОВ и Д. А. КЛЕМЕНЦ

248. ТАЙНОЕ СОБРАНИЕ

(по городским слухам)

Уж как в Третьем отделенье,
По цареву повеленью,
Храбрый Дрентельн-генерал
Всех жандармов собирал.

Для прочистки ихней глотки
Подносил по рюмке водки,
По полтиннику дарил,
«Эй, ребята! — говорил. —

Подозрительные лица
Расплодились в столице,
И бунтуют, и мутят,
И меня убить хотят.

Уж вы, синие мундиры,
Обыщите все квартиры.
От царя дана вам власть —
Знай тащи, ребята, в часть!

Если где сопротивление —
В зубы бей без рассужденья,
Сам, мол, Дрентельн-генерал
Отвечает за скандал!»

Но, исполнены печали,
Голубые отвечали:
«Ах, отец ты из отцов,
Генерал ты Дрентелёв!

Показали бы примерно,
Как тебе мы служим верно,
Да сумнительно, вишь, тут —
Сохрани господь — убьют!»

На такое заявленье
Молвил Дрентельн без смущенья:
«Стой, ребята, не страшись!
Вот перцовка — подкрепись!

Дам на каждый дом две роты
Государевой пехоты,
Казачков прибавлю взвод —
Знай подталкивай вперед!..

Всем отрядом, душ хоть в триста,
Двиньтесь вы на нигилиста,
Навалитесь на него —
И не пикнет ничего!»

Тут жандармы ободрились,
Разом в пояс поклонились,
И ответил бодро всяк:
«Ладно будет, коли так!

Поусердствуем как можем:
Лоском на землю положим,
Все им зубы раздробим,
То-то страху зададим».

И пошли у нас в столице
Рыскать синих вереницы;
Хочет доблестная рать
Всю столицу обыскать!

(1879)

249. НА СМЕРТЬ М. В. КУПРИЯНОВА

Гнета не снес ты, судьбиною данного,—
Смерть заменила тюрьму...
Ах! воскресить тебя, друга желанного,
Где же я силу возьму?!

Так неотступно желанье напрасное
В сердце скорбящем моем,
Чтоб твои умные очи прекрасные
Снова зажглися огнем!

Вновь чтоб проснулася мысль твоя сильная,
Чистые думы твои,
Вновь чтоб забилося сердце, обильное
Силою гордой любви!

Чтобы ты снова пришел к нам сияющий
Блеском здоровья и сил;
Чтобы ты вновь, на добро уповающий,
С нами борьбу разделил!

Боже мой! гнетом желанья бессильного
Тяжко сдавило мне грудь;
Ах! уж не вырвать из мрака могильного
Друга... Назад не вернуть!..

1878 (?)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

250. ИЕГОВА

Не верю я в величье Иеговы,
Не верую в отжившие основы,—
Бог самовластья, ненависти бог
Разоблачен страданием веков.

Он создал алтари, рабов, проклятья,
Неравенства ужасные изъятья,
Он первый мысль свободную сковал —
Людей от древа знания отогнал.

Он научил немому послушанью,
Безумному, тупому упованью.
Он ненавистен мне, он проклят мной!
Дух косности зовется Иегово́й!

<1879>

251. ОН

История зовет его на спешную работу,
И много от него наивно ждет народ,
Но некогда ему: он едет на охоту,
Но некогда ему: он едет на развод.

От горсти смельчаков усердно ограждая
Жизнь бесполезную, не глядя на закон,—
Свирепствует жандармов шайка злая,
И правит родиной шпион...

А он прогнал докучную заботу —
Что за беда, что целый ждет народ! —
Ведь некогда ему: он едет на охоту,
Ведь некогда ему: он едет на развод!

<1879>

Н. М. МИНСКИЙ

252. ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ

(Отрывок из драмы)

Посвящается казненным

Внутренность каземата. Пять часов утра. На железной койке лежит исхудалый юноша. За дверью шаги и бряцанье ключей. Заключенный быстро садится. Входит с в я щ е н н и к с распятием; в глубине смутно видны фигура в красной рубахе и солдаты.

С в я щ е н н и к

Во имя

Отца и сына и святого духа,
Аминь!

Молчание.

Очнись, мой сын! Великий миг
Приблизился...

Молчание.

Мне краткие мгновенья
Беседовать позволено с тобой:
Не трать, мой сын, мгновений дорогих!

Молчание.

На страшный путь ты должен запастись
Спокойствием и бодростью... Я мир
Душе твоей несу.

О с у ж д е н н ы й

(оглядываясь и указывая на палача)

А этот — телу?

С в я щ е н н и к

И я, и он — покорные послы
Пославших нас; небесной власти — я,
А он — земной. Я — вестник всепрощенья
И благодати творца, а он... он — казни
Невольный вестник...

О с у ж д е н н ы й

Ты сперва простишь,
А он потом казнит меня — не так ли?

С в я щ е н н и к

Людская казнь свершится и пройдет,
Но вечную пребудет благодать божья;
Не отвергай последний дар любви —
Земной залог господня примиренья.
Покайся, сын, в грехах...

О с у ж д е н н ы й

Старик,
Уйди! В моих раскаявшись грехах,
Смертельный грех я б совершил пред смертью.
На грех такой меня духовный пастырь
С распятием в руках склоняет!..

С в я щ е н н и к

Сын мой,
Между тобой и судьями твоими
Не я судья. Молитву я, не суд
Пришел творить. Молись, дитя, и кайся!

О с у ж д е н н ы й

Пусть будет так! Услышь же ты, старик,
Предсмертное раскаянье мое!
«Прости, господь, что бедных и голодных
Я горячо, как братьев, полюбил...
Прости, господь, что вечное добро
Я не считал несбыточной сказкой.
Прости, господь, что я добру служил
Не языком одним медоточивым,
Но весь: умом, и сердцем, и руками...
Прости, господь, что родине несчастной
И в смертный час я верен остаюсь,

Что я, рабом родившись меж рабами,
Среди рабов — свободный умираю.
Прости, господь, что я к врагам народным
Всю жизнь пылал священной враждой,
Что я друзьям не изменял в несчастье,
Что вырывал из хищных лап злодеев
Невинные истерзанные жертвы;
Что гадине смертельно-ядовитой
Я притуплял отравленные зубы;
Что я смутил безумным воплем мести
Развратный пир прожорливых святош,
Что я убийц казнил за их убийство...»

С в я щ е н н и к

Молчи, молчи! Ты раны растравляешь,
И без того зияющие в сердце
Твоем больном. Последнюю молитву
Не так творят. Есть тихие слова,
Слова любви, покорности, прощенья...
Они в душе, как воспоминанья детства,
Как матери ласкающий напев,
Баюкают и злобу, и страданья
И умирать дают нам без проклятий...
О, вспомни, сын, то золотое время,
Когда враждой еще не распалялась
Твоя душа!.. О, вспомни годы детства,
И чистый пыл младенческой молитвы,
И мир души, и слезы умиленья!..
О, умились, дитя мое, пред смертью
И богу вздох последний посвети,
А не земле! Послушай, сын мой: если
За тяжкий грех заслуженную кару
Теперь несешь — пусть льется горячо
Пред господом раскаянье твое!
Он милостив. Раскаявшийся грешник
Ему милей, чем тот, кто не грешил.
Но если ты безвинно умираешь,
Вдвойне теплей и ярче пусть горит
Последняя твоя молитва богу!
Идя на казнь невинно, помолись
Тому, кто сам невинно был казнен;
Вручи себя тому, кто нам когда-то
Себя вручил. Ты скорбь свою поведай
Тому, кто сам скорбел лютейшей скорбью.

Молись тому пред казнию, кому
Во время казни должен подражать ты...
И он казнен за бедных и голодных,
И он казнен за вечное добро,—
Но в смертный час врагов не проклинал он...

О с у ж д е н н ы й

Ты задевать умеешь струны сердца...
Я сам, старик, продумал о Христе
Последний день своей недолгой жизни.
И много, много думал я...

С в я щ е н н и к

И что же?

О с у ж д е н н ы й

И я решил, что повесть о Христе —
Пустая ложь...

С в я щ е н н и к

А прежде верил ты?

О с у ж д е н н ы й

В дни юности когда-то... Вере в бога
Уже давно противился мой разум,
Но лишь вчера сказал мне голос сердца,
Что бога нет.

С в я щ е н н и к

Что ж говорил тот голос?

О с у ж д е н н ы й

Он говорил, что если на Голгофе,
Века назад, своей святою кровью
Грехи людей Христос бы искупил,
То не было б моей сегодня казни...

С в я щ е н н и к

Его пути для нас неизъяснимы...

О с у ж д е н н ы й

Молчи, старик! Ты слышишь ли далекий
Зловещий гул? То праздная толпа
На смерть мою собирается глазеть...

Теперь, старик, дерзнешь ли ты о боге
Мне говорить? О, если б в небесах
И жил господь, то, этот гул услышав,
В себе самом он стал бы сомневаться...

(Прислушивается.)

Толпа растет... всё ближе... и о чем
Кричит она? То крики нетерпенья,
Или восторг, иль шутки площадные?
О, подожди, народ нетерпеливый!
Уж близок час, притихнет скоро сердце,
Что лишь к тебе любовью билось страстной,
Лишь за тебя скорбело и молилось...
Народ! Народ! Жених свою невесту
Не любит так, как я любил тебя!
Народ... Мой слух ласкало это слово,
Как музыка небес... В часы сомненья
Я воскресал мечтою о тебе,
Как жаркою молитвой. Дом родимый,
Отца и мать безропотно я бросил,
И лишь тебе, как бы отшельник богу,
Я посвятил всю жизнь, все силы духа...
С тех пор иных не ведал я печалей,
С тех пор иных я радостей не знал.
Там, в тишине твоих полей просторных,
Там, в суете твоих лачужек тесных,—
Там плакало, там радовалось сердце...
О, горький час! Ты горше часа смерти!

(Задумывается.)

Меня везут в позорной колеснице,
Я на глазах обманутого народа
Свою любовь к народу искупаю...
А я молчу... Ничья рука не может
Повязку лжи сорвать с его очей...
И ум его могучим словом правды
Ничей язык не может просветить...
О, веселись, толпа! Шути, позорь!
День траура своим друзьям доставишь,
День радости врагам ты подаришь...
Но нет! Клянусь, я радость отравлю им
И грудь толпы заставлю трепетать!
Я не совсем бессилен — умереть
Осталось мне, и грозное оружие

Я на врагов скую из этой смерти...
Я кафедру создам из эшафота
И проповедь могучую безмолвно
В последний раз скажу перед толпой!
Как надо жить, тебя не научил я,
Но покажу, как надо умирать.
Пусть палачи от злобы побледнеют,
Позора яд пускай сердца прожжет им!

С в я щ е н н и к

Прощай, мой сын! Не дал господь мне тронуть
Твой дух. Сюда с надеждой робкой шел я,
С отчаяньем отсюда удаляюсь.
Пусть бог простит твою гордыню.
Быть может, что и к свету ты стремился,
Хотя бродил не светлыми путями.

О с у ж д е н н ы й

Что о путях бормочешь ты? Когда бы я
Бесчестными путями не гнушался,
В твоих теперь валялся б я ногах,
Перед толпой с подмостков эшафота
Стократ себя крестом бы осенял,
Евангелье лобзал бы со слезами
И набожно толпу перекрестил бы:
Верней нет средств, чтоб мучеником правды
В толпе прослыть. Ведь знаю я, что каждый,
Склоняясь в прах пред судьями моими,
Христа судивших дважды в день клянет.
Но нет! Теперь, в торжественный час смерти,
Я честных рук своих не оскверню;
Народному и моему врагу
Не протяну их...

С в я щ е н н и к

Я — народу враг?
О с у ж д е н н ы й

Ты, поп.

С в я щ е н н и к

И твой я враг?!

О с у ж д е н н ы й

Ты враг народа...

И не за то ль, что громкие слова
На языке всегда у вас,— друзьями
Вас должно счесть? Вы — слуги божьи? Так ли?
Но для кого ваш бог страдал и умер?
Кому служил он? Сильным? Богачам?
Зачем же вы с сильнейшими в союзе?
Как верных псов, над овцами своими
Назначил вас блюсти небесный пастырь:
Зачем же вы с волками подружились?
Из всех врагов презреннейшие — вы!
Трусливые, со сладкими словами,
Изменники, лжецы и лицемеры!
Что нам в словах возвышенных и добрых!
Полезнее нет силы, чем огонь,
И без огня зверями были б люди,
Но изверг тот, кто тихомолком пламя
Под хижину подбросит бедняка.
Так и любовь, прощение и кротость —
Высокие и честные слова,—
Но те слова кому вы говорите?
Зачем меня учить теперь прощенью
Явился ты? Я — слабый, бедный узник,
Что через час заснет могильным сном...
О, если б ты и убедил меня,
Скажи, кому нужна моя пощада?
Зачем с такой же речью о прощенье
Ты не пошел к моим всеильным судьям?
Их убедив, ты тотчас спас бы жизнь...
Так вы всегда: когда бедняк без хлеба
В виду безумных пиршеств издыхает,
Вы к бедняку подходите с крестом
И учите умеренности скромной...
Когда народ в цепях тирана стонет,
Смирению вы учите народ.
Тому ль учил божественный учитель?
На то ль дал крест, чтобы исподтишка
Его крестом вы слабых убивали?
Когда я смерть приму на эшафоте
И громко лгать начнут все языки,
Скажи, о чем народу скажешь в церкви?
Что к свету я стремился? Божий храм
Кто осквернит кощунственной ложью?
О, бедный край мой! Море гнусной лжи
Тебя залило мутными волнами

Со всех концов: в семействе лжет отец
Перед детьми, а в школе лжет учитель,
В твоих церквах лгут слуги алтарей...
Поверь, что мне палач стократ милее,
Чем лживый поп.

(Обращаясь к палачу.)

Невольный вестник казни!
Ну, начинай! Надеюсь, ты свое
Успешнее исполнишь порученье...

Палач выходит на средину каземата. Священник, медленно и дрожа всем телом, удаляется. Осужденный смотрит ему вслед.

Как он дрожит! Как бледен! Эй, старик,
Постой! В твоих глазах я встретил слезы,
И голос твой дышал ко мне участием...
Твое лицо я первое в тюрьме
Беззлобное увидел... Перед смертью
Укоров я не слышал от тебя...
Старик! Твою я презираю рясу,
Но доброе под ней, быть может, сердце...
Как поп — мне враг, как человек — быть может,
Ты мне и друг... Прими же в благодарность
Ты мой поклон и теплое спасибо!..

Кланяется священнику; палач связывает ему руки.

(1879)

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

253. ПЕСНЬ ГРАЖДАНКИ

Посвящается женам, не просившим помилования своим мужьям

Если б мой дорогой, что по злобе людской
Дни свои коротает в неволе,
Мне сказал: «Поскорей приходи и своей
Поменяйся со мной вольной долей!»,

Я б сказала ему: «Мой желанный! Пойду
Я в огонь, если хочешь, и в воду.
Бесконечно любя, я отдать за тебя
Хоть сейчас же готова свободу».

И скажи милый мой: «Мало воли одной,
Палачам головы еще надо»,—
Я и жизнь им отдам, был бы счастлив он сам,
Умереть за него мне отрада.

Но скажи он: «Пойди, пред тираном пади,
Со слезами, с мольбой, в унижение
О пощаде моли и отрадой земли
Назови все его преступленья;

Ото всех дорогих убеждений своих,
От святого к свободе стремленья
Перед ним отрекись и служить поклянись,
Лишь бы мне даровал он прощенье»,—

Я б сказала в ответ: «Никогда! Нет, о нет!
Лучше смерть, лучше холод могилы!
И отныне ты знай: ждет тебя ад иль рай —
Всё равно ты мне больше не милый!»

<1880>

Н. А. МОРОЗОВ

254. ПОСЛЕ КАЗНИ 4 НОЯБРЯ

И опять палачи!.. Сердца крик, замолчи!..
Снова в петле качаются трупы.
На мученье бойцов, наших лучших сынов,
Смотрят массы, безжизненно тупы.
Нет! Покончить пора! Ведь не ждать нам добра
От царя с его сворой до века.
И приходится вновь биться с шайкой врагов
За свободу, права человека...
Я топор наточу, я себя приучу
Управляться с тяжелым оружием,
В сердце жалость убью, чтобы руку свою
Сделать страшной бесчувственным судьям.
Не прощать никого! Не щадить ничего!
Смерть за смерть! Кровь за кровь! Мечь за казни!
И чего ж ждать теперь? Если царь — дикий зверь,
Затравим мы его без боязни!..

Братья! Труден наш путь! Надрывается грудь
В этой битве с бездушною силой.
Но сомнения прочь! Ведь не всё ж будет ночь,
Свет блеснет хоть над нашей могилой.
И, покончив борьбу, вспомнив нашу судьбу,
Обвинять нас потомки не станут
И в свободной стране оправдают вполне,
Добрым словом погибших помянут.

1880

В. Х. КРАВЦОВ

255. МАТЕРИ

Снился мне образ твой — нежный, тоскующий...
Ты пред иконою низко склонилась —
С верою кроткою, душу врачующей, —
И о единственном сыне молилась...

Полно, родимая! Мучимый жаждою
Истины, сын твой дорогой тернистою
Шел, и пред вечною жизненной правдою
Смело предстанет он с совестью чистою.

Не надрывай же ты сердца шемящего,
Не удручай себя тщетным молением
И одинокого узника спящего
Не отуманивай скорбным видением.

8 марта 1881

В. Г. БОГОРАЗ

256

Кровавые реки, веревка и плаха,
Проклятье, отчаянья стон...
Как много в бою вас погибло без страха,
О братьев святой легион!

363

Душил без пощады вас враг разъяренный
На каторге, в ссылке, в тюрьме,
Губили вас муки души, утомленной
Бороться с неправдой во тьме.

И призраки братьев, погибших печально,
Далеко от кровли родной,
Без слез, без объятий, без ласки прощальной,
Бессменно стоят предо мной.

Ужасен их саван, запачканный кровью;
Сверкает их огненный взор,
И жадное сердце читает с любовью
В нем мужества полный укор.

«Боец из дружины, стяжавшей геройством
Бессмертную славу себе,
Зачем ты считаешь с таким беспокойством
Ряды уцелевших в борьбе?»

Зачем ты смущен, если счастье в сраженье
На миг улыбнется врагам?
Ты знаешь, судьбы неизменно решение:
Победа достанется нам!

Смотри, как палач перепуган глубоко!
Дрожит в загрубевших руках
Зловещий топор, занесенный высоко
Над братом, поверженным в прах.

Смотри: на подмогу бойцам утомленным
Воителей племя растет
На поле, кровавым дождем обогренном,
Где мрачный стоит эшафот.

Тела их могучи, прекрасны их лица,
Их груди отвагой кипят,
И грозно сверкает в поднятой деснице
Карающий острый булат.

И только что лезвия отблеск холодный
Достигнет до недруга глаз,
Бежит он, почуяв свободы народной,
Народного мщения час!»

Вы правы, великие, славные тени!
В сознание ошибок моих
Пред вами смиренно склоняю колени,
Простите мне слабости миг!

Кровавую злобу, и гнев, и волнение
Устав без конца выносить,
Душа захотела минуту забвенья,
Минуту покоя вкусить...

Но силу былую я чувствую снова,
И веру, и мужества жар,
И руки по-прежнему сыпать готовы
Врагам за ударом удар.

Скорее, товарищи! Сомкнутым строем
Стремительно кинемся в бой!
Мы грудью опасное место закроем,
Мы брешь загородим собой.

Со славой вернемся мы с бранного поля
Иль ляжем со славой там!
За нами судьбы неизменная воля,—
Победа достанется нам!

(1885)

257. НА СМЕРТЬ СУДЕЙКИНА

На травле яростной усердствуя безмерно,
Народному врагу ищейкой ты служил!
Безумным палачам во всем помощник верный,
В крови по пояс ты бродил!

Всегда на всякое готовый преступленье,
С свободой, с истиной ты вел упорный бой,
Ты женщин и детей душил без сожаленья
Своей кровавою рукой!

Могучий наглостью, коварством, ложью гнусной,
Ты силу и обман пускал с успехом в ход...
В бесславном поприще выказывал искусно
Ты лисий хвост и волчий рот.

И души слабые ты обольщал лукаво,
Отторгнув силой их от дружеской среды...
Ты воздух наполнял невидимой отравой
Измены, злобы и вражды.

И строил с ревностью, достойной лучшей доли,
Подмости новые и трону и себе
Из жертв, загубленных на плахе и в неволе,
Погибших в роковой борьбе...

Но грозный приговор народной правой мести
Над головой твоей внезапно прозвучал
И поразил тебя, как молния, на месте...
Холодным трупом ты упал.

И над безжизненным, покрытым кровью прахом
В оцепенении твой властелин стоит.
Мрачна душа его, терзаемая страхом,
И злобой взгляд его горит.

Иди же в глубь земли, oprичник злобный, лютый,
Позорный палача позорного холоп!
И пусть напутствуют в последнюю минуту
Тебя проклятья в мрачный гроб!

Одно является неволью сожаленье:
Ошиблась здесь судьба десницей роковой —
Ты предназначен был веревкой, без сомненья,
Закончить путь бесславный свой!

И только потому петля тебя лишилась
И свел последний счет с тобой тяжелый лом,
Что смертью праведных веревка освятилась,
Как освятился крест Христом.

А вы, убитого сотрудники живые!
Пускай покинут вас спокойствие и сон!
Рука могучая разит уж не впервые,
И не последний будет он.

Пусть гибель вашего достойного собрата
Предупреждением послужит и для вас,
Что если для него сегодня день расплаты,
То завтра ваш настанет час!

(1885)

Не божий здесь алтарь и не роскошный трон
 Всесильного царя — народного кумира!..
 Нет! Это эшафот громадный водружен
 На горе для Руси и на позор для мира!

Внизу навалена большая груда тел...
 То не из мрамора изваянные группы,
 Хоть лица все бледны действительно как мел...
 Нет! Это страшные, истерзанные трупы!

И тусклый блеск очей, погасших уж давно,
 И эти черные зияющие раны —
 Всё пахнет кровью здесь, всё смертью здесь полно,
 Без театрального искусного обмана.

Вот сгибшие в бою от грозного меча,
 Вот трупы бедняков, задавленных нуждою,
 Вот павший от руки кровавой палача,
 А это медленно замученный тюрьмою!

Над ними карликов безжалостных и злых
 Толпа безумная, трепещущая... В страхе
 Они цепляются к краям перил гнилых,
 К ступеням и столбам, и даже к самой плахе.

А там, на высоте, позорный стул стоит,
 Блестящий мишурой, насмешливо красивый,
 Преступнейший из всех, в нем наглухо забит
 Злодей бесчувственный, жестокий и трусливый.

Не надо надписи к позорному столбу,
 Но знак, оттиснутый самой судьбы печатью,
 Сияет на его широко-медном лбу...
 Позор ему, позор и вечное проклятье!

(1885)

259. ВСТРЕЧА

Посвящается С. М. Кравчинскому

1

Кончены годы тупого мучения...
 Где ты, мой склеп крепостной?..
 Снова в груди моей жизни волнение,
 Снова простор предо мной!

 Быстро лошадка моя невеселая
 Мелкой рысцою бежит;
 Скачет по кочкам телега тяжелая
 И заунывно скрипит.

 Утро мелькнуло сквозь сучья ветвистые...
 Кончился лиственный лес...
 Смотрится в лоно реки серебристое
 Купол высоких небес.

 Алой полоской заря занимается,
 Капли на листьях дрожат,
 Птица ночная в трущобы скрывается,
 Звери в берлоги бежат...

 Летнего утра дыханье могучее
 Всё пробудило от сна...
 Жизнь беспредельная, вечно кипучая
 Бьет, упоенья полна.

 Вот она кроется кочкою мшистою
 В чаще болотных кустов,
 В воздухе пылью несется душистою,
 Запахом свежих цветов.

Стелет болота густыми туманами,
Блещет зеленой травой,
Ветром шумит над лесными полянами,
Искрится в листьях росой...

В царстве природы спокойной, блистающей,
В мире лесов и полей,
Нет диссонансов вражды несмолкающей
Бедного мира людей...

Дышит свободнее грудь утомленная
В этой далекой глуши.
Рвутся наружу от сна пробужденные
Силы свободной души...

Вот они снова, так много любимые
Родины дальней края:
Молча стоят толчеи недвижимые
Между хлебов, у ручья.

С белой оградой храм Вознесения
Виден с холма своего,
Лепится робко, как прежде, селение
К плитам подножья его.

Дальше ручьи и овраги глубокие,
Мелкий кустарник, леса,
Рощи, болота, пригорки высокие,
Волжских песков полоса...

Тихо встают много лет позабытые
Детства далекие дни,
Словно лишь только вчера пережитые,
Душу волнуют они!

Вот у пруда, за деревнею Босово,
Прежних строений столбы,
Вон, на холме, перелесок березовый,
Где собирал я грибы.

В этом лесу, за забытой избушкой,
Есть обвалившийся вал,—
Часто там с нянею, дряхлой старушкой,
В летние дни я гулял.

Севши покойней под ветви зеленые,
Вечно тиха и грустна,
Давнего прошлого сказки мудреные
Мне говорила она...

В мраке прошедшего чары враждебные
Бедных терзали людей...
Высились дó неба замки волшебные,
Змием летал чародей,

В ступе носилась над лесом беззубая,
Дряхлая баба-яга,
Всё подавляла безумная, грубая
Злоба кощья-врага!

И целый день, пригорюнясь, под ивою
Робко тогда я сидел,
С смутной тоскою и жаждой пытливою
В даль голубую глядел.

Чудные грезы немолчно роились
В детской душе в этот миг...
Детские силы низвергнуть стремились
Царство волшебников злых,

Сбросить оковы, разрушить губящие
Планы волшебства и зла!..
А предо мной монотонно шумящая
Жизнь так обычно текла!

Прямо, обросший густыми рябинами,
Высился отчий мой кров.
В облаке пыли густой, за овинами
Слышался грохот цепов.

В рваных лаптях у избы, на завалинке,
Грелися два старика;
Мальчик-подпасок, пузатый и маленький,
Гнал по деревне быка;

А на гумне под кудрявой осиною,
В зелени листьев густой,
Ставил крестьянин колоду пчелиную,
Дряхлой склонясь головой...

Глушь вековая, немая, глубокая!
Робко ты крест свой несла!
Тихо и мирно, сторонка далекая,
Год ты за годом жила!..

Всё-то в тебе за сто лет предугадано,
Искони шло чередом,—
И безотрадно, как запахом ладана,
Веяло в избах кругом!..

Ну, а теперь? Всё, как прежде, покорная,
Гнешься ль в бесплодной борьбе,
Или же жизни струя благотворная
Вдруг пронеслась и к тебе?..

Скоро, прервав путешествие длинное,
В старых местах я пройдуся,
И, посмотрев на жилище старинное,
Дальше я в путь соберусь...

2

«Что это? — Ваня! — Вот радость неожиданная!..
Снова тебя я нашел!
Ты это?.. Здравствуй!.. Вот встреча желанная!
Как ты на Волгу забрел?»

Быстро ямщик мой, от сна пробудившийся,
Лошадь свою придержал.
Спрыгнув с пригорка, худой, запылившийся,
Ваня ко мне подбежал...

Да, это он, мой товарищ потерянный!..
Тот же и голос, и взгляд,
Та же лежит на нем силы уверенной,
Воли могучей печать.

Так же блистают глаза его впалые,
Весь — как тогда, средь друзей!..
Только как будто лицо исхудалое
Стало суровой, грустней,

Да еще руки и щеки покрылися
Краской загара густой...
Помню я, крепко мы с ним подружилися
В семьдесят третьем, зимой.

Время минувшее, время прожитое,
Время бессонных ночей!
Все твои сцены, почти позабытые,
Лица любимых друзей,

Братья, навеки погибнуть успевшие, —
Всё пронеслось предо мной
Вмиг, как стрелой в небесах пролетевшие
Ласточки ранней весной!..

Вот она, тесная комната Ванина,
Вечно в окурках, в пыли,
Где о борьбе за свободу крестьянина
Споры горячие шли;

Где до полуночи книги любимые
Вслух мы читали не раз;
Где все за благо народа гонимые
Стали святыней для нас...

Комнатка бедная, виду невзрачного,
Как хороша ты была!
Едкое облако дыму табачного
Сверху стоит... У стола,

С разных сторон, поскорей, как попалося,
Все разместились кругом...
Сколько тут толков у нас завязалось:
С Ваней в народ мы идем!

Область чужая, неведомо-чудная!
Что в тебе скрыто для нас?..
Счастье иль гибель? Толпа многолюдная
Смолкла, притихла зараз.

Занят всецело вопросами жгучими,
Ваня сидит, присмирив...
Вдруг среди молчанья волнами могучими
Грянул свободный напев:

«Твердые волей, в невзгоде суровые,
Новой работы работники новые,
Бедная родина, бедный народ
В бой вас за волю зовет!

Мрак гробовой,
Густ и суров,
Лег над страной
Вечных рабов.
Мерзость казарм
В каждом селе,
Грубый жандарм —
Царь на земле.

Выйдем же, братья, на мщенье великое...
Варварство злобное, варварство дикое
Всюду над русской землею царит,
Всё в ней живое мертвит!

Пусть нас в цепях
Годы томят,
Пусть в рудниках
Нас уморят.
Тех, кто с врагом
В битве падет,
Вспомнит добром
Русский народ!..

Время придет — пред работой упорною
Рухнет насилия зданье позорное,
И засияет над русской землей
Солнце свободы святой!..»

Долго мы молча сидели смущенные,
Было так тихо вокруг...
Чувство святое, в душе затаенное,
К сердцу прихлынуло вдруг.

Мы обнялися...

О, как нам хотелось
Делу все силы отдать!
Страстная жажда в груди загорелася
Биться, работать, страдать

И, обновившись, с душою свободною
Бросясь навстречу судьбе,
Вызвать бурливое море народное
К грозной за волю борьбе!..

Вышли мы с Ваней... Но звуки призывные
Слышались как наяву...
Время ты чудное, время ты дивное,
Снова тобой я живу!..

Вот они снова — все лица любимые...
Вижу я образ живой
Сони...

Любовью к свободе гонимая,
В круг наш от жизни пустой

Смело навеки ушла ты, свободная,
Бросив отеческий кров
И прозябанье надменно-бесплодное
В мире рабынь и рабов!

В отческом доме бездушно-парадные,
Только лишь внешность любя,
Детства пустого подруги нарядные
Скоро забыли тебя...

Вслед тебе сыпались пасквили вздорные,
Хором неслись клеветы...
Но, как всегда, клевете непокорная,
Не оглянулася ты!

Трудной борьбе ты с врагом угнетающим
Всю посвятила себя...
Кажется мне, в ореоле сияющем
Вижу я, Соня, тебя!..

Вот предо мною строенья кирпичные
Фабрик большого села,
Где, поступивши на зиму в фабричные,
С Ваней ты вместе жила...

Вечер субботы... Работу недельную
Кончил фабричный народ...
Взяв у конторщика плату задельную,
Тихо домой он бредет.

В крайней избе, где бесплодное, дикое
Поле лежит за селом,
Тайно ведете вы дело великое
В царстве рабов вековым...

Вот они, окна избушки морозные
В свете лучины блестят...
В комнате лица рабочих серьезные
С думой глубокой глядят.

Ваня читает: «За волей далекою
Четверо братьев пошли.
Тихо идут они степью широкою
В разные страны земли,

Нет ее!
К северу, в область холодную
Первый приходит — глядит:
Пашут крестьяне равнину бесплодную,
Жалко их платье и вид!..

Нет им покою в их дряхлой обители,
Вечно паши, борони!
Всё отбирают земли той властители,
Что ни добудут они!

В южные страны, сухие и знойные,
Вышел из братьев второй...
Видит он — массы народа нестройные
Встали за волю на бой...

Грянули залпы в толпу непокорную,
Кровью покрылись поля...
Скоро окончилась бойня позорная,
Снова в неволе земля!

Третий из братьев к востоку отправился...
Видит — приволье и ширь.
Встретил он реку, но вплавь переправился,
Вот перед ним монастырь.

Ярко блестят его главы высокие,
Мох по карнизам растет;
В церкви монахи, суровые, строгие,
Учат терпению народ.

Низко склонилась толпа безответная,
Внемя их грозным словам;
Видны на лицах тоска беспросветная,
Страх и покорность врагам...

Вышел четвертый из братьев-товарищей
К западу... Пусто вокруг!..
Вместо селений там пни да пожарища,
Голы поля от засух...

Целое племя грабительства жадного
Когти раскрыло в стране;
Гибнет народ от труда беспощадного,
Нет ему воли нигде!

Страшно измучась в бесплодных исканиях,
Встретились братья опять
И рассказали про всё, что в скитаниях
Им привелось увидеть.

Где ни посмотришь — нужда безысходная
Счастья и правды нигде!
Жадные власти, как волки голодные,
Рыщут и грабят везде.

Тронуло братьев народа терпение,
Горе его, и с тех пор
Всюду они проповедуют мщение,
Грозный сзывают сговор!..

Быстро сговор тот растёт, раздвигается,
Рушится древний покой,
Гнев на народных врагов накапливается
И разразится грозой!..»

.
С дымом и чадом лучина трескучая
В хате мерцает сырой,
Изредка падают угли сыпучие
В грязную кадку с водой...

Жутко!.. Сырые, угрюмые, чадные
Стены из мрака глядят,
Странно по стенам и полкам громадные
Черные тени дрожат.

Словно все духи погибших, в молчании,
Слушать слетелись толпой
Речь о великом народном страдании
И о свободе святой!..

Близкого прошлого образы ясные,
Полные веры друзья!
Быстро надвинулось время ненастное —
Наша погибла семья!..

Буря гонений в безумной свирепости
Вдруг пронеслась над страной...
Сгнуло всё!..— Петропавловской крепости
Шпиль заблестал надо мной!

3

После взаимных объятий приветственных
Ваню к селу я подвез.
В тех же прошлись мы владеньях
наследственных,
Где на свободе я рос.

Как здесь всё грустно! Покрылся крапивою
Старый заброшенный сад...
Мрачно, как стражи гробниц молчаливые,
Липы в аллеях стоят.

Пусто и глухо! Вот дома развалины
Видны без рам и окон.
Кучи навозу и мусору свалены
Прямо под ветхий балкон.

Это ли дом тот, где шумно съезжались
Наши соседи толпой?..
Там, где гостей голоса раздавались,—
Остов остался пустой!

В этом ли остане в годы счастливые
Рвался душою я вдаль?..
Сердце наполнило чувство тоскливое,
Стало бывшего мне жаль!

В вечность пред страшною времени силою
Вся старина унеслась,—
И над прошедшего мрачной могилую
Новая жизнь разлилась!

Только остались вы, детства влияния,
В душу запали на дно
И прорвались сквозь радость свидания
С другом, любимым давно!..

Дальше пошли мы.
Вот роща тенистая
С рядом пригорков вдали...
Как разрослись в ней деревья ветвистые!..
Вместе в нее мы вошли,

И в этой роще, где в пору старинную
Целые дни я мечтал,
Тихо мне Ваня всю повесть недлинную
Жизни своей рассказал.

«Помнишь те годы, как, бодрые, сильные,
Вместе в народ мы ушли?..
Трудные годы, невзгодой обильные,
Сколько вы сил унесли!

После того как с тобою расстались,
Помнишь, тогда, в феврале,
Долго мы с Соней еще оставались
В нашем фабричном селе.

Вскоре мы стали, с работой освоившись,
К новой среде привыкать...
Сколько народу тогда, поустроившись,
Нам удалось разыскать!..

Скоро нас знал далеко по окрестности
Каждый живой человек...
Только пришлось нам — увы! — в этой местности
Дело покончить навеки!..

Раз было время — сырое, дождливое,
Ветер кругом бушевал,
Дробью своею немолчно-шумливую
Дождик тоску нагонял...

Было в тот вечер у нас на собрании
Трое фабричных друзей;
Все мы мечтали, полны упования,
Как через несколько дней —

Только окончат рабочие местные
Время фабричных работ —
Вместе пойдем мы в деревни безвестные,
В серый крестьянский народ.

Вдруг в полутьме наша дверь растворилась,
Взвизгнув на петлях своих;
Целая куча жандармов вломилась
Вместе с толпой понятых!..

Кончено! Рушилось дело великое,
Жизни развязка пришла!
Грубой рукою действительность дикая
Все наши планы смела!

Вот они, слуги престола законные,
В синих мундирах стоят...
Грустно рабочих глаза изумленные
Всюду за ними следят...

Помню я сцену пред близкой разлукою:
Обыск к концу приходил,
Каждый прощался, подавленный мукою,
Молча со всем, что любил...

Быстро сносили жандармы привычные
В груды большую на стол
Письма, брошюры и книги различные...
Стали писать протокол...

Соня шепнула:

„Два адреса схвачены
В письмах, что сверху, — гляди!
Только что письма к отправке назначены...
Мы не успели снести...“

Вдруг нам предстала картина ужасная:
Обыск... аресты друзей!..
Кто причинит эту гибель напрасную?..
Бросились к письмам мы с ней —

И не успели жандармы смущенные
С мест шевельнуться своих,
Как эти письма, в клочки превращенные,
Были проглочены вмиг!

Всё спасено!..
Офицер наш, как бешеный,
Бледный от злости вскочил...
„Бей их! Вяжи их скорей! — как помешанный,
С пеной у рта возопил.—

Бей их! Вяжи их!“
Кругом завозились
Верные слуги тотчас.
Мигом веревки на сцену явились,
Руки скрутили у нас...

С саблями наголо, с руганью грязною
Бросились все к нам потом,
И началась тогда безобразная,
Дикая свалка кругом!

Сам офицер, наших писем лишившийся,
Соною за горло схватил,
Сжав его, словно бульдог обозлившийся...
Соניה упала без сил.

Тщетно, до боли напрягши усилия,
Рвал я веревки свои,
Снова я падал на землю в бессилии,
С злобою жгучей в крови!

Чем эти сцены потом завершились,
Право, и вспомнить невмочь!
В местном остроге мы все очутились
В эту же самую ночь!

Медленно в мрачной тюрьме беспощадные
Годы пошли чередой,
Скрылися воли картины отрадные.
Только лишь поздней порой,

В полночь глухую, в часы нестерпимые
Долгих тюремных ночей
Смутно мы видели сцены любимые
Жизни прошедшей своей...

Вскоре потом начались дознания,
Ставки, допросы пошли.
Сколько гнетущей тоски и страдания
Нам эти дни принесли!

Вечная пошлость, придирки, нелепости —
Всё мы испили до дна...
После трех лет заключения в крепости
Соня была сослана.

Год с небольшим просидев в заключении,
Я на свободу бежал
С жадной могучей кровавого мщения...
Вновь я друзей увидал.

Только лишь редки, как пни на пожарище
В зелени новой лесной,
Старые наши друзья и товарищи
Были в семье молодой!

Вспомнили вместе мы силу громадную
Прежней великой семьи
И за погибших на месть беспощадную
Отдали руки свои...

Вот уж два года, как вновь обновленные,
Бьемся с врагом мы опять.
Еду теперь я в края отдаленные
Соню из ссылки спасать».

Кончил он...
Тихо на землю спускалася
Ночь с голубой высоты,
Низко над лесом луна показалася,
Светом обливши кусты,

И, миллионами звезд переполненный,
Ярко весь свод заблистал.
Чудной, казалось, гармонии исполненный
Голос в природе звучал:

«Видишь, как жизни движенье могучее
К цели предвечной идет?
Сила свободы борьбою кипучею
К счастью людскому ведет.

Гибнет насилия царство бездольное
В свете живящих лучей...
Скоро услышишь ты выстрелы вольные
В родине бедной твоей!

Скоро услышишь... То сила великая
Рвется под гнетом оков;
Падает, рушится зверское, дикое
Царство народных врагов!»

В дальних селеньях огни засветились,
В мраке мерцают чуть-чуть.
Время расстаться!.. Мы с Ваней простились,
Дальше поехал я в путь.

1880

Там, средь движенья
Стройных систем мировых,
Нет тревоженья
Бурь и страданий земных.

Здесь же народы,
Вечно в цепях и крови,
Ищут свободы,
Истины, братства, любви.

(1880)

Н. А. САБЛИН

261. НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Разговор рабочего с фабрикантом

«С чем, брат, предъявился?
Приплелся зачем?
Думал, что простился
Я с тобой совсем!»

«Руку оторвало, —
Чай, помочь не грех,
Работал немало
Для твоих утех».

«Малый ты не старый,
Чтоб с сумой ходить,
Мне же не пристало
Даром вас кормить».

«На твоём заводе
Я ведь рук лишен...
Чай, при всем народе...»
— «Ты, брат, мне смешон,

Ты ведь был свободен,
Кто тянул тебя?
Сам пришел, был годен —
Ну, и принял я;

Руку оторвало —
Стал негож теперь,
Ну, вот — образ, малый,
А вот это — дверь!

У тебя земляца,
Есть чем, значит, жить,
Есть чем прокормиться —
Стыдно зря просить!»

«Землю-то, позволъ-ка,
Я в аренду сдал;
Чтоб приняли только,
Пять рублей отдал.

Ведь ее задаром
Лишь дурак возьмет;
Хоть оброк-то барам
С нас теперъ нейдет,

Так в казну поборы —
Чистый всем разор, —
Помирать, так впору...»
— «Мелешъ, братец, вздор!

Я и так немало
Извожу деньжат;
Сил моих не стало...
Мало вас лежат

Здесь в больнице нашей?
Я ведь вас лечу,
Из-за лени вашей
Лекарям плачу.

У меня здесь, слышал,
Двое докторов,
Из больницы вышел —
Значит, ты здоров!

Не держу паспорта
И расчет отдал,
Так какого ж черта
Ты ко мне пристал?!»

(1880)

Время, братцы, уж пришло,
Не пора ли начинать?
Смело примемся за дело,
Гей, землю добывать!

Много лет мы слезы лили;
Не видали красных дней;
Спину гнули, волком выли
Из-за бар, из-за царей...

Не радел царь в нашем горе,—
Время, что ль, ему радеть!
Слёз наплакали мы море,
Не конец ли нам терпеть?

Нам до смерти надоело
Голодать да холодать;
Станем мы горой за дело,
Гей, землю добывать!

Ну-ка, братцы, дружно, смело
Не пора ли начинать?
Станем мы горой за дело,
Гей, усадьбы разорять!

Пусть увидят братья, люди,
Пусть увидит мир честной,
Что кипит в могучей груди
Правой мести дух святой.

(1880)

Н. А. САБЛИН

263. НОВЬ

Отрывок из неоконченной поэмы

Посвящена Анне Васильевне Якимовой

Глава 4-я

Утро. Ночи тьма редет,
 День чуть брезжить стал...
 Возвратившись поздно, пьяный,
 Дремлет генерал.
 Вот сквозь сон он ясно слышит —
 Отворилась дверь,
 И к нему Малюта входит,
 Сам Малюта-зверь;
 К ложу пышному подходит
 Твердою стопой...
 И с Малюты глаз не сводит
 Генерал седой...
 «Гость неожиданный — что татарин!
 Рад ты иль не рад,
 Принимай меня: не даром
 Я покинул ад!»
 — «Чем служить могу Малюте?» —
 Генерал сказал
 И красивым жестом молча
 Кресло указал.
 Сели. «Слушай-ка, кормилец,
 Я в аду слышал,
 Что душить крамолу грозно
 Ты в России стал?»

— «Да, служу моей отчизне
 Я по мере сил
 И косою закона плевел
 Много покосил!»

— «Ну, так я к тебе с поклоном,
 Друг,— не откажи!
 Разожги ты кровь мне в жилах,
 пытку покажи!
 Всюду новь — чай, тоже в пытках
 Новый обиход?»

— «Покажу, изволь, хоть тотчас
 Двинемся в поход!»

Видит дальше, что с Малютой
 Он в тюрьму идет,
 О былом с ним гость дорогой
 Речь свою ведет:
 «При царе Иване Грозном
 Лихо я пытал;
 Много крови пролил, мяса
 Много растерзал!
 Понатешил душу в досталь.
 Если ж вспоминать —
 И таких видал, что пыткой
 Даже не пронять.
 Помню я: один боярин
 Приведен был... Что ж?
 Ни словечка, как глубоко
 Ни вонзали нож!..
 Из спины кроили сразу
 Два ремня — молчит,
 А из раны кровь струею
 Алая бежит...
 Припекать железом стали,
 Думали — проймет!
 Всё молчит и лишь молитвы
 Тихо к небу шлет...
 Поднял я его на дыбу,
 Ногти вырывал,
 Кипятком, и льдом, и кошкой —
 Всем его пытал,
 Так и бросил, не добился,
 Он не застонал!..
 Через день его в синодик
 Грозный записал...

А то раз попал в застенок
Сокол молодой.
Был станичник он удалый,
Грабил под Москвой,
И богатому — проезду
Парень не давал,
Бедняков не трогал пальцем,
Сам им помогал...
Привели его на пытку —
Рослый удалец!..
„Ну, скажи-ка, с кем ты грабил,
Добрый молодец?“
— „Я тут весь перед тобою,
Ты во мне волён,
Но предать... скорей язык свой
Вырву с корнем вон!..
Я ему смолой на спину
Капать приказал —
Он как пень стоит и терпит,
Даже не стонал
И не морщился, как будто
И смола не жжет!..
„Не томи меня, признайся!“
Он свое поет!
Начал крючьями я тело
Белое терзать;
Всадишь крюк — и дрогнет тело,
Вырвешь — дрожь опять...
И на свежие я раны
Солью посыпал,
И спиртами да настоем
Всласть их поливал...
Сам зашел вперед и в очи
Молодцу гляжу:
„Слышишь, парень, эй! признайся!
Скажешь?“ — „Не скажу!“
И треща ломались кости,
И хрустела грудь...
Длил неистово я пытку,
Не давал вздохнуть...
Вдруг глаза перекосило...
Крик протяжный... вздох,
И, товарищей не выдав,
Негодяй издох!..»

— «То-то вот, вы торопились —
Как бы поскорей!
Зря терзали только тело,
Мучили людей!..
А ведь в теле — образ божий,
И терзать — грешно!
Вот душа! Она без формы!
Душу — ничего!..
И для дела-то полезней —
Ты увидишь сам!..
Вот сюда теперь... к подъезду
Путь, Скуратов, нам».
Вот широким коридором
Направляют путь...
«Нам куда сначала, к бабам,
Что ли, завернуть?
Ишь глаза-то засверкали!
Ну, пойдем, пойдем...
Чем потешить дорогого
Гостя — мы найдем!»
Сам над шуткой захихикал
Мрачный балагур,
И игриво в бок Малюту
Локтем он толкнул.
И вошли... Малюта ахнул:
Камер — без числа!
«Нынче осень урожайна,
Много принесла!
В каждой камере стекольце
Вделано в дверь,
Коли любо — забавляйся,
Сколько хошь смотри!..
Ну, вот эта больше года
Здесь уж прожила.
На допросах нас сердила —
Чересчур смела...
Письмецо с условным шифром
У нее нашли!
Ну, девицу тотчас взяли,
В крепость привезли...
„Вам известен шифр?“ — „Конечно!“
Как же ей не знать.
„Не угодно ли нам способ
Этот указать?“

— „Не затем, чтоб вам открыла,
Доверялись мне!“
— „Ну так вам придется долго
Посидеть в тюрьме!“
— „Вы меня не испугали,
Знаю это я!“
И сидит... А жаль семейство —
Честная семья...»
Глаз приставивши, Малюта
На нее глядел;
Генерал в стекло небрежно
Тоже посмотрел...
«Ничего. Не изменилась:
Тот же самый взгляд,
Те же волосы густые
По плечам лежат.
Мы недавно только книжки
Дали ей читать,
Стала будто веселее —
Надо отобрать!..
Эка злоба!.. И ничем ей
Душу не проймешь!..
Ну, сидеть тебе, покуда
В землю отойдешь!
Через номер тут девчонка:
Ей семнадцать лет...
На допросах: „Всё забыла!“ —
Весь ее ответ.
Года три как их забрали —
Мать и дочерей:
Бунтовать там в сельской школе
Вздумали людей!..
Эта сильно изменилась —
Знать, душа болит...
Посмотри: ребенок с виду —
А в ней бес сидит!»
И Скуратов с генералом
Приложили глаз...
Было в камере темненько —
Слабо пущен газ...
У стены стоял ребенок,
Глухо он рыдал...
Вдруг рыданья перервались,
Он захохотал...

Дико хохот раздавался,
Оглушая свод.
Генерал шептал: «Прекрасно!
Хорошо идет!
Вот теперь мы на допросы
Вызовем тебя...
Запоешь ты, как нам надо,
Нынче у меня!»
Хохот кашлем заменился...
Плюнула в платок,
На платке образовался
Розовый кружок...
И махнула безнадежно
Слабою рукой...
«Всё равно... — она шептала, —
Путь покончен мой!..
Всё равно... А близко воля —
Тут ведь, за стеной...»
И к стене она припала
Русой головой...
Вдруг улыбкой озарились
Бледные черты;
Радость, волю ей рисуют
Дерзкие мечты...
Но ведь радости ревниво
Гонит прочь тюрьма,
И вот... образы иные
Видит въявь она...
Вот в ее глубоких глазках
Отразился страх...
Мать пред нею как живая,
Руки в кандалах...
«Мама милая!» — и разом
Ринулася к ней...
Сил уж нету... И упала
С криком у дверей...
«У тебя бежит, Скуратов,
По лицу слеза?!
Полно... Полно... ободрися
И утри глаза!..
Встарь ты не был так изнежен,
Мучил зауряд!»
— «Нет, клянусь тебе, я в жизни
Не пытал ребят!..»

— «Ну, да мы, Малюта, разом
Дух развеселим —
Диво-дивное покажем...
Здесь вот!.. Поглядим...
Видишь — женщина? Красивей
Редко встретишь ты!
Смелый взгляд, как у орлицы,
Гордые черты...
Выступает величаво,
Ростом, всем взяла...
Проживать бы в свете павой.
Нет!.. В народ пошла!
С месяц здесь, как опросталась,
Дочку родила...
Мы ребенка отобрали...
Долго зла была!
Неприступна как тигрица,
Всё швыряет, рвет...
Ночь настанет, так со злобы
До утра ревет!..
Через неделю словно сняло
Зло с нее рукой...
Вызывает прокурора.
Тот пришел со мной...
„Возвратите мне ребенка!“
Прокурор в ответ:
„В показаньях откровенней
Будете иль нет?“
Просит, молит: „Пожалейте!
Пощадите мать!..
За какие ж преступленья
Должен он страдать?..
Вы загубите ребенка...“
— „Что ж возиться с ним?
Где жалеть нам поросенка,
Коль свиной палим?!“
Обмерла. Мы постояли
Так минут с пяток
И ушли... Вдруг донесенье
Мне под вечерок:
„Честь имею...“ и так дальше
Этого числа...
Без причины арестантка
Вдруг с ума сошла...

Посмотри: качает тряпки
На своих руках...»
Взор блуждающий, без смысла,
И лицо в слезах...
Вот она засуетилась —
Мучит скорбь ее...
Ищет, ищет... перерыла
На руках тряпье.
«Не нашла!» — И крик раздался,
Страшный, скорбный крик...
Над несчастной издевался
Генерал-старик...
«Не нашла? Ну, постарайся!
Это не беда!
Завалился? Что же, нету?
Нету и следа?
Ах, несчастная, как жалко —
Видно, не найдет?!»
Вдруг страдальица поднялась
И к окну идет.
Словно что-то против воли
Бедную влекло!
Вот рукой она взмахнула —
Вдребезги стекло,
И осколком режет шею...
Кровяной фонтан
Брызнул на стену, и стройный
Покачнулся стан...
На колена опустилась,
Оперлась рукой
И безжизненно упала
На пол головой...
Видя это, сам Малюта
Словно задрожал...
Не смутился лишь привычный
К делу генерал.
И спросил он гостя: «Нашу
Как вы новь нашли?
Вы ли нас хитрее были?
Мы ль вперед ушли?»
— «Победили вы, — Малютин
Был на это сказ, —
Мы спроста бывали люты,
Вы ехидней нас!..»

264. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОКУРОРА ЖЕЛЕХОВСКОГО
ПО ДЕЛУ 193-х (1877—78)

Я скажу вам предварительно,
 Что защитники губительно
 На преступников воздействуют,
 Преступленьям их содействуют:
 Раздувают страсти бурные
 И внушают им мишурные
 Пожеланья конституции, —
 Просто сеют революцию!
 Обратили заседания
 В парламѣнтские собрания!
 Что мы видим? — Агитацию,
 Дерзость, буйство, протестацию,
 Суд поносят подсудимые!
 И, из них же выводимые,
 Чуть не поднимают крик:
 «Vive la République!»¹
 В этом лишь одни виновны
 Адвокаты поголовно!
 В их вполне непозволительном
 Поведеньѣ отвратительном
 Представитель обвинения
 Не находит уважения:
 То со злобой, худо скрытою,
 То с насмешкой ядовитою,
 Попирая все приличия,
 В грязь топча суда величие,
 Отвечают обвинителю,
 Мне — закона охранителю! —
 Обратив суда внимание
 На такое поругание
 Обвиненья и суда,
 Приступаю, господа,
 Относясь к суду почтительно,
 Прямо к речи обвинительной.
 (Указывая на скамью подсудимых.)

¹ Да здравствует Республика! (Фр.) — *Ред.*

Вот мы видим представителей
Государства разрушителей!
Сброд воришек и грабителей,
Огорчающих родителей.
Бросив в школах обучение,
Все они, без исключения,
Зарядив себя идеями,
Порожденными злодеями,
С криком: «В бой, друзья, с рутиную!» —
Русь, как сетью, паутиною,
Разорвав с семьею, с обществом,
Всю опутали сообществом;
Занимаясь агитацией,
Прибегали к конспирации:
Местоительство скрывали,
Кличек членам надавали —
Так, Надежду звали Надькой,
Катерину звали Катькой,
Васькой назвали Василья!
Но напрасны их усилья...
Правда, лишь по ихней милости
И по их же крайней лживости,
Правды, истины скрыватьства,
У меня нет доказательства,
Что сообщество реальное,
А не только идеальное
По империи разлилося,
На скамьях здесь очутилося.
Но известно, господа,
Представителя суда
Очень чуток нюх собачий,
Несомненное тем паче
Чуткость сердца прокурора.
Это — истина вне спора.
Я на этом основанье
Говорю без колебанья,
Как мне сердце говорит,
Как оно сказать велит,
Что путем теснейших уз
Связан подлый их союз!
Раздувая страсти дикие,
Отрицая брак, религию,
Власть, имущество, монархию,
Проповедуя анархию,

Воровски прикрывшись маскою,
Под одеждою крестьянскою,
Ложь, обман пуская в ход,
Пробрались они в народ.
Я не знаю, что б случилось,
Сколько крови бы пролилося,
Если б мужики к начальникам,
К станowym своим, к исправникам
И к ближайшей властной братии
Не питали бы симпатии!
Но, спокойно выжидающий,
Слово власти уважающий,
Не без доброго последствия
Перенес народ все бедствия.
И, Христу благодаренье,
В мужике для нас спасенье!
Так, служа Руси основою,
Дорожа свободой новою,
Без обычной своей лености,
Полн сыновней откровенности,
Веры в власть и упованья,
О мятежных злодеяньях
Представлял он донесения
В волостные управления.

(С восторгом.)

Вот высокоблагородная,
Вот черта вполне народная!
И, ввиду такого качества,
Революция — ребячество!
Я прибавлю положительно:
Если б суд да исключительно
Доверял вполне свидетелю
Лишь с такою добродетелью,
Вообще и ныне в частности,—
Русь была бы вне опасности.

(С грустью.)

Жаль, такие все свидетели
Крест несут за добродетели!
Как помыслю, как стараются
Люди злые, непокорные
Их унизить!..

Клеветой грязнят их черною
И, ругаясь над законами,
Именуют их шпионами!

(Убедительно.)

Не шпионы-с — доносители,
Государства охранители!

(Махнув рукою.)

Впрочем, все их ухищренья,
Все их злобные ученья,
Все дела сих развратителей
Не опасны для правителей.
И не стоило б вниманья
Обращать на их деянья,
Но они закон попрали,
Даже суд ваш оплевали,
Наушенные коварною
И к властям неблагодарною
Адвокатскою оравую —
Этой гидрой многоглавою.
Вы терпели слишком долго,
Посему, во имя долга,
За закона поруганье
Я взываю к мщению, к мщению,
Сообразно Уложению!
А за порчу добрых нравов
Их, по божескому праву,
В ад крошечный упекут.

(Грозясь.)

Там возмездие найдут,
В этом Третьем отделенье
Мирового управленья.

(Разгорячась.)

Люцифер с своей командой
Разочтется с этой бандой:
Жиры вытянет из них,
Кожу с них сдерет, с живых,
Будет драть их оголенных,
Да на плитах раскаленных
Среди смрадной духоты
Будет их варить и жарить,

И из серной кислоты
Будет им клистиры ставить.
И, клянусь, я сам не прочь
Люциферу в том помочь!..

1878

СКАЗКА ПРО ТО, КАК ЦАРЬ АХРЕЯН
ХОДИЛ БОГУ ЖАЛОВАТЬСЯ*Петербург. 1883*

Не бояр, не вельмож тороватых,
 Не боярынь-красавиц приветливых
 Потешать я хочу сказкой новою,
 Красным словом, что бисер нанизанным;
 Гусляру-молодцу, парню вольному,
 Не корыстны подачки боярские —
 С гордых плеч дорогие обносочки,
 Со столов со вельможных — объедочки,
 Милость барская — сытость кисельная!..

Ох ты гой еси, голь перекатная,
 Перекатная голь, непокрытая!
 Для тебя моя сказка сложилась,
 Чтоб и ты, голытьба, распотешилась
 Да сквозь слезы свои вековечные
 Хоть разок от души рассмеялась!..

1

Далеко ли от нас — догадайтесь,
 И давно ли — смекните, ребяташки,
 Было царство издревле крещеное,
 Спокон веку веков православное,
 Спокон веку большое, могучее;
 В берегах во крутых во кисельных
 Протекали там реченьки быстрые,
 Всё молочные речки, медовые,
 Что моря-окианы глубокие;
 Золотые ли горы высокие
 Поднимались до синего до неба;
 Зеленели леса изумрудные
 Выше облака в небе ходячего;
 Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
 Вся-то красного, чистого золота,
 Что морская волна разливалась.

А привольные степи широкие,
Что ковры дорогие персидские,
Расстилалися от моря до моря.
Города — золоченые маковки
Там росли, что грибы во сыром бору;
Нарождалось там люду крестьянского,
Да такая несметная силушка —
Звездочеты считали, да сбились...

Всё-то было в той дивной сторонушке, —
Одного только, братцы, там не было:
Не жилось там святой Правде-матушке,
А с того и всё царство в разор пришло.

Обмелели совсем, пересякнули
Те молочные речки, медовые;
Золотые все горы высокие
Обернулись в пески рудо-желтые;
Вековые леса изумрудные
На корню засыхали — валилися;
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Зарастала полынью-крапивою,
Лебедою-травой ядовитою;
Теснота-духота подневольная
Развилась во степном во раздольице;
В городах — золоченые маковки,
Да и в селах больших со приселками
Бесталанному люду крестьянскому,
Люду темному, люду бездольному,
От неправды лихой житья не было...
И то царство большое, могучее
(Прозывалось оно Ахреяновкой)
У соседушек в грош не считалось,
У заморских лихих пересмешников
Не в добре, не в чести было исстари;
Величалось лесной деревенщиной,
Деревенщиной — глупой засельщиной...

Как про то разоренье-стыдобушку,
Про несносные беды народные
Знали-ведали все люди добрые, —
Слухом вся-то земля переполнилась;
Да не ведал, не знал православный царь,

Той страны государь недогадливый,
Ахреян, по отцу Ахреянович.
Он сидел во своем стольном городе
На престоле отцовском и дедовском,
В золоченых хоромах украшенных,
За высоким за тыном железным,—
Для народу неслышно, невидимо;
Прохлаждался с лихой полюбовницей,
Разноглазую Кривдой проклятою,
Да с своею опричиной подлою,
Со князьями-боярами глупыми —
Дармоедами злыми, беспутными,
С неразумною Думой боярскою,
С завидушим поповским отродием,
С загребущею сворой холопскою.
За высоким за тыном железным
Не слышать ему стону народного,
Не слышать ему хохоту вражьего,
Не видать разоренья-стыдобушки...

Долго деется дело, ребятушки,
Да не скоро и сказка расскажетя:
Нашей сказке еще не конец пришел,
Наша сказка сейчас начинается...

2

Не гроза в небесах собиралася,
Загорелась не яркая молния,
Да не гром грохотал во поднёбесьи,—
Собиралася свет Правда-матушка
Во великий поход на врагов своих:
Ахреяна-царя недоумочка,
С полюбовницей Кривдой проклятою
Да с опричиной царскою подлою.
Светит Правда — что яркая молния,
Созывает дружинушку храбрую
Громче страшного грома небесного:
«Уж ты гой еси, войско великое,
Удалая дружинушка храбрая,
Люди добрые, люди крещеные
Духом истинным света небесного,
В ком живая душа не померкнула,
Не застыло еще сердце честное,—

Соберитесь все, содружитесь,
Заступитесь грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
За моих обездоленных детушек,
Разноглазою Кривдой замученных,
За меня ли, за Правду, за Истину!»

С четырех со концов света белого —
И с Востока, и с Юга, и с Запада,
И с холодного дальнего Севера —
Откликалась дружина могучая.
Собралась-содружилась, сплотилась,
Становилась в ряды неразрывные,
Под святыми знаменами светлыми
Подступала ко стольному городу
Ахреяна-царя недоумочка.
Повалила высокий железный тын,
Начинала сраженье великое,
Рукопашный бой: грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
Заступалась за Правду, за Истину,
За несчастный народ обездоленный.
Ахреяну-царю за беду пришло;
Больно колет ему Правда-матушка
Оловянные очи бесстыжие:
Услыхал Ахреяныч народный стон,
Увидал разоренье-стыдобушку;
Зашатался под ним золотой престол,
И тяжелая шапочка царская
С головы неразумной свалилася.
Закричал он со страху великого,
Завопил, словно боров зарезанный,
Заревел, как медведь на рогатине:
«Ох ты гой еси, душенька милая,
Полюбовница царская верная,
Разноглазая Кривда проклятая!
Ты вставай со пуховой постелюшки,
Одеяльца шелковые скидывай;
Собери-ка причину подлюю —
Вишь она на карачках расползалась,
Подхватив животишки трусливые, —
Выручайте меня, царя-батюшку!..»

Откликалася Кривда проклятая,
Говорила царю льстивым голосом:
«Не тужи, не горюй, православный царь,
Ахреян ты мой свет Ахреянович!
Я тебя, ненаглядный мой, выручу;
Правде с Кривдой вовеки не справиться:
Ведь дружина у ней — голь кабацкая,
Неумытая голь, непокрытая;
Не хитро нам ту челядь ледащую
В табачок растереть да и вынюхать!
У меня ли войска всё отборные,
Тридцать тысяч полков без единого;
У меня ли оружие бранное,
Самопалы, пищали заморские;
У меня ли подвалы глубокие,
Пытки страшные, казни позорные!
Погоди-посиди, ненаглядный мой,
Я как раз это дельце обделаю, —
Заживем мы с тобою по-старому».
И пошла на расправу жестокою
Разноглазая Кривда проклятая.
Недоумок царек приосанился,
Подобрал свою шапочку царскую,
Зычным голосом молвил на радостях:
«Не страшна ты мне, Правда великая!»

Ополчалася Кривда проклятая,
Собирала всю силушку темную,
Созывала войска всё отборные,
Тридцать тысяч полков без единого,
За тридцатым сама становилася;
Нападала на Правду, да с хитростью:
В чистом поле капканы ей ставила;
Полонила-взяла Правду-матушку,
Изловила святую арканами,
Всю опутала цепью железною,
Кандалы надевала тяжелые,
Запирала в подвалы глубокие,
В погреба ли, в застеночки крепкие,
Отдавала на муки великие
Палачам-молодцам в поругание:
«Чтоб не видела ты свету божьего,
Чтоб вовеки у нас в Ахреяновке
Не слышать было духу постылого,

Того духу святого, правдивого!
А дружину твою, голь кабацкую,
Мы искрошим-зарубим без жалости.
А кого не побьем, так в полон возьмем,
Запытаем-замучаем дó смерти!»

Ну и диво тут, братцы, случилось!
Во подвалах во темных, глубоких
Правда-матушка все-таки светится
Ярче летнего солнышка красного,
Ярче светлого месяца нового,
Ярче молнии в ноченьку бурную,—
Палачам-молодцам не убить ее.
Голос вещей в застенке гудит-гремит
Громче страшного грома небесного:
«Стой, дружинушка храбрая, верная!
Стойте, братцы, за Правду, за Истину!»
И стоит удалая дружинушка,
Вся рядами стоит неразрывными
Под святыми знаменами светлыми;
Напролом идет грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи;
Бьют ее, а она прибавляется,
Разрастается грозною тучею.
Осерчала тут Кривда проклятая,
Возвращалась домой к полюбовнику
Ахреяну, царю-недоумочку,
Говорила ему таковы слова:
«Ох ты гой еси, царь-недоумочек,
Неразумный ты мой полюбовничек!
Знать, сильнее нас Правда постылая!

Мне не справиться с голью кабацкою;
Бьешь ее, а она прибавляется,
Разрастается грозною тучею,
До тебя, до царя, добирается!
Надевай-ка ты шубоньку царскую,
Надевай сапоги скороходные,
Снаряжайся-ка в путь, во дороженьку —
Во далекий путь, в царство небесное.
Сбегай — господу богу пожалуйся
На неверный народ ахреяновский,
На великую Правду постылую;
Захвати с собой свечку семи пудов,

Ставь к престолу его ко пресветлому;
Ведь недаром ты божий помазанник!
Пусть пошлет он нам силы небесные,
За тебя, за царя, пусть заступится,
За твое за величество царское,
Заживем мы с тобою по-старому!»

Испугался царек-недоумочек,
Снаряжался в дорогу живой рукой,
Надевал сапоги скороходные,
Брал тяжелую свечку семи пудов,
Шел во светлое царство небесное
С челобитьецем, слезною жалобой
На неверный народ ахреяновский.

3

Мало ль, долго ли шел он, ребятушки,
Шел всё по небу, словно по лесенке,
Со звезды на звезду перешагивал,
Белы облачки вскок перепрыгивал,
И взобрался-таки до седьмых небес,
До пресветлых врат царства небесного;
Глядь-поглядь, ан калитка затворена,
Петр-апостол с ключом на часах стоит.
Ахреян-царь апостолу кланялся,
Ожидал себе пропуску скорого.

Петр-апостол вскричал грозным голосом:
«Человече! Откуда пожаловал?
По какому ты виду здесь шляешься?
Здесь у нас, в небесах, ноне строгости:
Выпускаем, впускаем с оглядкой, —
Не сбежали б без спросу угоднички,
Не зашли бы сюда беспашпортные.
Покажи-кась свой вид — не фальшивый ли?
На тебе, вишь, одежда-то царская,
А по роже видать, что холоп-прохвост!»

Ахреян на ту речь обижается,
Гладит с гордостью бороду царскую,
Отвечает апостолу с дерзостью:
«Аль ослеп ты, Петруша, на старости, —
У царя вздумал пашпорта спрашивать?»

Не признал, что ль, знакомого сослепу —
Ахреяна, царя православного?
Али свеч тебе мало мы ставили?
Мало риз золоченых поделали?
Аль не пели молебнов с акафистом?
Не чадили, что ль, в нос тебе ладаном?
Аль ты, старый, не знаешь, не ведаешь,
Что и все мы, цари, богом данные,
Спокон веку веков — беспашпортные?»

Осерчал Петр-апостол, разгневался,
Начинает ротиться-клятися:
«В очию, смерд-прохвост, завираешься!
Знать не знаю тебя и не ведаю,—
Отродясь ваших свеч я не видывал,
Отродясь и молебнов не слыхивал,
Золоченых ризок не нашивал!..
Ох ты гой еси, стража небесная,—
Все святые архангелы-ангелы!
Эй! Хватайте бродягу-охальника,
Самозванца-царя беспашпортного!
Закрутите ему белы рученьки
Да стащите к Михайле в участочек,
Пусть-ка ввергнет его в тьму кромешную,
В ту геенну-кутузку вонючую!»

Налетали архангелы-ангелы,
Ахреяна-царя брали за́ руки,
Прикрутили веревками накрепко;
Брали царскую шубку за шиворот,
Повели Ахреяна в участочек,
К самому ли Михайле-архангелу.

Им навстречу во образе странника
Чудотворец Микола-угодник шел.
Увидал он царя, да и сжалился
Над бедою его неминучею,
Над людскими слезами горячими,
Над мученьем души человеческой;
Вопрошал Ахреяна он ласково:
«Человече! Почто тебя мучают?
За какие грехи твои тяжкие
Волокут во геенну вонючую?»

Падал царь Ахреян на коленочки,
Слезно плакал, молился угоднику:
«Ох ты гой еси, божий угодничек,
Милосердный святитель Микола-свет!
Аль и ты не признаешь знакомого,
Своего ли молельщика верного,
Ахреяна, царя православного?
Али свеч тебе мало я ставливал?
Мало риз надарил золоченых?
Аль ленились попы толстопузые —
Не певали молебнов-акафистов?
Не кадили тебе божьим ладаном?..
Заступись за меня, горемычного,
Повели развязать руки белые,
Проведи меня к господу в светлый рай!..»
Отвечает угодник с усмешкою:
«Хоть не знаю тебя и не ведаю,
Хоть молебнов поповских не слыхивал
И не нюхивал вашего ладану,—
Всё ж тебя, Ахреян, я помилую,
Из беды неминучей повырuchu,
Провожу тебя к господу в светлый рай.
Ох ты гой еси, стража небесная,
Отдавай-ка царя на поруки мне!»

Разлетелась тут стража небесная,
Ахреяна с Миколой оставила.
Вопрошал Ахреяна угодничек,
Сам развязывал рученьки белые:
«Ты зачем же к нам, милый, пожаловал?»
Отвечал Ахреян, низко кланяясь:
«Я пришел, вишь ты, к господу с жалобой
На неверный народ ахреяновский,
Захватил с собой свечку семи пудов
Ко престолу его ко пресветлому...»

Вопрошает Микола-угодничек:
«Да тебе, слышь, которого надобно?
Ведь уж наши давно разделились,
На три дома живут, и скотинушку —
Вопиющу, поющу, взывающу,—
И людишек — скотину глаголющу —
Поделили, родимые, поровну...
Бог-отец-то, старик,— не у дел теперь;

Знай себе день-деньской на перинушке
Чистых облачков белых нежится
Да у солнышка красного греется...
Что ж, к нему што ль, вести тебя, миленький?»

Призадумался царь-недоумочек,
Долго в царском затылке почесывал:
«Уж веди по порядку ко всем троим...
Кабы, дядя, знатье мне да веданье,
Захватил бы три свечки семи пудов;
Набрехала мне Кривда проклятая,
Чтоб я к троице шел с одной свечкою.
Вот теперь мне как будто и совестно...»
Отвечает Никола-угодничек:
«Им такого дерьма и не надобно!»

4
Не хоромы стоят, не высокие,
Златом-серебром все изукрашены,—
Твердь небесная синяя высится,
Изукрашена частыми звездами;
Во святом-то углу не лампадка —
Светел-месяц серебряный теплится,
Да не печка в другом углу топится —
Красно солнышко жарко растоплено;
На печи-то лежит не перинушка,
Не высокая пуху лебяжьего,—
Лежат чистые, белые облачки,
А на облачках чистых, на белых
Сам господь Саваоф держит свой престол.
Падал царь Ахреян на коленочки,
Не стерпел того света великого;
От несносного страху от божьего
Задрожали поджилочки царские;
Молча клал он свечу воску ярого,
Дорогую свечу-то семи пудов,
Ко подножью престола пресветлого...
Глядь — от солнца свеча растопилася
И чадит на всё царство небесное.

Пробуждался господь, беспокоился:
«Эй! Какой тут дурак неотесанный
Начадил-навонял на всю горницу!

Али нонче на небе блины пекут?»
Отвечает Микола-угодничек:
«Не блины пекут, господь-батюшка,
А пришел человек с челобитною;
Приносил он тебе, не прогневайся,
Дорогую свечу воску ярого,
Да на солнце свеча растопилася,—
Вишь, чадит на всё царство небесное!»
Усмехнулся господь, молвил ласково:
«Ну, чего ж ему, глупому, надобно?»
В бок толкнул Ахреяна угодничек:
«Говори же, зачем пришел, сказывай!»
Ахреян за Миколу хоронится,
Взговорил,— сам дрожит, как осинов лист:
«Ох ты гой еси, отче наш, батюшка!
Грозный царь всех царей и господь всех
господ!

К тебе, господу-богу, я с жалобой
На неверный народ ахреяновский;
Заступись за меня, за избранника,
Ахреяна — царя православного,
За мое за величество царское!
Дай победу ты мне, одоление
На великую Правду постылую,
Накажи супостатов-крамольников!
Ведь недаром же я твой помазанник!»

Не по нраву пришлось слово царское
Саваофу-творцу, вседержителю;
Распалился господь гневом праведным,
Из очей его молнии сыплются,
Молвит слово — гроза разыграется,
Топнет ножкой — весь мир содрогается:
«Ах ты подлый червяк, ядовитый гад,
Вошь ползучая, мразь кровожадная!
В очию ты, червяк, завираешься!
Не избранник ты мой, не помазанник!
Отродясь твоей глупой головушки
Я святым своим миром не мазывал!

Было время, царек, было старое,
Наказал я народ свой Израилев
За его ослушанье великое
Самуилу-пророку премудрому

И за все прегрешения прежние
Избирал пастушонка ослиного,
Ставил на́ смех царем над Израилем,
Чтоб казнились людишки безмозглые,
Не просили б царей себе — идолов!

Вот с тех пор и пошла ложь великая:
Брешут ваши попы толстопузые,
Будто я всех вас, дурни, помазывал!
Да я знать вас не знаю, не ведаю,
Кровопийцы, отродие Каина,
Палачи, душегубы, грабители!
Вас помазала подлость холопская,
Загребущая лапа поповская!
Да уж скоро вам, сволочь, конец придет!»

В бок толкнул Ахреяна угодничек:
«Ну, пойдем, пока цел, Ахреянович!
Видишь, дело твое здесь не выгорит!»

И повел он царя в вертоград Христов...

5

У Христа, спаса нашего, батюшки,
Во его вертограде зеленым
Ликование шло, радость веляя:
Принимает Христос дорогих гостей,
Дорогих ли гостей, души праведных,
Разноглазою Кривдой замученных.
Принимает Христос, обнимает их,
Раздает им венцы светозарные,
Говорит им господь таковы слова:
«Ох вы гой еси, воины храбрые!
Честь и слава вам всем, память вечная
Да Христово спасибо великое!
Постояли вы грудью могучею,
Теплой крови своей не жалеючи,
За моих обездоленных детушек,
За мою ли за братию меньшую,
Да за матушку Правду, за Истину!»

Как тут входит Микола-угодничек,
Ахреяна-царя ведет за́ руку.

Падал царь Ахреян на коленочки,
Не стерпел того света великого;
От несносного страху от божьего
Задрожали поджилочки царские —
Ни словечка не смеет он вымолвить...

Оглянулся Христос, милосердный Спас,
Увидал он Миколу-угодничка,
Усмехнулся с великою ласкою;
А взглянул на царя да признал его —
Осерчал, милосердный, разгневался:
«Белены, што ль, объелся, Николушка,
В вертоград мой привел царя-Ирода,
Моей братии меньшей мучителя,
Моей Правды великой гонителя?
Уводи его, Ирода, с глаз долой!»

В бок толкнул Ахреяна Миколушка:
«Ну, пойдем, пока цел, Ахреянович!
Вишь, и здесь твое дело не выгорит...
Видно, дело твое, брат, неправое!..
Уж не знаю — вести ль тебя к третьему?..»

Вот подходят они ко святым вратам
Вертограда Христова небесного,
А навстречу идет богородица,
Сама матушка наша заступница,
Разливается-плачет сердешная.
Вопрошает угодник пречистую:
«Ох ты гой еси, свет наш, заступница!
Да почто ты слезами горячими
Отуманила очи пресветлые?..»
Отвечает ему богородица:
«Как не плакать, Миколушка-батюшка?
Ведь у нас, слышь, беда приключилася:
Святой дух-то, голубчик мой беленький,
На войну полетел на кровавую
В Ахреяновку ту бесталанную,
Заступаться за Правду, за Истину,
Постоять за нее грудью белою,
Теплой крови своей не жалеючи.
Разноглазая Кривда проклятая,
Ахреяна-царя полюбовница,
Нападала на господу с хитростью,

Изловила святого арканами,
Посадила во клеточку крепкую,
Что во тот ли острог белокаменный,—
Отдала палачам в поругание!
Вот иду выручать его, батюшку,
Буду сына просить, Христа-господа,—
Посылал бы все силы небесные
Скоро-наскоро в ту Ахреяновку...
Неровен час, ведь Кривда проклятая
С Ахреяном-царем, полюбовником,
Моего-то голубчика белого,
Духа-свята, ощиплют да слопают!»

«Так ты вот каков? А?» — и Микола-свят
Тут стерпеть не мог, распаялся сам:
Поглядел царю в очи бесстыжие,
Плюнул раз ему в бороду царскую,
Плюнул два, плюнул три — да и прочь
пошел...

Долго деется дело, ребятушки,
Да не скоро и сказка расскажется,
Нашей сказке еще не конец пришел...

А когда наша сказка покончится,
Слава!
Запоем, братцы, песню мы новую,
Слава!
Что веселую песню, свободную,
Слава!
Духу вечному Света и Истины
Слава!
Правде-матушке, нашей заступнице,
Слава!
Вольной воле, народу свободному
Слава!

(1883)

266. ДУБРОВИН НА ИСПОВЕДИ

*Dedié a Victor Hugo*¹

В тюрьме, пред казнию, удалый террорист
 Попу-духовнику в глаза глядел сурово,
 И на возглас его: «Покайся, нигилист!» —
 С усмешкой гордою такое молвил слово:

«Мне не в чем каяться! Свободе я служил
 Всегда как верный сын! И — умирая ныне —
 Истерзанный врагом, собрав остаток сил,
 Я ей одной молюсь, души моей святыне!

Уйдите, батюшка! Коль вы не лицемер,
 Стыдитесь здесь стоять с напутствием
бездушным!
 Смиренник ваш Христос мне гадок, как пример!
 Я не рожден рабом безгласным и послушным!

Я прожил век бойцом! И я умру таким,
 Смеясь в лицо врагу, проклятья посылая!
 Мечь, мечь кровавую, товарищам моим
 К царю, его семье и слугам завещая!

Так что ж вам надо здесь?» И поп, скорбя до слез
 О грешнике, ушел, вздыхая, молчаливый...
 Однако тотчас же о всем властям донес,
 Присовокупив, что «изверг — горделивый!».

1879 (?)

¹ Посвящено Виктору Гюго (фр.). — *Ред.*

П. Л. ЛАВРОВ

267. ТКАЧИ

⟨Из Г. Гейне⟩

Глаза их сухие, не блещут слезами;
Сидят у станка и скрежещут зубами:
«Германия, саван тебе мы соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем.
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятие богу, пред кем мы с мольбою
Склонялися в голод и холод зимою!
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Он нас обманул, одурачены мы.
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятье ему, королю всех счастливых!
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых;
Последний он грош отнимает у нас.
«Стрелять по собакам!» — он отдал приказ!
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятье тебе, о наш край лицемерный,
Где царствует стыд и позор беспримерный,
Где вмиг увядает цветок полевой,
Где кормится тленьем червяк гробовой!
Мы ткем, неустанно мы ткем!»

Челнок снует, станок гремит,
И день и ночь всё ткач сидит:
«Мы старой Германии саван соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем!
Мы ткем, неустанно мы ткем!»

⟨1883⟩

268. ВИДЕНИЯ

В сумраке прошлого, миром забытые,
 В полночь встают предо мной
 Тени замученных, кровью облитые,
 С тихой и скорбной мольбой:
 «Бросив могилы свои отдаленные
 В области вечного льда,
 Думой поэта к нему привлеченные,
 Все мы слетелись сюда.
 Много терпели мы злого мучения,
 Всё за родимый наш край,
 Вспомни хоть ты нас и в бездну забвения
 Нам погрузиться не дай.
 Братьям скажи нашу жертву великую,
 Подвиг любви роковой;
 Ненависть к злу, беспощадную, дикую,
 Грустною песнью воспой!
 Хоть на минуту те звуки печальные
 Новую жизнь в нас вдохнут,
 Снова на родину, милую, дальнюю,
 К братьям любимым вернут...»

Много их... Гордые жертвы страдания,
 Их не смилившей судьбы,
 Из-за могилы нам шлют завещание
 Непримируемой борьбы.
 Сестры прекрасные нам улыбаются,
 Дети лепечут привет,
 Все вереницею братской сплетаются...
 Много их... Счету им нет...

Все, что в пустыне ногами усталыми
 Тихо к могиле брели;
 Все, что служили крупницами малыми
 Делу родимой земли;
 Все, что любили любовью глубокою
 Русский несчастный народ;
 Все, что боролись со властью жестокою,
 Шли, не бледнея, вперед...

Братья любимые! Сестры мне милые!
Мне ли исполнить ваш зов?
Слово бессильное, слово постылое
Не разрывает оков.
Нет, оживят вас не песни печальные —
Жалких страдальцев удел —
Грянет в могилы к вам в стороны дальние
Гром совершившихся дел!

1882

269

Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...
Всю жизнь молчи, до смертного конца!
Ни песнь любви здесь не найдет ответа,
Ни стон не тронет мертвые сердца.
Зачем же я безжалостной судьбою
Один мечтою страстной возбужден,
Когда уста не могут крикнуть: «К бою!»,
Когда их стон темницей заглушен?
Мой голос не дойдет к друзьям далеким:
Враги друзей замучили твоих.
Молчи, поэт! Бесплодным, одиноким
Пускай замрет проклятый, жалкий стих!
Молчи, молчи, когда горячей кровью
Покрыты нивы родины твоей
И к твоему ночному изголовью
Доносит ветер звяканье цепей!
Молчи, поэт, когда с тобой из гроба
Знакомый голос тихо говорит!
<Пускай в груди растет в молчанье злоба!
Пускай о деле сердце всё твердит!>
Поэт — не раб. Позорному кумиру
Хвалебных песен он не пропоет —
Скорей свою беспомощную лиру
О первый камень с гневом разобьет.
Не станет он несчастному народу
Бросать цветы в суровую тюрьму:
Он меч возьмет и в битве за свободу
Исполнит долг, завещанный ему.
Да, горе тем, кто грязными руками
Потушит факел истины святой!

416

Придет их час, и тщетными слезами
Им не омыть след крови пролитой.
Судьба грозна, судьба неумолима!
Придет пора, пробудится народ,
И старый мир среди огня и дыма
В потоках крови в бездну упадет.

1882

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

270. ФЕДОРУШКА

«Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повесила?!»

— «Ох, отстань, родименький; отвяжись, невпорушка;
Без тебя тошнехонько,
Без тебя больнехонько,
Не мешай мне морщиться,
Не мешай мне корчиться!»

«Непригоже, матушка; не идет, сударушка;
Ты ведь дама важная,
Барыня вальяжная!»

— «Ох, была, родименький; ох, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Очень приятною,
Сытою, богатою,
К людям тороватою!»

«Знамо дело, матушка; ведомо, Федорушка;
Златом, серебром, поди,
У тебя хоть пруд пруди!»

— «Было всё, родименький; было всё, невпорушка,
Ныне же с натяжками
Я живу бумажками
Пестрыми, красивыми,
Зауряд фальшивыми.»

«Как же так, сударыня? Как же так, Федорушка?
Где ж твои рублевики,
Звонкие целковики?»

— «Вышли все, родименький; вышли все, невпорушка,
На бумаги новые,
В кабаки дешевые,
Немцам за границую,
Дома — на полицию».

«Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты, хоть не опаслива,
Встарь была запаслива».

— «Не найти, родименький; не сыскать, невпорушка,
В небе ясна сокола;
Обнищала догола,
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася!»

«Дело дрянь, сударыня; дело дрянь, Федорушка!
Что об нас поведают,
Коль соседи сведают?»

— «Сведали, родименький; сведали, невпорушка;
Плачут все от радости,
Делают мне гадости;
Плюют да ругаются,
Вздуть меня собираются».

«Ты сама бы, матушка; ты б сама, Федорушка,
Помянув родителей,
В морду бы хулителей!»

— «Не молчу, родименький; не молчу, невпорушка;
Я и обижаюсь;
Плюнут — утираюсь
И прошу прощения
За свое смирение».

«Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсем, Федорушка!
Надо бы, красавица,
Нам с тобой поправиться!»

— «Поправляюсь, родненький; действую, невпорушка.
Отдаю юстицию
Под надзор в полицию;
Обрываю армию,
Завожу жандармию!»

«На кого же, матушка, на кого ж, Федорушка,
Рать тебе татарская,
Силища жандармская?»

— «На себя, родименький; на себя, неповоруха,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтоб не ныла жалобой,
Чтоб „ура!“ кричала бы!»

Конец 1860-х годов (?)

Е. И. МИНАКОВ

271. ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Прощай, несчастный мой народ!
Прощайте, добрые друзья!
Мой час настал, палач уж ждет,
Уже колышется петля...
Умру спокойно, твердо я,
С горячей верою в груди,
Что жизни светлая заря
Блеснет народу впереди...
И если прежде не вполне
Тебе на пользу я служил —
Прости, народ, теперь ты мне:
Тебя я искренно любил.
Прости, прости!.. Петля уж жмет,
В глазах темно, хладеет кровь...
Ура! Да здравствует народ,
Свобода, разум и любовь!!.

Конец 1878 — начало 1879

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

272—278. ИЗ ПЕСЕН О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ

Я пою для тех, чьи души юны,
Думой скорбной чье чело объято.
Музой был мне — сумрак каземата;
Цепь с веревкой — лиры были струны.

Вам — заботы об искусстве строгом,
Вам, певцы любви и ликованья!
Я пою великие страданья
Поколенья, проклятого богом...

Июль 1884

2

СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД

(Посвящается С. К — рн — ому)

Говорят, этот город красивый —
Город, проклятый богом самим!
С вечным гостем — туманом седым
Над равниной реки горделивой,
Обнесенной гранитной стеной,
С пышным рядом дворцов величавых,
С цепью дел вопиющих, кровавых,
Он — тюрьма, он — мертвец ледяной!

Но любовью болезненно-страстной
Я люблю этот город несчастный.
Широта бесконечных лугов,
Дикий сумрак гигантов-лесов,
Тихо спящих над сонной рекою,
Милый Север с его красотой,
Одичалой и гордой, — он весь,
Край родной, отражается здесь.

Тут без роз и без песен весна;
В белый саван наряжены ночи,
И от страха не светит луна...
Тяжелеют усталые очи,
Но сомкнуться не могут для сна —
С диким ужасом вдаль напрягаясь,
Где таинственно, странно сплетаясь,
Тени мрачные движутся... стон
Тихий чудится... Бред или сон?

А январские темные ночи
Над закованной в цепи Невой,
Когда яркие звездные очи
Смотрят в душу с тоскою немой...

И за ними приходит без шума
Безотчетная скорбная дума...
А поодаль роскошный чертог,
Где пирует земной полубог,
Словно спорит в сиянии с ними,
Весь облитый огнями земными...
Эти ночи нельзя не любить!
Или день, ослепляющий блеском!
Иль толпы бесконечную нить,
Когда с странно рокошущим плеском,
Как в реке за волною волна,
Проплывает куда-то она!..

Даже грозно-немые твердыни,
Где во имя великой святыни
Столько мук, страшных мук без конца
Горделиво, без слез принималось,
Столько сил молодых разбивалось,
В темноте гробовой задышалось,
Не прося и в грядущем венца,—
Даже эту глухую твердыню,
О друзья, я люблю... как святыню...

В этих каменных глыбах — и он,
Лучший друг моей юности бедной,
Был свирепым врагом погребен.
Часто, слабый, беспомощный, бледный,
Он мерещился мне средь ночей,
Когда сон убегал от очей.
И, бессильною злобой сгорая,
В лютой горести руки ломая,
Порывался я в битву с врагом,
Весь был — молния, ярость и гром!..
Мимо грозной темницы не раз
Проходил я в полуночный час
С горькой думой: «О брат дорогой!
Отчего в виде жертвы святой
Выбран ты, а не я, не другой?»

Там и ты, наш учитель-избранник.
С гордо поднятым, ясным челом,
С смелым взором и с речью-огнем,
Ты пришел к нам как божий посланник.
К нашим язвам сердечным приник,

Колебанья и муки постиг —
И из наших сердец наболевших,
Силой слов, убеждением горевших,
Вырвал гордой решимости крик!..
Будто шумный порыв огневого
Урагана на нас налетел
И на крыльях безумья святого
Унести в беспредельность хотел...
Но пророки побиты камнями!
Метеором блеснул ты над нами:
В блеске сил огневых, в цвете лет,
В недрах каменных страшного гроба
Погребла тебя дикая злоба
Мертвецов, ненавидящих свет!..

Вот за что так болезненно-страстно
Я люблю этот город несчастный,
Это кладбище стольких друзей,
Стольких гордых и славных мужей,
Колыбель нашей русской свободы,
Где во имя ее прозвучал
Первый гром, призывая народы
На борьбу за святой идеал!..
Я люблю этот омут, где дышишь
Одуряющим запахом ран
И клокочущий грозно вулкан
Под ногами усталыми слышишь,
Где так жадно бороться спешишь,
Жить и действовать... Дерзко усилия
Напрягаешь, пьянеешь — и, крылья
За спиной ощущая, летишь
На простор необъятный и дикий...
Как колодник оковы свои,
Я люблю этот город великий,
В неповинной омытый крови!

Часто, вихрем борьбы бесконечной
Обессиленный, с болью сердечной,
Со стыдом, без оглядки бежишь
В ту далекую ясную тишь,
Где волшебною сделаться сказкой
Могут лютые муки твои;

Где живет бесконечною лаской
Мать-природа, царица любви;
Где забыть, хоть на время, возможно,
Как порою борьба безнадежна...

Что ж? Остыть не успеет туман
Опьянения — горячий, кровавый,
Как опять он встает, великан
Роковой, в красоте величавой.
Грустный, скорбный, зовет он к себе
Днем и ночью: в великой борьбе
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зовет и любовью!
Он зовет... Начинаешь пьянеть,
Жаждешь боя и подвигов шумных...
Дико мечешься в корчах безумных...
Он зовет — победить иль сгореть...

Август 1883

3

О, подлое, чудовищное время
С кровавыми глазами, с алчным ртом!
Година ужаса!.. Кто проклял наше племя,
Кто осудил его безжалостным судом?..
Пришли мы в мир с горячею любовью
К униженным, к обиженным, ко всем,
Кто под крестом борьбы, сам истекая кровью,
На вопль собратьев не был глух и нем;
Пришли мы в мир с решимостью великой —
Мир погибающий от гибели спасти,
От бойни вековой, бесчеловечной, дикой...
И что ж?.. — Нас рáспяли, предав на полпути!..
Жизнь умерла. Кто скрылся в катакомбы,
Кто пал в борьбе... Чудовищам-богам,
Что день, приносятся живые гекатомбы
И курится кровавый фимиам...
Ликут псы, и торжествуют шумно
Жильцы хлевов своей победы час...
И рвется стон из сердца, стон безумный:
«Кто проклял нас? Кто проклял нас?..»

Ноябрь 1882

УПРЕКИ

Je suis — la plaie et le couteau!
 Je suis — le soufflet et la joue!
 Je suis — les membres et la roue,
 Et la victime et le bourreau!

*Ch. Baudelaire*¹

Ах! без жизни проносится жизнь вся моя!..
 Поглощаемый жизненной тиною,
 Я борюсь день и ночь,— сам себе я судья,
 И тюрьма, и палач с гильотиною!
 И ужасная мысль наяву и во сне
 Не дает мне покоя желанного:
 Вижу в поле широком уснувших бойцов
 После дела великого бранного.
 Неподвижно и тихо над ними стоит
 Ночь, ушедшая в даль беспредельную;
 Месяц в небе плывет... Дикий ужас разлил
 По лицу его бледность смертельную...
 С головами разбитыми, к небу лицом,
 Посиневшими, кровью облитыми,
 Безмятежно, как дети, лежат мертвецы,
 Все с глазами недвижно раскрытыми.
 Словно призрак немой, точно бледная тень,
 Обхожу я поляны ужасные
 И считаю, не знаю зачем, мертвецов
 И гляжу на их лица бесстрастные...
 О! всё милые лица... всё братья, друзья...
 Всё черты дорогие и близкие...
 Все отважно погибли, как следует пасть
 Тем, в ком жили не помыслы низкие,
 А одна неподкупная, светлая страсть
 И одно лишь желанье великое,
 Чтобы свету любви и свободы святой
 Уступило бесправие дикое!

¹ Я одновременно и рана и нож,
 Пощечина и щека,
 Тело и колесо,
 Жертва и палач!

Ш. Бодлер (фр.). — Ред.

Точно бледная тень, точно призрак немой,
Прохожу я поляны унылые...
О, рыдай, моя песня! Всё братья, друзья,
Всё черты дорогие и милые...
Обезумев от горя, припасть я хочу
С диким воплем на грудь их холодную,
Чтоб поведать им лютую злобу мою,
И любовь, и тоску безысходную,
Громко, громко рыдать!.. Охладевшая грудь,
Может быть, еще раз задрожала бы,
И смягчили бы гнев беспощадной судьбы
Мои громкие стоны и жалобы!..
И, склонившись, хочу я страдальцев обнять...

Вдруг... о ужас! Их лица бесстрастные
Потемнели как ночь; на недвижных устах
Зазмеились усмешки ужасные;
И, объятому трепетом, чудится мне
Тихий ропот, упреки суровые...

«Где ты был, когда в битве с могучим врагом
Нас глушили удары громовые?
Отчего не лежит твой истерзанный труп
Рядом с нами, погибшими братьями?
Ты, как тать, как гиена, во мраке ночном
К нам приходишь с своими объятьями...
Что нам в злобе твоей, хоть и нет ей конца,
Что тоска нам твоя безысходная?
Песни скорбные громко умеешь ты петь,
Но страшна тебе смерть благородная!
Уходи, уходи! Нам противны, смешны
Оправданья пустые, позорные:
Где ты был, когда битва стонала кругом,
Длились схватки безумно упорные?..
О, уйди же! Уйди — наших снов не тревожь!»

И помчался я в даль беспредельную...
Месяц сумрачный плыл — дикий ужас разлил
По лицу его бледность смертельную.
Руки горько ломая, я в небо глядел,
Словно тотчас же, зову послушное,
Усыпит оно скорбь мою — лютую скорбь.
Но синело оно — равнодушное,

Равнодушно взирая на правду, на ложь,
И на всё, что под бурей клонится,
И на всё, что ликует, царит и гнетет —
Ни мольбой, ни проклятьем не тронется!..
Я бежал, словно гнался невидимый враг
По пятам моим мертвой поляною;
Брань и крики его, как наточенный нож,
Наносили мне рану за раню.

И напрасно пощады молил я себе!..

Октябрь 1879

5

МАТЕРИ

Не плачь, о мать моя! и сына не кори!
Не горе дом твой посетило.
С тоской и горечью врагам не говори,
Что сына ты похоронила.

Но ты скажи, что духом он восстал
Из ненавистой ночи гроба,
Когда уверовал и истину познал,
И что ему смешна их злоба!

Что много нас... что пасть иль победить
Идем мы, не страшась гоненья,
Что мы идем, свободные, купить
Борьбы за волю наслажденье!..

О мать моя! Ты можешь ли понять
Слова мои, стремленья гражданина?
Иль, умирая, будешь повторять,
Что раньше схоронила сына?..

1884

6

Друзья! в тяжелый миг сомненья
Взгляните пристальней назад:
Какие бледные виденья
Оттуда с ужасом глядят,

И молят, и как будто плачут,
Грозят кистями рук худых...
Что их мольбы немые значат
И отчего так стыдно их?

То — наши братья. Жизни годы,
И мысли жар, и сердца кровь —
Всё сжечь на алтаре свободы
Им повелела мать-любовь!
Они погибли, веря страстно,
Что мы пойдем по их стопам
И не дадим пропасть напрасно
Их жертвам, ранам и скорбям!...

Когда в постыдный миг паденья
Они восстанут пред тобой,
Тогда, краснея от смущенья,
Ты вновь пробудишься душой!
Святые слезы покаянья
Подступят к горлу, и опять
Встают забытые желанья —
Идти на крестные страданья,
Вести на бой за ратью рать!

1883

7

«Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мрак глубок, не видно маяка...
Шевелятся на душе проклятья,
Замерла усталая рука...
Нет ни сил, ни бодрости, ни воли...
Бросим весла! Бесполезен руль!
Что ни день — всё нестерпимей боли,
Муки сердца, а в итоге — нуль!...»

Так в борьбе, могучие любовью,
Сколько раз стонали мы... И вновь
В пылком сердце, истекавшем кровью,
Воскресали силы и любовь!
Сколько раз мы опускали руки,
Сколько раз бросали буйный спор —
И опять с отвагой шли на муки,
На борьбу, на крест и на позор!..

Поднимали снова правды знамя,
И на нем писали те слова,
От которых ярче в сердце пламя,
Даль светлей и выше голова!..

1882

Б. Д. ОРЖИХ

279. ПЕСНЯ БЕДНЯКОВ

Наша доля слезами полита,
Острым камнем дорога убита...

Отдохнуть не приходится нам,
Жизни горькой бессильным рабам!

Подточил силы крепкие голод,
Истомил нас безжалостный холод,

И лохмотьев убогий наряд
Возмущает случайный ваш взгляд.

Лица бледные наши в молчанье
Говорят о тяжелом страданье...

Нас нужда оковала кругом,
И со стоном мы песню поем.

Пусть несутся же наши проклятья
К вам, счастливые в роскоши братья!

Глухи вы остаетесь к добру,
Вы забыли о нас на пиру.

Не смотрите на нас с состраданьем:
Украшать себя лестно названьем

Друга бедных, несчастных людей;
Но горды мы в невзгоде своей.

Не издали бы стопа глухого,
Не прорвалось бы страшного слова, —

Мучит нас плач голодных детей,
Душу рвет горький вопль матерей.

Пусть среди ликованья довольных,
Среди смеха и шуток застольных

Побледнеть вас заставит наш стон,
Как внезапная песнь похорон.

Пусть вино ваше в кровь превратится,
Пусть рассудок у вас помутится!

Вы живете несчастьем других —
Обездоленных братьев нагих!!

(1886)

280. ДРУЖНЕЙ

Сдвинемся тесною, дружной семьей,
С новыми силами выступим в бой,
Вздохами горькими зла не убить, —
Делом докажем, что можем любить!
Стонущим, плачущим — братский привет,
Злому, коварному — злобой ответ,
Братьям страдающим — гимн неземной,
Полный любви безграничной, святой!

Буря несетя со стоном глухим,
Гордо навстречу мы ей поспешим!
Плакать и прятаться — робких удел,
Верящий, любящий явится смел:
Грудью могучей закроет других,
Робко желающих дней дорогих;
С гордым сознанием силы умрет,
Веря, что солнце свободы взойдет!

Сдвинемся тесною, дружной семьей,
Выйдем навстречу грозе роковой!
Тучи рассеются, солнце блеснет,
Мир истомленный лучами зальет,

Скажется сила любви и добра;
Чудная, братья, настанет пора!
Будем работать для будущих дней,
Будем бороться за счастье людей!

⟨1886⟩

281. ТИХИЕ ЗВУКИ

Люди великие, жертвы гонения,
Жертвы за дело любви!
Жизнь вы отдали свою без сомнения,
В жаркой омылись крови.

Теней страдальческих губы бескровные
Шепчут великий завет,
Шепчут святые слова, безгреховные,
Юному чувству в ответ:

«Шествуй дорогою узкой, тернистою,
Думать забудь о себе;
Радостью гордою, радостью чистою
Сердце забьется в борьбе.

С каждым дыханием шли ты проклятия
Царству неправды и зла;
Теплые всем угнетенным объятия
Дай, чтобы вера росла.

Вырастет сила могучая, страстная,
Зло перед ней упадет;
Мстителям явится горе безгласное,
Солнце свободы взойдет!

Труд утомительный, мозг иссушающий,
В дело святое вложи;
Жаркой борьбою, сомненья не знающей,
Веру, любовь докажи!

Зданья великого — счастья народного
Камнем незыблемым стань!
Силу горячую сердца свободного
Вынеси мощно на брань!»

⟨1886⟩

Ты боролся с неправдой и злом,
Храма света показывал своды;
Горделивым и мощным умом
Вел к познанию любви и свободы.
Средь насилья, обмана и тьмы
Страстный голос твой громко раздался
И ни разу пред мраком тюрьмы
С боязливою дрожью не знался.
И, боясь расцветающих сил,
Сил, направленных к славному делу,
Враг с нахальной улыбкой зарыл
Их в рудник, жизнь оставивши телу
Для тяжелой работы в цепях,
Для беззвучного чувств угасанья,
Чтоб прочесть на лице твоём страх...
Вынес славно ты все поруганья!
Знай, страдалец, что честный твой зов
Не был звуком, замёршим в пустыне!
Много честных, прозревших умов
Принесли свою жертву святыне,
Той святыне, которой служил
Ты не долго, но так безупречно,
Что во всяком, кто стыд не убил,
Будет жить имя славное вечно.
Горек жребий твой, славный боец,
Жребий, созданный зверской рукою
Для учителя чистых сердец,
Зажигавшего светоч над тьмою!
Но великое имя живет,
И предаться не может забвенью
Тот, кто шел без боязни вперед,
Повинуясь правды влеченью!

(1886)

283. ДВА ПУТИ

Не водил я разбой по дороге большой,
Темной ночью чужих я клетей не ломал,
За родимый мой край, за народ мой родной
Я свой век загубил и в неволю попал.

Коль пошел бы я торным путем,
Мог бы почесть людскую и славу добыть,
И как полную чашу устроить свой дом,
И бессчетной казною кошель свой набить.

Но твердило всегда, не давая вздохнуть,
Ретивое не то в молодецкой груди:
«Ты оставь тот широкий, расчищенный путь,
Ты дорогой просторною той не ходи!

Этот путь проторен для князей-богачей,
Там лишь ездит боярин на борзых конях,
Развалясь на подушках в коляске своей,
Но не слышен там робкий убогого шаг.

Есть другой. Над обрывами тянется он,
Чрез ущелья, чрез скалы крутые лежит,
И не тесаным камнем — костями он мощен,
И не частым дождем, а слезами полит.

Там голодный и нищий бредут кое-как,
Там сироты и вдовы плетутся шажком.
Этот путь проторил горемычный бедняк,
Ты иди этим узким и трудным путем!

Кто споткнется, оступится, скатится вниз,
Кто устанет, умается — всем помогай,
И с лопатой в руке за работу берись,
И овраги и горы с землю ровняй!»

И решил я горной тропею идти,
Беспокойного сердца подслушав порыв.
Но, к несчастью, споткнувшись на трудном пути,
Я скатился в глубокий, бездонный обрыв.

Не беда! Коли путь тот по скалам крутым
Не пришлось пролагать нам с лопатой в руках,
Всё ж мы будем полезны паденьем самим
И телами завалим широкий овраг!

(1886)

284. МАТЕРИ

Долги вы, зимние ночи бессонные!
Медленно, медленно время идет,
И перед очи мои утомленные
Твой исстрадавшийся образ встает.

В час этот поздний сидишь ты, угрюмая,
Так же, как я, ты не можешь уснуть,
Думу о сыне страдающем думая,
Голову низко склонила на грудь.

Свисли беспомощно руки усталые,
Полон отчаянья тусклый твой взгляд,
Молча на щеки твои исхудалые
Крупные слезы катятся, как град.

Бедная! Будешь ты жизнь всю печалиться
Будешь не спать бесконечных ночей.
Словно как зерна из колоса валяются,
Тихие слезы ронять из очей.

Полная мыслью о сыне заветною,
Будешь ты век неутешно страдать;
Сердце лаская надеждою тщетною,
Будешь обратно его поджидать.

Но в неприютные степи далекие
Сына забросил безжалостный враг,
Там, под снегами, в могилу глубокую
Будет навеки зарыт его прах.

И ожиданья печали бесплодные
Бедное сердце твое надорвут.
Так же, как сына, в могилу холодную
Руки чужие тебя отнесут.

(1886)

285. ПРОКЛЯТОЕ КЛАДБИЩЕ

У края столицы широкой,
За шумной чертой городской,
Кладбище стоит одиноко,
Вдали от тревоги людской.

В стенах его мрачно-унылых
Не видно ни плит, ни крестов,
И только стоят на могилах
Ряды захиревших кустов.

Оплакивать милые кости
Родные не ходят сюда,
И к другу уснувшему в гости
Друзья не зайдут никогда.

Лишь ветер осенний вздымает
Поблекшие листья горой
Да шумно метель завывает
Холодную зимней порой.

И только что полночь настанет,
Торжественный час мертвецов,
Ужасные призраки встанут
Из темных, холодных гробов.

На шее худой и бессильной
Обрывок веревки висит,
И черной землю могильной
Их саван истлевший покрыт.

Не сгладился с лиц исхудалых
Предсмертной агонии след,
И только во взорах их впалых
Сияет таинственный свет.

И, мрачные кинув жилища,
Свой тесный посмертный приют,
Они на средину кладбища
Размеренным шагом идут.

И там, на прогалине, тесно
Усевшись замкнутым кружком,
Заводят печальную песню
В угрюмом безмолвье ночном:

«Всю жизнь за народное дело
Борьбу мы без страха вели
И пали спокойно и смело
За благо родимой земли.

Не знали мы радостей жизни,
Не знали объятий любви,
И отдали в жертву отчизне
Мы лучшие годы свои.

И даже наш недруг свирепый,
Пылающий злобой слепой,
Преследует местью нелепой
Наш смертный, последний покой.

Мы шлем вам обет нерушимый,
О братьев живущая рать,
Как прежде, за край наш родимый
Бесстрашно борьбу продолжать.

Как прежде, рукою могучей
Врагов кровожадных разить
И гибелью злой, неминучей
С лихвою за нас заплатить!»

И звуки той песни согласной
Несутся сквозь сумрак ночной
Торжественно, звонко и ясно
Над спящей спокойно землей.

(1886)

286. НА КОРОНАЦИЮ

Гудят, гремят все сорок сороков,
Пестреют флаги в небе голубом,
И с гулом радостных колоколов
Сливается могучий пушек звон.

На улицах толпа кишмя кишит,
И стоголосый рев над ней стоит.
Шумнее он, чем ропот волн морских,
Когда прилив на берег гонит их.

Сегодня празднует рабочий люд,
И прекращен обычный тяжкий труд.
Сюда с утра собрался весь народ,
Стоит шумя, нетерпеливо ждет.

Чего ж он ждет? Иль в небе занялась
Народной Воли наконец заря?
Нет, это Русь, ликуя, собралась
Венчать на царство нового царя.

Как зверь в норе, он в Гатчине сидел,
Два года носа высунуть не смел,
И, из берлоги выйдя наконец,
Идет надеть отцовский свой венец.

Но вот умолк народный шум и гам,
Штыков живой раздвинулся забор,
И каждый вдаль направил жадный взор:
Блестящий поезд показался там.

И вот толпа увидела царя.
И грянуло из края в край «ура»,
И долго, долго бурною волной
Могучий клич катился над толпой.

Толпа безумная! Она глядит
На внешность лишь. Ей блеск глаза слепит
Хотя пред ней сверкает мишура,
Она кричит бессмысленно «ура».

Когда ж пора желанная придет,
Как различать научится народ
Своих врагов и им рукоплескать
Не станет он и в грязь друзей топтать?

Но царский поезд уж взошел в собор.
Молиться стал митрополитов ряд,
Святую песнь запел уж певчих хор,
И начался торжественный обряд.

Но отчего же, русский царь, ты бледен?
Могучий деспот, отчего дрожишь ты?
Твоя рука сжимает конвульсивно
Тот роковой венец, что смерть отца
Тебе в лицо насмешливо швырнула.
Испуганно твой взор кругом блуждает,—
Что ищет он в толпе необозримой?
Взгляни — кругом стоят твои клеветы,
Ищейки верные — они готовы,
Лишь укажи — и ринутся по следу,
И выследят, и горло перервут!
Вон войско храброе стоит стеною.
Играет солнце на штыках бессчетных..
Махни рукой — и русскими костями
Они устелют горы Гималая,
Песок сыпучий знойного Турана
Иль запрудят рядами тел Дунай!
Лишь бровью двинь — и в битве с целым миром,
В борьбе кровавой с силами чужими
Они положат головы свои...
А вот толпа! Смотри — людское море:
Могучей волн морских людские волны,
И громче бури грозной рев толпы.
Чудовище, которое пожрало
Кумиров столько, им же вознесенных,
Она в глаза глядит тебе покорно,
С благоговеньем каждый звук твой ловит...
Лишь прикажи — и в миг с остервененьем
Пред ясными царевыми очами
Она врага на части разорвет.

Что ж медлишь ты? Дай знак им!.. Нет,
безумец!

Ни сила войск, ни гнев толпы свирепой,
Ни верные, усердные холопы
Спасти тебя от гибели не могут,
Твоих врагов не в силах одолеть.
С могучей силой мысли необъятной,
С блестящим светом веры благодатной,
С огнем любви неугасимо ярким
Затеял ты безумную борьбу!

Вздымает горы пламенная вера,
За облака проникла мысль людская,
Во всех сердцах, к добру и к правде чутких,
Зажгла любовь неугасимо пламя.
Так твоему расшатанному трону
Где ж устоять в борьбе против стихий?
Они глубоко в землю проникают,
Они собою воздух наполняют,
С собою их разносит летний ветер,
В своем дыханье ты вдыхаешь их.
Они везде — в тревожных сновиденьях,
В воспоминаньях совести преступной,
В улыбке нежной сыновей твоих.

Но близится к концу обряд священный,
И радостно, с глубоким облегченьем,
Как осужденный, коему внезапно
Дана пред самой плахою отсрочка,
Так ты спешишь отсюда под защиту
Надежных стен твоей берлоги мрачной.
Иди! Тебя от гибели жестокой
На этот раз избавила судьба.
Но знай, злодей, придет твой час последний!
Неумолимый, неизбежный, скоро
Он у тебя потребует отчета
Во всех делах, тобою совершенных!
И выступят из недр земли глубоких
Потоки слез горючих, реки крови,
Тобой пролитые, и захлебнешься
Ты в жгучих волнах их, палач жестокий!
Кипящего народного волкана
Зияющее жерло над тобою
Разверзнется и поглотит тебя!

⟨1886⟩

В. Г. БОГОРАЗ (?)

287. СОН

В ночной тиши, в безмолвье каземата
Метался я, рыдал и проклинал.
Была душа отчаяньем объята,
И в исступленье смерть я призывал.

Мучительно, тоскливо, без исхода...
Из уст моих невнятный рвался стон,
Терзавший грудь... Но сжалилась природа
И мне не смерть послала — тихий сон.

И снилось мне: в равнине необъятной
Народ свободный весело живет,
И счастлив он, и с почвы благодатной
Сбирает труд сторицей пышный плод,
Добро и радость властвует над миром,
И пало зло, затоплено в крови...
Людская жизнь повсюду стала пиром,
Из края в край несется клич любви...

Проснулся я... Осталось всё как было;
Всё так же мрачен душный каземат,
И так же всё сурово и уныло,
И стены грустно, пасмурно глядят.
Но нет тоски. Исчезли все страданья,
Спустилась в душу благодать,
И снова я готов на испытанья,
Готов любить, готов опять страдать...

(1886)

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

288

1

Мы жертвою пали борьбы роковой,
Любви беззаветной к народу;
Мы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, труд и свободу.

Порой изнывали мы в тюрьмах сырых...
Свой суд незаконный над нами
Судьи-палачи изрекли, и на казнь
Идем мы, гремя кандалами.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чёртит рука роковая...

2

Идет он усталый, и цепи звенят;
Закованы руки и ноги.
Спокойный, но грустный он взгляд устремил
Вперед по пустынной дороге.

Полдневное солнце нещадно палит,
И дышится трудно от пыли,
И вспомнил он живо о тех, что пред ним
Дорогою той проходили.

Тоскою смертельно сжалася грудь,
Слезой затуманились очи...
А жар всё сильнее, и думает он:
«Скорее бы холода ночи!..»

Нагрелися цепи от жгучих лучей
И в тело впились змеями,
И льется по каплям горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но он терпеливо оковы несет:
За дело любви он страдает,
За то, что не мог равнодушно смотреть,
Как брат в нищете погибает.

И долго ему придется нести
Тяжелое бремя страданья!..
Не вырвется стон из разбитой груди
Исчадиям тьмы в посмеянье!..

В груди его вера святая царит,
Что правда сильнее булата,
Что время настанет — оценят ту кровь,
Которую льет он за брата!..

Падет произвол, и восстанет народ —
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

1870-е годы

289

Тучи черные в небе носятся;
Ветер яростно с лесом в бой вступил.
Из груди моей звуки просятся,
Не сдержать мне их, не хватает сил.

Горе лютое, безысходное
И внутри в груди, и везде кругом;
Им опутана мощь народная,
Он, закованный, спит могильным сном.

В нищете, в слезах лица бледные.
Для него уж нет в жизни светлых дней,—
Сколько тяжести, люди бедные,
Вы выносите на спине своей!

А враги сидят и с презрением
Топчут в грязь тебя, издеваются,
Пот и кровь твои проливаются...
И замолкнул ты в отупении.

О, проснись ты, подымись скорей!
Не жалея своих молодецких сил,
Посмотри кругом — уже с давних дней
Ветер яростно с лесом в бой вступил.

1878

290. ЗАВЕТ

В жизни застигнутый нынешним веком,
Честной борьбы не старайся бежать:
Звать невозможно тебя человеком,
Если умеешь ты только рыдать!
Вырвано скорбью горючих немало,—
Можно бы мир в тех слезах затопить,
Если б слеза, что недавно упала,
Не заставляла былые застыть.
Адским концертом отвсюду несутся
Стоны над нашею бедной страной;
Вопли тяжелые с силою рвутся
Грозно давящей и шумной волной.
Грустью да вздохами зла не рассеешь,
Стан малодушных умножишь собой,
Если для жаркой борьбы не созреешь,
Если с проклятьем не ринешься в бой.
Твердой рукой распусти свое знамя,
Красное знамя к народу любви!
Злобы к врагам запыхавшее пламя
Ты не гаси в возбужденной крови.
Честная злоба научит умело
Биться с врагом беспощадным и злым,
С жаркой любовью пожертвуешь смело
Счастьем народному счастьем своим.
Лавров, венчающих гордую силу,
Ты не проси за геройство свое!..
Пестрых венков не желай на могилу,
Чистым пусть будет служенье твое.
Можно ль хвалами осыпать героя,
Если везде кругом трупы гниют?
Разве возьмешь ты венки среди боя,
Если там многие кровь свою льют?
Время теперь не для гимнов победных:
Надо без отдыха рваться вперед!
Разве не видишь ты лиц этих бледных,
Павших за бедный, бездольный народ?!
Смотрят они на тебя с лаской кроткой,
Смотрят — и верят, что ты их поймешь:
Жизнью страданья, хотя б и короткой,
В дело великое лепту внесешь.

Будь же бесстрашен! Иди без сомненья!
Жизнь всю великому делу отдай!
Голос любви, сильной злобы кипенье —
То и другое пред битвой смешай.
Будет награда за подвиг великий
В гордом сознание испытанных мук...
Силы прибавит тебе этот дикий
Яростной злобы врагов твоих звук.
Звездочкой ясной во тьме полуночной
Счастье людей для тебя заблестит,
Верой, любовью святой, непорочной
Будешь от пошлости жизни омыт.
Знамя свободы неси без боязни:
Тени погибших с тобою идут!
И не страшися людской неприязни,
Совести собственной выдержав суд!
(1886)

291

Твердой поступью, с радостным взором,
Верный друг мой, на дело пойдем;
Не смущаясь толпы приговором,
Кровь свою за несчастных прольем.

Против злого обмана, насилья
Веру мощную вынесем в бой...
Не падем мы со стоном бессилья,
Не падем на колени с мольбой.

Грудь броней железной одета:
Не страшны нам удары врагов;
Песнь святая над нами пропета,
Не возьмем себе доли рабов...

Средь насмешек, обид, поруганий,
Под томительным гнетом забот,
Не послышится горьких рыданий:
Вера наша — могучий оплот.

Если будут порою и муки,
То любовь наша их исцелит
И поднимет уставшие руки,
Сердце чистой волной оживит.

Твердой поступью, с радостным взором
Мы на дело святое пойдем...
Не смущаясь толпы приговором,
Кровь свою за несчастных прольем!

(1886)

292. ПРАВДА

Забросайте меня всею грязью земли
Из потоков, что мутной волной протекли,
Издаваясь как будто над жаждой людей,
Ожидавших найти чистый, светлый ручей,—
Эта липкая грязь не пристанет ко мне.
Солнце ярко от века блестит в вышине
И с величием гордым лучи свои льет,
Всем живущим улыбки приветливо шлет...
Так и я в обаянье своей красоты
Буду вечно сиять, как сияют цветы,
Окропленные утром алмазной росой,
Когда солнце на них бросит луч свой косой.

Заточите меня вы в железо оков,
Звон которых понятен и страшен без слов;
Приставляйте ко мне стражей мрачных и злых,
Чтоб душа содрогалась при взгляде на них,
Я свободна останусь, как прежде была —
Когда люд угнетенный с собою звала...
Как увижу, что чаша пролилась скорбей,
Подниму я подавленных горем людей,
И рассыплются в прах ваши стены пред мной,
Разнесется мой зов всемогущей волной.

Дам несчастным прекрасное небо без туч,
И осушит их слезы блистающий луч;
Оживленным вдохну силу гордую в грудь
И цветами усыплю им жизненный путь.

Я царицею буду в том царстве святом,
Что воздвигнется после победы над злом;
Мое имя жить будет в горячих сердцах,
Но не трепет постыдный — беспомощный страх
Ощущать будут, если меня назовут;
Не карающий строго, безжалостно суд

Будет делом моим в жизни, полной добра,
Где бесследно потухнет и злобы искра.
Закидайте ж меня всюю грязью земли,
Заточите меня вы в железо оков —
Подыму я лежащих в дорожной пыли
И в свободных людей превращу я рабов.
(1886)

293. ДВА ТЕЧЕНИЯ

1

Мы разучились молиться,
Верить устали, любить,
К правде и свету стремиться...
Порвана старая нить!
Были когда-то порывы,
Бурь ожидали и гроз;
Дни не казались тоскливы,
Сердце не рвалось от слез.
Верю теплой согреты,
Ждали, что солнце взойдет,—
Песенки наши пропеты,
Полные радостных нот!
Жизнью их звуки избиты,
Жизнью невзгоды и зла...
Даже слова позабыты,—
Всё-то невзгода снесла.
Скорбной слезой мы почтили
Правду, убитую злом,
Руки бессильно сложили...
Нет утешенья ни в чем!

2

Мы научились молиться,
Верить и жарко любить,
К цели желанной стремиться,
Честною жизнью жить.
Сердца стремленье святое
Даст облегченье от мук;
Слово участия живое
Слабости вырвет недуг.

Твердою поступью, смело,
Злых не бояся ничуть,
Мы для любимого дела
Двинемся радостно в путь.
Вера без дела бессильна,
Чувством бесплодным замрет,
Жизнь же, невзгодой обильна,
Скоро порывы убьет:
Надо поменьше прекрасных
Слов, возбуждающих кровь,
Больше трудов ежечасных —
Крепнет в труде и любовь.
Мы не боимся страданья,
Мы не страшимся угроз,
Не издадим мы рыданья,
Миру не выкажем слез.
Пусть мы погибнем, но знаем —
Истина зло победит
И над униженным краем
Счастье и мир водворит.

(1886)

294

Позабудь свои боли и муки,
Позабудь роковую нужду,
Подыми ослабевшие руки,
Приложи их к святому труду.
Для людей поработай с любовью,
Потопи свое горе в чужом
И не падай с тоской к изголовью
От обид, накопившихся днем.
Не минутою жатва приспеет —
Пробивается трудно зерно,
Но бесплодно в земле не истлеет,
Не погибнет бесследно оно.
Слово правды в сердцах отзовется,
Соберет оно мощную рать,
Русь родная волной всколыхнется,
Чтобы счастье себе добывать.
И следы горьких слез неустанных
С бледных лиц навсегда пропадут,

447

Пред началом дней счастья желанных
Люди полною грудью вздохнут.
Позабудь же ты личное горе,
Для народа все силы отдай:
Мук людских необъятное море
Скоро, скоро уж хлынет чрез край.

⟨1886⟩

295. ЮНОШЕ

Рано в пытливом уме зарождается
Мысль о борьбе роковой:
Горе чужое всегда отзывается
Чутко в душе молодой.

Чувство тебя побуждает природное
Общему благу служить;
Примешь ли к сердцу ты дело народное,
Будешь ли честно ты жить?!

Скоро постигнешь ты мудрость суровую
Злых и бездушных людей;
Но сохранишь ли ты душу здоровую
В омуте грязных страстей?

Встретишь работу серьезную, трудную —
Хватит ли силы твоей?
Спячку увидишь кругом непробудную —
Станешь бороться ли с ней?

Сила невежества слишком упорная,
Мыслящих мало людей,
Слишком дорога заманчива торная —
Ты не пойдешь ли по ней?

Будешь ли верным ты другом обиженных,
Смело готов ли страдать?
Будешь ли слабых, убогих, униженных
Грудью своей защищать?

Если же нет, то мечтай об известности,
Дружбу, любовь воспевай,
Но не толкуй нам о правде, о честности,
Добрым себя не считай!

Будет пугать тебя мысль благородная —
Даром твой труд пропадет;
Знай, что на мелочи сила природная
Вся бесполезно уйдет.

Чем успокоишь в душе ты страдание,
Если из жизни твоей
Вынесешь горькое, злое сознание
Пошлости только своей!

(1886)

296. МУЖИЦКАЯ

Я мужик, ты мужик —
И бурчит утроба...
Я Иван, ты Степан,
А Макары оба!!

День в труде, толк-то где?
Ну и душит злоба;
Я был дран, ты был дран —
Пороты мы оба!

Новый царь-государь,
Слышь, венчаться хочет.
Вот-те раз — не о нас
Батюшка хлопочет.

Значит, что ж? Тот же грош,
И бурчи утроба!
Тьфу! Опять станут драть,
И вот так до гроба.

Коли так — марш в кабак
Дядюшки Парфена!
Наливай! Заливай!
Море по колена!

Эту землю посещает
Редко путника нога,
Только звери пробегают
Сквозь пустынные снега.

Только злится, завывает
Буйный, бешеный буран
И сугробы наметает
На заброшенный курган.

⟨1886⟩

299. НА БЕДНОГО МАКАРА ВСЕ ШИШКИ ВАЛЯТСЯ

Плач

По гатчинским мрачным палатам,
Главу опустивши на грудь,
Блуждает давно император,
Блуждает, не может уснуть.

Его уж не тешат парады,
Охота на ум не идет,
И йсконной русской отрады —
Сивухи он больше не пьет.

Лишь взад и вперед он шагает,
Беспомощно руки сложив,
И с горькой тоскою взывает,
В пространство свой взор устремив:

«О боже! Пошли мне спасенье!
Погибнуть не дай в цвете лет!
Так скверно мое положенье,
Что хуже не видывал свет!

Пустеет казна год от года,
Что год, то растет дефицит,
И нет никакого исхода,
И срамом банкротство грозит.

Мужик закоснел в непокорстве:
Он подати бросил платить
И хочет в нелепом упорстве
Одни недоимки копить.

Уж я ли о нем не стараюсь,
Уж я ль не радею о нем?
Ну, просто из сил выбиваюсь,
Работаю ночью и днем.

Давно ли на благо России,
Забывши высокий свой сан,
Смазные надел сапоги я,
Жену нарядил в сарафан.

И даже на счастье народа
Решился акциз я поднять,
Не с целью прибавки дохода,
Но с тем, чтобы пьянство унять.

Я в банке земельном, казенном
Дал пять миллионов рублей
Крестьян сорока миллионам
Для купли лугов и полей.

И что ж? Обманули надежды,
Напрасны старанья мои —
Мужик-безобразник, как прежде,
Не хочет платить, хоть умри.

Бедой неожиданной новой
Висит над моей головой
Воинственный Бисмарк суровый
С могучей немецкой страной.

Он Польшу и край Прибалтийский
Отнять у меня порешил
И с хитрой державой австрийской
В союз неразрывный вступил.

Ломаю я голову тщетно,
Стараюсь спасенье найти.
С немецкою силой несметной
Как буду борьбу я вести?

Откуда я денег добуду?
(Давно уж истрачен заем.)
Припасов возьму я откуда?
Кого я назначу вождем?

С талантливым Мольтке немецким
Кто сможет бороться в бою?
Не дядя ль, походом турецким
Главу посрамивший свою?

Но всё ж это мог бы снести <я>:
Ведь как дефицит ни растет,
А всё же приносит Россия
По-прежнему славный доход.

Пусть немец отнимет и Польшу
В жестокой, кровавой борьбе;
Ведь сколько б ни взял, а <всё> больше
На долю останется мне.

И, в сущности, всё это мало
Мне лично приносит вреда.
Но горе. Ведь это начало,—
Есть хуже, есть горше беда!

В России моей терпеливой,
Не ведавшей йскони ков,
Безумцы теперь горделиво
Хотят перестроить всё вновь.

Мечтают свирепым ученьем
Всеобщее счастье создать,
Стремятся в своем ослепленьи
Народу всю землю раздать.

В нелепом своем самохвальстве
Крестьянам невесть что сулят,
О правящих классах, начальстве
Им черт знает что говорят!

И даже бессмысленной, дикой
Анархии жаждой горя,
В России, царями великой,
Желают низвергнуть царя!

Увы, не внушают им страха
Жандармы, полиция, суд;
На каторгу, ссылку, на плаху
Они без боязни идут.

Злодеи отца умертвили,
Забывшие совесть и честь;
А слуг моих столько избили,
Что я не могу их <и> счесть.

Что делать мне с ними — не знаю,
Не ведаю, что предпринять.
Ну как обуздать негодяя,
Которому смерть — наплевать?

Давно я лишился покоя,
Давно потерял аппетит.
Повсюду встают предо мною
Кинжал, револьвер, динамит.

Я с шумной столицей простился,
Оттуда, как тать, улизнул,
И здесь запереться решился,
Расставя кругом караул.

С конвоем надежным и верным
Хожу чуть не в ватерклозет,
А всё же я в страхе безмерном,
А всё же покоя мне нет!

По-прежнему нет мне отрады,
По-прежнему в бденье и сне
Всегда разрывные снаряды
Упорно мерещатся мне.

О Павел, безвременно павший
С крамолою в тяжкой борьбе!
В такую ж опасность попавший,
Твой правнук взывает к тебе!

Из мрачной и тесной могилы
Ты встань и явися на свет!
Молю тебя, прадед мой милый,
Подай мне разумный совет!»

Докончить последнего слова
Еще не успел он, как вдруг
Пред ним появился суровый
Великого прадеда дух.

«О внук, не напрасно, робея,
Пред злою крамолой дрожишь!
Совет мой: уйди поскорее,
Коль жизнью своей дорожишь.

И я <в> своей жизни недолгой,
Лишь только на троне воссел,
Ревнуя о царственном долге,
Унять крамолу захотел.

Сурово, решительно, строго
Стремился мятеж обуздать,
С начертанной мною дороги
Сойти не хотел ни на пядь.

Я крепкие замки построил
В столице и в Гатчине тут,
Количество стражи удвоил
И думал — меня не убьют.

Не спасся я стражей надежной,
Не спасся и крепким дворцом,
Задушен рукою мятежной,
Погиб я бесславным концом.

О внук! Своей ловкой рукою
Ты денег побольше сberi!
И, бросив борьбу с крамолою,
Пока невредим, удери!»

1883

300. СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Где нелюбимый сын царевны
Киргиз-кайсацкия орды
В загоне жил, угрюмый, гневный,
Почти без денег и еды,
Готовя на врагов перуны,—
Там ныне пасынок фортуны,
Неве прощальный сделав жест,
Засел с семьей и укрепился...
Ах, он в пустыню удалился
От распрекрасных здешних мест!

О ты, отшельник добровольный,
В груди таишь ты страх невольный!
Да... Ныне шкурная тоска
Земным богам знакома стала,
Спать безмятежно помешала
Крамолы длинная рука.

В крови она, и кровь дымится;
Чья это кровь?.. Чья тень грозится?
Изгнанник милый, бледен ты!
Закрой трепещущие вежды,
Оставь безумные надежды,
Замоскворецкие мечты!

Не трогай шапки Мономаха,
В ней скрыта сущая беда,—
И, право, лучше жить без страха,
На всем готовом, без труда.
Елей Успенского собора
Уж чуда больше не хранит.
Чудесен только динамит,
Разоблачивший для позора
Бесстыдный, вековой обман!
Беглец, поверь: тому, что было,
Возврата нет, и над могилой
Почти рассеянный туман.

Не мучь себя, не мучь супругу,
Не мучь детей, не мучь народ!
Благословясь, сними кольчугу —
И без конвоя марш вперед!
Туда, в столицу, и с балкона
Ты поведи такую речь:

«Бросаю я обузу с плеч,
Мне, братцы, не к лицу корона,
Что в ней? И я бы пал в борьбе.
Хочу свой век прожить с ногами.
Народ! Возьми ее себе,—
Ее ты выстрадал веками!
На нашем доме страшный грех,
Пора народу поклониться.
Я земно кланяюсь! За всех
Мне жребий выпал повиниться!»

Да, всенародно поклонись,
Сними давнишний грех тяжелый
И, облегченный и веселый,
К жене и детям воротись!
Знай, не злопамятен народ,
Он всё готов простить сердечно.
Тебе ж он денег поднесет
И даст приют тебе — и вот
Ты заживешь с семьей беспечно!

Иди же, это путь прямой;
И, подвиг совершив почтенный,
Венец получишь, но иной,
Не золотой — зато нетленный!

(1886)

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

(Баллада-шутка)

Таганрог. 1886

Проснулся властитель, опухший от пьянства,
Из уст его вырвался крик.
Он дико обводит глазами пространство,
Как в бойню приведенный бык.

«Сюда, царедворцы, солдаты, лакеи!
Эй, кто там! Несите огня!
Кто верует в бога, на помощь скорее!
Спасите, спасите меня!»

Лакеи на крики сбежались дружно
И стали пред ложем толпой.
«Мы здесь, повелитель! Чего тебе нужно?
Поведай, что случилось с тобой?»

От ламп, от свечей в полутемном чертоге
Разлился блистающий свет,
И царь, отдохнув от недавней тревоги,
Лакеям промолвил в ответ:

«Ужасное нечто случилось со мною
В глубокий полуночи час:
Но я перед вами того не открою,
Холопы, то тайна для вас!

Пошлите скорей вы курьера лихого,
Чтоб был он, как молния, быстр.
Пускай призовет мне министра Толстого,—
То верный и честный министр.

Ему я ужасную тайну открою
И сделаю верный рассказ
Того, что случилось недавно со мною
В глубокий полуночи час».

Был послан курьер, расторопный и верный.
Еще не блеснула заря,
А был уж разыскан любимец примерный
И введен в чертоги царя.

«Послушай, мой друг, мой любимец примерный,
Мой столб, подпирающий трон!
Недавно привиделся сон мне прескверный,
Зловещий, пророческий сон.

Мне снилось, что будто сижу я на троне
В роскошном московском дворце,
В порфире, в регалиях, в царской короне,
С улыбкой на гордом лице.

Стоят перед троном толпой адъютанты,
Министры, сановников ряд;
За окнами грозно гремят музыканты
И взапуски пушки гремят.

Как вдруг предо мною среди пышной палаты
Явилась, как пламя горя,
Рука, что уж раз напугала когда-то
Страны вавилонской царя.

И палец огромный поднялся мгновенно,
Сверкая, пылая огнем,
И слово «пентюх» написал дерзновенно
На лбу неподвижном моем.

Те страшные буквы пылающим жаром
До самого мозга прожгли
Мой лоб, и наполнили душу угаром,
И в мысли смятенье внесли.

Я слышал, как темени кости ломались,
Как лопались черепа швы;
Я с ужасом чувствовал, как уменьшались
Размеры моей головы.

В широкий дурацкий колпак обратился
Мой царский венец золотой,
И низко, на самые уши спустился,
И очи закрыл мне собой.

Я снова почувствовал... кровь леденеет,
Чуть вспомню об этом... Увы! —
Мой зад вырастает, мой зад тяжелеет,
Толстея за счет головы!

Гнетет, напирает мясная громада,
Трещит и шатается трон...
И вот под давлением огромного зада
Рассыпался вдребезги он!»

Толстой не на шутку смутился рассказом,
Но молвил: «Подобные сны,
Пока еще жив я и светел мой разум,
Тебе, государь, не страшны!»

«Спасибо, Димитрий, спасибо, мой милый!
Но слышу я голос в груди,
Он шепчет без звуков, но с странною силой:
Бедя предстоит впереди.

Мы в тронную залу отправимся вместе.
Единственным спутником мне
Ты будешь. Стоит на возвышенном месте
Тот трон, что я видел во сне.

Я жадно желаю на деле измерить
И трон тот, и собственный зад,
И там я узнаю, не верить иль верить
Той правде, что сны говорят».

Толстой побледнел: «Повелитель, без стражи
Нам в тронную залу вдвоем
Не только что темною ночью, но даже
Опасно отправиться днем.

Быть может, злодейским исполненный ядом,
Нас ждет там неведомый враг
С огромным ножом, с динамитным снарядом
Иль с ломом огромным в руках».

«Нет, нет, мой Димитрий, нам стражи с собою
Никак не приходится брать:
Такую ужасную тайну конвою
Нельзя ни за что открывать.

Быть может, действительно, мяса и жира
Прибавилось в заде моем,—
Так трон переделать прикажем пошире
Мы тайно — и дело с концом».

Толстой покорился. Рукою дрожащей
Он лампу тяжелую взял.
Пошли и приходят в чертог тот блестящий,
Где трон драгоценный стоял.

Луч лампы в чертоге обширном и темном
Рассеялся. Грозно углы
Чернели. Лишь трон с балдахином огромным
Блистал, выступая из мглы.

«Я, право, не знаю, на что и решиться!
Мне голос пророчит в груди,
Что скоро несчастье со мною случится,
Беда предстоит впереди».

И вот он решился. И к трону без страха
Поспешной стопой подошел
И, разом завесу откинув, с размаха
Воссел на отцовский престол.

Престол зашатался от грузного веса,
Устои, треща, подались,
И, с крюка сорвавшись, внезапно завеса
Без шума спустилася вниз.

И царь закричал богатырскою пастью:
«О горе! Пришел мне капут!
Сбылось надо мной предсказанье несчастья!
Придется погибнуть мне тут.

В тиски я попался! Как больно, как худо!
Ни вверх, ни вперед, ни назад
Нельзя шевельнуться, ни вылезть отсюда.
Раздавлен несчастный мой зад.

Но что со мной сделалось? Страшные звуки,
Как рокот ревущих валов,
Из чрева несутся. Я чувствую муки,
Как мать накануне родов.

Неведомый дух посетил мое тело.
 Безумно свирепствует он.
Он выхода ищет, он близок к пределу
 И скоро уж вырвется вон!»

И, лампу на пол уронивши со звоном,
 Толстой закричал: «Караул!» —
И сам повалился с подавленным стоном,
 И уши руками заткнул.

Какой-то удар с оглушительным треском
 Послышался в комнате вдруг,
И сернистым газом удушливо-резким
 Запахло в пространстве вокруг.

<1886>

СТИХИ И ПЕСНИ

*Сборник стихотворений разных авторов.
С приложением стихотворений
из ненапечатанного сборника
«Отголоски революции»*

(Москва). 1886

Б. Ф. КАЛИНОВСКИЙ и Ф. Р. ДАННЕНБЕРГ

302

Тихо в тюрьме, как в могиле;
Тускло ночник мой горит...
Отблеск неверный по стенам
Темного свода скользит...

Жметя болезненно сердце...
Где-то собратья мои,
Что за свободу святую
В битву святую пошли?..

В тиши гробовой казематов,
В сырой глубине рудников
Страдают свободные люди
За вечных безмолвных рабов...

Но смысл этих гордых страданий
И рабское сердце поймет...
И гордо народ угнетенный
Оковы свои проклянет.

Проснувшись от сна векового,
Как море народ зашумит,
Торжественный гром искупленья
По русской земле прогремит...

<1886>

303. МОНОЛОГ ИЗ ПОЭМЫ «ПЕРОВСКАЯ»

Перовская в последний раз смотрит на заходящее солнце.

Последний день, последние мгновенья...
А завтра казнь... Но что же это? Бред?
Кошмар больной? Ночное сновиденье?
Но нет, всё это явь. Я чувствую так ясно,
Так каждый нерв отчетливо дрожит...
Вот солнышко. Тепло, но безучастно
Оно в окошечко ко мне глядит.
Вот этот луч — всегдашний мой приятель,
Он, с трепетом скольльзящий по стене...
В последний раз, мой смелый обожатель,
Приходишь на свиданье ты ко мне...
Ну что ж? Прости! А завтра без боязни
Приди туда — на место страшной казни,
И там последний примешь мой привет;
Мой поцелуй ты передай народу,
Поклон полям, и нивам, и лугам;
Всем беднякам скажи, что, за свободу
Борясь, я отдана здесь палачам;
Что за любовь к отчизне бесталанной,
Кровавый труд рабов боготворя,
Убита я на площади базарной
Ничтожными холопами царя.
Шепни семье... Но ты уже уходишь...
Ну, бог с тобой, счастливого пути!
Свети ж другим, ты радость всем приносишь,
Прости, прости, прости!..

<1886>

В. Г. БОГОРАЗ

304. НА ПЕРЕЛОМЕ

Над спокойно спящею землею
Тяжело нависла тишина.
Отчего мертвящею тоскою
Грудь моя усталая полна?

Что тебя, душа моя, тревожит?
Что тебя терзает и грызет?
Словно червь, неумоимо гложет,
Как змея, без усталости сосет?
Ах, в тебе чуть видно искра тлелась
Под холодным пеплом с давних пор,
А теперь внезапно разгорелась
В роковой отчаянья костер...
Я б желал, чтоб в том костре сгорели
Все следы проклятые дотла
Жизни долгой, не имевшей цели,
Не узнавшей ни добра, ни зла.
Беспредельной страсти упоенья
Я б желал почувствовать хоть раз,
Жизни, полной бурного волненья,
Пережить желал бы я хоть час.
Но не той бессмысленной и шумной,
Где разврата вечный пир идет,
Где в разгаре оргии безумной
В грязь вино пролитое течет.
Я б желал на площади огромной,
Где кругом стоит плечом в плечо
Мой народ страдающий и темный,
Говорить о братстве горячо.
Чтоб слова, исполненные силы,
Полились свободно, как волна,
Чтоб они навеки вкоренили
В душах всех благие семена!
Я желал бы в бой ожесточенный
Направлять нетерпеливый шаг,
Впереди товарищей колонны
Со священным знаменем в руках;
И упасть, из рук не выпуская
Знамя то, всё так же впереди,
Громкий крик победы испуская
Из смертельно раненной груди!

⟨1886⟩

Не для корысти и богатства,
 Не за награду и венец —
 За торжество любви и братства
 Всю жизнь свою борись, боец!

Но не бросай в разгар сраженья,
 Туда, где бой кипит сильней,
 Слова святого примиренья,
 Залог грядущих светлых дней.

Смягчать горячею любовью
 Сердца врагов — напрасный труд,
 Твои слова твоей же кровью
 Они с насмешкою зальют.

Бери ж скорее, грозный мститель,
 Свой добрый меч и в бой спеши
 И, словно ангел-разрушитель,
 Чудовищ тьмы в куски кроши!

Рази без устали и страха,
 Губи врагов своей земли,
 Руби сплеча, руби с размаха,
 Дави конем, копьём коли!

Тебе, быть может, злую долю
 Сулит неравный смертный бой,
 И ты падешь на бранном поле
 В крови, с разбитой головой!

Но возрастут бойцы из праха
 И по твоим стопам пойдут
 И вновь без устали и страха
 Борьбу к победе поведут.

Тогда тебя помянут славой,
 Поняв, как много ты любил,
 Поняв, что ты в борьбе кровавой
 Основы мира заложил...

<1886>

306. ОТРЫВОК ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ
«СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ»

Письмо к матери

...Прощай, прощай! Но не вини
Меня за муки в час прощальный
И с лаской на меня взгляни
Перед разлукою печальной...
Так суждено было судьбой:
Упорной, яростной борьбой
Объята я была всецело;
Был труден путь мой, но свернуть
На путь, на пошлый путь,
Я не могла и не хотела.

И вот теперь недалеко
От искупленья рокового.
Я не жалею, я готова,
Мне так спокойно и легко!
Завтра суд, но я туда
Пойду уверенной стопою,
И в день позорного суда
Сама явлюсь судьей судьей!
Всю меру лжи их я наглядно
Перед народом покажу.
И, как бичом, их беспощадно
Горячим словом поражу.

.
Но память о тебе всегда
Меня терзает. Иногда
Твой образ плачущий как будто
Живой я вижу, и в минуту,
Когда суровая петля
Внезапно мне прервет дыханье
И из-под ног уйдет земля,
Последней искрою сознания
В немой отчаянной борьбе
Я буду помнить о тебе...
Прощай, прощай! Воспомянем
Себя чрез меру не круши,
Не позволяй немим рыданьям
Свивать гнездо на дне души.

И только изредка грусти —
Спокойно, тихо и без страсти,
И тень мою тогда почти
Словами тихого участья...
Теперь во имя нашей нежной
Всепримирающей любви
Меня на подвиг неизбежный
В последний раз благослови.

⟨1886⟩

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

307

Братья, вперед! Не теряйте
Бодрость в неравном бою;
Родину дружно спасайте,
Честь и свободу свою!

Хоть и погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело ж всегда отзовется
На поколениях живых.
Вперед, друзья, на смерть, на муки!

Мы за народ свой страдаем,
Мы за свободу стоим
И от цепей избавляем
Грудью и сердцем своим!

Хоть и погибнуть придется *и т. д.*

Час избавленья настанет,
Гимн вам народ пропоет,
Вас со слезами вспомянет,
К вам на могилу придет!

Хоть и погибнуть придется *и т. д.*

Начало 1870-х годов

308. В. Г. БОГОРАЗ
СОВРЕМЕННОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Москва. 1886

Пора недавняя, сияющая славой,
Великой доблести исполненные дни,
Волненье жаркое и пыл борьбы кровавой,—
Безвременно ушли в прошедшее они.

Какие подвиги! Не хочет верить разум
Тому, о чем с трудом передает язык,
И замирает дух, взволнованный рассказом,
И с уст срывается восторга страстный крик.

Бойцы бесстрашные, титаны, а не люди,
России лучший цвет, как будто на подбор,—
Сомкнувшись в тесный строй, выдерживали грудью
Врагов бесчисленных озлобленный напор.

И все они легли в разгаре страшной битвы
На грудь широкую вскормившей их земли;
Их не спасли страны измученной молитвы
И наши слезы не спасли.

А мы, дававшие священные обеты
Вчера, над свежими могилами бойцов,
Мы предали врагу великие заветы,
Наследье славное погибших мертвецов!

Герои жалкие, приниженные братья,
Сердца холодные, бессильные умы,
Пигмеи слабые, не страстного проклятья —
Плевка заслуживаем мы.

Создавши полосу короткого покоя
Меж двух периодов отчаянной борьбы,
Мы жизнь свою влачим с холодной тоскою,
В пыли лежащие рабы.

Великой мыслию мы землю не осветим,
На дело славное у нас не хватит сил,
Наследство скудное мы завещаем детям
За дверью близкою зияющих могил.

И с негодующим, язвительным укором,
Над нашим именем ругаясь и смеясь,
Нас заклеят они заслуженным позором
И нашу память втопчут в грязь.

И наше пошлое, пустое поколенье,
Совсем забытое, исчезнет без следа,
И вновь появятся великие стремленья,
И старая любовь, и старая вражда...

<1886>

IMPRIMERIE A. ALLEMANE

⟨И. Я. ЕМЕЛЬЯНЧЕНКО⟩

МОТИВЫ НЕВОЛИ

Сборник стихотворений

Тетрадь № 1

Женева. 1891

309

Не звон колокольный, не пенье попов
В могилу его провожали —
Молчанье товарищей, лязг кандалов
Да слезы глубокой печали...
На гроб возложили лишь звенья оков,
Ведь он не желал и при жизни венков.
В железной неволе конец он печальный
В весеннюю пору завянувших дней
С улыбкою встретил и в речи прощальной
«Не плакать, не плакать!» просил у друзей,
Просил: «Над могилой, как гимн погребальный,
Вы спойте мне песню о правде опальной...»

⟨1891⟩

Издание Группы Народовольцев

НОВЫЙ СБОРНИКЪ
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПѢСЕНЪ

И

СТИХОТВОРЕНІЙ

PARIS
IMPRIMERIE J. ALLEMANE

51, rue Saint-Sauveur, 51

—
1898

НОВЫЙ СБОРНИК
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПЕСЕН И СТИХОТВОРЕНИЙ

Париж. 1898

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

310. МАТЕРИ

Мне снилось сегодня: в безвестном краю
В слезах я родимую видел свою.
«Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду ли тебя я, соколик, домой?
Взгляни: мои очи ослепли от слез
И снега белей стали пряди волос...
Всё грезятся мне наяву и во сне
Страдания твои в чуждедальней стране!
Всё слышу бряцанье тяжелых цепей,
Всё вижу замки у дубовых дверей;
За ними — знакомая поступь и речь...
Нельзя мне спокойно в могилушку лечь!»

«О матушка милая! Рад бы душой
Тебя я утешить, вернуться домой:
Хоть были б три жизни даны мне в удел,
Всё б отдал я, всё... и к тебе б полетел!
Но душу живую я смею ль отдать?
Могла ли б меня ты за сына принять?»

И слезы лились у родимой рекой,
И дряхлой качала она головой...

1890

311. ПЕСНЯ РУБИЛЬЩИКОВ

Там, где, холодом облиты,
Сопки высятся кругом,—
Обезличены, обриты,
В кандалах и под штыком,
В полумраке шахты душной,
Не жалея сил и рук,
Мы долбим гранит бездушный
Монотонным «тук» да «тук»!

Где высокие порывы,
Сны о правде и добре?
Ранний гроб себе нашли вы
В темной каторжной норе!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано из рук...
Заглушая сердца раны,
Мы стучим лишь «тук» да «тук»!

С нелюдимого Востока,
С плачем снежных непогод
Этот стук пройдет далеко,
В грудь отчизны западет!
И на гибнущее дело
Вышлет сотни свежих рук...
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: «тук! тук! тук!»

1892

Акатуй

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

312. НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

На рубеже прошедшего с грядущим,
Товарищи, оглянемся назад:
Там не один погиб за правду брат,—
Погиб, победу завещав живущим.
Великое великой жатвы семя,
Те мертвецы *живут* среди бойцов...
Долой же грусть! Долой сомнений бремя!
И выпьемте за наших мертвецов!

Бодрящею струей
Вино пусть в кубки льется!
Еще в нас сердце бьется!
Как встарь, над головой
Всё то же знамя вьется!

Хоть многие упали уж в бою,
А всё ж ряды бойцов не поредели:
Они идут к своей великой цели
И высоко несут хоругвь свою,
Встречая смерть, и муки, и измену
Открытой грудью, с криками «вперед!».
Товарищи! За тех, кто стал на смену!
Я пью за тех, кто бьется и живет!

Бодрящею струей
Вино пусть в кубки льется,
Пусть в нас душа смеется,
И клич наш боевой
Пусть громче раздаётся!

Чу! Новый год уж в нашу дверь стучится..
Последний тост: за весь рабочий люд!
Я пью за тех, чей неустанный труд
Дал всё, чем человечество гордится,
Кто всё дает и вечно обделен,
Кем живы братство, равенство, свобода,
Но для кого они — лишь чудный сон!
За счастье, за честь, за жизнь *всего* народа!

А! вот и Новый год..
Вверх кубки! Пусть вино,
Как бодрый дух, играет!
Грядущее темно,
Но нас не испугает:
На радость иль на муки —
Дадим друг другу руки!
Да здравствует народ!

<1897>

Товарищи, соратники и братья,
 Вы все, кто здесь, и те, кого здесь нет,
 Раскройте шире братские объятия
 И — без различья лет, идей и платья —

Сольем весь пыл

И чувств, и сил

В один сердечный, родственный привет!
 Тому, в сердца кто многих поколений
 Добра и правды искру заронил,
 Тому, кто яд мучительных сомнений
 Не раз разумным словом исцелил,
 Кто говорил нам вечно о народе,
 Кто нас учил значенью слова «труд»,
 Кто в нас питал любовь к святой свободе
 И тиранию громко звал на суд,

Чей ум и в счастье, и в несчастье,

И в вёдро, и в ненастье

Всегда любовью светлой был согрет, —
 Тому сегодня семьдесят пять лет!
 Как много лет! — и лет завидных, честных,
 В труде прожитых, умных, славных лет,
 Оставивших в бесчисленных, безвестных
 Сердцах живой, неизгладимый след!

Еще нам дай таких годов поболее
 И не тверди, что ты старик! Нет, нет!
 Кто бороздит, как ты, науки поле
 Булатом мысли в семьдесят пять лет;
 В ком для добра, как прежде, сердце бьется
 И идеал горит святым огнем;
 В ком стон земли родимой отдается
 Живою болью, как удар ножом,
 И в чьей душе родное лихолетье,
 Как встарь, родит негодованья крик, —
 Тот не старик! Нет, нет, тот не старик,
 Хотя б он прожил целое столетье!

Берите ж кубки ваши!
 Звените громче, чаши!
 И в этот светлый миг
 Пусть шире раздастся,
 Пусть далеко несется

Наш дружный, наш заздравный,
Наш общий, братский крик:
Да здравствует наш славный,
Наш *молодой* старик!

Июнь 1898

314. УЗНИК

Была семья — семья разбита...
Друзья?.. Но где они теперь?
Как в темной яме мысль зарыта,
И радость жизни подло скрыта:
<Кругом стена, решетка, дверь...>
Он заперт, словно дикий зверь!

Пропитан каждый миг сознанием
Тупого торжества невежд
И ядом порванных надежд,
И даже сон усталых вежд
Отравлен часовых бряцаньем.

Он жил! Он бился! Он вложил
В свою борьбу весь цвет, весь пыл
Нетронутых надежд и сил —
Всё отдал родине своей
Еще в начале юных дней.

Что ж родина? Она молчит.
Ужель он матерью забыт?
Он, за нее отдавший кровь,
И радость жизни, и любовь?

Ужели ж там, в стране родной,
Нет никого — души одной,
Чье сердце сжалось бы об нем
И братским вспыхнуло огнем?..

<1894>

315. ВПЕРЕД!

Go ahead!

Вперед, люди-братья, во имя познания,
 Во имя отчизны, во имя любви!
 Вперед, хоть дорогой тяжелой страданья!
 Вперед, хоть в горячке! Вперед, хоть в крови!

Вокруг нас мороз усыпительной лени
 И мелких тщеславий продажный расчет;
 Кто стал среди жизни, кто стал средь движенья,
 Тот сном непробудным под хладом заснет;
 И с каменным мозгом, и с каменным сердцем,
 Холодной статуей стоя средь людей,
 В посмешище веку, в укор одноверцам,
 Он будет чужим для отчизны своей.
 Он чужд будет братьям, он чужд будет веку,
 Он чужд будет детям своей же семьи —
 Бездушный свидетель для дел человека,
 Ненужное бремя родимой земли.

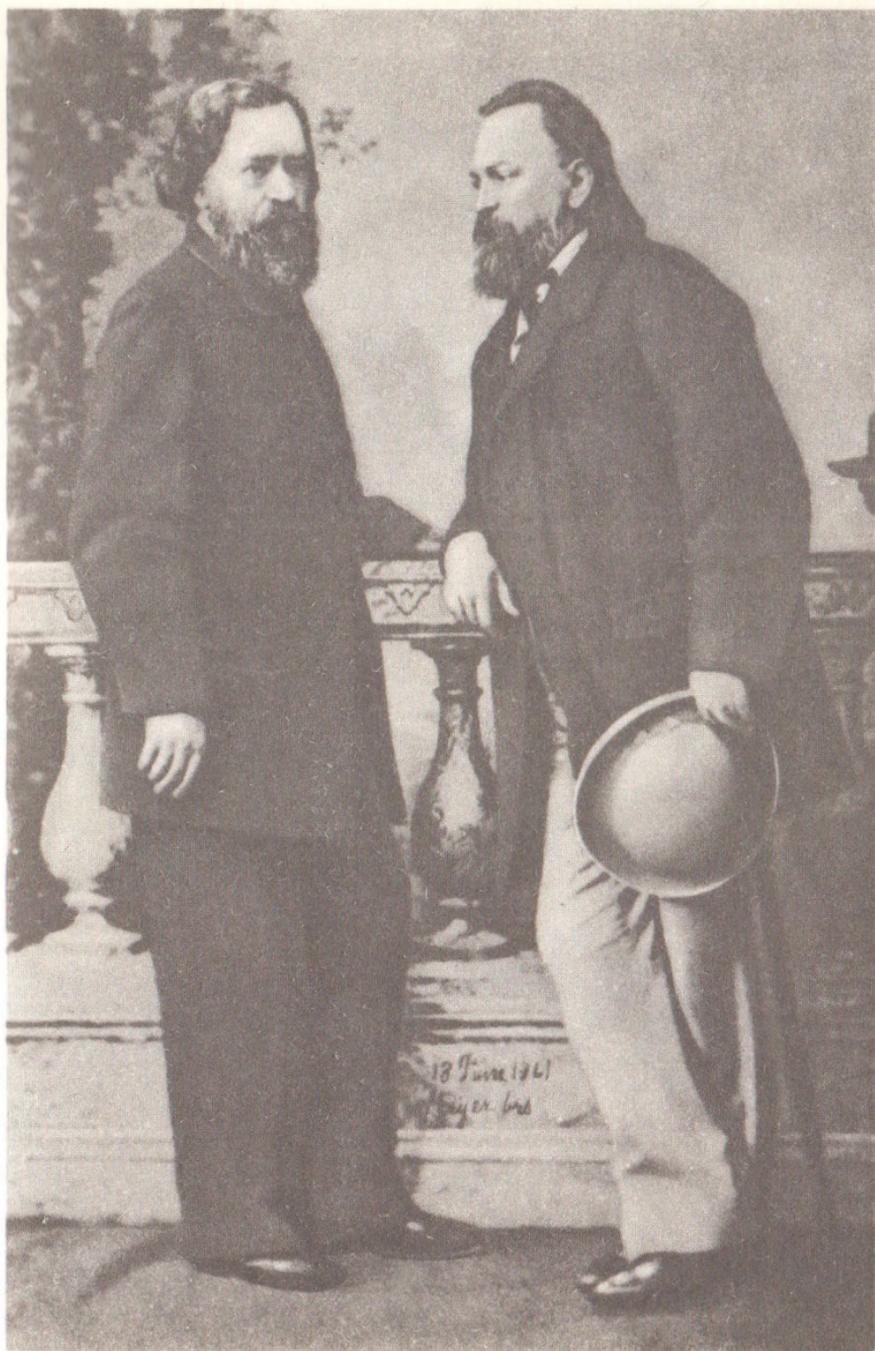
Я слышу укоры толпы утомленной,
 Слуг жалких былого, изживших детей:
 «К чему ты зовешь нас на путь отдаленный?
 К чему недовольство судьбою своей?
 Не хуже ли будет в далеком стремленье?
 Вся цель человека — бесстрастный покой.
 Что нам неизвестно — одно обольщенье;
 Мы знаем лишь то, что достанем рукой.
 Нас в прошлом лелеют заветные сказки,
 Святые преданья минувших времен;
 Пускай это грезы, но нашей повязки
 Мы с глаз не снимаем: нам дорог наш сон.
 Смотри: миллионы питает былое,
 Под каждым листочком живет паразит, —
 Оставь их дремать там в безбедном покое:
 За что их гнездо твой удар разорит?
 Зачем ты стремишься внести разрушенье,
 И слезы, и муки в спокойный наш мир?
 К чему нам познание? К чему нам движенье?
 Покой — наша радость, покой — наш кумир!»

¹ Иди вперед! (Англ.) — *Ред.*

Нет в мире покоя: везде измененье,
Повсюду могучие силы кипят;
Века друг за другом спешат как мгновенья,
Вперед что не может, пошло то назад!
Несется с планетами солнце куда-то;
Ногой попираем мы сотни веков,
И смотрят уныло на волны Евфрата
Дворцы Вавилона из диких холмов.
И мчится вперед неусыпное время,
Бросая нам мысли, вопросы, мечты,
Землей засыпая отцов наших племя,
Зовя нас в путь правды, добра, красоты;
Напрасны все жертвы, напрасны молитвы —
Оно не отдаст нам единого дня;
И тщетно бывшее идет с ним на битву:
Для времени нет ни меча, ни огня.
За верою веру оно отнимает,
И царства падут под его топором;
В крови поколений оно созидает
Грядущее благо над нынешним злом.
Среди заблуждений растет в нем наука;
Средь рабства и скорби растет человек,
И деды страдают для радости внука...
Вперед нас зовет девятнадцатый век.

Вперед же без страха! Вперед без сомненья!
Вперед без оглядки! Вперед нам пора!
Средь дикого леса должно поколенье
Пробить путь для знанья, любви и добра!
Конечно, изящен лес дикой природы
И целое племя зверей в нем живет;
Конечно, их хищная сгибнет порода
И много бессильных в работе падет.
Но благо должно совершить свое дело,
Но правда должна победить на земле.
Вперед же! В работу спокойно и смело
С сознанием силы на ясном челе.

Да рухнут, стеная, дубы вековые:
Они заграждают дорогу к добру;
Гнезятся в них змеи; их дупла пустые
Да вырвутся с корнем на жертву костру!
Да рухнет царей беззаконных держава!
Да рухнут умерших богов алтари!

18 June 1961
Sayer, Fred

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

25 ЮЛЯ 1826.
НА
1862.

LONDON

TRÜBNER & Co., PATERNOSTER ROW.

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOXO!

Выходитъ ежемѣсячно въ Лондонѣ,
цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Лондонѣ
у Г-на Гейнриха у Judd Street,
Bromwich Square, W. C.

№. 1.

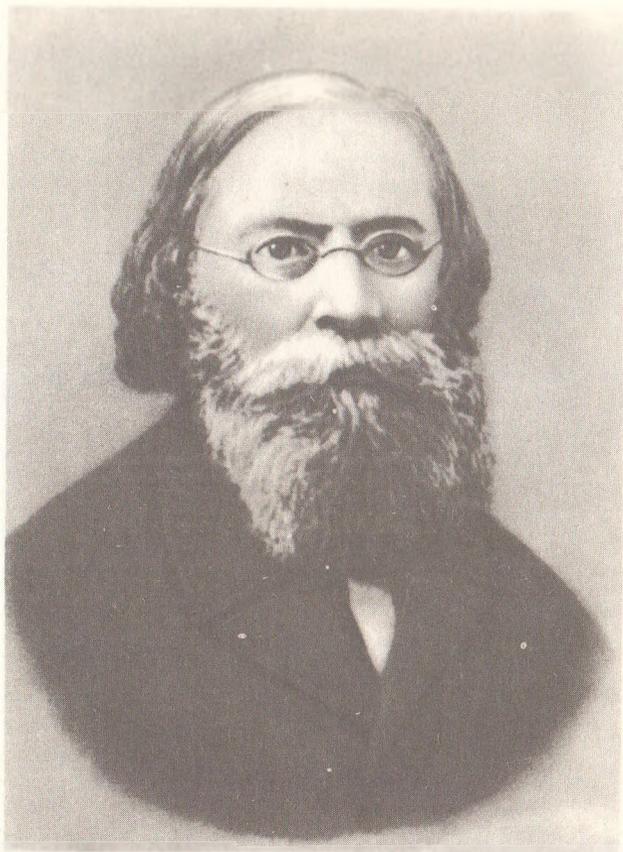
1 ЮЛЯ 1857.

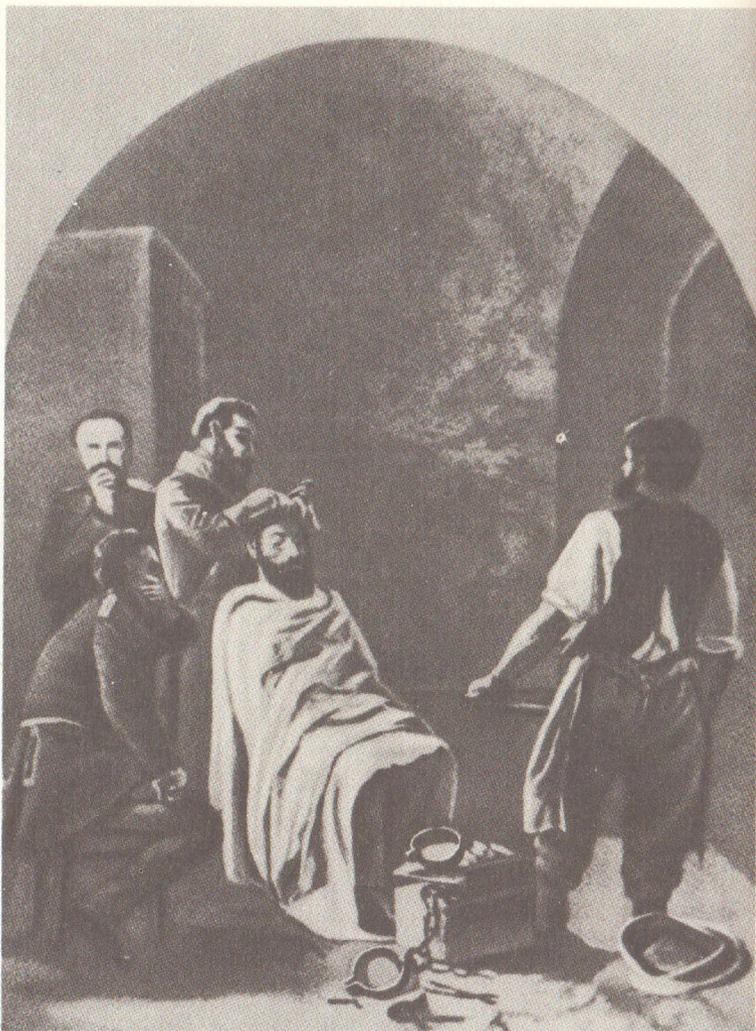
У Trübner, S. Co. въ нижней главѣ,
65, Paternoster Row, и у Торговца,
39, Rupert Street, Newmarket, London.
Price six-pence.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Росія терпѣно молчала,
Како возмѣнено дѣла,
Когда несправдливо
Она рѣна въ снѣгиза:

О направлеиіи говорить печено; оно тоже, которое въ
Полярной Звѣздѣ, тоже, которое прохладить невѣзвѣнно черезо
всю нашу жизвь. Вездѣ, во всевъ, всегда, быть со сторовы
воли—противъ василия, со сторовы разува — противъ пред-
разсудковъ, со сторовы науки — противъ влудѣрства, со

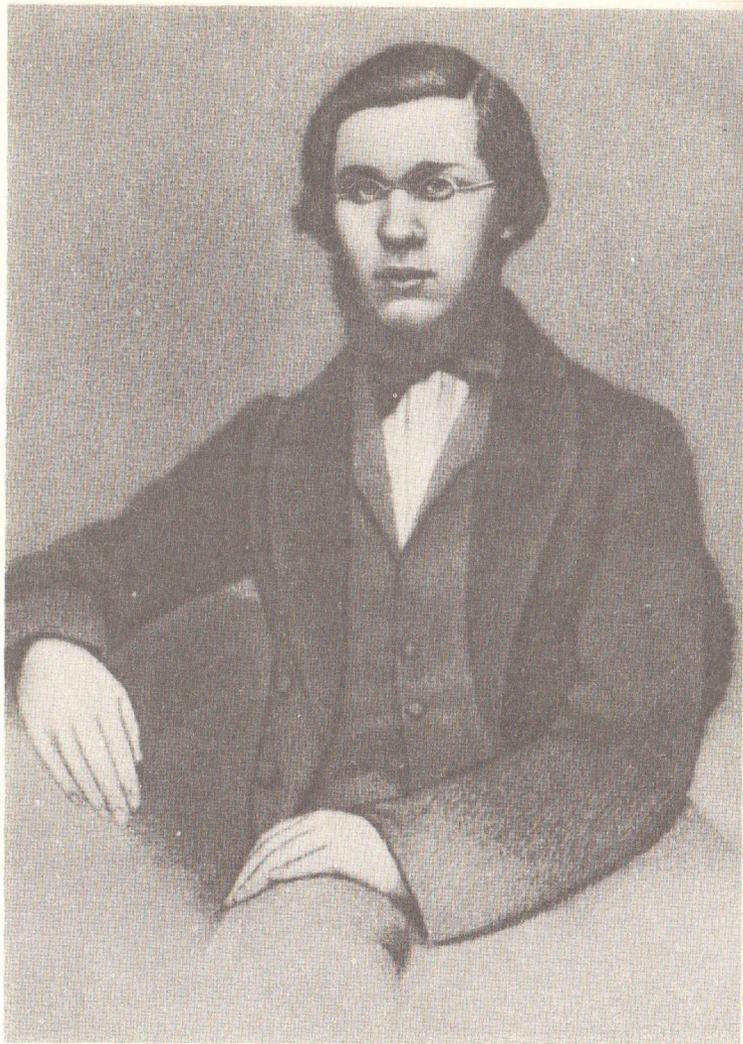

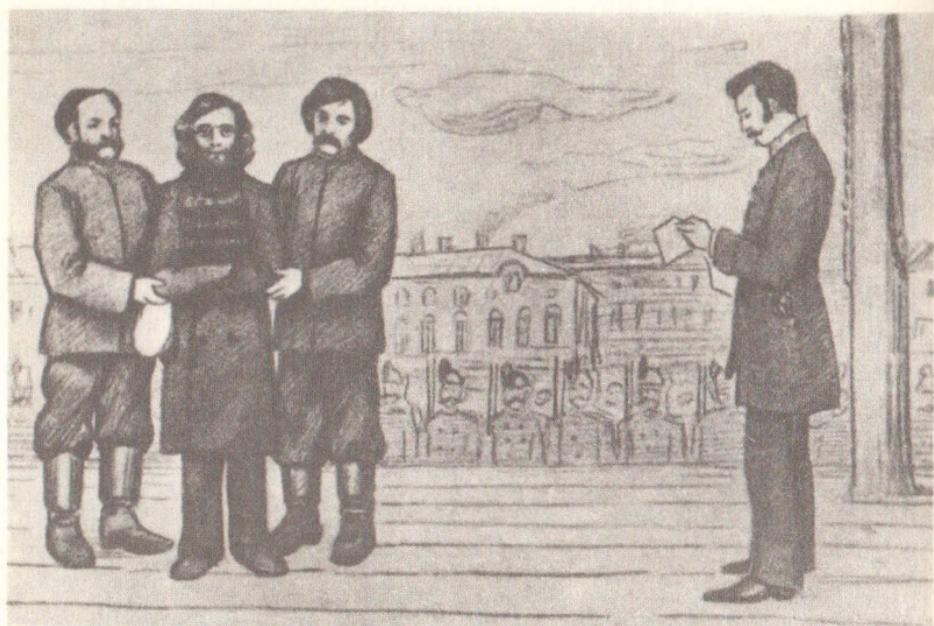

1 мая 1862

Добро ли носимыя реликвины?

ЛЮТНЯ.

СОБРАНИЕ

СВОБОДНЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ

и

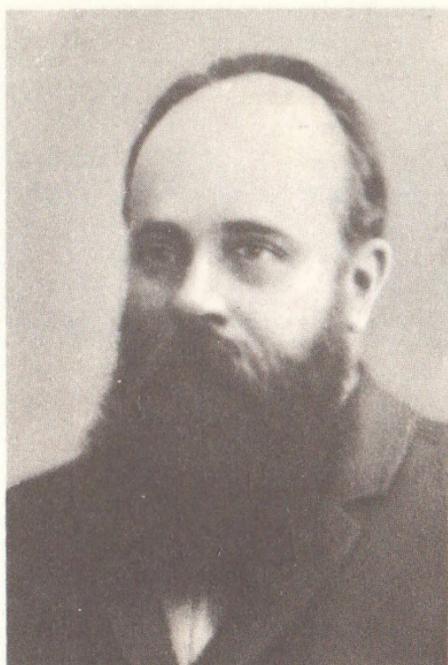
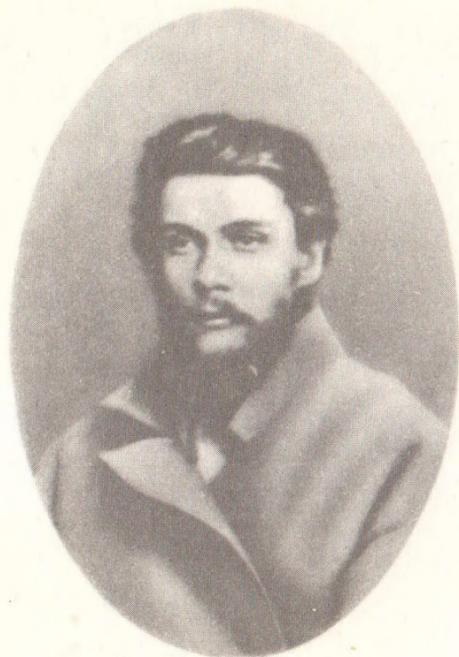
СТИХОТВОРЕНІЙ.

Die Laute. Sammlung russischer Freiheitslieder und Gedichte.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1869.

ИЗЪ-ЗА РЪШЕТКИ

СВОРНИЦЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

русскихъ заключенниковъ
по политическимъ причинамъ
въ періодъ

1873—77 г.г.,

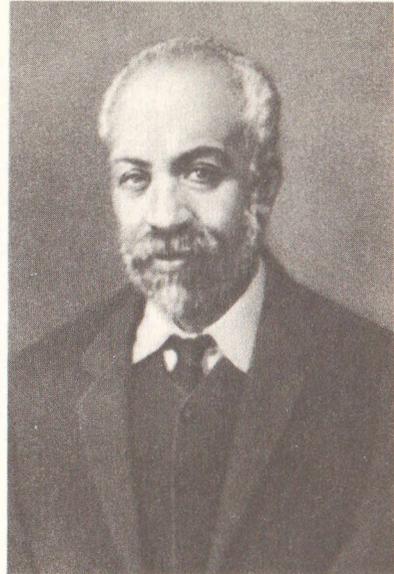
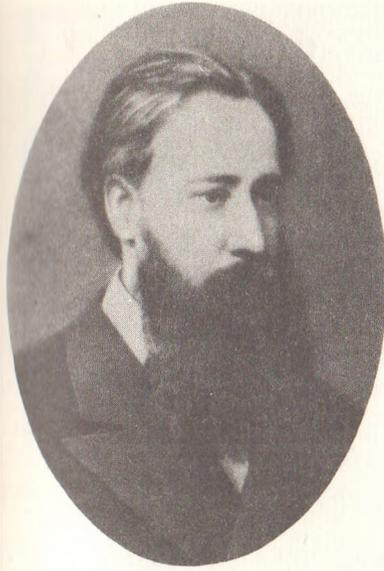
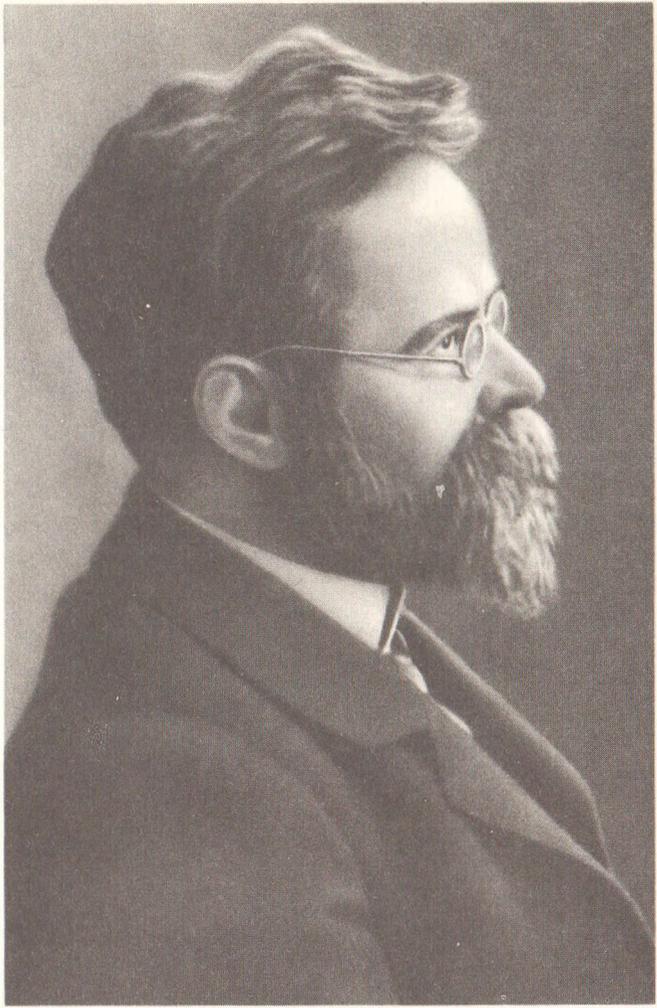
ОСУЖДЕННЫХЪ И ОЖИДАЮЩИХЪ «СУДА»

*Ce serait une erreur de croire que ces choses
Finiront par des chants et des apotheoses.*
V. HUGO (Châtiments.)

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ ГАЗЕТЫ « РАБОТНИКЪ »

—
1877

Да царствует разум! Да царствует право!
Да светит нам солнце грядущей зари!
Да мир оживится дыханьем свободы!
Да цепи преданья падут навсегда!
Да братьями станут земные народы
На принципе знания, любви и труда!
Пусть гибнут ненужных людей поколенья!
Пусть хищники гибнут на славу труда!
Пусть гибнут питомцы бездарные лени!
Пусть гибнут враги, паразиты труда!
Пусть плачет и стонет их жалкое племя —
Обрек его смерти истории суд;
Летит, всё летит неусыпное время,
И волны грядущего вечно растут.
Быть может, мы ляжем кровавою жертвой,
Другим завещая цель жизни своей, —
Тогда пусть живым возглаголяет мертвый:
Вперед! Всё вперед, через трупы друзей!

Да будем мы, братья, орудия жизни!
Да будем орудия правды святой!
Да служим мы словом и делом отчизне!
Да смело идем по дороге прямой!
Вперед! Да погибнет всё сердцем гнилое!
Всё то, что отжило, пусть смертью умрет!
Вперед! Да восстанет всё духом живое!
Во имя свободы и правды — вперед!

Март 1857 (?)

316. Н. П. ОГАРЕВУ

Поклон борцу минувших лет
На новый день его рожденья!
Пусть примет дружеский привет
Во имя вечного движенья,
Во имя боя всех веков
За справедливость и свободу,
Во имя всех живых борцов
За благо русского народа.
Мы помним «Колокола» звон!
Он разбудил от сна Россию;
И вот теперь со всех сторон
Идут на бой борцы иные.

Идут в измученный народ,
Идут в голодные селенья;
Всех русских голос их зовет
В бой за народное спасенье.
Пусть их казнит лакейский суд,
Пусть их измучат палачами,
Пусть ждет их смерть: они несут
В народ свое святое знамя,
То знамя общего труда,
То знамя братства и науки,
И не опустят никогда
Его израненные руки.
В победу веруют они,
В победу правды и свободы;
Придут, придут святые дни,
Восстанут спящие народы,
Пройдет безумие веков,
Пройдут их вечные страданья,
И кровью нынешних борцов
Скрепится будущее зданье.
Тогда, в день светлый торжества,
Людей счастливых поколенья
Сочтут дела, прочтут слова
Борцов за их освобожденье,
Припомнят в прошлом ряд имен
Тех, что за истину страдали,
И грозный «Колокола» звон
Запишут в вечные скрижали.

12 ноября 1876

317. ПЕСНЯ НЕНАВИСТИ

〈Из Г. Гервега〉

Вперед! Скорей! Через реки, через горы,
Заре навстречу молодой.
Последний поцелуй для милой, ласка взора...
И в бой, скорее в грозный бой!

Мы взяли в руки меч: пока они не сгнили,
Мы не должны расстаться с ним.
Довольно мы врагов своих любили —
Мы ненавидеть их хотим!

Нет, нет: любовь не даст рабам свободы,
И нет спасения в любви.

Ты, ненависть, суди врагов народа!
Ты, ненависть, оковы разорви!

Там, где тираны трон свой нагло утвердили,
Престол мы в щепки обратим.

Довольно мы врагов своих любили —
Мы ненавидеть их хотим!

Пусть в сердце всех, в ком сердце страстью бьется,
Царит лишь ненависти жар.

Готов костер; довольно дров найдется,
Чтоб на весь мир разжечь святой пожар!

Вы все, борцы земли, что для свободы жили,
Кричите братьям своим:

Довольно мы врагов своих любили —
Мы ненавидеть их хотим!

Разите же врагов не уставая,
Разите смелою рукой.

И будет вам та ненависть святая
Священнее любви святой!

Мы взяли в руки меч: пока они не сгнили,
Мы не должны расстаться с ним.

Довольно мы врагов своих любили —
Мы ненавидеть их хотим.

<1898>

318. ПЕСНЯ ЮНОСТИ

Весело! Шумно! Здесь, жизнь молодая,
Ты свой чертог создаешь.

Горе, нужду и труды забывая,
Пляшет, поет молодежь.

Хохот и шутки. Стаканы сверкают
Красным, дешевым вином.

Это изгнанники праздник встречают...
Юности песню споем:

«Голод, и холод, и муки изгнания,
Долгие годы тюрьмы,
Труд непрерывный и горе скитанья —
Всё это вынесли мы.
Всё это завтра и снова, и снова
Молча спокойно снесем.
Что нам сегодня до завтра лихого?
Юности песню споем!

Полночь! Год новый! Его на чужбине
Встретим мы криком: ура!
Знаем: он даст нам всё то же, что ныне,
Не принесет он добра.
Будем работать за грош, за копейку,
Мыкаться ночью и днем.
Ну ее к черту, заботу-злодейку!
Юности песню споем!

Тише! За братьев далеких, любимых
Молча поднимем стакан.
Там они бьются, там мучит родимых,
Тянет их жилы тиран.
Все мы готовимся к грозному бою,
Все мы оружие куем.
Будь то, что будет! Пред мрачной судьбою
Юности песню споем!

Встретим мы весело, встретим мы смело
Новый родившийся год!
Будем мы биться за братское дело,
Биться за бедный народ!
Рухните, старые злые кумиры!
Радостно мы развернем
Красное знамя, стяг юного мира!
Юности песню споем!»

*1 января 1880
Париж*

В отдаленном краю, за Уральским хребтом,
 В неприглядной, холодной Сибири,
 Окруженный глухими снегами и льдом,
 Отдаленный насильно от мира,
 Стану я коротать молодые года,
 Заменявши неволю неволей,
 Утешаясь тяжелой порой иногда,
 Что служил я хоть чем-нибудь воле!
 Что хоть мало принес я родимой стране,
 Но всегда для нее я трудился,
 Что не жили корыстные мысли во мне,
 Что всегда к ее благу стремился!
 Не страшна мне Сибирь и безмолвье лесов,
 Ее тундры и мертвые степи,
 Не страшны и трескучий мороз, и снегов
 Бурный ветер, и железные цепи,
 Лишь бы дело нашел я по силам себе,
 Лишь бы мог я работе отдаться! —
 И тогда и в Сибири, и в мертвой тайге
 Я не буду тоске поддаваться!..
 Прочь бесцельные муки и горе-тоска!
 Впереди новый мир развернется!
 Где живет лишь народ, там работа всегда
 Для желающих мигом найдется!

Август 1887

320. 2-е (14) ИЮЛЯ 1889 г.

Пойте, товарищи! Песней веселою,
 Может быть, думы отгоните прочь!
 Только зачем в эту песню тоскливая
 Нотка, забравшись, напомнила ночь.

Степи безлюдные, цепи железные,
 Дальнего Севера лютый мороз,
 И молодые надежды разбитые,
 И неоглядное кладбище грез!..

Пойте, товарищи, песни веселые!
Ровно сто лет, как Бастилья взята;
Нынче пирует весь мир образованный
Память победы свободы, труда!..

Что ж вы задумались? Разве не радостно
Вспомнить о дальней победе своей?
Только зачем тут решетки железные?
Только зачем эти звуки цепей?..

Полноте, братцы! Что цепи железные?
Телом мы скованы — духом вольны!
Если гнетет нас действительность горькая,
Вспомним прошедшие годы и дни!

Пойте, товарищи, песни веселые!
Мрачные думы гоните скорей!

2 июля 1889

Якутский тюремный замок

321. МИТЕ

Ударит час — как тяжкий сон
В немую даль наш век уйдет.
Лучом свободы озарен,
Счастливый, новый мир блеснет
Волшебной сказочной мечтой;
Из окровавленных могил
Он, гордый, юный, полный сил,
Придет, сияя красотой!
И ты, дитя, придешь тогда
В тот мир; проклятья старине
Раскроют чистые уста,
И громко зазвучат оне!
И из-за них наш темный мир
Не омрачит ваш чудный пир!..
Тогда поймешь ли ты, дитя,
Борьбу кровавых, грозных дней,
Когда, мечту в душе тая,
Под лязг и гулкий звон цепей
Мы день и ночь вели в бою?
Когда не только жизнь свою —
Мы душу в жертву принесли

И вас, на старческих плечах
Увлекши вдаль, от тьмы спасли?
Не прозвучит ли на устах
Укор жестокий? О дитя!
Наш век был мрачный, грозный век,
А ваш счастливый! В нем шутя
Живет свободный человек!
Когда б наш долгий, долгий бой
Не беспощадностью дышал,
Тогда б и ваш мир был иной,
И он бы грезой не сиял!..

3 августа 1889

Якутская тюрьма

В. Д. ОРЖИХ

322. НОВОСЕЛЬЕ

*Посвящается новичкам
Петропавловской крепости*

Эх! и плохие пришли времена!
В крепость попал ты, мой милый!
Мертвая всюду царит тишина,
Изредка звон лишь унылый.
Ну да ведь ночь, а как утро придет,
Всё ж веселее, брат, станет!
Завтра увидишь ты здешний народ;
Новая жизнь настанет.
Завтра начнешь ты подслушивать шум,
Звуки разгадывать будешь.
Только поменьше мучительных дум:
Скоро здоровье погубишь.
Лучше спокойно и кротко сноси
Долю свою роковую.
Много сынов здесь родимой Руси
Сносят тоску гробовую,
Многие годы сидят здесь и ждут,
Долгие, долгие годы!
Что-то они им в конце принесут?
Может, лишь Шлюссельки своды?
Спи же, родимый, спокойно усни!
Завтра дадут тебе книгу,

С ней скоротаешь тюремные дни,
Братскую с ней свяжешь лигу.
В книгах найдешь ты не раз и не два
Веры своей подтвержденье.
В них ты увидишь, как часто злоба
Честных гнела в заключенье.
Скажут они: нет вернее пути,
Кроме борьбы той кровавой,
Что завязалась давно на Руси
С этой безумной оравой
Низких холопов чурбана-царя,
Губящих правду, свободу,
Разум, науку; ведущих шутя
Сотни людей к эшафоту.
Скажут они, что настанет пора —
Нас, может быть, уж не будет —
Сбросит народ наш с престола царя,
Землю и волю добудет.
Спи же пока, брат, спокойно усни:
Будь до конца делу верен
И на вопросы жандармам скажи,
Что отвечать не намерен.

*Между 1886 и 1889 (?)
Петропавловская крепость*

323

Не рыдай так безумно над павшим в борьбе
Другом, сильно тобою любимым.
Покорись роковой, неизбежной судьбе
И не мучь свое сердце тоскою!
Не вернешь никогда то, что смертью отнято,
Не воскреснет зарытый в могилу;
Если буря порывом одних унесла —
Не убить же другим свою силу
Бесполезною мукой, бесплодной тоской,
Разъедающим душу сомнением?
Верь! И знамя борьбы еще сильной рукой
Держи смело и гордо с терпеньем.
Верь, что жертвы борьбы этой страшной, глухой
Не без пользы, не сгинут бесследно:
Их заслуги припомнят счастливой порой,
Когда клик разнесется победный.

Пусть же кровь наших братьев, погибших
в борьбе,

Возродит твою силу, отвагу,
Чувство мести кровавой возбудит в тебе
И стремленье к народному благу.

Страшные в жизни творятся явления:
Гибнут одно за другим поколения
Юные, лучшие, с силой могучею,
С братской любовью к народу родному,
Гибнут, а всё ж их идея живучая —
Вечный укор всему пошлому, злomu —
Двигает новые рати отважные
В битву с тиранами злыми, продажными.
Смело несут свою жизнь благородную
В жертву за жизнь и свободу народную.
И никогда эту силу великую
Не сокрушит злоба лютая, дикая,
Но, как поток, берега размывающий,
В бурную осень пределов не знающий,
Родина-мать, разольешься и ты,
С корнем негодные вырвешь кусты,
И на очищенной почве свободной
Счастье взрастишь ты на ниве народной!

Между 1886 и 1889 (?)

Петропавловская крепость

Н. С. РУСАНОВ

324. НА ВОЛГЕ

Я над Волгой сидел,
Я на волны глядел,
Как катились они чередом...
Вдруг почудилось мне,
Что в речной глубине
Раздалось: «Гей, ребята, пойдём!

На бояр, на попов
Да на сытых купцов
За народ православный честной!

Себе землю возьмем,
Себе волю найдем,
Постоим друг за друга горой!..»

И опять тишина...
Вдруг я вижу: со дна
Всплыл на Волгу-реку резвый струг,
А на том на стружке
Сидят хлопцы в кружке,
На носу атаман, верный друг...

Он стоит недвижим,
Кушаком дорогим
Опоясал он стан молодой:
То — народный боец,
То — за правду борец,
Стенька Разин, казак удалой!

Он очами сверкнул,
Он кудрями тряхнул
И вскричал, размахнув топором:
«Двести лет уж прошло,
Как всех нас извело
Племя бар заодно с их царем,

Но вслед нам, вижу я,
Идет много, друзья,
Разудалых, лихих молодцов,
Что побьют бар-вельмож,
Да попов, всех святош,
Пошлют к черту царя и купцов!

Пролилась наша кровь
За большую любовь,—
Что народ мы уж больно любили...
Царь, бояре-князья
И купцы-холопья
Нас за то, молодцов, загубили...

Но недолго им жить,
Из народа кровь пить:
Мечь народа падет на них скоро...»
И из глаз тут моих
Улетел стружек вмиг
Вниз по Волге, по царству простора.

1874

325. ДВА СТАНА

В мире два стана, нещадно враждующих:
 В первом — с победно поднятой главой
 Сонмы веселых, беспечных, ликующих,
 Сытых, довольных собой;
 Сонмы терзающих силы народные,
 Нагло сосущих народную кровь,
 Топчущих в грязь всё святое, свободное —
 Честь, идеал и любовь.

С сердцем заплывшим, душой пресыщённою,
 Всюду внося с собой ложь и разврат,
 Всё попирают стопой загрязненной,
 Куплей-продажей клеймят.
 Совесть и честь для них звуки забытые,
 Изгнаны правда, любовь, идеал;
 Соки народные, в золото слитые, —
 Вот где их бог, их Ваал!

Вечная праздность, разгул нескончаемый,
 Пьянство, обжорство, бесстыдный разврат,
 Наглая ложь, произвол нескрываемый
 Здесь безраздельно царят!..

В стане другом — миллионы униженных,
 Стонущих тяжело под гнетом оков,
 Счастья не знающих, роком обиженных,
 Цепи влачащих рабов;

Вечно надломленных, вечно страдающих,
 Молотом, ломом, сохой, топором
 Жизнь и здоровье свое надрывающих
 Над непосильным трудом;
 Хищные стаи жестоких мучителей,
 Алчных вельмож и жестоких царей,
 Царских холопов, чиновных грабителей
 Кровью питают своей...

Только не вечно им рабство позорное,
 Гнет ненавистный смиренно нести;
 Кончится скоро молчанье покорное,
 И задрожат палачи...

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВХОДИВШИЕ В СБОРНИКИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

327. ОДА НА СМЕРТЬ НИКОЛАЯ I

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.

И ни попыткой, ни кликом, ни полсловом
Не обнаружались трусливые сердца,
И будут вновь страдать при сыне бестолковом,
Как тридцать лет страдали от отца.

Да, тридцать лет почти терзал братоубийца
Родную нашу Русь, которой он не знал,
По каплям кровь ее сосал он, кровопийца,
И просвещение в ней цензурою сковал.

И, не поняв, что только в просвещение
Народов честь, и мощь, и благо, и покой,
Все силы напрягал он для уничтоженья
Стремлений и надежд России молодой.

Что жизнью свежее цвело и самобытной,
Что гордо шло вперед, неся идеи в мир,
К земле и к небу взор бросая любопытный, —
Он всё ловил, душил, он всё ссылал в Сибирь.

Всю жизнь стремился он, чтоб сделать Русь машиной,
И точно, упростил правленья механизм:
Вельмож и мужиков бил в голову дубиной
И возвеличил лишь военный деспотизм.

Он грабил нашу Русь, немецкое отродье,
И немцам передал на жертву наш народ,
Без нужды он привлек к нам ратное невзгодье,
Других хотел губить, но сам погиб вперед.

И в день всерадостный его внезапной смерти
Сын хочет взять себе его за образец!
Нет! Пусть тебя хранят все ангелы и черти,
Но нас не будешь ты тиранить, как отец!

Пора открыть глаза уснувшему народу,
Пора лучу ума блеснуть в глухую ночь,
Событий счастливых естественному ходу
Пора энергией и силою помочь.

Не правь же, новый царь, как твой отец ужасный,
Поверь, назло царям, к свободе Русь придет,
Тогда не пощадят тирана род несчастный,
И будет без царей блаженствовать народ.

18 февраля 1855

328. 17 АПРЕЛЯ 1856 года

Царь Николай просил у бога
Суда на сына своего,
Распространяясь очень много
О непокорности его
Отцовским мудрым повеленьям,
О том, как он себя забыл
И, внемля подданных молениям,
Мир неблестящий заключил,
Как он о честности хлопочет,
10 О правде, чести и уме,
Как мыслящих людей не хочет
Держать в Сибири и в тюрьме...
«Ах (он) подлец! — вскричал всевышний,
Услышав звук последних слов.—
Да так я сам ведь буду лишний
Средь этих мыслящих голов.
Лишь пусть побольше разведутся...
Вот я ж его!.. Моя рука
Тебе, мой друг; тотчас польются
20 Беды на твоего сынка».

И многоопытной главою
 Старик разгневанный потряс
 И начал думать сам с собою,
 Чем гнев явить на этот раз...
 «Ох, старость, старость! плохо, право,—
 Вздохнув, сказал он наконец.—
 Как сузилась моя держава,
 Как мало верных мне сердец!
 Бывало, дождь падет весною —
 30 И все меня благодарят,
 Хлеба в полях сгорят от зною —
 Ко мне с молениями спешат.
 Бывало, вылечат больного —
 Молебны мне ж идут служить,
 Сошьют для праздника обнову —
 Меня ж придут благодарить.
 Бывало, бедного ограбят,
 Или бессильного прибьют,
 Иль с рвением кого прослав(ят) —
 40 За всё ко мне моления шлют.
 Теперь не то... Народ умнеет,
 Всё хочет знать да рассуждать,
 И на Писанье не робеет
 Опроверженье представлять.
 Не удивишь теперь затмением,
 Ни громом страха <не внушишь,
 >
 Не многих к богу обратишь.
 Теперь законами природы
 50 Всё объясняет человек,
 Стремится к правде и свободе.
 Бездушный век, развратный век!
 Что с Александром делать станешь!
 И не придумать, право, мне...
 Ведь гласом неба тут не грянешь
 Или не явишься во сне.
 Не упадешь с аэролитом,
 Чтоб страх вдохнуть в цареву грудь.
 С умом, науками <развитым,>
 60 Всё это долго ли смекнуть!
 Мне нужно очень осторожно
 Теперь с людьми себя держать,
 Их обмануть еще возможно,
 Но страхом ничего не взять».

И долго в тягостном раздумье,
Главой поникнув, бог сидел;
Должно быть, о людском безумье
По доброте своей жалел.
А Николай благочестивый

70 Меж тем является опять
И просит вновь нетерпеливо
На сына казнь скорей послать.
Бог стал уж грустно убеждаться,
Что тут не сделать ничего,
Но не хотел никак сознаться,
Что мало силы у него.
«Чего ж тебе? — на Николая
С притворным гневом он вскричал.—
Вовнутрь незримо проникая,

80 Царю я в сердце скорбь послал.
Он будет плакать и томиться,
Хоть с виду весел будет он,
К твоим стопам он обратится,
Тоской душевной исполнен».
— «Не мни, о бог,— воскликнул гневно,
Забывшись, русский царь-палач,—
На свете нет тоски душевной,
Вздор мелешь, старый бородач!..
Лет шестьдесят я жил на свете,

90 А не знавал такой тоски,
И чтоб мои родные дети?..
Да что они за дураки!!»
Увидел бог, что слишком сильно
Распетушился Николай,
И говорит ему умильно:
«О смертный, смолкни и внимай!»
Вдруг оба услышали ясно,
Дождь проливной как зашумел,
И этим случаем прекрасно

100 Прикрыться хитрый бог сумел.
Он принял важную осанку,
Главою гневно покачал
И, бросив бабью перебранку,
Царю торжественно вещал:
«Теперь твой сын в своей столице
Иллюминацию зажжет
И сам поедет в колеснице
Смотреть, как празднует народ;

Но здесь не узрит он ни крошки,
110 Глубокий страх везде найдет,
〈Зане намокнет всё〉 — и плоски
Затушит ветр и дождь зальет,
Народ не выйдет за ворота,
И рано град во мгле заснет,
И царь со скорбью и заботой
Свой день рожденья проклянет!»
Умолк. Речам хитросплетенным
От сердца верит наш солдат
И ждет, когда к ушам блаженным
120 Проклятья сына долетят.
Но ах! погибли упованья,
Надул всеправедный творец!
Не гул проклятий и стенанья
С земли он слышит наконец,
А лишь веселья отклик шумный
И громогласно〈го〉 «ура»
В толпах народа клич безум〈ный〉
В честь молодого их царя...
Увы, увы! ни дождь, ни слякоть
130 Не помешали торжеству.
Отцу пришлось — не сыну плакать,
И богу — вновь склонить главу!
Перехитрил его строптивый
И недостойный род людской:
К погоде бурной и дождливой
Огонь придумал спиртовой,
От ветра плоски защитивши
И, несмотря на ветр и дождь,
Толпой беспечно пробродивши
140 Почти насквозь всю эту ночь!
И Николай российской бранью
Ругнул всевышнего творца,
И бог закрыл всемошной дланью
Черты 〈всезрящего〉 лица.
И долго думал сам с собою,
Но не придумал ничего,
На мир людской махнул рукою
И отвернулся от него.

Апрель 1856

329. ОТЗЫВ НА МАНИФЕСТ ОБ ОПОЛЧЕНИИ

Европа против нас! Окружено врагами
 Отечество со всех сторон.
 Кровавый час настал... и очередь за нами,—
 Повсюду меч уж обнажен!..
 Мы знаем клеветы, мы слышим оскорбленья
 Тысячеглавой лжи газет —
 Измены, зависти и страха порожденье.
 Друзей у нашей Руси нет...
 И бранный клич прошел над русскою землею,
 10 Забились русские сердца,
 И тысячи певцов восторженной толпою
 Прославили царя-отца.
 И я к тебе пишу еще одно посланье,
 России царь! Пускай мой стих
 Пред миром выскажет всеобщее желанье
 Сограждан — подданных твоих.
 Перчатка брошена, не время нам считаться:
 Теперь ты предводитель наш,
 И русский гражданин пойдет за Русь сражаться —
 20 Ее всегдашний верный страж,
 Ни пред каким иноплеменным строем —
 Поверь — не дрогнет русский строй.
 Наш ратник, осенив крестом грудь перед боем,
 Не посрамит земли родной,
 И ляжет он костями с молитвою простою
 На том же месте, где стоял...
 Ему — кровавый труд, а ленту после бою
 Пускай наденет генерал.
 Он — царской прихоти орудие слепое —
 30 Безвестным жил, безвестным пал...
 И много подвигов неведомых свершится,
 И много, много жертв падет,
 И не одна семья, в слезах, во храм молиться
 За души милые придет.
 И, может быть, кровавая победа
 К твоим ногам положит трон;
 Ты будешь, может быть, диктатором соседа,
 Предпишешь Англии закон!

И с ультиматумом поедут дипломаты
40 В Париж, чрез груды русских тел,
И в страхе утверждают парламенты, палаты
Всё то, что русский царь велел!..
Но если в этот раз нам суждено иное,
И жребий против нас падет,
И рати русские, одну вслед за другою,
Перст божий вихрем разнесет...
Тогда мы встанем все, тогда опять зажгутся
Перед врагами города,
Мильоны новые защитников сберутся
50 Вкруг трона твоего тогда;
Сумеют дети встать в ряды за Русь родную,
Сумеют жены умереть.
Не сможет гордый враг в минуту роковую
Ни пядью Руси завладеть.
Пока один из нас родное слово слышит,
До тех пор длиться будет бой,
До тех пор договор постыдный не подпишет
Европа русскою рукою.

Европа? Где ж она? Тому еще недавно
60 Она всей жизнь жила,
Ее манил к себе свободы призрак славный,
Свершались громкие дела.
Ее ораторы, провозглашая братство,
Громили потрясенный трон,
И короли ее, готовя святотатство,
Клялись поддерживать закон.
В мечтах Германия, от Рейна до Карпатов,
Сливалась под одним венцом,
И падало во прах создание дипломатов
70 Пред Гогенштауфенским мечом,
И тени Фабиев и грозных Сципионов
Слетались в возрожденный Рим,
Чтоб ненависть свою к царям и страх законов
Потомкам передать своим.
Граждане Франции, провозгласив свободу,
Навек разбили эшафот;
Вставали Венгрия, славянские народы —
Всё оживало... шло вперед...
Тогда мы слушали с восторженным вниманьем
80 Далекий шум святой борьбы,

Дрожала наша грудь тревожным ожиданьем
Перед решением судьбы.
Мы братьев видели в защитниках свободы,
Мы не могли их не любить...
Могучий дух тогда воспламенял народы,
Они могли нас победить...
Но жребий пал иной... Отложена до срока
Победа вольности святой,
Еще час не настал последнего урока,
190 Не закипел последний бой!..

Владыки Англии, патриции, банкиры —
Все ниц пред золотым тельцом!..
Их флот во всех морях, торговля полумира
Британским скована клеймом.
Пиявки Индии во имя просвещенья,
Защитники ростовщиков,
Отравы продавцы, — они без убежденья
Бросают волны громких слов.
А между тем у них ирландцы голодают,
100 Кряхтят под тягостным ярмом!..
И нищих миллион в разврате изнывают
Пред раззолоченным дворцом!
На золотых весах там взвешивают право!
«Гнилых местечек» депутат,
Во имя древности Британского устава,
Садится на скамью палат;
Высокомерный внук прославленного деда,
Распутный лорд и пэр идет,
110 Под мирный шум речей, дремать после обеда,
И хартии хранит клейнод...
Величье Англии есть ложь! Ее расчеты
Не отвратят час роковой,
И не спасут ее ни армии, ни флоты
От раны тайной и гнилой
Несправедливых дел под маскою закона.
Падет владычица морей,
В горячке и бреду, с ее златого трона, —
Перст божий тяготит над ней!
120 И Франция свою похоронила славу,
Сама разбила свой венец!..

Мне жаль великую свободную державу,—
Постыден Франции конец.
За блески мишуры, за шитые кафтаны,
За сан чиновного слуги,
За право набивать бестрепетно карманы
И не уплачивать долги,
За балы пышные, за праздники без счета
Французы продали закон,
Отечество и честь с улыбкой Искарьюта!..
130 И для кого ж воздвигли трон?
Бездушный спекулянт на низкие влеченья,
Холодный ритор громких слов,
Тиран бесславных дел, фигляр без убежденья,
Он всем пожертвовать готов,—
Он клятвой торговал, он торговал собою,
Он с кафедры публично лгал;
Поддержан пьяною, подкупленной толпою,
Он гордо право попирал;
Он крал у Франции, у падших поколений,
140 Скупал мильоны низких душ,
Под маскою его подпишет мир с презреньем:
«Вот коронованный Картуш!»
На этого царя французы променяли
Свободы мыслей и речей,
Своих ораторов-героев изгоняли,
Цвет лучший родины своей...
Он Цезаря надел тяжелую корону,
Ахилла жалкий мирмидон...
И хитрый иезуит, продажные шпионы
150 Продажный окружили трон...
Ты ль это, Франция, отчизна Лафайета?
Ты, где Жанна д'Арк жила?..
Передовой народ во всех движеньях света,
Свой славный век ты отжила...

И ты, искусственной монархии властитель,
Наследник четырех корон,
Монахов ученик, Радецких повелитель,
Монарх двенадцати племен,—
Давно ль ты трепетал перед народной волей?
160 Давно ль клялся хранить закон?
И мощная рука союзника давно ли
Твой шаткий поддержала трон?

Пред силой чуждою угас огонь восстанья;
К ногам России положил
Маджар разбитый меч; свое завоеванье
Тебе царь русский возвратил.
И ты в крови не смыл позор твоей державы:
Напрасно венгров кровь текла, —
170 Ты в казнях не нашел венца поблекшей славы,
Венца габсбургского орла.
Ты молод, но давно ты приучен к обману:
Предательством известный двор
В тебя вдохнул свой яд, к тебе привил он рано
Дипломатический позор.
Штыками разогнал ты скучные палаты,
С тебя монах присягу снял;
Князья без княжества, гнилые бюрократы
Опять дают, без счета, бал!
И ты готовишься на новую измену, —
180 Твои полки идут на нас...
Не рано ли еще, и позабыла ль Вена
Своей свободы краткий час?
Смотри: там мечутся славянские народы
Под ненавистным им ярмом;
Смотри: в Италии блеснул кинжал свободы,
Смотри — ударил в Парме гром.
Спроси Стюартов ты, спроси ты у Бурбонов:
Народы судят ли царей?
И сходят ли порой на эшафот со тронов
190 Потомки древних королей?
Стоглавый исполин, страна ученых прений,
Метафизический народ,
Отчизна Гегеля, высоких умозрений,
Мыслителей могучий род!
Злой жребий обрекла история на долю
Твоим разрозненным сынам, —
Как жертву, отдала тебя судьба в неволю
Микроскопическим царькам,
Когда же сбросишь ты лохмотья разделенья
200 И бремя сорока венцов?
Когда настанет час единства, возрожденья,
Иль вечен сон твоих сынов?
Иль, погруженные в туманные идеи,
Живя средь отвлеченных фраз,

Не чувствуют они, ученые пигмеи,
Что дорог день, что дорог час?
Иль сонм филистеров средь пыльных кабинетов
Забыл, что родине нужна
Не речь профессоров и не мечты поэтов,
210 Что жаждет славных дел она?
Наследник Фридриха, воспитанник пиэтизма,
Священный папа лютеран,
Сегодня либерал, вчера друг деспотизма,
Ты, пьяный Ульриха тиран.
Не это ль избранный Германии правитель?
Неужли он поддержит вас?
И жалок и смешон тевтонов избавитель:
Нет, не настал еще ваш час!..

Недуг неверия, гражданского раздора,
220 Недуг себялюбивых дел,
Дух малодушия, продажности, позора
Европой старой овладел.
Восстанет ли с одра болезни и мученья
От лихорадочного сна?
Придут ли для нее минуты исцеленья,
Провозвестит ли нам она
Законы новые общественного строя —
Любви и равенства закон?
И скажут новые гражданские герои:
230 «Европы род еще силен».
Или томит ее предсмертное страданье,
Последний старческий недуг,
И дети Запада, как всякое создание,
Свершили свой заветный круг
И сходят, мрачные, с окровавленной сцены,
Как братья старшие сошли?
Затем, что час настал для новой перемены
Всей декорации земли.
Как исполинский кедр над горной высотой,
240 Могуч, несокрушим на вид,
Внутри давно прогнив, держась одной корою,
Тысячелетия стоит
И ждет, чтоб ураган, поднявшись в час урочный,
Сорвал гиганта с вышины
И бросил в прах его... Быть может, так же точно
И дни Европы сочтены!..

И, как отжившие владыки Вавилона,
 〈Как сгибнувший немой народ,〉
Как Рима древнего герои — легионы,
250 Умрет и европейский род.
Быть может, суждено славянским поколениям
 Наследье славное принять,
Народам светлый луч гражданства, просвещения
 Возобновленный передать.
Но русские достойны ль этой славы?
 Воистину ль мы лучше их?
Гражданской доблестью крепка ль твоя держава,
 Царь русский? Для сынов твоих
Понятны ли слова: «Законы и заслуги»?
260 Отчизну любят ли они?
Или вокруг тебя стоят безмолвно слуги
 Беспрекословные одни?
Растет ли твой народ под отческим надзором,
 Под благодетельной рукой?
Ты смотришь ли на всё спокойным взором?
 Живешь ли жизнью с ним одной?
Ты сердца русского все знаешь ли биения?
 Скажи: ведешь ли ты вперед,
К познанию, к высшему святому назначению
270 От бога вверенный народ?
Я вижу — вокруг тебя Клейнмихели, Орловы,
 Временщиков надменный строй...
Готов уже для них стих горький и суровый,
 Но смолк он до поры иной...
Забыто прошлое — в пылу тревоги бранной
 Забыт пиявиц хищный род,
Забыты мелкие чиновные тираны,—
 Теперь с тобою, царь, весь твой народ!
Но помни, русский царь, ты нашей силой крепок,
280 Величьем нашим ты велик,
Без русской доблести престол твой — гряда щепок,
 Народов мощь есть мощь владык!
Проси у господ не громкие победы —
 Тебе их принесет народ;
Не усмирение коварного соседа —
 Его рать русская уймет;
Не помощь в бедствии — мы вытерпим с тобою;
 Не злата — мы его дадим;

290 Моли о мудрости, чтобы ее рукою
Ты был всегда руководим;
Чтоб дал тебе господь советников нельстивых,
Помощников разумных дал,
Слуг бескорыстных и судей правдивых
Твоей рукой бы избирал;
Чтоб он внушил тебе сочувствие свободы,
Познание народных нужд,
Чтобы привлек к тебе сердца и ум народа,
Чтоб ты не оставался чужд
Его стремлению к великим идеалам;
300 Чтоб он в тебе и ты жил в нем;
Чтоб назвали тебя потомки не капралом,
Но русским праведным царем!

Между январем и апрелем (?) 1855

330. ПОСЛАНИЕ МИХ. ИЛ. МИХАЙЛОВУ

С Балтийского моря на Дальний Восток
Летит бурный ветер свободно,
Несет он на крыльях пустынный песок,
Несет вздох тоски всенародной...
Несет он привет от печальных друзей
Далекому милому другу...
Несет он зародыши грозных идей
От Запада, Севера, Юга...
И шепчет: «Я слышал, в полях, в городах
Уж ходит тревожное слово;
Бледнеют безумцы в роскошных дворцах...
Грядущее дело готово.
Над русской землею краснеет заря;
Заблещет светило свободы —
И скоро уж спросят отчет у царя
Покорные прежде народы...
На празднике том уж готовят тебе
Друзья твои славное дело,
Торопят друг друга к великой борьбе
И ждут, чтоб мгновенье приспело...
И шлют издалека сердечный привет,
Надежду, тоску ожиданья —
И твердую веру: свобода придет —
И скоро... Борец, до свиданья!»

23 мая 1862

331. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО ЦАРЯ

«Вот, не в котором царстве»,
Как сказывали встарь,
Сидел на государстве
Могучий белый царь.
Носил с орлами каску,
Боялся букваря...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Народ его был черный:
Он мыться запрещал
И казнию позорной
Ослушников карал.
И задал же острастку
Он после «Декабря»...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Живя в разладе с веком,
Прогресс не признавал,
И только *человеком*
Лакея называл.
Носил величья маску,
Свой сан боготворя...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Лёв¹ Львовича, соседа,
Царем не признавал;
Считал за мироеда
И рать свою послал
Задать Левашке таску —
На Черные моря...
Сказать вам, детки, сказку
Про белого царя?

Расчел ли он неверно,
Надеялся ль на фукс,—

¹ Louis русские нередко переводят — Лёв.

Но дело вышло скверно:
Он взял и принял Нух.
С тех пор пошло в развязку,
Сынку благодаря...
Ужо скажу вам сказку
Про красного царя!

1859

332. ИЗОБРАЖЕНЬЕ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА

Чуя невзгону дворянскому роду,
Баря судачат и лают свободу;
Обер-лакеи, спасая ливреи,
Гонят в три шеи живые идеи.
Образ правленья — холопства и барства —
Изображенье Российского царства.

Видя, как шатки и плохи порядки,
Все без оглядки пустились брать взятки,
Львы-ветераны, наперсники трона,
Дремлют, болваны, на страже закона;
А дел вершенья — в руках секретарства —
Изображенье Российского царства.

Для укрепления филея и мозгу
Корень ученья нам вырастил розгу;
Книг лишних нету, читай что прикажут;
Чуть больше свету — окошко замажут.
Мрак и растленье в видах государства —
Изображенье Российского царства.

Канты, кафтаны, смотры и парады,
Каски, султаны, полки и бригады,
Сабли да шпоры, усы да мундиры,
Дурни да воры — отцы-командиры;
Поле сраженья — арена мытарства —
Изображенье Российского царства.

Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;
Тесно свободе, в законах лазейки;
Бедность в народе, в казне ни копейки;
Лоск просвещения на броне татарства —
Изображенье Российского царства!

1861

333

У Цепного моста
Видел я потеху:
Черт, держась за пузо,
Помирал со смеху.

«Батюшки! нет мочи! —
Говорил лукавый.—
В Третьем отделенье
Изучают право!

Право на бесправье!..
Этак скоро, братцы,
Мне за богословье
Надо приниматься».

Март 1872

334. СЕРДЦЕ ЦАРЕВО В РУЦЕ БОЖИЕЙ

1

Пока наш русский бог
С царем сидел на троне,
Сам черт и тот не мог
Напакостить короне.
Все козни дерзких клик,
Все шуточки нигилистов —
Предупреждали вмиг
Жандарм и частный пристав.
Чуть мину где взорвут,
Чуть выстрелят откуда —
Уж русский бог как тут
И совершает чудо...

С начальства взяв пример,
Молебны отслужили,
И марш в «Фоли-бержер»,
И снова закужили!..

2

Но вот раздался звон
Меж жителей столицы,
Что пойман купидон
У горничной царицы...
Не грех и не беда:
Все очень понимают,
Что фрейлины всегда
На ... хромают.
Сам царь им делал честь
И лазал к ним в постели;
На то они и есть —
Дворцовые мамзели.
Таков уж там манер.
Всех тянет к купидону...
Allons¹ в «Фоли-бержер»?
А ужинать — к Донону...

3

Бог сердится, но бдит,
Сложив браду на чреслах;
Глядь влево — ан сидит
Амур с ним рядом в креслах...
«Ах ты, Венерин сын!
Ты как здесь на престоле?»
— «Я здешний семьянин,
По высочайшей воле...»
— «Ну нет, ребята, пас!
От срама от такова
Бежать скорей от вас...» —
И выслал Русакова.

1881

¹ Идем (фр.). — *Ред.*

Тяжкий крест несем мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слезы на сердце кипят.

Русь под гнетом, Русь болеет;
Гражданин в тоске немой —
Явно плакать он не смеет,
Сын — об матери больной!

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

Между 1857 и 1861

.....
Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.
Не нам, иному поколенью
Отдашь ты бич свой вековой
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат и вероломство,
Все козни время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.
Мужик — теперь твоя опора,
Твой вол, и больше ничего,—
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце земледельца!
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Между 1857 и 1861

337. ОДА НА ПАМЯТНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

Чтоб надолго дни былые
 Были памятны России,
 Чтобы наш покойный царь
 Строгим взором, как и встарь,
 Приводил в оцепененье
 Молодое поколенье,
 Чтобы пылкие умы
 Не напомнили народу
 Про забытую свободу,
 Новому царю в угоду
 Императорскому роду
 Монумент воздвигли мы.
 Декорацией приличной
 Нашей площади столичной
 Грозный памятник стоит.
 Сделан он на удивленье,
 Всюду роскошь, загляденье,
 Бронза, мрамор и гранит.
 Пьедестал свой попирая,
 Скачет лошадь Николая.
 И глядит наш властелин
 Мрачно на свое созданье —
 Храм, которым не один
 Благородный господин
 Нажил быстро состоянье.
 Царь сидит спиной к дворцу,
 Потому что не годится
 Знать, что с дочерью творится,
 Императору-отцу.
 Всякий смертный, кто правленье
 Николаево знавал,
 Кто указов исполненье
 Сам на деле испытал,
 Тот, наверное, постигнул,
 Отчего царю воздвигнул
 Сын подобный пьедестал.
 Сверху белый мрамор вставлен —
 Цвет невинности самой,
 Как невинность, он придавлен
 Лошадиною ногой.

Снизу пьедестал гранитный,
Серый цвет его — зола;
Как в пожаре, всё дотла
Выжжет пламень ненасытный.
А в середине, чтобы вновь
Нам царя припомнить ясно,
Из Шахуньи, темно-красный,
Как запекшаяся кровь,
Дивно мрамор полирован,
Еле видный средь мечей:
На мечах, зная, был основан
Трон российских палачей.
А в углах четыре девы —
Из всего потомства Евы
Русских набрано княгинь —
Посадили за богинь.
Вера книгу развернула,
Только в книгу не глядит,
Крест свой к сердцу протянула
И без слова говорит:
«Мне не надобно учиться,
Мне не надо много знать,
Я должна крестить, венчать,
Исповедовать, молиться».
Мудрость зеркало взяла
И на небо навела,
А не то б в ней кровь застыла,
Если б, трепету полна,
Это зеркало она
На царя оборотила.
Грозно выставивши меч,
Хочет наше правосудье
Правду русскую стереть.
О богиня! ты орудье
Нам приличное нашла
И, родясь не русской девой,
Ты Россию поняла!
Оттого рукою левой
Ты весы подобрала.
Наконец, богиня силы,
В нас прицелившись копьем,
Императорским клеймом
Место слабое прикрыла.
И сидит она, и ждет —

Грянет слово роковое,
И в тот миг копьё родное
Полетит в родной народ.
У подножья пьедестала,
Чтобы всё напоминало
Век минувший, золотой,
Барельефы отлитые,
А сюжеты, в них взятые, —
Всё-то подвиги святые,
Так и виден в них герой!
Первый подвиг Николая —
Как, заслуги награждая,
Он солдатам отдаёт
Подержать в руках мальчишку,
Быстроглазого сынишку,
За подмогу в смутный год.
Дымом в этот день затмился
Петербургский небосклон,
И по трупам царь вломился
На тяжёлый русский трон.
Этот день был днем боязни
Для княгинь и для князей.
Этот день — причина казни
Русских доблестных мужей.
Лучше подвига второго
Невозможно сочинить:
Царь явил в нем до смешного
Страсть жандарма делового —
Всюду бунты находить.
Мужички — народец пьяный —
На Сенной перепились
И с похмелья подрались.
Царь приехал дикий, рьяный,
Замахал на них рукой.
Раскричался: «Бунт, разбой!»
Мужички засуетились,
Мигом в ноги повалились.
Царь подумал: «Как тут быть?
Шутка ль, бунт производить!»
Видит царь, что все послушны,
И бунтующих простить
Царь решил великодушно.
Про несчастную Россию
Смех и горе вспоминать.

Уж она ль не клонит выю?
На нее ль царям пенять?
Уж она ль не терпеливо
Все повинности несет
И до сраму молчаливо
Все-то власти признает!
Спит ленивая Россия,
Спит под тяжестью цепей.
Так и тут цари иные
В ней же ищут мятежей.
Лишь потехи ради гнусной
Создают бунтовщиков
И мечтают, что искусно
Правят сонмом диких львов,
Взыдут к небу все несчастья
До господня алтаря
Падших жертвой глупой страсти
Незабвенного царя.
Третий подвиг Николая
Должен вам напоминать,
Что в России жизнь благая
Всем, кто взятки любит брать,
Что здесь слабым нет защиты;
Кто богат — тот всех сильней,
Что законами прикрыты
Плутни праведных судей,
Что подчас и на законы
Судьи искоса глядят
И решают, как хотят,
Зная верно, что у трона
Их решенья защитят.
Наконец, что толку мало
От пятнадцати томов,
Если истины начало
Чуждо правящих голов.
Но не меньшего значенья
И четвертый подвиг; он
Доказал нам, без сомненья,
То, что русский наделен
И путями сообщенья.
Только тридцать лет прошли,
А в России, славу богу,
Уж железную дорогу
Верст в семь сотен провели,

И не так, как за границей,—
Колесить мы не должны:
Города обойдены —
Две российские столицы
Прямо соединены.
Мы летим что сил хватает
Через овраги, озера,
Нам ничто не помешает —
Ни болота, ни гора.
Мы болота завалили
Данью бедных мужичков,
Их руками мы прорыли
Путь в горах и сквозь холмов.
Как же подвиг не прекрасный,
Если столько русских сил,
Столько денег царь убил
Не совсем еще напрасно?
Пусть строителям нажать
Можно было капиталы,
Хоть за этот подвиг малый
Будем господа хвалить.
Ах! как всё развратом смрадным,
Грязью, пылью поросло!
Назовешь и то отрадным,
Что России, сделал зло,
Каплю пользы принесло.
Но довольно... Спи спокойно,
Незабвенный царь-отец,
Уж за то хвалы достойный,
Что скончался наконец.
Этот памятник позорный
Нашей подлости покорной
Вызвал желчь в моей груди,
В голове рассеял грезы.
Я спросил себя сквозь слезы:
Что же будет впереди?
Если царь, в котором прежде
Мы любили, как в надежде,
Наш счастливейший удел,
Сам, как будто в посмеянье,
Наше прежнее страданье
Нам напомнить захотел?
Если он не уважает
Ни печаль, ни слабость в нас,

Наше рабство выставляет
Всем народам напоказ?
Боже, смилуйся над нами!
Как без ропота нам снести
Нашу нашими царями
Опозоренную честь?
Как же людям не томиться,
Как же в них не разгорится
Злобы праведный огонь,
Если даже медный конь
Грозно мечется и злится
Под монархом-палачом,
Если, точно как в живом,
Видно в нем, как кровь клокочет,
И, поднявшись на дыбы,
Сбросить всадника он хочет
На фонарные столбы?

1860

И. Н. ТКАЧЕВ

338. 14 ДЕКАБРЯ 1861

Памяти Михайлова

Еще одним их меньше стало,
Убыл еще из их кружка!..
На этот раз судьба избрала
Свободы лучшего бойца.
Закинутый в краю далеком,
И там, окованный, в цепях,
Быть может, сгинет одиноко
В сырых и мрачных рудниках!
За что?.. За то ль, что он свободно
Восстал за угнетенных кровь,
Что отозвался благородно
На стоны страждущих рабов?
За то ль, что был он Человеком
Среди рабов и палачей,
Смеющихся над нашим веком
И пляшущих под звук цепей!

За то ль, что вопль меньших братьий
В нем сердце кровью обливал
И что невольные проклятья
За них тиранам посылал!

Какая радость, ликование!
Закон продажный «подведен»,
На муки, на изгнание
Несчастный брат наш осужден!
У нас,— как прежде у евреев
Свели Спасителя к кресту,
Что обличал он фарисеев,—
Ведут к позорному столбу
Для площадного поруганья
Подкупленных, продажных слуг
Того, кто «сильных» за тиранья
Смел обличать свободно, вслух.

Лишь только слово искушенья
Коснется чутких их ушей,
Кричат тираны в исступленье:
«В Сибирь его, оков, цепей!»
Но не умрет живое слово,
Его цепями не сковать!
Оно воскреснет снова
И будет снова волновать
Рабов желанием свободы.
Его услышат с рудников,
И встанут мощные народы,
И отомстят за эту кровь!

18 декабря 1861

В. С. КУРОЧКИН

339. ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

〈Из П.-Ж. Беранже〉

Господин Искариотов —
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,

Расстиляется, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искарриотов —
Патриот из патриотов —
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей —
Шепчет, чувствуя опасность:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Без порывистых хваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Он поборник просвещения;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:

«Тише, тише, господа!
Господин Искарियों —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но, едва вошел он в дом,
Вы невольно говорите:
«Тише, тише, господа!
Господин Искарियों —
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

<1861>

М. Л. МИХАЙЛОВ

340. ПЯТЕРО

Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли,
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,—
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколениям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованием, что пора придет —
И вами смело начатое дело
Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах,—

В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец всё больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
〈Стоят великолепные〉 гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Куруется ладан, теплятся лампы,
И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,—
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена:
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святыне ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений,—
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимую лампадой.

1861 или 1862 (?)

341. ДЕЛЕЖ НЕХОРОШ

(Новая песня под балалайку, не то под гармонику)

Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
Уж и так он нечестен, непригож,
Что мне, молодцу, совсем невтерпеж:

Кому блин, кому два, кому кныш,
А как мне ли, горемыке, — шиш,
Да и то, вишь, коли выкупишь.
Уж такое это правило,
Только немцев позабавило,
В дураках всю Русь оставило.

Ой, батюшка, твой дележ нехорош,
Таки очень нечестен, непригож,
Никому-то на Руси невтерпеж.

Ах, ты доля моя, долюшка,
Что ковыль-трава среди полюшка,
Безземельная ты волюшка!
Надштукована, налатана,
В «Положение» запрятана,
Ко лбу пулей припечатана.

Нет, батюшка, твой дележ нехорош,
Больно, сударь, нечестен, непригож —
Не пойти ли нам с тобою на правеж?

Али крикнуть моих мальчиков,
Моих верных выручалыщиков,
Костяных-то десять пальчиков:
Что сожму — так дубоватые,
Распуцу — так вороватые,
Пуцу в дело — плутоватые.

Уж, батюшка-государь, как ты хошь,
Ну а только твой дележ нехорош,
То есть просто ни на черта не гош!

Забавляй-кошь ты с девчатами,
Пей с немцами-панибратами,
Потешайся медвежатами,—
Разной этакой охотою,
Государскою заботою,—
Ну а я-то поработаю!

Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
Не пойти ли нам с тобой на правез,
Да не кликнуть ли солдатикам про то ж.

Други-братцы вы, солдатушки,
Одной матушки ребятушки,—
Послужите Руси-матушке!
У нас каша заварена
Про царя да и про барина
И про всякого татарина.

Пересудим-кошь по-своему дележ,
Чтобы был он всей Расеюшке хорош,
А и нужен-то он — вынь да положь!

1862

И. И. ГОЛЬЦ - МИЛЛЕР

342. «СЛУ-ШАЙ!»

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночька черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,

Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище,
— Слу-шай!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака залыется,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шай!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы,—
Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная...»
— Слу-шай!..

Чу!.. Шелест... Вот кто-то упал... приподнялся...
И два раза шелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел
раздался,
И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
«Прощай, жизнь, свобода, прощай!» —
Прорвалося стоном из раненой груди...
— Слу-шай!..

И снова всё тихо... На небе несмело
Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

(1864)

343. REQUIEM¹

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

<1865>

С. С. СИНЕГУБ

344

Гей, работники! несите
Топоры, ножи с собой,
Смело, дружно выходите
Вы за волю в честный бой!

Мы, под звуки вольных песен,
Уничтожим подлецов —
Палача царя повесим,
С ним дворянство и купцов!

Кончить время! уж довольно
Им с нас шкуру втрое драть,
И мужицкую кровь полно
Им по-вшиному сосать!

¹ Похоронная песня (лат.). — *Ред.*

Прочь владык! пусть мир сберется,
Выше мира власти нет!
Вряд ли кто сильней найдется —
Обойди хоть целый свет!

Расступися, лес дремучий!
Дай простор — народ идет!
Хочет силою могучей
Вековой разрушить гнет.

Гей! огня давай скорее —
Им очистим всё зараз,
Чтобы дело шло спорее...

.

Ты утихни, сине море,
Не моги огонь за тить —
Накипело в сердце горе,
Нету моченьки сносить!

Час настал, вставайте, братья!
Силы, кровь и жизнь свою —
Всё несите без изъятья
Вы к святому алтарю.

Воля, право и равенство
Ждет за то вас впереди.
Жизнь высокого блаженства,
Без мучений и забот.

Мукам мир конец положит —
Тяжким сборам, податям,
Наши кости царь лишь гложет,
Кровь по вкусу лишь зверям.

Мы довольно гнули шею
Под ударами кнута,
В ноги кланялись злодею,
Целовали у плута

Руки, пятки за презренье,
За удары, за наш труд!
Невтерпеж.
Жажда мести сердце жмут.

(1873)

Сила ломит и соломушку,—
Ломит барин мужика,
Нет житья народу бедному
От попа да кулака!
Прижимают на нет моченьки,
Схоронить хотят живьем
По заказу зверя лютого,
Что народ зовет царем.
Эх ты, сила благодатная,
Ты зачем нам не дана?!
Зажила б с тобой по-своему
Вся родная сторона!
Зажила бы, показала бы,
Как народ умеет жить!
Наши руки развязала бы,
Не дала бы нас губить!
Эх ты, силушка родимая,
Ты у нас, у нас в руках!
Чует всяк тебя и в спинушке,
И в плечах, и в кулаках!
Ты у нас в руках, да связаны
Наши рученьки назад!
Все дороги нам заказаны,
Хоть и скатертью лежат!..
Лишь одна для нас дороженька —
До царева кабака
И оттедова до темного
Что до божьего леска!..
Лишь по ним свободно хаживал
Наш замученный мужик,
Лишь от леса он отваживал
Тех, кто драть его привык!
Эх ты, сила! Сила-силушка,
Ты в руках у мужиков!
Покажись ты им, родимая,
Дай свободу от оков!
Дай разбить ты цепи царские,
Дай избавиться от бар,
Дай снести суды татарские,
Дай разжечь кругом пожар,

Да не тот, что палит без толку
Хаты голых мужиков,
А вот тот, что <с> Стенькой Разиным
Вздул Емелька Пугачев!
Чтоб разлился красным заревом
По России тот пожар,
Чтобы с барскими хоромами
Он извлек и самых бар,
Чтоб усадебки, как свечечки,
Освещали грозный путь,
Чтобы шел он прямо к Питеру
И не мог бы вкось свернуть.
Разливайся, море красное,
Песни красны пой, петух.
Знай буди Россию-матушку,
Чтоб пожар-то не потух.
Жги, народ, усадьбы барские,
В города иди казнить
Всех бояр, попов, чиновников,
Что Руси мешали жить.
Гой! точи ножи булатные,
В топоры их принимай.
Гой! вы сгиньте, баре знатные.
Гой! ты волю добывай.
Гой! вставай, вставай, помахивай,
Кто дубьем, кто топором,
Царских хамов перетряхивай —
До царя потом дойдем.
Разносися вместе с заревом
По России весть одна,
Что нам волюшка с <землицею>
Всем, как есть, сполна дана.
Что дается тая волюшка
Всем, кто хочет ее взять,
У кого есть мощь да силушка
И кто грудью хочет встать
За мужичье дело бедное,
Против барства да царей,
Да купечества, кулачества,
Против лютых тех зверей,
Что сосали кровь народную,
Что топтали мужика,
Что держали нас в покорности
Силой палки и штыка.

Что же, братцы, натерпелись ли,
Аль мякина не горька,
Али очень уж боитесь вы
Силы царского штыка?
Али воли вам не хочется,
Аль земляца есть у вас,
Али, может быть, по-вашему,
Не настал еще тот час?
Не пришла пора великая
Волю силой добывать?
Али, может быть, вам хочется
Ваше дело-то проспять?
Нет? Так что же?
Долго ль думать-то?
Долго ль сиднями сидеть?
Не пора ль нам, братцы, песенку
Пугачевскую запеть?!!
А и есть та песня, сложена,
Уж готова — лишь запой,
И на голос уж положена —
Я люблю ее душой!..
Есть и хор, и бубны звонкие,
Запевалы только нет!
Уж поют ее сторонкою...
Слышат люди... Скоро свет
Эту песню разлюбезную
Весь услышит!.. Скоро днем
На миру ее, сердечную,
Мы все хором запоем.
Запоем как мы про волюшку,
Как подхватит весь народ,
И раздастся она по свету
И неправду всю снесет!
Всех снесет бояр, чиновников,
Царских хамов — и дойдет
До царя она, что в Питере
Нашу кровь как воду пьет!..
Разливайся, море красное,
Пеной красной, как петух!
Знай буди Россию-матушку,
Чтоб пожар-то не потух!
Пой ты нечто про былиночку,
Что во поле градом бьет,

Пой ты песню про тростиночку,
Что дитя малое гнет!
Спой, как крышу из соломушки
Да и граду не пробить,
Как пук прутьев и Еремушки
Дюжей силе не сломить...
Ломит сила и соломушку,
Ломит барин мужика,
Ломит царь Россию-матушку
Силой быстрого штыка!..
Не сломить им мощь мужицкую,
Как восстанет весь народ,
Как бунты свои отдельные
Он в единый бунт сольет!
Есть и хор, и бубны звонкие,—
Запевалы только нет!
Как связать нам в пук все прутики?
Как избавиться от бед?
Гой! вставай, народ, пошаливай
Кто дубьем, кто топором;
Царских хамов перетряхивай,
До царя потом дойдем.
Разливайся, море красное,
Песню красный пой петух —
Знай буди Россию-матушку,
Чтоб пожар-то не потух.

1874(?)

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

346. УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!

Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят, чуть не до полу, темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! — не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

1878

В. Р. ЩИГЛЕВ

347. 24-го ЯНВАРЯ 1883 г.

Переполнены тюрьмы зловонные,
Одиночники сходят с ума,
Тех ссылают в места отдаленные,
Для других — беспросветная тьма...
Там — отец ищет милого сына,
Тут — рыдает о дочери мать.
За широкой стеной рavelина
Ничего не слышать, не видеть...
Там, на койке, в сыром каземате,
В полутьме заключенный лежит;
Он дрожит в арестантском халате —
Лихорадка и голод томит...
А по улице светлой, широкой
Мчат прекраснейших дам рысаки,
И, в сознании службы высокой,
Гордо, с легкой Иуды руки,
Выступает шпион разодетый,
Околоточный твердо стоит,
Даже дворник, овчиной нагретый,
Даже он у ворот своих бдит!..
Ну а дальше... За городом пышным,
Где под снегом чуть крыши видны,

Там — о, ужас! — чуть голосом слышным
Прсят смерти... Там дни сочтены
Матерей и ребят опухающих...
«Похоронную» воет им лес!
Смерть всё ближе... И нет ожидающим
Корки хлеба с губернских небес!
Ни угрозы врагам, ни проклятия —
Только плач да мучительный стон...
Это грезы! Морфея объятия...
Это сон, возмущающий сон!

Сияют яркие палаты,
В толпе гостей — алмазов блеск.
Волной несутся ароматы,
Французской речи слышен треск.
Звучит игривейшая полька,
И что ни грудь — Венеры грудь!
И звезд-то, звезд, созвездий сколько!
Упавший с неба Млечный Путь!
О, здесь фортуна-невидимка,
Тут вытрясать ей рог не лень!
Что ни наряд, то недоимка
С пяти примерно деревень!
Зима... а зелени довольно,
Плодов румяных — как в раю,
И с чашей тянется неволью
Под искрометную струю
Рука... Нет, разве это руки?
Всё лапы хищного зверья!
Да где же мы? Какие звуки!
Да это — хищников семья!
Людского облика не видно —
Зрачки зеленые... клыки...
И как они, урча бесстыдно,
Все рвут кровавые куски!
Какая шерсть! Какая грива!
А вот и сам орел большой
Сидит с осанкой горделивой —
Две головы и клюв двойной.
С ним и орлица восседает,
И пара коршунов степных.
Ковер пред ними расстилают,
Ковер из ландышей живых...

Но где же пир такой богатый?
Где этот хищников притон?
Не сон ли это? Сон проклятый?
Нет, это, господа, не сон!
Всё наяву... До омерзенья!
Как видно, за один присест
Написан всем на удивленье
И отпечатан манифест!
Чего в нем больше? Трудно, право,
Определить: бесстыдства, лжи?
Грамматика осталась вправо,
Зато натянуты гужи,
И к маю, на потеху света,
Зверинец тронется в Москву...
О, господи! Когда ж всё это
Для нас не будет наяву?

1883

В. Н. ФИГНЕР

348. ЛОПАТИНУ

Нам выпало счастье — все лучшие силы
В борьбе за свободу всецело отдать...
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дело народа терпеть и страдать!..
Терпеть без укоров, страдать без проклятий,
Спокойно и скромно в тиши угасать,
Но тихим страданьем своим — юных братьей
На бой за свободу и равенство звать!

12 октября 1887

349. ТУК-ТУК

Полно, сосед, заниматься!
Мало ль на свете наук?!
Если за все приниматься,
Жизни не хватит, мой друг!

Молод ты. Сил не жалеешь!..
Рвешься скорей всё узнать...
Полно, мой милый, успеешь
Ты стариков обогнать!

Кинь же ты книжку на время —
Выйди из храма наук!
Сбрось отвлеченностей бремя
И отзовись на мой стук...
Тук-тук!

13 декабря 1887
Шлиссельбургская крепость

350. МАТЕРИ

Если, товарищ, на волю ты выйдешь,
Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!

Ради всего, что есть в жизни святого,
Чистого, нежного, нам дорогого,
Дай обо мне ты ей знать!

Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удела иного —
Всем идеалам верна...

Было мне трудно здесь в первое время:
Страшной разлуки тяжелое бремя,
Думала, сломит меня.

Но не сломило... Теперь не бледнею,
Что уж надежды в душе не имею
Мать дорогую обнять!..

Мать не прошу я любить: сердце чует,
Что и без просьб она любит, горюет,
Образ мой в сердце хранит.

Но пусть не плачет, меня вспоминая:
Я весела... я бодра... Пусть родная
Горем себя не томит!

Пусть лишь в молитвах меня поминает,
Пусть лишь крестом издали осеняет —
Дочь трудный путь да свершит!..

16 января 1888
Шлиссельбургская крепость

Пали все лучшие... В землю зарытые,
 В месте пустынном безвестно легли!
 Кости, ничьею слезой не омытые,
 Руки чужие в могилу снесли...

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
 Надпись об имени славном молчит...
 Выросла травка, былинка бессильная,
 Долу склонилась — и тайну хранит...

Были свидетелем волны кипучие,
 Гневно вздымаются, берег грызут...
 Но и они, эти волны могучие,
 Родине восточку вдаль не снесут!

1897

Шлиссельбургская крепость

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Итак, сбылись заветные желанья.
 Прости навек, наш грозный падишах,
 Благодарим за все благодеянья,
 За седины в поручичьих чинах,
 За ряд обид и мелких оскорблений,
 Которые ты щедро расточал;
 За глубину того униженья,
 В которое ты нас умышленно втоптал.
 Ты дерзостно смеялся над искусством,
 Талант и ум нещадно презирал
 И в нас убить хотел зародыш чувства,
 Которого — слепец — ты сам не понимал.
 Гордились мы своим образованием,
 Почтен был перед всеми наш мундир.
 Но, не поняв великого призванья,
 Ты всех в него бессмысленно рязил.
 Ты в нас убить хотел сознание чести,
 Лишь воровство и подлость поощрял.
 Ты награждал лишь тех, кто наглой лестью
 И рабской трусостью твой гнев предупреждал.

Плебей душой, плебей происхождением,
Ты историческим преданьям верен был
И приближал к себе всех тех, кто по рождению
Немножко имя громкое носил.
Тревожимый тщеславьем непомерным,
Ты изменил религии отцов.
Ты возмечтал, что царь наш благоверный
Твой род включит в сонм княжеских родов.
Но кончим счет, прощай — и бог с тобою.
Ведь на Руси лежачего не бьют.
Мы незлопамятны, да будет над тобою
Лишь царский праведный да грозный божий суд!
Расстались мы с тобой — и слава богу,
Опять за всё тебя благодарим:
За Уайенса железную дорогу,
За то, что нет еще дороги в Крым,
За капитал, разбросанный в пустыне,
За всё, чем ты хотел нас оскорбить.
Благодарим за то, что уж отныне
Не будем мы тебя благодарить.

После 15 октября 1855

353. КАЗНЬ

Загремела труба,
Повалила толпа
 В поле чистое,
 В степь широкою.

На том поле погост,
На погосте — помост,
 Гладко тесанный,
 Кровью крашенный.

Впереди идет поп,
А за ним несут гроб —
 Для преступника,
 Для крамольника...

Где ж преступник? Вот он,—
Он на плаху идет
 Гордой поступью,
 Молодецкою...

С визгом сталь поднялась,
В белу шею впилась —
С плеч головушка
Покатилася.

Палач за кудри взял
И толпе показал
Ту головушку
Непокорную...

Вдруг в толпе раздалось:
«Валерьян! Валерьян!» —
Голос матери,
Горько плачущей.

1870-е (?) годы

ПРИМЕЧАНИЯ

Второй том подготовлен на основе сборника «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», вышедшего в 1959 г. В нем сохраняются прежние хронологические рамки книги — от начала 1855 г., открывающего разночинский период в русском освободительном движении и литературе, до конца 1890-х годов. Исключение сделано лишь для нескольких стихотворений Н. А. Добролюбова и П. Л. Лаврова, написанных ранее, в начале 1850-х годов, так как по идейной направленности и художественным особенностям своей поэзии эти авторы не столько замыкают предшествующий в истории литературы период, сколько открывают новый.

В томе представлены произведения, которые попали на страницы нелегальных изданий — зарубежных и отечественных — или распространялись в списках (в числе последних ряд стихотворений, прочно вошедших в вольную поэзию из легальной печати: пропущенные в свое время цензурой, они в дальнейшем приобрели революционное звучание). Произведения, ориентированные на бесцензурное бытование, но по тем или иным причинам не дошедшие до читателя-современника, остались за пределами сборника, так как преимущественное отражение в издании в целом (в обоих томах) получили памятники вольной поэзии, которые непосредственно участвовали в политической борьбе эпохи. В этой связи во второй том не вошли стихотворения ранее не известные, не публиковавшиеся или остававшиеся не найденными до недавнего времени: они обогатили наше представление о репертуаре «потаенной» поэзии второй половины XIX в. благодаря архивным разысканиям и публикациям особенно за последние два десятилетия.¹

Состав тома претерпел некоторые изменения: произведен ряд сокращений за счет произведений, многократно перепечатававшихся в советское время в собраниях сочинений или сборниках «Библиотеки поэта» (сатиры А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сон Попова», переводы В. Курочкина из Беранже и т. п.), в то же время включены некоторые тексты (Д. И. Писарева, В. Р. Щиглева, С. Синегуба), листовки и сборники («Стихотворения» П. В. Григорьева, «Мотивы неволи» И. Я. Емельяненко,

¹ Обзор их см. в работах: Бушканец Е. Г. Вольная русская поэзия 1860-х годов: Материалы к библиографии текстов // «Русская литература и освободительное движение». Казань, 1972. Сб. 3. С. 86—101 и Бушканец Е. Г. Вольная русская поэзия 1870-х — начала 1890-х годов: Публикация текстов // «Русская литература и освободительное движение». Казань, 1977. Сб. 8. С. 23—36. Многие публикации учтены в сборнике: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Л., 1968 (Б-ка поэта, БС).

«Современному поколению» В. Г. Богораза), не представленные самостоятельно в первом издании.

Композиция второго тома существенно отличается от композиции первого, что продиктовано особенностями бытования памятников вольной поэзии второй половины XIX в. Освободительное движение к этому времени становится более массовым, единомышленники объединяются в те или иные революционные группы и организации, которые выпускают свои издания. Именно они и становятся основной, типичной формой распространения «подземной» литературы. Творчество отдельных поэтов оказывается интересным прежде всего не само по себе, а как выражение идеологии единомышленников, подчиненное агитационным целям и задачам революционной борьбы. Поэтому оказался неприемлемым принцип группировки материала по авторам, принятый в первом томе, — это лишило бы сборник исторической перспективы.

Невозможным также оказалось расположение стихотворений в хронологии написания или по начальной дате их распространения. Датировка произведений вольной печати представляет значительные трудности. Условия их создания, хранения и распространения в большей части случаев исключали наличие рукописей — списков и особенно автографов, которые нередко сразу же уничтожались, чтобы не служить при провале уликами или вещественными доказательствами. Точная датировка сплошь и рядом отсутствует; при этом она не всегда и показательна: стихотворение иногда далеко не сразу после написания, а порою гораздо позже становилось достоянием революционного подполья. Иной раз произведения, написанные по какому-либо конкретному поводу, но не напечатанные по тем или иным причинам в свое время, позднее переосмыслились и «переадресовывались» в связи с другими аналогичными фактами лишь спустя ряд лет. Трудно с достоверностью установить и начало распространения каждого стихотворения. Иногда оно становилось популярным после того, как было напечатано в сборнике, а в других случаях печаталось в сборниках после того и именно потому, что было широко распространено в копиях.

В основе композиции настоящего тома — расположение материала в хронологии сборников и периодических изданий — с незначительными отступлениями от этого принципа, чтобы не разрушать целостности изданий определенной группы (например, женевских изданий Н. П. Огарева, коммерческих изданий Э. Л. Каспровича). Эти издания охарактеризованы во вступительных заметках к каждому из них.¹ При этом внутри сборников, стихотворные тексты из которых публикуются выборочно, материал группируется по авторам и завершается рубрикой «Неизвестные авторы». Если сборник печатается в полном составе (например, «Из-за решетки»), его композиция воспроизводится без изменений. Публикации в периодических изданиях приводятся в хронологическом порядке. Завершается том разделом, состоящим из стихотворений, не вошедших в нелегальные издания и распространявшихся в списках; последовательность авторов в разделе определяется датой написания первого публикуемого произведения.

¹ Подробнее о некоторых изданиях см. в работах: В е р е в к и н Б. П. Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1960; В а х р у ш е в И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. Саратов, 1980.

Обоснование датировки в примечаниях не дается в тех случаях, когда известна авторская дата либо когда использована дата, установленная составителем того или иного сборника «Библиотеки поэта» или другого авторитетного издания (академического, «Литературного наследства» и т. п.). Даты, заключенные в угловые скобки, означают время первой публикации или год, не позже которого написано произведение; предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком.

Тексты печатаются в тех редакциях, в которых они воспроизведены в представленных нелегальных изданиях и рукописных копиях с исправлением очевидных ошибок и опечаток; конъектуры оговариваются в примечаниях особо; в ряде случаев тексты выверены заново. Варианты, за немногими исключениями, не приводятся; в комментариях отмечается лишь самый факт наличия разночтений, иногда дается их сжатая характеристика или фиксируются наиболее существенные варианты отдельных стихов.

За годы, прошедшие со времени выхода издания 1959 г., наши знания о вольной русской поэзии существенно расширились, пополнились и уточнились. Выпущены научные издания Н. А. Добролюбова, М. Л. Михайлова, Н. А. Некрасова, поэтов-демократов 1870—1880-х годов и др., множество новых фактов и текстов вошло в научный обиход благодаря статьям и публикациям В. Г. Базанова, Е. Г. Бушканца, Л. И. Никитиной, Н. А. Троицкого, Н. С. Травушкина и др. Это позволило заново атрибутировать многие произведения, установить авторов ранее считавшихся анонимными текстов и существенно дополнить примечания, в том числе и реальные.

В библиографической части примечаний содержатся указания на источник первой публикации, который, за редчайшими исключениями, и является источником публикуемого текста, и последующие перепечатки произведения в качестве вольного текста; в необходимых случаях приводятся сведения о первой легальной публикации и более поздних авторских или уточненных советскими текстологами редакциях текста.

Необходимые сведения об авторе произведения приводятся, как правило, при публикации его первого произведения в данном томе (фамилия автора набрана вразрядку). При последующих публикациях отсылки к имени автора не даются, а в указателе имен авторов и переводчиков курсивом отмечается страница настоящего издания, на которой содержатся данные о нем.

Сведения о датировке произведения оговариваются в примечаниях лишь в отдельных (спорных) случаях.

Самое активное участие в подготовке к печати обоих томов принимала Н. Г. Захаренко: без ее помощи сборник не мог бы быть осуществлен.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Б — «Былое».

Богучарский — Богучарский В. Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1—3. Ростов н/Д., 1906.

ВЕ — «Вестник Европы».

ВЛ — «Вопросы литературы».

ВНВ — «Вестник „Народной воли“».

ВП I — «Вольный песенник». Вып. 1. Женева, 1869.

- ВП II — «Вольный песенник». Вып. 2. Женева, 1870.
- ВРП I — «Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века» / Вступ. статьи С. Б. Окуня и С. А. Рейсера, сост., подготовка текстов, вступ. заметки и примеч. С. А. Рейсера. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС).
- ВРП II — «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» / Вступ. статья С. А. Рейсера, подготовка текста и примеч. С. А. Рейсера и А. А. Шилова. Л., 1959 (Б-ка поэта, БС).
- ВРП III — «Вольная русская поэзия XVIII — XIX веков: Сборник стихотворений» / Подготовка текста, сост., вступ. статья и примеч. С. А. Рейсера. М., 1975.
- ГизР — «Голоса из России».
- ГизР (факс.) — «Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева». Кн. 1—9. 1856—1860. Лондон: Факс. изд. В 3-х вып. Комментар. и указатели — 4-й вып. М., 1974—1975.
- ГБЛ — Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ГИМ — Отдел письменных источников Гос. Исторического музея.
- ГПБ — Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ГМ — «Голос минувшего».
- «Деятели...» — «Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма». Т. 1, ч. 1—2; т. 2, ч. 1—4; т. 3, ч. 1—2; т. 5, ч. 1—2. М., 1927—1934. (Издание осталось незаконченным: т. 4 в свет не вышел, т. 3 и 5 не завершены.)
- Драгоманов — ⟨Драгоманов М. П.⟩. Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женева, 1877.
- Друскин — Друскин М. С. Русская революционная песня. М., 1954.
- ЗиВ — «Земля и воля».
- ИВ — «Исторический вестник».
- ИОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка».
- ИР — «Из-за решетки». Женева, 1877.
- испр. — исправление, исправленный.
- К — «Колокол».
- КА — «Красный архив».
- КиС — «Каторга и ссылка».
- Л I — «Лютня: Собр. свободных русских песен и стихотворений» / Изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1869.
- Л II — «Лютня II: Потаенная литература XIX столетия» / Изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1874.
- Л III — «Лютня III: Молодая Россия в стихах» / Изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1897.
- Л V — «Лютня: Собр. свободных русских песен и стихотворений». 5-е изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1879.
- ЛГ — «Литературная газета».
- ЛН — «Литературное наследство».
- Морозов — Морозов Н. А. Повести моей жизни: Мемуары. Т. 1—2. М., 1965.
- НВ — «Народная воля».
- НМ — «Новый мир».
- НСРПиС — «Новый сборник революционных песен и стихотворений». Париж, 1898.
- ОВ — «Общее вече».
- ОД — «Общее дело».
- ОЗ — «Отечественные записки».

- ОР — «Отголоски революции». Таганрог, 1886.
- П — «Песенник». Женева, 1873.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.
- ПЗ — «Полярная звезда». ПЗ I — 1855; ПЗ II — 1856; ПЗ III — 1857; ПЗ IV — 1858; ПЗ V — 1859; ПЗ VI — 1861; ПЗ VII, вып. 1 — 1861, вып. 2 — 1862; ПЗ VIII — 1869.
- ПЗ (факс.) — «„Полярная звезда“ — журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева»: В 8-ми кн. 1855—1869. Вольная рус. типография. Лондон — Женева: Факс. изд. IX кн. — Приложения. М., 1966—1968.
- ПИ — «Поэты „Искры“» / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. И. Г. Ямпольского. Т. 1—2. Л., 1955 (Б-ка поэта, БС).
- «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» — «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» / Вступ. статья Б. Л. Бессонова; биогр. справки, подготовка текста и примеч. В. Г. Базанова и др. Л., 1968 (Б-ка поэта, БС).
- РА — «Русский архив».
- РБ — «Русское богатство».
- РБ I — «Собрание стихотворений Пушкина, Рыльева, Лермонтова и других авторов» / Изд. В. Гергарда. Лейпциг, 1858 («Русская библиотека»; т. 1).
- РГ — «Рабочая газета».
- РЛ — «Русская литература».
- РМ — «Русская мысль».
- РПЛ — «Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Ч. I / Предисл. Н. П. Огарева». Лондон, 1861.
- РС — «Русская старина».
- рукоп. — рукописный
- «Сборник статей...» — «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 г.». Т. 2. Спб., 1862.
- СЗСиП — «Собрание запрещенных стихов и прозы» / Изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1865.
- СиП — «Стихи и песни». М., 1886.
- СК — «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания». Ч. 1—3. 2-е изд., доп. и переработ. М., 1981—1982.
- СНПиС — «Сборник новых песен и стихов». Женева, 1873.
- СП — «Солдатские песни». Лондон, 1862.
- СРП — «Свободные русские песни». Берн, 1863.
- СС — «Собрание стихотворений». Спб., 1879.
- ст. — стих.
- ст-ние — стихотворение.
- Учен. зап. — ученые записки.
- ф. — фонд
- Фигнер — Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений. 2-е, пересмотренное и доп. изд. Т. 1—7. М., 1932.
- ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства.
- ЦГАОР — Центральный гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР.
- ЦГИА — Центральный гос. исторический архив.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Полярная звезда

Лондон. 1855—1869

Под названием «Полярная звезда» А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев издавали в Петербурге в 1823—1825 гг. литературный альманах. Подчеркивая свою связь и преемственность с традициями декабризма, Герцен так же назвал и свое издание — одно из самых значительных из числа выпущенных Вольной русской типографией в Лондоне.

Герцен начал издавать ПЗ в 1855 г. — вскоре после смерти Николая I и поражения России в Крымской кампании. «(...) юная Россия, — писал Герцен в предисловии к первой книжке, — Россия будущего и надежд, не имеет ни одного органа. Мы предлагаем его ей (...) «Полярная звезда» должна быть — и это одно из самых горячих желаний наших — убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею. Мы (...) обращаемся с просьбой ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем (...) Рукописи погибнут наконец — их надобно закрепить печатью» (Собр. соч. Т. 12. С. 265, 270).

В ответ на это обращение к Герцену вскоре же стали поступать из России всевозможные рукописи, в частности стихи. Значительный фонд их в 1856 г. был привезен Н. П. Огаревым, кое-что П. А. Ефремовым (см.: «Минувшие годы». 1908. № 1. С. 291), многое было доставлено, по-видимому, В. Р. Зотовым (см. с. 561 наст. изд.), многое поступало «самотеком» от приезжавших за границу русских, — всего в семи книгах было напечатано 126 стихотворений (большая часть их относится ко времени до 1855 г.). В настоящий том из них включено лишь 17.

ПЗ выходила в 1855—1869 гг. (с пропуском 1860 и 1863—1868 гг.). Всего вышло восемь книг, седьмая — в двух выпусках. Первые четыре книги в 1858 г. были выпущены вторыми изданиями. Первые две книги были подготовлены Герценом, остальные — при ближайшем участии Огарева. Первоначальный план — создать из ПЗ подписное периодическое издание — не осуществился, эту роль отчасти выполнил начавший вскоре выходить «Колокол».

Каждая книжка ПЗ вскоре же доходила до России и становилась там фактом величайшего пропагандистского значения.

До основания в 1857 г. К сборники ПЗ были единственным органом, в котором печатались произведения вольной русской поэзии.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

1. ПЗ III, без подписи, вместе со стихом 2 под общим загл. «Две песни крымских солдат», в ст. 3 обозначено: «Bis». РБ I; СРП; Л I; Л V. Сводный текст песни по двум авторитетным спискам, впервые опублик. П. И. Бирюковым в 1923 г. в «Биографии Л. Н. Толстого», см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 4. С. 424—426; там же (с. 426—427) обоснование датировки. Публ. в ПЗ сопровождалась примеч. Герцена: «Эти песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь особого автора, и в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора» (Собр. соч. Т. 12. С. 458). Из письма Н. А. Мельгунова к Герцену от 28 марта 1857 г. видно, что

Герцен знал автора песен, но умышленно подчеркнул их фольклорный характер (см.: ЛН. 1955. Т. 62. С. 353). Автором второй песни является Л. Н. Толстой, первая написана группой офицеров, также с участием Толстого. В ПЗ IX (факс.), с. 218 автором обеих песен указан Л. Н. Толстой. «В Крыму песня графа Л. Н. Толстого получила широкую известность», — читаем в «Заметках артиллериста» 1856 г. (РС. 1875, № 11. С. 566). Широкое распространение этой и следующей песен в списках, как предполагает биограф Л. Н. Толстого, послужило серьезным препятствием в его военной карьере (см.: Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. 3-е изд. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 118—121). Обе песни 23 января 1856 г. переписал в свой дневник Н. А. Добролюбов, в то время студент Главного пед. ин-та в Петербурге, отметив при этом: «Не знаю, как в Крыму, но в Петербурге эти песни имеют большой успех. Их читают и списывают. Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть» (Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 491). К истории песен см. также статью: Бушканец Е. Г. Солдатские песни Л. Н. Толстого (1854—55) // РЛ. 1960. № 3. С. 178—185. *Как восьмого сентября*. После Альминского сражения 8 сентября 1854 г. русская армия отступила к реке Каче и Севастополю. *Меньшик* — А. С. Меншиков (1787—1869) — главнокомандующий русской армией (до 1855 г.) в Крымской войне 1853—1856 гг. По его приказу 11 сентября 1854 г. были потоплены, в целях защиты Севастопольской гавани, семь кораблей русского военного флота. *Сам ушел к Бакчисараю*. 12 февраля Меншиков, чтобы не быть блокированным в Севастополе, принял фланговое движение на Бахчисарай. *Сент-Арно... Сзаду обошел*. А.-Ж. Сент-Арно (1801—1854) — главнокомандующий восточной французской армией — перевел армию на южную сторону Севастополя. *Всех бы нас забрал*. После занятия Федюхиных высот и Балаклавы армия французов и англичан готова была двинуться на Севастополь, но заменивший заболевшего Сента-Арно Канробер не решился на это. *Маркелы* — мортиры. *Сиверка* — холодный северный ветер с дождем или снегом. *И князя к нам приезжали*. Сыновья Николая I — великие князья Николай Николаевич (1831—1891) и Михаил Николаевич (1832—1909) — в середине октября 1854 г. прибыли в Севастополь. *Штуцеров мы поджидали* — нарезных ружей вместо устарелых гладкоствольных. *Из-под града Кишинева Ждали войска мы большого*. Подкрепления Крымской армии прибыли к середине сентября 1854 г. *Даненбергу поручили*. Инкерманское сражение 24 октября 1854 г. под общим командованием генерала П. А. Данненберга (1792—1872) было проиграно. *Павлов, Соймонов ходили*. Отряды генерала П. Я. Павлова (1796—1869) и генерала Ф. И. Соймонова (1800—1854) соединиться в Инкерманском сражении не успели; Соймонов был убит. *А Липранди хоть видал и т. д.* Военные специалисты считали, что генерал П. П. Липранди (1796—1864) принял в том же сражении крайне незначительное участие. *Тысяч десять положили*. Потери русских войск убитыми и ранеными исчислялись почти в 11 000 человек. *Князь изволил рассердиться* — А. С. Меншиков. *Из сражения большого Вышло только два героя и т. д.* Великие князья Николай и Михаил получили Георгиевские кресты 4-й степени и в декабре 1854 г. уехали в Петербург. *Туры* — особого рода плетенки из прутьев, наполненные землей, употреблялись для устройства укреплений. *Меньшик просит подкрепленья и т. д.* В ответ на донесение Меншикова о ходе военных действий Николай I в начале ноября 1854 г. послал в Севастополь, в качестве начальника гарнизона, генерала графа Д. Е. Остен-Сакена

(1790—1881) *Ерофеич твой не крепок*. Здесь игра слов: Ерофеич — отчество Остен-Сакена и название водки, настоящей на пахучих травах. *От твоих же малолеток* — т. е. от названных выше Николая и Михаила. *Царь на Меньшика серчал* и т. д. Николай I был недоволен действиями Меншикова и незадолго до смерти отставил его от командования Крымской армией. *Сын же к Меньшику писал* — письмо будущего царя Александра II (в то время еще наследника) 15 февраля 1855 г. об отрешении Меншикова. *Того князя Горчакова, К турку что ходил*. Князь М. Д. Горчаков (1793—1861), участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг., 16 февраля 1855 г. был назначен главнокомандующим Крымской армией. *Красные штаны* — шаровары красного сукна с золотым галуном, новая генеральская форма, введенная Александром II в самом начале царствования. *Посылали тут Хрулева Выгнать турку из Козлова*. Генерал С. А. Хрулев (1807—1870) 5 февраля неудачно пытался выбить союзную армию из Евпатории, т. е. из Козлова (искаженное старинное татарское название города Гезлева).

Л. Н. ТОЛСТОЙ

2. ПЗ III, без подписи. РБ1, СРП; Л I, Л V. Впервые в легальной печати: РС. 1875, № 2, с вар. (по списку М. И. Венюкова); № 3, с вар. (по списку С. П. Сысоева). Сводный текст песни, сост. на основании семи списков, см. в изд.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 4. С. 307—308, там же ноты — напев песни. Об авторстве см. примеч. к предыдущему ст-нию. Решающим аргументом в пользу авторства Л. Н. Толстого является его признание в беседе с немецким ученым Р. Левенфельдом («Звезда». 1978, № 8. С. 118) и запись Д. П. Маковицкого (ЛН. 1979. Т. 90, кн. 1. С. 138). Шевченко, встретившись с Л. Н. Толстым 8 апреля 1858 г., упоминает его в дневнике именно как «автора солдатской севастопольской песни» (Шевченко Т. Г. Собр. соч. М., 1956. Т. 5. С. 223). Ярким доказательством длительной популярности песни служит двукратное цитирование ее В. И. Лениным. В статье «Кто за союзы с кадетами?» (1906) Ленин упомянул строку: «Туда умного не надо»; в работе «О праве наций на самоопределение» (1914) снова находим трехстрочную цитату: «Туда умного не надо. Вы пошлите-ка Реада, А я посмотрю» (Полн. собр. соч. Т. 13. С. 244; т. 25. С. 316). *Как четвертого числа*. Сражение 4 августа 1855 г. на речке Черной окончилось для русских войск крайне неблагоприятно. *Барон Вревский-енерал К Горчакову приставал*. Генерал П. А. Вревский (1808—1855) был командирован из Петербурга в Севастополь для наблюдения за деятельностью М. Д. Горчакова (см. примеч. 1). *Под шефе* — подвыпивший, навеселе (от фр. *échauffé* — разгоряченный). *Возьми ты эти горы* — позиции союзных войск на Гасфортовой горе и Федюхиных высотах. *Собирались на советы*. Речь идет о военном совете 28 июля 1855 г. с участием высших чинов армии (*большие эполеты*). *Плац-Бекок*. Генерал-полицмейстер А. П. Плац-бек-Кокум в совете, по-видимому, не участвовал. *Большой редут* — новый редут вблизи Мекензиевых гор. *Липранди* — см. примеч. 1. *Атáнде* — подожди (от фр. *attendre* — ждать). *А пошли-ка ты Реада*. Генерал Липранди командовал левым крылом, генерал Н. А. Реад (1793—1855) — правым; последний повел войска в атаку, не дав им завершить построение, — это повлекло за собою ряд неудач. *Веймарн плакал, умолял*. Генерал П. В. Веймарн (убит в 1855), начальник штаба Реада, просил его повременить с атакой. *Енерал-то Ушаков*

и т. д. А. К. Ушаков (1803—1877) медлил с атакой, ожидая резервов. *А Белявцов-енерал, Тот всё знамен потрясал.* Д. Н. Белевцов (1800—1883), прискакав к отступавшей дивизии, взял в руки знамя и стал собирать вокруг себя бежавших солдат. *Сикурс* — помощь (искаж. фр. — secours). *А там Сакен-енерал Всё акафисты читал.* Д. Е. Остен-Сакен (см. примеч. 1) был известен своим ханжеством. Яркая характеристика его набожности и пристрастия к акафистам (церковным хвалебным песнопениям) дана Н. С. Лесковым в рассказе «Фигура». *Фот-Сала* (точнее Фоти-Сала) — небольшая деревушка к востоку от Севастополя.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

3. ПЗ IV, без подписи. РПЛ; Л I; ВП II; Л V. Автор ст-ния окончательно не установлен. П. А. Ефремов считал возможным авторство М. А. Дмитриева (см.: Бушканец Е. Г. Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов: (По материалам арх. П. А. Ефремова) // ИЮЛЯ. 1962, т. 21, вып. 4. С. 343). В ПЗ IX (факс.), с. 214 безоговорочно атрибутировано М. А. Дмитриеву.

4. ПЗ IV, без подписи. РПЛ; Л II. В ст-нии осмеивается норманнская теория призвания варягов, бывшая в 1840—1860-х годах предметом оживленной полемики. Эта же тема затронута в ст-нии «Пускай в России нет дворян...», приписываемом Е. П. Ростопчиной (см. наст. изд., т. 1, ст-ние 200 и примеч.), в ст-нии «Когда наш Новгород великий...», приписываемом М. А. Дмитриеву (см. наст. изд., т. 1, ст-ние 226), в сатирической поэме А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868), в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1869) и др. Легендой о призвании князей автор воспользовался как формой для создания острой антимонархической сатиры. *Гостомysl* — легендарный новгородский посадник IX в., по совету которого славяне якобы призвали варягов.

Н. П. ОГАРЕВ

5. ПЗ IV. Огарев Н. П. Стихотворения. Лондон, 1858, под загл. «Свобода» (окончательный текст); Л I; Л II, НСРПС и в целом ряде других зарубежных изд. Ст-ние прочно вошло в репертуар русской революционной поэзии, стало одной из наиболее популярных песен второй половины XIX в. «Мы совсем неистовствовали, когда пелась строфа: „Но если б грозила беда иль невзгода...“» (Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятих годах // КИС. 1927, № 4. С. 48). *Искандер* — псевдоним Герцена.

В. М. МИХАЙЛОВ

6. ПЗ V, без указания переводчика. РПЛ; Л I; Л V. Пер. строф 4—10 главы 13 поэмы «Deutschland. Ein Wintermärchen». Полностью поэма в пер. В. М. Михайлова была издана в 1875 г. и снабжена небольшим предисл. И. С. Тургенева (Гейне Г. Германия: Зимняя сказка / Пер. Заезжего, просмотренный И. С. Тургеневым и испр. по его замечаниям. Лейпциг, 1875. С. 48—50). М и х а й л о в Владимир Михайлович (1811—1890), в молодости друг В. С. Печерина и А. В. Никитенко, сделал в дальнейшем карьеру в качестве чиновника

Государственного совета и секретаря Вольного экономического общества. С 1871 г. жил за границей. Много времени посвятил пер. на русский язык Гейне и Данте и на французский — «Евгения Онегина». *Назарей* — прозвище Христа. *Собор фарисейский*. Фарисеи — члены древнееврейской религиозной секты, отличавшиеся фанатизмом и лицемерием в соблюдении правил обрядности. *Речь Нагорная*. Имеется в виду так называемая Нагорная проповедь Иисуса Христа.

Д. Т. ЛЕНСКИЙ (?)

7. ПЗ V, без подписи. РПЛ; Л II. Автором, возможно, является известный московский актер и водевиллист Дмитрий Тимофеевич Л е н с к и й (1805—1860). С его именем эта басня переписана 1 января 1858 г. в дневнике Т. Г. Шевченко. Шевченко скопировал запись Олейникова, сделанную со слов М. С. Щепкина. Его текст не имеет загл. и несколько длиннее. После последней строки следует:

Зачем раскапывать заглохшее дермо?
И не казнить воров, не предавать их сраму?
Не лучше ль облегчить народное ярмо
Да вычистить вельть помойную-то яму.

(Шевченко Т. Г. Собр. соч. М., 1956. Т. 5. С. 179—180). В ПЗ IX (факс.), с. 214 безоговорочно атрибутировано Д. Т. Ленскому. *Хозяин наш прекрасный, да упрямый* — вероятно, Александр II.

И. С. ТУРГЕНЕВ (?)

8. ПЗ V, без подписи. РПЛ; Л I; Л V (везде без подписи); Од. 1885, № 71, март, подпись: И. Тургенев, с примеч. ред.: «Помещаем стихотворную шалость покойного И. С. Тургенева, как не попавшую в сборник его стихотворений, вышедший недавно в Петербурге». Впервые в легальной печати: «Всемирный вестник». 1906, № 1 (перелеч. из РПЛ без ст. 31). «Перелеч» ст-ния А. С. Пушкина «Цветок» (1828). Принадлежность ст-ния Тургеневу не доказана, дата его тоже неясна. Однако осведомленность фактического ред. Од — Н. А. Белоголового и его непосредственная близость к Тургеневу придают известную авторитетность этому указанию. В экз. РПЛ в ПД, принадлежавшем А. Ф. Онегину, над этим ст-нием карандашом написано «И. С. Тургенева??». В изд.: Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС) ст-ние помещено в разделе приписываемых Тургеневу произведений; там же (с. 456—457) в примеч. И. Г. Ямпольского см. сводку данных.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

9. ПЗ VI, без подписи. Л II. Тема отказа осужденного от исповеди почти два десятилетия спустя была разработана в поэме Н. М. Минского «Последняя исповедь» (см. ст-ние 252), в ст-нии П. В. Григорьева «Дубровин на исповеди» (см. ст-ние 266) и некоторых других.

10. ПЗ VI, без подписи. Л II. Текст ст-ния использован (с искажениями) в «Бесах» Достоевского: за несколько дней до празднования освобождения крестьян Степан Трофимович Верховенский «повалился было бормотать про себя известные, хотя несколько неесте-

ственные стихи, должно быть сочиненные каким-нибудь прежним либеральным помещиком» (ч. 1, гл. 1). В *каторжных шубах*, т. е. в овчинных полушубках. *Акафист* — см. примеч. 2.

11. ПЗ VI, без подписи. Л. II.

В. С. КУРОЧКИН

12. ПЗ VI, без указания переводчика. Л I; Л V — с указанием фамилии переводчика. Пер. ст-ния Беранже «Nabuchodonosor». Датируется временем между смертью Николая I (18 февраля 1855 г.) и началом 1858 г., когда ст-ние было уже широко распространено в списках. См., например, текст ст-ния в записи Т. Г. Шевченко от 3 апреля 1858 г. (Шевченко Т. Г. Собр. соч. М., 1956. Т. 5. С. 220—221). Беранже имел в виду Людовика XVIII; в пер. Курочкина читатели без труда понимали, что *Навуходоносор* — обозначение Николая I. По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор II (604—561 до н. э.) сошел с ума, вообразив себя быком. *Да и в Египте, государь*. Имеется в виду культ священного быка Аписа в Древнем Египте. «Северная пчела» — реакционная газета, выходившая в Петербурге под ред. Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча с 1825 до 1860 г. *След царской думы необъятной* — по предположению И. Г. Ямпольского (ПИ. Т. 1. С. 755), намек на ст-ние А. Н. Майкова «Коляска» (1854), в котором был дан идеализированный портрет Николая I, — см.: Майков А. Н. Избр. произведения. Л., 1977. С. 642, 858 (Б-ка поэта, БС). *Был съеден незабвенный царь*. «Незабвенным» Николай I был назван в манифесте Александра II о восшествии на престол. Это выражение на долгие годы стало ироническим обозначением Николая I. *В бозе сенил* — пародируется извещение о смерти лица царствующего дома: «в бозе почил».

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

13. ПЗ VI, без подписи. Л II. *Достиг Верблюдо до звания министра*. 15 октября 1855 г. К. В. Чевкин (1802—1875) был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями; раньше этого времени ст-ние не могло быть написано. Верблюдо — намек на то, что Чевкин был горбат.

14. ПЗ VI, без подписи. Жена Николая I *Александра Федоровна* (1798—1860) в течение последних лет подолгу жила за границей, по преимуществу в Ницце. В К (1857, 19 июня (1 июля). Л. 1) в статье «Августейшие путешественники. 1. Вдовствующая императрица Герцен резко порицал ее за «зрелище истинно азиатского бросанья денег, истинно варварской роскоши (...) каждый переезд августейшей большой и каждый отдых ее — равняется для России неурожаю, разливу рек и двум-трем пожарам (...) В Ницце — пикники, *déjeunés flottants* (завтраки на яхтах) на море, музыка, *parties fines* (увеселительные прогулки), — не знаю что» (Собр. соч. Т. 13. С. 13, 17). В письме И. Т. Кокорева к М. П. Погодину от 31 октября 1860 г. (ГБЛ) цитируется это ст-ние с некоторыми вар. (сообщено Б. Ф. Егоровым).

15—16. ПЗ VI, без подписи. «Будущность». 1861, 31 марта (12 апр.); СРП, под загл. «Современное», с вар. и с заменой Тимашева Потаповым; К. 1866, 21 марта (1 апр.). Л. 221 (только второе ст-ние);

Л I; Л V. У царя — у Александра II. Тимашев А. Е. (1818—1893) — в 1860—1861 гг. — начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением (этой датой и определяется примерное время написания ст-ния), впоследствии, в 1868—1878 гг., министр внутренних дел. Потапов А. Л. (1818—1896) сменил Тимашева в октябре 1861 г.; в 1863 г. участвовал вместе с М. Н. Муравьевым (см. примеч. 75) в подавлении польского восстания. Здание У Цепного моста — здание III Отделения на Фонтанке (ныне № 16) возле моста через Фонтанку (тогда Цепного; ныне мост Пестеля). Цепной мост в качестве эвфемистического обозначения III Отделения не раз упоминается в вольной поэзии; см., например: «У Цепного моста...» П. Шумахера (см. ст-ние 333), «Один из многих, или Наш Эмиль Оливье» А. О. Преженцева (псевд.: Карающий поэт) в журн. «А tout venant je s'achève, или Бог не выдаст — свинья не съест». Гейдельберг. 1864, 20 мая (опубл. в ВЛ. 1959, № 1). Н. А. Морозов считал автором «Посланий» Герцена или Огарева (см.: Морозов. Т. 2. С. 30).

Н. П. ОГАРЕВ

17. ПЗ VII, вып. 2. СРП; Л I; ВП II; СНПиС; «Работник». 1876, № 13, под загл. «Песни о Земле и Воле»; Л V — во всех изд. только заключительная песня «Из-за матушки за Волги». Эта песня прочно вошла в репертуар русской революционной поэзии. Поэма характерна как показатель страстного ожидания народного восстания и веры в революционную силу народа. Я. З. Черняк сделал попытку связать замысел этой поэмы с проектом произвести в начале 1863 г. высадку на литовское побережье отряда революционных добровольцев-поляков (см.: Огарев Н. П. Избр. стихотворения и поэмы. М., 1938. С. 344—345). Против такого предположения говорят и хронологические несовпадения, и общий лирический тон поэмы, и все реалии. *Вхожу я в город людный* и след. строки имеют в виду Петербург, статую Медный всадник. *Злодея Похоронили не жалея*. О смерти Николая I. *Зажор* — подснежная вода на дороге при таянии снега.

Голоса из России

Лондон. 1856 — 1860

«Голоса из России» — сборники, составлявшиеся Герценом из присылавшихся из России рукописей. Чтобы разгрузить ПЗ, Герцен создал новый, особый орган; при этом в ГизР (особенно вначале) помещались рукописи тех авторов, со взглядами которых Герцен не мог полностью солидаризироваться. Все же он считал необходимым их печатать, подчеркивая, что он «только типограф — типограф, готовый печатать все полезное нашей общей цели» (Собр. соч. Т. 12. С. 329—330). Всего в 1856—1860 гг. было выпущено 9 книжек, — первые четыре в 1858 г. вышли вторым изданием. Стихи содержались только в 4-й книжке 1857 г.

П. Л. ЛАВРОВ

18—19. ГизР IV, без подписи. Эпиграф из ст-ния В. Гюго «Amis, un dernier mot...» (1831). Л а в р о в Петр Лаврович (1823—1900) — известный русский социолог и публицист, идеолог революционного народничества, член «Земли и воли» (1860-х и 1870-х годов) и «Народной воли». В 1866 г. был изобличен следственной комиссией в «сочинении четырех стихотворений, в которых „возбуждалось неува-

жение“ к Николаю I и Александру II» (Лавров П. Л. *Философия и социология*: Избр. произведения. М., 1965. Т. 2. С. 621). Лавров был уволен от службы в Михайловской артиллерийской академии и сослан в Вологодскую губернию под строгий надзор полиции, без права въезда в столицы. В 1870 г. Лавров бежал за границу, где и пробыл до конца жизни. Публикуемые ст-ния Лавров сам переслал Герцену в 1856 г. вместе с письмом, напечатанным там же без подписи. «В свое время,— писал Лавров,— эти стихотворения имели огромный успех; их читали в разных концах России» (ГизР (факс.). Вып. 2. Кн. IV — V. С. 4). Ст-ния широко распространились в России в списках и в гектографированном виде. По просьбе автора ст-ния были посланы Герценом В. Гюго. В К. 1857, 19 нояб. (1 дек.). Л. 6 была помещена небольшая заметка Герцена: «Виктор Гюго просит редактора „Колокола“ переслать его искреннюю благодарность русскому поэту, посвятившему ему „Современные отголоски из России“. Мы извещаем автора, что по его желанию экземпляр его стихотворений (<...> был нами доставлен Виктору Гюго в Гернсей» (Собр. соч. Т. 13. С. 426). Стихи были не случайно посвящены Гюго — они носят явные следы его влияния: ораторский стиль, метафоры и ритм стоят в прямой зависимости от сб. «Châtiments» Гюго (см.: Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства // ЛН. 1937. Т. 31/32. С. 830—833).

1. РБ I; СЗСиП; Л I (ст. 1—12, 117—128); Л II; Л V (текст Л I). *Деспот-гений — Наполеон I (1769—1821). Он пал — и сонный мир стал вновь рабом царей.* После падения Наполеона в 1815 г. был образован «Священный союз» Австрии, Пруссии и России для укрепления монархической власти в Европе. *И снова клич свободы и т. д.* Речь идет о французской буржуазной революции 1848 г. *Монархи, трепещи на ненадежном троне... Бросали им права, министров и короны.* Французский король Луи-Филипп в 1848 г. дал отставку правительству Гизо; вскоре был сам свергнут с престола и бежал в Англию. Отставку Миттерниху подписал в 1848 г. австрийский император Фердинанд I, вскоре отрешившийся от престола. *Но деспот Севера склонился к их молению.* Николай I принимал участие в подавлении революционного движения в Европе в 1849 г., в частности в Венгрии. *Тяжелый бросил меч он на весы судьбы.* Согласно преданию, рассказанному Титом Ливием, предводитель одного из галльских племен Бренн потребовал у римлян огромный выкуп золотом. Когда римляне возроптали, что гири для взвешивания слишком тяжелы, Бренн с возгласом: «Горе побежденным!» — бросил на чашу весов с гирями свой меч. *Бесславный — имени великого наследник — президент Французской Республики Луи Бонапарт (1808—1873), в результате государственного переворота 1851 г. объявивший себя императором Франции (избранник миллионов) Наполеоном III. Самодержавный царь — Николай I.*

2. РБ I; Л I. По указанию самого Лаврова, ст-ние было написано в 1854 г. после неудачных для России Альминского и Инкерманского сражений 8 сентября и 24 октября и после начавшейся осады Севастополя. Е. А. Штакеншнейдер в дневнике свидетельствует о том, что ст-ния «Русскому народу» и «Русскому царю» («Отзыв на манифест...») (см. ст-ние 329) были широко распространены в списках; власти искали автора, и подозрение пало на А. С. Хомякова. Лавров, чтобы не подвести невинного человека, готов был назвать себя, «но его удержали» (Штакеншнейдер Е. А. *Дневник и записки*. М.; Л., 1934. С. 39 и 146). О ст-нии «Русскому народу» Штакеншнейдер пишет, что оно, как «ау в лесу дремучем, скликало братьев к одному месту, чтобы

они увиделись и поняли друг друга» (Там же. С. 40). Ст. 1—96 18 сентября 1857 г. переписаны Т. Г. Шевченко в дневник из «Заветной портфели» М. П. Комаровского (см.: Шевченко Т. Г. Собр. соч. М., 1965. Т. 5. С. 135—138). Об использовании ст-ния иностранными авторами в соч. о России см. в примеч. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 715. Эпиграф из ст-ния А. С. Хомякова «Ночь» (1854). Ст. 1—20 характеризуют Николая I, ст. 21—56 — созданный им режим. *Россия — это я!* — перефразированное выражение «Государство — это я!», принадлежащее Людовику XIV. *Развод* — смена воинского караула, в том числе караулов одной войсковой части другою. *Стал конюх цензором*. О ком идет речь, установить не удалось. *Шут царский — адмиралом*. Известный остролов (*паркетный бонмотист, шут колкий и надменный*) А. С. Меншиков (см. примеч. 1) был морским министром в 1836—1855 гг. *Клейнмихель — графом стал*. П. А. Клейнмихель (см. примеч. 352) получил титул графа в 1839 г. за восстановление пострадавшего от пожара Зимнего дворца. *Ералаш* — карточная игра. *Рашель Э.* (1821—1858) — знаменитая французская драматическая актриса, гастролировавшая в России в 1853—1854 гг. *Фрецолини Э.* (1818—1884) — итальянская певица, гастролировавшая в России в 1848—1850 гг. *Чиновный фарисей*. Фарисеи — см. примеч. 6; здесь — синоним ханжи и лицемера. *Венчаный интриган* — Наполеон III. *И стала Австрия готовиться к измене*. Австрия поддерживала в Крымской войне 1853—1856 гг. противников России. *Слышались уж стоны Из-за кавказских гор*. Военные схватки на границе Кавказа с Турцией велись еще до объявления войны. *С креста Исакия Россия различала Британский гордый флот*. В ясную погоду с Исаакиевского собора в Петербурге можно было различить отряд подошедших к Кронштадту английских кораблей. *Там отступали мы от фортвов Силистрии*. 9 июня 1854 г. русские войска, сняв осаду с фортвов, отошли на левый берег Дуная. *Здесь унижали мы достоинство России Пред габбургским орлом*. Габбургский орел — герб Габбургской империи (с 1804 г. она стала называться Австрийской). Имеется в виду неудачная миссия гр. А. Ф. Орлова (см. примеч. 329) к австрийскому императору Францу-Иосифу в январе 1854 г. с целью выяснить позицию Австрии в будущей войне. *Тут берег финский весь был предан разграбленью*. Речь идет о действиях английского и французского флотов на балтийском побережье в апреле — октябре 1854 г. *Гордый адмирал и т. д.* — А. С. Меншиков. *Высочеством с почтеньем Он раздает кресты* — см. примеч. 1. *Боярин-князь по слову мечанина и т. д.* Князь Д. М. Пожарский (ок. 1578 — ок. 1641) возглавил в 1612 г. вместе с новгородским посадским человеком К. Минным (Захарьевым-Сухоруком) (ум. 1616) народное ополчение против поляков. *Поляк царил над матушкой Москвою*. Речь идет о самозванце Лжедмитрии I (ум. 1606), захватившем власть в 1605—1606 гг. *Тушинский царь* — самозванец Лжедмитрий II (ум. 1610), в 1608 г. подошедший к Москве и обосновавшийся лагерем в с. Тушино. *Мандарин* — высший китайский чиновник. *Лях* — поляк. *Ты отменял султаны* — намек на частые изменения формы в русской армии при Александре I. *«Быть по сему!»* — стандартная формула царской резолюции. *Распи, распи* — возгласы толпы, требующей казни Христа (Евангелие от Матфея, XXVII, 22—23). *То третий день настал* — согласно библейской легенде, день воскресения Христа из мертвых; здесь — день революции. *И грозно под тобой волнуется в молчанье Проснувшийся народ*. Возможно, намек на заключительные строки трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1825).

20. ГизР IV, без подписи. РБ I; Л I; Л V. В некоторых списках ст-ние распространялось как принадлежащее Н. А. Добролюбову, что представляется маловероятным и не доказано. Также неправдоподобно приписывание его А. А. Григорьеву (РМ. 1916, № 5. С. 131) и Д. Д. Минаеву (РЛ. 1959, № 1. С. 130). Гораздо более правдоподобно, что автор ст-ния — В. С. Курочкин (см.: Гаркави А. М. Атрибуция некоторых произведений вольной русской поэзии середины XIX в. // РЛ. 1961, № 4. С. 193—194 и Бушканец Е. Г. Особенности изучения памятников нелегальной русской поэзии XIX века. Казань, 1962. С. 23—24). *Развод* — см. примеч. 18—19. *Пью Из Фонтанки воду* и т. д. Намек на III Отделение (ср. примеч. 16).

В. С. КУРОЧКИН

21. ГизР IV, без подписи. РБ I; СРП; Л I; ВП II; Л V. Авторство Курочкина обосновано И. Г. Ямпольским (см.: ПИ. Т. 1. С. 724). Ст-ние пользовалось огромной популярностью и было широко распространено. «Даже через полвека после его создания, в 1905 г., его, — по свидетельству Е. Ярославского, — распевали революционные рабочие Ярославля» (см. примеч. И. Г. Ямпольского в изд.: Курочкин В. С. Стихотворения, статьи, фельетоны. Л., 1957. С. 679). *Каждый штоф за печатью*. Бутылки с водкой закупоривались пробкой с печатью — изображением двуглавого орла. *На обоих бортах вицмундира*. На пуговицах чиновничьих вицмундиров также был изображен двуглавый орел. *Зерцало* — треугольная призма-колонка с печатными экз. трех указов Петра I по сторонам, эмблема законности в государственных и судебных учреждениях дореволюционной России.

Колокол

Лондон — Женева. 1857 — 1867

Для того чтобы углубить налаживающиеся связи с Россией и оперативно использовать непрерывно поступающие материалы, Герцен, при ближайшем участии Огарева, стал с июня 1857 г. издавать газету «Колокол». Первый лист датирован 19 июня (1 июля), но фактически вышел в свет несколько раньше — около 10 (22) июня. К был задуман как периодическое издание и фактически выходил один или, чаще, два раза в месяц. Первые 197 номеров изданы в Лондоне, остальные 48 — в Женеве, куда Герцен с середины июня 1865 г. перенес издание, — центр русской революционной эмиграции в это время переместился из Англии в Швейцарию. До середины мая 1867 г. всего было издано 245 номеров (Герцен называл их листами), составивших в общем более 2000 страниц текста.

Кроме того, в 1868 г. Герцен сделал попытку издавать К на французском языке, — всего вышло 15 номеров (из них 6 — с русскими прибавлениями). В 1862—1864 гг. Леон Фонтэн издавал в Брюсселе на французском языке «La cloche», основной материал которого составляли переводы из К. 6 номеров К после смерти Герцена изданы С. Г. Нечаевым, — это было по сути дела совсем новое литературное предприятие, лишь по названию связанное с Герценом.

Количество и объем поступавших рукописей были так велики, что

вскоре же при К стали выходить приложения, объединявшие материал по тематическому признаку: в 1859—1862 гг. вышло 13 номеров «Под суд», содержащих специфический разоблачительный материал особенно вопиющих фактов российского произвола и беззакония, а в 1862—1864 гг.— 29 номеров под заглавием «Общее вече». Герцен воспользовался гонением на раскольников со стороны царского правительства и постарался привлечь их на свою сторону.

Широкая платформа, намеченная К,— «везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства, со стороны развивающихся народов против отстающих правительств» (Герцен. Собр. соч. Т. 12. С. 357) — позволила вначале объединить в газете представителей самых разнообразных общественных групп: борьба с цензурой, с телесными наказаниями и освобождение крестьян входили в программу и революционно-демократических, и умеренно-либеральных групп. Через несколько лет, по мере развития революционного движения и углубления классовой дифференциации, произошло неизбежное размежевание и пути бывших союзников разошлись — отношение к К со стороны либералов стало отрицательным. Польское восстание 1863 г. и мужественная позиция Герцена в этом вопросе еще более отдалили русских либералов от К. «Когда вся орава русских либералов,— писал В. И. Ленин в 1912 г. в статье „Памяти Герцена“,— отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“, Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» (Полн. собр. соч. Т. 21. С. 260).

К сумел наладить обширнейшую сеть корреспондентов в самых различных местах России и, с другой стороны, сумел организовать самую широкую пересылку газеты по всей стране. Тираж издания составлял до 1863 г. огромную по тем временам цифру: 2500—3000 экз. Правительство оказалось бессильным разрушить корреспондентскую сеть или прекратить доставку газеты. Не удалось также нейтрализовать влияние К попыткой «осуществить в 1857—1859 гг. издание своеобразного анти-„Колокола“» (см.: Порох И. В. Из истории борьбы царизма против Герцена: (Попытка создания анти-„Колокола“ в 1857—1859 гг.) // «Из истории общественной мысли и общественного движения в России». Саратов, 1964. С. 119—146.

Н. П. ОГАРЕВ

22. К. 1857, 19 июня (1 июля). Л. 1, без подписи. Огарев Н. П. Стихотворения. Лондон, 1858, под загл. «Предисловие к „Колоколу“» (окончательный текст); Л I; Л V. Ст-ние написано незадолго до выхода первого листа К, т. е. не позднее мая-июня 1857 г. *Капрал* — Николай I. *Глас воющего в пустыне* и т. д. Огарев имеет в виду издания Вольной русской типографии, предшествовавшие К. Само выражение, означающее безответный призыв к чему-нибудь, восходит к Библии (Исайя, XL, 3).

23. К. 1857, 21 окт. (1 нояб.). Л. 5, без подписи; РБ I, подпись Н. Н.; Л I; Л V — в обоих изд. под загл. «Старая шарманка». Ст-ние почти неизменно встречается в альбомах и отдельных записях и составляет неотъемлемую принадлежность русского революционного репертуара этих лет. В К напечатано со следующим ред. примеч.: «Несколько месяцев тому назад в Москве и Петербурге ходила по рукам песня, которую мы передаем нашим читателям для пополнения антиниколаевской литературы». Автор ст-ния долгое время оставался неустановленным. Различные исследователи приписывали его Н. А. Арбузову, И. И. Лажечникову, но чаще других — Н. А. Некрасову. Неоднократно высказывалось предположение и об авторстве популярного журналиста, второстепенного поэта, прозаика и драматурга Владимира Рафаиловича Зотова (1821—1896). Он привлекался к следствию по делу петрашевцев; поставлял Герцену материалы для К, хранил у себя архивы «Земли и воли» и «Народной воли». Авторство В. Р. Зотова можно теперь считать доказанным (см.: Гаркави А. М. «Безыменные стихотворения Владимира Зотова» // «Некрасов и его время». Калининград, 1976. Вып. 2. С. 74—78); там же установлена и точная дата ст-ния. *Незабвенный* — Николай I (см. примеч. 12). *Сколотил его варяг* — намек на теорию призвания варягов (см. примеч. 4). *Наконец им завладел Удалой татарин* — об эпохе татарского ига. *С нею пробовал потом И поляк возиться* — о польской интервенции XVII в. *Вскоре отыскался Для шарманки доброхот* — Петр I. *В ней лопнула струна, Певшая н а р о д н о с т ь* и т. д. Намек на так называемую «теорию официальной народности» (православие, самодержавие и народность), выдвинутую министром народного просвещения (1833—1849) графом С. С. Уваровым (1786—1855). *На плечи сына* — Александра II.

Н. П. ОГАРЕВ

24. К. 1858, 19 апр. (1 мая). Л. 14. Огарев Н. П. Стихотворения. Лондон, 1858; Л II. Поэма является откликом на казнь Орсини и Пиери 13 марта 1858 г., покушавшихся на Наполеона III. Граф Ф. Орсини (1819—1858) — буржуазный демократ, республиканец, один из заговорщиков, которых выдвинуло национально-освободительное движение в Италии, — опирался всего лишь на небольшую группу итальянских революционеров и на содействие отдельных французских эмигрантов. Мужественное поведение Орсини во время процесса и на эшафоте произвело огромное впечатление в демократических кругах Франции. Мемуары Орсини были изданы в Англии еще при жизни последнего (рус. пер. — М., 1934), переписка — в Милане в 1861 г. Орсини был близок с Герценом в начале 1850-х годов, во время жизни в Ницце. Одновременно с появлением поэмы Огарева в том же номере К была напечатана заметка Герцена по поводу дела С.-Ф. Бернара (1817—1862), одного из участников заговора Орсини, под давлением французского правительства привлеченного к суду английскими властями, но оправданного судом присяжных (ср. гл. 55 6-й ч. «Былого и дум»). *Задумали подорвать кесаря*. Покушение на Наполеона III произошло в Париже 14 января 1858 г. *Кесарь хочет ему сам свободу дать* и т. д. Имеется в виду Александр II. В начале 1858 г. Огарев и Герцен еще допускали возможность осуществления крестьянской реформы до некоторой степени в интересах крестьянства; эти иллюзии

быстро рассеялись. *Дух святой являлся в виде голубя*. Согласно евангельской легенде, бог явился деве Марии в образе голубя.

25. К. 1858, 3 (15) авг. Л. 21, без подписи. Обоснование авторства Огарева — ЛН. 1953. Т. 61. С. 581—582. *Ерофеич* — см. примеч. 1. Панин В. Н. — см. примеч. 28.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

26. К. 1858, 3 (15) окт. Л. 26. без подписи. Л. П. Ст-ние с 1910 г. стало приписываться П. И. Вейнбергу. Ошибочная атрибуция опровергнута Е. Г. Бушканцем (О двух стихотворениях в «Колоколе» А. И. Герцена // ИОЛЯ. 1959, т. 18, вып. 1. С. 61—64). Предположение Бушканца о возможном авторстве Н. А. Добролюбова остается пока не доказанным. К версии Бушканца об авторстве склоняется А. Корнеев (см. его статью: Загадка одного послания // «Лит. Россия». 1982. 2 июля. С. 19). В К ст-ние напечатано с обширным ред. примеч., в котором сообщалось, как, готовя свой юбилей, Я. И. Ростовцев приказал «своей канцелярии написать во все подведомственные ему кадетские корпуса приглашения о присылке „добровольных пожертвований на устройство предполагаемого торжества в честь любимого начальника“, тут же были указаны и суммы, которые должны были „добровольно пожертвовать“ директора, офицеры и даже кадеты (от 100 р. до 25 коп. сер.)». Юбилей был испорчен ст-нием, полученным Ростовцевым утром в день юбилея. *Ростовцев* (1803—1860) в молодости был близок к Е. П. Оболенскому и некоторым другим деятелям декабристского движения и состоял в числе членов Северного общества. За два дня до восстания он довел до сведения Николая о готовящемся восстании и 14 декабря, участвуя в его подавлении на Сенатской площади, даже был ранен. Впоследствии характер его деятельности в комиссиях по подготовке освобождения крестьян неоднократно подвергался резкому осуждению в К. *Когда деспот от власти отрекался* и т. д. Наследником престола в случае смерти Александра I был вел. кн. Константин Павлович (1779—1831), однако он еще при жизни императора отрекся от престола в 1823 г. Акт отречения держался в секрете и был обнародован лишь несколько дней спустя после смерти Александра I. Обстановкой междоусобицы воспользовались для своего выступления декабристы. *Позорно ты бежал от друга, от поэта*, т. е. от Рыльева; далее следует перифраз ст. Рыльева из «Исповеди Наливайки». *Униаты* — сторонники объединенной католическо-православной церкви; униатское духовенство придерживалось в основном польско-католической ориентации. *Сарматы* — поляки. *Ты убежал! Куда ж?* — В Аничковский дворец — к Николаю I. *Он поручил тебе воспитывать детей!* С 1835 г. и до смерти Ростовцев — начальник штаба по управлению военно-учебными заведениями. *Герострат* — грек, сжегший, чтобы прославиться, в 356 г. до н. э. храм Артемиды Эфесской, считавшийся одним из семи чудес света; имя его стало нарицательным для обозначения честолюбца, добивающегося славы любой ценой. *Откажутся не трижды, но сто крат*. Согласно евангельской легенде, Иисус предсказал, что Петр трижды отречется от него в ночь перед распятием, прежде чем пропоет петух (Евангелие от Матфея, XXVI, 34—35, 69—75).

27. К. 1858, 3 (15) окт. Л. 26, без подписи, в заключение заметки Герцена «О бороде А. А. Иванова». «Будущность». 1860, 3 (15) сент., № 1 (менее исправный вар.). Авторство В. Р. Зотова обосновано А. М. Гаркави («Безыменные стихотворения Владимира Зотова» // «Некрасов и его время». Калининград, 1976. Вып. 2. С. 74). *Незавбвенный* — Николай I (см. примеч. 12).

П. И. ВЕЙНБЕРГ

28. К. 1860, 20 июля (1 авг.). Л. 77/78, без подписи. Л II. Авторство обосновано в статье: Бушканец Е. Г. О двух стихотворениях в «Колоколе» А. И. Герцена // ИЮЛЯ. 1959, т. 18, вып. 1. С. 61—64 и в кн.: Бушканец Е. Г. Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX века. Казань, 1962. С. 21—22. Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — второстепенный поэт, переводчик и историк литературы. В 1860-х годах примыкал к группе поэтов «Искры» (подробнее о нем см. во вступ. заметке И. Г. Ямпольского в ПИ. Т. 2. С. 617—620). *Михайла Иванович* — Топильский (1809—1873), в 1845—1862 гг. — вице-директор, директор департамента Министерства юстиции, потом сенатор. В течение более чем 20 лет Топильский был правой рукой В. Н. Панина (*заступник сиятельный*) (1801—1874), министра юстиции в 1841—1861 гг., ярого противника всяких реформ, и прежде всего крестьянской реформы. Бюрократ и взяточник Топильский был неоднократно задет в К — в заметках Герцена и других лиц.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

29. К. 1861, 3 (15) янв. Л. 90, без подписи, с примеч. ред.: «Говорят, что эту песню поет народ на Урале». СРП, с примеч.: «На голос „Как на матушке на Неве-реке“»; Л I; Л V.

М. Л. МИХАЙЛОВ

30. К. 1862, 3 (15) янв. Л. 119/120, без подписи. СРП; Л I (под загл. «В память Добролюбова»); Л II; Л V; СиП и в других зарубежных изд. Впервые в легальной печати: «Русская муза»/Сост. П. Я. (П. Якубович). Перераб. и доп. изд. Спб., 1907, без строфы 5, с вар. Ст-ние широко распространялось в списках. Написанное в Петропавловской крепости, оно сопровождалось следующим пояснением автора: «Стихи эти невольно сложились у меня в голове вечером в день похорон бедного Бова, и я записал их, чтобы откликнуться из своей клетки на общее наше горе. Сообщите их друзьям покойника. Они не станут искать в них эстетических красот, как не искал бы он сам, но, верно, найдут чувство, похожее на свое. Бедный, бедный Бов; мне так и представляется его доброе, прекрасное лицо со слезами на щеках. Да, умирать в такие годы горько». Бов — псевдоним Н. А. Добролюбова. М и х а й л о в Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, публицист, переводчик, революционный деятель; был арестован 14 сентября 1861 г. по обвинению в составлении прокламации «К молодому поколению» (написанной в основном Н. В. Шелгуновым и отпечатанной в Вольной русской типографии). Михайлов был приговорен к лишению прав и ссылке в каторжные работы на 6 лет; продолжал литера-

турную деятельность и в тяжелые годы каторги и ссылки. Михайлов был одним из близких друзей Добролюбова, связанных с ним, помимо личных отношений, революционной деятельностью (подробнее см.: Левин Ю. Д. Об отношениях Н. А. Добролюбова и М. Л. Михайлова в 1861 году // ИОЛЯ. 1961, т. 20, вып. 5. С. 420—424). *В темном царстве лжи и зла* — намек на статьи Добролюбова «Темное царство» (1859) и «Луч света в темном царстве» (1860).

И. П. ОГАРЕВ

31. К. 1862, 3 (15) янв. Прибавление к л. 119/120. СРП; Л I; Л II; Л V; НСРПиС — во всех изд., за исключением К и Л II, в составе двадцати четырех заключительных ст. (со ст. «Закован в железы, с тяжелою цепью...»), с пометкой (кроме НСРПиС): «На голос: „Среди долины ровныя“». Этот отрывок прочно вошел в репертуар русской революционной песни. Написано в связи с приговором М. Л. Михайлову (см. предыдущее примеч.), объявленным 14 декабря 1861 г. *Брошен свежий труп Бойца*. Огарев имеет в виду крестьянина Антона Петрова, пытавшегося внушить крестьянам села Бездны Спасского уезда Казанской губернии, что «Положение...» даровало крестьянам полную волю, которую помещики от них скрывают. Начавшиеся крестьянские беспорядки были с необычайной жестокостью подавлены вызванными войсками: расстреляно на месте несколько десятков человек. Петрова арестовали и предали военно-полевому суду, по приговору которого он 17 апреля 1861 г. был расстрелян. Об этом эпизоде и отклике Герцена упоминал В. И. Ленин (см.: Поли. собр. соч. Т. 21. С. 260—261). Об отношениях Михайлова с Герценом и Огаревым подробнее см. в примеч. Ю. Д. Левина в изд.: Михайлов М. Л. Собр. стихотворений. Л., 1969. С. 531 (Б-ка поэта, БС).

И. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ или Н. И. УТИН

32. К. 1862, 3 (15) янв. Прибавление к л. 119/120, без подписи. Л II; СиП, под загл. «Послание М. Л. Михайлову студентов СПб. университета, заключенных в Петропавловской крепости за студенческую историю 12 октября 1861 г.». Автором, на основании свидетельства Н. Я. Николадзе, считается студент Петербургского университета Иван Александрович Рождественский (ум. 1876), находившийся среди тех, кто был арестован за участие в волнениях (см.: Николадзе Н. Я. Воспоминания о шестидесятих годах // КиС. 1927. № 4. С. 44—45 и «Из переписки Н. Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями». Тбилиси, 1980. С. 232). Однако осведомленный Л. Ф. Пантелеев (Воспоминания. М., 1958. С. 179) считал автором деятеля «Земли и воли» Николая Исаковича Утина (1840? — 1883). Вопрос об авторе не может считаться окончательно решенным. Ответом Михайлова является ст-ние 33.

М. Л. МИХАЙЛОВ

33. К. 1862, 3 (15) янв. Прибавление к л. 119/120, без подписи. СРП; под загл. «Студентам»; Л I; Л V; СС, без загл.; НСРПиС, под загл. «Студентам», с пометой: Приписывается Михайлову; СиП, с пометой: Петропавловская крепость. Публ. ст-ния в К сопровождалось припиской: «Спасибо вам за те слезы, которые вызвал у меня ваш братский привет. С кровью приходится мне отрывать от сердца все, что

дорого, чем светла жизнь! Дай бог лучшего времени, хоть, может, мне уже и не суждено возвратиться». Михайлову удалось переслать ст-ние арестованным студентам, которые, по выходе из крепости, широко распространили его в списках (один из списков под загл. «Прощание к молодому поколению» — ЦГАОР). Ст-ние исполнялось на мотив «Нелюдимо наше море...» композитора К. П. Вильбоа и стало одним из популярнейших произведений вольной русской поэзии второй половины XIX в.

Н. П. ОГАРЕВ

34. К. 1863, 20 окт. (1 нояб.). Л. 172. Статья, ответом на которую является ст-ние, опубл. в К. 1863, 19 сент. (1 окт.). Л. 171 под загл. «Братское слово. По поводу заявления московских и харьковских студентов». Статья вызвана верноподданническим адресом, поднесенным Александру II от имени московских студентов в связи с польским восстанием. Подпись под статью: «Один из многих». Она была послана из России в августе, но не послела к сентябрьскому листу (см. примеч. ред. К к публ. статьи). Ст-ние было в рукописи послано Н. И. Утину, который в ответном письме от 8 октября предложил некоторые изменения; все они были приняты Огаревым (см.: ЛН. 1955. № 62. С. 625—626). Последняя строфа была в качестве самостоятельного произведения Огарева приведена М. Н. Слепцовой в ее воспоминаниях (Штурманы грядущей бури // «Звенья». М., 1933. Вып. 2. С. 391) по записи, сделанной ею в 1895 г. со слов ее мужа — землеовольца А. А. Слепцова. Текст публ. Слепцовой, кроме одного слова, совпадает с текстом К. По словам автора воспоминаний, ст-ние было обращено к Слепцову (последний был в Лондоне дважды — летом 1860 г. и в январе 1863 г.). Однако считать Слепцова автором названной выше статьи нет достаточных оснований; подробнее об этом см. в примеч. в изд.: Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956. С. 828—829 (Б-ка поэта, БС). «Сим победиши». Римский император Константин I Великий (ок. 285—337) поддерживал христианство, утверждал, что перед битвой с Максенцием в 312 г. ему было видение — крест на небе с надписью: «сим победиши».

В. С. КУРОЧКИН (?)

35. РПЛ, под загл. «Современное стихотворение», без подписи. СРП, с вар.; К. 1866, 3(15) янв. Л. 212; Л I (текст К), подпись: П. Холодковский-Цибульский; ВП I, с вар.; П, с вар.; СНПиС, с вар.; Л II, под загл. «Современное стихотворение. Вариант», подпись: П. Холодковский-Цибульский; Л V (текст К), подпись: П. Холодковский-Цибульский. Печ. по К, где наиболее полный и исправный текст. Автор ст-ния окончательно не установлен, но авторство В. С. Курочкина наиболее вероятно (см.: РС. 1887, № 9. С. 631 и примеч. И. Г. Ямпольского в ПИ. Т. 1. С. 768—770). Ст-ние приписывалось также П. А. Холодковскому-Цибульскому (Л I; Л II и Л V); А. А. Григорьеву (Лесков-Стебницкий Н. С. Загадочный человек. Спб., 1871. С. 48—49; намек в статье: Боборыкин П. Д. Из воспоминаний о пишущей братии // «Спб. ведомости». 1877, 10 февр.); Ивану или Виктору Умнову («Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др.: Из арх. А. Н. Островского». М.; Л., 1932. С. 455, 716, «Деятели...». Т. 1, вып. 2. С. 414). О популярности ст-ния свидетельствует также и то, что оно распро-

странялось в 1863 г. в качестве печатной прокламации, может быть, «Земли и воли» (см.: «Былое». Лондон, 1904, № 6. С. 10; ср.: Нечкина М. В. «Земля и воля» 1860-х годов // «История СССР». 1957. № 1. С. 118 и 131). По данным руководителя Морозовской стачки П. А. Моисеенко, он в 1877 г. вместе с товарищами организовал хор с бубенцами и плясунами. Эта группа певцов исполняла с агитационными целями в пивных и трактирах района Обводного канала в Петербурге песни «Долго нас помещики душили...», «Свободушка» и др. «Эффект поразительный. Всех нас воодушевляла революционная песня. Несмотря на усталость, мы забывали все» (Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 21). Песня была использована и реакционной литературой, в частности Вс. Крестовским в романе «Панургово стадо» (здесь она названа даже «русской марсельезой»). Ст-ние быстро распространилось, став одним из наиболее популярных в репертуаре вольной поэзии второй половины XIX в., особенно в студенческой среде (Друскин. С. 35—38). Песню, в частности, пели, расходясь с панихиды 16 апреля 1861 г. по жертвам Безднинского расстрела на Куртинском кладбище в Казани. Вообще, судя по мемуарам, в Казани песня была особенно популярна (см.: ПИ. Т. 1. С. 769; «Русско-польские революционные связи». М., 1963. Т. 2. С. 155). Огарев в предисл. к РПЛ, где текст ст-ния, возможно, дан в его переработке, писал: «Перешагнув через хронологический порядок, которого мы по возможности старались держаться в нашем сборнике, мы поместили в конце этой части „Современное стихотворение“, которое тем замечательно, что не нарочно сосредоточивает в себе целую историческую эпоху и опирается на ее исходную точку, на 14 декабря» (с. ХСІХ). *Суд Шемякин* — несправедливый, неправедный суд (по имени судьи Шемяки из старинной русской повести). *Бутарь* (точнее: бударь) — будочник.

Н. П. ОГАРЕВ

36. К. 1867, 19 июня (1 июля). Л. 244/245. Этим ст-нием заключалось изд. К перед перерывом до 1 января 1868 г. Оно стоит в непосредственной связи с «Предисловием (к „Колоколу“»» (см. ст-ние 22). Ряд выражений и ст. (ср. ст. 7—8, 17—18, 20—24) — перифразы «Предисловия (к „Колоколу“»».

К. Ф. Рылеев. Думы и стихотворения

Лондон. 1860

Н. П. ОГАРЕВ

37. Рылеев К. Ф. Думы и стихотворения. Лондон, 1860, в качестве посвящения. Ст-ние прочно вошло в репертуар русской революционной поэзии и многократно переписывалось и перепечатывалось. Рылеев должен быть назван в числе политических и поэтических учителей Огарева, много сделавшего для популяризации запретного в России имени декабриста. *Пять повешенных людей* — декабристы. *Бронзовые кони И Николая и Петра* — памятники Николаю I и Петру I в Петербурге на Исаакиевской и Сенатской (Петровской) площадях.

«Русская потаенная литература...» — один из наиболее значительных сборников, впервые объединивший всю русскую вольную поэзию первой половины XIX в. и бывший источником для целого ряда последующих перепечаток. Значительную часть материалов, вошедших в РПЛ, захватил с собою Огарев, уезжая из России в 1856 г. Герцен 11 апреля (30 марта) 1856 г. сообщал М. К. Рейхель, что Огарев «привез бездну стихов» (Собр. соч. Т. 25. С. 338); возможно, впрочем, что некоторые записи наиболее острых в политическом смысле стихотворений были сделаны уже в Лондоне, по памяти. Какая-то часть материалов была доставлена В. Р. Зотовым, во время его поездки в Лондон в июле 1857 г. Несомненно преувеличивая, Зотов писал даже, что «почти все (...) было собрано мною в России и мною же отвезено Герцену для напечатания» (Морозов. Т. 2. С. 356). Какие-то материалы были привезены Н. В. Гербелем, который участвовал даже в корректуре сборника. Над изданием РПЛ в Лондоне работал и выехавший из России В. И. Касаткин. «Можно будет издать книгу бесцензурных стихотворений разн(ых) автор(ов) в хронологическом порядке», — писал Огарев Герцену в сентябре 1860 г. (ЛН. 1941. Т. 39/40. С. 382; ср.: ЛН. 1941. Т. 41/42. С. 8—9). Наконец, можно думать, что какие-то отдельные стихотворения были доставлены выезжавшими за границу русскими путешественниками. Сборник вышел в свет в сентябре 1861 г. На титульном листе и обложке обозначено «Часть первая».

Всего в сборник включено 170 стихотворений Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Полежаева, Хомякова и других авторов, — все эти произведения не могли быть напечатаны легально в России и распространялись в многочисленных списках. Естественно, что в условиях такого бытования текст не всегда совпадал с подлинным, а редактор сборника зачастую не знал действительного автора ряда стихотворений. В сборник были включены не только «противоправительственные» произведения; в условиях реакционного режима невозможными для печати оказывались также и произведения, непочтительно касавшиеся вопросов религии.

Большая часть собранных в РПЛ стихотворений относится к первой половине XIX в. В настоящий сборник включено лишь 4 стихотворения более позднего времени.

Сборнику предпослана большая (в 96 страниц) вступительная статья Огарева, в которой он «пытается проследить наше гражданское движение в стихотворной литературе» (с. VI), давая тем самым первый историко-литературный очерк русской вольной поэзии. Намечавшийся второй выпуск сборника не осуществился (см.: Огарев Н. П. <О восстановлении связи с обществом «Земля и Воля»> // Огарев Н. П. Избр. социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 126).

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

38. РПЛ, без подписи. ВП II, ст. 145—164 в качестве отдельного с-ния, без подписи. Впервые в легальной печати: ГМ. 1917, № 5/6, под загл. «На смерть Николая I», с измененным началом, с вар. и без

последних пятидесяти восьми ст., с указанием: «Приписывалось Некрасову». Уточненный текст под загл. «Дума при гробе Оленина» см. в изд.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС). По свидетельству М. И. Шемановского, ст-ние было очень популярно и расходилось в списках (ЛН. 1936. Т. 25/26. С. 293). Два отрывка (ст. 89—96 и 397—400), соединенные вместе, С. Г. Нечаев поместил в качестве эпиграфа к передовой статье «Народной расправы» (1869, № 1). *Оленин А. А.* (1798—1854) — сын известного писателя, археолога и художника А. Н. Оленина, некогда член «Союза благоденствия», действительный статский советник, чиновник Министерства юстиции, был убит своими крепостными за жестокое обращение 25 декабря 1854 г. При штабе корпуса жандармов для расследования этого происшествия была создана специальная комиссия. В отчете III Отделения и корпуса жандармов за 1855 г. говорится, «что поводом к означенному злодеянию послужило дурное обращение Оленина с людьми его и что по жалобам их местное начальство делало ему неоднократные внушения (...) что крестьяне упомянутых имений от обременительных повинностей находятся большую частью в бедном положении и нуждаются даже в продовольствии. Поэтому сделано распоряжение как об отпуске им хлеба, так и об учреждении особого надзора местных властей за управлением наиболее расстроеной тульской вотчины» («Крестьянское движение 1827—1869 гг.» / Подг. к печати Е. А. Мороховец. М., 1931. Вып. 1. С. 103). Начало ст-ния — парафраза первых двух ст. ст-ния Пушкина «Перед гробницею святой...» (1831). *В цари к нам сели скандинавы* — см. примеч. 4. *Баскак* — представитель ханской власти и сборщик податей в эпоху татарского ига. *Крючок приказный* — мелкий чиновник. *«Статского» схватив*, т. е. чин статского советника, дававший звание потомственного дворянина. *Дворянство силою добыв.* Награждение некоторыми орденами за боевые заслуги давало право на потомственное дворянство. *Продажу негров порицал?* 8 декабря 1841 г. Россия, Австрия, Пруссия и Англия заключили конвенцию об искоренении торгового неграмотства. См. указ Николая I Сенату от 26 марта 1842 г. («Полн. собр. законов Российской империи». 2-е собр. Спб., 1843. Т. 17, отд. 1. С. 229—241). *Вплоть* — плотно.

39. РПЛ, без указания фамилии переводчика. Л I; Л V. Уточненный текст см. в изд.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС) (печ. по РПЛ, но с конъектурами в ст. 14: чинов — вместо умов; ст. 19: моей — вместо своей; ст. 33: на речь — вместо за речь, предложенными на основании сличения текста с польским оригиналом). Пер. ст-ния А. Мицкевича «Do Przujiaci Moskali» из «Dziady». Авторство Добролюбова установлено Е. Г. Бушканцем (Неизвестные стихотворения Н. А. Добролюбова // ИОЛЯ. 1957, т. 16, вып. 1. С. 68) на том основании, что ст-ние под таким загл. указано в Списке политических ст-ний Добролюбова, сост. им самим, и что ни один из других пер. того времени не имеет этого загл., значительно отклоняющегося от оригинала. *Опутан бив сетями, Я, с хитростью змеи вяжсь, тирану льстил* и т. д. Речь идет о позиции Мицкевича по отношению к Николаю I.

40. РПЛ, без имени переводчика. Л II; «Народная расправа». (Женева). 1869, № 1 (ст. 1—26 в качестве эпиграфа к статье «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела»). Впервые в легальной печати «Русская муза»/Сост. П. Я. (П. Якубович). Перераб. и доп. изд. Спб., 1907, с сокращениями и вар., без загл., приписано В. С. Курочкину. В РПЛ напечатано со следующим ред. примеч.: «После 6-го стиха в рукописи был пропуск, которого мы не могли пополнить». Пропущенные ст. имеются в списке рукой Т. Г. Шевченко (см. ниже). Предложенные испр. ст. 127: «Суровый сторож нас не приударит плетью» в изд.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939. С. 295 (Б-ка поэта, БС) и «Суровый страж нас не ударит плетью» в изд.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983 (Б-ка поэта, БС) — недостаточно мотивированы. Ст-ние быстро разошлось по стране в многочисленных списках и 16—17 сентября 1857 г. стало известно Т. Г. Шевченко, который переписал его полностью (Собр. соч. М., 1956. Т. 5. С. 130—131). Является пер. ст-ния «La cigée» О. Барбье (1805—1882), написанного в августе 1830 г. по поводу июльской революции, в связи с тем «разделом добычи», в котором приняла участие французская буржуазия после изгнания Бурбонов и провозглашения республики. Пер. Бенедиктова, по предположению Л. Я. Гинзбург, относится к 1856—1857 гг., к периоду либеральных настроений поэта, наступивших под влиянием общественного оживления после 1855 г. Впрочем, какой-то пер. этого ст-ния был запрещен цензурой уже в 1832 г., см.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939. С. 328 (Б-ка поэта, БС). Был популярен и другой пер.— В. П. Буренина, первоначально напечатанный в изд.: «Подпольное слово». Женева, 1856. № 2. Подробнее см. в примеч. И. Г. Ямпольского в ПИ. Т. 2. С. 972. *И целые пять лет горячий возделенья Сжигала весь народ.* Имеется в виду французская буржуазная революция конца XVIII в. *А после кинулась вдруг к палкам, к барабану.* Революционной Франции пришлось вести оборонительную борьбу против реакционно-монархической коалиции государств Европы. *К двадцатилетнему явилась капитану.* Речь идет о Наполеоне I (1769—1821). Благодаря инициативе капитана Наполеона Бонапарта части революционной армии в декабре 1793 г. освободили захваченный контрреволюционными мятежниками и англичанами Тулон. Якобинское правительство произвело его в бригадные генералы. *Трехцветная повязка* — сине-бело-красного цветов, которые со времени французской буржуазной революции конца XVIII в. стали цветами государственного флага Франции.

П. Л. ЛАВРОВ (?)

41. РПЛ, без подписи. ВП I; Л II, под загл. «Русский император». Впервые в легальной печати: ГМ. 1917, № 5/6, под загл. «Николай I перед дверями рая», без подписи (по списку Арнольда). Распространялось в списках под различными загл.: «Выписка из протокола небесной канцелярии» (ПД), «На смерть императора Николая I» — под этим загл. ст-ние было обнаружено при обыске 24—25 апреля 1866 г. у П. Л. Лаврова (см.: Б. 1906, № 8. С. 38). Автор окончательно не установлен: возможно, что им является П. Л. Лавров (см.: «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Пг., 1921. Вып. 1. С. 35—36). Однако следует учитывать и серьезные возражения против этой атрибуции Е. Г. Бушканца в его кн.: Особенности изучения памятников

нелегальной революционной поэзии XIX века. Казань, 1962. С. 14; ср. также: Бушканец Е. Г. Кто автор стихотворения «Часовые»? // «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1974. Сб. 6. С. 372—373. 24 февраля 1858 г. ст-ние было переписано Т. Г. Шевченко в дневник (см.: Собр. соч. М., 1956. Т. 5. С. 203—204). *Незавбвенный* — см. примеч. 12.

Солдатские песни

Лондон. 1862

В предисловии к сборнику, вероятно принадлежащем Огареву, напечатано: «Нам случайно достались несколько песней, составленных, вероятно, кем-либо из русских офицеров; невольные свидетели мученичества солдат, невольные участники усмирения крестьян и угнетения поляков, им первым должна была прийти на сердце мрачная солдатская песня. Мы уверены, что эти песни поются в очень многих полках, и потому с величайшим удовольствием печатаем их. Нам обещали доставить еще несколько песен этого рода, которые мы и издадим немедленно по получении». Составители этого сборника остаются неизвестными, едва ли знал их и Огарев. Близость шестой песни к «Духовному завещанию» И. Арнольда, П. Сливицкого и др. и к прокламации «Русским войскам» (см.: «Музей революции». Л., 1923. Т. 1. С. 38—43 и Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Пб., 1920. Т. 15. С. 361—362, 367—368) дает основание предполагать, что СП связаны с той группой русских офицеров в Варшаве, которая сблизилась с польскими революционерами Я. Домбровским, С. Сераковским и возглавлялась А. А. Потемным; Потемный в ноябре 1862 г. был у Герцена и рассказывал ему о растущем недовольстве среди русских солдат, находящихся в Польше (Герцен А. И. Указ. изд. С. 363—364). Другие песни, о которых написано в предисловии, опубликованы не были, но весь сборник был полностью перепечатан в СРП. Сборник вышел в свет во второй половине ноября 1862 г. — объявление о нем находим в ОВ. 1862, 20 ноября (1 декабря), № 6, — между тем казнь Арнольда и Сливицкого, упоминаемых в песне «Братцы! Дружно песню грянем...» (ст-ние 46), была совершена 16 июня 1862 г. Тем самым определяется довольно точно период, когда эти песни были сложены, доставлены в Лондон и напечатаны, — на все это ушло едва ли больше четырех месяцев.

Сборник известен в двух изданиях; второе (с датой на титульном листе: 1863) отличается отсутствием предисловия; вероятно, перед нами другая часть тиража, печатавшаяся с того же набора. Две песни сборника — «Русскому солдату...» и «Братцы! Дружно песню грянем...» — оказались особенно распространенными, они сохранились в репертуаре солдатской вольной поэзии до конца первого десятилетия XX в. Об агитационном использовании сборника деятелями «Земли и воли» см.: ЛН. 1953. Т. 61. С. 554. Шесть из семи песен сборника написаны на мотивы популярных народных песен; в этом смысле СП продолжают традицию агитационных песен Рылеева и Бестужева, тоже ориентированных на народные массы. Свообразна композиция сборника. Мотивы политической агитации становятся от песни к песне все более острыми: от описания тяжелого положения крестьянских масс до призыва не стрелять в братьев-крестьян.

42. СП, без подписи. СРП; Л I; Л V. *Фухтель* — удар саблей плашмя.

43. СП, без подписи. СРП; Л I; Л V. Ст. 1—8 (с изменением в ст. 7 «Он сечет» на «Матюшит») вошли в сб.: «Песни и стихи революции: Солдатский сб.» Казань, 1906; ст. 9—32 заменены здесь шестнадцатью новыми, призывающими к восстанию. Загл. этой переработки: «За ум!».

44. СП, без подписи. СРП; Л I; П; Л V. *Под Бездной Пролетарской честная кровь!* — см. примеч. 31. *Пулей штуцерной* — см. примеч. 1.

45. СП, без подписи. СРП; Л I; Л V. *Умереть тебе, пока я Отслужу свои года*. Срок рекрутской службы в России (сначала пожизненный) составлял с 1793 г. — 25 лет, начиная с 1834 г. (вплоть до 1874 г.) — 20 лет.

46. СП, без подписи. СРП; Л I; Л V. Позднейшие переделки текста с заменой «поляков» «рабочими», с существенными сокращениями и вар. см.: «Голос солдата». Рига. 1905, 23 дек., № 2; «Голос казармы». Тифлис. 1907, 28 февр., № 5; «Солдат». Либава. 1906, 8 марта, № 5 — указано в изд.: «Пролетарские поэты». Л., 1935. Т. 1. С. 369 (Б-ка поэта, БС). *Как Арнгольдта расстреляли И Сливницкого зараз! И Ростовковского сгубили Вместе С Щуром зауряд*. Поручик 4-го стрелкового батальона, расположенного в Варшаве, Иван Арнгольдт, один из организаторов подпольного офицерского кружка, ставившего своей целью революционную пропаганду среди солдат, подпоручик того же батальона Петр Сливницкий и унтер-офицер Франц Ростовский были арестованы 24 апреля 1862 г. и приговорены военным судом к расстрелу (приговор приведен в исполнение 16 июня 1862 г.), рядовой того же батальона Лев Щур — к 600 ударам шпиц-рутенов и каторжным работам (см.: Шилов А. А. Дело Арнгольдта, Сливницкого, Ростовского и Щура 1862 г. // «Музей революции». Пг., 1923. Вып. 1. С. 38—43).

47. СП, без подписи. СРП; Л I; ВП II; Л V.

Н. П. ОГАРЕВ

48. СП, без подписи; в ст. 3 обозначение: «дважды». СРП; Л I; П — в огл. загл. «Царская воля»; СНПиС, без строфы 10; Л V. Авторство Огарева обосновано в ЛН. 1953. Т. 61. С. 596—597. Эта атрибуция без достаточных оснований оспаривается Е. Г. Бушканцем (см.: Бушканец Е. Г. Нелегальная революционная поэзия 1860-х годов // РЛ. 1959, № 1. С. 139—140 и в его кн.: Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX века. Казань, 1962. С. 12—13). *Разнемецкий государь* и т. д. — Александр II, мать которого была дочерью прусского короля Фридриха II Великого. *И составил манифест* — об освобождении крестьян (19 февраля 1861 г.). *Становой* — см. примеч. 126.

Н. П. ОГАРЕВ

49. ОВ. 1863. 3(15) апр., № 14, подпись: Фирс Холмогоров. Л I; ВП II, под загл. «Мысль россиянина при чтении указа о воле», ст. 1—20, существенно переработанные; Л V. Текст ВП II опубли.: ВРП II, см. там же примеч., с. 746. Обоснование авторства Огарева — ЛН. 1953. Т. 61. С. 582—585, 595—596. Желая приостановить участие крестьян западных губерний в польском восстании 1863 г. (*испужавшись ляха*) и привлечь их на свою сторону, правительство пошло — раньше предусмотренного срока — на ликвидацию в четырех западных губерниях «обязательных отношений крестьян к помещикам». В некоей постепенности *Отыщу матьерю* и т. д. Здесь и далее речь идет о половинчатом характере крестьянской реформы 1861 г., согласно которой крестьяне должны были выкупать у помещиков усадьбы и земельные наделы, а за пользование ими до выкупа нести денежные и трудовые повинности (*оброки-выкупы*). Совет — высший законо-совещательный орган в России. *Кто к уставной грамоте Руку приложил* и т. д. Уставная грамота определяла отношения между помещиками и крестьянами до совершения выкупной сделки. Возможно, здесь имеются в виду поборы мировых посредников при составлении уставных грамот. *Уряд* — порядок. *Покойный тятенька* — Николай I. *Фирс*. Имя выбрано Огаревым не случайно: именины Фирса приходятся на 14 декабря — день восстания декабристов.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

50. ОВ. 1863, 20 окт. (1 нояб.), № 22, подпись: Старообрядец. Л I; Л V. *Тайные «Постановления по части раскола»*. Имеется в виду секретно изданное Министерством внутренних дел «Собр. постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода». Т. 1—2. Спб., 1860.

Свободные русские песни

(*Берн*). 1863

Сборник вышел в свет около 1 января 1864 г. (см. «Supplement to the Bell», объявление Трюбнера, № 57). Сборник был издан с фиктивными выходными данными (Кронштадт, в типографии главной бригады, 1863) и фальшивым цензурным разрешением (С.-Петербург, 3 мая 1863 г.). В действительности он был издан в Берне в организованной там с осени 1862 г. революционерами типографии (см.: ЛН. 1941. Т. 41/42. С. 8—14, 82—105). Всего в сборник включено 38 стихотворений: 5 стихотворений были ранее напечатаны в К, одно — в ГизР IV, 7 — в СП, 6 — в ПЗ, 10 — в РПЛ. Таким образом, впервые в СРП напечатаны 9 стихотворений (4 относятся ко времени до 1855 г.). Сборник снабжен предисловием, принадлежащим, вероятнее всего, Огареву, по предположению А. А. Шилова (см.: ЛН. 1941. Т. 41/42. С. 85), с эпиграфом «Из песни слова не выкинешь»: «Составляя предлагаемый песенник, мы имели в виду соединить в нем песни наиболее знакомые, наиболее любимые и чаще других раздающиеся в русских свободных кружках. Песни наших славных декабри-

стов пелись на Руси не одним поколением: с них мы и начинаем наш скромный сборник. Само собой, что помещенные здесь песни не все одинакового достоинства в литературном отношении, но во всех них более или менее слышится один и тот же мотив наболевшего русского сердца и глубокой вражды к рабству. Память о тех часах, в которые мы сами вслушивались в эти песни и пели их в среде молодого и старого поколения, дружно настроенных одною заветною для всех мыслью, дает нам право надеяться на добрый прием первого на Руси свободного песенника. Мы же вместе с ним шлем и наш сердечный привет как нашим личным, так и всем друзьям русской свободы. Издатели». Если РПЛ была сборником, суммирующим период развития русской вольной поэзии в 1830—1860-х годах и рассчитанным на более или менее ограниченный круг читателей, то перед издателями СРП стояла задача создания песенника для распространения в массах. Большая часть произведений, составивших СРП, является именно песнями (по преимуществу для хорового исполнения) — почти все они сопровождаются указаниями на мотив («голос»), на который они поются. Сборник рассчитан на пропаганду в самых разнообразных кругах: есть песни, ориентированные на солдат, они «описывают тяжелую солдатскую службу, призывают солдат к отказу от участия в подавлении Польши и крестьянских восстаний, другие написаны для крестьян; есть песни, призывающие к восстанию» (Кушева Е. Н. К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и волей» 60-х годов // ЛН. 1941. Т. 41/42. С. 85). О популярности сборника среди студентов 1860-х годов говорит показание Ф. Ф. Рипмана от 23 февраля 1870 г., привлеченного по нечаевскому делу (см.: «Нечаев и нечаевцы». М.; Л., 1931. С. 113).

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

51. СРП, без подписи. Л I, подпись: К. Ф. Рылеев; ВП II, вар. ст. 20: «Так и царь будет удавлен, сукин сын»; П, вар. ст. 20: «Так и царь-то наш тоже сукин сын». Ст-ние представляет переделку известной народной песни: «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик...», ставшей прототипом ряда произведений: «Песни о камаринском мужике» Л. Н. Трефолева (1867), «Эх, ребята, собирайтесь поскорей...» Ф. В. Волховского (см.: Волховской Ф. В. Ткач Петр Алексеевич Алексеев. Спб., 1906. С. 10) или распространенной переделки, применительно к рабочему фабрики, «Савушки Морозова» («Рабочая мысль». 1900, № 8), изданной, по сообщению А. А. Шилова, в виде листовки петербург. «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (однако в кн. «Листовки петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“». М., 1934 — этой листовки нет). В качестве «новой комаринской, пущенной в то время кем-то из пропагандистов по народу», Н. А. Морозов приводит в своих мемуарах сокращенный и несколько отличный текст (Морозов. Т. I. С. 303). Ст-ние написано после 1861 г. («помещик... надул уставной грамотой крестьян»). *Становой* — см. примеч. 126. *Уставная грамота* — см. примеч. 49. *Царский адъютант* — флигель-адъютант, обычно командировавшийся для подавления крестьянских беспорядков.

52. СРП, без подписи. Л I; ВП II; П; СНПиС; Л V. Кроме того, в тексте прокламации «Русскому народу», написанной в 1873 г. А. В. Долгушиным, процитированы две строфы этой песни: 4-я и в виде концовки — 2-я (см.: Кункль А. Долгушинцы. М., 1932. С. 221—222). Припев

песни представляет собою вольный пер. текста «Марсельезы». По указанию Н. В. Осьмакова, он повторен в ст-нии П. Л. Лаврова (?) «К оружию, народ!». Я. И. Линков считает, что эта песня, «написанная, по всей вероятности, Огаревым», в поэтической форме излагает основные черты землевольческой программы (Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов // «Вопросы истории». 1958, № 9. С. 47). В столь категорической форме это утверждение едва ли может быть принято: с не меньшим правом на эту роль могут претендовать и другие произведения 1860-х годов.

53. СРП, без подписи (в сноске указано, что песня обыкновенно поется после «Долго нас помещики душили...») (см. ст-ние 35). Л I; ВП II; СНПиС, с вар.; Л V; СиП; НСРПиС и в других изд. Н. А. Морозов считал автором песни одного из своих товарищей (кого именно, остается неизвестным). Его же указание (Морозов. Т. 2. С. 56; Т. 3. С. 42), что песня написана в Петропавловской крепости под музыку ее курантов, неточно — куранты в 1860-е годы отбивали не «Славься...», а «Коль славен наш господь в Сионе...»; в полдень и в полночь — «Боже, царя храни...». Песня распространялась и позднее с различными переделками. Тем не менее в наши дни ст-ние оказалось забытым, и в 1958 г. была сделана бездоказательная попытка приписать его И. Г. Прыжову (см.: Мазуркевич А. Р. И. Г. Прыжов. Киев, 1958. С. 36). Ф. Я. Кон вспоминал, что песню пели политические ссыльные в 1886 г. перед отправлением по этапу в Сибирь (Собр. соч. М., 1932. Т. I. С. 225). Судя по тому, что в близкой ред. песня распевалась студентами в сочиненной ими в сентябре (?) 1861 г. в Петропавловской крепости «Опере», она была написана не позднее этого времени, быстро стала популярной, проникла за рубеж. Эпиграф из либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»).

54. СРП, без подписи. Л I; Л V. *Развод* — см. примеч. 18—19. *Вот тебе награда За двадцать пять лет* — см. примеч. 45.

55. СРП, без подписи. Л I; ВП II; Л V. Первая и последняя строфы позволяют датировать ст-ние временем до 1861 г.; начало строфы 4 свидетельствует о том, что оно написано в период подготовки крестьянской реформы, т. е. после 1857 г. *Пусть тогда для суда Земские наедут*. Земский суд — полицейско-следственный и судебный орган уездного управления, упраздненный в 1862 г.

Будущность. L'Avenir

Лейпциг — Париж. 1860 — 1861

Редактор этого журнала — князь П. В. Долгоруков (1816—1868) — историк и публицист, эмигрировал в 1859 г. В некрологе в № 12 «Колокола» Герцен писал о нем, что он, «подобно неутомимому тореадору, не переставая дразнил быка русского правительства и заставлял трепетать камарилью Зимнего дворца» (Собр. соч. Т. 20. Кн. 1. С. 378). Политическая программа Долгорукова не шла далее умеренно-буржуазного либерализма; будущий политический строй он представлял себе как ограниченную конституцией монархию. Долгоруков последовательно издавал несколько журналов. Журнал «Будущность» («L'Avenir») выходил в Лейпциге и Париже с 3(15)

сентября 1860 г. по 19(31) декабря 1861 г. — всего вышло 25 номеров. С ноября 1862 г. по 16(28) июля 1864 г. Долгоруков выпустил в Брюсселе, а потом в Лондоне 22 номера журнала под заглавием «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым». Кроме того, в 1862—1863 гг. Долгоруков редактировал в Лейпциге журналы: «Правдивый» («Le Véridique» — вышло 6 номеров) и «Правдолюбивый» («Le Véridique»); № 7—10 за 1862 г.; № 1—8 за 1863 г. издавались там же и тем же издателем (В. Гергардом), но уже без участия Долгорукова. Все три журнала представляют собою, в сущности, один журнал, изменявший свои заглавия. Долгоруков сосредоточил огонь на разоблачениях отдельных представителей царского режима. В советское время эти публикации собраны в изд.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта. М., 1934. Статья С. В. Бахрушина «„Республиканец-князь“ Петр Владимирович Долгоруков» (там же) дает характеристику этого политического деятеля.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

56. «Будущность». 1861, 3(15) янв., № 6, без подписи. *Новые кафтаны и штаны* и т. д. — см. примеч. 18—19. П. А. Ефремов считал автором Г. Данилевского (см.: Бушканец Е. Г. Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов: (По материалам арх. П. А. Ефремова) // ИОЛЯ. 1962, т. 21, вып. 4. С. 343). М. К. Лемке приписывал его Добролюбову (Н. А. Добролюбов как политический поэт // «Книга и революция». 1922, № 3. С. 37). На основании материалов Лемке ст-ние было ошибочно атрибутировано Добролюбову в его Полн. собр. соч. (М., 1939. Т. 6) и в ВРП II. Однако в последующие авторитетные изд. Добролюбова — Собр. соч. в 9-ти т. М.; Л., 1961—1965 и Полн. собр. стихотворений. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС) — ст-ние не включалось. *Высочайший манифест*. Имеется в виду манифест Александра II при восшествии на престол.

57. «Будущность». 1861, 15(27) нояб., № 21, без подписи. При публ. ст-ния указано, что стихи написаны «в июле 1860 года одним из почтенных русских литераторов» и в России не пропущены цензурой. В качестве ст-ния Огарева перепеч. в изд.: «Красный декабрь: От 14 декабря 1825 г. к декабрю 1905 г.: Революционные мотивы в русской поэзии» / Сост. Н. Л. Бродский и В. Л. Львов-Рогачевский. Л., 1925 и Огарев Н. П. Избр. стихотворения и поэмы. М., 1938. Обе перепечатки — с произвольным загл. «Гарибальди» и с неточностями. Авторство Огарева ничем не подтверждается; в середине 1861 г. Огареву не было никакой надобности скрывать его; нет также основания не верить ред. «Будущности», сообщившей, что автор — русский писатель, т. е. писатель, живущий в России. Имя *Гарибальди* (1807—1882) и руководимое им национально-освободительное движение за освобождение Италии из-под австрийского ига были очень популярны в России в 1860-х годах (см.: Невлер В. Е. Джузеппе Гарибальди и прогрессивные деятели России // «Вопросы истории». 1957, № 7. С. 71—86). *Моисей* — согласно библейскому преданию, предводитель израильских племен, призванный богом Яхве спасти израильтян от фараоновского рабства и вывести их в землю обетованную. *Синедрион* — верховный суд Иудеи. *Фарисеи* — см. примеч. 18—19. *Тиара* — трехъярусный головной убор папы римского.

Н. П. ОГАРЕВ

58. «Листок...». 1863, 12(24) нояб., № 15, без подписи, со следующим ироническим введением П. В. Долгорукова: «Нам присланы с просьбою напечатать стихи в честь газеты „Le Nord“, газеты, столь известной своей независимостью, своим беспристрастием и своим бескорытием». Впервые в легальной печати: Огарев Н. П. Стихотворения / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1904. Т. 1. ст. 1—4. Уточненный текст см. в изд.: Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956 (Б-ка поэта, БС). *Погань поля* — игра слов: Поггенполь Н. П. (1824—1894), ред. полуофициозного правительственного органа «Le Nord» (выходил в Брюсселе в 1863—1865 и в 1868—1871 гг.). Газета была основана на деньги русского правительства, хотя называла себя независимым органом. Задача газеты заключалась в обработке в нужном правительству направлении общественного мнения Запада. Правительство было явно не прочь противопоставить «Le Nord» К. Вначале официозность газеты всячески скрывалась, а внешний либерализм ее простирался до того, что Поггенполь собирался предложить участие в газете и Герцену. «Скажи Мель (гунову), чтоб он отсоветовал Пог (генполю) предлагать мне участие — я ему напишу в ответ дерзкое письмо. Это самый подлейший орган и с каждым № хуже и хуже...» — писал Герцен Тургеневу 9 декабря 1856 г., т. е. вскоре после начала издания газеты (Собр. соч. Т. 26. С. 52). Материальная база «Le Nord» была плохой. Поггенполь в особой докладной записке правительству просил выплачивать ему ежегодную субсидию. «Если „Nord“ погибнет, — писал в заключение редактор, — останется „Cloche“ Герцена...» (см.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пб., 1920. Т. 16. С. 275—276). Субсидия, однако, дана не была.

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

59. «Сб. статей...». Т. 2, под загл. «Пролетарий». Печ. по «Листок...». 1864. 14(26) мая, № 20, без подписи, со следующим ред. примеч.: «Стихи эти не были пропущены в России цензурой. *Имя сочинителя нам неизвестно*, а получили мы это стихотворение от одного из наших знакомых, никогда стихов не писавшего». И. Г. Ямпольским установлено, что автор — Михаил Павлович Розенгейм (1820—1887), видный представитель умеренно-либерального «обличительства» 1860-х годов, и что ст-ние предназначалось для газеты «Наше время», издававшейся в Москве в 1861—1863 гг. (см.: Ямпольский И. Г. «Сборник статей, не дозволенных цензурой в 1862 году» // «Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та». 1971, № 355, вып. 76. С. 186—187). Там же установлены подписи или раскрыто авторство настоящего и следующих ст-ний (№ 61—64). *Пролетарий* — здесь в значении: неимуший человек.

60. «Сб. статей...». Т. 2, без подписи. Напеч. «Листок...». 1864, 11 (23) июня, № 21, без подписи, с таким же ред. примеч., что и к предыдущему ст-нию. Предназначалось для газеты «Наше время», как установлено И. Г. Ямпольским (см. предыдущее примеч. Указ. соч. С. 187). В ст-нии прикровенно изображены оживление и надежды первых лет царствования Александра II (строфы 6—10), позиция *садовника, барина важного*, т. е. Александра II, и реакция, возглавляемая придворной камарильей (строфы 11—14).

61. «Сб. статей...». Т. 2, без загл. (подпись: NN). Печ. по «Листок...». 1864, 16 (28) авг., № 22, без подписи, с ред. примеч., относящимся к этому и следующим в «Листке...» четырем ст-ниям: «Печатаемые здесь стихотворения не были в России пропущены цензурою. Имена их сочинителей нам неизвестны, а доставлены они нам знакомым нашим, никогда стихов не писавшим». И. Г. Ямпольским установлено, что ст-ние предназначалось для журн. «Гудок» (см. примеч. 59. Указ. соч. С. 189).

П. И. ВЕЙНБЕРГ

62. «Сб статей...». Т. 2, с подзагол. «Русская мелодия» (подпись: Гейне из Тамбова). Впервые в легальной печати: «Искра». 1862, № 40, под загл. «Мой взгляд на природу», с ценз. искажениями, подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по «Листок...». 1864, 16 (28) авг., № 22, без подписи. См. примеч. 59 и 61. П. В. Долгоруков, вероятно, не знал о том, что ст-ние было легально напечатано в России. Его ценз. историю см.: ПИ. Т. 2. С. 959. Запрещенное в течение некоторого времени цензурою, ст-ние стало распространяться в списках в качестве «вольного». *Станиславы, И Владимиры, и Анны* — ордена, высшие степени их имели форму звезды. *Ключи... что блещут На высоких камергерах*. Знак своего придворного звания, ключ, камергеры носили сзади, при парадном мундире.

В. Г. ТИХАНОВИЧ

63. «Сб. статей...». Т. 2. Напеч. «Листок...». 1864, 16 (28) авг., № 22, без подписи. См. примеч. 59 и 61. И. Г. Ямпольским установлено, что автор — Владимир Григорьевич Тиханович (1843—1862) и что ст-ние предназначалось для «Искры» (об авторе см.: ПИ. Т. 2. С. 679). *Гамбс* — известный петербургский мебельный мастер. *Всё подпишешь — чтоб с шеи долой!* Парафраза реплики Фамусова («Подписано — и с плеч долой») из комедии Грибоедова «Горе от ума».

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

64. «Сб статей...». Т. 2 (подпись: Советник Ерунды). Напеч. «Листок...». 1864, 16 (28) авг., № 22, без подписи. См. примеч. 61. Кроме того, в сб. есть еще одна строфа, заканчивающая ст-ние и отсутствующая в «Листке...»:

Зато слыдем мы в дураках;
Об нас кричат, как об отсталых,
Плутах, ворах больших и малых.

Тьму пишут плутней небывалых
Об ком? — об нас, об стариках...

И. Г. Ямпольским установлено, что ст-ние предназначалось для «Петербург. вестника» (см. примеч. 59. Указ. соч. С. 188).

*Н. П. Огарев. <Отдельные брошюры и листовки>
Женева. 1869 — 1871*

65. Восточный вопрос в панораме: Рифмованные строчки. Женева: Imprimerie russe de Landres, 1869. Поэма была послана в письме от 20 января (1 февраля) 1869 г. на имя Лизы Герцен (ЛН. 1941. Т. 39/40. С. 511). Началом поэмы («приступом») Герцен остался недоволен (ЛН. 1958. № 65. С. 701). В ответ Огарев в письме от 25 января (6 февраля) писал: «Выбрось в поэме первые 4 стиха и начинай просто: „Небось, небось, мои боярыни и бары“» (ЛН. 1941. Т. 39/40. С. 513). В письме к Герцену от 6 (18) февраля 1869 г. Огарев сообщал, что читал поэму П. И. Бларамбергу: «Он говорит (да это вдобавок мое мнение), что это надо напечатать сейчас или никогда» (ЛН. 1941. Т. 39/40. С. 522). Герцен 9 (21) февраля отвечал: «Разумеется, что твои стихи надобно печатать теперь или не печатать — даже и теперь поздновато... Печатай — si piace (если угодно). Но куда пойдет?» (Собр. соч. Т. 30. Кн. I. С. 44). 11 (23) февраля Огарев извещал Герцена: «...памфлет мой сегодня отдам печатать, ибо уверен, что он даже так нелеп, что разойдется» (ЛН. 1941. Т. 39/40. С. 524). Заграничный агент III Отделения К. А. Роман (Н. В. Постников) в донесении от 22 октября (3 ноября) 1869 г. сообщал, что Огарев поднес ему в подарок названную брошюру (см.: Кантор Р. В погоне за Нечаевым. Л., 1927. С. 47). Брошюра печаталась в конце февраля 1869 г. *Восточный вопрос* — условное наименование ближневосточного узла международных противоречий в XVIII—XIX вв., в основе которого лежала борьба великих держав за преобладающее влияние в Османской империи и особенно на захваченном ею Балканском полуострове. *Ектенья* — особая молитва, возглашаемая с амвона дьяконом или священником. *Что мне их Крит, а либо Фракия?* — спорные территории, принадлежавшие в то время Греции; в числе претендентов на них была и Франция. Потому эти слова и произносит *Наполеон Третий*. В 1868 г. Крит отошел к Турции. *У меня жена Евгения* — Евгения де Монтихо (1826—1920), жена Наполеона III. *Я, говорит, за Рейном ему дам хлопштоса* — намек на подготавливающуюся *Бисмарком* (1815—1898) франко-прусскую войну, начатую в 1870 г. *Хлопштос* — удар. *Да кто б и Австрию хватил* и т. д. Об австро-прусской войне 1866 г., закончившейся поражением Австрии. *У меня в комочек свернулась и Дания*. Датско-прусская война 1864 г. окончилась серьезным поражением Дании, потерявшей несколько провинций. *У меня король Фридрих вошел в леты*. Фридрих III (1831—1888), кронпринц, а затем король прусский и император германский. *А сам я хоть и граф, но настоящий король*. Огарев имеет в виду исключительное влияние Бисмарка на дела Пруссии. *Франц-Осип* (1830—1916) — австрийский император в 1848—1916 гг.; Огарев отмечает стремление поработанных австрийской реакцией народов отделиться от «лоскутной» империи. *Потерял святого Марку*, т. е. Венецию (св. Марк считался покровителем Венеции), отошедшую к Италии в 1866 г. *Славяне к России тянут*. Галиция стремилась к воссоединению с Россией, Чехия ориентировалась на Россию в путях развития своей культуры. *Фон*

Бейст Ф. (1809—1886) — министр иностранных дел и канцлер Австрии в 1866—1871 гг. *Виктор-Иммануил II* (1820—1878) — король сардинский, потом итальянский (с 1861 г.). *Гладстон В.* (1809—1898) — английский премьер-министр (1868—1874). *Сама королева* — Виктория, королева Великобритании (1837—1901). *Александр Николаевич, всех дел вершитель* — Александр II. *Грекам обещаний надам выше тополя.* Речь идет об обещаниях Александра II оказать дипломатическую помощь грекам против турок на конференции держав по греческому вопросу в Париже в 1869 г. *Не забыл Севастополя,* т. е. поражения России в Крымской войне 1853—1856 гг. *Греческий король* — Георг I, король в 1863—1913 гг. *Да вот и Султан* — Абдул-Азис, султан в 1861—1876 гг. *Голос... у Краевского* — игра слов: газета «Голос» издавалась в 1863—1884 гг. А. А. Краевским (1810—1889).

66. Мужичкам. Женева: тип. Л. Чернецкого, 1869, авг., без подписи (листовка). Обоснование даты написания и авторства Огарева в ЛН. 1953. Т. 61. С. 590—598, там же — фототипия (с. 587).

67. Гой, ребята, люди русские! Женева: тип. Л. Чернецкого, 1869, авг., без подписи (листовка). Существует два вар. этого изд., отличающиеся друг от друга форматом. Небольшие отрывки в легальной печати приведены: «Голос». 1870, 6 июня, в статье К. А. (лябье)ва «Шутовство русской эмиграции». Обоснование авторства Огарева в ЛН. 1941. Т. 41/42. С. 129—131. *Мы расправу учинить должны.* Слово «расправа», употребленное здесь и дальше, обычно для нечаевской группы («Комитет народной расправы», журнал «Народная расправа» и др.). *Скоркать* — скоблить, счищать кору; здесь: синоним голода. *Услыхал о том Стенька Разин сам.* В народе существовало предание о том, что Разин жив и скрывается до поры до времени. В революционно-пропагандистской литературе 1860—1870-х годов имя Степана Разина было неоднократно использовано. *Трепов Ф. Ф.* (1803—1889) — петербургский градоначальник в 1868—1878 гг.

68. Встреча. (Посвящено духовенству). Женева: тип. Л. Чернецкого, 1869, сент.-окт., без подписи (листовка). Обоснование даты написания и авторства Огарева в ЛН. 1953. Т. 61. С. 590—592, там же — факс. первого л. автографа (с. 591).

69. Огарев Н. П. Стихотворения. Лондон, 1858. Напутствие: (Научите немудрых!). Женева: тип. Л. Чернецкого, 1869, сент.-окт., без подписи (листовка); Л II. Печ. по тексту листовки. Она была выпущена С. Г. Нечаевым в сентябре 1869 г. Текст ст-ния отличен от лондонского изд. лишь в рифмующихся словах ст. 14 и 16 (ранее было «дикой» и «великой» — изменение, очевидно произведенное самим Огаревым, жившим в это время в Женеве и связанным с Нечаевым). Снято указание лондонского изд. на источник эпиграфа — Евангелие. В прозаическом тексте, предшествующем стихотворному и также написанном Огаревым, разъясняется, что «немудрыми» называются крестьяне и мещане. Огарев призывает немудрых сплотиться и совместно с солдатскою массою и передовою молодежью поднять восстание против самодержавия. Ст-ние использует форму пушкинского «Пророка», особенно его последнюю строфу. *Фарисей* — см. примеч. 19.

70. Студент: (Молодому другу Нечаеву). Женева: тип. Л. Чернецкого, 1869, авг. (листовка). Ст-ние имеет длинную и примечательную историю. Написанное, по-видимому, в 1868 г., оно было посвящено памяти скончавшегося 24 декабря 1866 г. приятеля, С. И. Астракова. Перепечатавшая ст-ние, М. Драгоманов имел перед собою его оригинал с посвящением Астракову. Однако на оригинале М. А. Бакунина написал: «Великолепно, а лучше бы, полезнее для дела было бы, если бы, заместо памяти Астракова, ты посвятил это стихотворение „Молодому другу Нечаеву“» («Письмо М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896. С. 267). Огарев согласился с этим предложением (хотя оно и противоречило содержанию, ибо Нечаев был еще жив), и ст-ние было отпечатано с новым посвящением. С. Серебренников утверждает, что Нечаев находил «у Огарева заброшенное стихотворение, подправляет последнее приличию случаю, что Нечаев погиб на каторге после ужасных пыток, печатает это стихотворение с именем Огарева и пускает в свет как средство агитации» (Брошюра о Нечаеве // КИС. 1934. № 3. С. 36). Листовка распространялась Нечаевым при его приезде в Москву в сентябре 1869 г. Она была отобрана при обыске у П. Г. Успенского. А. К. Кузнецов давал ее списывать П. А. Топоркову и В. И. Святскому (см.: «Правительственный вестник». 1871, 2 июля; Засулич В. И. Воспоминания. М., 1931. С. 40). Любопытно, что В. Д. Спасович в речи по нечаевскому делу (он был защитником Алексея Кузнецова) интерпретирует это ст-ние как посвященное Огаревым именно Нечаеву. Впрочем, он склонен был отрицать авторство Огарева: «(...) стихи эти до такой степени слабы и плохи (...) они скорее суздальское изделие, отпечатанное подпольно (...) в Москве — С.-Петербург» и т. д. («Правительственный вестник». 1871, 2 июля). Ст-ние с посвящением Нечаеву стало известно Достоевскому и было использовано им в «Бесах». В гл. 6 ч. 2 Петр Верховенский читает ст-ние «Светлая личность» — пародию на огаревского «Студента», которую якобы написал сам Герцен и посвятил Шатову. Текст ст-ния в романе Достоевского сопоставляет ряд намеков: о «прокламации, очевидно, заграничной печати», о «светлой личности» и о некоем «студенте». Текст «Светлой личности», так же как и текст «Студента», неожиданно оказался использованным революционерами для своих целей, и это вызвало в конце 1874 г. обращение начальника III Отделения Потапова к министру внутренних дел Тимашеву. Последний в своем ответе Потапову (16 декабря 1874 г.) замечал, что «на означенное стихотворение (Достоевского) не было обращено цензурой особого внимания (...) потому что оно было напечатано в „Русском вестнике“ не отдельно, в каком виде оно действительно не могло быть терпимо в русской печати, а помещено в романе „Бесы“ как документ, характеризующий образ мыслей и приемы зловредных пропагандистов. В романе этом изображается, с обличительною, вполне похвальною и полезною целью, кружок революционных агитаторов в одном губернском городе, распространявших, между прочим, возмутительные листки, и приведен как образчик один из таких листков заграничного издания, заключавший означенное стихотворение» (об этом см. статью: Оксман Ю. Г. Судьба одной пародии Достоевского // КА. 1923, № 3. С. 301—303). Ст-ние было известно Марксу (см.: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». М., 1929. Кн. 4. С. 383). Оно вызвало довольно холодный отзыв Герцена в письме к автору от 20 августа (1 сентября) 1869 г. «Стихи, разумеется, благородны — но того звучного порыва, как бывали твои

стихи, саго mio (дорогой мой), нет. Ех (empli) gr (atia) (например) „Свобода“...» (Собр. соч. Т. 30. С. 186).

71. Размышления русского унтер-офицера перед походом. Женева: тип. Л. Чернецкого, 1870, окт., без подписи (листочка). В донесении от 13 (25) октября 1870 г. из Женевы заграничный агент III Отделения К. А. Роман (Н. В. Постников), посылая названную листовку, писал: «Имею честь представить при сем один экземпляр стихов, написанных Огаревым, о которых я вас предупреждал. Они только что отпечатаны и на днях будут из типографии переданы Огареву (...) Стихи отпечатаны в количестве 1000 экз. (...). Я обязываюсь просить распоряжения по поводу сих стихов, как можно секретнее, чтобы не догадавались здесь. А. Р. Р. С. Точки означают цинические выражения» (следует расшифровка последних ст. строф 2 и 4) — цит. по изд.: Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1937. Т. 1. С. 262—263 (Б-ка поэта, БС). А. Г. Цейтлин (Творчество Рыльева. М., 1955. С. 205—206) отметил в ст-нии влияние агитационных песен Рыльева и Бестужева. *Решено, чтобы шли мы под турку* и т. д. В октябре 1870 г. представителем европейских государств и Турции, подписавшим Парижский мирный договор 1856 г., ущемлявший права России, был разослан циркуляр А. М. Горчакова. В нем, в частности, турецкому султану было заявлено об аннулировании Россией конвенции, регламентирующей число русских военных судов в Черном море. Циркуляр был встречен с одобрением странами Балканского полуострова. *Крымское дело* и т. д. Речь идет о поражении России в Крымской войне 1853—1856 гг., завершившейся заключением Парижского договора.

72. Песня русской няньки у постели барского ребенка: Подражание Лермонтову. Женева: (тип. Эльпидина), 1871, нояб. (листочка). Впервые в легальной печати: Огарев Н. П. Стихотворения / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1904. Т. 1, с ценз. пропуском ст. 9—12, 25—32. По-видимому, именно эта листовка была отобрана при обыске в Костроме 8 июня 1878 г. у чертежника Шипова. Она была дана ему А. Ф. Лаговским, который, в свою очередь, получил ее от кого-то (в 1877 г.?) в Петербурге в бытность студентом Технологического института (ЦГИАЛ, ф. 1410, оп. 1). У нас нет полной уверенности, что эта листовка тождественна изданной в 1871 г. в Женеве: сравнить ее с каким-либо другим экз. не удалось. Мотивы подражания «Казачьей колыбельной песне» (1838) Лермонтова у Огарева те же, что у Некрасова в его пародии-«перепеве» 1846 г. («Колыбельная песня»), но не связанный цензурой текст Огарева значительно резче.

Вольный песенник. Вып. 1—2

Женева. <1870>

Это очень редкое издание было выпущено в Женеве в типографии Л. Чернецкого в конце 1869 или в начале 1870 г. «Вольный песенник» не фигурирует среди нечаевских изданий в процессе нечаевцев; следовательно, его не было у Нечаева в его приезд в Москву в сентябре 1869 г. Скорее всего, он был составлен после второго отъезда Нечаева за границу. В качестве недавно появившихся, оба выпуска упомянуты в статье К. А. (лябье)ва «Шутовство русской эмиграции» («Голос». 1870. 6 июня), датированной: «Женева. 20 мая». Составителем сборника был, скорее всего, Огарев (см.: ЛН. 1953. Т. 61. С. 595—596), кроме того, в сборник включено несколько его стихотворений и переде-

лок стихотворений других авторов. Всего в оба выпуска включено 30 стихотворений; они были отобраны из РПЛ (15) и СРП (10), одно представляет собою произведенную, конечно самим Огаревым, переделку его стихотворения, ранее опубликованного в ОВ (см. ст-ние 49), 4 напечатаны впервые. Сборник был рассчитан на широкое распространение в агитационных целях; исходя из этого, редактор из одних стихотворений брал отрывки, другие переделывал. Так, из большого стихотворения Добролюбова «На смерть помещика Оленина...» (см. ст-ние 38) взяты только пять строф из середины (ст. 145—164), из напечатанного в РПЛ «Разговора в 1849 году» (см. наст. изд. Т. 1, ст-ние 212) использованы в переработанном виде два отрывка: «Царя Александру...» и «Царь — отечества отец...». Я. З. Черняк предполагает, что автор переделки — Огарев (см.: ЛН. 1953. Т. 61. С. 595—596). Из «Торжества смерти» В. С. Печерина взяты и соединены в одно целое песни «Старика» и «Старухи» о «пеньковых галстучках», которые готовятся на «головушки удалые».

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

73. ВП I, без подписи. А. А. Шилов допускал авторство С. Г. Нечаева, но эта гипотеза остается недоказанной.

74. ВП II, без подписи.

Н. П. ОГАРЕВ

75. ВП II, без подписи. Обоснование авторства Огарева в ЛН. 1953. Т. 61. С. 589, 598. Написано на смерть М. Н. Муравьева (1796—1866), генерал-губернатора Северо-Западного края, стяжавшего прозвище «вешатель» за жестокость при подавлении польского освободительного восстания 1863—1864 гг.; в 1866 г. — председатель Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова. Муравьев скончался в ночь с 28 на 29 августа (*накануне... Царских именин*). *Кондрашка* — апоплексический удар, паралич. *Андрей с брильянтами Иль через плечо*. Орден Андрея Первозванного — высший орден России (был только I степени). Имел голубую ленту; знаком ордена служил крест, который, если украшался бриллиантами, был признаком особо высокого пожалования.

76. ВП II, без подписи. Обоснование авторства Огарева в ЛН. 1953. Т. 61. С. 589, 598. «Перепев» ст-ния Лермонтова «Есть речи — значенье...» (1840).

Собрание запрещенных стихов и прозы

Лейпциг. 1865 — 1876 (?)

*Лютня. Собрание свободных русских песен
и стихотворений*

Лейпциг. 1869 — 1879 (?)

Лютня II. Потаенная литература XIX столетия

Лейпциг. 1874.

Лютня III. Молодая Россия в стихах

Лейпциг. 1897.

История этих изданий остается до сих пор до конца не проясненной. Издатель их — уроженец Галиции Эразм Лука Каспрович — дважды (в 1866 и 1875 гг.) обращался к шефу жандармов П. А. Шувалову с просьбой о материальной помощи, которая, естественно, предполагала оказание «услуг» правительству. Однако предложение Каспровича показалось не солидным, может быть даже провокационным, и оба раза было отклонено. Современникам эти факты были неизвестны, и они склонны были Каспровичу доверять.

В 1865 г. вышло первое «Собрание запрещенных стихов и прозы», включавшее 11 стихотворений; издания 4—6 были идентичны и «умножены» по составу.

«Лютня» вышла в 1869 г. и выдержала несколько изданий: 1—3-е — идентичны по набору; 5—9-е — дополнены 30 стихами и также одинаковы по набору (очевидно, было сделано фальшивое обозначение изданий и новые, переклеенные титульные листы).

«Лютня II», отличавшаяся несколько по составу, также имела четыре издания с одного набора.

Источником текстов названных сборников были ПЗ, К, РПЛ и другие издания, главным образом Герцена — Огарева. Впрочем, несовпадения некоторых текстов позволяют думать, что издатель пользовался также и какими-то списками. Редакционная работа (если только она имела место) была крайне небрежна: издатель не замечал, что под различными заглавиями скрывались одинаковые тексты; заглавия нередко были совершенно произвольные; текст пестрел опечатками и явными небрежностями; порядок расположения стихотворений был совершенно случайный; в качестве вольных в сборниках то и дело печатались стихотворения совершенно легальные (иногда религиозные), напечатанные уже в России, и т. д.

«Лютня III», вышедшая значительно позднее, основывалась уже на других источниках и по своему составу почти повторяла ИР. Из 81 стихотворения лишь 12 отсутствовали в ИР, а некоторые были напечатаны впервые.

На том основании, что издания Каспровича имели коммерческий характер, историки русского революционного движения склонны преуменьшать или даже вовсе отрицать ценность этих сборников. Такое мнение представляется неправильным. Несмотря на все отмеченные дефекты, СЗСиП и Л I, Л II, Л III сыграли определенную роль в истории вольной русской поэзии. В них было напечатано не менее 200 стихотворений, из которых некоторые опубликованы впервые, а перепечатка остальных способствовала их широкому распространению.

Наибольшее место в сборниках заняли произведения, относящиеся к первой половине XIX в. (см.: ВРП. Т. 1). Полное библиографическое описание указанных изданий см.: СК. Ч. 1. № 997—1009; ч. 2. № 1706—1710.

В. Р. ЗОТОВ

77. СЗСиП, без подписи, с конъектурой в ст. 94 (по автографу). Л I; Л II; Л V. Начиная со статьи М. К. Лемке «Н. А. Добролюбов как политический поэт» («Книга и революция». 1922, № 3. С. 37—38), ст-ние в течение долгого времени печаталось с именем Н. А. Добролюбова. Так, в изд.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС) — опубл. Б. Я. Бухштабом по «списку» (в действительности — автографу) В. Р. Зотова в ПД, но не под авторским загл. «Февральская годовщина», а под загл. «18 февраля 1856 года», взятым из Списка политических ст-ний Н. А. Добролюбова. Однако эта атрибуция поколеблена разысканиями А. М. Гаркави («Безыменные стихотворения Владимира Зотова» // «Некрасов и его время». Калининград, 1976. Вып. 2. С. 72—74) и была поддержана Б. Я. Бухштабом в личной беседе с составителем настоящего изд. *18 февраля 1856 года* — первая годовщина смерти Николая I. *Мемфисские жрецы*. Мемфис — город в Древнем Египте (основан в 3-м тысячелетии до н. э.), крупный религиозный центр с храмом бога Пта. *Поэт, покрытый срамом* и т. д. Возможно, намек на П. А. Вяземского (1792—1878), написавшего на смерть Николая I ст-ние «Плач и утешение». По мнению Гаркави (см.: Указ. соч. С. 73—74), это А. Н. Майков, которого Зотов «обличал (...) неоднократно (в прозе и стихах) — именно как поэта, льстившего царю». *Девка грязная, любовница министра* — В. И. Буркова, любовница близкого к Николаю I главноуправляющего почтовой частью и министра двора В. Ф. Адлерберга (1791—1884). П. В. Долгоруков уделил ей много места в «Петербургских очерках». *За войной нелепой — подлый мир*. Имеется в виду Парижский договор (см. примеч. 71). *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Николаиды* — министры и сановники Николая I.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

78. СЗСиП, без подписи. Л II. Впервые в легальной печати: Современник. 1911, № 11, с ценз. пропусками. Уточненный текст см. в изд.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 6. Юбилей *Н. И. Греча* (1787—1867) — журналиста, писателя, официозного публициста — был отпразднован 27 декабря 1854 г. Ст-ние написано, очевидно, незадолго до него, когда в газетах уже было объявлено о готовящемся торжестве, и «разослано было, — как указывает М. И. Шемановский в «Воспоминаниях о жизни в Главном педагогическом институте в 1853—1857 годах», — во все редакции и самому Гречу, который получил его, находясь уже за юбилейным обеденным столом» (ЛН. 1936. Т. 25/26. С. 273). *Достигли вы до генеральства...* Чин действительного статского советника, соответствовавший по Табели о рангах военному чину генерал-майора, Греч получил еще в 1838 г. *В своих грамматиках без счета*. Гречу принадлежит ряд учебников по русской грамматике: «Начальная русская грамматика», «Краткая русская грамматика», «Практическая русская грамматика», «Учебная русская грамматика» и т. д. *Вы в географии мешали Восток и Запад меж собой*. В 1838 г. Греч издал «Учебную всеобщую геогра-

фию». *Фаддея с Гоголем равняли* и т. д. В «Учебной книге русской словесности» (3-е изд. Спб., 1844) Гречем были подряд приведены отрывки из Гоголя и Булгарина (1789—1859), реакционного писателя и журналиста, друга Греча. *Вы и историю нам дали* и т. д. Имеется в виду изд. Гречем кн.: Беккер К.-Ф. Всемирная история. Ч. 1—7: Пер. с нем. Спб., 1843—1849. *Заслуг таких не мог, конечно, Ваш добрый барин позабыть* и т. д. Имеется в виду опубл. в газетах сообщение о том, что Николай I разрешил отпраздновать юбилей Греча. В патристическом журнале. В 1812 г. Греч начал издавать журн. «Сын отечества». С другим мошенником связавшись. Намек на Ф. В. Булгарина. *Всё к вам сошлось, в газете вашей*. Имеется в виду газета «Северная пчела», см. примеч. 12. *Князь Вяземский, поэт продажный*. В 1820—1830-е годы П. А. Вяземский (см. предыдущее примеч.) был врагом болгаринской группы, но в 1840—1850-е годы он, совершив длинный путь эволюции, оказался в лагере реакции. *Брант Л. В.* — реакционный критик, журналист и беллетрист, один из основных сотрудников «Северной пчелы». *Зотов Р. М.* (1795—1871) — романист, драматург и переводчик, зло осмеянный еще Белинским. *Масальский К. П.* (1802—1861) — романист консервативного лагеря. *Розен Е. Ф.* (1800—1860) — поэт, драматург, журналист и критик реакционного лагеря, немец по происхождению, — был постоянной мишенью насмешек за плохое знание русского языка. *Сушков Н. В.* (1796—1871) — бездарный драматург и поэт. *А. А. А. Может быть, Добролюбов* имеет в виду коллективный псевдоним в «Морском сборнике» 1848 г. *А. П. Соколова, А. В. Фрейганга и А. А. Храмцова* (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов... М., 1956. Т. 1. С. 29). *Я. Я. Я.* — псевдоним Л. В. Бранта. *Тряпичкиных задел*. Тряпичкин упоминается в комедии Гоголя «Ревизор», здесь в значении: ничтожный писака. *Взялись чиновные друзья* и т. д. Инициаторами и распорядителями юбилея были: адмирал П. И. Рикорд, генерал-адъютант Я. И. Ростовцев, тайные советники А. М. Княжевич, В. И. Панаев и граф Ф. П. Толстой. *Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым И с Гоголем век другом был* и т. д. — вероятно, П. А. Плетнев (1792—1866), поэт и критик. *И ты остался лишь с толпою* и т. д. Прогрессивные писатели демонстративно игнорировали юбилей Греча.

П. Л. ЛАВРОВ

79. СЗСиП, без подписи; ст. 35, 40, 44 и 48 — дефектны, исправлены по другим спискам и по смыслу. Обоснование авторства Лаврова в статье: Русанов Н. С. П. Л. Лавров // Б. 1907, № 2. С. 251—252. Дата уточнена Е. Г. Бушканцем (см.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1974. Сб. 6. С. 374).

80. «Благонамеренный». Берлин. 1861, № 12, без подписи. Перепеч. СЗСиП; Л II. В рукоп. сб. ЦГАОР, обнаруженном Е. Г. Бушканцем в бумагах П. Л. Лаврова, с посвящением В. Г. Бенедиктову, из ст-ния которого «Стансы по случаю мира» (1856) взят эпиграф. Впоследствии посвящение стало обозначаться криптонимами, которые ошибочно расшифровывались в литературе как обращение к В. Г. Белинскому. Обоснование авторства, разъяснение смысла эпиграфа и даты см. в работах: Бушканец Е. Г. Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX века. Казань, 1962. С. 24 и Бушканец Е. Г. Кто автор стихотворения «Часовые»? // «Рево-

81. СЗСиП, без подписи. Впервые в легальной печати с именем Лаврова: Б. 1906, № 8, где процитированы ст. 87—92 и приведены еще 4, заканчивающие ст-ние и необходимые по смыслу и построению (16-строчными строфами). Они, очевидно, были случайно пропущены в СЗСиП, поэтому вводим их в текст. В «Софийской» коллекции АН СССР есть еще один список ст-ния (в нем 96 ст.), под загл. «На празднества, бывшие в Москве по случаю коронации императора Александра II в августе и сентябре 1856 года», с аналогичным окончанием (см.: ЛН. 1956. Т. 63. С. 192—194). На нем сверху рукой Герцена написано: «Начало очень хорошо». Отрывки из еще одного списка процитированы в дневнике Е. А. Штакеншнейдер (Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 209). *Гордой Франции презренный повелитель* — Наполеон III. *Тюльери* — дворец в Париже, резиденция королей. *С нищего содрал в судах за герб*, т. е. за марку с изображением герба для наклеивания на документах или за составление документа на гербовой бумаге. *Откупщик* — частное лицо, приобретшее за деньги право на взыскание каких-нибудь государственных доходов, налогов. *Разводных тактиков*. Развод — см. примеч. 18—19.

В. С. КУРОЧКИН (?)

82. «Современность». Женева. 1868, № 6, без подписи. Перепеч. Л I; Л V. П. А. Ефремов считал автором В. С. Курочкина (см.: Гаркави А. М. Атрибуция некоторых произведений вольной русской поэзии середины XIX века // РЛ. 1961, № 4. С. 194).

В. С. КУРОЧКИН

83. «Современность». Женева. 1868, № 2, без подписи. Перепеч. Л I; Л V. Впервые в легальной печати ОЗ. 1868, № 8, окончательный текст, под загл. «Природа, вино и любовь», подпись: В. К., в огл.— В. Курочкин. Ст-ние предназначалось для «Искры» в 1863 г., но было запрещено цензурой (см.: ПИ. Т. 1. С. 758).

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

84. Сп-й, П. П. Стихи. Лейпциг: изд. В. Гергарда, 1860. Перепеч. Л I; Л V — подпись: Сперанский. Сведений об авторе найти не удалось; скорее всего, это псевдоним.

85. Сп-й, П. П. Стихи. Лейпциг: изд. В. Гергарда, 1860. Перепеч. Л I; Л V, подпись: П. П... Криптоним раскрыть не удалось.

86. Сп-й, П. П. Стихи. Лейпциг: изд. В. Гергарда, 1860. Перепеч. Л II, подпись: Сперанский. См. примеч. 84.

М. Л. МИХАЙЛОВ

87. «Современник». 1859, № 3. Напеч. Л II. Пер. ст-ния «Der Weisse Schleier» австрийского поэта и беллетриста, участника революции 1848 г., левого буржуазного демократа М. Гартмана (1821—

1872). Пер. пользовался широкой популярностью в России вплоть до революции 1905 г.

88. «Современник». 1860, № 9. Напеч. Л II; НСРПиС. Пер. ст-ния «The song of shirt» английского поэта Т. Гуда (1799—1845). Пер. подвергался ценз. преследованиям и был запрещен для включения в «Собр. стихотворений» М. Михайлова 1890 г., так как в нем «преподается ядовитый укор богатым за безучастное отношение к беднякам» — цит. по изд.: Михайлов М. Л. Собр. стихотворений. Л., 1969. С. 540 (Б-ка поэта, БС). Пер. пользовался в России огромной популярностью.

П. Ф. АЛИСОВ

89. Л III, подпись: П. А. Алисов П. Ф. Крамольники. Женева, 1893. А л и с о в Петр Федосеевич (1847 — после 1928?) эмигрировал из России во второй половине 1871 г. и с тех пор постоянно сотрудничал в различных изд., выпустил ряд антиправительственных брошюр и книг (см.: СК. Ч. I. № 35—99), в том числе и стихотворных сб. (Там же, № 41, 49, 59, 60, 66, 83). *У могилы Герцена*. Герцен скончался 9(21) января 1870 г. в Париже; прах Герцена, временно погребенный на кладбище Пер Лашез, был затем перевезен и похоронен в Ницце. Упомянутый в ст-нии памятник работы скульптора П. П. Забелло установлен в 1872 г.; его фотографию см.: ЛН. 1953. Т. 61. С. 577. *Вестминстерское аббатство* в Лондоне является усыпальницей королей, государственных деятелей и знаменитых людей.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

90. Л III, без подписи.

А. А. Навроцкий. Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин
(Женева. 1873)

Издание было осуществлено петербургским кружком чайковцев (о нем см.: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958. С. 355—356). Напечатанная перед тем в «Вестнике Европы» (1871, № 5) драматическая хроника А. А. Навроцкого «Стенька Разин» была переиздана анонимно, с некоторыми изменениями текста. Эта брошюра свыше 15 раз упомянута в обвинительном акте по «процессу 193-х». В одном из задержанных в 1874 г. транспортов было обнаружено 155 экз. брошюры (Богучарский В. Т. З. С. 138).

Навроцкий Александр Александрович (1839—1914) — генерал-лейтенант, крупный чиновник военно-судебного ведомства, ставший в 1903 г. одним из учредителей первой черносотенной организации «Русское собрание». Как беллетрист Навроцкий выступал в печати с 1869 г. в качестве автора многочисленных исторических романов, драм, сказаний и стихотворений. В 1879—1882 гг. редактировал консервативный журнал «Русская речь», где напечатал целый ряд статей на политические и общественные темы; впоследствии выпустил ряд листовок, обращений к молодежи. Из всего его литературного наследия сохранили свое значение, в сущности, только 3 отрывка, извлеченные из текста драматической хроники и многократно использованные в целях революционной пропаганды. 2 из них, в частности,

были перепечатаны в «Песеннике» (Женева, 1873), подготовленном петербургским кружком чайковцев. Этот сборник был самым широким образом использован в революционной пропаганде 1870-х годов — обвинительный акт по «процессу 193-х» упоминает это издание свыше 40 раз; число обращавшихся экз., упоминаемых в этом акте, доходит до 200, на самом деле их было гораздо больше (Богучарский. Т. 3). Идеализированное представление об образе Степана Разина в хронике Навроцкого, восходящее к монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858), привлекало революционных демократов 1870—1880-х годов. Прославление подвига Разина содержится, к примеру, в анонимной статье «Песни о Степане Разине» в журнале «Работник». Женева. 1875, № 3. С. 1—4. Ср. также поэму С. Синегуба «Стенька Разин» (РЛ. 1963, № 4. С. 171—174 и в сб. «Агитационная литература русских народников: Потаенные произведения 1873—1875 гг.». Л., 1970. С. 416—433).

91. ВЕ. 1870, № 12, под загл. «Утес Стеньки Разина», в цикле «Из волжских преданий», подпись: Н. А. Вроцкий. Печ. по Навроцкий А. А. Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин. Женева, 1873, где опубл. в качестве концовки драматической хроники. Ст-ние пользовалось огромной популярностью в среде молодежи; в частности, его очень любил А. И. Ульянов (см.: Елизарова-Ульянова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1931. С. 45). Оно прочно вошло в песенный репертуар.

92. ВЕ. 1871, № 5, подпись: Н. А. Вроцкий. П, под загл. «Воля-матушка», без подписи. Печ. по Навроцкий А. А. Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин. Женева, 1873. Ст-ние находится в 5-й картине хроники. Разин после разговора с пустынным, предсказавшим ему близкую гибель, ужинает среди казаков. Предсказанная ему пустынным участь его пугает. Он говорит:

Эк, привязалась подлая! Шалишь,
Не испугаешь!.. Эй, Кирилка, песню!
Заветную! Про волю! Ну, живей!

Кирилка берет на торбане несколько аккордов и начинает говорком петь песню. В основе ст-ния лежит совершенно неверное представление о положении крестьян в Московском государстве, основанное на идеализации так называемого *Юрьева дня*, когда у крестьян 26 сентября старого стиля (точнее — за неделю до и на неделю позже этой даты), по окончании сельскохозяйственных работ, было право свободного выбора бояр и свободного перехода от одного к другому. Необеспеченность и долги лишали крестьянина фактической возможности воспользоваться этим правом, формально существовавшим до конца XVI в. Юрьевым днем пользовались богатые феодалы, которые, уплатив преждему хозяину долги крестьянина, переводили его в свою вотчину, обеспечивая себя необходимою рабочею силою. *Есауловы помощнички*. Есаул — офицерский чин в казачьих войсках, равнявшийся армейскому капитану или ротмистру.

93. ВЕ. 1871, № 5, подпись: Н. А. Вроцкий. Перепеч. П, без подписи; Навроцкий А. А. Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин. Женева, 1873. Ст-ние заканчивает картину — пир Разина на струге «Сокол». После того как Разин бросил в Волгу персидскую княжну, он

хочет «пляской бешеной» да «песней удалою» потешить «кормилицу реку» и приказывает:

Начинай, Кирилка, плясовую.
Валяй, собака! Глотки не жалей!

Кирилка начинает речитативом, постепенно ускоряя темп под аккомпанемент нескольких музыкантов, играющих на разных народных инструментах.

Сборник новых песен и стихов

〈Женева.〉 1873

Этот сборник подготовлен петербургским кружком чайковцев и издан в Женеве в 1873 г. Все выходные данные, имеющиеся в книге, вымышленные. Титульный лист: «Сборник новых песен и стихов. Издание пятое. Москва. Отпечатан в типографии Борисова». На обороте титульного листа: «Дозволено цензурою. Москва. Апреля 14-го дня 1873 года».

СНПиС рассчитан на более квалифицированный состав читателей. Самарские пропагандисты считали сборник «годным исключительно для лиц более или менее развитых, как-то: народных учителей, семинаристов и гимназистов» (Богучарский. Т. 3. С. 84). Н. А. Морозов сообщил А. А. Шилову, что ближайшее участие в составлении этого сборника принимал Д. А. Клеменц — автор ряда стихотворений, включенных в сборник (ср. указание А. В. Низовкина в книге Богучарского. Т. 3. С. 16—22). Сборник был издан не позднее лета 1873 года. Во всяком случае, к осени 1873 г. он был уже в распоряжении Н. А. Чарушина и С. С. Синегуба (см.: Чарушин Н. А. О далеком прошлом. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. С. 192), а С. И. Бардина читала его в 1875 г. рабочим фабрики Лазаревых в Москве (см.: Драгоманов М. П. Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женева, 1877. С. 7). В одном из пунктов революционной программы — «Способ чтения книжек, какие находит нужным пропагандист» — СНПиС включен в раздел «наиважнейших способов при пропаганде» (Богучарский. Т. 2. С. 157). СНПиС был отпечатан очень большим тиражом. Это подтверждается, в частности, многочисленными упоминаниями о его распространении в обвинительном акте и материалах судебного следствия по процессам «50-ти» и «193-х». При случайном провале одного транспорта в июле 1874 г. было задержано 533 экз. (см.: Богучарский. Т. 3. С. 86), всего же число обращавшихся экз., только по упоминаниям в обвинительных актах по этим процессам, доходит до 700, — конечно, тираж был гораздо больше. Из обвинительного акта по «процессу 193-х» видно, что сборник был распространен кроме Петербурга и Москвы в ряде других городов и губерний. Из 15 стихотворений СНПиС в настоящее издание включено 7. Остальные, за исключением двух произведений Н. А. Некрасова — «Ночь после праздника» (отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо») и «Разговор на железной дороге», представляют собою перепечатки из СРП.

94. СНПиС, без подписи. СиП. Окончательный текст см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Синегуб Сергей Сильч (1851—1907) — крупный деятель русского революционного движения, в основном связанный с кружком чайковцев. Начал пропагандистскую работу в 1871 г. Был арестован и осужден по «процессу 193-х». Наиболее значительные его произведения относятся к 1870—1880-м годам, написаны как до ареста, так и во время тюремного заключения, часть из них проникла в сборники вольной поэзии. Подробнее о нем см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 107—110. Ст-ние, по рассказу Синегуба, было написано в начале 1873 г. после посещения им одной из петербургских ткацких фабрик. «Как-то мои друзья ткачи повели меня на фабрику во время работы. Боже мой! Какой это ад! В ткацкой с непривычки нет возможности за грохотом машин слышать в двух шагах от человека не только то, что он говорит, но даже, что он кричит. Воздух — невозможный, жара и духота, вонь от людского пота и от масла, которым смазывают станки; от тонкой хлопковой пыли, носящейся в воздухе, в ткацком отделении получается своеобразный вид мглы. И в такой обстановке надо простоять человеку более 10 часов на ногах <...> Я пробыл на фабрике не более 2 часов и вышел оттуда весь очумелый и с головной болью. Это мое посещение фабрики вызвало впоследствии появление на свет моего стихотворения „Дума ткача“, получившего потом большое распространение среди молодежи и в особенности среди рабочих. Его, кажется, и до сих пор поют и в России, и в Сибири; я слышал, как его пели в далекой Нишанской тайге, не особенно далеко от Охотского моря» (Синегуб С. С. Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 36—37). В одном из писем Синегуба к Г. А. Мачтету читаем: «В дни юности я сочинил стишину „Дума ткача“. В редакции она потерпела провал, но широко распространялась в народе (в Москве, Петербурге, Одессе, Киеве) и среди революционеров» (ГБЛ, ф. 162, № 12. Указано Н. В. Осмаковым). Ст-ние сохранило популярность почти до дней Октябрьской революции. В конце XIX в. была сложена «Песня ткача», восходящая к тексту Синегуба, но с изменившимся сообразно новым условиям классовой борьбы текстом (см.: ВРП II. С. 754). Известны и более поздние ст-ния на ту же тему; см., например, написанное М. Моисеенко и Г. Штрипаном в 1879 г. ст-ние «Ткачи» (Моисеенко П. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 41—43). *Основа* — продольные нити ткани, идущие параллельно.

95. СНПиС, без подписи. Приписывалось Д. А. Клеменцу (см.: ВРП II. С. 755). Однако следует признать более аргументированной атрибуцию С. С. Синегубу в примеч. О. Б. Алексеевой в изд.: «Агитационная литература русских революционных народников...». Л., 1970. С. 492—493. В обвинительном акте по «процессу 193-х» ст-ние упоминается не один раз под загл. «Свобода», «Свобода-свободушка», «Волюшка». Написано на мотив народной песни «Лучина-лучинушка»; об исполнении его с агитационными целями см. примеч. 35. Кроме того, в нем очевидны влияния «Размышлений у парадного подъезда» Некрасова и ст-ния «Было времечко, время давнее...» А. А. Навроцко-го (см. ст-ние 91—93).

96. СНПиС, без подписи. В альбоме чайковцев (сост. в основном Н. А. Чарушиным и А. И. Корниловой-Мороз и хранившемся в музее

Всесоюзного общества политкаторжан) в заметке А. И. Корниловой-Мороз автором назван С. С. Синегуб; Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым и И. И. Попов в биографии Д. А. Клеменца (Клеменц Д. А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 18—19) настаивали на авторстве Клеменца (эта атрибуция принята в ВРП II). Однако более правдоподобна атрибуция Синегубу (см.: «Агитационная литература русских революционных народников...». Л., 1970. С. 493). *Борунов* (или Барунов) — по-видимому, крестьянин Холмского уезда Псковской губернии, во время голода 1870 г. он убеждал крестьян, «чтобы они не платили податей, не слушали начальства, а отправили лучше ходока к самому царю» (КиС. 1922, № 4. С. 92). Однако его «схватили и повернули назад домой». Тогда Борунов стал от имени царя убеждать крестьян не платить податей три года и объявил, что все недоимки прежних лет прощаются. Борунов был посажен в холмскую тюрьму, но крестьяне «целой волостью отправились в город, требовали, чтобы им выдали Барунова, и трое суток не отходили от острога» (Там же. С. 94). Борунова хитростью перевезли в великолукскую тюрьму, но крестьяне добились от присяжных заседателей оправдательного приговора. Тогда Борунова снова схватили жандармы и отправили в город Колу. В статье «Крестьянин Барунов и его дело», откуда взяты эти сведения, разумеется, много вымышленного, но в основе ее лежит что-то, имевшее место в действительности. Статья была напечатана в приложении к № 2 «Рабочей газеты» в 1881 г. (перепеч. КиС. 1929, № 4. С. 91—94). По словам А. П. Корбы, она читалась в Исполнительном комитете партии «Народная воля» и была им одобрена.

97. СНПиС, без подписи. Хотя С. С. Синегуб и назвал себя автором этого отобранного у него при обыске ст-ния, но Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым категорически настаивал на авторстве Д. А. Клеменца (эта атрибуция принята в ВРП II). В настоящем изд. принята во внимание аргументация в примеч. О. Б. Алексеевой в изд. «Агитационная литература русских революционных народников...». Л., 1970. С. 493—494; там же указаны другие загл., под которыми ст-ние распространялось в списках: «Просьба крестьян», «Народ и царь», «На-ткось», «Разговор царя с народом».

Д. А. КЛЕМЕНЦ

98. СНПиС, без подписи. Предположение об авторстве Д. А. Клеменца высказал Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым; ср.: «Агитационная литература русских революционных народников...». Л., 1970. С. 494. К л е м е н ц Дмитрий Александрович (1848—1914) — видный деятель русского революционного движения 1870—1880-х годов, один из основателей «Земли и воли», теоретик, пропагандист, автор и редактор изд. нелегальных групп, автор широко распространенных ст-ний. Впоследствии отошел от непосредственной революционной работы, стал видным ученым-этнографом, директором Этнографического музея в Петербурге. Ст-ние является как бы параллелью к «Думеткача» С. С. Синегуба (см. ст-ние 94); было очень популярно среди молодежи, в частности в студенческой среде. В. И. Скляревич продиктовал А. А. Шилову сокращенный и переработанный вар. ст-ния (см.: ВРП II. С. 757.). С. И. Канатчиков в воспоминаниях приводит еще одну переделку, которую он слышал в 1896 г. на фабрике в Москве. Паренек здесь уже не крестьянин, а рабочий, вместо молотка — станок; поп, купец и царь пьют не мужицкую, а рабочую кровь (Из истории

моего бытия. М.; Л., 1930. С. 42). *Село Павлово* — ныне город, районный центр Горьковской области — издавна (с XVII в.) славилось производством (иногда артельным) ножей, замков и других мелких металлических изделий; в литературе его называли «русским Шеффилдом». Пропагандисты 1874 г., как это видно из обвинительного акта по «процессу 193-х», обращали особое внимание на это село (Богучарский. Т. 3. С. 151, 154). Анализ павловских промыслов был дан В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 414—418). О Павлове также см.: Лукашевич А. О. В народ!: Из воспоминаний семидесятника // Б. 1907, № 3. С. 25; Короленко В. Г. Павловские очерки (1890); Боборыкин П. Д. Русский Шеффилд. Спб., 1878; «Павловская кооперация: К юбилею...». М., 1931. *Акциз* — косвенный налог, включаемый в продажную цену продуктов.

99. СНПиС, без подписи; текст строф 4 и 13 неисправен. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым сообщил, что автором ст-ния является Д. А. Клеменц, и указал, что в первоначальном тексте ст. 2 читался: «Актрис французских я любил...» (Клеменц был весьма недоволен изменением, кем-то произведенным при печатании сб. за границей). Этот памфлет на Александра II написан на мотив известной и популярной в те годы арии из оперетки французского композитора Ж. Оффенбаха «Орфей в аду». См., например, «Куплеты аркадского принца (превратившегося в Ваньку Стикса, лакея Плутона)» в сб.: «Невский альбом: 100 куплетов, современных песенок, пародий и других юмористических стихотворений». Спб., 1867. Это ст-ние под загл. «Аркадский принц» часто упоминается в обвинительном акте по «процессу 193-х» (Богучарский. Т. 3). В тетради, отобранной в сентябре 1873 г. у участника московского кружка чайковцев И. А. Богданова, находится вар. ст-ния:

АРКАДСКИЙ ПРИНЦ

(Куплеты)

Когда я был аркадским принцем,
Актрис французских я любил;
Продав в Америке владенья
И им бомбошек накупил.

Я увлекался — это правда,
Но что же делать, господа?
Америку мы потеряли —
Забрали Хиву — не беда!

Любил охоту я до страсти,
И на медведя я ходил...
Но, нализавшись, не медведя —
Свою вельможу подстрелил.

Весь век проживши добрым малым,
Я пошутить всегда готов.
Вот и теперь — набрал министров
Из палачей да из попов.

Желая мысли дать свободу,
Я гнет цензурный облегчил.
А книжки с вольным содержанием
Стал сжигать по мере сил.

Любя народ, суд правый, скорый
И милосердье обещал,
Но без суда и милосердия
В Сибирь бойцов народных слал.

Желал крестьянам дать свободу
И комитет о них собрал,
Но как-то, выпивши не в меру,
Указ о воле подписал.

Но, положи на сердце руку,
Люблю крестьян я, как детей;
Для облегченья их страданий
Я им прибавил податей.

Чтобы поток идей гуманных
В среду мужицкую привлечь,
Велел не барам-живодерам,
Велел исправникам я сечь.

Когда я был аркадским принцем,
Пруссак с шахом в гости звал,
И каждый день почтенных старцев
Я Оффенбахом угощал.

Но всё ж невесел я — и сердце
Мне думы грустные теснят:
Ну что, как если в самом деле
Народ задаст мне шах и мат?

Да — нынче времена крутые,
Но всё ж я духом не упал
И в банке английском на случай
Изрядный спрятал капитал.

Притом устроена столица
Удобно очень... Чуть беда,
Махнуть недолго за границу,
И до свиданья, господа!

Продав в Америке владенья. В 1867 г. Россия продала США Аляску за 7 200 000 долларов. *Но, нализавшись, не медведя, А мужичонка подстрелил.* В конце 1870 г. Александр II, по слухам, нечаянно убил на охоте егермейстера В. Я. Скарятин. Официальная версия гласила, что Скарятин убит «в присутствии» царя. *Дал в феврале я им свободу.* Речь идет о крестьянской реформе 1861 г.

100. СНПиС, без подписи. Авторство Д. А. Клеменца предположительно устанавливается указанием А. Низовкина (Богучарский. Т. 3. С. 16). Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым склонялся к тому же мнению (ср.: Морозов. Т. 1. С. 82, 91). О. Б. Алексеева весьма правдоподобно указывает на участие и С. С. Синегуба (см.: «Агитационная литература русских революционных народников...». Л., 1970. С. 494). Возможно участие и других неизвестных пока лиц. Ст-ние является переделкой подлинной бурлацкой песни, которую Клеменц, как уроженец Поволжья, мог слышать непосредственно от бурлаков. Ср. близкую песню, записанную от рабочих сенных барок в 1860-х годах в Новгородской губернии («Великорусские народные песни» / Собр. А. И. Соболевским. Спб., 1900. Т. 6. С. 470—472). О популярности «Барки» в качестве революционной песни свидетельствует, между прочим, и В. Г. Короленко в «Истории моего современника» (кн. 2, ч. 3, гл. 4). В обвинительном акте по «процессу 193-х» это ст-ние упоминается многократно (Богучарский. Т. 3). В тетради И. А. Богданова (ЦГАЛИ) находится сочиненный им (на это указывают черновые наброски) текст «Дубинушки», восходящий к «Барке» и отчасти навеянный ст-нием «Долго нас помещики душили...» (см. ст-ние 35):

ДУБИНУШКА

Как мы прежде, братцы, жили,
Нас помещики душили—
Ей, дубинушка, ухнем!
Ей, зеленая, подернем!
Подернем, подернем!
Ей! Ух!

Ежедневно нас дирали,
Наших девок растлевали.
Припев.

Бил нас каждый поп и барин,
Был мужик что твой татарин.
Припев.

Стало нам теперь привольно,
Нас секут теперь не больно.
Припев.

Ноне нас ослобонили,
Податями разорили.
Припев.

Платим мы теперь поболе,
Чем платили мы до воли.
Припев.

Девки наши поголовно
В... идут свободно.
Припев.

Их ничем не остановишь,—
Почему же, чем накормишь?
Припев.

Как под эту бы дубину
Положить нам всем по чину.
Припев.

И попа, и станowego,
И царя, и мирового.
Припев.

Так тогда бы по Расеи
Не ходили лиходеи.
Припев.

На забавы с нас не брали б,
Солдатем нас не пугали б.
Припев.

Суд бы был у нас заправский,
Без министерской указки.
Припев.

Царь ушел бы за границу,
Захватив с собой полицию.
Припев.

Мы бы сами править стали,
Всем бы дело указали.
Припев.

Хлеб бы даром не давался,
За работу всяк принялся.
Припев.

Детки стали бы учиться,
Помогли бы просветиться.
Припев.

Работник.

Газета для русских рабочих

Женева. 1875 — 1876

«Работник» выходил с января 1875 г. до марта 1876 г.; он был связан со «Всероссийской социально-революционной организацией» и издавался русскими эмигрантами — последователями М. А. Бакунина — З. К. Ралли (Арборе), В. А. Гольштейном и др. Всего вышло 15 номеров. Газета была рассчитана на малоподготовленного читателя: она призывала «рабочих» людей (т. е. рабочих и крестьян) к бунту и созданию «вольного союза общин». В газете был напечатан ряд корреспонденций из России о рабочем движении, печатались также стихи и беллетристические очерки. Подробнее см.: Панухина Н. Б. Газета «Работник» — первое русское революционное народническое издание для трудящихся // «Материалы по истории освободительного движения в период капитализма». М., 1974. С. 64—84.

101. «Работник». 1875, № 11/12, без подписи. НСРПиС, под загл. «Дуда» (др. ред.). Окончательный текст под загл. «Дуда» см. в изд.: Волховской Ф. В. Случайные песни. М., 1907. В о л х о в с к о й Феликс Вадимович (1846—1914) — один из видных деятелей русского революционного движения 1860—1870-х годов. Привлекался к ответственности по делу Каракозова, по процессу «Рублевого общества» — пропагандистской группы, которую он организовал вместе с Г. А. Лопатыным. В начале 1870-х годов вошел в кружок чайковцев и стоял во главе одесской группы. Судился по «процессу 193-х» и в январе 1878 г. был приговорен к ссылке на поселение в Тобольскую губернию. В 1890 г. бежал за границу, поселился в Лондоне. Впоследствии примкнул к партии эсеров. Подробнее о нем см.: Рошевская Л. П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке: (К 120-летию со дня рождения Ф. В. Волховского) // «Вопросы изучения и преподавания литературы». Тюмень, 1966. Вып. I. С. 51—69; «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 72—74. Ст-ние было написано во время заключения в Петропавловской крепости по «процессу 193-х» и передано на волю, доставлено за границу и анонимно напечатано в «Работнике». Ткач Петр Алексеев, после произнесения на суде своей знаменитой речи 10 марта 1877 г., переслал ее текст вместе со ст-нием «Крестьянская песня» Ф. В. Волховскому, — не подозревая, что пересылает ст-ние его автору! Эту песню в то время уже «очень любили петь и пели на тех фабриках, где он (Алексеев) работал. Читатель, — пишет Волховской, — легко представит мое удовольствие, когда я скажу, что песня эта была сложена мною. До перевода в Дом предварительного заключения я содержался в Петропавловской крепости. Это был один из самых тяжелых периодов моей долголетней тюремной жизни, главным образом потому, что нам не давали письменных принадлежностей. Но складывать стихи можно было и без пера и бумаги. И вот я напал на счастливую мысль: сложить революционные песни на готовые уже, всем известные, народные голоса: «Комаринскую», «Барыню», «Здравствуй, милая, хорошая моя», «Ах вы сени, мои сени» и т.п. Сложив ту или другую, я утаенным от тюремщиков обгрызком графита писал ее на папиросной бумаге и переправлял на волю при помощи матери, когда ей давали со мной свидания. О дальнейшей участи моих песен я не знал ничего. И вот теперь Петруха (Алексеев) мне сообщил, что не только песни мои не пропали, но проникли в народ, и одна, по крайней мере, стала даже любимой! Это была большая радость» (Волховской Ф. В. Ткач Петр Алексеевич Алексеев. Спб., 1906. С. 10).

Н. А. НЕКРАСОВ

102. Некрасов Н. А. Стихотворения. Ч. 4. Спб., 1869, без загл. и с фиктивным подзагол. «Из Гейне». Печ. по «Работник». 1875, № 11/12, без подписи. Загл. принадлежит ред. газеты. Окончательный текст см. в изд.: Некрасов Н. А. Стихотворения. 6-е изд. Спб., 1873. Т. 2. Ч. 4.

Вперед! Непериодическое обозрение

Ц ю р и х — Л о н д о н. 1873—1877

Вперед! Двухнедельное обозрение

Л о н д о н. 1875—1876

В 1873—1877 гг. в Цюрихе и Лондоне выходило «непериодическое обозрение» «Вперед!». Всего вышло 5 томов: т. 1—2 — в Цюрихе, т. 3—5 — в Лондоне. Тираж 2000 экз. Кроме того, в 1875—1876 гг. в Лондоне выходило «двухнедельное обозрение» под тем же названием, — всего вышло 48 номеров. Тираж 2000—3000 экз. Оба издания выходили почти все время под редакцией П. Л. Лаврова и являлись органом пропагандистского течения революционного народничества (5-й т. был отредактирован В. Н. Смирновым, ввиду выхода Лаврова из редакции). Теоретически признавая заслуги К. Маркса, Лавров не понимал исторической роли рабочего класса в борьбе за социализм и в духе присущего ему эклектизма призывал к примирению с бакунистами. Лавров полагал, что народ еще не готов к социальному перевороту, который должен постепенно подготавливаться «нераздельным оружием пропаганды, агитации и организации». От революционной интеллигенции Лавров требовал «основательной и разносторонней научной подготовки» (Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958. С. 361). Некоторую материальную поддержку изданию оказывал И. С. Тургенев. Подробнее об издании см.: Троицкий Н. А. Основание журнала П. Л. Лаврова «Вперед!» // «Из истории общественной мысли и общественного движения в России». Саратов, 1964. С. 98—118.

И. П. ОГАРЕВ

103. «Вперед!». 1875, 20 мая (1 июня), № 10. Напеч. со следующим ред. примеч. П. Л. Лаврова: «Это стихотворение прислано нам Николаем Платоновичем Огаревым. С удовольствием помещаем в нашей газете строки друга и товарища Герцена, одного из основателей первой Вольной русской типографии». Ст-ние вызвано свиданием Александра II с Францем-Иосифом и Вильгельмом I в Берлине в конце апреля 1875 г. Оно было связано с вопросом о сохранении мира в Европе ввиду новых обострений отношений Германии и Франции в результате политики Бисмарка.

П. Л. ЛАВРОВ

104. «Вперед!». 1875, 19 июня (1 июля), № 12, без подписи. СиП, без загл., автор указан в начале сб.; НСРПиС, под загл. «Рабочая марсельеза», подпись: Л. И. С. Вахрушев предпринял попытку опровергнуть авторство П. Л. Лаврова (Об авторе «Рабочей Марсельезы» // «Сов. архивы». 1973, № 3. С. 99—100). Ему убедительно возразил Н. С. Травушкин (Об авторе «Рабочей Марсельезы» // «Сов. архивы». 1973, № 5. С. 90—91). В этой связи едва ли следует принимать во внимание колебания Н. М. Нагорной в вопросе об атрибуции ст-ния (см.: Русская демократическая поэзия второй половины XIX века. Киев, 1984. С. 100—101). Уже в середине 1880-х годов «Новая песня» стала одной из наиболее популярных в русском революционном репертуаре (см., например, «Историю моего современника» В. Г. Короленко, кн. 2, ч. 3, гл. 4). Вскоре она получила новое загл. — «Марсель-

еза» (см.: Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 127) и в период от Февральской до Октябрьской революции была официальным русским гимном. В 1875 г. Н. С. Русанов «первые» старался подобрать «какие-нибудь знакомые народные аккорды на гармонике (...) к песне „Вставай, подымайся, рабочий народ“ из „Вперед!“» (Русанов Н. С. На родине. М., 1931. С. 94). А в повести М. Горького «Мать» описывается уже пение «Марсельезы» во время первомайской демонстрации: «...в ней звучало железное мужество, и, призывая людей в далекую дорогу к будущему, она честно говорила о тягестях пути» (ч. 1, гл. 27). Под влиянием стихов были созданы крестьянская, солдатская и студенческая «марсельезы». Текст песни со временем претерпел некоторые изменения (см., например, изд.: «Песни каторги и ссылки». М., 1930. С. 23—27).

Д. А. КЛЕМЕНЦ

105. «Вперед!». 1875, 3(15) июля, № 13, без подписи. Л V; ОР; Л III; НСРПиС и в ряде других изд. Ф. И. Витязев приписал стихотворение Н. С. Курочкину (ЛН. 1936. Т. 25/26. С. 472—476). Авторство Д. А. Клеменца обосновано в статье: Травушкин Н. С. Данные о поэтическом наследии Д. А. Клеменца // «Сов. архивы». 1975, № 4. С. 104—105. *Июньские дни*. Имеется в виду восстание парижского пролетариата 22—26 июня 1848 г., с необычайной жестокостью подавленное генералом Кавеньяком, которому Учредительное собрание передало всю полноту власти,—было убито не менее 3000 рабочих.

Л. А. ДМОХОВСКИЙ (?)

106. «Вперед!». 1876, 3(15) марта, № 29, без подписи. Л V. Акростих составляет слова: *Братство, равенство, свобода*. Помещено при публ. в изд. «Вперед!» в разделе «Что делается на родине?». Далее следует корреспонденция о судьбе осужденных долгушинцев, находившихся с мая 1875 г. в Ново-Белгородской каторжной тюрьме под Харьковом. Стихотворение, как видно из заметки, принадлежит одному из заключенных. Мать инженера Льва Адольфовича Дмоховского (1851—1881) — одного из наиболее деятельных (с осени 1872 г.) членов кружка долгушинцев — А. В. Дмоховская первая добилась в январе 1876 г. свидания с сыном. Известно, что Дмоховский при свиданиях успевал тайком передавать матери какие-то записки (КиС. 1927, № 4. С. 112). Так как общение между другими заключенными долгушинцами в это время не допускалось, возникает предположение об авторстве именно Дмоховского.

П. Л. ЛАВРОВ

107. «Вперед!». 1876, 20 марта (1 апр.), № 31, без подписи. Л V; Л III; НСРПиС. На авторство П. Л. Лаврова указал В. Д. Бонч-Бруевич (Мое первое издание // «Звенья». М., 1950. Вып. 8. С. 677).

П. Л. ЛАВРОВ (?)

108. «Вперед!». 1876, 3(15) апр., № 31, без подписи. Л V (с датой: март 1876 г., т. е. март или август); Л III; НСРПиС. И. С. Вахрушев считает автором Д. А. Клеменца на том основании, что в арх. ред. «Вперед!» (ЦГАОР) имеется список стихов, написанный рукой Клеменца (см.: Вахрушев И. С. Об авторе «Рабочей Марсельезы» //

«Сов. архивы». 1973, № 3. С. 100). Поводом к написанию ст-ния послужила постройка в Петербурге Дома предварительного заключения на Шпалерной улице (ныне ул. Воинова), открытого 1 августа 1875 г. Ст-ние Лаврова, по-видимому, оказало влияние на замысел аналогичного по теме ст-ния В. Брюсова 1901 г. «Каменщик». *Была здесь сам царь и молебен служил.* Сведений об этом в тогдашних газетах нет.

Г. А. МАЧТЕТ

109. «Вперед!». 1876, 3(15) мая, № 33, без подписи. Л V, с ошибочным подзагол. «Замученному в остроге Чернышевскому»; СС, вар. текста, бытовавший в устной традиции; Л III, без загл. и подзагол.; НСРПиС, с вар. ст. 4—5: «Ты голову честно сложил. Служил ты недолго, но честно...» Авторство Григория Александровича М а ч т е т а (1852—1901), арестованного в 1877 г. за участие в попытке освободить из тюрьмы революционеров П. И. Войнаральского и С. Ф. Ковалика и без суда и следствия отправленного в ссылку, обосновано в статье: Витязев Ф. И. Кто автор стихотворения «Замучен тяжелой неволей»? // ЛГ. 1937, 21 янв. Это подтвердил и сын писателя в письме к М. С. Друскину (Друскин. С. 157). Высказывавшееся в литературе («Песни каторги и ссылки». М., 1930. С. 31—33 и Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1933. С. 53) утверждение об авторстве Лаврова — ошибочно. О Г. А. Мачтете подробнее см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 254—255. Авторское загл. не привилось, ст-ние более известно по первой строке. Посвящено памяти студента П. Ф. Чернышева (1853—1876). Арестованный в августе 1874 г. по делу о пропагандистском кружке в Петербурге и пропаганде среди крестьян Самарской губернии, он умер от туберкулеза в Петербурге 27 марта 1876 г. Его похороны 30 марта превратились в большую политическую демонстрацию. «К выносу тела, — пишет В. Г. Короленко в „Истории моего современника“, — явились студенты, сначала в небольшом количестве, но затем, по мере движения по улице, толпа росла. На углу Шпалерной и Литейного у Дома предварительного заключения гроб остановили и, подняв над головами, отслужили литию. Демонстрация была организована так удачно, что даже после этого полиция не спохватилась, и огромная толпа беспрепятственно дошла до (Волкова) кладбища, попутно разъясняя заинтересованной публике значение демонстрации. Только когда начались над могилой откровенно революционные речи, — местная полиция спохватилась, но ничего не могла сделать» (кн. 2, ч. 4, гл. 9); ср. также статью: Похороны Павла Чернышева // «Вперед!». 1876, 20 мая (1 июня). О политической демонстрации на похоронах Чернышева упоминает даже министр гос. имуществ П. А. Валуев (Дневник. М., 1961. Т. 2. С. 349). Характерно, что год спустя, на похоронах студента Подлевского, тоже пелась эта песня (см.: Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1933. С. 52—53). В дальнейшем, в фольклорном бытовании, текст песни несколько изменялся. Песня пользовалась огромной популярностью. Ее пели находившиеся в ссылке большевики (см.: Шаповалов А. С. В борьбе за социализм: Воспоминания старого большевика-подпольщика. М., 1934. С. 257), она была одной из любимых песен А. И. Ульянова и В. И. Ленина (см.: Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1931. С. 94). Эта песня хором Большого театра СССР была исполнена на похоронах В. И. Ленина. *Наш враг над тобой не глумился.*

Застигнутая врасплох и не получившая никаких распоряжений полиция бездействовала во время похорон. О других стихотворениях Мачтета см.: Тунакова К. С. Неизвестные стихотворения Г. А. Мачтета // «Русская литература и освободительное движение». Казань, 1968. Сб. 1. С. 142—148.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

110. «Вперед!». 1876, 3(15) мая, № 33, без подписи. Л V. Стихи прислано в ред. со следующей припискою: «Если найдете нужным, то поместите эти стихи. Это — произведение одного рабочего. Но, если поместите, не делайте никаких поправок и изменений». Ред. исполнила эту просьбу и ничего (кроме знаков препинания) в рукописи не исправила. «Нам дорого это стихотворение как отголосок *из самого народа* на пропаганду социальной революции», — читаем в сопроводительной ред. заметке.

П. Л. ЛАВРОВ

111. «Вперед!». 1876, 19(31) дек., № 48, без подписи. Л V; Л III; НСРПиС, без 5-й строфы, с вар. ст. 70 и 72, подпись: Л. Впервые в легальной печати под загл. «Рождество Христово», с пометой: Осажденный Париж, датировано 25 декабря 1870 г.: ГМ. 1916, № 7/8. *Родился в яслях царь миров!* По евангельской легенде, Христос родился в хлеву. *Фарисей* — см. примеч. 6. *Да прозревают все слепцы!* Об исцелении слепцов — одним из чудес, содеянных Иисусом, неоднократно повествуется в Евангелии (см., например, Евангелие от Иоанна, IX, 1—41). *Да встанет из своей могилы Работник Лазарь навсегда!* Согласно евангельской легенде, Иисус воскресил умершего Лазаря, брата Марии и Марфы, уверовавших в него (Евангелие от Иоанна, IX, 1—44). *Голгофа* — гора близ Иерусалима, на которой, по преданию, был распят Иисус Христос. *Иерей* — священник. *Пилат* — римский наместник в Иудее, осудивший, хотя и неохотно («умывши руки»), Христа на распятие.

П. Л. ЛАВРОВ (?)

112. «Вперед!». 1877. Т. 5, без подписи. Л V, под загл. «Война». Авторство Лаврова документально не доказано, но утверждается революционной традицией, списками и т. д. Цитата из стихотворения в книге весьма осведомленного В. Богучарского, не решившегося почему-то назвать имя Лаврова (Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 277). Стихи вызвано русско-турецкой войной 1877—1878 гг., объявленной манифестом 12 апреля 1877 г. и прокламированной как война за освобождение «братьев-славян». В *годы Николая*, т. е. в царствование Николая I. *Иуды нового обьятья*. Очевидно, имеется в виду Александр II.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

113. «Вперед!». 1877. Т. 5, без подписи. Л V. Стихи напечатано среди материалов «процесса 50-ти», но автор его не подсудимый, а человек, находившийся на свободе и обратившийся к осужденным.

114. «Вперед!». 1877. Т. 5, без подписи. Л V; НСРПиС. Автор не установлен, но, как видно из статьи «К процессу пятидесяти», пред-

шествовавшей публ. материалов процесса, и в том числе этого ст-ния, автор — один из подсудимых (ср. ст. 1: «брат по несчастью»). Написано под очевидным влиянием Некрасова, а ст. 9 — с изменением цитата из его ст-ния «Тройка» (1846).

Набат. Орган русских революционеров

Женева — Лондон. 1875—1881

Этот журнал народнического направления издавался сначала в Женеве П. Н. Ткачевым, а потом Г. М. Турским в Лондоне с 1875 до 1881 г., — всего вышло 18 номеров. Журнал ставил своей задачей помочь созданию боевой централизованной революционной организации с целью захвата власти и социального переустройства России. В. Н. Фигнер отмечает: журнал не имел «почти никаких связей в России: распространение его было так ничтожно, что за все время после моего возвращения в декабре 1875 г. из Цюриха в Россию я ни разу ни у кого не видала ни одного номера этого издания и никогда, вплоть до ареста в 1883 г., не слыхала ни в одном из крупных городских центров России разговоров о нем (...) Ни один транспорт „Набата“ не проскальзывал благополучно в Россию (...) в Петербурге никакой организации для приема и распространения у Турского не было» (Фигнер. Т. 1. С. 202).

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

115. «Набат». 1876, № 6, май, без подписи. Напеч. в составе анонимной корреспонденции из Петербурга: «Итак, как сказал один знакомый мне поэт...» — и далее следует текст четверостишия.

П. В. ГРИГОРЬЕВ (?)

116. «Набат». 1876, № 9, авг., без подписи, с ред. примеч.: «По желанию автора печатаем это стихотворение без всяких изменений». Ст-ние, по предположению Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), возможно, принадлежит П. В. Григорьеву; впрочем, в «Стихотворениях» П. В. Григорьева (Париж, 1883) его нет. Прокофий Василискович (Васильевич) Григорьев (псевд.: П. Безобразов) (1844—1913) был привлечен к следствию по «процессу 193-х»; в октябре 1874 г. эмигрировал и в дальнейшем жил во Франции и Швейцарии, сотрудничал в ОД и других изд. *Курная изба*, т. е. изба, отапливаемая по-черному, печью без трубы.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

117. «Набат». 1877, № 3/6, без подписи. НСРПИС.

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ (?)

118. «Набат». 1877, № 3/6, без подписи. Напеч. в составе корреспонденции из Петербурга: «Но вот посмотрите, что пишет один из самых выдающихся революционеров, попавших в каменный мешок и постепенно превращающихся в живых мертвецов». Автор — один из подсудимых по «процессу 193-х», находившийся в Доме предваритель-

ного заключения (это видно из текста корреспонденции). По предположению Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), им, возможно, является Ф. В. Волховской. Стилистически ст-ние ему очень близко, но в сб. Ф. В. Волховского «Случайные песни» (М., 1907) его нет.

〈М. П. Драгоманов〉. Детоубийство, совершаемое русским правительством

Женева. 1877

На титуле этой брошюры подзаголовок: «Femmes du procès des socialistes de Moscou — Женщины процесса московских социалистов. Издание редакции украинского сборника „Громада“ („Община“)». Брошюра была написана по поводу только что закончившегося «процесса 50-ти», разбиравшегося особым присутствием Сената с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Автор ее — Михаил Петрович Драгоманов (1841—1895) — украинский историк, этнограф и публицист, идеолог буржуазно-национального либерализма; с 1876 г. — эмигрант. В брошюре рассказана биография С. И. Бардиной и даны сведения о процессе. В приложении перепечатаны: речь Бардиной на суде, 7 стихотворений А. Л. Боровиковского и С. И. Бардиной (?). Драгоманов указывал: все эти ст-ния «обращаются во множестве списков, а некоторые из них и в печатных копиях. Молва приписывает первые шесть из этих стихотворений одному лицу, а седьмое — другому. При настоящих обстоятельствах мы не имеем ни права, ни намерения входить в разбирательство вопроса об авторстве этих стихотворений» (с. 7).

С. И. БАРДИНА (?)

119. Драгоманов, без подписи. В ВРП II ст-ние безоговорочно приписано С. И. Бардиной, в ВРП III авторство Бардиной отмечено предположительно. Вопрос об авторстве остается окончательно не разрешенным. Бардина Софья Илларионовна (1853—1883) — одна из центральных фигур «процесса 50-ти». В начале 1872 г. она, по окончании Тамбовской гимназии, уехала в Цюрих, где принимала активное участие в делах революционной эмиграции, работала в наборной газете «Вперед!», входила в женский революционный кружок «Фричей» (см. примеч. 121). В конце 1874 г. возвратилась в Россию и, поступив на фабрику в Москве, вела там революционную пропаганду. Арестованная 4 апреля 1875 г., она произнесла на суде 10 апреля 1877 г. свою знаменитую речь. Была приговорена к 9 годам каторжных работ, замененных поселением в Тобольской губернии. В декабре 1880 г. бежала за границу; 14 апреля 1883 г. покончила жизнь самоубийством. Ст-ние распространялось в рукоп. копиях. Так, например, оно было 22 апреля 1877 г. отобрано при обыске у Н. А. Лисина в Петербурге (см.: «Историко-революционный сборник». М., 1926. Вып. 3. С. 65). *Две соседки* — вероятно, М. Д. Субботина (скончалась от туберкулеза 8 февр. 1878 г.) и Б. А. Каминская (покончила жизнь самоубийством в 1878 г.).

120. Драгоманов, без подписи. Об авторстве см. примеч. к предыдущему ст-нию.

121. Драгоманов, без подписи и одновременно «Вперед!». 1877. Т. 5, под загл. «К судьям», с вар.; Л V; ОР, с вар.; НСРПиС, подпись: С. Бардина, но эта ошибка оговорена и исправлена в огл. «...оно написано одним из защитников в процессе 50-ти и посвящено Бардиной». Как видно из письма Тургенева к В. Рольстону от 7 (19) апреля 1877 г., он считал автором Л. Н. Фигнер: «Посылаю <...> очень трогательный отрывок M-me Figner, очень хорошенькой блондинки 22 лет, в последнем градусе чахотки (это и объясняет предпоследнее четверостишие) <...> Смерть, очевидно, скоро освободит ее» («Недра». М., 1924. Кн. 4. С. 273). На авторство А. Л. Боровиковского указала В. Н. Фигнер. В статье «Процесс „50“ 1877 г.» она писала: «Боровиковский, совершенно плененный образами женщин, написал стихотворение, посвященное Л. Фигнер: „Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...“, ходившее во множестве экземпляров по рукам. В видах конспирации мы выдавали его за стихотворение Бардиной, которая и заключения писала стихи» (Фигнер. Т. 5. С. 187). Авторство бесспорно подтверждено обнаружением автографа ст-ния в письме Боровиковского А. Ф. Кони от 16 марта 1877 г. (см.: Бушканец Е. Г. Мнимые стихотворения Софьи Бардиной // РЛ. 1961 № 2. С. 170). Б о р о в и к о в с к и й Александр Львович (1844—1905) — либеральный присяжный поверенный, один из защитников по процессам «50-ти» и «193-х», впоследствии обер-прокурор и с 1899 г. — сенатор гражданского кассационного департамента Сената; в 1870—1880-х годах — близкий приятель Салтыкова, много переписывавшийся с ним. Кроме этого ст-ния, среди молодежи пользовались успехом также и другие ст-ния Боровиковского — «Deo ignotus» («Неведомому богу»), «Ессе Ното» («Се человек»), «На смерть Некрасова», «Похороны Достоевского» и др. Подробнее о нем см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 486. Адресат ст-ния Л. Н. Фигнер (по мужу Стахевич, 1853—1920) — младшая сестра В. Н. Фигнер. Вместе с нею в 1872 г. уехала в Швейцарию, где сблизилась с С. И. Бардиной и группой девушек, входившей в так называемый кружок «Фричей» — по фамилии хозяйки квартиры, где они жили (см.: Фигнер. Т. 1. С. 119—128). В 1874 г. возвратилась в Россию, вступила во «Всероссийскую социально-революционную организацию» и вела деятельную пропаганду в Москве и Иваново-Вознесенске на фабриках. Арестована в августе 1875 г., по «процессу 50-ти» приговорена к 5 годам каторжных работ, замененных ссылкой на поселение в Иркутскую губернию. 27 февраля (11 марта) 1877 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Один аристарх, напр<имер>, уверял, что Марианн нет, что я их выдумал, — а тут вдруг процесс, где из 52-х революционеров — 18 женщин — дело небывалое и неслыханное в Европе — ни в какое время!» (Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 106; ср. также с. 109). «Процесс 50-ти» происходил с 21 февраля по 14 марта 1877 г., речи защитников и последние слова подсудимых произносились с 4 по 12 марта — таким образом, имеющиеся в некоторых списках и печатных источниках февральские даты ошибочны. В НМ (1957, № 7) ст-ние опубли. Е. Волошко в качестве неизвестного по неполному и неисправному списку, причем автор статьи считает, что ст-ние представляет собою плод коллективного труда и написано после смерти Бардиной (т. е. после 1883 г.!). Путаницу усугубило письмо в ред. (в № 10) Э. Ротштейна, который неправильно называет в качестве первой публикации ростовский-на-Дону сб. «Вперед!».

сост. М. Львовичем в 1906 г. Этот сб., имеющийся в ряде библиотек Москвы и Ленинграда, Волошко счел особой редкостью и заказал в Лондоне его микрофильм (ВЛ. 1959, № 8. С. 238). Н. М. Гайденков, вслед за П. Ф. Якубовичем, в комментариях к хрестоматии «Русские поэты XIX века» (М., 1958. С. 912) ошибочно утверждает, что ст-ние является «поэтическим переложением» речи Бардиной. В книге Н. С. Каржанского «Московский ткач Петр Алексеев» (М., 1954. С. 139) автором ст-ния почему-то назван адвокат Бардовский. Ст-ние было широко распространено в списках, упоминается в мемуарах; в частности, в дневнике Л. Н. Толстого от 17 (29) апреля 1884 г. сделана запись: «Стихотворения Бардиной тронули до слез» (Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48/49. С. 83). Уже в 1878 г. его перевел на украинский язык М. П. Старицкий.

122. Драгоманов, без подписи и одновременно «Вперед!». 1877. Т. 5, с вар., без эпитафии. «Набат». Женева, 1877, № 3/6, без строфы 4; сб. «Набат». Женева, 1878, с вар. Эпитафия из Евангелия от Матфея, V, 5. В ВРП II ошибочно атрибутировано С. И. Бардиной. Принадлежность этого и двух следующих ст-ний А. Л. Боровиковскому убедительно доказана в статье: Бушканец Е. Г. Мнимые стихотворения Софьи Бардиной // РЛ. 1961, № 2. С. 169—170. Ст-ние обращено к кому-то из участниц «процесса 50-ти», но, возможно, в нем дан обобщенный образ революционера.

123. Драгоманов, без подписи. «Набат», 1877, № 3/6, с вар. Об авторстве см. предыдущее примеч.

124. Драгоманов, без подписи. «Набат», 1877, № 3/6; СС. Об авторстве см. примеч. 122. Ст-ние передает евангельский рассказ об отречении апостола Петра от Христа (см. примеч. 26), но, конечно, имеет в виду трусость, предательство той части современной либеральной интеллигенции, которая отреклась от своих прежних идеалов.

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ (?)

125. Драгоманов, без подписи. СС, под загл.: «Лидии Фигнер», подпись: СБ, указано место написания: «Дом предварительного заключения», с вар. и еще одной, заключительной строфой:

Пыток, костров были страшны мученья,
Долго зато не страдали тогда,
Пытки ж твоей бесконечны томленья,
В муках тяжелых проходят года...

В ВРП II ошибочно приписано С. И. Бардиной, в ВРП III авторство А. Л. Боровиковского отмечено предположительно; оно окончательно не доказано, но является весьма вероятным (см.: Бушканец Е. Г. Мнимые стихотворения Софьи Бардиной // РЛ. 1961, № 2. С. 170). Фигнер Л. Н.— см. примеч. 121.

Отпечатано в нелегальной тип. Н. А. Кузнецова и А. Н. Аверкиева. На титуле обозначено: «Изд. 2», на обороте фиктивные данные: «Дозволено цензурою, С.-Петербург, 22 марта 1877 г.». Существует два вар. этого изд.: они различаются тем, что на одном из них помета «Соч. Ф.» отсутствует и вместо 8 нумерованных страниц — 6. История издания «Станового» освещена в статье: Корольчук Э. А. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 1870-х годов // «Историко-революционный сборник». М., 1926. Т. 3. С. 98. Тип. была обнаружена полицией 13 апреля 1877 г. К этому времени часть тиража названной книжки была уже распространена среди петербургских рабочих. Автором этой книжки, очевидно, был Иван Федорович Фесенко (1846—1882). С конца 1870-х годов он принимал участие в пропаганде среди петербургских рабочих, в 1873 г. эмигрировал, но вскоре возвратился. Арестован в 1874 г.; был в числе обвиняемых по «процессу 193-х». Впоследствии продолжал революционную деятельность и не раз подвергался репрессиям. Яркую характеристику Фесенко и его роли см.: Дейч Л. Г. За полвека. М., 1922. Т. 1, ч. 1. С. 43—90 и Фигнер. Т. 1. С. 292—293. Следует иметь в виду, что брошюра Л. Э. Шишко «Храбрый воин», вышедшая в Женеве в 1876 г. (с фиктивным обозначением: «Москва, Тип. Харламова»), имеет на титульном листе помету: «Сочинение Ф***». Брошюра С. М. Кравчинского «Сказка о копейке», вышедшая в Женеве в 1874 г. (с фальшивым обозначением: «С.-Петербург. В тип. „Сафронова“»), имеет на титульном листе тоже: «Сочинение Ф.». Становой пристав — полицейский чиновник в дореволюционной России, начальник стана — административно-полицейского подразделения уезда. Аналой — высокий столик для икон и книг, употребляемых при богослужении. Десятский — низший полицейский служащий, выбираемый из крестьян; ведал нарядом крестьян на работы.

Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—77 гг., осужденных и ожидающих «суда»

Женева. 1877

После титульного листа посвящение: «Посвящается нашим политическим предшественникам». На титульном листе и на обложке эпиграф:

Се serait une erreur de croire que ces choses
Finiront par des chants et des apothéoses.

V. Hugo. «Chatiments»

«И было бы ошибкой думать, что кончится это песнями и почестями». В. Гюго. «Кары»). Сборник перепечатывается целиком: в нем нет ни одного стихотворения, бывшего в печати ранее; с другой стороны, нет ни одного издания революционных песен и стихотворений, которое не использовало бы материалов этого необычайно цельного сборника, одного из самых популярных в русской революционной народнической поэзии. Автором предисловия считается Г. А. Лопатин, однако возможно участие Д. А. Клеменца и Ф. В. Вол-

ховского (см.: Нагорная Н. М. Революционно-демократическая поэзия второй половины XIX века. Киев, 1984. С. 122—124). В предисловии к сборнику читаем: «В сборнике столько же авторов, сколько подписей; все эти подписи, конечно, псевдонимы; но каждому автору присвоен особый псевдоним; так что пьесы одного и того же автора подписаны одинаково» (с. XXII, сноски). Всего в сборнике напечатано 69 стихотворений четырнадцати авторов (больше всего Синегуба и Волховского). Часть этих псевдонимов была впервые раскрыта в оглавлении изданного П. Л. Лавровым в 1898 г. НСРПиС. В тексте они были помещены с псевдонимами, но «позже мы узнали имена некоторых из авторов сборника, и так как в настоящее время нет никакой надобности скрывать их, то мы пользуемся случаем, чтобы сообщить их здесь» (с. 142). Сборник вышел в свет не ранее ноября 1877 г., во время «процесса 193-х», по которому судились все или почти все участники сборника. Тираж — 1000 экз. ИР вызвал большой интерес не только в среде революционной молодежи, но и в либеральных кругах русской интеллигенции. Лопатин сразу же послал его Тургеневу. 7(19) декабря 1877 г. Тургенев полемизировал с той частью предисловия к сборнику, в которой было сказано, что «даже такие художники-джентльмены, как Ив. С. Тургенев, которого никто не заподозрит в добродетном холопстве,— посодествовали своими трудами искажению нашего „мученика правды ради“ в глазах нашего общества» (речь шла, понятно, о романе «Новь»). Тургенев в письме к Драгоманову, не соглашаясь с Лопатиным, утверждал, что «при данных условиях я мог сделать только то, что сделал,— и, по-видимому, результат не совпадает с выводами и заключениями моего критика» (Полн. собр. соч. и писем. М., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 245). Идеино-художественный анализ сборника содержится в статье: Никитина А. И. Из истории русской революционной поэзии 1870-х годов // «Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та». 1963, т. 245. С. 5—36.

С. С. СИНЕГУБ

127. ИР, подпись: Вербовчанин. Этим псевдонимом подписаны и следующие четырнадцать ст-ний; ОР, с вар., подпись: Вербовчанин; СиП, подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В. Автографы ст-ний С. С. Синегуба, вошедших в ИР, их отличия от публикуемых текстов охарактеризованы в статье В. Г. Базанова (Еще об одной тетради стихотворений Сергея Синегуба//РЛ. 1967, № 1. С. 171, 173—174). Ст-ние переключается со ст-нием Синегуба «Думы мои, думы!..» (1873 или 1874?), открывающим раздел «Тюремные стихотворения» в его сб. «Стихотворения. 1905 г.» (Ростов н/Д., 1906). В ст-нии заметно также влияние Шевченко — ст-ний «Думи мої, думи мої, Лихо мені з вами...» и «Думи мої, думи мої. Ви мої єдині...».

128. ИР. ОР, подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В. *Признав «действительности» право.* В сложном творческом пути Белинского был недолгий период (1838—1840), когда он гегельянской формулой «все действительное — разумно» пытался оправдать существующий общественный порядок.

129. ИР. СиП, подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В. Другая ред., под загл. «Памяти М. Л. Михайлова» опубл. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». М. Л. Михайлов умер на каторге, в Кайданском руднике; могила его была затеряна, и лишь много лет спустя ее нашел П. Ф. Якубович.

130. ИР. СиП и ОР, с вар., подпись: Вербовчанин; Л III, с вар., подпись: В.

131. ИР. Л III, подпись: В. Уточненный текст см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Скорее всего, обращено к Степану Мартыновичу Кардашеву (ок. 1852—189?), видному участнику «процесса 50-ти». 15 февраля 1877 г. он был переведен из Петропавловской крепости в Дом предварительного заключения, где Синегуб находился с декабря 1875 г. Естественное и прежде всего напрашивающееся предположение, что речь идет о С. М. Кравчинском, отпадает, так как в 1877 г. он принимал активное участие в революционном восстании в провинции Беневента в Италии; между тем из текста стиха ясно, что оно обращено к товарищу по заключению. В примеч. в изд. «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» (с. 725) наиболее вероятным адресатом назван все же Кравчинский, так как загл. автографа: «С. М. К — му».

132. ИР. Л III, подпись: В. Адресат стиха, как установил В. Г. Баянов (Еще об одной тетради стихотворений Сергея Синегуба // РЛ. 1967, № 1. С. 173—174), — Н. А. Чарушин (см. примеч. 177).

133. ИР. ОР, с вар., подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В. Другая ред., с существенными сокращениями, опубл. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». О ком идет речь в главе 2, не установлено. К строке *Кто же отдаст ему душу его?* в тексте ИР следующая сноска, принадлежащая, по-видимому, ред.: «Повод ко второму отделу „Живого кладбища“ подала действительная участь одного из душевнобольных, замученных русским правительством, — по крайней мере, в таком виде обстоятельства ее дошли до поэта. Не надо, однако, думать, что они представляют что-либо исключительное в условиях преследования „подозрительных“. При непрременном условии судить и „исследовать“ политического обвиняемого в Петербурге, хотя бы предполагаемое „преступление“ было совершено на острове Сахалине, арестованные сплошь да рядом теряются из виду, словно опускаются в одну из oubliettes Людовика XI. Каковы же вообще условия существования политических арестованных, видно из общей цифры душевнобольных с 73 года; она еще не выяснена вполне, но и теперь уже достигает 25». Oubliettes (фр.) — темница, в которую заключали во Франции пожизненно, лишая всяких сношений с внешним миром, так что о человеке забывали (отсюда и загл.).

134. ИР. Л III, подпись: В. «Волчонок» — революционная кличка В. С. Любатович (по мужу Осташкиной, 1855—1907). В 1871 г. она уехала в Швейцарию и училась в Цюрихском университете, где вошла в кружок «Фричей» (см. примеч. 121). По возвращении в Россию вступила во «Всероссийскую социально-революционную организацию». В августе 1875 г. была арестована и 14 марта 1877 г. по «процессу 50-ти» приговорена к каторжным работам на 6 лет, замененным ссылкой на поселение в менее отдаленные места Сибири. Об этом ред. ИР сделана соответствующая сноска к загл. стиха.

135. ИР. ОР, с вар., подпись: В; Л III, подпись: В. Другая ред., сокращенная и испр., опубл. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов»; там же (с. 723) см. обоснование датировки. Написано как бы от лица жены С. С. Синегуба — Л. В. Чемодановой (1856—1923).

Знакомство с Чемодановой, их фиктивный, а потом и фактический брак с большой яркостью описаны Синегубом в его «Записках чайковца» (М.; Л., 1929). Чемоданова состояла вместе с мужем в кружке чайковцев, была арестована в январе 1874 г., но вскоре освобождена. Последовала за мужем в ссылку.

136. ИР, с ред. примеч.: «Все они осуждены — частью за ведение социально-революционной пропаганды в среде рабочих, частью за принадлежность к революционной организации и «недонесение» о чужой деятельности: *Софья Бардина*, 22 л. — на 9 л.; *Александра Хоржевская*, 20 л. — на 5 л.; *Ольга Любатович*, 22 л. — на 9 л.; *Варвара Батюшкова*, 25 л. — на 9 л. — в каторжные работы; *Анна Топоркова*, 21 г. — на 4 г., и *Геся Гельфман*, 22 л. — на 2 г. — в рабочий дом, с лишением всех прав состояния; *Лидия Фигнер*, 21 г., *Варвара Александрова*, 23 л., *Вера Любатович*, 20 л., *Евгения Субботина*, 23 л., *Надежда Субботина*, 20 л., *Елена Медведева*, 25 л., *Марья Субботина*, 21 г. — в Сибирь на жительство; *Надежда Георгиевская*, 19 л. — на 3 месяца, *Екатерина Гамкрелидзе*, 20 л. — на 6 недель, *Екатерина Введенская*, 20 л. — на 2 недели — тюремного заключения». ОР, с вар.; Л III, с вар., подпись: Б., вероятно опечатка — вместо: В. Окончательный текст, под загл. «Народница» см. в изд.: Синегуб С. Стихотворения. 1905 г. Ростов н/Д, 1906; здесь ст-ние подверглось стилистической правке, сокращению и переллке. Синегуб стремился дать типичный образ женщины-революционерки; тем не менее начало ст-ния навеяно, по-видимому, биографией сестер Субботиных, а следующая часть — С. Л. Перовской (см.: Субботина Е. Д. На революционном пути. М., 1928; Ашешов Н. П. С. Л. Перовская. Пг., 1920. С. 10—11).

137. ИР. Л III, подпись: В. Другая ред. без загл., с посвящением: Феликсу опубл. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» (по автографу). По мнению Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), ст-ние обращено к Ф. В. Волховскому, что подтверждается посвящением автографа.

138. ИР. ОР (последние 13 ст., пришедшие на несохранившуюся с. 86 этого сб., неизвестны); СиП, подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В; НСРПис, подпись: Вербовчанин. Другая ред., существенно сокращенная, опубл. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». *Алексеев П. А.* (1849—1891) — ткач, участник революционного кружка, организованного за Невской заставой в Петербурге в 1873 г. Судился по «процессу 50-ти». На суде 10 марта 1877 г. произнес знаменитую речь с призывом к революции; текст ее неоднократно издавался отдельными брошюрами, перепечатывался в сборниках, ходил в списках и т. д. Алексеев был присужден к 10 годам каторжных работ, по отбытии их поселен в Якутской области и вскоре был убит. Другое ст-ние, навеянное речью Алексеева, было написано Ф. В. Волховским, но текст его неизвестен (см.: Волховской Ф. В. Ткач Петр Алексеевич Алексеев. Спб., 1906. С. 9). Кроме того, два анонимных стихотворных переживания речи Алексеева см. в изд.: «Архив „Земли и воли“ и „Народной воли“». М., 1932. С. 315—317. *Маклачество* — занятие перекупкой, посредничеством при мелких торговых сделках.

139. ИР. ОР, с вар., подпись: Вербовчанин; Л III, с вар., подпись: В. Окончательный текст см. в изд.: Синегуб С. Стихотворения. 1905 г. Ростов н/Д, 1906. *С страдалицей-подругой дорогой*, т. е. с женой С. Синегуба (см. примеч. 135).

140. ИР. ОР. подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В.

141. ИР. СС; ОР; СиП — везде подпись: Вербовчанин; Л III, подпись: В; НСРПиС, подпись: Вербовчанин, помета: Дом предварительного заключения. Ст-ние перекликается с завещанием, написанным Ф. В. Волховским и подписанным 24 участниками (в том числе С. Синегубом) перед отправлением на каторгу и в ссылку (см.: «Община». Женева. 1878, № 6/7). Первые 4 ст. помещены в качестве эпиграфа к статье Д. А. Клеменца (По поводу завещания/ / «Община». Женева. 1878, № 8/9).

В. НОСОВ

142. ИР, подпись: В. Носов. Л III, подпись: В. Н. Псевдоним остается до сих пор нераскрытым; не мог его расшифровать и Н. А. Морозов (в беседе с А. А. Шиловым). Как видно из примеч. к следующему ст-нию, автор его находился в это время (1876—1877 гг.) в Доме предварительного заключения. *Вербовчанин* — псевдоним С. С. Синегуба.

143. ИР, подпись: В. Носов. Л III, подпись: В. Н. См. предыдущее примеч. В тексте ИР к последней строке ст-ния следующая сноска, очевидно, ред. сб.: «Собственно пьеса эта принадлежит двум авторам. Происхождение ее такое: читая книгу, уже бывшую в руках других арестованных, Носов нашел в ней клочок бумаги с первоначальным наброском первого куплета; были ли то строки такого же заключенника или только сделанная последним выписка — неизвестно. Но мотив строфы совпал с настроением нашего автора и вызвал с его стороны, так сказать, антитезу. Обработав по-своему найденный куплет, он прибавил к нему второй — собственный».

Н. И. ЕДУКОВ (?)

144. ИР, подпись: Е. Н. СиП; Л III; НСРПиС. В тексте ИР к загл. следующая сноска, очевидно, ред.: «Ольга Спиридоновна Любатович, девушка 24 лет, осуждена 14 марта этого 1877 года особым присутствием Сената на 9 лет каторжных работ за составление тайного общества с революционными целями и ведение социалистическо-революционной пропаганды. Автор этого стихотворения — *рабочий*». Н. А. Морозов (в беседе с А. А. Шиловым) не мог раскрыть инициалов автора ст-ния. Возможно, что аналогично другим случаям сб. (см. примеч. 153, 193, 194) инициалы надо переставить. Тогда автор — предположительно Николай Иванович Едуков (ок. 1851 — ?), крестьянин Владимирской губ. В 1875 г. он переехал в Тулу, работал в паровозной мастерской и жил в качестве «нахлебника» у О. С. Любатович (1854—1917), первой жены Н. А. Морозова и его соратницы по революционной борьбе. Принимал участие в революционной пропаганде среди рабочих, 7 сентября 1875 г. был арестован вместе с Любатович; по «процессу 50-ти» приговорен к заключению в рабочем доме на три месяца.

145. ИР, подпись: Б. Помеха. Л III, подпись: Б. П. Псевдоним остается нераскрытым; не мог его расшифровать и Н. А. Морозов (в беседе с А. А. Шиловым).

Л. А. ТИХОМИРОВ

146. ИР, подпись: Кар.... Этим псевдонимом подписаны и следующие пять ст-ний. ОР, подпись: Кар....; Л III, подпись: К. Крипто-ним был раскрыт в 1910 г. Ф. В. Волховским в сб. «Памяти Л. Э. Шишко» (Лондон, 1910. С. 11). Т и х о м и р о в Лев Александрович (1852—1923) принимал участие в революционном движении с 1868 г. Автор популярной брошюры «Сказка о четырех братьях» (1868 и ряд переизд.). Был арестован в 1873 г. по «процессу 193-х» и провел более 4 лет в Петропавловской крепости. По этому процессу предварительное заключение было зачтено ему как наказание. С 1878 г. член партии «Земля и воля» и один из ред. ее печатного органа, с 1879 г.— член Исполнительного комитета «Народной воли». Автор знаменитого письма Исполнительного комитета к Александру III (1881). В 1882 г. эмигрировал, но продолжал активную революционную работу. В 1888 г. «раскаялся», возвратился в Россию и быстро перешел на крайние реакционные позиции в качестве журналиста «Моск. ведомостей» и «Рус. обозрения». Ср. ст-ние С. С. Синегуба «К портрету Л. Тихомирова», написанное приблизительно в 1896 г. Оно начинается словами:

Давно то было! Без сомнения
Передовым ты шел в бою,
На алтаре освобождения
Сжигая молодость свою!

(КиС. 1927, № 2). О популярности Тихомирова в период его революционной деятельности свидетельствует также ст-ние С. М. Когана «Л. Тихомирову» (ОД. 1885, февраль, № 70, подпись: «Студент С-н»). После Февральской революции Тихомиров явился к начальнику московской милиции А. М. Никитину и дал ему следующую «подписку»: «Новое правительство я признаю и все распоряжения оно исполню и во всем ему буду повиноваться» («Рус. слово». 1917, 10 марта). Ст-ние представляет собою вольное переложение Второго послания к Тимофею апостола Павла (IV, 6—8).

147. ИР. ОР; Л III — в обоих изд. подпись: К.

148. ИР. ОР, подпись: Кар....; Л III, подпись: К.

149. ИР. Л III, подпись: К. Подражание ст-нию Беранже «Mop habit». *Невскою* в ст. 9 раскрывается на основании цитаты в биографическом очерке Ф. В. Волховского о Л. Э. Шишко («Памяти Л. Э. Шишко». Лондон, 1910. С. 11).

150. ИР. Л III, подпись: К.

151. ИР. Л III, подпись: К; НСРПиС, подпись: Кар....

152. ИР, подпись: Л. Михайлов. Л III, подпись: К. М. Л. Михайлов — по-видимому, псевдоним. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым высказал предположение, что он, возможно, принадлежит Леониду Эммануиловичу Шишко (1852—1910) — видному деятелю народнического движения 1870—1880-х годов, впоследствии примкнувшему к эсерам. Основание — сходство ст-ния со стилем принадлежащей ему прокламации: «Чтой-то, братцы, как тяжко живется нашему брату на русской земле» (Женева: Изд. кружка чайковцев, 1874; потом неоднократно переиздавалась).

Н. А. МОРОЗОВ

153. ИР, подпись: М. Н. Этим же криптонимом подписаны и следующие шесть ст-ний. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с вар.; Л III, подпись: М. Н. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, с вар. Морозов Николай Александрович (1854—1946) — виднейший деятель революционного движения, ученый (химик, физик, математик, астроном) и поэт. С 1874 г. связан с московской группой чайковцев, принимал участие в «хождении в народ». В 1874 г. эмигрировал, но уже в 1875 г. возвратился в Россию. Привлекался к судебной ответственности по «процессу 193-х» и был одним из первых, попавших в только что законченный постройкой Дом предварительного заключения в Петербурге. В 1878 г. — член «Земли и воли», один из ред. ее печатных органов, активный сторонник метода террора. С 1879 г. — член Исполнительного комитета «Народной воли» и ред. ее изд. В начале 1880 г. эмигрировал, в январе 1881 г. при возвращении в Россию арестован и по «процессу 20-ти» приговорен к пожизненным каторжным работам: 4 года провел в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости и 21 год — в казематах Шлиссельбурга. Освобожден в 1905 г. Подробнее о нем см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 184—186.

154. ИР. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880; Л III, подпись: М. Н. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, с вар. Окончательный текст под загл. «В заточении» см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полн. изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1. В ст. 7—8, как и в ритмике всего ст-ния, заметно влияние «Несжатой полосы» (1854) Н. А. Некрасова.

155. ИР. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880. ОР; Л III, подпись: М. Н.; НСРПиС, с вар. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, вар. Окончательный текст см. изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полн. изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1. Эти дни моей жизни короткой и т. д. — пора «хождения в народ», в котором Морозов принимал самое активное участие (см.: Морозов. Т. 1. С. 150—310).

156. ИР. «Вперед!». 1877. Т. 5, с подзагол. «Отрывок из поэмы „Борьба“», с вар., датировано: 4 апреля 1887 г., без подписи; (Морозов Н. А.). Тюремные видения. (Спб., 1878), автор в кн. не указан;

Л V (текст «Вперед!»); Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с посвящением О. Любатович (см. примеч. 144), с вар.; ОР (текст ИР), подпись: М. Н.; НСРПиС (текст «Стихотворений» 1880 г.). Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, с вар. Окончательный текст (др. ред.), под загл. «Шлиссельбургский узник. Поэма веков» см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полн. изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. I. Начато ст-ние было в 1876 г. в заключении, в помещении Тверской части в Москве: «Мне захотелось писать стихами, но на душе было уныло, и унылое настроенье навевало на меня одни меланхолические мотивы, так мало согласовавшиеся с обычным жизнерадостным состоянием моей души. Я сам не знаю, как у меня вдруг сложилось четверостишие:

Кругом непроглядною черною мглой
Степная равнина одета,
И мрачно и душно в пустыне глухой,
И нет в ней ни жизни, ни света.

Я записал его спичкой на стене камеры, и оно мне понравилось, но продолжать я не мог. От него стало хуже на моей душе» (Морозов. Т. 2. С. 85). Ст-ние было закончено в 1887 г. в Петербурге, в Доме предварительного заключения, прочтено товарищам через сточную трубу ватерклозета, тем же способом было продиктовано для передачи находившемуся в тюремном лазарете Ф. В. Волховскому (Там же. Т. 2. С. 176—178). (Морозов называет ст-ние «Виденья в темнице», переделанное потом в «Венецианского узника», — текст с таким загл. неизвестен.) Любопытно, что перепечатка в числе прочих этого ст-ния в сб. «Звездные песни» была инкриминирована Морозову, и он в конце 1911 г. был приговорен к году тюремного заключения (см.: Морозов. Т. 2. С. 487—502). *Орел безобразный, с двойной головой* — см. примеч. 21. *Трое безумных, жестоких царей Терзают народ беспощадно*. Имеются в виду упоминаемые выше в ст-нии *Царь-колокол*, символизирующий власть духовенства, *Царь-пушка* — символ военной силы и образ царя, *Золотого Тельца*, символизирующий власть денег, богатства (восходит к библейской легенде о поклонении евреев отлитому из золота быку — «тельцу»).

157. ИР. СС, подпись: Н. Никто, с вар.; Морозов Н. Стихотворения. Женева, 1880, с вар.; ОР, подпись: М. Н.; Л III, с вар., подпись: М. Н. Окончательный текст (др. ред.) под загл. «В отчаянии» см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полн. изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. I. Во всех сб., кроме ИР и ОР, начинается следующими ст.:

Некуда деться от злобы и боли!..
Порча какая случилась, что ли,
Желчь ли во мне разлилась в эту ночь —
Право, не знаю! Но только невмочь!..
Против любимой недавно отчизны
Льются из сердца слова укоризны...

Дедов вина и беспечность отцов Создали целое племя рабов. В этих ст. и ст-нии в целом заметно влияние Некрасова («Родина», «Саша»).

158. ИР. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с вар.; Л III, подпись: М. Н.; НСРПиС (текст «Стихотворений» 1880 г.). Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, под загл. «Проклятие!». Окончательный текст под загл. «Проклятие» см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1. *Нет! Не для звуков сладких я Рожден* — парифраза ст. «Мы рождены для вдохновенья, Для звуков сладких и молитв» из ст-ния Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

159. ИР. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880; ОР; Л III, подпись: М. Н. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906. Написано в лазарете Дома предварительного заключения (см.: Морозов. Т. 2. С. 189—190).

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

160. ИР, подпись: Д. А. Л III.

161. ИР, подпись: П. А. Л III.

162. ИР, подпись: П. А. Л III. *Вербовчанин* — см. примеч. 142.

163. ИР, подпись: П. А. Л III. *Богомол* В. А. (1855—1874) — студент Медико-хирургической академии. В 1873 г. сблизился с чайковцами и организовал в Петербурге слесарную мастерскую. По словам «Старика» (т. е. С. Ф. Ковалика), «она стала своего рода революционным клубом» (Б. 1906, № 10. С. 27). Арестован 4 января 1874 г. и 3 октября покончил жизнь самоубийством. В тексте ИР, в сноске к загл. следующее примеч., по-видимому ред.: «Арестованный по подозрению в распространении социалистических брошюр в феврале 1874 года, Богомол был одною из первых жертв тюремной пытки. Переведенный в Дом предварительного заключения, Богомол осенью же этого года окончил там жизнь самоубийством».

164. ИР, в огл.: Аноним. Л III; НСРПиС — в обоих изд. без подписи. В тексте ИР в сноске к загл. следующее примеч., по-видимому ред.: «Павел Никанорович Трутковский, молодой человек около 23 л., происходил из духовного звания, учился в Орловской духовной семинарии; потом был народным учителем. По подозрению в социально-революционной пропаганде был арестован в июле месяце 1874 года и, вследствие независимости и полного достоинства поведения при дознании и следствии, не выпущен на поруки, несмотря на ничтожность юридических оснований к аресту. Умер П. Н. от чахотки 12 мая 1877 г. в С.-Петербургском д(оме) п(редварительного) з(аключения)».

Г. МИХАЙЛОВ

165. ИР, подпись: Г. Эм. Л III. По указанию Н. А. Морозова (в беседе с А. А. Шиловым), ст-ние посвящено ему и написано Григорием Михайловым — его товарищем по московскому кружку самообразования. Впоследствии Михайлов совершенно отошел от

революционного движения. Большие отрывки из ст-ния (с рядом вар.) Морозов цитирует в своих мемуарах (см.: Морозов. Т. 1. С. 191—193). *Крез* — царь Лидии (560—546 до н. э.), обладатель несметных богатств.

М. Д. МУРАВСКИЙ

166. ИР, подпись: М. М. Л III, подпись: М. М., НСРПиС, под загл. «В народе», в тексте без подписи, в огл.: М. Муравский, с датой. Муравский Митрофан Данилович (1837—1879) — один из старейших деятелей революционного движения (его прозвища: «Дед», «Отец Митрофан»). Студентом Харьковского университета он в 1856—1858 гг. организовал революционный кружок. Был выслан в Оренбургскую губернию. В 1862 г. за «подготовление возбуждения к бунту» был приговорен к восьми годам каторжных работ. В 1873—1874 гг. вел активную пропаганду среди оренбургской молодежи. Вскоре был арестован. Судился по «процессу 193-х» и был приговорен к десяти годам каторжных работ. Об этом и о следующем ст-нии Тургенев выразился, что они «не без оригинального оборота» (Полн. собр. соч. и писем. М., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 245).

167. ИР, подпись: М. М. Л III, Ш. М. Левин предполагает, что ст-ние навеяно популярным в 1874-м и следующих годах учением отчасти связанного с революционными кругами А. К. Маликова (1839—1904). Его теория «богочеловеков» привлекла к себе изверившихся и разочарованных в революционном пути, колеблющихся интеллигентов. Маликов учил, что в душе каждого человека живет бог. Все люди братья — они должны любить друг друга и быть готовыми жертвовать собою. Обновление жизни возможно лишь в духе равенства и братства, путем убеждения, но не насильственными методами; нетрудно видеть, что эта теория в какой-то мере явилась предшественницей учения о непротивлении злу насилием Л. Н. Толстого. Маликову удалось на некоторое время увлечь своим учением даже таких революционеров, как Н. В. Чайковский.

168. ИР, подпись: М. М. Л III. *Пиндар* (522 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий поэт. *Жидков* (точнее: Житков, ум. 1882) — генерал-майор, прославился жестокими методами проведения следствия по политическим делам. К 1-й строфе в тексте ИР следующее примеч., по видимому ред.: «Для недостаточно знакомых с историей русских полководцев и государственных людей необходимо объяснить, что генерал Житков производил дознание в 1874 г.». Ко 2-й строфе: «Точную цифру всех изловленных генер(алом) Житковым определить невозможно. Надо, однако, думать, что их было не менее 30-ти человек, из коих значительная часть, просидев, сколько было потребно для блага отечества и для того, чтобы генер(ал) Житков вспомнил о них, были отпущены. О полноте искоренения социализма можно судить по тому факту, что в числе арестованных был один (а может быть, и не один) мальчик 11-ти лет!» К 4-й строфе: «У одного из обвиняемых по казанской манифестации, Евгения Овчинникова, при обыске „нашли“ между прочим белую фуражку без козырька. Фуражка эта долго мучила генер(ала) Житкова своей подозрительностью. Наконец он не вытерпел и однажды поставил допросный пункт: „Что означает эта фуражка?“». К 6-й строфе: «Раз при тюремном обыске нашли у одного из обвиняемых, Леонида Щиголева, записку. Вследствие этого *всем* запретили продовольствоваться собственной пищей, пить чай, иметь

книги. Через четыре месяца снова дозволили». К 7-й строфе: «По распоряжению генер(ала) Житкова и других исторических исследователей казанского отдела, окна каморок, где сидели политические престанты, были забиты снаружи досками, так что свет проходил через сравнительно небольшие щели. В этом положении арестованные провели около года. На второй же год мало-помалу сами оторвали почти все доски». К 8-й строфе: «Генерал Житков справедливо считал составление требуемого законом мотивированного постановления о содержании под стражей — ретроградною формальностью. Поэтому о большинстве подсудимых и выпущенных лиц совершенно не упоминается в делопроизводстве, что они были арестованы. О других постановления были составлены лишь по привозе их в Петербург». Поцелуярное в свое время ст-ние:

Кто всей Россией управляет?
Министров ставит и сменяет?
Кто нас берег от разных ков? —
Михал Никифорыч Катков...

и следующие 5 строф (ГМ. 1916, № 11) являются очевидным «перепевом» ст-ния Муравского.

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

169. ИР, подпись: А. Чорный. Этим же псевдонимом подписаны и следующие двадцать одно ст-ние. Л III. Впервые в легальной печати они были опублик. в изд.: Волховской Ф. В. Случайные песни. М., 1907, однако сб. был вскоре конфискован полицией. По сообщению Н. А. Морозова А. А. Шилову, Ф. В. Волховской — один из организаторов ИР. И. С. Тургенев писал к М. П. Драгоманову от 7 (19) декабря 1877 г.: «Кое-что похожее на талант мелькает в произведениях „Черного“, да и то навеяно Г. Гейне» (Полн. собр. соч. и писем. М., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 245).

170. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Шубин Н. И. — товарищ прокурора Саратовского окружного суда. Меркулов М. М. — товарищ прокурора Саратовского окружного суда. Жуков К. Н. — прокурор Московского окружного суда. Жихарев С. С. (1834—1899) — прокурор Саратовской судебной палаты, руководивший при помощи жандармского генерала И. Л. Слезкина дознанием по «процессу 193-х», впоследствии сенатор. Желиховский (или Желеховский) В. А. — см. примеч. 264. Аренда — жалуемое царем ежегодное вознаграждение (обычно на 12 лет); до 1837 г. давались земли.

171. ИР. Л III, подпись: А. Ч. В первый раз сидел полгода. По делу «Рублевого общества» Волховской находился под арестом с начала февраля до 17 августа 1868 г. Во второй — два года с лишним — по нечаевскому делу — с 16 апреля 1869 г. по июль 1871 г. Сколько ж времени на третий — по «процессу 193-х» — с августа 1874 г. по июль 1878 г. По сообщению И. С. Книжника, это ст-ние пелось весной 1902 г. политическими заключенными киевской Лукьяновской тюрьмы.

172. ИР. Л III, подпись: А. Ч.

173—174. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Окончательный текст под загл. «Из дорожных впечатлений» см. в изд.: Волховской Ф. В. Случайные песни. М., 1907.

175. ИР. Л III, подпись: А. Ч.

176. ИР. Л III, под загл. «Тюремному другу», подпись: А. Ч. *Но для меня так много сделал ты* и т. д. На основании брошюры Ф. В. Волховского «Друзья среди врагов: Из воспоминаний старого революционера» (Спб., 1906. С. 10) можно предположить, что ст-ние обращено к жандарму III Отделения, передававшему Г. А. Лопатину черновик показания Волховского по делу о «Рублевом обществе». На основании этого показания Лопатин соответствующим образом изменил и свое, и дело было разрешено без суда, в административном порядке. Ср. в ст-нии строки: «Но ты всю сладость веры Мне возвратил» и в брошюре: «...своим бескорыстным поступком он поддержал во мне веру в человеческую природу». *Я, словно Иов, язвами покрытый*. По библейскому преданию, бог поразил пророка Иова проказой, чтобы испытать его веру (Книга Иова, гл. 2, 7—10).

177. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Окончательный текст под загл. «Н. А. Чарушину» см. в изд.: Волховской Ф. В. Случайные песни. М., 1907. Чарушин Н. А. (1851—1937) — один из виднейших участников кружка чайковцев, организатор пропаганды в Петербурге и в провинции. Чарушин и Волховской часто встречались на прогулках в Петропавловской крепости в январе — июле 1876 г. после приговора по «процессу 193-х», перед отправлением на каторгу. Об этом ст-нии Чарушин упоминает в своих мемуарах (О далеком прошлом. М., 1973. С. 273—274).

178. ИР. Л III, подпись: А. Ч. М. А. — Мария Иосифовна Антонова (1848—1877), жена Волховского. Антонова принимала активное участие в революционных кружках в конце 1860-х — начале 1870-х годов. В 1876 г. уехала за границу.

179. ИР. Обращено к М. И. Антоновой (см. предыдущее примеч.).

180. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Обоснование датировки см. в примеч. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 719.

181. ИР. Л III, подпись: А. Ч.; НСРПиС, подпись: А. Чорный; в огл. псевдоним раскрыт.

182. ИР. Л III, подпись: А. Ч.

183. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Ст. 4, явно ошибочно пропущенный в тексте ИР и Л III, восстановлен по сб. Волховского «Случайные песни» (М., 1907). Эпиграф — из ст-ния Лермонтова «И скучно и грустно...» (1840).

184. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Ст. 10 восстановлен по дате рождения Волховского — 1846 г. Ст-ние написано, очевидно, на отъезд М. И. Антоновой-Волховской за границу (см. примеч. 178).

185. ИР. Л III, подпись: А. Ч. О своей матери Волховской упоминает в брошюре «Друзья среди врагов...». Спб., 1906. С. 19, 21. После свиданий с сыном в Петропавловской крепости она переправляла на волю его тюремные ст-ния.

186. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Ст-ние в КиС. 1924, № 4. С. 255, и след за тем Е. Е. Колосовым (Государева тюрьма Шлиссельбург. М., 1930. С. 237) и А. Р. Мазуркевичем (И. Г. Прыжов. Киев, 1958. С. 113) ошибочно приписано Е. И. Минакову. В написанном в 1908 г. романе польского писателя Ст. Бржозовского «Зарево» (русский пер. 1923) романс на эти стихи также поет в Шлиссельбургской крепости Минаков.

187. ИР. Л III, подпись: А. Ч. Эпиграф из ст-ния Т. Шевченко «А. О. Козачковскому» («Минають дні, минають ночі...»).

188. ИР. Л III, подпись: А. Ч.

189. ИР. ОР; Л III, подпись: А. Ч. Окончательный текст, без двух последних строф см. в изд.: Волховской Ф. В. Случайные песни. М., 1907.

190. ИР. Л III, подпись: А. Ч. *Увы, нам чуждо утешенье* и т. д. Отклик на ст. «И на обломках самовластья Напишут наши имена!» из ст-ния Пушкина «К Чаадаеву» (1818).

191. ИР. ОР, с вар.; Л III, с вар., подпись: А. Ч., датировано: 1873; НСРПиС, в тексте подпись: А. Чорный, в огл. псевдоним раскрыт, датировано: 1873.

192. ИР. ОР; НСРПиС, в тексте подпись: А. Чорный, в огл. псевдоним раскрыт. Ст-ние было передано автором на волю и уже в 1874—1875 гг. приобрело значительную популярность, разошлось во множестве списков. В рукоп. анонимных копиях загл. «Кричи!..» было заменено более выразительным — «К бою». В. Г. Короленко в «Истории моего современника» рассказывает о распространенности ст-ния в студенческой среде. В Петровской сельскохозяйственной академии оно даже висело на стене (кн. 2, ч. 3, гл. 4).

П. А. ОРЛОВ

193. ИР, подпись: О. П. ОР; НСРПиС, подпись: О. П., в огл. криптоном раскрыт. Датируется на основании сообщения А. В. Храбровицкого (в письме составителю настоящего сб. от 26 августа 1961 г.) о том, что ст-ние было распространено в списках среди студентов Петербург. технологического ин-та уже в 1871 г. Орлов Павел Александрович (ок. 1857—1890) в 1873—1874 гг., еще гимназистом в Оренбурге, принадлежал к революционному кружку С. Голоушева. Сблизившись с М. Д. Муравским, с 1874 г. вел пропаганду среди крестьян. Арестован в 1874 г. по «процессу 193-х». По-видимому, в это время кто-то и назвал его «мальчишкой», — ему было тогда 17 лет. Судом был оправдан, но через 3 месяца за пропаганду среди петербургских рабочих был выслан в Архангельскую губернию. В дальнейшем всю жизнь подвергался многочисленным репрессиям. Кроме стихов, известен как автор двух прозаических произведений: «Рассказы при-

искателя» и «На дальнем севере». Оба под псевдонимом «Павел Рельда» напечатаны в «Газете А. Гатцука» (1890, № 6—8, 12—14, 36—37). Эти рассказы вызвали одобрительные отзывы Н. К. Михайловского и Г. А. Мачтета и ими же, вероятно, и были переданы в ред. газеты (см.: КИС. 1928, № 6. С. 156—162). В языковом обиходе 1870-х годов, особенно после «Признаков времени», цикла очерков «Наша общественная жизнь» и «Невинных рассказов» Салтыкова-Щедрина, слову «мальчишка» был придан особый семантический оттенок. Презрительное наименование реакционерами представителей молодого поколения «мальчишками» вызвало, как это часто бывает в таких случаях, переосмысление уничижительной клички в положительном значении.

194. ИР, подпись: О. П. НСРПиС, подпись: О. П., в огл. криптоним раскрыт. Н. А. Морозов пишет: «Чуть не каждый день повторял в Алексеевском равелине стихотворение, написанное одним из первых моих товарищей в Доме предварительного заключения — Павлом Орловым» (Морозов. Т. 2. С. 471). *Волкан* — вулкан.

Общее дело. Газета политическая и литературная

Женева. 1877 — 1890

«Общее дело» выходило ежемесячно в Женеве с мая 1877 г. по ноябрь 1890 г. Всего вышло 112 номеров. В последнее время журнал выходил нерегулярно. Тираж составлял около 500 экз. Название журнала — один из наиболее распространенных в те годы эвфемизмов, обозначавших прогресс или революцию. Издателем его был М. К. Эльпидин, редактором А. Х. Христофоров. С № 15 (1878 г.) стал принимать активное участие врач и общественный деятель Н. А. Белоголовый (1834—1895). С 1881 г. он стал фактическим, но негласным и строго законспирированным редактором, выплачивая за это издателью (с ноября 1833 г.) по 100 франков за номер (ГБЛ, ф. 22, папка № 2, ед. хр. 8). До середины 1881 г. ближайшее участие в журнале принимал В. А. Зайцев. Журнал был выразителем умеренно-конституционных стремлений и пропагандировал ограничение самодержавия народным представительством. В общем, он занимал несколько более левую позицию, чем легальная либеральная оппозиция тех лет. Обращает на себя внимание обилие информации о жизни России. В журнале (при посредстве Белоголового) были помещены некоторые запрещенные в России цензурой произведения Салтыкова-Щедрина («Сказки для детей изрядного возраста» и др.). Через Салтыкова-Щедрина Белоголовым был получен материал, послуживший к разоблачению «Священной дружины». Небольшой тираж и слабое распространение журнала в России определили его незначительную популярность. Стихотворный материал журнала приведен в настоящем издании, за исключением нескольких стихотворений. Об издании подробнее см.: Козьмин Б. П. Из истории русской нелегальной прессы//«Исторический сб.»/АН СССР. Л., 1934. Т. 3. С. 163—218; Мещеряков Н. Л. Н. А. Белоголовый и газета «Общее дело»//«Зап. Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина». 1939, вып. 2. С. 66—70; Макашин С. А. «Общее дело» и его закулисный редактор: Неоконченная глава из воспоминаний Н. А. Белоголового//ЛН. 1977. Т. 87. С. 429—441.

195. ОД. 1877, № 1, 9 мая, в составе «Размышлений неблагополучного», подпись: Н-б-й. Стихам предшествуют следующие строки: «Позволяю себе привести разговор, который я имел с одним из таких оптимистов, каковой разговор мы, будучи крайне взволнованными оба, вели, сами того не замечая, рифмованными строчками». *Крымские громы раздались*. О Крымской войне 1853—1856 гг. *Уплата пяти миллиардов*. Эти слова не вполне ясны: речь, вероятно, идет о государственном долге России, образовавшемся в результате займов, который достиг в это время внушительной суммы в 4 314 600 000 руб. В тех же «Размышлениях неблагополучного» находятся в середине текста в разных местах еще два стихотворных отрывка, вероятно тоже принадлежащих Белоголовому. *Тимашев А. Е.* — см. примеч. 15—16. *Пален К. И.* (1830—1912) — в 1867—1878 гг. министр юстиции, стремившийся по возможности свести на нет все достижения судебной реформы 1864 г.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

196. ОД. 1878, № 14, авг., подпись: Б. Ст-ние опубл. с предисл. ред.: «Наше чиновничество начинает вызывать такие живые чувства к себе, что для выражения их люди впечатлительные считают уже недостаточным язык презренной прозы и т(аким) о(бразом) в первый раз в жизни принимаются за стихи, как это можно видеть из присланного нам нижеследующего стихотворения, которое есть, очевидно, плод музы столь же неопытной, сколько искренней». *Статский советник* — см. примеч. 38. *Коллежский регистратор* — низший гражданский чин по Табели о рангах. *Приказ* — учреждение в дореволюционной России, ведавшее отдельными отраслями управления.

197. ОД. 1879, № 26, авг., без подписи. *Мезенцев Н. В.* (1827—1878) — шеф жандармов, убит народовольцем С. М. Кравчинским (см. примеч. 237) 4 августа 1878 г. Разъясняя мотивы этого террористического акта, Кравчинский писал, что Мезенцев был убит не как шеф жандармов, а как человек, совершивший ряд преступлений. Он «главный виновник отмены сенатского приговора по „процессу 193-х“ и составитель нового, «возмутительного по своей жестокости и полному, абсолютному пренебрежению ко всякому признаку законности», он виновник неисполнений ряда скромнейших требований заключенных в Петропавловской крепости, начавшейся вследствие этого голодовки и последующей кулачной расправы, «подстрекатель и внушитель тех свирепостей, которые были предприняты против социалистов в разных городах России», и, наконец, ему «принадлежит (...) введение так называемой административной ссылки в Восточную Сибирь (...) Вот за что генерал-адъютант Мезенцев признан достойным смерти» (Кравчинский С. М. *Смерть за смерть: Убийство Мезенцева*. Пг., 1920. С. 14, 17, 18). *Да, тяжела ты стала, шапка Мономаха!* — реминисценция монолога Бориса из трагедии Пушкина «Борис Годунов». *Лях* — поляк. *Лассаль Ф.* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист. *Робеспьер М.* (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в. *Два раза сам я был мишенью пистолета*. В 1866 и 1868 гг. на Александра II были совершены именно таким образом покушения Д. В. Каракозовым

и А. И. Березовским; в 1879 г. было третье покушение — А. К. Соловьева. *На Итальянской пал от страшных ран.* Мезенцев был убит на углу Итальянской улицы (ныне ул. Ракова) и Михайловской площади (ныне площадь Искусств). *Адлерберг* — см. примеч. 77. *Фельдмаршал Никола* — вел. кн. Николай Николаевич (см. примеч. 1), с апреля 1878 г. — генерал-фельдмаршал. *Толстой Д. А.* (1823—1889) — в 1866—1880 гг. — обер-прокурор Синода и министр народного просвещения, в 1882—1889 гг. — министр внутренних дел и шеф жандармов. Один из реакционнейших деятелей, активно сопротивлявшийся внедрению передовой педагогики в высшую и среднюю школу; провел, в частности, реформы, ограничивающие возможности получения образования; преимущественное значение придавал преподаванию в гимназиях древних языков. *Тимашев А. Е.* — см. примеч. 15—16. *Грейг С. А.* (1827—1887) — министр финансов в 1878—1880 гг. *Валуев П. А.* (1816—1890) — министр внутренних дел в 1861—1868 гг., а в 1872—1879 гг. — министр государственных имуществ. *Исидор* (Никольский, 1799—1892) — в 1860—1892 гг. — митрополит Петербургский и Ладожский. *Здекауэр Н. Ф.* (1815—1897) — видный врач, с 1860 г. — лейб-медик. *Плотицын М.* — моршанский купец, один из вождей «скопческой» ереси, осужденный в 1869 г. к ссылке на поселение в Восточной Сибири. *Форшнейдер.* В 1856 г. при дворе был установлен чин обер-форшнейдера (от нем. *schneiden* — резать; *Vorschnittener* — скопец). *А для капеллы хора Каких бы теноров мы стали добывать!* Хор папской капеллы издавна комплектовался из малолетних теноров-кастратов. *Сильверстов* (или Селиверстов) Н. Д. — генерал-лейтенант, товарищ начальника III Отделения в 1879 г. *Людовика уж грезились муки.* Французский король Людовик XVI был казнен в 1793 г. *Как Навин остановил движенье солнца.* По библейскому преданию, преемник Моисея Иисус Навин, чтобы помочь израильтянам в борьбе с амореянами под Гаваоном (город в Палестине), произнес: «Стой, солнце, над Гаваоном... И остановилось солнце... доколе народ мстил врагам своим» (Книга Иисуса Навина, X, 12—13). *И образ прадеда, свирепого чухонца.* По преданию, Павел I — чухонец (финн), был подложен Екатерине вместо родившегося у нее мертвого ребенка. *Орден Белого Орла I степени* — один из высших орденов России. *Его нам Белый Голубь заменит.* По учению скопцов, оскотенный приобщался к духу святому, изображавшемуся в виде голубя. *Скарятин В. Д.* (ок. 1820 — ?) — реакционный журналист, редактор-издатель крепостнической газеты «Весть» (1863—1870).

198. ОД. 1880, № 31/32, янв. — февр., без подписи. *Floh* — «Der Floh», сатирический листок, выходивший в Вене в 1869—1910 гг. *Бог спас монарха От седьмого покушенья!* В зависимости от счета покушений на Александра II, осуществленных и подготовлявшихся, речь может идти о взрыве царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. или о взрыве в Зимнем дворце, осуществленном Степаном Халтуриним 5 февраля 1880 г.

Н. А. МОРОЗОВ

199. ОД. 1880, № 33/34, март-апр. Н. А. С. — Н. А. Саблин. В беседе с А. А. Шиловым Н. А. Морозов сообщил, что ст-ние это, собственно говоря, принадлежит не ему. Оно было написано Н. А. Саблиным в подражание Беранже. «Стихотворение его мне не понрави-

лось, — сказал Н. А. Морозов, — с внешней формы. Я его переделал, сгладил шероховатости, а затем оно без моего ведома, но за моей подписью было напечатано в журнале „Общее дело“».

М. И. ВЕНЮКОВ

200. Ст-ние было впервые напеч. в тип. Л. Чернецкого в Женеве и 1867 г. отдельной листовкой, параллельно на русском и французском языках, но весь тираж сгорел во время пожара и ни один экз. не известен и не зарегистрирован в библиографиях. ОД. 1880, № 37, авг., без указания фамилии переводчика, который долгое время оставался неустановленным, и текст распространялся анонимно. Дата пер. и имя переводчика были указаны им самим в 1891 г. (см.: Венюков М. И. Из воспоминаний, 1867—1876. Амстердам, 1891. Кн. 2. С. 22—23). Венюков Михаил Иванович (1822—1901) — этнограф, путешественник, автор многочисленных работ на русском и французском языках, корреспондент К. В 1881 г. он поселился в Париже. Не примыкая открыто к революционным группам, поддерживал с ними постоянные контакты. «Марсельеза», «лучший революционный гимн прошлого» (Ф. Энгельс), была написана в ночь с 25 на 26 апреля 1792 г. офицером Жозефом Руже де Лилем (1760—1836) в связи с вторжением австрийских войск во Францию. Песня была исполнена перед армией и с энтузиазмом повторена солдатами, добровольцами и населением Марселя. Войсками же эта песня уже в июле 1792 г. была занесена в Париж и тогда же напечатана (без нот). Среди солдат она произвела такое впечатление, что многие генералы приписывали честь победы в сражении песне; с 1875 г. — национальный гимн Франции. Первые русские пер. «Марсельезы» относятся к концу XVIII в., т. е. вскоре после ее создания (см.: Долгова С. Р. Первая марсельеза в России // «Традиции русской музыкальной культуры XVIII в.». М., 1975. С. 181—187). Неполным и приблизительным пер. припева «Марсельезы» на русский язык считаются соответствующие строки «Ослушной песни» (см. ст-ние 52). В 1870-х годах «Марсельеза» была переведена А. К. Шеллером-Михайловым и напечатана в одном из изд. С. С. Окрейца (об этом см.: ИВ. 1907, № 5. С. 409—410; этот текст нами не обнаружен). В 1885 г. в газете «Суфлер» (31 марта) был напечатан пер. четырех строф и припева, принадлежащий В. И. Богданову. Кроме того, известны еще не менее 12 пер. гимна на русский язык (В. Г. Тана, В. Ладыженского, Л. Уманца, В. Уманова-Каплуновского, А. М. Федорова, В. Коломийцева, Н. Арватова, С. Обрадовича, М. П. Столярова, П. Антокольского и др.). «Марсельеза» пользовалась в России огромной популярностью. Декабристы пели «Марсельезу» по-французски в сибирской ссылке (см. воспоминания Н. В. Басаргина и М. И. Муравьева-Апостола в изд.: «Мемуары декабристов: Южное общество». М., 1982. С. 86—87, 116). Шарманщики исполняли ее на улицах, но в середине XIX в. это было запрещено. Пели ее хором (очевидно, тоже по-французски) и в доме Л. Н. Толстого (см.: Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1984. С. 40 — запись от 13 июля 1882 г.). В русской традиции функции и название «Марсельезы» или «Рабочей марсельезы» («Солдатской марсельезы», «Пролетарской марсельезы», «Шахтерской марсельезы», «Новой песни» и др.) приобретали ст-ния, не имевшие ничего общего по тексту с подлинной «Марсельезой», например: «Вперед, без страха и сомненья...» (1846) А. Н. Плещеева (см. наст. изд., т. 1, ст-ние 227). «Долго нас помещики душили...» (<1861>) В. С. Курочкина (?) (см. ст-ние 35) и особенно

«Новая песня» («Отречемся от старого мира...») (1875) П. Л. Лаврова (см. ст-ние 104). Были переделки и реакционного характера, например «Русская марсельеза», изд. в Киеве в 1907 г.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

201. ОД. 1881, № 43, авг., без указания фамилии переводчика. Пер. ст-ния Т. Г. Шевченко «Якось то йдучи уночі...» (1860). *У врат апостольских*, т. е. у ворот Петропавловской крепости.

202. ОД. 1881, № 43, авг., без указания фамилии переводчика. В ОД ошибочно слито с предыдущим ст-нием; та же ошибка повторена в ВРП II. Пер. ст-ния Т. Г. Шевченко «Я не нездужаю, нівроку...» (1858).

В. П. МИХАЙЛОВ

203. ОД. 1882, № 47, март, без подписи, с ред. примеч., относящимся и к следующему ст-нию: «Помещаемые ниже стихотворения были назначены для известного студенческого сборника „Отклик“, куда они не были допущены цензурой. Они принадлежат двум различным авторам. Одно из них оригинальное, другое — мастерской перевод из одного из замечательнейших поэтов недавно образовавшейся во Франции „натуралистической школы“. С удовольствием даем им место в нашем издании и убедительно просим наших русских корреспондентов и всех понимающих необходимость деятельной борьбы с гонителями русской мысли доставлять нам все сколько-нибудь замечательные продукты последней, забракованные цензурой». «Отклик» — студенческий сб., легально изд. П. Ф. Якубовичем и В. Н. Шаталовым в пользу недостаточных студентов Петербурга. ун-та и слушательниц Высших женских курсов в Петербурге в 1881 г. Его ценз. историю см. в примеч. 272—278. Ср. также статью: Валк С. Н. К истории «процесса 21-го»//КА. 1929, № 5. С. 128—179. Ст-ние в «Откликах» было подписано псевдонимом: Вл. Мартов; по словам цензора, оно возвещало «братьям, что начался час исхода и дан священный пароль». Вл. Мартов — псевдоним Владимира Петровича Михайлова (1855—1897), физиолога, с 1882 г. — ассистента И. М. Сеченова. В качестве поэта сотрудничал в РМ, ВЕ и других изд. Подробнее о нем см.: Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. Спб., 1914. С. 189—210. Ст. 1—2 — перефразировка начала ст-ния М. Л. Михайлова «Если лет бесстрастный холод...» (1862?). *Ханаан* — древнейшее название Палестины, куда, по библейскому преданию, состоялся исход еврейских племен из Египта. *И да будет нам в пустыне Братство огненным столпом...* Согласно Библии, огненный столп освещал израильтянам путь в пустыне (Исход, гл. 13, 21—22).

А. П. БАРЫКОВА

204. ОД. 1882, № 47, март, без указания фамилии переводчика. Вольный пер. «Ballade de roi des gueux» французского поэта Ж. Ришпена (1849—1926). В первых его сб. воспевался мир бродяг и отщепенцев — своеобразная форма анархического протеста против морали буржуазного общества. В подлиннике — 3 строфы по 8 строк и заключительная строфа, превращенная переводчицей в припев. Б а р ы к о

и а Анна Павловна (1839—1893) начала литературную деятельность с середины 1870-х годов. Ее стихи посвящены социальным темам. Особенной популярностью пользовалась ее «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» (см. ст-ние 265), а также некоторые другие ст-ния: «Мои пациенты», «За пьяльцами», «Два мальчика», «Мученица», «У кабака», «Обреченная», «Чужому горю», «Жрецы эстетики», «Песнь торжествующей свиньи», «В альбом счастливице». Барыкова печаталась в ОЗ, «Деле» и других прогрессивных и либеральных органах. Не входя формально в «Народную волю», она оказывала ей содействие и помощь, в частности денежную. Поддерживала сношения с П. Ф. Якубовичем, через которого «Сказка...» и была передана для изд. В конце жизни Барыкова сблизилась с толстовцами. О Барыковой подробнее см.: Ефремин А. В. А. П. Барыкова. М., 1934; Любимов С. Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой // КА. 1924, № 6. С. 256—259; «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 631—632. В постановлении С.-Петербург. ценз. комитета от 6 апреля 1881 г. о мотивах запрещения ст-ния сказано: «В стихотворении „Поэт“ (Барыковой из Ришпена), именуя себя певцом векового страдания и законным царем бессловесной твари, зовет к себе всю непокрытую голь, все отродье, в утробе проклятое (следует цитата в 20 строк). С этим воинством, набранным из самых грязных подонков общества, поэт намерен произвести социальный переворот» (ЦГИА, ф. 776, оп. 20, № 345).

П. В. ГРИГОРЬЕВ

205. ОД. 1882, № 48, май, подпись: П. Безобразов. Григорьев П. В. Стихотворения. Париж, 1883, с вар. и новыми двумя строфами. Судя по рецензии А. Х. Христофорова (ОД. 1888, № 61, подпись: Х. Х.), в ст-ние ред. ОД были внесены небольшие изменения. В ред. примеч. к публ. было указано: «Врублевский (1836—1908) участвовал в польском восстании 1863 г. и принял участие в Парижской коммуне, которой и был произведен в чин генерала».

Н. А. НЕКРАСОВ

206. ОЗ. 1877, № 1, под загл. «Пророк»: (Из Барбье), без последней строфы, подпись: Н. Н. ОД. 1882, № 50, авг., с примеч. ред.: «Это стихотворение помещено в Полном собрании сочинений Некрасова под заглавием „Пророк“. (Из Барбье) и без четвертого куплета, не пропущенного цензурой»; «Правда». Женева. 1883, 3 янв., № 16, без загл., с рядом вар., из которых особенно существен вар. ст. 16: Царям земли напомнить о Христе, в тексте воспоминаний П. Безобразова (П. В. Григорьева) о Некрасове. Печ. по ОД. Уточненный текст см. в изд.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982. Т. 3; там же в примеч. И. А. Битюговой (с. 461—464) подробно излагаются различные мнения о загл. ст-ния и его датировке.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

207. ОД. 1882, № 51, дек., без подписи. *Познавший жизнь острога*. Из страха перед новым покушением Александр III переселился в Гатчину, оказавшись «пленником революции» (см. примеч. 286). *Наш доморощенный Фальстаф*. В сравнении Александра III с героем комедий Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские кумушки»

содержится намек на полноту русского царя и пристрастие его к спиртным напиткам. *Наш рыцарь страха и упрека* — иронически перефразированное выражение «рыцарь без страха и упрека», восходящее к французским романам XVI в. *Идешь ты робко на венчанье* — см. примеч. 286. *А умер он в канаве лежа*. Александр II был смертельно ранен на набережной Екатерининского канала, который в просторечии назывался канавой (ныне канал Грибоедова). *Без ног в мир лучший улетел!* Брошенной Гриневицким бомбой Александру II были раздроблены ноги. *Миро* — специальный ароматический состав, употребляемый в христианской церкви. *Катков* — см. примеч. 218.

208. ОД. 1884, № 64, авг., без подписи. Опуubl. в разделе «Нам пишут» с следующим пояснением автора раздела — «Оптимиста»: «Как литературный образчик, рисующий душевное состояние энергической молодости, посылаю вам следующее стихотворение одного из неизвестных поэтов, характеризующее и ее нервную возбужденность и всю нетерпеливую страстность ее ожиданий избавления».

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАССИК

209. ОД. 1885, № 72, апр., подпись: ***. Автор — Алексей Федорович Иванов-Классик (1841—1894), что устанавливается свидетельством А. Н. Лескова (*Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям*. М., 1984. Т. 2. С. 242—243) и неизданными воспоминаниями В. С. Лихачева «Литераторы и журналисты» (ЦГАЛИ); здесь вар. ст. 1: Как мер репрессивных горячий поборник. Ст-ние является «перепевом» ст-ния Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» (1841). *На наследственном троне Безграмотный дворник сидит*. Сравнение Александра III с дворником часто встречается в нелегальной литературе 1880-х годов. Об идиоме «дворник» см.: Рейсер С. А. Дворник // «Современная русская лексикография, 1980». Л., 1981. С. 134—138.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

210. ОД. 1885, № 72, апр., подпись: Инок Парфентий. Псевдоним остается нераскрытым: происхождение его, очевидно, связано с именем популярного архиепископа Владимирского, потом Воронежского — Парфения (П. В. Васильева-Черткова, 1782—1853). Эпиграф — из ст-ния Державина «На смерть князя Мещерского» (1779). *Бедоносцев* — Победоносцев К. П. (1827—1907), реакционный государственный деятель, воспитатель Александра III, в 1880—1905 гг. — обер-прокурор Синода. *Свинья... что в басне у Крылова*. Имеется в виду басня «Свинья под дубом» (1825). *Паки* — опять. *Исправник* — начальник полиции в уезде. «*Похвально слово*» — жанр духовной литературы.

211. ОД. 1885, № 73, май, без подписи, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». *Судейкин* — см. примеч. 257. В газетах, вероятно вследствие правительственного запрета, сведений об убийстве не появлялось, если не считать траурного объявления в «Новом времени» (19 декабря, № 2806), в котором глухо сказано о «скончавшемся» Судейкине. Газеты ограничились лишь перепечаткой сообщения «Правительственного вестника» (20 декабря, № 278) об

отпевании Судейкина в церкви Марииинской больницы, совершенном архимандритом Иннокентием. Об этом М. Е. Салтыков-Щедрин сдержанно сообщил Г. З. Елисееву, жившему за границей, в письме от 20 декабря 1883 г. (см.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1977. Т. 19. Кн. 2. С. 260). Приводимые в подзагол. слова, вероятно, городские слухи. *Иерей* — священник.

212. ОД. 1885, № 73, май, без подписи, в той же рубрике, что и предыдущее ст-ние. См. примеч. 209.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

213. ОД. 1885, № 74, июнь, подпись: Н. Б. Ст-ние было прочитано в Париже на обеде в день рождения П. Л. Лаврова 2 июня.

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

214. ОД. 1885, № 74, июнь, подпись: N, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет», со следующим ред. примеч.: «Под этим названием напечатано в хрестоматии Филонова стихотворение Бенедиктова на въезд Александра II в Петербург после коронации. 1-й и затем все нечетные стихи взяты в последовательном порядке из этого стихотворения без всяких изменений». Имеется в виду изд.: «Русская хрестоматия с примечаниями»/Сост. А. Г. Филонов. 2-е изд. Спб., 1865. Т. 2, где опубл. ст-ние В. Г. Бенедиктова «Встречный голос при торжественном въезде его императорского величества Александра II в Петербург», написанное в тонах безудержного восторга по поводу происходившей 26 августа 1856 г. коронации. На основании ред. помет на хранящемся в Институте марксизма-ленинизма экз. ОД Б. П. Козьмин установил принадлежность ред. журн. Александру Христофоровичу Х р и с т о ф о р о в у (1838—1913) ряда статей, подписанных N и NN. Кроме того, в 1885 (№ 74), 1886 (№ 82) и 1888 (№ 108) гг. были напечатаны стихи, подписанные тем же криптонимом. Вероятно, они принадлежали тому же Христофорову: ред. незачем было смешивать в своем журн. под одним обозначением разных лиц. На этом основании предположительно раскрыт автор этого и двух других ст-ний (см. примеч. 220, 235). Ф. И. Витязев считает криптонимы N и NN принадлежащими Н. А. Юрленеву (см.: ЛН. 1935. Т. 19/21. С. 268—269); источником его утверждения является, по-видимому, «Библиографический каталог: Профили ред. и сотрудников» (Женева, 1906), сост. М. К. Эльпидиным; этот источник представляется менее авторитетным. *Кличка* — здесь в значении: клич. *Брашно* — еда.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

215. ОД. 1885, № 75, июль, подпись: Н. Б. Дата в тексте: «22/24 мая» — очевидная опечатка вместо: «12/24». Написано на смерть Виктора Гюго, скончавшегося 10(22) мая 1885 г. в Париже и похороненного 20 мая (1 июня).

216. ОД. 1885, № 75, июль, без подписи. НСРПиС. Сопровождается в ОД ред. примеч.: «Полученная из крепости рукопись, по весьма понятным причинам, так неразборчива, что при переписке весьма легко могли вкратку неточности против оригинала». *Крез* — см. примеч. 165.

217. ОД. 1885, № 76, авг., без подписи, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». Аксаков И. С. (1823—1886) — славянофильский поэт и публицист; в ряде статей превозносил в эти годы общественный строй России, противопоставляя его «гнилому» Западу.

218. ОД. 1885, № 77, сент., без подписи, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». *Победоносцев* — см. примеч. 210. *Катков* М. Н. (1818—1887) — реакционный публицист, пользовавшийся огромным влиянием в правительственных кругах, издатель «Рус. вестника» и «Моск. ведомостей». *Толстой* — см. примеч. 197. *Воронцов* — Воронцов-Дашков И. И. (1837—1916), в 1881—1897 гг. министр императорского двора. *Ванновский* П. С. (1822—1904) — в 1881—1898 гг. — военный министр. *Гатчина* — см. примеч. 286. *Поют: Толстой — латинскую балладу, Катков — Гомера «Илиаду»*. Толстой и Катков выступали яркими приверженцами классической гимназии. *Польский марш* — намек на польское происхождение Ванновского. «*Не выезжай, голубчик мой!*» — см. примеч. 286. Ст-ние является «перепевом» басни Крылова «Квартет» (1811).

А. А. ОЛЬХИН

219. ОД. 1885, № 80, дек., без подписи, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет» (ст. 2 восстановлен по другим печ. источникам и спискам). ОР, с вар. и четырьмя новыми строфами (текст см. в ВРП II); НСРПиС. О л ь х и н Александр Александрович (1839—1897) — либеральный попутчик революционных народников 1870-х годов, он в 1865 г. оставил государственную службу. В качестве участкового мирового судьи обратил на себя внимание «тенденциозностью» своих решений. Выступления в качестве защитника по процессам нечаевцев, делу В. М. Дьякова, о демонстрации на Казанской площади в Петербурге в 1876 г., на процессах «50-ти» и «193-х» обеспечили ему симпатии революционных групп и передовой части русского общества. Не входя в «Землю и волю», он оказывал партии ряд важных услуг и сотрудничал в изд. «Начало» и «Земля и воля». В справке о нем, составленной в департаменте полиции, сообщалось, что он с 1878—1879 гг. стал «появляться в самых темных кружках, знаться с подонками общества (т. е. с рабочими), и в этой темной среде читал и пел революционные песни, иногда даже сочинял их» (Кравчинский С. М. Цит. ниже изд. С. 9 — из вступ. статьи В. Петровского). После покушения А. К. Соловьева на Александра II, он в июле 1879 г. был выслан в Вологодскую, а в 1880 г. — в Пермскую губернию. Подробнее о нем см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 502—503. Ст-ние в различных вар. было широко популярно уже в начале 1860-х годов. См., например, рассказ о «монастырской» и «нецензурной» «Дубинушках», распространенных в Екатеринославской губернии (Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930. С. 280). Вар. революционной «Дубинушки», относящийся к середине 1870-х го-

дов, приводит В. Г. Короленко в «Истории моего современника» (кн. 2, ч. 3, гл. 4). Еще один интересный вар. см. в ОЗ. 1871, № 7. Ряд вар. собрал В. А. Слепцов (см.: ЛН. 1963. Т. 71. С. 429). Из позднейших переделок отметим популярную «Машинушку», подражание «Дубинушке», см.: «Пролетарские поэты». Л., 1935. Т. 1. С. 43—44 (Б-ка поэта, БС). «Дубинушка» многократно перепечатывалась в различных сб., распространялась в рукоп. и гектографированных копиях и была одной из наиболее популярных песен русского революционного репертуара до самой Октябрьской революции. Текст А. А. Ольхина восходит к «Дубинушке», принадлежащей перу В. И. Богданова (1838—1886), впервые напечатанной в «Будильнике» (1865, № 60). В переработке Ольхина сохранены с некоторыми вар. три строфы Богданова. Припев — во всех вар. «Дубинушки» приблизительно одинаковый — представляет собою вар. распространенной бурлацкой песни, восходящей, в свою очередь, к старинной трудовой песне о корчевке деревьев; ср. полный текст припева: А<ннено>в П. В. Провинциальные письма // «Современник». 1849, № 8. С. 235 и Корнилов И. П. Волжские бурлаки // «Морской сб.». 1862, № 7. С. 17. Переделка Ольхина значительно усилила революционную направленность ст-ния. Авторство Ольхина со значительнейшей степенью вероятности утверждается как революционной традицией, так и агентурной справкой департамента полиции: «Сочинил переделку „Дубинушки“ в самом возмутительном духе и просил доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их в революционные» (цит. по предисл. В. Петровского к изд.: Кравчинский С. М. Смерть за смерть: Убийство Мезенцева. Пг., 1920. С. 9—10). Историю текста «Дубинушки» и ее музыкальной интерпретации см. в обстоятельной книге Е. В. Гиппиуса («Эй, ухнем!», «Дубинушка»: История песен. М., 1962).

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

220. ОД. 1886, № 82, февр., подпись: N, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». Об авторстве см. примеч. 214. *Орган доблестный Каткова* — газета «Моск. ведомости». О Каткове см. примеч. 218. «Водяной» — т. е. водяной.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

221. ОД. 1886, № 83, март, без подписи. «Перепев» ст-ния А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» (1850).

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

222. ОД. 1886, № 85, май, подпись: Н. Б., в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». *Кирилл* (827—869) и его старший брат *Методий* (ум. 885) — греческие монахи-просветители; по преданию, создатели славянского алфавита. 4 апреля 1885 г. — день тысячелетия смерти Методия — был отмечен в России специальными торжествами в честь славянских «первоучителей». *Делянов* И. Д. (1818—1897) — товарищ министра в 1866—1882 гг., а затем министр народного просвещения.

223. ОД. 1886, № 86, июнь, подпись: Алеко, в рубрике «Из запретных стихотворений последних лет». Автор устанавливается сообщением Б. П. Козьмина и указаниями И. Ф. Масанова («Словарь псевдонимов...». М., 1956. Т. 1. С. 92; ср. также арх. Стронина в ГПБ). Стронин Александр Иванович (1826—1889) — социолог, член «Земли и воли», в 1860-х годах подвергался репрессиям и был в ссылке; впоследствии от революционных кругов отошел. О Стронине см.: Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. М., 1954. С. 104—107 и Лейкина-Свирская В. Р. А. А. Стронин // «Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки». М., 1986. Сб. 9. С. 159—169. *Увенчанный болван* — Александр III. *Когда б ты мог понять, что отнял у отчизны*. Возможно, что ст-ние написано по конкретному поводу: 3 мая 1885 г. в Харькове был повешен революционер С. Лисянский, 29 января 1886 г. в Варшаве были повешены осужденные по делу польской рабочей партии «Пролетариат» Бардовский, Куницкий, Осовский и Петрусинский.

224. ОД. 1886, № 86, июнь, подпись: «Алеко», в той же рубрике, что и предыдущее ст-ние. *Николай* — Николай I (ум. 18 февраля 1855 г.). *У шпнца римского Петра*. Имеется в виду собор св. Петра в Риме. *Один его клеветет* и т. д. Вероятно, речь идет о шефе жандармов А. Х. Бенкендорфе, который знал о готовящейся дуэли, но намеренно не принял никаких мер. *Юноша другой* — по-видимому, М. Ю. Лермонтов. *Сатиры русской принципал* — Гоголь. *Принципал* — глава. *Шевченко за какой-то пуф Был отдан в Оренбурге в солдаты*. Пуф — ложное известие, выдумка. Шевченко обвинялся в принадлежности к «Кирилло-Мефодиевскому братству»; кроме того, правительство сводило с ним счеты за поэму «Сон» (1844). *Где ляжку «щиро» протянув*. Широ (укр.) — усердно, старательно. Шевченко находился под арестом и в ссылке с 1847 до 1857 г. *Гнил Костомаров в крепостях*. Историк Н. И. Костомаров (1817—1885) в 1847—1848 гг. находился в заключении в Петропавловской крепости также по делу «Кирилло-Мефодиевского братства». *Белинский умер, как в котях*. В. Г. Белинский умирал в 1848 г. в обстановке напряженного внимания к его деятельности III Отделения; лишь смерть спасла его от ареста.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

225. ОД. 1887, № 93, янв., подпись: Х. Д. НСРПиС. *Султан Мурад*. Мурад IV (1609—1640) — турецкий султан, известный своей жестокостью; здесь подразумевается Александр III. *Как тигр, повавший в плен* — см. примеч. 286. *Позором преступленья Ты запятнал венец*. Вероятно, намек на казнь первомартовцев, участников убийства Александра II.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ (?)

226. ОД. 1887, № 96, апр. После этого ст-ния напеч. следующее ниже ст-ние с подписью, которая, по-видимому, относится к обоим произведениям.

227. ОД. 1887, № 96, апр., подпись: Н. Б. *Плутон* (римск. миф.) — бог подземного мира. *Павел Мальтийский* — Павел I, принявший титул гроссмейстера Мальтийского ордена, взял о. Мальту под свое покровительство. *Гатчина* — см. примеч. 286. *Александр* — Александр II. *Саша* — Александр III.

228. ОД. 1887, № 97, май, подпись: Н. Б. *Голубой дух* — жандарм (по цвету формы). *Законов больше нет — есть только примечанья*. Намек на то, что русское законодательство было обременено многочисленными дополнениями и поправками («примечаниями») к статье закона.

С. М. КОГАН И Н — А З — А

229. ОД. 1887, № 98, июнь, в составе корреспонденции из Одессы, подпись: С — н и Н — а З — а. НСРПиС. Первый автор устанавливается по упоминанию Одессы и по связи со ст-нием «Л. Тихомирову» (ОД. 1885, № 70, февр.). К о г а н Соломон Моисеевич (р. 1861) — народоволец, издавал в 1888—1889 гг. в Женеве журн. «Свобода». При аресте в 1882 г. он, как предполагают, дал «откровенные» показания. О нем см.: Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1927 (по указателю имен). Автор корреспонденции писал: «В заключение прилагаю ходящее здесь в списках стихотворение, посвященное памяти казненных 8 мая». 8 мая 1887 г. в Шлиссельбурге были казнены А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, В. С. Осипанов, П. И. Андреюшкин и В. Д. Генералов за организацию покушения 1 марта 1887 г. на Александра III.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

230. ОД. 1887, № 98, июнь, подпись: Н. Б. *Вельми* — весьма. *Намажут в Суздале портрет*. В Суздале издавна было распространено писание икон.

231. ОД. 1887, № 101, сент., подпись: Н. Б.

232. ОД. 1887, № 102, окт., подпись: Н. Б. *Пастухов* Н. И. (1821—1911) — с 1881 г. — издатель бульварного «Моск. листка», пользовавшегося популярностью среди малокультурных кругов населения. *Суворин* А. С. (1834—1912) — видный издатель и журналист. Издававшаяся им с 1876 г. газета «Новое время» быстро стала органом дворянско-бюрократической реакции и, по словам В. И. Ленина, «образцом продажных газет». «*Гражданин*» — реакционнейшая газета, издававшаяся в 1872—1914 гг. кн. В. П. Мещерским (1839—1914), беллетристом и реакционным публицистом, личным другом Александра III. *Старца Шедрина Буренин критикует!* Реакционный писатель и журналист В. П. Буренин (1841—1926) не раз задевал Салтыкова, см., например, «Критические очерки» в «Новом времени» (1885, 7 июня).

233. ОД. 1888, № 105, янв., подпись: Н. Б. *Толстой* — см. примеч. 197. *И можно помышлять о въезде в Петербург* — т. е. о возвращении из Гатчины Александра III (см. примеч. 286). *Мещерский* — см. предыдущее примеч. *К торжеству тромбоны прочищает* — намекал

на музыкальные упражнения царя на духовых инструментах; одна из ходивших в эти годы по рукам нелегальных песен начиналась словами: «Царь наш юный — музыкант...» (полный текст см.: Гиляровский В. Москва и москвичи. Ростов н/Д, 1958. С. 224; в последних изд. текст опущен).

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

234. ОД. 1888, № 107, март, без подписи. *Целей еще ничья слеза не растопила.* Возможно, что эти строки направлены против тех представителей русской радикальной интеллигенции, которые готовы были поддаться влиянию популярной в это время толстовской проповеди непротивления злу насилием (указано Ш. М. Левиным).

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

235. ОД. 1888, № 108, апр., подпись: N. НСРПиС. Об авторстве см. примеч. 214.

Начало *Орган русских социалистов* *Петербург. 1878*

«Начало» — первый русский журнал, выходивший подпольно в Петербурге в качестве «органа русских социалистов». Он издавался группой революционно настроенных интеллигентов, не входивших в какую-либо партию и стремившихся объединить революционеров разных направлений (Н. К. Бух, Л. К. Бух, А. И. Венцковский, И. А. Головин, А. А. Астафьев, В. В. Луцкий). Всего вышло 4 номера в марте — мае 1878 г. Тираж — до 500 экз. каждого номера. Печатаемое ниже стихотворение — единственное помещенное в журнале.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

236. «Начало». 1878, № 2, апр., без подписи. 24 января 1878: (Посвящается Вере Ивановне Засулич) (Спб.: тип. газ. «Начало», 1878), листовка; в части тиража восстановлен ст. 23, пропущенный в первой публ. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым высказал предположение, что автор не революционер, а скорее из круга «попутчиков» типа А. А. Ольхина, А. Л. Боровиковского и др. Не исключено, что автор именно Ольхин, имевший некоторое отношение к процессу. По поручению защитника Засулич П. А. Александрова он обращался к С. С. Голоушеву с просьбой выступить на суде в качестве свидетеля (см.: Б. 1918, № 7/9. С. 150). Загл. ст-ния — дата покушения В. И. Засулич на Ф. Ф. Трепова (см. примеч. 67). Покушение было ответом на расправу, которой подвергся 13 июля 1877 г. в Доме предварительного заключения в Петербурге политический заключенный А. С. Емельянов-Боголюбов. Появившись на тюремном дворе во время прогулки заключенных, Трепов за неотдание поклона ударил Емельянова, сбив с него шапку, приказал посадить в карцер и наказать 25 ударами розог. Этот акт вызвал протест заключенных, закончившийся их избиванием, заключением в карцер и пр. В революционных кругах было принято решение отомстить Трепову. 31 марта Засулич была оправдана судом присяжных заседателей, и Трепов вынужден

был подать в отставку. Засулич В. И. (1849—1919) сблизилась с революционными кругами еще в середине 1860-х годов. В апреле 1869 г. была арестована по делу Нечаева и после двухлетнего тюремного заключения выслана в 1871 г. под гласный надзор полиции в г. Крестцы Новгородской губернии, затем в Тверь, а потом в Солигалич. Затем жила в Харькове и Киеве, где вошла в разгромленный полицией в 1876 г. кружок «Киевских бунтарей» (В. К. Дебагорий-Мокриевич и др.) и принимала участие в «хождении в народ». После оправдательного приговора, кассированного правительством, эмигрировала и вскоре сблизилась с чернопередельцами. В 1883 г. была одной из основательниц группы «Освобождение труда», после III съезда РСДРП примкнула к меньшевикам. Процесс В. И. Засулич многократно излагался в воспоминаниях современников и документальных публ. (см., например: «Процесс В. Засулич». Спб., 1906; Глаголь С. <Голоушев>. Процесс первой русской террористки // Б. 1918, № 7/9. С. 147—162; Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч. М., 1966. Т. 2. С. 24—252). *Зазнавшийся лаской* — Трепов. *Июльский герой* — он же (по дате расправы над Емельяновым). *А вы, кому судьба и страсти Над ней вверяют приговор*. Из этих строк видно, что ст-ние написано до вынесения приговора, т. е. до 31 марта 1878 г. *Голгофа* — см. примеч. III; употреблено здесь иносказательно.

Земля и воля
Социально-революционное обозрение
Петербург. 1878 — 1879

Журнал «Земля и воля» — орган одноименной партии — выходил в Петербурге подпольно в 1878—1879 гг. Редакторами газеты и авторами большинства статей были: С. М. Кравчинский (принимал участие только в № 1), Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров и Г. В. Плеханов (№ 5). Ближайшее участие в редакционных делах принимал также А. Д. Михайлов. Всего вышло 5 номеров журнала и 6 номеров «Листка „Земли и воли“». Тираж — от 1500 до 3000 экз.

А. А. ОЛЬХИН

237. ЗиВ. 1878, № 1, 25 окт., без подписи. СС; ОР, с вар.; СИП; НСРПИС, с пропусками и искажениями, подпись: Ольхин. Кроме того, ст-ние множество раз перепечатывалось в различных нелегальных, а потом и легальных изд., ходило в рукоп. списках и гектографированных копиях и является одним из популярнейших ст-ний русской революционной поэзии 1870—1880-х годов. Нелегальные изд. ст-ния, в том числе и под загл. «На смерть Мезенцева», см.: СК. Ч. 2. № 1245—1249. Н. А. Морозов писал: ст-ние «упало на мою душу, как манна небесная, и я, перечитав его своим друзьям еще до напечатания десятки раз, запомнил его наконец наизусть. Оно же сделалось в моих глазах оправданием моего пребывания в редакции „Земли и воли“» (Морозов. Т. 2. С. 351). Морозов также сообщает (Т. 2. С. 349), что ст-ние для «Земли и воли» он получил непосредственно от Ольхина; возможно, что до напечатания оно было прочитано Ольхиным в ред. журн. Кравчинскому, Морозову и др. При этом в ст-нии было сделано несколько изменений (см.: Бурцев В. От редакции «Было-

го» // Б. 1903, № 3. С. 152). *Поразивший Мезенцева* — С. М. Степняк-Кравчинский (1851—1895), видный деятель народнического движения 1870-х годов, участник кружка чайковцев, ред. ряда изд. «Земли и воли», публицист и беллетрист. *Мезенцев Н. В.* — см. примеч. 197. *Кафизмы* — части, на которые разделена Псалтырь. *Поэт, заморенный в Сибири* — М. Л. Михайлов. *Немезида* — см. примеч. 77. *Там, где Плевна дымится, огромный курган* и т. д. Речь идет о третьем неудачном штурме Плевны, предпринятом 30 августа 1877 г. вел. кн. Николаем Николаевичем в день именин его брата Александра II; в этот день было убито и ранено более 15 000 русских солдат (см.: Попов И. И. Минувшее и пережитое. М., 1933. С. 31). *Жениха, объявившего смело* и т. д. — намек на И. М. Ковальского — см. примеч. к след. ст-нию. *Яркий светоч науки опальной* — Чернышевский, находившийся в это время в ссылке, в Вилюйске Якутской области. *Налой* (аналой) — см. примеч. 126.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

238. ЗиВ. 1878, № 2, 15 дек., без подписи. НСРПиС. Революционная традиция издавна приписывает ст-ние А. А. Ольхину, авторство которого, однако, до сих пор не доказано, хотя стилистика ст-ния близка манере Ольхина (см.: Кравчинский С. М. *Смерть за смерть: Убийство Мезенцева*. Пг., 1920. С. 12—во вступ. статье В. Петровского). И. М. Ковальский (1850—1878) привлекался по «делу 193-х». С 1876 г. жил в Одессе, где организовал революционный кружок. При аресте 30 января 1878 г. оказал вооруженное сопротивление и 2 августа был расстрелян. Известно еще одно ст-ние, посвященное той же теме, — «Памяти Ковальского» П. В. Григорьева (ОД. 1882, № 49, июнь, подпись: П. Безобразов), вошедшее в кн.: Григорьев П. В. Стихотворения. Париж, 1883, с пометой: Посвящается П. Л. Лаврову.

Н. А. НЕКРАСОВ

239. ЗиВ. 1879, № 5, 8 апр., с ред. примеч.: Из неизданных стихотворений Н. А. Некрасова. СС; ОД. 1882, № 47, март, с рядом искажений; НСРПиС. Впервые в легальной печати: «Сибирская жизнь». Томск. 1898, № 53. Уточненный текст см. в изд.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982. Т. 3, там же (с. 447) обоснование датировки. Написанное как отклик на франко-прусскую войну и подавление Парижской коммуны (первые загл. «Современная Франция», «С французского»; один из вар. в целях ценз. маскировки имел загл. «2-е декабря 1852 г.», т. е. отсылал читателя к провозглашению Луи Бонапарта императором), оно было переадресовано подсудимым «процесса 50-ти». Через Е. П. Елисееву ст-ние было передано В. Н. Фигнер — для ее сестры, Л. Н. Фигнер, которая была в числе осужденных (см.: Фигнер В. Н. Процесс «50». 1877 г. М., 1927. С. 26). Существует и другая версия о том, что ст-ние (возможно, через адвокатов) было передано для Петра Алексея — одного из главных героев «процесса 50-ти», произнесшего знаменитую речь (см.: Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 301). Во всяком случае, современники были уверены, что ст-ние написано в связи с процессом.

240. ЗиВ. 1879, № 5, 8 апр., подпись: М. М. СиП. В качестве возможного автора А. А. Шилов называл революционного деятеля 1870—1880-х годов Марию Михайловну Маркевич-Вецковскую (р. 1854); в 1879 г. она жила в Петербурге, арестована 18 сентября 1879 г. Подражание «Казачьей колыбельной песне» (1840) Лермонтова.

Н. А. САБЛИН

241. ЗиВ. 1879, № 5, 8 апр., подпись: Н. Ц-в. СС; НСРПиС, с вар. Об авторстве Саблина см.: Б. 1906, № 4. С. 64. С а б л и н Николай Алексеевич (ок. 1849—1881) принимал участие в революционном движении; еще в 1873—1874 гг.— в московском отделении кружка чайковцев; вел пропаганду в народе вместе с Н. А. Морозовым и А. И. Иванчиным-Писаревым. В 1874 г. уехал за границу, где входил в состав ред. «Работника». При возвращении в Россию в марте 1875 г. был арестован и привлечен к ответственности по «процессу 193-х». В «Народной воле» — с весны 1880 г. Вместе с А. Франжоли и В. Катковским входил в ред. «Рабочей газеты» (1880—1881). В начале 1881 г. вместе с Г. Гельфман был хозяином конспиративной квартиры на Тележной улице в Петербурге; при аресте 3 марта застрелился.

Собрание стихотворений

П е т е р б у р г. 1 8 7 9

Сборник был издан, как указано на титульном листе, Вольной петербургской типографией 20 мая 1879 г. В нем 24 с., тираж — 500 экз. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым указал, что составление и издание этой книжечки было исключительно его делом. Рукописи были взяты из портфеля редакции «Земли и воли». Из 17 стихотворений сборника 3 были напечатаны ранее в «Земле и воле», два — в брошюре М. П. Драгоманова «Детоубийство...», одно — в ИР; таким образом, 11 стихотворений являются новыми: Морозов печатал их по имевшимся у него рукописям (спискам) или по памяти.

Н. А. МОРОЗОВ

242. СС, подпись: Н. Никто. Этим же псевдонимом подписаны и следующие 6 ст-ний Морозова. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с вар. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, с тремя новыми строфами после строфы 7:

Пусть уныла тюрьма,
Пусть повсюду покой,
Пусть царит над землей
Полусвет, полутьма,

Но и в этой глуши,
Где так долги года,

Нашей вольной души
Не сломить никогда.

Чул!.. В тиши гробовой
Снова слышны шаги.
Приходите ж за мной
Вы скорее, враги!..

Окончательный текст см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни. М., 1910. Дата — 18 октября 1877 г. — начало «процесса 193-х», в котором Морозов фигурировал в качестве одного из подсудимых (см.: Морозов. Т. 2. С. 197—198).

243. СС. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880. СиП. Впервые в легальной печати под загл. «Цепи»: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906. Окончательный текст под загл. «Цепи» см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни. М., 1910.

244. СС. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906. Окончательный текст (др. ред.) см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1.

245. СС. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с посвящением: Вере Филипповой (Филиппова — фамилия В. Н. Фигнер по мужу, с которым она разошлась в 1875 г.). Впервые в легальной печати под загл. «Друзьям: (Посвящается Вере Фигнер)» в изд.: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906. Окончательный текст под загл. «В одиночестве. Друзьям из темницы» см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1. В. Н. Фигнер связывали с Н. А. Морозовым долгие годы дружбы, совместной работы и многолетнее заключение в Шлиссельбурге. К Фигнер обращено также стихотворение Морозова «Прости» при увозе ее 29 сентября 1904 г. (вошло в его сб. «Звездные песни». М., 1910).

246. СС. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с вар. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906. Окончательный текст под загл. «Давно», с посвящением Ольге Любатович см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1. О. С. Любатович — см. примеч. 144.

247. СС. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с вар. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906. Окончательный текст см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1.

248. СС. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880, с примеч.: «Написано совместно с Д. К.»; НСРПИС, подпись: Н. Морозов. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Звездные песни. М., 1910 (др. ред.), под загл. «Песня о Громовете-генерале. Поэма из времен покойной памяти III Отделения». Окончательный текст, существенно переработанный, см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1. Этот текст известен в разных авторских ред. Так, в арх. П. Е. Щеголева в ПД хранится автограф Н. А. Морозова, написанный, по-видимому, до Октябрьской революции; в нем ст-ние названо: «Песня о Глупове-генерале. Из воспоминаний о плачевной памяти III Отделении». Сноска гласит: «Написано вместе с Д. К. и некоторыми другими». После последней строки публикуемого текста в автографе следует:

Всю столицу обыскали,
Сицилиста не сыскали,
Всё предместье обошли,
Сицилиста не нашли.

У старьевщика Микишки
Отыскали в храме книжки.
Целых два календаря
Кончик

Эти книжки признак верный
Сицилизма самый скверный,
«Поскорей его забрать —
Будет он начальство знать!»

У студента над камином
Нашли банку с вазелином,
И решил тут весь синклит:
«Эфто значит динамит!»

Уж вы, синие мундиры,
Прочь бегите все с квартиры.
«Эфто значит динамит,
Что без пороху палит!»

Ст. 8 этого текста не расшифрован. Известны и другие тексты ст-ния. Представляет интерес запись Н. В. Яковлева, воспроизводящая текст, исполнявшийся его отцом, В. К. Яковлевым. Этот текст еще более полон — очевидно, ст-ние в своем фольклорном бытовании все время обрастало новыми строфами и вар. старых. Текст Яковлева приведен в кандидатской диссертации И. П. Карасевой «Из истории русской демократической поэзии 80-х годов XIX в.» (Л., 1954 — ПД). Морозов в беседе с А. А. Шиловым указал, что ст. 3—4, 7—12 и 19—20 написаны Д. А. Клеменцем, а остальные — им. Первоначальный вар. ст-ния с некоторыми изменениями был очень популярен в студенческой среде в 1880—1890-х годах. Вероятно, поэтому в изд. «Звездных песен» 1910 г. сделано примеч.: «Первые куплеты этой песни, написанной вместе с одним товарищем по поводу одной неудачной облавы, когда я был еще юношей, потом в шутку пелись молодежью на вечеринках,

со включением многих куплетов, за которые я не принимаю ответственности» (с. 188). *Дрентельн* А. Р. (1820—1888) — с октября 1878 г. по февраль 1880 г. был шефом жандармов и главным начальником III Отделения. Массовые обыски и аресты были произведены в ночь на 25 февраля 1879 г. (после убийства харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина) и 14 марта 1879 г. (после покушения на Дрентельна); при этом полиция забирала без разбора всех лиц, носивших ту или иную «подозрительную» фамилию, например всех Гордонов или всех Койранских и т. д. — см., например: «Февральские аресты в Петербурге» // «Листок ЗиВ». 1879, № 1, 12 марта; «Хроника арестов» // Там же. 1879, № 2/3, 22 марта; «После 2 апреля» // ЗиВ. 1879, № 4, 6 апр. и в «Истории моего современника» В. Г. Короленко (ч. 5, гл. 22). *Синие мундиры... Голубые* — жандармы (по цвету формы).

С. С. СИНЕГУБ

249. СС, подпись: Вербовчанин. *Куприянов* М. В. (1854—1878) — видный участник кружка чайковцев. С марта 1874 г. находился в тюремном заключении по «процессу 193-х» и 23 января 1878 г. был приговорен к каторжным работам на 3 года и 4 месяца; 18 апреля того же года умер в Петропавловской крепости от перитонита. С. С. Синегуб — близкий товарищ Куприянова по кружку чайковцев — в это время находился также в Петропавловской крепости (см.: Синегуб С. С. Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 206—208). В журнальном вар. мемуаров С. Синегуба «Воспоминания чайковца» имеется сноска: «(...) много времени спустя, уже в 90-х годах, (...) я представил на суд поэта П. Я. (Якубовича) и это мое стихотворение, которое он (...) совершенно забраковал» (Б. 1906, № 10. С. 64).

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

250. СС, без подписи. НСРПиС, с вар. Н. А. Морозов не мог назвать А. А. Шилову автора этого ст-ния и предполагал, что оно прислано в ред. со стороны. *Иегова* — одно из названий бога у древних евреев.

251. СС, без подписи. НСРПиС, с вар. С незначительными стилистическими изменениями, под загл. «Кто он?» перепеч. в гектографированном журн. студентов Новороссийского университета «Забастовка» (1901, № 2) (ЦГИА). Ст-ние имеет в виду Александра II с его страстью к охоте. *Развод* — см. примеч. 18—19.

Народная воля. Социально-революционное обозрение

Петербург. 1879—1885

Газета «Народная воля» выходила в 1879—1885 гг. Всего вышло 12 номеров (из них два номера двойные). НВ печаталась подпольно в Петербурге, Москве, Дерпте, Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске. Тираж отдельных номеров колебался от 1555 до 3000 экз. В тех случаях, когда газета почему-либо не могла появиться, выпускался уменьшенного размера и формата «Листок „Народной

воли“» — всего вышло семь «Листков», из них один с приложением; они печатались в Петербурге и Туле. В редакцию газеты входили: Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов, Г. А. Лопатин и другие лица. Кроме того, в газете принимали участие Н. К. Михайловский и М. Е. Салтыков-Щедрин. «Народной воле» посвящено исследование Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика» (М., 1930). К книге приложены алфавит сотрудников и справочник к оглавлению НВ, а также обширное послесловие В. Н. Фигнер, которая полемизирует с рядом положений автора.

Н. М. МИНСКИЙ

252. НВ. 1879, 1 окт., № 1, без подписи. ОР, с вар. Впервые в легальной печати без посвящения (сокр. ред.): Минский Н. М. Полн. собр. стихотворений. Спб., 1907. Т. 1. Кроме того, поэма была широко распространена в списках (в том числе гектографированных — см.: СК. Ч. 1, №№ 1112, 1113) и приписывалась Максиму Белинскому (псевд. И. И. Ясинского), Н. С. Курочкину и Н. А. Саблину (ср. ряд материалов в статье: Бушканец Е. Г. В поисках автора // «Русская литература и освободительное движение». Казань, 1969. Сб. 1. С. 7—9). По рассказу Н. К. Буха, слово «старик» в ст. 23 — замена первоначального «болтун», произведенная в ред. НВ (А. Лубкиным или А. А. Квятковским); она вызвала резкое недовольство автора (см.: Бух Н. К. Первая типография «Народной воли» // КИС. 1929, № 8/9. С. 69 и Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 34 — сообщение Н. А. Морозова автору). Достоверность этого сообщения может быть заподозрена. Резкое «болтун» не соответствует ни стилю поэмы, ни наименованию священника «стариком» в других местах. Поэма была передана в ред. НВ Н. А. Саблиным. Минский (псевдоним) — Виленкин Николай Максимович (1855—1937) — начал свой литературный путь гражданскими стихами, из которых «Последняя исповедь» было наиболее значительным. В условиях реакции 1880-х годов он довольно быстро переходит на позиции «чистого искусства», о чем заявляет в нашедшей в 1884 г. статье «Старинный спор». На сюжет поэмы И. Е. Репин в 1880—1886 гг. написал известную картину «Отказ от исповеди» и в 1886 г. подарил ее Минскому (с 1892 г. картина в Третьяковской галерее). Творческая история картины и ее связь с поэмой Минского исследованы И. С. Зильберштейном в статьях: История одного шедевра // ИМ. 1950, № 9. С. 199—222; Работа Репина над картиной «Отказ от исповеди перед казнью» // «И. Е. Репин: Сб. докладов и материалов». М., 1952. С. 47—90. Отказ революционеров перед казнью от напутствия священника был в 1870—1880-х годах частым явлением. Возможно, что под влиянием поэмы Минского П. В. Григорьев написал стих «Дубровин на исповеди» (см. ст. ние 266). *Фигура в красной рубахе* — палач. *Голгофа* — см. примеч. 111.

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

253. НВ. 1880, 1 янв., № 3, без подписи. Окончательный текст, под загл. «Песня гражданки», без подзагол. см. в изд.: Волховской Ф. В. Случайные песни. М., 1907. Указание Д. Кузьмина в его книге «Народовольческая журналистика» (М., 1930. С. 201) об авторстве П. Ф. Якубовича ошибочно.

254. НВ. 1880, 5 дек., № 4, без подписи. ОР; СиП, с вар. и подзагл. «Памяти Квятковского и Преснякова»; НСРПиС. Авторство установлено в статье: Твардовская В. А. Неизвестное о стихотворении «После казни 4 ноября» // РЛ. 1984, № 2. С. 166—169. Слесарь А. К. Пресняков (1856—1880) — активный член петербург. рабочих кружков; в 1877 г. организовал террористическую группу. Был арестован в октябре 1877 г., но в апреле 1878 г. при помощи Квятковского бежал. Примкнул в «Народной воле». На Липецком съезде в июне 1879 г. был избран членом Исполнительного комитета. При аресте 24 июля 1880 г. оказал вооруженное сопротивление. Сын сибирского золотопромышленника, дворянин А. А. Квятковский (1853—1880) начал революционную деятельность в студенческих кружках Петербург. технологического ин-та, в 1876—1879 гг. участвовал в землевольческих поселениях в Нижегородской, Самарской и Воронежской губерниях. В 1879 г. вступил в террористическую группу «Свобода и смерть». Примкнул к «Народной воле» и на Липецком съезде был избран членом Исполнительного комитета; принимал участие в ее террористической деятельности, организовал подпольную тип. и пр. Квятковский, в частности, поддерживал сношения с С. Халтуриным и снабжал его динамитом для взрыва Зимнего дворца. Арестован 24 ноября 1879 г. После их казни Исполнительный комитет 5 ноября 1880 г. выпустил специальную прокламацию.

В. Х. КРАВЦОВ

255. НВ. 1881, 23 окт., № 6, подпись: В. Х. К-ов. СиП. Авторство раскрыто П. Якубовичем в сб. «Русская муза» (Спб., 1907. С. 325). Указание Д. Кузьмина в его книге «Народовольческая журналистика» (М., 1930. С. 201) на возможное авторство П. Ф. Якубовича ошибочно. К р а в ц о в Василий Христофорович (1848—1923) принимал активное участие в революционном движении на юге России, где он вел пропаганду среди рабочих. Судился в 1879 г. по «делу 28-ми» и был приговорен к бессрочным каторжным работам. За сокращением срока в 1888 г. был поселен в Якутской области, где прожил до 1901 г.

В. Г. БОГОРАЗ

256. НВ. 1885, окт., № 11/12, без подписи. Впервые в легальной печати с ценз. купюрами, под загл. «Призыв»: Тан. Стихотворения. 3-е изд. Спб., 1906 (с ошибочной датой: 1886). Б о г о р а з (псевдоним — Тан) Владимир Германович (1865—1936) — видный этнограф и беллетрист. В революционном движении принимал участие с 1881 г. В 1885 г. входил в центральную южнорусскую группу (Б. Оржих, Л. Штернберг, В. Бражников и др.) и принимал активное участие в организации и работе подпольных тип. в Таганроге, Новочеркасске, Екатеринославе и Туле. Редактировал № 11/12 НВ, в котором помещено это ст-ние. Арестован в декабре 1886 г. и после 3 лет заключения был выслан на 10 лет в Восточную Сибирь. Жил на Колыме, где начал заниматься беллетристикой и этнографией, в особенности исследованием быта чукчей (лоураветланов). Возвратился в Петербург в 1898 г. 1901—1904 гг. прожил в Америке. Возвратившись в Россию, принимал некоторое участие в революционной работе, но в основном стал работать в области этнографии. С 1918 г. — профессор Петрогр.

(Ленингр.) ун-та, основатель Музея истории религии и атеизма. Подробнее о нем см.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 261—264; Кулешова Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. Минск, 1975.

257. НВ. 1885, окт., № 11/12, без подписи. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову, ср. также: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 741. Жандармский подполковник Г. П. Судейкин (ум. 1883) был в начале 1880-х годов инспектором С.-Петербург. секретной полиции. Честолюбивый карьерист, он замыслил стать диктатором в области внутренней политики. Судейкин широко развил систему шпионства, вовлекая в нее, не стесняясь методами, и революционеров. В его сети попал, в частности, в 1882 г. член Исполнительного комитета «Народной воли» ввук Н. А. Полевого, даровитый математик, студент Артиллерийской академии и Ин-та путей сообщения С. П. Дегаев (1857—1920), из-за предательства которого в 1883 г. по всей России произошли аресты революционеров, в том числе В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова и др. Предательство Дегаева стало известно революционерам; для спасения своей жизни он согласился убить Судейкина, что и было им выполнено 16 декабря 1883 г. при участии Н. П. Стародворского; кроме них в организации этого террористического акта принимал участие Г. А. Лопатин. Дегаев после убийства скрылся в Америке, «где сделал сенсационную карьеру от грузчика до профессора математики» (Троицкий Н. А. Дегаевщина // «Вопросы истории». 1976, № 3. С. 133; там же содержится подробный свод сведений об истории убийства Судейкина). Смерть Судейкина вызвала многочисленные отклики за границей и в России в самых разнообразных кругах общества. «Я страшно поражен и огорчен этим известием, — писал Александр III. — Потеря положительно незаменимая. Кто пойдет теперь на подобную должность?» (ГМ. 1918, № 1/3. С. 227). Слухи о торжественных похоронах, огромном венке от парицы с надписью «Исполнившему священный долг» и пр. не соответствуют действительности: газетам было запрещено сообщать подробности убийства и похорон. Ряд сведений см. в ОД. 1883, № 57, 58. Общественной обстановке в России и, в частности, Судейкину и Дегаеву посвящен роман Ю. В. Давыдова «Глухая пора листопада» (М., 1970; М., 1975). *Свел последний счет с тобой тяжелый лом*: Стародворский добил Судейкина ломом.

258. НВ. 1885, окт., № 11/12, без подписи. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову. *Злодей бесчувственный, жестокий и трусливый* — Александр III.

La poésie par Nicolas Morosoff

Н. А. Морозов. Стихотворения, 1875—1880

Женева. 1880

На обложке сборника: «Poésie de Nicolas Morosoff», 1881. Это издание является первым собранием стихотворений Морозова. Сборник был составлен им самим во время второй поездки за границу, где он пробывал с весны 1880 г. по январь 1881 г. Сборник посвящен «русским революционерам-террористам». Из 16 стихотворений (они разбиты на отделы: «Тюремные стихотворения», «Вольные стихотворения», «Юмористические стихотворения») 7 были перед тем напечатаны в ИР, 7 — в СС (с некоторыми незначительными вариантами) и только 2 появились впервые.

259. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, с вар. Окончательный текст, в совершенно переработанном виде, см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 2. В беседе с А. А. Шиловым Морозов сообщил, что поэма была им написана в 1880 г. и что образы Вани и Сони навеяны личностями С. М. Кравчинского (см. примеч. 237) и С. Л. Перовской (см. примеч. 303), однако искать в поэме какие-либо биографические факты было бы неверно. *Толчея* — небольшая мельница. *Ваня читает* и т. д. Стихотворное изложение популярной в революционных кругах России тех лет «Сказки о четырех братьях», написанной Л. А. Тихомировым в 1868 г. и многократно переиздававшейся в вольной печати.

260. Морозов Н. А. Стихотворения. Женева, 1880. Впервые в легальной печати: Морозов Н. А. Из стен неволи: Шлиссельбургские и другие стихотворения. Ростов н/Д, 1906, с вар. Окончательный текст см. в изд.: Морозов Н. А. Звездные песни: Первое полное изд. всех стихотворений до 1919 г. М., 1920. Кн. 1.

Рабочая газета. Ежемесячное издание
Петербург — Москва. 1880 — 1881

«Рабочая газета» являлась подпольным органом партии «Народная воля» и издавалась в 1880—1881 гг. в Петербурге, а потом в Москве. Вначале газета выходила под редакцией А. И. Желябова. Всего вышло 3 номера газеты и 2 номера приложений к № 1 и 2. Газета носила популярный характер и была рассчитана на рабочих. Тираж — от 600 до 1000 экз. Об издании подробнее см.: Волк С. С. Народная воля, 1879—1882. М.; Л., 1966. С. 281—283.

Н. А. САБЛИН

261. РГ. 1880, 15 дек., № 1, подпись: Н. Ц.....в. Об авторстве см.: Б. 1906, № 4. С. 64. Н. А. Саблин был привлечен в ред. РГ А. И. Желябовым как человек, обладавший умением популярно писать и хорошо знавший рабочую среду.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

262. РГ. 1881, 8 дек., № 3, без подписи.

На родине

Лондон — Женева. 1882 — 1883

Этот сборник выходил неперіодически. Он представлял собою издание Красного Креста «Народной воли». Всего вышло 3 номера: два — в 1882 г. в Лондоне и один — в 1883 г. в Женеве.

263. «На родине». 1882, № 1. ОР, с вар.; СиП, с вар. В сб. «На родине» к подзагол. сделана сноска: «Этот отрывок написан Саблиным в 1880 году; в нем изображены лица из „процесса 193-х“». Вторая сноска относится к посвящению А. В. Якимовой: «Приговорена по „процессу 20-ти“ к смертной казни, которая затем заменена ей вечной каторгой». Известны и другие загл. этого отрывка: М. Эльцина-Зак упоминает его под загл. «Малюта Скуратов» (Из встреч с первоарматоровцами//КиС. 1924, № 5. С. 127), А. П. Прибылева-Корба — под загл. «Поток» (сообщение А. А. Шилову). Якимова (Диковская) А. В. (1856—1942) — обвиняемая по «процессу 193-х», член Исполнительного комитета «Народной воли», хозяйка «сырной лавки Кобозева» на Малой Садовой в Петербурге, где в 1880 г. подготовлялся подкоп для взрыва кареты Александра II. По «процессу 20-ти» 15 февраля 1882 г. была приговорена к смертной казни, замененной каторжными работами, которые отбывала на Каре. В ответ на письмо А. А. Шилова А. В. Якимова-Диковская 17 сентября 1932 г. писала: «Заглавие „Новь“ относится только к четвертой главе и имеет в виду новые пытки. Мне помнится, что первая глава задуманной Саблиным работы и носила название „Поток“, изображающий хождение в народ и т. п., но он почему-то был недоволен своей работой и, вероятно, не успел ее исправить и напечатать. Саблин читал мне „Новь“ в 1881 г. в магазине сыров на Малой Садовой, и я настаивала, чтобы он напечатал ее. „В таком случае она будет посвящена вам“, — сказал он мне». Далее в том же письме сообщается, что «изображение первой женщины ни к кому лично не относится, а было таких множество. Для изображения второй послужила действительно семья Субботиных. При изображении третьей женщины имелось отчасти какое-то отношение к Алексеевой, но что было тут в действительности и что фантазия автора — не помню. Ребенок, кажется, был взят родственниками. Генерал — поэтический образ». Субботины — семья, в которой мать и три ее дочери приняли активное участие в революционном движении (см.: Субботина Е. Д. На революционном пути. М., 1928). Алексеева О. Г. (ок. 1850—?) — участница кружка чайковцев, привлекалась по «процессу 193-х»; была оправдана. Впоследствии отошла от революционного движения. В политических процессах 1870—1880-х годов, по слухам, полиция и жандармы применяли пытки (см., например: «Творчество И. С. Тургенева». М., 1959. С. 484—485). Синодик — книга с записями имен умерших для поминания во время богослужения.

Н. А. САБЛИН ИЛИ С. С. СИНЕГУБ

264. «На родине». 1882, № 2, без подписи. Обвинительная речь...: (Гектографированная брошюра). Б. м., 1883. Сбор в пользу партии «Народная воля», без подписи; НСРПиС. В качестве «неизданного» опубли.: КА. 1929, № 3. Л. Г. Дейч в кн. «16 лет в Сибири» (М., 1924. С. 296) автором считает С. С. Синегуба. Н. А. Морозов в беседе с А. А. Шиловым склонен был приписать авторство Н. А. Саблину. А. В. Якимова-Диковская писала к Шилову 17 сентября 1932 г.: «Мне кажется, что второю главою поэмы («Поток») и была пародия Саблина на обвинительную речь Желеховского». Публ. в сб. «На родине» была снабжена следующей сноской: «Это стихотворение написано еще в 1877 г. во время процесса одним из подсудимых; в рукописи оно ходило между публикой, но до сих пор напечатано нигде не было. Слышавшие речь Желеховского говорят, что это стихотворение хотя

и в карикатурной форме, но с поразительным сходством передает не только смысл подлинной речи прокурора, но даже его слог. Мы помещаем его здесь как материал для характеристики наших политических процессов». *Желеховский* (Желиховский) В. А. (1843—?) — товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, обвинитель по «процессу 193-х». А. Ф. Кони характеризует его как «воплощенную желчь», а его речь как «длинную и бесцветную» (Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч. М., 1966. Т. 2. С. 59, 64). После процесса Желиховский обосновывал правильность и целесообразность намеченных помимо суда, в Министерстве юстиции, наказаний. Вследствие этого в 1878 г. революционеры намеревались совершить покушение одновременно и на Трепова, и на Желиховского, но по случайной причине осуществить это не удалось. На «процессе 193-х» Желиховский сделал свою карьеру: в 1893 г. он стал сенатором, в 1906 г. — первоприсутствующим в уголовном кассационном департаменте Сената, в 1909 г. — первоприсутствующим в общих собраниях кассационных департаментов Сената (см.: Левин Ш. М. Финал «процесса 193-х» // КА. 1928, № 30. С. 184—193). Сравнить пародию с подлинником невозможно, так как текст речи Желиховского в «Правительственном вестнике» опубликован не был, а 2-й т. «Стенографического отчета», подготовленный защитниками по процессу, не увидел света. Для понимания пародии следует иметь в виду, что «процесс 193-х» прошел при очевидном даже для правительства моральном превосходстве подсудимых и защитников. Большинство обвиняемых отказывались участвовать в комедии суда, устраивали непрерывные обструкции и т. д. *Становой* — см. примеч. 126. *Исправник* — начальник уездной полиции. *Уложение* — «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», предусматривавшее особенно тяжелое наказание по статьям о государственных преступлениях.

265. А. П. Барыкова. Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться

Петербург. 1883

Впервые — отдельным анонимным изд., выпущенным в октябре 1883 г. летучей тип. «Народной воли» в Петербурге. Все известные нам экз. — без тит. л. Историю изд. см.: Шебалин М. П. Летучая типография «Народной воли» в 1883 г. // Б. 1907, № 1. С. 285. Сказка многократно перепеч. и распространялась в копиях — анонимно и с именами А. К. Толстого, П. Ф. Якубовича, Козьмы Пруткова, сенатора Ф. Л. Барыкова (см.: СК. Ч. 1, № 138—146). Впервые с именем А. П. Барыковой изд. Украинской тип. в Женеве не ранее 1891 г., однако и после этого были изд., где автором указан А. К. Толстой. В России, вероятно, впервые изд. в Петрограде («Библиотека вольного слова». 1917, № 1). В советское время в качестве «неизданной» была напечатана в журн. «Истинная свобода» (1920, № 6). «Сказка...» — памфлет, направленный против самодержавия, в частности против Александра III (*Ахреяна*). *Акафист* — см. примеч. 2. *Ротиться* — браниться. *Самуилу, пророку премудрому* и т. д. В Библии рассказывается, как пророк Самуил помазал на царство Саула (XI в. до н. э.), который пошел искать заблудившихся ослиц своего отца, но вместо ослиц нашел царство (Первая книга царств, гл. 9—10). *Вертоград* — виноградник, сад. *Ирод* — иудейский царь, отличавшийся жестокостью; заключил в темницу Иоанна Предтечу за проповедь пришествия Христа; здесь употреблено в нарицательном значении.

Poésies de P. Grigorieff
П. В. Григорьев. Стихотворения
П а р и ж. 1 8 8 3

Сборник отпечатан в типографии А. Рейффа. В него вошло 31 стихотворение и прозаический «рассказ очевидца» «Царь под Плевной». Некоторые из стихотворений были ранее напечатаны в других нелегальных периодических изданиях. Рецензия А. Х. Христофорова на сборник была опубликована в ОД. 1884, № 61, май (подпись: Х. Х.), там же (1884, № 68, дек.) напечатан и стихотворный ответ автора «Моему рецензенту».

266. «Правда». Женева. 1882, 19 дек., № 14, подпись: П. Безобразов. Печ. по Григорьев П. В. Стихотворения. Париж, 1883. Подпоручик В. Д. Дубровин (1855—1879) пытался создать военно-террористическую группу. При обыске в декабре 1878 г. оказал вооруженное сопротивление. 13 апреля 1879 г. был приговорен к повешению и казнен 20 апреля. Дубровин оттолкнул священника и, взойдя на эшафот, сам надел на себя петлю. Сведение о нем (не говоря об устных рассказах) Григорьев мог почерпнуть из «Листка „Земли и воли“» (1879, 8 июня, № 5), где была помещена подробная информация. Вероятно, вскоре после этого стихотворение и было написано.

Вестник «Народной воли». Революционное социально-политическое обозрение

Ж е н е в а. 1 8 8 3 — 1 8 8 6

Этот теоретический орган партии «Народная воля» издавался в Женеве с ноября 1883 г. по декабрь 1886 г. Л. А. Тихомировым, П. Л. Лавровым и М. К. Ошаниной. Всего вышло пять номеров. Предполагал войти в редакцию и Г. В. Плеханов, имея в виду превратить журнал в орган, близкий марксизму (в № 1 была напечатана его рецензия на книгу Н. Аристова «А. П. Щапов»), но, после того как его работа «Социализм и политическая борьба» была отклонена, он порвал с редакцией. В журнале печатались теоретические статьи, мемуары и в небольшом количестве стихотворения.

П. Л. ЛАВРОВ

267. ВНВ. 1883, т. 1, подпись: -ов. НСРПиС. Вольный пер. стихотворения Г. Гейне «Die schlesischen Weber». Новые данные об авторстве Лаврова и широком использовании стихотворения в революционной пропаганде приводятся в статье: Травушкин Н. С. Переводы П. Л. Лаврова из Гейне и Гервега и их популярность в революционной среде // РЛ. 1970, № 1. С. 163—168. О другом пер., сделанном Д. А. Клеменцем, см. в статье того же автора (Данные о поэтическом наследии Д. А. Клеменца // «Сов. архивы». 1975, № 1. С. 104—105).

268. «Студенчество». Спб. 1883, № 2, без подписи. Перепеч. ВНВ. 1884, т. 2, без подписи, с ред. примеч., относящимся и к следующему ниже ст-нию: «Следующие два стихотворения присланы из Сибири от одного из ссыльных». ОР; ПБ, подпись: П. Я. Об авторстве Якубовича см. в примеч. в изд.: Якубович П. Ф. Стихотворения. Л., 1960. С. 481—482 (Б-ка поэта, БС) и статья: Бушканец Е. Г. В поисках автора // «Русская литература и освободительное движение». Казань, 1969. Сб. 1. С. 7—8. Я к у б о в и ч Петр Филиппович (1860—1911) — видный революционер-народоволец. Судился по «процессу 21», приговорен был к смертной казни, замененной каторгой, которую отбывал в 1887—1895 гг. Автор многочисленных ст-ний, написанных в традициях некрасовской гражданской поэзии; ему принадлежат также прозаические произведения: автобиографическая повесть «В мире отверженных» (1895—1898), сб. рассказов «Пасынки жизни».

269. «Студенчество». Спб. 1883, № 2, подпись: «М. А. Пл-ов». ВНВ. 1884, т. 2, без подписи; ОР, с пропуском, вероятно случайным, ст. 19—20. Печ. по ВНВ. Об авторстве см. примеч. к предыдущему ст-нию.

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

270. ВНВ. 1884, т. 2, без подписи, с ред. примеч.: «Это стихотворение, давно уже распространенное в рукописи по России, но, насколько нам известно, еще не напечатанное, приписывается графу Алексею Толстому». НСРПИС, подпись: А. Толстой. И. Г. Ямпольским собраны свидетельства современников об авторстве А. К. Толстого, которое сам поэт категорически отрицал, — см.: Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934. С. 668—670 (Б-ка поэта, БС). В настоящее время можно считать почти бесспорным авторство М. П. Розенгейма (см.: Ямпольский И. Г. Автор стихотворения «Федорушка»: (К вопросу об атрибуции) // Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 311—316).

Е. И. МИНАКОВ

271. ВНВ. 1884, т. 2, без подписи, со следующим ред. примеч.: «Стихи эти привезены из Сибири человеком, получившим там их от одного из осужденных вместе с Лизогубом. Это лицо утверждает, что они написаны Дмитрием Лизогубом за несколько часов до смерти». Н. Виташевский в статье «Карийская песня, приписываемая Минакову» (Б. 1906, № 11. С. 279—282) предположительно и на основании сибирской традиции выдвинул гипотезу об авторстве Минакова. (Он называет это ст-ние «На эшафоте».) О популярности песни, «представляющей нечто вроде предсмертного завещания Лизогуба», писал Ю. М. Стеклов (Воспоминания о якутской ссылке // КиС. 1923, № 6. С. 80). В ответ на это Жуковский-Жук в письме в ред. КиС (1924, № 1. С. 295—296) сообщил, что видел эту песню в польском сб. «Pieśni rewolucyjne» под заглавием «Pieśni Dumitra Lizoguba»: «Она представляет собою точный перевод приписываемой Минакову песни». (Песня под таким загл. обнаружена в изд.: «Piśni rewolucji robotniczy». Wiemec: Wydawnictwo sekcji Polskiej Komunistycznej Partii, 1919 и «Pieśni proletarjatu». Zbiorek pierwszy. Wledeń: Wydawnictwo «Swit», 1920.) Наконец, Н. Надоев в статье «Из воспоминаний о рево-

люционной работе в Одессе в 1870-х гг.» (КиС. 1932, № 6. С. 185) окончательно разрешил спорный вопрос, сообщив, что песня написана именно Е. И. Минаковым при нем «и с нашего общего одобрения принят ее основной вариант». Минаков Егор Иванович (1854—1884) — участник ряда народовольческих кружков; был приговорен к двадцати годам каторги; расстрелян в Шлиссельбургской крепости за протест против тюремного режима. Лизогуб Д. Е. (1850—1879) — богатейший землевладелец Черниговской губернии, один из организаторов «Земли и воли». Арестован в Одессе в августе 1878 г. по обвинению в предоставлении денежных средств на революционные дела, в намерении подготовить крестьянские восстания и в подготовке террористических актов. 10 августа 1879 г. был казнен.

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

272—278. ВНВ. 1884, № 4, подпись: Я, с примеч. ред.: «Согласно желанию автора, помещаем зараз всю серию присланных нам стихотворений, насколько место нам позволяет поместить ее». Из этих строк, возможно, следует, что какие-то ст-ния того же цикла не были напечатаны. Ст-ние, открывающее цикл, не пронумеровано, ст-ния нумеруются начиная со второго (от 1 до 6). В библиотеке Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. хранились два тома «Стихотворений» П. Ф. Якубовича (т. 1. 6-е изд. Спб., 1910 и т. 2. 4-е изд., испр. и доп. Спб., 1910) с многочисленными пометами, исправлениями и замечаниями автора, сделанными в ноябре 1910 г., т. е. незадолго до смерти. Якубович сообщил историю почти каждого ст-ния, привел сведения о лицах, упоминаемых в нем, и т. д.— все это была подготовительная работа для нового изд. Том 1 названного изд. в годы Великой Отечественной войны утрачен,— ниже воспроизводятся пометы, скопированные в свое время А. А. Шиловым.

1. Впервые в легальной печати с ценз. пропуском ст. 3—4: П. Я. (Якубович П.). Стихотворения. 2-е, испр. и доп. изд. Спб., 1898 (обл. 1899). Окончательный текст см. в изд.: Якубович П. (Мельшин Л.). Стихотворения. 3-е, вновь доп. изд. Спб., 1906. Т. 2. В названном выше экз.— примеч. Якубовича: «Написано летом 1884 г. в стенах искусственной тюрьмы — тайной дерптской типографии (...). Лично передано мной тем же летом Г. А. Лопатину (во время наезда его в Дерпт) и напечатано в 4-м или 5-м № „Вестника «Народной воли»“. Между прочим, еще осенью 1884 г., почти накануне моего ареста, Тихомиров в письме ко мне из Парижа называл эти стихи „прекрасными“, а позже, уже в брошюре „Как я перестал быть революционером“, не называя автора прямо, упомянул обо мне как о певце „поколенья, проклятого богом“». Приводимые Якубовичем слова Л. А. Тихомирова в брошюре «Почему я перестал быть революционером» не обнаружены.

2. Впервые в легальной печати с ценз. пропусками: «Мир божий». 1898, № 7. Уточненный текст см. в изд.: Якубович П. Ф. Стихотворения. Л., 1960 (Б-ка поэта, БС). Ст-ние посвящено Сигизмунду — партийная кличка И. Н. Комарницкого (1860—1931); надпись на указ. выше экз. гласит: «...введший осенью 1882 г. меня, М. П. Шебалина и друг(их) в центральную организацию партии „Народная воля“, сам же вскоре арестованный» (с. 79). Комарницкий был арестован 14 января 1883 г.; в июле 1884 г. был выслан в административном порядке на 5 лет в Восточную Сибирь. *Говорят, этот город красивый* и т. д. Эти

строки посвящены Петербургу. В письме к М. Горькому от 29 января 1900 г. Якубович писал об этом ст-нии: «Вот мое отношение к Петербургу (былого, правда, времени). К сожалению, там (т. е. в новом изд.) выброшена характернейшая часть, которую воспроизвожу для вас». Далее приведены 34 строки с вар. сравнительно с текстом ВНВ (Горький М. Материалы и исследование. Л., 1936. Т. 2. С. 371—372). *Лучший друг моей юности бедной* и т. д. — О. И. Нагорный (1857—1914), университетский товарищ Якубовича, участник петербург. народовольческого кружка. Арестован в 1881 г. В 1882 г. за убийство шпиона Прейма был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. В 1899 г. выпущен на поселение в Забайкальской области, в 1905 г. возвратился в Европейскую Россию. *Там и ты, наш учитель-избранник* и т. д. — Комарницкий (указано Якубовичем в музейном экз.).

3. НСРПиС. Впервые в легальной печати: П. Я. (Якубович-Мельшин П.). Стихотворения. 6-е изд. Спб., 1910. Т. 1, в составе ст. 1—8 (очевидно, по ценз. условиям). Уточненный текст см. в изд.: Якубович П. Стихотворения. Л., 1960 (Б-ка поэта, БС). *Гекагомбы* — у древних греков грандиозное жертвоприношение; в переносном значении — массовое уничтожение людей.

4. Впервые в легальной печати: П. Я. (Якубович П.). Стихотворения. Спб., 1898, под загл. «Битва жизни», с вар. Окончательный текст под загл. «Битва жизни» см. в изд.: П. Я. (Якубович П.) Стихотворения. 4-е изд. Спб., 1901. Т. 1. Первоначально намечалось к помещению в сб. «Отклик» (Спб., 1881) в пользу недостаточных студентов Петерб. ун-та и слушательниц Высших женских курсов. 6 апреля 1881 г. сб., отпеч. тиражом 3000 экз., был задержан С.-Петербург. ценз. комитетом. Кроме ст-ний В. П. Михайлова (см. ст-ние 203) и А. П. Барыковой (см. ст-ние 204) внимание цензора привлекли и стихи Якубовича. «В стихотворении „Упреки“ П. Я. поэт видит в поле широком уснувших бойцов после дела великого, бранного и всматривается в лица мертвецов» (следует цитата в 23 строки). Вообще цензор находил, что «заглавие сборника совершенно соответствует его содержанию: действительно, это отклик на страдания народа, отклик бойцам, вышедшим на борьбу за свободу, за правду против дикого бесправия, упрек в равнодушии масс. Нет почти ни одной статьи, прозаической или поэтической, в которой бы не отражались тенденции недовольства, народных страданий, похвал самоотвержению, стремления к революционной пропаганде». В заключение цензор писал: «Вышеприведенные стихотворения с таким откровенным цинизмом высказывают поставленные себе гражданские задачи, говорят о своей борьбе с несправием, о своих героях, павших в битвах, так ясно зовут к себе сочувствие и содействие толпы, что всякие комментарии к этим стихотворениям были бы излишни. Очевидно, они относятся к печальным событиям, смущавшим наше общество в последнее время, и к волнениям учащейся молодежи, которым посвящен сборник. Подвижники борьбы, павшие на полях битв и возводимые в апофеоз как жертвы, несомненно, найдутся в нравственном сродстве с теми личностями, о темных подвигах которых мы слышали грустную повесть в последних судебных приговорах» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 20). Дело грозило принять плохой оборот, тем более что 9 апреля обо всем был конфиденциально извещен департамент государственной полиции. Там расследование было поручено чиновнику особых поручений камергеру Н. П. Балашову. Последний неожиданно представил министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову 27 апреля благожелательный доклад и тем

предотвратил политическое преследование издателей Якубовича и В. Шаталова. Он предлагал сб. выпустить, перепечатав ряд мест. Такое решение и было принято, и 7 сентября 1881 г. сб. вышел в свет. Единственный, насколько нам известно, первоначальный, доцензурный вар. сб. сохранился в ГПБ (ср.: Валк С. Н. К истории процесса 21 // КА. 1929, № 5. С. 122—179). В музейном экз. «Стихотворений» следующее примеч.: «Стихотворение это (...) вылилось у меня (...) почти экспромтом из действительно наболевшей юной души и, несмотря на примитивность и наивность формы, получило среди тогдашней петербургской молодежи широкое распространение. С автором пожелал, между прочим, познакомиться А. И. Желябов; был назначен уже и час свидания, но что-то задержало в тот вечер „Тараса“ (Желябова), и я так и не познакомился с знаменитым вождем народовольцев (...) „Упреки“ я поместил в „Отклике“, и они в первую голову были отмечены цензурой. Позже их напечатал за границей „Вестник «Народной воли»“ (с. 18)». На с. 24 того же изд. Якубович отметил, что «Упреки», «В театре», «В час веселья», «Весенняя сказка» были вырезаны цензурой из «Отклика». Сопоставляя себя с С. Я. Надсоном, Якубович замечает, что оба они питались одним и тем же настроением эпохи. «Только Надсон был несравненно крупнейший поэт, и я быстро потонул в лучах его быстро нарастающей известности». Эпиграф — строки из «Цветов зла» Ш. Бодлера (из ст-ния «L'Heautotimotheos» — «Самобичующий») приведены Якубовичем неверно; исправлены нами по оригиналу. В пер. (впрочем, очень неточном) самого Якубовича эти строки эпиграфа звучат так:

Я и нож, и вместе рана,
 Беззащитная щека
 И разящая рука...
 Кроткой жертве, мне — тирана
 Сердце злобное дано.

(Бодлер Ш. Цветы зла / Пер. П. Я. Спб., 1909).

5. НСРПиС. Впервые в легальной печати: Якубович П. (Мельшин Л.). Стихотворения (1898—1905). 3-е, вновь доп. изд. Спб., 1906, т. 2, с вар. Окончательный текст без загл. см. в изд.: П. Я. (Якубович-Мельшин П.). Стихотворения. 6-е изд. Спб., 1910. Т. 1.

6. Впервые в легальной печати: РБ. 1902, № 2, с вар. Окончательный текст см. в изд.: П. Я. (Якубович-Мельшин П.). Стихотворения. 6-е изд. Спб., 1910. Т. 1.

7. НСРПиС. Впервые в легальной печати: «Мир божий». 1898, № 6, под загл. «Пловцы», с эпиграфом из ст-ния Некрасова «В больнице» (1855), подпись: П. Я. Уточненный текст под загл. «Пловцы» см. в изд.: Якубович П. Стихотворения. Л., 1960 (Б-ка поэта, БС).

Отголоски революции

Таганрог. 1886

Сборник «Отголоски революции» не вышел в свет. Он был подготовлен группой народовольцев (В. Г. Богораз, Б. Д. Оржих, А. С. Сигида, Н. К. Малаксидано-Сигида, Е. М. Тринидатская, У. Н. Федорова и др.) и задержан во время разгрома таганрогской тайной типографии полицией в ночь на 23 января 1886 г. В ЦГИАЛ сохранились: 1. Части рукописи, с которой набирался и должен был далее набираться сборник; 2. Разрозненные экземпляры верстки, из которых можно составить: один экземпляр — с. 1—83 (кроме 82), один экземпляр —

с. 1—78, один экземпляр — с. 1—38 и один экземпляр — с. 1—12, 15—20, 25—28. Верстка обрывается на середине «У порога» Тургенева. Таким образом, сообщение С. Лившиц, что сборник состоял из 76 страниц (КИС. 1929, № 2. С. 68), ошибочно. Б. Д. Оржих в воспоминаниях называет более правдоподобную цифру — 150 страниц (В рядах «Народной воли» // «Народовольцы». М., 1931. Вып. 3. С. 167). Оглавление сборника отсутствует, нет и титульного листа, — заглавие устанавливается названными воспоминаниями Оржиха (с. 167 и 169); так же он называется и составителями другого, тоже не вышедшего в свет сборника — СиП, в котором ОР широко использован. Тираж сборника был около 1000 экз. («Обвинительный акт по делу Б. Д. Оржиха и др.» // ЦГИА); см. также: Оржих Б. Д. Цит. соч. С. 169 и Кулаков А. А. Дополнения к воспоминаниям Б. Д. Оржиха (Там же. С. 181). В сохранившейся части сборника (считая и «У порога» Тургенева) 49 стихотворений. Из них 22 — перепечатка из ИР, 2 — из ВНВ, 2 — из «Вперед!», 2 — из НВ, 1 — из ЗиВ, 1 — из «На родине», 1 («У порога» Тургенева) — перепечатка народовольческой подпольной листовки 1883 г. Таким образом, лишь 18 стихотворений оказываются новыми. На первой странице сборника набрано предисловие (оно имеется в двух редакциях — более полной и сокращенной, текст сокращений заключен ниже в квадратные скобки): «[От издателей.] Предлагаемый сборник представляет извлечение из обширного материала, имеющегося у нас под руками. Сюда вошли не только новые оригинальные произведения [находящиеся в портфеле редакции], но и многие из стихотворений, напечатанных в разных революционных изданиях или ходивших по рукам за последние десять лет, хотя далеко не все. Большая часть этих стихотворений оказалась устаревшею для воспроизведения в настоящее время, а некоторые, несмотря на все старания [редакции], не могли быть разысканы, [ибо в нынешние тяжкие времена стихи революционного содержания — это эфемериды, известность которых не продолжается дальше одного дня]». Кроме текстов, сохранившихся в верстке ОР, в настоящем издании воспроизводятся также и некоторые из оставшихся в рукописи и не успевших быть набранными стихотворений. Всего в рукописи 62 стихотворения на 74 листках. Рукопись написана двумя почерками: одним переписан ИР, другим — стихотворения из других изданий; именно это второе лицо выполняло, по-видимому, функции редактора — ему принадлежат перестановки мест стихотворений, стилистическая обработка и пр., — почерк остается не определенным. Некоторые из сохранившихся листов рукописи соответствуют имеющимся в корректуре, некоторые известны по другим изданиям. 8 стихотворений по другим источникам неизвестны, 26 стихотворений ОР, не воспроизводившихся ранее в вольной печати, впервые опубликованы в ВРП II.

Б. Д. ОРЖИХ

279, 280, 281. ОР, подпись: Перекати-поле. СиП, с вар., подпись: Перекати-поле. Псевдоним раскрыт В. Г. Богоразом в беседе с А. А. Шиловым. То же подтвердил Шилову один из ред. СиП — Л. А. Кузнецов. Оржих и х Борис Дмитриевич (1864 — ?) — видный участник южных народовольческих кружков, один из организаторов подпольной тип. в Таганроге. Арестован 23 февраля 1886 г. и в 1888 г. присужден к бессрочным каторжным работам; в 1889—1898 гг. находился в заключении в Шлиссельбурге. В 1905 г. эмигриро-

нал в Японию, а оттуда в Южную Америку; позднее член партии «серов» (см.: «Народовольцы». М., 1931. Сб. 3. С. 75—172; Меншиков Л. Охрана и революция. М., 1925. Ч. 1. С. 387).

282. ОР, ст. 1—17 — по рукоп. копии неизвестной рукой, остальные — по корректуре (с. 83); с. 82, на которую приходится начало стиха (ст. 1—17), не сохранилась.

В. Г. БОГОРАЗ

283, 284, 285. ОР, без подписи. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову.

286. ОР, без подписи. Об авторстве см. предыдущее примеч. *Как зверь в норе, он в Гатчине сидел* и т. д. Коронация Александра III («содержащийся в Гатчине военнопленный революции», как называли его К. Маркс и Ф. Энгельс в «Предисловии ко второму русскому изданию „Манифеста Коммунистической партии“» (1882). Соч. Т. 19. С. 305), вступившего на престол 1 марта 1881 г. после убийства его отца Александра II, из-за боязни новых террористических актов состоялась только через 2 года, 15 мая 1883 г. *Туран* — территория за правым берегом Амударьи, населенная тюрками. *Волкан* — вулкан.

В. Г. БОГОРАЗ (?)

287. ОР, без подписи. СиП, с вар., подпись: -И-. Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову, однако последний допускал, что Богораз ошибочно назвал это стихотворение принадлежащим ему, а криптоним «-И-», может быть, принадлежит Б. Д. Оржиху. В СиП перепеч. с ред. примеч., объясняющим происхождение вар.: «Просим извинения у гг. авторов за вкравшиеся неточности. Стихотворения восстанавливались по памяти, вследствие пропажи рукописей при аресте таганрогской типографии партии „Народной воли“» (с. 62).

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

288. ОР (рукоп. копия). 2-я ч. ст-ния под загл. «В дороге», без последней строфы впервые в легальной печати: «Рус. обозрение». 1878, 5 февр., подпись: А. Архангельский. Публ. этого и следующего ниже ст-ния, а также статьи Г. К. Градовского «Духовная пища на генеральском обеде» явились причиной закрытия газеты (см.: Градовский Г. К. К истории русской печати // Градовский Г. К. Итоги, 1862—1907. Киев, 1908. С. 263—268; ср.: «Правительственный вестник». 1878, 9 февр., а также арх. материалы — ЦГИА, ф. 776, оп. 6, дело № 58). Ст-ние приписывалось разным авторам. Как достоверно установлено А. А. Шиловым и И. Г. Ямпольским, им является Антон Алексеевич Амосов, печатавшийся под псевдонимом: А. Архангельский. Немногие биографические данные и сведения о напеч. им нескольких ст-ниях, очерках и статьях приводятся в статье: Ямпольский И. Г. Кто такой Архангельский? // ВЛ. 1968, № 3. С. 253—255; то же в изд.: Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 317—322. Ст-ние датируется 1870-ми годами: эта дата в ряде списков и в сб. «Перед рассветом» (Женева, 1905), где ст-ние опубл. в составе четырех строф. Ст-ние быстро приобрело огромную

популярность в качестве революционной песни, бывало во множестве ред. и с многочисленными вар. В революционной традиции 1870—1880-х годов обе части ст-ния прочно срослись (ср., например, «Похоронный марш» в сб. «Песни каторги и ссылки». М., 1930, состоящий из семи строф). Один из вар. ст-ния процитирован В. И. Лениным в 1901 г. в статье «Начало демонстраций» (Полн. собр. соч. Т. 5. С. 370). Ф. Я. Кон сообщил М. С. Друскину, что ст-ние исполнялось в качестве похоронного марша в Варшаве в 1883 г. (Друскин. С. 159). В первые годы после Великой Октябрьской революции было официальным похоронным маршем. *Но грозные буквы давно на стене* и т. д. — см. примеч. 301.

289. «Рус. обозрение». 1878, 5 февр., с вар., подпись: А. Архангельский. Печ. по ОР (рукоп. копия). О ценз. истории ст-ния см. предыдущее примеч.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

290—294. ОР, без подписи.

295. «Пробуждение». Саратов. 1882, № 1, без подписи. Перепеч. в ОР.

296. ОР, без подписи.

297. ОР, без подписи. СИП, с вар. В конце 1890-х годов песню на эти стихи распевали революционеры в якутской ссылке (см.: Попов П. В. Э. К. Пекарский в якутской ссылке: (Отрывок из воспоминаний) // «Эдуард Карлович Пекарский: К 100-летию со дня рождения». Якутск, 1958. С. 53).

298. ОР (рукоп. копия). По предположению Ш. М. Левина, в ст-нии речь идет о М. И. Кутитонской (1855—1887), связанной с одесским революционным кружком И. М. Ковальского. В 1879 г. она была приговорена к 4 годам каторжных работ. В 1882 г. покушалась на убийство забайкальского военного губернатора Л. И. Ильяшевича и была приговорена к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами.

299. ОР (рукоп. копия). *Бисмарк* — см. примеч. 65. *Давно уж истрачен Заем* — см. примеч. 195. *Мольтке Х.-К.* (1800—1891) — прусский фельдмаршал. *Дядя ль, походом турецким* и т. д. Речь идет о вел. кн. Николае Николаевиче (см. примеч. 1). *Злодеи отца умертвили* — см. примеч. 207. *Я с шумной столицей простился* и т. д. — см. примеч. 286. *Павел, безвременно павший* — Павел I был убит заговорщиками в 1801 г. *Гатчина* — см. примеч. 286. «Перепев» ст-ния Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

300. ОД (рукоп. копия), подпись: Добрыня. Ст-ние обращено к Александру III в связи с его запоздалой коронацией (см. примеч. 286). Первые два ст.— перифраз ст. из ст-ния Г. Р. Державина «Фелица» (1782). *Нелюбимый сын царевны* и т. д. Речь идет о Павле I, сыне Екатерины II. В бывшем его дворце в Гатчине провел первые два года после вступления на престол Александр III. *Ах, он в пустыню удалился От распрекрасных этих мест!* — парафраза первой строки популярно-

го романа «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных этих мест...», приписываемого М. В. Зубовой (ум. 1799). *Успенский собор* в Кремле — место коронации русских монархов. *Хочу свой век прожить с ногами* — см. примеч. 207.

301. В. Г. Богораз. Сон в летнюю ночь (Баллада-шутка)

Таганрог. 1886

Листовка, без подписи, отпеч. в тайной тип. в Таганроге; экз. в ЦГАОР. Сведения о листовке см.: Кулаков А. А. Дополнения к воспоминаниям Б. Д. Оржика // «Народовольцы». М., 1931. Вып. 3. С. 181; о ней, признавая свое авторство, В. Г. Богораз сообщил А. А. Шилову. *Толстой* — см. примеч. 197. *Рука, что уж раз напугала* и т. д. По библейской легенде, перстом невидимого существа на стене чертога, где пировал последний вавилонский царь Валтасар (ум. 538 до н. э.), были начертаны три халдейских слова: «мани, факел, фарес», означающие, по толкованию пророка Даниила, гибель царя и разрушение Вавилона: «Исчислил бог царство твое и положил конец ему, ты взвешен на весах и найден очень легким, разделено царство твое и дано мидянам и персам» (Книга пророка Даниила, гл. 5, 25—28).

Стихи и песни

Сборник стихотворений разных авторов.

С приложением стихотворений

из ненапечатанного сборника «Отголоски революции»

(Москва). 1886

СиП, как и ОР, в свет не вышли. СиП был подготовлен московским народовольческим кружком (Н. Ф. Дмитриев, М. Р. Гоц, И. Тихомиров, А. И. Сипович, Л. А. и С. А. Кузнецовы и др.). Л. А. Кузнецов сообщил А. А. Шилову ряд сведений, касающихся истории этого сборника. Набор его происходил летом 1886 г. в Москве, в квартире А. И. Сиповича (Дегтярный пер., дом Быкова), а печатание — в сентябре, в квартире двух рабочих, оставшихся неизвестными царским следователям. Составителями сборника в основном были Л. А. Кузнецов и Н. Ф. Дмитриев. Сборник был отпечатан тиражом около 1000 экз., но не увидел света, так как был захвачен полицией: при обыске на квартире Дмитриева было взято до 6000 отпечатанных, но не разобранных и не сброшюрованных листов сборника, при обыске у А. И. Сиповича — 757 экз. 6-го листа. Остальное находилось на складе у дяди Л. А. Кузнецова — врача П. П. Теша, который, узнав о провале, уничтожил все, что у него находилось. Небольшую часть тиража все же удалось распространить (см.: СК. Ч. 2. № 1804). На последней (4-й) с. обложки напечатано: «Часть сбора от продажи издания поступит в пользу карийских каторжан. Готовятся к выпуску „Царь-голод“, „Хитрая механика“, „Кто чем живет“». Кроме того, на с. 1 находим следующее примечание: «Просим извинения у читателей за вкравшиеся вследствие скорой работы опечатки. Автор стихотворения „Отречемся от старого мира“ — Петр Лаврович Лавров. Редакция». Как видно из подзаголовка сборника, он находится в теснейшей зависимости от ОР. Южнорусские народовольцы З. М. Коган и особенно В. Г. Богораз передали через М. И. Фундаминского материалы ОР для СиП. На с. 61 СиП помещено следующее редакционное

примечание: «Просим извинения у гг. авторов за вкравшиеся неточности. Стихотворения *восстанавливались по памяти*, вследствие пропажи рукописей при аресте таганрогской типографии партии „Народной воли“. Лицом, которым стихотворения «восстанавливались по памяти», был В. Г. Богораз (как он сам сообщил А. А. Шилову). Из 30 стихотворений СиП 8 взяты из ОР, 7 — из ИР, 3 — из НВ, 2 — из ЗиВ, 1 — из «Вперед!», 1 — из «На родине», 1 — из СНПиС, 4 («Славься, свобода и честный наш труд...», «Послание М. Л. Михайлову», «Ответ М. Л. Михайлова» и «На смерть Добролюбова» М. Л. Михайлова) были продиктованы Л. А. Кузнецову в 1883 г. П. Г. Зайчневским в Костроме, — этим объясняются варианты текста этих стихотворений. Новыми, таким образом, являются 7 стихотворений (6 из них впервые опубликованы в ВРП II).

Б. Ф. КАЛИНОВСКИЙ и Ф. Р. ДАННЕНБЕРГ

302. СиП, без подписи. Впервые в легальной печати: ГМ. 1915, № 6, с иным порядком стрóf. Авторство установлено в статье: Бушканец Е. Г. В поисках автора // «Русская литература и освободительное движение». Казань, 1968. Сб. 1. С. 10—11. К а л и н о в с к и й Балтазар Фомич — профессор Петербург. ун-та, высланный в Астрахань. Д а н н е н б е р г Ф. Р. — студент, «член петербургской центральной студенческой сходки, обвинявшийся в печатании подпольной газеты „Великоросс“ (...) писал стихи, из которых некоторые (...) впоследствии попали отчасти в заграничную и отчасти в цензурную печать» (Берви В. В. (Флеровский Н.). Воспоминания // ГМ. 1915, № 6. С. 162). Находился в заключении в Петропавловской крепости, потом был выслан в Астрахань. По воспоминаниям жены Берви-Флеровского, «молодой товарищ мужа» (Там же. С. 180).

И. И. ПОПОВ

303. СиП, без подписи. Авторство устанавливается свидетельством самого И. И. Попова (см.: Попов И. И. Минувшее и пережитое. М.: Л., 1933. С. 94). *Перовская С. Л.* (1853—1881) — видная деятельница народовольческого движения, одна из организаторов кружка чайковцев, член «Земли и воли», член Исполнительного комитета, а затем распорядительной комиссии «Народной воли». По процессу первомайцев приговорена к повешению за участие в убийстве Александра II. Первая женщина России, казненная по политическому делу (3 апреля 1881 г.). *К отчизне бесталанной*, т. е. несчастной, обездоленной.

В. Г. БОГОРАЗ

304, 305. СиП, без подписи, в разделе «Стихотворения из ненапечатанного сборника „Отголоски революции“». Авторство устанавливается сообщением В. Г. Богораза А. А. Шилову.

306. СиП, без подписи, в том же разделе, что и предыдущие два стихотворения. Об авторстве см. предыдущее примеч. Задуманная большая поэма осталась неоконченной. Написанный отрывок представляет собою вольное переложение письма, посланного С. Перовской матери из тюрьмы 22 марта 1881 г., незадолго до суда.

307. СиП, без подписи. Было распространено во множестве списков под разными загл. (особенно широко известно под загл. «Народовольческий гимн») и в различных ред. Некоторые из них см.: «Русская муза»/Сост. П. Я. (П. Якубович). Перераб. и доп. изд. Спб., 1907 (перепеч. в ВПР II); Кункль Я. Долгушинцы. М., 1931 (текст в письме А. С. Чикова от 28 августа 1873 г.). Авторство приписывалось В. В. Берви-Флеровскому, Д. А. Клеменцу, наиболее длительной была атрибуция М. Л. Михайлову, но и она не выдержала критической проверки. Ряд соображений и материалов к запутанной истории стихотворения «Смело, друзья, не теряйте...» // РЛ. 1968, № 2. С. 111—115; там же обоснование датировки). Статья вызвала возражения П. Г. Ширяевой, настаивающей на том, что нет оснований подвергать сомнению атрибуцию стих-ния М. Л. Михайлову и дату написания: 14 октября 1861 г. (см.: Ширяева П. Г. Еще раз об атрибуции первого русского революционного гимна «Смело, друзья, не теряйте...» // РЛ. 1981, № 1. С. 200—202), однако новых убедительных аргументов в статье не содержится.

308. *В. Г. Богораз. Современному поколению*

Москва. 1886

Листовка, изд. московским народовольческим кружком М. Р. Гоца в сентябре-октябре 1886 г. в летучей тип. А. И. Сиповича и Н. Ф. Дмитриева. Предназначалась для ОР, но после разгрома таганрогской тип. было передано СиП, но в сб. не вошло. Листовка считалась утраченной (см.: ВРП II. С. 829), однако еще в 1925 г. была перепеч. в сб. «Красный декабрь: От 14 декабря 1825 г. к декабрю 1905 г.: Революционные мотивы рус. поэзии»/Сост. Н. Л. Бродский и В. Л. Львов-Рогачевский (Л., 1925). Экз. листовки, обнаруженный в ЦГАОР, заново опубл. Е. Г. Бушканцем (Неизвестные памятники революционной поэзии 1880-х годов // РЛ. 1962, № 1. С. 233—235). В ст-нии заметно влияние «Думы» (1838) Лермонтова.

*(И. Я. Емельяненко). Мотивы неволи. Сборник стихотворений
Тетрадь № 1*

Женева. 1891

В предисловии от издателя сообщалось: «Приступая к изданию настоящего сборника, я намерен выпускать его небольшими тетрадями, вроде настоящей. Всего их будет 10—12. Все издание я надеюсь окончить к концу этого года. Вся выручка от издания пойдет снова на издание некоторых социально-революционных брошюр, привезенных мною из Сибири и авторы которых политические ссыльные». Других выпусков не последовало. В сборнике 5 стихотворений. Автором их является Е м е л ь я н ч е н к о Иван Яковлевич (р. 1869?) — участник революционного движения народовольцев, политический эмигрант.

309. (Емельяненко И. Я.). Мотивы неволи. Женева, 1891. Л III, без подписи.

На титульном листе следующие данные: Imprimerie J. Allemane, 51, Rue Saint-Sauver (Типография Ж. Аллемана, улица Сен-Сове, 51). Издание группы народovolьцев. На обложке — 1899 г. По установившейся традиции, составителем сборника считается П. Л. Лавров (см.: Никонов С. А. Жизнь студенчества и революционная работа 80-х годов // «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М., 1927. С. 179). Группа народovolьцев, обозначенная в надзаголовке обложки и титульного листа: П. Л. Лавров, Э. Рубанович, Н. С. Русанов и др. Эта группа организовалась в Париже в 1893 г. и ставила себе задачей «оказывать коллективное содействие социально-революционному делу». Сборник как бы суммировал и подводил итоги развитию русской вольной поэзии 1870—1890-х годов. В этом смысле его значение аналогично РПЛ, которая также подводила итог за 1820—1860-е годы. В нескольких случаях стихотворения, ранее напечатанные в ИР под криптонимами, в оглавлении НСРПиС обозначены полной фамилией автора. Редакцией разъяснено, что эти сведения получены с запозданием и что «в настоящее время нет никакой надобности скрывать их». Из 77 стихотворений сборника перепечатаны: 14—из ИР; 8 — из газеты и сборника «Вперед!»; 7 — из ОД; 6 — из ВНВ; 4 — из ЗиВ (они воспроизведены по памяти); 4 — из РПЛ; 2 — из СС (также воспроизведены по памяти); 2 — из «Стихотворений» Н. А. Морозова (Женева, 1880); 2 — из «Песен мыслящего пролетария...» Д. М. Познякова (Париж, 1881); 2 — из «Русского рабочего»; 2 — вероятно, из К или перепечатки в СРП, Л I или Л V; 1 — из «Набата»; 1 — из сб. «На родине»; 1 — из ПЗ IV или «Стихотворений» Н. П. Огарева (Лондон, 1858); 1 — из «Стихотворений» М. Л. Михайлова (Берлин, 1862); 1 — восходит к СРП или перепечаткам в ВП II, Л I, Л V или СиП; 1 — представляет собою переработку «Крестыанской песни» из «Работника»; 2 — из «Летучих листов, издаваемых Фондом вольной русской прессы в Лондоне» (1893—1899).

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

310. РБ. 1895, № 11, без загл., с ценз. пропуском ст. 9—10, подпись: П. Я. Печ. по НСРПиС. Окончательный текст без загл. см. в изд.: П. Я. (Якубович-Мельшин П.). Стихотворения. 6-е изд. Спб., 1910. Т. 1. О популярности ст-ния и его публ. в нелегальных сб. революционной поэзии начала XX в. см. в изд.: Якубович П. Стихотворения. Л., 1960. С. 433 (Б-ка поэта, БС).

311. Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. Спб., 1899 (фактически 1898). Т. 2, в главе «Кошмар», без загл. и с ценз. пропусками и смягчениями. Печ. по НСРПиС (почти одновременно с публ. в легальной печати), в огл. загл. «Рубильщикам». Уточненный текст под загл. «Песня бурильщиков» см. в изд.: Якубович П. Стихотворения. Л., 1960 (Б-ка поэта, БС); там же (с. 435—436) подробные сведения о публ. ст-ния в нелегальных сб. революционной поэзии начала XX в.

312. «Летучие листки, издаваемые Фондом вольной рус. прессы в Лондоне». 1897, № 37, под загл.: «1897». Печ. по НСРПиС.

313. НСРПиС, с примеч. ред.: «Неизданное».

314. «Летучие листки, издаваемые Фондом вольной рус. прессы в Лондоне». 1894, № 12. Перепеч.: НСРПиС (с пропуском, по-видимому случайным, ст. 5). Впервые в легальной печати: Волховской В. Ф. Случайные песни. М., 1907.

П. Л. ЛАВРОВ

315. «Студенчество». Спб. 1883, № 2, без подписи. Напеч. НСРПиС, подпись: Л., с примеч. ред.: «Не издано». Обоснование авторства П. Л. Лаврова см. в примеч. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 716. Ср. также: Бушканец Е. Г. Кто автор стихотворения «Часовые»? // «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1974. Сб. 6. С. 373—374. *Вперед же без страха! Вперед без сомненья!* — с изменением строка из ст-ния А. Н. Плещеева «Вперед без страха и сомненья!...» (см. наст. изд., т. 1, ст-ние 227). *Да царствует разум!* и т. д. — парафраза строк из «Вакхической песни» (1825) Пушкина.

316. НСРПиС, подпись: Л., с примеч. ред.: «Не издано». 14 ноября 1876 г. Огарев в письме к Лаврову благодарил его за ст-ние и писал: «Читаю его и перечитываю, и слезы навертываются на глаза, на старые. Оно меня трогает, и юная дружба меня трогает. Спасибо Вам» (ЛН. 1941. Т. 39/40. С. 597). 29—30 ноября Огарев обратился к Лаврову со стихотворным ответом: «На Новый год. Лаврову». Личное знакомство Огарева с Лавровым произошло в мае 1875 г., но переписка имела место, во всяком случае, с 1873 г., а может быть, и раньше, в 1870 г. В июле 1870 г. обсуждался вопрос о прекращении К и об изд. журн. «Рус. община» или «Социалист». В ред. должны были войти Бакунин, Огарев и Лавров (см.: Кантор Р. М. В погоне за Нечаевым. Л., 1925. С. 37; Книжник И. С. П. Л. Лавров. М., 1930. С. 37). Во второй половине 1870-х годов значение Огарева в революционном движении резко упало, но для Лаврова Огарев — знамя, почетное прошлое и живая традиция.

317. НСРПиС, подпись: Л. Пер. ст-ния Г. Гервега «Das Lied vom Hasse». *Гервег* Г. (1817—1875) — революционный поэт и деятель немецкой революции 1848 г. Находясь в эмиграции, некоторое время был близок к Бакунину, Сазонову и Герцену. Об авторстве П. Л. Лаврова и широком использовании ст-ния в революционной пропаганде см. примеч. 267.

318. НСРПиС, подпись: Л., с примеч. ред.: «Написано по поводу встречи Нового года русскими политическими эмигрантами в Париже». Об авторстве П. Л. Лаврова подробнее см. в примеч. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 718.

319. НСРПиС. Гейман Борис Николаевич (1865—1893) — участник народовольческих кружков Таганрога и Ростова-на-Дону. В апреле 1887 г. выслан на 4 года в Восточную Сибирь. Принял участие в вооруженном сопротивлении ссыльных в Якутске 22 марта 1889 г., за что был приговорен к каторжным работам на 15 лет, замененным тюремным заключением на 3 года. В сентябре 1892 г. нелегально выехал в Париж, где и оставался до конца жизни. О Геймане и его ст-ниях см. статью И. Робсмана (Борис Николаевич Гейман // «Якутская трагедия 22 марта (3 апреля) 1889 года». М., 1925. С. 167—170).

320. НСРПиС. 2(14) июля — национальный праздник французского народа, день взятия Бастилии. Б. Н. Гейман в столетнюю годовщину этого дня находился в заключении в Якутском тюремном замке. В начале 1889 г. среди якутских политических ссыльных зародилась идея посылки к этому дню адресов Французской Республике от имени всех ссыльных Сибири. Проекты осуществлены не были (см.: Брамсон М. В. От русских ссыльных — Французской республике // КиС. 1924, № 4. С. 238—241; Кротов М. А. Якутская ссылка 70—80-х годов. М., 1925. С. 141—143).

321. НСРПиС, с примеч. ред. к загл.: «Малолетний сын Л. М. Когана-Бернштейна, повешенного в Якутске 7 августа 1889 г.». Датировано днем получения в Якутске известия об утверждении смертного приговора. Мать Мити — Н. О. Баранова-Бернштейн, была приговорена по тому же делу к 15 годам каторжных работ, и сын, таким образом, мог стать беспризорным. Он остался вместе с матерью и был всеобщим любимцем каторги. Митя — Д. Л. Коган-Бернштейн (1886—1918) еще учеником Красноярской гимназии стал принимать участие в революционной работе, а в 1904 г. вступил в партию социалистов-революционеров; во время первой мировой войны примыкал к центристам-циммервальдцам.

Б. Д. ОРЖИХ

322. НСРПиС, подпись: О. Авторство Б. Д. Оржиха подтвердил А. А. Шилову С. Н. Валк, сообщивший, что на вырезках воспоминаний Оржиха из нью-йоркской газеты «Новый мир», находившихся в 1930-х годах в распоряжении народовольческого кружка при Всесоюзном обществе политических каторжан и ссыльно-поселенцев в Москве, имеются пометы Оржиха о принадлежности ему двух напеч. в НСРПиС ст-ний, которые написаны в Петропавловской крепости, т. е. в 1886—1889 гг. Шлюсселька — Шлиссельбургская крепость.

323. НСРПиС, подпись: О. Об авторстве см. примеч. к предыдущему ст-нию. В ст-нии заметно влияние Некрасова — ср. ст-ние «Нерыдай так безумно над ним...» (1868).

324. НСРПиС, без подписи. Авторство, дата, место написания и обстоятельства, вызвавшие это стихотворение, разъяснены в воспоминаниях Н. С. Русанова (На родине, 1859—1882. М., 1931. С. 94): «Летом 1874 г. я и сам написал под впечатлением чтения Костомарова о бунте Стеньки Разина стихотворение: „Я над Волгой сидел...“, которому посчастливилось, так как местные кружки, а не один только наш, почувствовали ко мне симпатию как к мятежному поэту, и оно перепечатывалось не один раз в заграничных и выходивших в России сборниках революционных песен» и т. д. Русанов имеет в виду работу Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858). О преданиях, связанных с именем Разина, см. примеч. 67. Русанов Николай Сергеевич (1859—1939) — участник революционного движения с 1877 г., впоследствии народнический журналист; с 1882 г. жил за границей, входил в группу так называемых «старых народовольцев».

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

325. НСРПиС, без подписи. *Ваал* — имя одного из древневосточных богов.

326. НСРПиС, без подписи.

*Стихотворения, не входившие в сборники
революционной поэзии второй половины XIX века*

Н. А. Добролюбов

327. «Книга и революция». 1922, № 3 (по рукописи из Сенатского арх.). Печ. по Добролюбов Н. А. Стихотворения. Л., 1948 (Б-ка поэта, МС), где опубликовано по другому списку (ПД) — из альбома казанского студента Н. Соколова. Уточненный текст под загл. «18 февраля 1855» (по Списку политических стихотворений Добролюбова в ПД), с вар. ст. 26 см. в изд.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС); обоснование датировки там же (с. 347). Широко распространялось в списках. *Один тиран исчез, другой надел корону*. После смерти Николая I на престол вступил его сын Александр II. *Братоубийца*. В обществе имели место слухи об отравлении Николаем I своего старшего брата Константина (1779—1831). *Немецкое отродье*. В родословной Николая I были лица немецкого происхождения по материнской и по отцовской линии. *И немцам передал на жертву наш народ*. В эпоху Николая I немцы играли в правительственном аппарате и в армии большую роль. *Ратное невзгодье*. Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. (см. примеч. 71). *Сын хочет взять себе его за образец!* Намек на слова из манифеста Александра II при вступлении на престол: «Как оплакиваемый нами любезнейший родитель наш посвящал все усилия, все часы своей жизни трудам и попечениям о благе подданных, так и мы (...) приемлем священный обет иметь всегда единою целью благоденствие отечества нашего».

328. ИЮЛЯ. 1957, т. 16, вып. 1 (по неисправному списку из рукоп. сб. «Либералист, или Собрание разных либерально-литературных произведений русских авторов с 1860 по 1863 г. Иркутск» — в Свердловском обл. историч. арх.). В списке и публ. объединено со стихотворением

неизвестного автора «Свершай призвание святое...» (см.: Бушканец Е. Г. Н. А. Добролюбов и нелегальная поэзия периода Крымской войны. Казань, 1961. С. 23). Печ. по Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС) (где печ. по тому же списку, но с испр. указанной ошибки, с конъектурами в ст. 13, 39, 46, 59, 111, 126—127, 144 и обозначением явного пропуска ст. 47). *17 апреля* — день рождения Александра II. *Мир неблестящий* — Парижский мир 1856 г. (см. примеч. 71). *Мыслящих людей не хочет Держать в Сибири и в тюрьме...* Речь идет об амнистии декабристам и петрашевцам. *Аэролит* — метеорит.

П. Л. ЛАВРОВ

329. Б. 1907, № 2, по списку М. И. Успенского, с испр., внесенным им по другому списку, присланному в ред. Б. (приписано А. Н. Майкову). Несмотря на поправки, текст неисправен, ст. 211 дефектен; ст. 248 пропущен и восстановлен по другим спискам. Ст-ние было широко распространено в списках с различными вар. и под разными загл.: «Европа против нас», «К русскому царю», «Русскому царю», «Отзыв на манифест ополчения». Приписывалось разным авторам. П. П. Семенов-Тянь-Шанский автором считал И. С. Аксакова (см.: Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Пг., 1917. Т. 1. С. 200, 251); два списка (ГБЛ, ф. Погодина и ЦГАЛИ, ф. А. Н. Майкова) также подписаны: А. Майков. Из загл. и содержания ст-ния ясно, что оно написано в ответ на манифест Николая I о Крымской войне 29 января 1855 г. и до отставки Клейнмихеля — 15 октября того же года. В ст-нии отразилась незрелость политического мышления молодого Лаврова. *Пред Гогенштауфенским мечом*. Фридрих Барбаросса (Гогенштауфен) (1123—1190), по германской легенде, не умер, а скрывается в подземной пещере в Богемии до времени, когда он сможет объединить империю. *И тени Фабиев и грозных Сципионов*. Фабий Кунктатор (ум. 203 до н. э.) — римский полководец. Публий Сципион Африканский Старший (ок. 235—184 до н. э.) — римский полководец, покоритель Карфагена. *Золотой телец* — см. примеч. 156. *«Гнилых местечек» депутат*. В XVIII в. избирательная система в Англии приводила порою к тому, что депутат избирался и от мест, давно покинутых людьми. *Клейнод* — драгоценности, войсковые отличия. *Бездушный спекулянт на низкие влеченья* и т. д. — Наполеон III. До 1848 г. занимался политическими авантюрами в Швейцарии, Италии и других странах; отсюда сравнение его с Л.-Д. Картушем (1693—1721) — знаменитым французским разбойником, атаманом шайки, действовавшей в Париже и его окрестностях. *Искарьот* — Иуда, по библейской легенде предавший Иисуса Христа. *Ахилла жалкий мирмидон*. В героических сказаниях древних греков Ахилл — сын царя мирмидонян Пелея. *Лафайет Ж.-П.* (1757—1834) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в. и июльской революции 1830 г. *Искусственной монархии властитель* — Франц-Иосиф (см. примеч. 65). *Наследник четырех корон* — Австри, Венгрия, Чехия и Моравия. *Радецкий И.-И.* (1766—1858) — австрийский фельдмаршал. *Давно ль клялся хранить закон?* В обстановке революционных волнений 1848 г. *Пред силой чуждою угас огонь восстанья* и т. д. О подавлении революции в Венгрии в 1849 г. (см. примеч. 18—19). *Маджары* — мадьяры, венгры. *Габсбургский орел* — см. примеч. 18—19. *И ты готовишься на новую измену* — см. примеч. 18—19. *В Италии блеснул кинжал свободы* — см. примеч. 57. *Ударил в Парме гром* — революция 1848 г.,

принудившая герцога Карла II к бегству из страны. *Стюарты* — королевская династия, правившая в Шотландии и Англии (до 1714 г.). *Бурбоны* — французская королевская династия в XVI—XIX вв., в разное время занимавшая престол во Франции, Испании, Неаполе и Париже. *Страна ученых прений* — Германия. *Микроскопическим царькам*. До 1871 г. Германия представляла собою ряд небольших самостоятельных государств. *Наследник Фридриха* — прусский король Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861), правнук Фридриха II Великого (1712—1786). *Воспитанник пиетизма*. Пиетизм — мистическое течение в протестантизме (особенно в лютеранстве), ставившее религиозное чувство выше религиозных догм, обрядовой стороне религии противопоставлявшее проповедь нравственного усовершенствования. Реакционный и ханжеский характер пиетизма стал особенно проявляться в XVIII в., когда к нему начали примыкать монархические юнкерские круги Пруссии. *Священный папа лютеран*. Король был главой лютеранской церкви в Пруссии. *Сегодня либерал, вчера друг деспотизма*. Фридрих-Вильгельм IV способствовал жестокому подавлению революции 1848—1849 гг.; вместе с тем в 1849 г. отказался принять имперскую корону и вынужден был предоставить в 1850 г. Пруссии конституцию. *Пьяный Ульриха тиран*. Фридрих-Вильгельм IV сравнивается с жестоким тираном, описанным в диалоге «Фаларизм» (1517) немецкого гуманиста, писателя и политического деятеля Ульриха фон Гуттена (1488—1523). *Клейнмихель* — см. примеч. 352. *Орлов А. Ф.* (1787—1862) — военный деятель, дипломат; в 1844—1856 гг. — шеф жандармов.

330. Б. 1906, № 5 (источник публ. не указан). Ст-ние получило широкое распространение в списках.

П. В. ШУМАХЕР

331. «Сатира 1860-х годов». М.; Л., 1932 (по автографу ЦГАЛИ). Шумахер Петр Васильевич (1817—1891) — автор сатирических произведений, широко распространявшихся в списках во второй половине XIX в. Сб. поэта «Для всякого употребления» (Спб., 1872) был запрещен к выпуску в свет решением С.-Петербург. окружного суда. При содействии И. С. Тургенева первые сб. сатирических стихов Шумахера «Моим землякам» были напечатаны в Берлине (кн. 1 — 1873; кн. 2 — 1880); одной книгой они переизданы в Женеве в 1898 г. Подробнее о нем см.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 299—300. *Могучий белый царь* — Николай I. *Носил с орлами каску*. Имеется в виду деталь формы кавалергардов — конного гвардейского полка, в котором числился Николай I. *И задал же острастку Он после «Декабря»...* Речь идет о жестоких репрессиях по отношению к участникам восстания 14 декабря 1825 г. *И только человек о Лакее называл*. Слово «человек» употреблялось как уничижительная форма обращения к прислуге. *Лёв Львовича, соседа, Царем не признавал*. Имеется в виду Луи Бонапарт (Наполеон III), которого Николай I не сразу признал императором Франции. *И рать свою послал Задать Левашке таску*. Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. (см. примеч. 71). *Фукс* — термин бильярдной игры (неожиданная удача). *Он взял и принял Нух*. Нух vomica — стрихнин; по слухам, Николай I покончил жизнь самоубийством, отравившись ядом. *С тех пор пошло в развязку* и т. д. Намек на Александра II, провозгласившего в начале царствования необходимость реформ.

332. «Сатира 1860-х годов». М.; Л., 1932, без строфы 4. Печ. по Шумахер П. В. Стихотворения и сатиры. Л., 1937 (Б-ка поэта, БС) (по автографу ЦГАЛИ). Распространялось в списках; текст списка, обнаруженного Е. Г. Бушканцем в ЦГАОР, существенно отличается от публикуемого:

Царствуют львами в России дворяне.
Волками воют в России крестьяне.
Барские затеи на их же шее.
Тут же лакеи их грабят, злодеи.
И нет спасенья от этого барства —
Изображенье Российского царства.

Стары, отстали в палатах Фемиды
Спят генералы — ума инвалиды,
Глухи и слепы, не видят, не слышат,
Суши, как щепы, чуть живы, чуть дышат;
А дела решенья в руках секретарства —
Изображенье Российского царства.

Школы, лицеи, университеты,
Оранжеи, где преют кадеты,—
По алфавиту пробита дорожка,
Чуть больше свету — замажут окошко;
Из просвещенья выходит школярство...—
Изображенье Российского царства.

Каски, шевроны, полки и бригады,
Канты, погоны, смотры и парады.
Всё чтоб блестело... Шагают и преют.
Сунулись в дело — стрелять не умеют.
На привиденье свалили фиглярство —
Изображенье Российского царства.

Дичь, рабство, подкуп, цензура, шпионы,
Кнут, взятки, откуп, гнилые законы,
Ложь, казнокрадство, система лазеек,
В цифрах богатство, в казне пять копеек,
Лоск просвещенья на броне татарства —
Изображенье Российского царства.

(«Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962. (Сб. 2)). *Самодержавье, народность... православье* — см. примеч. 23.

333. «Сатира 1860-х годов». М.; Л., 1932 (по автографу ЦГАЛИ). У *Цепного моста* — см. примеч. 15—16. Ст-ние написано по поводу лекций этнографа и фольклориста П. Н. Рыбникова (1832—1885) в марте 1872 г. в III Отделении о порядке производства следствий. Широко распространялось в списках.

334. Шумахер П. В. Стихотворения и сатиры. Л., 1937 (Б-ка поэта, БС) (по автографу ЦГАЛИ). Ст-ние является откликом на убийство народовольцами Александра II. Широко распространялось в списках. *Русский бог*. Ср. развитие этой темы в одноименном ст-нии П. А. Вяземского (см. наст. изд., т. 1, ст-ние 49 и вступ. заметку на

с. 192). «*Фоли-бержер*» — увеселительное заведение с весьма дурной славой. *Донон* — владелец дорогого петербург. ресторана. *Русаков Н. И.* (1860—1881) — народоволец, один из метальщиков бомбы в царя; на следствии предал своих друзей.

И. С. НИКИТИН

335, 336. Б. 1906, № 7 (по автографу ЦГАЛИ). Ст-ния встречаются в рукоп. списках 1860-х годов.

Д. И. ПИСАРЕВ

337. КА. 1928, № 3, без загл. (неполный текст по списку частично рукой В. И. Писаревой, сестры поэта, частично рукой неустановленного лица). Печ. по РЛ. 1960, № 4 (по списку А. В. Дружинина в ЦГАЛИ). Еще один список обнаружен Е. Г. Бушканцем в Гос. музее Татарской АССР. Ст-ние посвящено открытию в 1859 г. в Петербурге на Исаакиевской площади памятника Николаю I, воздвигнутого по проекту скульптора П. К. Клодта; пьедестал памятника украшен барельефами, изображающими сцены из жизни Николая I. *Храм* — Исаакиевский собор. *Царь сидит спиной к дворцу* и т. д. Фигура царя обращена спиной к Мариинскому дворцу, где жила дочь Николая I вел. кн. Мария Николаевна (1819—1876). В ст-нии содержится намек на ее многолетнюю связь с Г. А. Строгановым. *Первый подвиг Николая* и т. д. Речь идет о встрече царем лейб-гвардии батальона, участвовавшего в подавлении восстания декабристов. *Лучше подвига второго Невозможно сочинить* и т. д. Имеется в виду появление Николая I во время холерного бунта в 1831 г. на Сенной площади. *Незабвенного царя* — см. примеч. 12. *Третий подвиг Николая* — введение в 1832 г. «Свода законов Российской империи» в 15-ти т. *Но не меньшего значенья И четвертый подвиг*. Речь идет о постройке в 1851 г. Николаевской железной дороги, соединившей Петербург с Москвой (см. примеч. 352). *Сбросить всадника он хочет На фонарные столбы?* Намек на желаемую расправу с царем через повешение на фонаре. Ср. ст-ние «Фонарь» неизвестного автора (см. наст. изд., т. I, ст-ние 156).

П. Н. ТКАЧЕВ

338. Лемке М. К. Политические процессы в России 1860-х годов. М.; Пг., 1923, по тетради, изъятой при обыске у Ткачева, в качестве анонимного; ст. 23 и 39 неисправны. Авторство установлено в статье: Бельчиков Н. Ф. Стихотворные опыты П. Н. Ткачева // РЛ. 1958, № 4. С. 178—187. Т к а ч е в Петр Никитич (1844—1886) — революционный деятель, публицист, критик, один из идеологов народничества. Стихотворное наследие его не велико и не сыграло заметной роли в вольной поэзии (см. указ. выше статью Н. Ф. Бельчикова). Ст-ние ходило в списках по рукам. *14 декабря 1861* — дата публичного объявления приговора М. Л. Михайлову. *Фарисеи* — см. примеч. 18—19.

В. С. КУРОЧКИН

339. «Искра». 1861, № 38, под загл. «Сплетник», с двумя эпиграфами — из переводимого ст-ния Беранже «*Monsieur Judas*» и из «Евгения Онегина» Пушкина. Печ. по Песни Беранже/Пер. В. Курочкина. 6-е изд., испр. и доп., где пер. впервые опубли. под настоящим

(вместо безобидного «Сплетник») загл., под которым оно пользовалось огромной популярностью как выражение протеста против системы слезки и сыска, насаждаемой III Отделением. *Искаритов* — от имени Иуды Искариота (см. примеч. 329).

М. Л. МИХАЙЛОВ

340. Михайлов М. Л. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934 (по автографу ПД); ст. 25 восстановлен предположительно в изд.: Михайлов М. Л. Собр. стихотворений. Л., 1953 (Б-ка поэта, БС). *Пятеро* — пять декабристов: К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский, казненные 13(25) июля 1826 г. *Близ места вашей казни* и т. д. Декабристы были повешены на кронверке Петропавловской крепости, близ собора, в котором похоронены русские цари, от Петра I до Александра III.

А. Ф. ПОГОССКИЙ

341. ЛН. 1957. Т. 63 (по неподписанному автографу в бумагах Н. П. Огарева в составе «Пражской коллекции» — ЦГАЛИ). Авторство популярного в 1860-х годах беллетриста и журналиста, близкого к демократическому лагерю, Александра Фомича Погосского (1816—1874) устанавливается письмом Бакунина к Герцену и Огареву от 4 марта 1864 г. (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 154—155). Погосский одним из первых вошел в «Землю и волю», где его умение писать для народа оказалось весьма полезным. Примером агитационной поэзии землевольцев является публикуемое стихотворение, посвященное освобождению крестьян, в частности введению уставных грамот, в период, когда осуществлялась «Положение», «обдирающее их (крестьян), как липку» (по выражению В. И. Ленина — Полн. собр. соч. Т. 5. С. 29). *Кныш* (книш) — печеный белый хлеб. *Правеж* — битье батогами несостоятельного должника, чтобы принудить его к уплате долга.

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

342. Современник. 1864, № 2, подпись: Ив. Г.-М. В 1860-х годах было положено на музыку композитором П. П. Сокальским и стало очень популярно в студенческой и революционной среде. Впоследствии многократно перепечатывалось в хрестоматиях, сб., тчетцах-декламаторах и т. д. и вошло в обиход русской революционной поэзии. В ряде изд. ошибочно приписывалось М. Л. Михайлову. Иван Иванович Гольц-Миллер (1842—1871), будучи студентом юридического факультета Москов. ун-та, сблизился с революционным кружком П. Г. Зайчневского и принимал участие в составлении прокламации «Молодая Россия». Вскоре последовали арест, заключение в смирительном доме, а затем административная высылка. В 1865 г. Гольц-Миллер переехал в Одессу и поступил в ун-т, но уже в 1866 г. был уволен и подвергся новой высылке. Недавно выяснилось, что И. И. Гольц-Миллер — внебрачный сын старшего брата отца Л. Н. Толстого и, таким образом, приходится двоюродным братом великому писателю. Однако об этом родстве ни Гольц-Миллер, ни Толстой ничего не знали и, по-видимому, никогда не встречались (см.: Корнеев А. В. «Произведен был в немца»: (О происхождении

И. И. Гольц-Миллера) // РЛ. 1985, № 1. С. 189—195). Как поэт Гольц-Миллер выступил в 1863 г. с рядом ст-ний на острые социальные темы, выразивших настроения русской революционной демократии.

Л. И. ПАЛЬМИН

343. «Искра». 1865, № 11, с ценз. искажениями. Печ. по Пальмин Л. И. Сны наяву: Собр. стихотворений. М., 1878. П а л ь м и н Лео-дор Иванович (1841—1891) — поэт и переводчик, деятельный сотрудник «Искры» и ряда других журн. 1860—1880-х годов. Как поэт Пальмин воспитывался бурной эпохой 1860-х годов, идеалам которых он остался навсегда верен. Впрочем, отчетливой политической позиции у Пальмина не было. Ст-ние «Requiem» — вершина его творчества. Уже в 1870-х годах оно стало популярно в качестве революционной песни: традиция относила его к подсудимым «процесса 193-х», хотя смертных приговоров по этому процессу и не было. Положенное на музыку, оно продолжало оставаться популярным и в начале XX в. Подробнее о ст-нии и его авторе см. в изд.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 408—409, 750.

С. С. СИНЕГУБ

344. РЛ. 1963, № 4, без последних трех строф (по черновому автографу ЦГАОР). Печ. по «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» (по списку из арх. П. Е. Щеголева — ПД); ст. 24 в списке и автографе пропущен, ст. 47 дефектен. Ст-ние предназначалось для пропаганды в широких народных массах и было отобрано при аресте (см.: Синегуб С. С. Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 126—128).

И. Я. ПАВЛОВСКИЙ (?)

345. КиС. 1932, № 6 (ст. 1—80 и 140—153 — по списку ЦГАОР). Печ. по ВРП II (по другому списку ЦГАОР). В КиС предположительно обосновано авторство Исаака Яковлевича Павловско-го (1853—1924), участника таганрогского революционного кружка, подсудимого по «процессу 193-х». В 1878 г. он эмигрировал; со второй половины 1880-х годов — корреспондент «Нового времени», в конце 1888 г. возвратился в Россию; автор воспоминаний о Тургеневе и некоторых других литературных работ. На полях «всеподданнейшего» донесения начальника Москов. губернского жандармского управления генерал-лейтенанта И. Л. Слезкина с приложением копии этого ст-ния Александр II написал: «Хорошо, нечего сказать!» (КиС. 1932, № 6. С. 206). *Сила ломит и соломушку* — народная поговорка, получившая особую популярность после публ. «Песни Еремушке» (1858) Некрасова. В ст-нии ряд реминисценций из этого произведения.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

346. ВЕ. 1878, № 11, без загл., опущенного по ценз. причинам. Печ. по Полонский Я. П. Стихотворения. Л., 1954 (Б-ка поэта, БС) (по тексту ВЕ с восстановлением авторского загл.), там же (с. 527—529) приводятся тексты двух других ред. ст-ния по черновому и беловому автографам. Ст-ние, хотя и опубл. в легальной печати, разошлось в огромном количестве списков. Ст-ние относили к С. Перовской, долгое время считалось откликом на процесс В. И. Засулич

(см. примеч. 236). Однако в настоящее время более вероятной следует считать версию, согласно которой ст-ние связано с «процессом 50-ти» и обращено, в частности, к Л. Н. Фигнер (см. примеч. 121). Об этом см. в статьях: Фигнер В. Н. Процесс «50» // КИС. 1927, № 4. С. 18 и особенно: Троицкий Н. А. Засулич или Фигнер?: (О стихотворении Я. П. Полонского «Узница») // РЛ. 1977, № 2. С. 183—186.

В. Р. ШИГЛЕВ

347. РЛ. 1972, № 4 (по автографу в бумагах С. П. Мельгунова — Арх. АН СССР. Моск. отделение). Ш и г л е в Владимир Романович (1840—1903) — поэт-сатирик и художник-карикатурист, сотрудничал в «Искре», «Будильнике», «Рус. слове» и других петербург. изд.; автор многих произведений, которые не могли быть напеч. по ценз. условиям и начиная с конца 1850-х годов широко обращались в списках. Обзор публ. вольных ст-ний Шиглева см. в статье Е. Г. Бушканца (Неизвестный сатирический отклик на манифест Александра III // РЛ. 1972, № 4. С. 147—149). 24-го января 1883 г. — дата подписания манифеста Александра III о предстоящей коронации (см. примеч. 286). Околоточный — полицейский чин, заведовавший околотком (участком). И звезд-то, звезд, созвездий сколько! См. примеч. 62.

В. Н. ФИГНЕР

348. Фигнер В. Н. Стихотворения. Спб., 1906. Ф и г н е р Вера Николаевна (1852—1942) — видный деятель русского революционного движения 1870—1880-х годов, член Исполнительного комитета партии «Народная воля». В 1884 г. была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 20 лет (до 1904 г.) она провела в стенах Шлиссельбургской крепости, где и были написаны все ее стихотворения. Они, за редким исключением, не выходили за пределы крепости, но сыграли немалую роль среди товарищей Фигнер по заключению. Современники узнали их по отдельному изд. лишь в 1906 г. О Фигнер подробнее см.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». С. 228—229. Ст-ние — первое из написанных Фигнер — явилось ответом на ст-ние Г. А. Лопатина «Да будет проклят день, когда...», переданное ей в тюремную камеру посредством стука. «Ответ был одобрен всеми товарищами, и Лопатин передал, что тронут до слез» (Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 47).

349. «Под сводами: Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости, сост. Н. Морозовым». Спб., 1909. Обращено к соседу В. Фигнер по камере народовольцу В. С. Панкратову (1864—1925), пробывшему в Шлиссельбургской крепости 14 лет (о нем см.: Фигнер. Т. 2. С. 150—153). Ср. ст-ние П. Ф. Якубовича 1903 г. на ту же тему с тем же загл.

350. Фигнер В. Н. Стихотворения. Спб., 1906. Одно из наиболее популярных ст-ний В. Фигнер, переданное на волю с одним из увозимых из крепости заключенных. Посвящено Е. Х. Фигнер (1832—1903).

351. «Современные записки». 1906, № 1. Это ст-ние, «посвященное погибшим в заключении товарищам», по желанию В. Фигнер заключало собою сб. 1906 г. и последующие изд.: «...это хронологически — последнее стихотворение; после него источник иссяк...» (Фигнер. Т. 4. С. 242).

352. РА. 1889, № 1, ст. 1—8. Печ. по ИВ. 1898, № 9, где без подписи (в тексте воспоминаний К. К. Жерве). По словам М. И. Семеновского, ст-ние «разошлось по России в то время в громаднейшем количестве экземпляров» (надпись на экз. одного из списков ПД, ф. РС). В ряде списков под загл.: «Прости», «Прощание с Клейнмихелем», «Плач чинов корпуса путей сообщения по случаю увольнения графа Клейнмихеля». Ст-ние ошибочно включалось в Соч. (Пг., 1915. Т. 1) К. С. Аксакова. Не встретила признания и недавняя попытка И. Т. Трофимова (ЛР. 1986, 31 янв.) приписать авторство ст-ния Н. А. Добролюбову. Автор ст-ния, по всей вероятности, инженер путей сообщения, как явствует из содержания (ср. указ. номер ИВ. С. 820). Написано в связи с увольнением в отставку П. А. Клейнмихеля (1793—1869) — главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями. В дневнике Л. В. Дубельта 25 октября 1855 г. содержится следующая запись: «Известие об увольнении гр. Клейнмихеля было принято с радостью не только его подчиненными, но даже и публикой. Не помню, чтобы кто-нибудь заслужил такой общей ненависти! И при этом случае появились стихи, которыми благодарят его за все нанесенные его подчиненным огорчения, за то, что он устроил железную дорогу для пользы англичан, и наконец за то, что впредь не за что будет его благодарить» (ЦГИА). Вольная русская поэзия знает и другие ст-ния, посвященные отставке Клейнмихеля, например «Изгнанный Клейнмихель: (Элегия à la Батюшков)» в рукоп. сб., сост. В. Р. Зотовым (ПД). Там же хранится экз. ходившего по рукам «Плача о гр. Клейнмихеле» и эпиграмма на его падение (ПД):

Клейнмихель столько лет путями правил,
А сам был без пути и правил...

Плебей происхождения. Клейнмихели — обрусевший немецкий или шведский род незначительного происхождения, но уже дед и отец П. А. Клейнмихеля были видными государственными чиновниками (оба служили директорами 2-го кадетского корпуса). *Ты изменил религию отцов*, т. е. из лютеранства перешел в православие. *Ты возмечтал, что царь наш благоверный Твой род включит в сонм княжеских родов.* 26 марта 1839 г. Клейнмихель был возведен в графское достоинство. *За бездоходную железную дорогу.* Клейнмихель руководил постройкою Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, которая обошлась более чем в 604 миллиона рублей; одна верста стоила около 107 000 рублей! *Уайенс* (точнее Уайненс) — американский инженер, принимавший участие в строительстве дороги. *За капитал, разбросанный в пустыне* и т. д. — «перепев» ст-ния Лермонтова «Благодарность» (1840).

353. «Песни каторги и ссылки». М., 1930, без подписи. Ст. 1—9 сохранились в рукописи в материалах ОР. Ст-ние было очень популярно в рабочей и арестантской среде в 1870-х годах, а может быть, и раньше. *Валерьян* — Осинский, казненный в Киеве 14 мая 1879 г. Однако этот ст. известен в списках с другим вар.: «Вольдемар! Вольдемар!» (Кто имелся в виду, установить не удалось.)

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. С. 104. «Свободные русские песни». Кронштадт, 1863. Обложка. Выходные данные фиктивные — в действительности: Берн.
2. С. 174. «Сборник новых песен и стихов». Москва, 1873. Обложка. Выходные данные фиктивные — в действительности: Женева.
3. С. 473. Титульный лист «Нового сборника революционных песен и стихотворений». Париж, 1898.
- 4—16. *Между с. 480 и 481.*
 - А. И. Герцен и Н. П. Огарев. 1860. По фотографии. ПД. «Полярная звезда». Кн. 1. Лондон, 1855. Обложка. «Колокол». Л. 1. 19 июня (1 июля) 1857.
 - П. Л. Лавров. Фотография. 1870-е годы. ГИМ.
 - В. С. Курочкин. Фотография 1860-х годов. Из изд.: «Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России». Спб., Г. Деньер, 1865, № 8.
 - «М. И. Михайлов в Петропавловской крепости перед отправкой на каторгу». Картина художника В. И. Якоби. 1861.
 - М. Л. Михайлов в тюрьме. Запрещенный цензурой рисунок художника Н. Иевлева (?) «Долго ли похерить человека?». Готовился для сатирического журнала «Гудок» (1862, апрель). Оригиналом для рисунка послужила широко распространенная литография, изображающая М. Л. Михайлова закованным в кандалы. Гос. Русский музей в Ленинграде, альбом Е. Рейтерна.
 - Н. А. Добролюбов. С фотографии Ж. Гох. Петербург, 1860. Литография Бореля. Гравюра, изготовленная в Лейпциге по заказу Н. Г. Чернышевского. Подпись «И делал я благое дело Среди царяющего зла» (из ст-ния Добролюбова «Памяти отца») была запрещена цензурой, и портрет воспроизводился без нее.
 - Н. А. Некрасов. С фотографии Деньера. Петербург, 1865. Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского. «Лютня».
 - Вверху, слева направо:* С. С. Синегуб. Фотография. 1870-е годы. Ф. В. Волховской. Фотография 1892 г. В сб.: Ф. Волховской. Случайные песни. М., 1907. *Внизу:* Г. А. Мачтет. Фотография. Около 1895 г.

Сборник «Из-за решетки». Женева, 1877. Обложка.
Н. А. Морозов. С фотографии Рентца и Шрадера. Петербург,
1910 (?). ПД.

Вверху, слева направо: А. А. Ольхин. Фотография. 1870-е го-
ды (?). ПД. Г. А. Лопатин. Фотография департамента поли-
ции. 1884. ПД. *Внизу:* В. Н. Фигнер. Фотография. 1880. ПД.
Тан (В. Г. Богораз). Портрет И. К. Пархоменко. 1910-е го-
ды (?). Место хранения оригинала не установлено. Фото-
копия — ПД.

П. Ф. Якубович в арестантском халате и арестантской шапке,
закрывающей половину обритой головы. Тюремная фото-
графия. Осень 1887. Красноярск. Впервые опубликована в
вольной печати: на обложке сборника «Под гнетом самодер-
жавия» (Давос, 1905). Оригинал в семейном архиве Якубо-
вичей.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ПЕРЕВОДЧИКОВ ¹

- Аксаков И. С. I, 450, 450—453
Аксаков К. С. I, 454, 455—460
Алисов П. Ф. II, 164—166, 581
Арбузов Н. А. I, 508, 508—512
Архангельский А. II, 440—442, 643
- Баратынский Е. А. I, 320, 320
Барбье О. II, 83
Бардина С. И. (?) II, 211—213, 596
Барыкова А. П. II, 302—303, 399—412, 616—617
Белавин и Брозе I, 182, 182—183
Белоголовый Н. А. II, 289, 312, 314—315, 321—322, 326—328, 329—331, 612
Белоголовый Н. А. (?) II, 326, 612
Бенедиктов В. Г. II, 83—86
Беранже П.-Ж. II, 23—24, 250—251
Бестужев А. А. I, 252, 253—256
Бестужев А. А. и Рылеев К. Ф. I, 277—284
Бестужев М. А. I, 421, 421—422
Богораз В. Г. II, 363—367, 433—439, 459—463, 465—469, 470—471, 632—633
Богораз В. Г. (?) II, 439—440
Боровиковский А. Л. II, 214—216, 597
Боровиковский А. Л. (?) II, 217, 598
- Вадковский Ф. Ф. I, 444, 444—445
Вейнберг П. И. II, 55—57, 120—121, 557
Венюков М. И. II, 298—300, 615
Волховской Ф. В. II, 187—188, 272—287, 361—362, 475—478, 590
Волховской Ф. В. (?) II, 209—210
Вяземский П. А. I, 191—192, 192—204
- Гартман М. II, 160
Гейман Б. Н. II, 485—487, 650
Гейне Г. II, 15, 414
Гервег Г. II, 482—483
Глинка Ф. Н. I, 295, 296—298
Глинка Ф. Н. (?) I, 298—301
Гнедич Н. И. I, 177, 178—181

¹ Курсивом выделены страницы, где приводятся сведения об авторе.

Гольц-Миллер И. И. II, 522—523, 656—657
Горчаков Д. П. I, 108—109, 109—117
Грибоедов А. С. I, 314—316, 316—319
Григорьев А. А. I, 473, 473—475
Григорьев П. В. II, 304—306, 413, 595
Григорьев П. В. (?) II, 205—208
Гуд Т. II, 162

Давыдов В. Л. I, 513, 513
Давыдов Д. В. I, 170, 171—176
Дельвиг А. А. I, 293, 293—294
Державин Г. Р. I, 84—85, 85—87
Дмитриев М. А. I, 464, 464—467
Дмитриев М. А. (?) I, 467—468
Дмоховский Л. А. (?) II, 193, 592
Добролюбов Н. А. II, 70—83, 144—148, 493—497

Едуков Н. И. (?) II, 247—248, 603
Емельяненко И. Я. II, 472, 647

Жохов М. Ф. I, 497, 498

Завалишин Д. И. I, 327, 327—328
Загоскин М. В. (?) I, 501, 502
Зотов В. Р. II, 46—48, 55, 141—144, 555
Зубов В. Я. I, 382, 382—384

Иванов-Классик А. Ф. II, 308, 618

Калиновский Б. Ф. и Данненберг Ф. Р. II, 464, 646

Капнист В. В. I, 118, 119—122
Каратыгин П. А. (?) I, 503—504, 504
Карлин М. А. I, 514—515, 515—516
Катенин П. А. I, 242—243, 243—251
Клеменц Д. А. II, 181—185, 192, 585
Клеменц Д. А. и Синегуб С. С. II, 185—186
Клушин А. И. I, 125—126, 126—129
Коган С. М. и Н — а 3 — а II, 328, 623
Кони Ф. А. I, 476, 476—481
Кравцов В. X. II, 363, 632
Креницын А. Н. I, 394—395, 396—398
Кронеберг А. И. или Тургенев И. С. I, 499, 499—500
Крылов И. А. I, 309—310, 310—313
Куликов Н. И. I, 446—447, 447—449
Куручкин В. С. II, 23—24, 43—44, 155—156, 517—519
Куручкин В. С. (?) II, 41—43, 65—66, 154—155
Кюхельбекер В. К. I, 285—286, 286—292

Лавров П. Л. II, 31—41, 149—154, 190—191, 194—195, 199—201,
414, 479—484, 498—505, 550—551

Лавров П. Л. (?) II, 87, 195—197, 201—202

Ленский Д. Т. (?) II, 16, 548

Лермонтов М. Ю. I, 401, 401—407

Ломоносов М. В. I, 73—74, 74—77

Лонгинов М. Н. I, 505, 505—507

Лушников Н. Ф. I, 388, 388—389

- Марин С. Н. I, 130, 130—133
 Мачтет Г. А. II, 197—198, 593
 Мей Л. А. I, 424, 424—426
 Мещерский П. В. I, 123, 123—124
 Милонов М. В. I, 186, 187—189
 Милонов М. В. (?) I, 190
 Минаков Е. И. II, 419, 639
 Минский Н. М. II, 354—361, 631
 Михайлов В. М. II, 15—16, 547—548
 Михайлов В. П. II, 302, 616
 Михайлов Г. II, 267—268, 607—608
 Михайлов М. Л. II, 59—60, 63—64, 160—164, 519—520, 557—558
 Мицкевич А. II, 82
 Морозов Н. А. II, 254—263, 297—298, 346—350, 362—363, 368—382, 605
 Морозов Н. А. и Клеменц Д. А. II, 350—351
 Муравский М. Д. II, 269—272, 608
 Мятлев И. П. I, 427—428, 428—430
 Навроцкий А. А. II, 169—173, 581—582
 Нахимов А. Н. I, 184, 184—185
 Некрасов Н. А. I, 461, 461—463, II, 188, 306, 342
 Никитин И. С. II, 510
 Носов В. II, 246—247
 Огарев Н. П. I, 431, 431—438, II, 14—15, 26—30, 45—46, 48—52, 61—62, 64—65, 66—69, 95—102, 112, 125—136, 139—140, 189—190
 Огарев Н. П. (?) I, 438—441
 Одоевский А. И. I, 390, 391—393
 Ольхин А. А. II, 317—318, 337—341, 620
 Оржих Б. Д. II, 429—432, 487—489, 642—643
 Орлов П. А. II, 287—288, 611—612
 Павлов Н. Ф. I, 489, 489—490
 Павлов Н. Ф. (?) I, 490—491
 Павловский И. Я. (?) II, 526—529, 657
 Пальмин Л. И. II, 524, 657
 Панкратьев В. I, 423, 423
 Писарев Д. И. II, 511—516
 Плещеев А. Н. I, 469—470, 471—472
 Пнин И. П. I, 165—166, 166
 Пнин И. П. (?) I, 166—167
 Погосский А. Ф. II, 521—522, 656
 Полежаев А. И. I, 367—368, 368—381
 Полонский Я. П. II, 529—530
 Попов И. И. II, 465
 Путята С. А. I, 321, 322—326
 Пушкин А. С. I, 216—217, 218—240
 Пушкин А. С. (?) I, 240—241
 Радищев А. Н. I, 88—89, 89—107
 Раевский В. Ф. I, 205, 206—215
 Ришпен Ж. II, 302—303
 Рождественский И. А. или Утин Н. И. II, 63, 558
 Розенгейм М. П. II, 112—116, 417—419, 570
 Ростопчина Е. П. I, 410—411, 411—414

Ростопчина Е. П. (?) I, 414—415
Ротчев А. Г. I, 385, 385
Руже де Лиль Ж. II, 298—300
Русанов Н. С. II, 489—490, 651
Рылеев К. Ф. I, 257—260, 261—275
Рылеев К. Ф. (?) I, 276

Саблин Н. А. II, 344—345, 383—384, 386—393, 627
Саблин Н. А. или Синегуб С. С. II, 394—398
Синегуб С. С. II, 175—180, 222—245, 352, 524—525, 584
Ситников С. И. I, 416—417, 417—420
Ситников С. И. (?) I, 420
Соколовский В. И. I, 408—409, 409
Стронин А. И. II, 322—324, 622

Теплова С. С. I, 399—400, 400
Тиханович В. Г. II, 121—122, 571
Тихомиров Л. А. II, 249—252, 604
Ткачев П. Н. II, 516—517, 655
Толстой Л. Н. II, 9—11
Тургенев А. И. I, 168, 168—169
Тургенев И. С. (?) II, 17
Тютчев Ф. И. I, 519, 519

Уткин А. В. I, 329, 329

Федотов П. А. I, 482—484, 484—488
Фесенко И. Ф. (?) II, 218—221, 599
Фет А. А. I, 442, 442—443
Фигнер В. Н. II, 532—534, 658
Фонвизин Д. И. I, 78, 79—80

Хемницер И. И. I, 81, 81—83
Хомяков А. С. I, 492—493, 493—495
Хомяков А. С. (?) I, 495—496
Христофоров А. Х. (?) II, 312—314, 318—320, 331—332, 619

Чичерин Б. Н. I, 517, 517—518

Шевченко Т. Г. II, 300—302
Шишко Л. Э. (?) II, 253, 605
Шишков А. А. I, 386, 386—387
Шумахер П. В. II, 506—509, 653

Щиглев В. Р. II, 530—532, 658

Языков Н. М. I, 302—303, 303—308
Якубович П. Ф. II, 415—417, 419—428, 474—475, 638

Неизвестные авторы I, 134—162, 330—364, 520—548, II, 7—9, 11—
14, 18—22, 25—26, 53—54, 57—59, 88—95, 102—111, 116—120,
122—124, 137—139, 157—160, 166—168, 198—199, 202—205, 208,
248—249, 264—267, 290—297, 306—308, 309—312, 315—317, 321,
324—325, 331, 333—336, 342, 343—344, 352—353, 385, 443—458,
469, 491—492, 534—536

Неизвестный переводчик II, 300—302

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
ВОШЕДШИХ В I И II ТОМА НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ**

- «А, Вронченко, ты здесь! Насилу! Очень рад!..» (Разговор в 1849 году) *Огарев (?) I, 438*
- Автору стихов «Безыменному критику» («Как тебе достало духу...») *Фет I, 442*
- «Ангелов племя...» (Акростих на Аракчеева) *Неизвестный автор I, 349*
- «Ай, ахти, ох, ура...» *Полежаев I, 380*
- Акростих на Аракчеева («Ангелов племя...») *Неизвестный автор I, 349*
- Аксаковская мелодия («У них в Европе...») *Неизвестный автор II, 316*
- Апостол («Когда железною рукой...») *Лавров II, 194*
- Аракчееву («„Без лести преданный!“ Врагу преданный льстец...») *Неизвестный автор I, 522*
- Арестант («Ночь темна. Лови минуты!..») *Огарев I, 437*
- Арион («Нас было много на челне...») *Пушкин I, 235*
- «Ах, без жизни проносится жизнь вся моя!..» (Упреки. Из песен о молодом поколении, 4) *Якубович II, 424*
- «Ах, где те острова...» *Бестужев и Рылеев I, 277*
- «Ах, как на судьбу мне обидно...» («Волчонок») *Синегуб II, 233*
- «Ах, тошно мне...» *Бестужев и Рылеев I, 280*
- «Ах ты, сукин сын, проклятый становой!..» *Неизвестный автор II, 105*
- «Ахатес, Ахатес! Ты слышишь ли глас...» (К Ахатесу) *Кюхельбекер I, 286*
- «Ахти, любезный мой Шипов!..» (Письмо к Г. И. Шипову) *Горчаков I, 113*
- Барка («Ой, ребята, плохо дело!..») *Клеменц и Синегуб II, 185*
- «„Барству да маклачеству...“» (Петру Алексею) *Синегуб II, 240*
- «„Барыня-сударыня, матушка Федорушка...“» (Федорушка) *Розенгейм II, 417*
- Баснь. Лисица-казнодей («В Ливийской стороне правдивый слух промчался...») *Фонвизин I, 79*
- Басня («Раз до царя животных, Льва...») *Неизвестный автор II, 25*
- Басня («У мужика зажиточного было...») *Неизвестный автор I, 537*
- «Беги, сокройся от очей...» (Вольность) *Пушкин I, 218*
- «Бегу от вас, бегу, петропольские стены...» (Подражание первой сатире Буало) *Бестужев А. А. I, 253*
- «Беда вам, попадьи, поповичи, поповны!..» (Новая беда) *Полежаев I, 368*

- «„Без лести преданный!“ Врагу преданный льстец...» (Аракчееву)
Неизвестный автор I, 522
- Белое покрывало («Позорной казни обреченный...») *Михайлов М.* II, 160
- Беседа у секретаря («После обеда...») *Неизвестный автор* I, 153
- «Бесконечно, мертво, монотонно...» *Волховской* II, 280
- А. А. Бестужеву («Как странник грустный, одинокой...») *Рылеев* I, 272
- Биография благородного человека («Родился я — как подобает...») *Кони* I, 478
- «Бичи позорные народа...» (К Николаю) *Неизвестный автор* I, 520
- «Богатырь-государь...» *Неизвестный автор* I, 541
- «Боже! вина, вина!...» (Гимн) *Языков* I, 303
- «Боже, колы благ еси...» *Уткин* I, 329
- «Боже мой, какая скука...» (Две соседки) *Бардина (?)* II, 211
- «Борись за истинный закон...» (Заповеди отщепенца) *Дмоховский (?)* II, 193
- Борцу поэту («Не для корысти и богатства...») *Богораз* II, 467
- Борьба («Могучее слово...») *Морозов* II, 347
- Бостон («Игра бостон явилась снова...») *Неизвестный автор* I, 343
- «Братцы! Дружно песню грянем...» *Неизвестный автор* II, 93
- «Братья, вперед! Не теряйте...» *Неизвестный автор* II, 469
- Братья-журналисты («Не стая птиц, а как собаки...») *Куликов* I, 447
- «Братья печальны, подруга грустна...» (Прощанье эмигранта) *Синегуб* II, 226
- Бренность почестей и величий человечества («Тот ныне царь — вселенной правит...») *Пнин (?)* I, 166
- «Британский лорд...» (Четыре нации) *Полежаев* I, 370
- Бритвы («С знакомцем съехавшись однажды, а в дороге...») *Крылов* I, 312
- «Бросим прочь мы сомненья гнетущие...» (Призыв) *Неизвестный автор* II, 492
- «Будем верить и ждать, будем громко взывать...» *Неизвестный автор* II, 205
- «Будь верен мне, товарищ мой короткий...» (К моему пиджаку) *Тихомиров* II, 250
- Буква и дух («Из-под завесы буквы темной...») *Глинка* I, 297
- «Была пора: над трупом фараона...» (Годовщина (18 февраля 1856 г.)) *Зотов* II, 141
- «Была семья — семья разбита...» (Узник) *Волховской* II, 478
- «Было времечко, время давнее...» *Навроцкий* II, 171
- Быль вочью совершается («Какая-то презнатна тварь...») *Державин* I, 86
- Быль или басня, как кто хочет назови («За правду колкую, за истину святую...») *Давыдов Д. В.* I, 173
- «Быть богом трудно в наше время...» (Ода) *Белоголовый* II, 329
- «В глубокой древности один законодатель...» (Тарпейская скала) *Федотов* I, 487
- «В давно минувшие века...» (Навуходоносор) *Курочкин* II, 23
- «В долгой, тяжелой разлуке...» (В заключении) *Морозов* II, 347
- В Доме предварительного заключения («Комнатки, точно пчелиные соты...») *Морозов* II, 254

- «В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...» (Генералу Пушкину) *Пушкин* I, 229
- «В его „Истории“ изящность, простота...» («На Карамзина») *Пушкин* I, 220
- «В жизни достигнутый нынешним веком...» (Завет) *Неизвестный автор* II, 443
- «В жилище грозного тирана...» (Мечты) *Лушников* I, 388
- В заключении («В долгой, тяжелой разлуке...») *Морозов* II, 347
- В заключении («Голые стены, тюремные думы...») *Морозов* II, 254
- «В Ливийской стороне правдивый слух промчался...» (Басня. Лилица-казнодей) *Фонвизин* I, 79
- «В мире два стана, нещадно враждующих...» (Два стана) *Неизвестный автор* II, 491
- «В наш век безверия не в моде чудеса...» *Белоголовый* II, 330
- «В „Норде“ сквозь все тонкости...» («Н. П. Поггенполю») *Огарев* II, 112
- «В ночной тиши, в безмолвье каземата...» (Сон) *Богораз (?)* II, 439
- «В отдаленном краю, за Уральским хребтом...» *Гейман* II, 485
- В память июньских дней 1848 года («Нету работы... Семья голодает...») *Клеменц* II, 192
- «В Петербурге нет царя...» (Его нет дома) *Креницын* I, 396
- «В России лишь узнали...» (Святки, 1) *Горчаков* I, 109
- «В святой тиши воспоминаний...» (Памяти Рыльева) *Огарев* II, 68
- «В среде бездушной, где закон...» (Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе) *Аксаков И. С.* I, 452
- В степи («Сам-друг в степи необозримой...») (Из дорожных воспоминаний, 1) *Волховской* II, 275
- «В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...» (На Аракчеева) *Пушкин (?)* I, 241
- «В столпах российского правленья...» (Дворник) *Неизвестный автор* II, 311
- «В стране, где я забыл мирские наслажденья...» (Н. Д. Киселеву) *Языков* I, 304
- «В сумраке прошлого, миром забытые...» (Видения) *Якубович* II, 415
- «В тюрьме, пред казнию, удалый террорист...» (Дубровин на исповеди) *Григорьев П. В.* II, 413
- «В ужасных тех стенах, где Иоани...» (Тень Рыльева) *Кюхельбекер* I, 289
- В царстве Плутона («В царстве тьмы, где, в угоду святым небылицам...») *Белоголовый* II, 326
- «В царстве тьмы, где, в угоду святым небылицам...» (В царстве Плутона) *Белоголовый* II, 326
- «В час, когда живой волною...» *Христофоров (?)* II, 332
- «В чистом поле завывает...» (К — ой) *Неизвестный автор* II, 451
- «Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки...» (Подблюдные песни, 3) *Бестужев и Рылеев* I, 283
- «Вдруг под вечер сани зашумели...» («Сатирическая песня на исправников») *Неизвестный автор* I, 161
- «Век счастливо прожив, Потемкин князь скончался...» («Стихи, носившиеся в народе, на случай смерти Потемкина») *Неизвестный автор* I, 147

- «Великий гений! муж кровавый!..» (Петру) *Аксаков К. С.* I, 455
- «Велико, друг, поэта назначенье...» (Ротчеву) *Шишков I*, 387
- Вельможа («Какой-то в древности Вельможа...») *Крылов I*, 313
- Вельможа («У подъяезда линейки, коляски...») *Тиханович II*, 121
- «Венком из душистых весенних цветов...» (Другу Вербовчанину) *Неизвестный автор II*, 265
- Вербовчанину («Злобей и мщением горят...») *Носов II*, 246
- Верх премудрости («Крайний вывод рассудка и знания...») *Курочкин (?) II*, 154
- «Весело! Шумно! Здесь, жизнь молодая...» (Песня юности) *Лавров II*, 483
- Вести о России. *Неизвестный автор I*, 529
- Весь-гом («Где ты девалась, русска слава...») *Белавин и Брозе I*, 182
- Вечевой колокол («Над рекою, над пенным Волховом...») *Мей I*, 424
- Вечерняя заря («Я встречаю зарю...») *Полежаев I*, 372
- «Вечный враг всего живого...» (Памяти Добролюбова) *Михайлов М. Л. II*, 59
- Взгляд на природу («Я люблю смотреть на звезды...») *Вейнберг II*, 120
- «Взойдет ли наконец, друзья...» (Мысль о свободе) *Зубов I*, 382
- Видение («Какое дивное виденье...») *Рылеев I*, 267
- Видение Анны Иоановны («Презренного злодея меч...») *Рылеев I*, 265
- Видения («В сумраке прошлого, миром забытые...») *Якубович II*, 415
- «Властитель слабый и лукавый...» ((Из десятой главы «Евгения Онегина»)) *Пушкин I*, 237
- Властителям и судиям («Восстал всевышний бог, да судит...») *Державин I*, 85
- «Внемли, о царь, надежда Руси новой!..» *Неизвестный автор II*, 110
- «Вниманьем высшего начальства...» (На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча) *Добролюбов II*, 144
- «Во глубине сибирских руд...» *Пушкин I*, 236
- «„Во избежание жестоких, тяжких бед...“» (Запасные магазины) *Неизвестный автор I*, 528
- «Во имя отца и сына и святого духа...» (Последняя исповедь) *Минский II*, 354
- «...Во-первых, уменьшить чиновников — хохлов...» *Неизвестный автор I*, 345
- Военная песнь греков («Доколь нам, други, в тяжком рабстве...») *Глинка (?) I*, 298
- Военный гимн греков («Воспряньте, Греции народы!..») *Гнедич I*, 180
- Вожди свободы («На соломе лежал он в темнице сырой...») *Неизвестный автор II*, 18
- Воззвание к любителям вольности и равенства («Теперь вопрос мне разрешите...») *Жохов I*, 498
- «Возлюбила ты брата убогого...» *Боровиковский II*, 215
- «Вонистину пришло смешенье языков!..» *Белоголовый II*, 330
- «Война!.. На землю мрак густейший...» *Лавров II*, 201
- «Волчонок» («Ах, как на судьбу мне обидно...») *Синегуб II*, 233
- Волынский («„Не тот отчизны верный сын...“») *Рылеев I*, 262
- Вольность («Беги, сокройся от очей...») *Пушкин I*, 218

- Вольность («О! дар небес благословенный...») *Радищев* I, 89
- «Вонми мне, господи, зиждитель...» (Молитва от истины к богу, внегда скорбети ей) *Мещерский* I, 123
- «...Во-первых, уменьшить чиновников-хохлов...» *Неизвестный автор* I, 345
- «Ворона случаем однажды очутилась...» (Державная ворона) *Стронин* II, 322
- «Воспитанный под барабаном...» (На Александра I) *Пушкин* I, 235
- «Восплачь, канцелярист, повытчик, секретарь...» (Элегия) *Нахимов* I, 184
- «Воспряньте, Греции народы!...» (Военный гимн греков) *Гнедич* I, 180
- «Восстал всевышний бог, да судит...» (Властителям и судиям) *Державин* I, 85
- «Восстань, восстань, пророк России...» *Пушкин* I, 235
- Восточный вопрос в панораме («Не бось, не бось! мои боярыни и баре...») *Огарев* II, 125
- «„Вот в некотором царстве“...» (Сказка про белого царя) *Шумахер* II, 506
- «Вот, истертым вицмундиром...» (Русский пролетарий) *Розенгейм* II, 112
- «Вот майором десять лет...» (Поправка обстоятельств, или Женитьба майора) *Федотов* I, 484
- «Вот мрачится...» (Песнь погибающего пловца) *Полежаев* I, 377
- «Вот он, наш родимый, вот он в блеске новом!..» (Встречный голос на въезд Александра III) *Христофоров (?)* II, 312
- «Вот он — тоже сочинитель!..» (К портрету Краевского) *Кронеберг или Тургенев* I, 499
- «Вот Семен Авдеч...» (Современное) *Огарев* II, 51
- «Вот толпа зевак у окон...» (Петербургские мотивы) *Неизвестный автор* II, 296
- «Вот участь нынешних героев...» (Жизнь нынешних героев) *Неизвестный автор* I, 536
- Вперед! («Вперед, люди-братья, во имя познания...») *Лавров* II, 479
- «Вперед! без страха и сомненья...» *Плещев* I, 471
- «Вперед, люди-братья, во имя познания...» (Вперед!) *Лавров* II, 479
- «Вперед! Скорей! Через реки, через горы...» (Песня ненависти) *Лавров* II, 482
- «Вперед, сыны страны родной!..» (Марсельеза) *Венюков* II, 298
- «Время, братцы, уж припело...» *Неизвестный автор* II, 385
- «Время унылое. Грозное горе...» (Нечего ждать!) *Неизвестный автор* II, 208
- «Все, все валяются сверстники мои...» (На смерть Якубовича) *Кюхельбекер* I, 291
- «Все говорят, что ныне страшно жить...» (Год 1848. Упование) *Огарев* I, 434
- «Всдержителю боже наш и вселенной творец...» (Челобитная к богу от крымских солдат) *Неизвестный автор* I, 142
- «Всей России притеснитель...» (На Аракчеева) *Пушкин* I, 226
- «Всепресветлейший и милостивейший творец...» (Прошение в небесную канцелярию) *Неизвестный автор* I, 159
- «Всё тихо. Небесных светил мириады...» (Ночью) *Морозов* II, 349
- Всё то же («Прошла весна, прошло и лето...») *Волховской* II, 279
- «Вставай, Русь, царем вся измученная...» (Национальный гимн) *Неизвестный автор* II, 166

- «Встарь Голицын мудрость весил...» *Неизвестный автор* I, 523
- Встречи («Кончены годы тупого мучения...») *Морозов* II, 368
- Встреча («От плевка мужика поп обиделся...») *Огарев* II, 132
- Встречный голос на въезд Александра III («Вот он, наш родимый, вот он в блеске новом!..») *Христофоров (?)* II, 312
- «Всю жизнь провел в дороге...» *Неизвестный автор* I, 354
- 2-е (14) июля 1889 г. («Пойте, товарищи! Песней веселю...») *Гейман* II, 485
- «Вы вспоминаете ль меня? А я мечтаю...» (Друзьям в России) *Добролюбов* II, 82
- «Вы знаете: победа дряхлой власти...» (1849 год) *Огарев* I, 436
- «Вышла газета из ада...» (Газета ада) *Неизвестный автор* I, 362
- Газета ада («Вышла газета из ада...») *Неизвестный автор* I, 362
- Гармония («Как всё мудро в этом свете...») *Волховской* II, 274
- Г.....ву («С глубоким трепетом волненья...») *Неизвестный автор* I, 355
- «Где нелюбимый сын царевны...» (Современная ода) *Неизвестный автор* II, 456
- «Где ты девалась, русска слава...» (Весь-гом) *Белавин и Броне* I, 182
- «Гей, работники! несите...» *Синегуб* II, 524
- Генералу Пушкину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...») *Пушкин* I, 229
- Гений и Поэт («Как! твой Гений пред тобою...») *Катенин* I, 243
- Гибкий человек («Я составил себе положение...») *Вейнберг* II, 55
- «Гибнем мы! Безумной злобы сила...» *Неизвестный автор* II, 450
- Гимн («Боже! вина, вина!..») *Языков* I, 303
- Гимн бороде («Не роскошной я Венере...») *Ломоносов* I, 74
- «Глаза их сухие, не блещут слезами...» (Ткачи) *Лавров* II, 414
- Глас правды («Сатурн губительной рукою...») *Раевский* I, 206
- «Глухая ночь. Ни проблеска, ни света...» *Якубович* II, 416
- «Глядишь, глядишь, как правду душат...» (Судьба русского поэта) *Волховской* II, 276
- «Гнета не снес ты, судьбиною данного...» (На смерть М. В. Куприянова) *Синегуб* II, 352
- «Говорят, этот город красивый...» (Сказочный город. Из песен о молодом поколении, 2) *Якубович* II, 420
- Год 1848. Упование («Все говорят, что ныне страшно жить...») *Огарев* I, 434
- Годовщина (18 февраля 1856 г.) («Была пора: над трупом фараона...») *Зотов* II, 141
- «Гой, ребята, люди русские!..» *Огарев* II, 129
- «Гой ты, голь российска...» (Песня голытьбы) *Григорьев П. В.* II, 304
- Голова и Ноги («Уставши бегать ежедневно...») *Давыдов Д. В.* I, 172
- Голуби («Голуби по двору ходят, воркуют...») *Саблин* II, 344
- «Голуби по двору ходят, воркуют...» (Голуби) *Саблин* II, 344
- «Голье стены, тюремные думы...» (В заключении) *Морозов* II, 254
- Горе от ума. *Грибоедов* I, 316
- «Горел огонь в его очах...» (С. М. К.) *Синегуб* II, 227
- Горестное сказание («Минувшее и настоящее истязание...») *Неизвестный автор* I, 137

- «Город роскоши и шума...» (Тоска по родине) *Неизвестный автор* II, 157
- «Горька судьба поэтов всех племен...» (Участь русских поэтов) *Кюхельбекер* I, 290
- «Господи, царя спаси!..» (Народная песня) *Неизвестный автор* I, 348
- Господин Искарриотов («Господин Искарриотов...») *Курочкин* II, 517
- «Государь! Мы, сыновья России, зовем к тебе...» (На экзамен коллежских асессоров) *Неизвестный автор* I, 346
- «Государь наш батюшка...» (Просьба) *Синегуб* II, 179
- Гражданское мужество («Кто этот дивный великан...») *Рылеев* I, 269
- «Гроб, гроб! гроб!..» (Живое кладбище) *Синегуб* II, 229
- «Грустно матушке России...» *Зотов* II, 55
- «Гудят, гремят все сорок сороков...» (На коронацию) *Богораз* II, 436
- «Давно, в дни юности далекой...» (П. Л. Лаврову) *Белоголовый* II, 312
- В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов...») *Пушкин* I, 227
- Два духа («Мысль, сомнем истомленную...») *Белоголовый* II, 327
- «Два императора...» (Свидание) *Огарев* II, 189
- «Два остзейские барона...» (Два рыцаря) *Лонгинов* I, 505
- Два пути («Не водил я разбой по дороге большой...») *Богораз* II, 433
- Два рыцаря («Два остзейские барона...») *Лонгинов* I, 505
- Два стана («В мире два стана, нещадно враждующих...») *Неизвестный автор* II, 491
- Два течения («Мы разучились молиться...») *Неизвестный автор* II, 446
- 24 января 1883 г. («Переполнены тюрьмы зловонные...») *Шиглев* II, 530
- 24 января 1878 года («С тех пор как нам тупой монгол...») *Неизвестный автор* II, 333
- «Дважды ваш слуга покорный...» (Прогресс) *Волховской* II, 274
- Две соседки («Боже мой, какая скука...») *Бардина (?)* II, 211
- Дворник («В столпах российского правленья...») *Неизвестный автор* II, 311
- Дворянин-барин («Писать задумав про дворянство...») *Неизвестный автор* II, 159
- Двуглавый орел («Я нашел, друзья, нашел...») *Курочкин* II, 43
- Двум Александрам Павловичам («Романов и Зернов лихой...») *Пушкин (?)* I, 240
- Декабристам («Над вашей памятью кровавой...») *Неизвестный автор* I, 525
- Дележ нехорош («Эх, батюшка, твой дележ нехорош...») *Погосский* II, 521
- Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») *Пушкин* I, 224
- Державная ворона («Ворона случаем однажды очутилась...») *Стронин* II, 322
- Дерпт («Моя любимая страна...») *Языков* I, 308
- 10 июля (1830) («Опять вы, гордые, восстали...») *Лермонтов* I, 402

- Дни моего отчаяния («Сквозь тьму отчаянья пробьюся...») *Путята I, 322*
- До свиданья («Смолкает „Колокол“ на время...») *Огарев II, 66*
- «Доколь нам, други, в тяжком рабстве...» (Военная песнь греков) *Глинка (?) I, 298*
- «Долги вы, зимние ночи бессонные!..» (Матери) *Богораз II, 434*
- «Долго нас помещики душили...» *Куручкин (?) II, 65*
- Доля («Эх ты доля, моя доля...») *Синегуб II, 178*
- «Дорогие братья!..» *Тихомиров II, 249*
- Другу Вербовчанину («Венком из душистых весенних цветов...») *Неизвестный автор II, 265*
- Дружной («Сдвинемся тесною, дружной семьей...») *Оржих II, 430*
- «Друзья, в тяжелый миг сомненья...» (Из песен о молодом поколении, 6) *Якубович II, 426*
- «Друзья, не лучше ли на место фонаря...» (Фонарь) *Неизвестный автор I, 359*
- «Друзья, нерусский нами правит...» *Лушников I, 389*
- «Друзья! Страдать, как я страдаю...» (Друзьям) *Волховской (?) II, 209*
- Друзьям («Друзья! Страдать, как я страдаю...») *Волховской (?) II, 209*
- Друзьям в России («Вы вспоминаете ль меня? А я мечтаю...») *Добролюбов II, 82*
- Дубинушка («Много песен слышал я в родной стороне...») *Ольхин II, 317*
- Дубовин на исповеди («В тюрьме, пред казнию, удалый террорист...») *Григорьев П. В. II, 413*
- Дума кузнеца («Тридцать лет скоро вот...») *Клеменц II, 181*
- Дума ткача («Мучит, терзает головушку бедную...») *Синегуб II, 175*
- «Думы мои любимые...» *Синегуб II, 222*
- «Душно без счастья и воли...» (Песня народного борца) *Некрасов II, 188*
- «„Дядя, ты в походах...“» *Неизвестный автор II, 94*
- «Европа против нас! Окружено врагами...» (Отзыв на манифест об ополчении) *Лавров II, 498*
- Его нет дома («В Петербурге нет царя...») *Креницын I, 396*
- «Едва ли мать когда бывает...» (Н. Ч — и — у) *Волховской II, 277*
- «Едва ты юности коснулся...» (Н. Д. Свербееву) *Аксаков К. С. I, 457*
- «Ее всегда в дни детства окружала...» (Она) *Синегуб II, 237*
- «Ежели государев наместник...» (Наместничество) *Неизвестный автор I, 148*
- Ермолову («О! сколь презрителен певец...») *Кюхельбекер I, 287*
- «Если б мой дорогой, что по злобе людской...» (Песнь гражданки) *Волховской II, 361*
- «Если, товарищ, на волю ты выйдешь...» (Матери) *Фигнер II, 533*
- «Если трезвой мысли холод...» *Михайлов В. П. II, 302*
- «Есть где-то, говорят, на берегу морском...» (Моль) *Неизвестный автор I, 546*
- «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» *Навроцкий II, 169*
- «Есть речи — значенье...» (Царские указы) *Огарев II, 140*
- «Ехидным змием, козлицем лукавым...» (После одной проповеди) *Неизвестный автор II, 309*

- «Еще молчит гроза народа...» (Элегия) *Языков* I, 307
- «Еще одним их меньше стало...» (14 декабря 1861) *Ткачев* II, 516
- Жалобы турка («Ты знал ли дикий край, под знойными лучами...») *Лермонтов* I, 401
- «Желали прав они: права им и даны...» *Неизвестный автор* I, 354
- Желания («Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать...») *Вадковский* I, 444
- Живое кладбище («Гроб, гроб! гроб!...») *Синегуб* II, 229
- Жизнь нынешних героев («Вот участь нынешних героев...») *Неизвестный автор* I, 536
- «Жил-был садовник — барин важный...» (Садоводство) *Неизвестный автор* II, 116
- «Жил на свете русский царь...» *Огарев* II, 95
- «За правду колкую, за истину святую...» (Быль или басня, как кто хочет назови) *Давыдов Д. В.* I, 173
- «За цепи тяжкие, сковавшие мне руки...» (Монолог) *Синегуб* II, 242
- «Забил барабан перед смутной толпой...» (На погребение науки) *Неизвестный автор* I, 544
- «Забросайте меня всею грязью земли...» (Правда) *Неизвестный автор* II, 445
- «Забудь уныния язык!...» (Напутствие) *Огарев* II, 133
- Забытье («Я сплю иль нет?.. Что это — ночь иль день?..») *Огарев* II, 26
- Завет («В жизни застигнутый нынешним веком...») *Неизвестный автор* II, 443
- Завещание («Здесь умирая, в казематах...») *Синегуб* II, 245
- Завещание («Когда для большего порядка...») *Морозов* II, 297
- «Загремела труба...» (Казнь) *Неизвестный автор* II, 535
- «Закрылись тяжелые двери тюрьмы...» *Неизвестный автор* II, 315
- Замечания старообрядца на тайные «Постановления по части раскола» («Царь, советом утвердись...») *Неизвестный автор* II, 102
- «Замученный тяжкой неволей...» (Последнее прости!..) *Мачтет* II, 197
- Запасные магазины («„Во избежание жестоких, тяжких бед...“») *Неизвестный автор* I, 528
- Заповеди отщепенца («Борись за истинный закон...») *Дмоховский (?)* II, 193
- «Зари последний луч угас...» (Рок) *Полежаев* I, 375
- «Заступники кнута и плети...» *Пушкин* I, 234
- «Затеки пальцы болят...» (Песня о рубашке) *Михайлов М. Л.* II, 162
- «Зачем игрой воображенья...» (Цепи) *Полежаев* I, 376
- Заштатный чиновник («Чиновник уж заштатный я...») *Арбузов* I, 508
- «Здесь умирая, в казематах...» (Завещание) *Синегуб* II, 245
- «Здравствуй, князь, о князь светлейший!...» («На П. В. Лопухина») *Неизвестный автор* I, 332
- «Земля моих отцов, страна моя родная...» *Неизвестный автор* I, 539
- «Злобй и мщением горят...» (Вербовчанину) *Носов* II, 246

Знакомый тип («Ходить в корню и на пристяжке...». Из дорожных воспоминаний, 2) *Волховской* II, 275

«И в лесах, и в степях...» (К друзьям) *Григорьев П. В.* (?) II, 205

«И вот они опять, знакомые места...» (Родина) *Некрасов* I, 462

«...И день настал, и истощилось...» *Неизвестный автор* I, 359

«И опять палачи!.. Сердца крик, замолчи!..» (После казни 4 ноября) *Морозов* II, 362

Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года («Когда деспот от власти отрекался...») *Неизвестный автор* II, 53

А. А. И(вановском)у, обещавшему мне несколько рукописей К. Ф. Рылеева («Сосед достойный, дорогой...») *Креницын* I, 396

«Игра бостон явилась снова...» (Бостон) *Неизвестный автор* I, 343

Иегова («Не верю я в величие Иеговы...») *Неизвестный автор* II, 352

Из апостола Павла («Чувствую я: приближается время...») *Тихомиров* II, 249

〈Из десятой главы «Евгения Онегина»〉 («Властитель слабый и лукавый...») *Пушкин* I, 237

Из дорожных воспоминаний (1—2) *Волховской* II, 275

Из Москвы в Петербург («У царя у нашего...») (Послания, 2) *Неизвестный автор* II, 26

Из песен о молодом поколении (1—7) *Якубович* II, 419

Из Петербурга в Москву («У царя у нашего...») (Послания, 1) *Неизвестный автор* II, 26

«Из-под завесы буквы темной...» (Буква и дух) *Глинка* I, 297

«Из скрытых жизни родников...» (Революция) *Орлов* II, 288

«Из стен тюрьмы, из стен неволи...» (Узнику) *Рождественский или Утин* II, 63

Из 1874 года («Паспорт, котомка...») *Муравский* II, 269

Из «Wintermädchen» («Редеют туманы, и первым лучом...») *Михайлов В. М.* II, 15

Изображение Российского царства («Чужа невзгоду дворянскому роду...») *Шумахер* II, 507

«Имея в области своей...» (Рыбы пляски) *Крылов* I, 311

Искандеру («Когда я был отроком тихим и нежным...») *Огарев* II, 14

«История зовет его на спешную работу...» (Он) *Неизвестный автор* II, 353

«Итак, в суде верховном — виноват!..» *Аксаков И. С.* I, 450

«Итак, Радищева не стало!..» (Послание к Брежинскому) *Пнин* I, 166

«Итак, сбылись заветные желанья...» *Неизвестный автор* II, 534

«Итак, суждение злых умов...» (Ответ к сочинителю «Гласа невинности») *Клушин* I, 126

«Итак, я здесь... за стражей я...» (К друзьям) *Раевский* I, 208

К арестанту («Мой привет тебе, брат по несчастью!..») *Неизвестный автор* II, 203

К Ахатесу («Ахатес, Ахатес! Ты слышишь ли глас...») *Кюхельбекер* I, 286

- К бюсту Белинского («Ты в пору мрачную невзгод...») *Синегуб II, 222*
- К бюсту завоевателя («Напрасно видишь тут ошибку...») *Пушкин I, 236*
- К временщику («Надменный временщик, и подлый и коварный...») *Рылеев I, 261*
- К генералу Гарибальди («Муж убеждений! Муж призванья!...») *Неизвестный автор II, 110*
- К другу («Ты не чужой мне, слава богу!...») *Синегуб II, 239*
- К друзьям («И в лесах, и в степях...») *Григорьев П. В. (?) II, 205*
- К друзьям («Итак, я здесь... за стражей я...») *Раевский I, 208*
- К *(Л. Н.) Фигнер* («Милая девушка! Сильно влияние...») *Боровиковский (?) II, 217*
- К матери («Когда несчастье надо мной...») *Бардина II, 213*
- К моему пиджаку («Будь верен мне, товарищ мой короткий...») *Тихомиров II, 250*
- К Николаю («Бичи позорные народа...») *Неизвестный автор I, 520*
- К отечеству («Сыны отечества клянутся...») *Тургенев А. И. I, 168*
- К портрету Краевского («Вот он — тоже сочинитель!...») *Кронеберг или Тургенев I, 499*
- К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес...») *Пушкин I, 226*
- К пчеле, прилетевшей к решетке окна моего каземата весной 1826 года («Трудолюбивая пчела!...») *Неизвестный автор I, 355*
- К Рубеллию («Царя коварный льстец, вельможа напыщенный...») *Милонов I, 188*
- К *** («Слезами горькими, тоскою...») *Теплова I, 400*
- К халату («Как я люблю тебя, халат!...») *Языков I, 306*
- К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») *Пушкин I, 221*
- «К чему мне вымыслы? К чему мечтанья мне...» (Негодование) *Вяземский I, 198*
- К *** («О, полно извинять разврат!...») *Лермонтов I, 404*
- К *** («Слезами горькими, тоскою...») *Теплова I, 400*
- «Кавеньяк, говорит...» *Павлов (?) I, 490*
- «Кажись, здоров я...» *Неизвестный переводчик II, 301*
- Казнь («Загремела труба...») *Неизвестный автор II, 535*
- «Как в Питере узнали...» (Святки, 2) *Горчаков I, 112*
- «Как восьмого сентября...» *Неизвестный автор II, 7*
- «Как всё мудро в этом свете...» (Гармония) *Волховской II, 274*
- «Как дело измены, как совесть тирана...» («Слу-шай!») *Гольц-Миллер II, 522*
- «Как за барамн житье было привольное...» *Неизвестный автор I, 534*
- «Как идет кузнец из кузницы, слава!...» (Подблюдные песни, 7) *Бестужев и Рылеев I, 284*
- «Как идет мужик из Новáгорода...» (Подблюдные песни, 2) *Бестужев и Рылеев I, 283*
- «Как по реченьке...» (Уральская песня) *Неизвестный автор II, 57*
- «Как ревизор судом и карой...» (На 1885 год) *Христофоров (?) II, 318*
- «Как странник грустный, одинокой...» (А. А. Бестужеву) *Рылеев I, 272*
- «Как страшно мне! — кругом меня всё мгла немая...» (Хаос) *Неизвестный автор II, 265*
- «Как! твой Гений пред тобою...» (Гений и Поэт) *Катенин I, 243*

- «Как тебе достало духу...» (Автору стихов «Безыменному критику») *Фет I, 442*
- «Как тут правды ждать...» (Надпись к Сенату) *Милонов (?) I, 190*
- «Как удар громовой, всенародная казнь...» (У гроба) *Ольхин II, 337*
- «Как четвертого числа...» *Толстой Л. Н. II, 9*
- «Как я люблю тебя, халат!...» (К халату) *Языков I, 306*
- «Какая-то презнатна тварь...» («Быль вочью совершается...») *Державин I, 86*
- «Какие времена! Какое ослепление!...» (Отрывок из Луциллиевой сатиры против его века) *Милонов I, 187*
- «Какое дивное виденье...» (Видение) *Рылеев I, 267*
- «Какой-то в древности Вельможа...» (Вельможа) *Крылов I, 313*
- «Какой-то вздумал Лев указ публиковать...» (Привилегия) *Хемницер I, 82*
- «Карета мчится выписная...» (Стихи на архимандрита Фотия) *Неизвестный автор I, 349*
- Карикатура («„Что это, кумушка,— сказал Медведь Лисице...“») *Пнин (?) I, 167*
- «Кашель души, грудь болит...» *Волховской II, 283*
- Квинтет («Победоносцев и Катков...») *Неизвестный автор II, 316*
- Кинжал («Лемносский бог тебя сковал...») *Пушкин I, 226*
- Н. Д. Киселеву («В стране, где я забыл мирские наслаждения...») *Языков I, 304*
- Клеветнику («Полковник некогда преториан России...») *Кюхельбекер I, 292*
- «Клеймо домашнего позора...» *Аксаков И. С. I, 451*
- «Клянемся честью и Черновым...» («На смерть Чернова») *Кюхельбекер I, 288*
- Кнут («Ремянный кнут, не безуханный...») *Тургенев И. С. (?) II, 17*
- Кнут («Скажи мне, двигатель народный...») *Неизвестный автор II, 11*
- «Когда взошла заря и страшный день багровый...» (Собачий пир) *Бенедиктов II, 83*
- «Когда, влекомы в плен, мы стали...» (Плач плененных иудеев) *Глинка I, 296*
- «Когда деспот от власти отрекался...» (Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года) *Неизвестный автор II, 53*
- «Когда для большего порядка...» (Завещание) *Морозов II, 297*
- «Когда железною рукой...» (Апостол) *Лавров II, 194*
- «Когда за жажду обновленья...» *Неизвестный автор II, 248*
- «Когда и тьму, и предрассудки...» *Носов В. II, 246*
- «Когда колокола торжественно звучат...» *Григорьев А. А. I, 474*
- «Когда мятежные народы...» *Шишков I, 386*
- «Когда настанет день паденья для тирана...» (Мечта) *Росточина I, 411*
- «Когда настанет Страшный суд...» (Развод) *Неизвестный автор I, 527*
- «Когда наш Новгород великий...» *Дмитриев (?) I, 467*
- «Когда несчастье надо мной...» (К матери) *Бардина (?) II, 213*
- «Когда он в вечность преселился...» *Лавров (?) II, 87*
- «Когда Подлон кричит пред многолюдным кругом...» (Станс) *Неизвестный автор I, 152*

- «Когда подумаю, голубка, о тебе...» *Волховской II*, 279
- «Когда, сковав навек дрожащие народы...» (Сонет) *Неизвестный автор II*, 331
- «Когда сменился день молчаньем темной ночи...» (Сон) *Огарев I*, 437
- «Когда-то шли толпы в соборы...» (Рождение мессии) *Лавров II*, 199
- «Когда я был отроком тихим и нежным...» (Искандеру) *Огарев II*, 14
- «Когда я был царем российским...» *Клеменц II*, 183
- К — ой («В чистом поле завывает...») *Неизвестный автор II*, 451
- Колыбельная песня («Спи, малютка, спи, мой милый...») *Неизвестный автор II*, 343
- «Коль царям бывает война полезна...» *Неизвестный автор I*, 147
- «Комнатки, точно пчелиные соты...» (В Доме предварительного заключения) *Морозов II*, 254
- «Кончены годы тупого мучения...» (Встреча) *Морозов II*, 368
- «Крайний вывод рассудка и знания...» (Верх премудрости) *Курочкин (?) II*, 154
- «Краса природы! Совершенство!..» *Неизвестный автор I*, 526
- «Крепко, дружно вас в объятья...» (Ответ) *Михайлов М. Л. II*, 63
- Крестьянская песня («Эй, ребята, собирайтесь поскорей...») *Волховской II*, 187
- Кричи!.. («Кричи о равенстве, о братстве, о свободе...») *Волховской II*, 286
- «Кричи о равенстве, о братстве, о свободе...» (Кричи!..) *Волховской II*, 286
- «Кровавые реки, веревка и плаха...» *Богораз II*, 363
- Кто? («Кто всем дознаньем заправляет?..») *Муравский II*, 271
- «Кто всем дознаньем заправляет?..» (Кто?) *Муравский II*, 271
- «Кто сердца в груди не имеет...» *Коган С. М. и Н — а З — а II*, 328
- «Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?..» (Сон) *Давыдов Д. В. I*, 171
- «Кто этот дивный великан...» (Гражданское мужество) *Рылеев I*, 269
- П. Л. Лаврову («Давно, в дни юности далекой...») *Белоголовый II*, 312
- «Лев пестрых невзлюбил овец...» (Пестрые овцы) *Крылов I*, 310
- Лев, учредивший Совет («Лев учредил Совет какой-то — неизвестно...») *Хемницер I*, 81
- «Лев учредил Совет какой-то — неизвестно...» (Лев, учредивший Совет) *Хемницер I*, 81
- «Лемносский бог тебя сковал...» (Кинжал) *Пушкин I*, 226
- «Лет тридцать, как раки, мы задом ползли...» *Белоголовый II*, 289
- «Лечу крылатою мечтою...» (Февраль 1884) *Неизвестный автор II*, 308
- «Лишите вы светлого дня...» (Мой друг Коля) *Синегуб II*, 228
- Лопатину («Нам выпало счастье — все лучшие силы...») *Фигнер II*, 532
- Лошадь, Осел и Собака («Однажды царь зверей, из львов сильнейший Лев...») *Неизвестный автор I*, 539
- «Любви, надежды, тихой славы...» (К Чаадаеву) *Пушкин I*, 221
- «Люблю тебя, родная Русь...» *Неизвестный автор II*, 290

- «Люди великие, жертвы гонения...» (Тихие звуки) *Оржих II*, 431
 «Люди мои милые, люди мои бедные...» (Мужичкам) *Огарев II*, 128
- М. А. («О, как я беден бесконечно...») *Волховской II*, 278
 «Мальчишка» («„Мальчишка“ я!.. Хотите вы сказать...») *Орлов II*, 287
 «„Мальчишка“ я!.. Хотите вы сказать...» («Мальчишка») *Орлов II*, 287
- Марсельеза («Вперед, сыны страны родной!..») *Венюков II*, 298
 Матери («Долги вы, зимние ночи бессонные!..») *Богораз II*, 434
 Матери («Если, товарищ, на волю ты выйдешь...») *Фигнер II*, 533
 Матери («Мне снилось сегодня: в безвестном краю...») *Якубович II*, 474
 Матери («Не плачь, о мать моя! и сына не кори!..». Из песен о молодом поколении, 5) *Якубович II*, 426
 Матери («Снился мне образ твой — нежный, тоскующий...») *Кравцов II*, 363
- Мать («Ну, я преступник, уж положим...») *Волховской II*, 282
 «Мать ты наша, матушка, православная!..» (Песня) *Неизвестный автор I*, 523
 «Меж тем как генерал Орлов...» (В. Л. Давыдову) *Пушкин I*, 227
 «„Меня поставил бог над русской землею...“» (Русскому народу. Современные отголоски, 2) *Лавров II*, 34
- Мечта («Когда настанет день паденья для тирана...») *Ростопчина I*, 401
 Мечты («В жилище грозного тирана...») *Лушников I*, 388
 «Милая девушка! Сильно влияние...» (К (Л. Н.) Фигнер) *Боровиковский (?) II*, 217
 «Милый друг, безумно смелый...» *Морозов II*, 348
 «Минувшее и настоящее истязание...» (Горестное сказание) *Неизвестный автор I*, 137
- Мите («Ударит час — как тяжкий сон...») *Гейман II*, 486
 Михайлову («Сон был нарушен. Здесь и там...») *Огарев II*, 61
 «Мне снилось сегодня: в безвестном краю...» (Матери) *Якубович II*, 474
 «Много песен слышал я в родной стороне...» (Дубинушка) *Ольхин II*, 317
- Могила («Там, в краю далеком...») *Синегуб II*, 225
 «Могучее слово...» (Борьба) *Морозов II*, 347
- Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе («В среде бездушной, где закон...») *Аксаков И. С. I*, 452
- Мой друг Коля («Лишите вы светлого дня...») *Синегуб II*, 228
 «Мой друг, твой голос молодой...» («Сим победиши») *Огарев II*, 64
 «Мой привет тебе, брат по несчастью!..» (К арестанту) *Неизвестный автор II*, 203
 «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...» *Боровиковский II*, 214
- Молитва от истины к богу, вегда скорбети ей («Вонми мне, господи, зиждитель...») *Мещерский I*, 123
 Моль («Есть где-то, говорят, на берегу морском...») *Неизвестный автор I*, 545
- Монолог («За цепи тяжкие, сковавшие мне руки...») *Синегуб II*, 242

- Монолог из поэмы «Перовская» («Последний день, последние мгновенья...») *Попов* II, 465
- «Море ропщет, море стонет!..» (Подводный город) *Дмитриев* I, 466
- «Моя любимая страна...» (Дерпт) *Языков* I, 308
- «Муж убежденный! Муж призванья!..» (К генералу Гарибальди) *Неизвестный автор* II, 110
- Мужицкая («Я мужик, ты мужик...») *Неизвестный автор* II, 449
- Мужичкам («Люди мои милые, люди мои бедные...») *Огарев* II, 128
- «Мучит, терзает головушку бедную...» (Дума ткача) *Синегуб* II, 175
- «Мы были там. Его распяли...» *Боровиковский* II, 216
- «Мы добрых граждан позабавим...» *Пушкин* (?) I, 241
- «Мы жертвою пали борьбы роковой...» *Архангельский* II, 440
- «Мы разучились молиться...» (Два течения) *Неизвестный автор* II, 446
- Мысли россиянина при чтении указа о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам в западных четырех губерниях и четырех уездах («Эх ты, царь наш батюшка...») *Огарев* II, 98
- Мысль о свободе («Взойдет ли наконец, друзья...») *Зубов* I, 382
- «Мысль, сомненьем истомленную...» (Два духа) *Белоголовый* II, 327
- На Александра I («Воспитанный под барабаном...») *Пушкин* I, 235
- На Аракчеева («В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...») *Пушкин* (?) I, 241
- На Аракчеева («Всей России притеснитель...») *Пушкин* I, 226
- На бедного Макара все шишки валяются («По гатчинским мрачным палатам...») *Неизвестный автор* II, 452
- На Волге («Я над Волгой сидел...») *Русанов* II, 489
- «На земле у нас родной...» (Овцы) *Неизвестный автор* II, 119
- ⟨На Карамзина⟩. («В его „Истории“ изящность, простота...») *Пушкин* I, 220
- На кончину е.и.в. государыни императрицы Александры Федоровны («Умерла императрица...») *Неизвестный автор* II, 25
- На коронацию («Гудят, гремят все сорок сороков...») *Богораз* II, 436
- «На мягком склоне покрытой лесом горы...» (У могилы Герцена) *Алисов* II, 164
- ⟨На П. В. Лопухина⟩ («Здравствуй, князь, о князь светлейший!..») *Неизвестный автор* I, 332
- На переломе («Над спокойно спящею землею...») *Богораз* II, 465
- На погребение науки («Забил барабан перед смутной толпой...») *Неизвестный автор* I, 544
- На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча («Вниманьем высшего начальства...») *Добролюбов* II, 144
- «На рубеже прошедшего с грядущим...» (Новогодняя песня) *Волховской* II, 475
- «На сером фоне фас тюрьмы...» (У окна) *Волховской* II, 283
- На смерть Богомолова («Он пал, герой! Его могила...») *Неизвестный автор* II, 266
- На смерть И. М. Ковальского («Снова бой неравный с дикой силой...») *Неизвестный автор* II, 342
- На смерть М. В. Куприянова («Гнета не снес ты, судьбиною данного...») *Синегуб* II, 352

- На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними («Перед гробницею позорной...») *Добролюбов II*, 70
- На смерть Судейкина («На травле яростной усердствуя безмерно...») *Богораз II*, 365
- 〈На смерть Чернова〉 («Клянемся честью и Черновым...») *Кюхельбекер I*, 288
- На смерть Якубовича («Все, все валятся сверстники мои...») *Кюхельбекер I*, 291
- «На соломе лежал он в темнице сырой...» (Вожди свободы) *Неизвестный автор II*, 18
- «На травле яростной усердствуя безмерно...» (На смерть Судейкина) *Богораз II*, 365
- На 1885 год («Как ревизор судом и карой...») *Христофоров (?) II*, 318
- На 1887 г. («„Ничто не ново под луною“...») *Белоголовый (?) II*, 326
- «На улице и длинной, и широкой...» (Помойная яма) *Ленский (?) II*, 16
- «На утесе на твердом сажу я и слушаю...» (С того берега) *Огарев II*, 48
- На Фотия («Полуфанатик, полуплут...») *Пушкин (?) I*, 241
- 〈На 14 декабря〉 («Приветствую тебя, мое светило!...») *Пушкин I*, 233
- На экзамен коллежских ассессоров («Государь! Мы, сыновья России, зовем к тебе...») *Неизвестный автор I*, 346
- Навуходоносор («В давно минувшие века...») *Курочкин II*, 23
- Навуходоносор («Пойте, други, песнь победы!...») *Хомяков I*, 493
- «Над вашей памятью кровавой...» (Декабристам) *Неизвестный автор I*, 525
- «Над вашими телами наругавшись...» (Пятеро) *Михайлов М. Л. II*, 519
- Над могилой Судейкина («Прости, о господи, служителям твоим...») *Неизвестный автор II*, 311
- «Над рекою, над пенным Волховом...» (Вечевой колокол) *Мей I*, 424
- «Над спокойно спящею землею...» (На переломе) *Богораз II*, 465
- Надгробное («Что тебя прихлопнуло...») *Огарев II*, 139
- «Надменный временщик, и подлый и коварный...» (К временщику) *Рылеев I*, 261
- Надпись к Сенату («Какой тут правды ждать...») *Милонов (?) I*, 190
- Надпись на крепостной тарелке («Тюрьма мне в честь, не в укоризну...») *Рылеев I*, 276
- Наливайко (Отрывки из поэмы) *Рылеев I*, 274
- «Нам выпало счастье — все лучшие силы...» (Лопатину) *Фигнер II*, 532
- Наместничество («Ежели государев наместник...») *Неизвестный автор I*, 148
- «Напрасно видишь тут ошибку...» (К бюсту завоевателя) *Пушкин I*, 236
- Напутствие («Забудь уныния язык!...») *Огарев II*, 133
- «Народ, смеявшийся над всем без исключения...» (Французам) *Каратыгин (?) I*, 504

- Народная песня («Господи, царя спаси!..») *Неизвестный автор* I, 348
- «Нас было много на челне...» (Арион) *Пушкин* I, 235
- «Настанет год, России черный год...» (Предсказание) *Лермонтов* I, 402
- Национальный гимн («Вставай, Русь, царем вся измученная...») *Неизвестный автор* II, 166
- «Наша доля слезами полита...» (Песня бедняков) *Оржих* II, 429
- Нашим угнетателям («Пусть злоба низкая идет...») *Волховской* II, 285
- «Не богу ты служил и не России...» *Тютчев* I, 519
- «Не божий здесь алтарь и не роскошный трон...» *Богораз* II, 367
- «Не бось, не бось! мои боярыни и баре...» (Восточный вопрос в панораме) *Огарев* II, 125
- «Не бояр, не вельмож тороватых...» (Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться) *Барыкова* II, 399
- «Не верю я в величье Иеговы...» (Иегова) *Неизвестный автор* II, 352
- «Не водил я разбой по дороге большой...» (Два пути) *Богораз* II, 433
- «Не вы ль, убранство наших дней...» *Языков* I, 308
- «Не говори: „Забыл он осторожность!..“» (Н. Г. Чернышевскому) *Некрасов* II, 306
- «Не для корысти и богатства...» (Борцу поэту) *Богораз* II, 467
- «Не жди, чтобы цвела страна...» *Кони* I, 476
- «Не звон колокольный, не пенье попов...» *Емельяненко* II, 472
- Не от мира сего («Расскажи, научи...») *Муравский* II, 269
- «Не плачь, о мать моя! и сына не кори!..» (Матери. Из песен о молодом поколении, 5) *Якубович* II, 426
- «Не плачьте над трупами павших борцов...» (Requiem) *Пальмин* II, 524
- «„Не пора ли отдохнуть, о братья!..“» (Из песен о молодом поколении, 6) *Якубович* II, 427
- «Не роскошной я Венере...» (Гимн бороде) *Ломоносов* I, 74
- «Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...» *Оржих* II, 488
- «Не слышно шуму городского...» (Песнь узника) *Глинка* I, 297
- «Не стая птиц, а как собаки...» (Братья-журналисты) *Куликов* I, 447
- «Не то обидно мне, что отнята свобода...» *Волховской* II, 280
- «„Не тот отчизны верный сын...“» (Волынский) *Рылеев* I, 262
- «Не трава в степи колышется...» *Неизвестный автор* II, 198
- Небесное ликованье («Однажды бог, восстав от сна...») *Неизвестный автор* I, 350
- Негодование («К чему мне вымыслы? К чему мечтанья мне...») *Вяземский* I, 198
- «Недвижимы, как мертвые в гробах...» *Одоевский* I, 392
- Недоразумение («„С чем, брат, предьявился?..“») *Саблин* II, 383
- «Неизвестного прихода поп...» (Поп и дьячок) *Неизвестный автор* I, 546
- «Непреклонная гордость во взгляде...» (Пропагандист) *Михайлов* II, 267
- «Нет, бог не милосерд! Пред ним напрасны слезы...» (Предопределение) *Лавров* II, 149
- «Нет, вы скажите мне одно...» (Прокурорские речи) *Волховской* II, 272

- «Нет, не до песен мне, сестра...» (Сестре Н. Н. К(реницыно)й, просившей у меня стихов в альбом) *Креницын I*, 397
- «Нет, не рожден я биться лбом...» *Григорьев А. А. I*, 473
- «Нету работы... семья голодает...» (В память июньских дней 1848 года) *Клеменц II*, 192
- Нечего ждать! («Время унылое. Грозное горе...») *Неизвестный автор II*, 208
- Николосор («Он добродетель страх любил...») *Давыдов В. Л. I*, 513
- «„Ничто не ново под луною“...» (На 1887 г.) *Белоголовый (?) II*, 326
- Новая беда («Беда вам, попадьи, поповичи, поповны!...») *Полежаев I*, 368
- Новая песня («Отречемся от старого мира!...») *Лавров II*, 190
- Новая реформа («Убит шпион, что жизнь мою хранил как око...») *Неизвестный автор II*, 291
- Новая тюрьма («Строится, вижу, здесь что-то такое...») *Лавров (?) II*, 195
- Новгород («Сыны снегов, сыны славян...») *Лермонтов I*, 404
- Новогодняя песня («На рубеже прошедшего с грядущим...») *Волховской II*, 475
- Новому царю («Пусть гордой Франции презренный повелитель...») *Лавров II*, 152
- Новоселье («Эх! и плохие пришли времена!...») *Оржих II*, 487
- Новь («Утро. Ночи тьма редеет...») *Саблин II*, 386
- Ночь («Шепот, грозное бряцанье...») *Неизвестный автор II*, 321
- «Ночь темна. Лови минуты!...» (Арестант) *Огарев I*, 437
- Ночью («Всё тихо. Небесных светил мириады...») *Морозов II*, 349
- «Ну, ребята, чур, дружнее...» *Неизвестный автор I*, 347
- «Ну, я преступник, уж положим...» (Мать) *Волховской II*, 282
- «Нужно ль вам истолкованье...» (Русский бог) *Вяземский I*, 202
- Ныне употребляемый саксонских крестьян «Отче наш» («Солдат, как скоро в дом вступает...») *Неизвестный автор I*, 157
- «О братство святое, святая свобода!...» *Волховской II*, 284
- «О, горе нам, холопам, за господами жить!...» («Плач холопов») *Неизвестный автор I*, 134
- «О! дар небес благословенный...» (Вольность) *Радищев I*, 89
- «О, как я беден бесконечно...» (М. А.) *Волховской II*, 278
- «О, мира черного жилец!...» (В темнице) *Раевский I*, 213
- «О Николай, не мни...» (Послание к самозванцу Голштейн-Готторпу, что бесстыдно Романовым себя называет) *Ситников I*, 417
- «О, подлое, чудовищное время...» (Из песен о молодом поколении, 3) *Якубович II*, 423
- «О, полно извинять разврат!...» (К ***) *Лермонтов I*, 404
- «О правосудный бог!...» *Неизвестный автор I*, 361
- «О! сколь презрителен певец...» (Ермолову) *Кюхельбекер I*, 287
- «О, сколько ж времени еще мне ждать письма?...» (Письмо) *Волховской II*, 281
- «О ты, козлиными брадами...» («Отрывок из поэмы «Сашка»») *Полежаев I*, 370
- «О ты, который сочетал...» (Орлову) *Пушкин I*, 223
- «О ты, познавший жизнь острога...» (Ода на коронацию Александра III) *Неизвестный автор II*, 306

- «О ты, что в горести напрасно...» (Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова) *Марин I*, 130
- О цензуре («Пришла весна. Но не любовь...») *Курочкин II*, 155
- Обвинительная речь прокурора Желеховского по делу 193-х (1877—78) («Я скажу вам предварительно...») *Саблин или Синегуб II*, 394
- «Обманул нас царь свободой...» *Неизвестный автор II*, 137
- Овцы («На земле у нас родной...») *Неизвестный автор II*, 119
- Н. П. Огареву («Поклон борцу минувших лет...») *Лавров II*, 481
- Ода («Быть богом трудно в наше время...») *Белоголовый II*, 329
- Ода на коронацию Александра III («О ты, познавший жизнь острога...») *Неизвестный автор II*, 306
- Ода на памятник императора Николая («Чтоб надолго дни былые...») *Писарев II*, 511
- Ода на рабство («Приемлю лиру, мной забвенну...») *Капнист I*, 119
- Ода на смерть Николая I («По неизменному природному закону...») *Добролюбов II*, 493
- «Однажды ада царь в своем дворце...» (Сотворение секретаря) *Неизвестный автор I*, 150
- «Однажды бог, восстав от сна...» (Небесное ликованье) *Неизвестный автор I*, 350
- «Однажды бог, восстав от сна...» (Подражание Беранже) *Дельвиэ I*, 293
- «Однажды царь зверей, из львов сильнейший Лев...» (Лошадь, Осел и Собака) *Неизвестный автор I*, 539
- «Однажды я в башне тюремной лежал...» (Тюремные видения) *Морозов II*, 256
- «Однажды я ночной порой...» *Неизвестный переводчик II*, 300
- «Ой, ребята, плохо дело!...» (Барка) *Клеменц и Синегуб II*, 185
- Ольге Любатович («Песнь надежды, песнь свободы...») *Едуков (?) II*, 247
- Он («История зовет его на спешную работу...») *Неизвестный автор II*, 353
- «Он вышней волею небес...» (К портрету Чаадаева) *Пушкин I*, 226
- «Он добродетель страх любил...» (Николосор) *Давыдов В. Л. I*, 513
- «Он пал, герой! Его могла...» (На смерть Богомолова) *Неизвестный автор II*, 266
- «Он родился в бедной доле...» (Студент) *Огарев II*, 133
- Она («Ее всегда в дни детства окружала...») *Синегуб II*, 237
- «Опять вы, гордые, восстали...» (10 июля (1830)) *Лермонтов I*, 402
- Орлица, Турухтан и Тетерев («Орлица царица над стадом птиц была...») *Давыдов Д. В. I*, 174
- «Орлица царица над стадом птиц была...» (Орлица, Турухтан и Тетерев) *Давыдов Д. В. I*, 174
- «Орлова ставила на карту миллион...» (Распутство и ветреность) *Неизвестный автор I*, 360
- Орлову («О ты, который сочетал...») *Пушкин I*, 223
- Ослушная песня («Час ослушный пробил для нас...») *Неизвестный автор II*, 106
- «От плевка мужика поп обиделся...» (Встреча) *Огарев II*, 132
- «От робости дрожавшими устами...» (Султан Мурад) *Неизвестный автор II*, 324
- Ответ («Крепко, дружно вас в объятья...») *Михайлов М. Л. II*, 63

- Ответ Аксакову на стихотворение «Петр Великий» («Священной памяти владыки...») *Дмитриев I, 464*
 Ответ к сочинителю «Гласа невинности» («Итак, сужденье злых умов...») *Клушин I, 126*
 «Отечество наше страдает...» *Катенин I, 243*
 Отзыв на манифест об ополчении («Европа против нас! Окружено врагами...») *Лавров II, 498*
 «Отречемся от старого мира!..» (Новая песня) *Лавров II, 190*
 <Отрывок из водевиля: «Как опасно предаваться честолюбивым снам»> («Что чиновники то же, что воинство...») *Некрасов I, 461*
 Отрывок из Луциллиевой сатиры против его века («Какие времена! Какое ослепленье!..») *Милонов I, 187*
 Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская» («...Прощай, прощай! Но не вини...») *Богораз II, 468*
 <Отрывок из поэмы «Сашка»> («О ты, козлиными брадами...») *Полежаев I, 370*
 «Отчизны враг, слуга царя...» *Баратынский I, 320*
 «Ох, как был-то я добрый молодец во неволюшке...» *Неизвестный автор I, 146*

 «Падет презренное тиранство...» *Никитин II, 510*
 «Пали все лучшие... В землю зарытые...» *Фигнер II, 534*
 Памяти Добролюбова («Вечный враг всего живого...») *Михайлов М. Л. II, 59*
 Памяти Павла Трутковского («Прощай, товарищ по страданиям!..») *Неизвестный автор II, 266*
 Памяти Рылеева («В святой тиши воспоминаний...») *Огарев II, 68*
 Памяти 1873—75 гг. («Я врагами давно погребен...») *Морозов II, 255*
 Памяти царя Николая («У шпика римского Петра...») *Стронин II, 323*
 Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова («О ты, что в горести напрасно...») *Марин I, 130*
 «Паспорт, котомка...» (Из 1874 года) *Муравский II, 269*
 Певец в темнице («О, мира черного жилец!..») *Раевский I, 213*
 «Перед гробницею позорной...» (На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними) *Добролюбов II, 70*
 Перед смертью («Победа трудна над господством позора...») *Синегуб II, 243*
 Перед судом («Приумолкла тюрьма...») *Морозов II, 346*
 «Переполнены тюрьмы зловонные...» (24 января 1883 г.) *Щиглев II, 530*
 Перуанец к испанцу («Рушитель милой мне отчизны и свободы...») *Гнедич I, 178*
 Песнь («Я страдаю в тяжелой доле...») *Неизвестный автор I, 357*
 Песнь гражданки («Если б мой дорогой, что по злобе людской...») *Волховской II, 361*
 <Песнь декабристов> («Угрюмый лес стоит стеной кругом...») *Неизвестный автор I, 360*
 «Песнь надежды, песнь свободы...» (Ольге Любатович) *Едуков (?) II, 247*
 Песнь пленного ирокезца («Я умру! На позор палачам...») *Полежаев I, 374*

- Песнь погибающего пловца («Вот мрачится...») *Полежаев I*, 377
- Песнь русского («Слишком долго мрак убийственный...») *Лушников I*, 389
- Песнь узника («Не слышно шуму городского...») *Глинка I*, 297
- Песня («Мать ты наша, матушка, православная!...») *Неизвестный автор I*, 523
- Песня («Что ни ветер шумит во сыром бору...») *Бестужев М. А. I*, 421
- Песня бедняков («Наша доля слезами полита...») *Оржих II*, 429
- Песня бранного войнства («Послушайте, братцы...») *Неизвестный автор II*, 107
- Песня гольтыбы («Гой ты, голь российска...») *Григорьев П. В. II*, 304
- Песня народного борца («Душно без счастья и воли...») *Некрасов II*, 188
- Песня ненависти («Вперед! Скорей! Через реки, через горы...») *Лавров II*, 482
- Песня о рубашке («Затекшие пальцы болят...») *Михайлов М. Л. II*, 162
- Песня рубильщиков («Там, где, холодом облиты...») *Якубович II*, 475
- Песня русской няньки у постели барского ребенка («Спи, потомок благородья...») *Огарев II*, 135
- Песня юности («Весело! Шумно! Здесь, жизнь молодая...») *Лавров II*, 483
- Пестелю («Снесем иль нет главу свою...») *Неизвестный автор I*, 354
- Пестрые овцы («Лев пестрых невлюбил овец...») *Крылов I*, 310
- Петербургские мотивы («Вот толпа зевак у окон...») *Неизвестный автор II*, 296
- Петру («Великий гений! муж кровавый!...») *Аксаков К. С. I*, 455
- Петру Алексею («„Барству да маклачеству...“») *Синегуб II*, 240
- «Писать задумав про дворянство...» (Дворянин-барин) *Неизвестный автор II*, 159
- Письмо («О, сколько ж времени еще мне ждать письма?...») *Волховской II*, 281
- Письмо («Сим письмом, пущенным в Люзанском лесу...») *Неизвестный автор I*, 535
- Письмо в тюрьму («Прощайте, братья дорогие!...») *Неизвестный автор II*, 202
- ⟨Письмо к Г. И. Шипову⟩ («Ахти, любезный мой Шипов!...») *Горчаков I*, 113
- Плач пленных иудеев («Когда, влекомы в плен, мы стали...») *Глинка I*, 296
- ⟨Плач холопов⟩ («О, горе нам, холопам, за господами жить!...») *Неизвестный автор I*, 134
- «Пленных братьев упованье...» *Хомяков (?) I*, 495
- Плясовая («Полно, братцы, плакать, горьки слезы лить...») *Тихомиров II*, 252
- «По верноподданной реляции Толстого...» (1888 год) *Белоголовый II*, 330
- «По гатчинским мрачным палатам...» (На бедного Макара все шишки валяются) *Неизвестный автор II*, 452
- «По дворам таскал старик...» (Шарманка) *Зотов II*, 46

- «По духу времени и вкусу...» *Грибоедов* I, 319
- «По неизменному природному закону...» (Ода на смерть Николая I) *Добролюбов* II, 493
- «По чувствам брата мы с тобой...» *Плещеев* I, 472
- «Победа трудна над господством позора...» (Перед смертью) *Синегуб* II, 243
- «Победоносцев и Катков...» (Квнтет) *Неизвестный автор* II, 316
- (Н. П. Поггенполю) («В „Норде” сквозь все тонкости...») *Огарев* II, 112
- «Погиб поэт! — невольник чести...» (Смерть поэта) *Лермонтов* I, 405
- Подблюдные песни (1—7) *Бестужев и Рылеев* I, 283
- Подводный город («Море ропщет, море стонет!...») *Дмитриев* I, 466
- «Подгуляла я...» *Бестужев и Рылеев* I, 282
- Подражание Беранже («Однажды бог, восстав от сна...») *Дельвиг* I, 293
- Подражание Гете («Ты знаешь ли страну, где ловят соболей...») *Неизвестный автор* I, 536
- Подражание первой сатире Буало («Бегу от вас, бегу, петропольские стены...») *Бестужев А. А.* I, 253
- «Подчас, не знаю почему...» (Юмор) *Огарев* I, 431
- «Позабудь свои боли и муки...» *Неизвестный автор* II, 447
- «Позорной казни обреченный...» (Белое покрывало) *Михайлов М. Л.* II, 160
- «Пойте, други, песнь победы!...» (Навуходоносор) *Хомяков* I, 493
- «Пойте, товарищи! Песней веселую...» (2-е(14) июля 1889 г.) *Гейман* II, 485
- «Пока наш русский бог...» (Сердце царево в руке божией) *Шумахер* II, 508
- «Поклон борцу минувших лет...» (Н. П. Огарев) *Лавров* II, 481
- «Полицейский нахал...» (Становой) *Фесенко (?)* II, 218
- «Полковник некогда преториян России...» (Клеветнику) *Кюхельбекер* I, 292
- «Полно, братцы, плакать, горьки слезы лить...» (Плясовая) *Тихомиров* II, 252
- «Полно, сосед, заниматься!...» (Тук-тук) *Фигнер* II, 532
- «Полуфанатик, полуплут...» (На Фотия) *Пушкин (?)* I, 241
- «Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать...» (Желания) *Вадковский* I, 444
- Помойная яма («На улице и длинной, и широкой...») *Ленский (?)* II, 1
- Поп и дьячок («Неизвестного прихода поп...») *Неизвестный автор* I, 546
- Поправка обстоятельств, или Женитьба майора («Вот майором десять лет...») *Федотов* I, 484
- «Пора недавняя, сияющая славой...» (Современному поколению) *Богораз* II, 470
- Послание к Брежинскому («Итак, Радищева не стало!...») *Пнин* I, 166
- Послание к другу («Что значат эти увещанья?...») *Зубов* I, 384
- Послание к самозванцу Голштейн-Готторпу, что бесстыдно Романовым себя называет («О Николай, не мни...») *Ситников* I, 417
- Послание Мих. Ил. Михайлову («С Балтийского моря на Дальний Восток...») *Лавров* II, 505

- Послание от Дольского к Кутайсову («Пришло нам время разлучаться...») *Неизвестный автор* I, 331
- Послание Рылеева к жене своей из темницы («Ты хочешь, милая жена...») *Ситников (?)* I, 420
- Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...») *Пушкин* I, 229
- Послания (1—2) *Неизвестный автор* II, 26
- После казни 4 ноября («И опять палачи!.. Сердца крик, замолчи!..») *Морозов* II, 362
- «После обеда...» (Беседа у секретаря) *Неизвестный автор* I, 153
- После одной проповеди («Ехидным змием, козлицем лукавым...») *Неизвестный автор* II, 309
- Последнее прости!.. («Замученный тяжкой неволей...») *Мачтет* II, 197
- Последнее слово Рылеева, произнесенное на кронверке перед входом на эшафот, к народу («Я с мрачным размышленьем...») *Неизвестный автор* I, 356
- Последние минуты («Прошай, несчастный мой народ!..») *Минаков* II, 419
- «Последний день, последние мгновенья...» (Монолог из поэмы «Перовская») *Попов* II, 465
- Последняя исповедь («Во имя отца и сына и святого духа...») *Минский* II, 354
- «Послушайте, братцы...» (Песня бранного воинства) *Неизвестный автор* II, 107
- «Почто, любезный сын, так скоро ты пришел...» (Разговор в царстве мертвых, носившийся в народе 1801 года) *Неизвестный автор* I, 330
- Поэт («Приходи ко мне, голь непокрытая...») *Барыкова* II, 302
- Правда («Забросайте меня всюю грязью земли...») *Неизвестный автор* II, 445
- Предисловие (к «Колоколу») («Россия тягостно молчала...») *Огарев* II, 45
- Предопределение («Нет, бог не милосерд! Пред ним напрасны слезы...») *Лавров* II, 149
- Предсказание («Настанет год, России черный год...») *Лермонтов* I, 402
- «Презренного злодея меч...» (Видение Анны Иоановны) *Рылеев* I, 265
- «При разделе мира...» (Русский певец) *Курочкин (?)* II, 41
- «Приветствую тебя, воинственных славян...» *Лермонтов* I, 405
- «Приветствую тебя, мое светило!..» (< На 14 декабря) *Пушкин* I, 233
- «Приветствую тебя, пустынный уголок...» (Деревня) *Пушкин* I, 224
- Привилегия («Какой-то вздумал Лев указ публиковать...») *Хемницер* I, 82
- «Приемлю лиру, мной забвенну...» (Ода на рабство) *Капнист* I, 119
- Призыв («Бросим прочь мы сомненья гнетущие...») *Неизвестный автор* II, 492
- «Природа наша точно мерзость...» (Родина) *Неизвестный автор* I, 548
- «Притеснил мою свободу...» *Полежаев* I, 377
- «Приумолкла тюрьма...» (Перед судом) *Морозов* II, 346
- «Приходи ко мне, голь непокрытая...» (Поэт) *Барыкова* II, 302
- «Пришла весна. Но не любовь...» (О цензуре) *Курочкин* II, 155
- «Пришло нам время разлучаться...» (Послание от Дольского к Кутайсову) *Неизвестный автор* I, 331
- Прогресс («Дважды ваш слуга покорный...») *Волховской* II, 274

- «Проклятие! Пиши стихи в тюрьме...» *Морозов II*, 263
 Проклятое кладбище («У края столицы широкой...») *Богораз II*, 435
 Прокурорские речи («Нет, вы скажите мне одно...») *Волховской II*, 272
 Пропагандист («Непреклонная гордость во взгляде...») *Михайлов Г. II*, 267
 Пророчество («Пусть преклоняются пред палкою народы!..». Современнные отголоски, 1) *Лавров II*, 31
 «Проснулся властитель, опухший от пьянства...» (Сон в летнюю ночь) *Богораз II*, 459
 «Прости, о господи, служителям твоим...» (Над могилой Судейкина) *Неизвестный автор II*, 311
 «Прости, рассадница духовного дурмана...» (Triste vale) *Загоскин (?) I*, 502
 Просьба («Государь наш батюшка...») *Синегуб II*, 179
 «Прочь мои снимите цепи...» *Тихомиров II*, 250
 Прошение в небесную канцелярию («Всепресветлейший и милостивейший творец...») *Неизвестный автор I*, 159
 «Прошла весна, прошло и лето...» (Всё то же) *Волховской II*, 279
 «Прошла зима. Подходит лето...» *Неизвестный автор II*, 264
 Прощай! («Прощай, голубка дорогая...») *Волховской II*, 281
 «Прощай, голубка дорогая...» (Прощай!) *Волховской II*, 281
 «Прощай, земля родная! Может быть!..» *Тихомиров II*, 252
 «Прощай, немытая Россия...» *Лермонтов I*, 407
 «Прощай, несчастный мой народ!..» (Последние минуты) *Минаков II*, 419
 «...Прощай, прощай! Но не вини...» (Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская») *Богораз II*, 468
 «Прощай, товарищ по страданиям!..» (Памяти Павла Трутковского) *Неизвестный автор II*, 266
 «Прощай, холодный и бесстрастный...» (Прощание с Петербургом) *Григорьев А. А. I*, 474
 «Прощайте, братья дорогие!..» (Письмо в тюрьму) *Неизвестный автор II*, 202
 Прощание с Петербургом («Прощай, холодный и бесстрастный...») *Григорьев А. А. I*, 474
 Прощанье эмигранта («Братья печальны, подруга грустна...») *Синегуб II*, 226
 Псков («Среди кремнистых скал, на берегах Великой...») *Панкратьев I*, 423
 «Пускай в России нет дворян...» *Ростопчина (?) I*, 414
 «Пусть гордой Франции презренный повелитель...» (Новому царю) *Лавров II*, 152
 «Пусть злоба низкая идет...» (Нашим угнетателям) *Волховской II*, 285
 «Пусть молодежь кричит публично...» (Старик) *Неизвестный автор II*, 122
 «Пусть преклоняются пред палкою народы!..» (Пророчество. Современнные отголоски, 1) *Лавров II*, 31
 «Пусть я в тюрьме, пускай я связан...» *Волховской II*, 272
 Пятеро («Над вашими телами наругавшись...») *Михайлов М. Л. II*, 519
 «Раз до царя животных, Льва...» (Басня) *Неизвестный автор II*, 25

- Развод («Когда настанет Страшный суд...») *Неизвестный автор* I, 527
- Разговор в 1849 году («А, Вронченко, ты здесь! Насилу! Очень рад!..») *Огарев (?)* I, 438
- Разговор в царстве мертвых, носившийся в народе 1801 года («Почто, любезный сын, так скоро ты пришел...») *Неизвестный автор* I, 330
- Разговор двух крестьянок-старух в великую субботу («„Слышала ль, кумушка, бог-от ведь умер?!.“») *Неизвестный автор* I, 547
- Размышления русского унтер-офицера перед походом («Решено, чтобы шли мы под турку...») *Огарев* II, 134
- «Рано в пылливом уме зарождается...» (Юноше) *Неизвестный автор* II, 448
- Распутство и ветреность («Орлова ставила на карту миллион...») *Неизвестный автор* I, 361
- «Расскажи, научи...» (Не от мира сего) *Муравский* II, 269
- «Реакции дикой суровой поборник...» (Царство дворников) *Иванов-Классик* II, 308
- Революция («Из скрытых жизни родников...») *Орлов* II, 288
- «Редют туманы, и первым лучом...» (Из «Wintermärchen») *Михайлов В. М.* II, 15
- «Ремянный кнут, не безуханный...» (Кнут) *Тургенев И. С.* (?) II, 17
- «Решено, чтобы шли мы под турку...» (Размышления русского унтер-офицера перед походом) *Огарев* II, 134
- «Родился я — как подобает...» (Биография благородного человека) *Кони* I, 478
- Родина («И вот они опять, знакомые места...») *Некрасов* I, 462
- Родина («Природа наша точно мерзость...») *Неизвестный автор* I, 548
- «Родина наша...» *Неизвестный автор* I, 533
- Рождение мессии («Когда-то шли толпы в соборы...») *Лавров* II, 199
- Рок («Зари последний луч угас...») *Полежаев* I, 375
- «Романов и Зернов лихой...» (Двум Александрам Павловичам) *Пушкин (?)* I, 240
- «Роскошный катафалк под аркой триумфальной...» *Белоголовый* II, 314
- России («Тебя призвал на брань святую...») *Хомяков* I, 494
- «Россия тягостно молчала...» (Предисловие к «Колоколу») *Огарев* II, 45
- Ротчеву («Велико, друг, поэта назначенье...») *Шишков* I, 387
- «Русская жизнь! Средь густой темноты...» *Морозов* II, 262
- Русский бог («Нужно ль вам истолкованье...») *Вяземский* I, 202
- «Русский император...» *Соколовский* I, 409
- Русский певец («При разделе мира...») *Курочкин (?)* II, 41
- Русский пролетарий («Вот, истертым вицмундиром...») *Розенгейм* II, 112
- Русский царь («Царь наш — немец русский...») *Неизвестный автор* I, 543
- Русскому народу («„Меня поставил бог над русскою землею...“»).
Современные отголоски, 2) *Лавров* II, 34
- «Русскому солдату...» *Неизвестный автор* II, 90
- «Русь пою, ко мне, мелодия!..» *Белоголовый* II, 321
- «Рушитель милой мне отчизны и свободы...» (Перуанец к испанцу) *Гнедич* I, 178

Рыбьи пляски («Имея в области своей...») Крылов I, 311

«С Балтийского моря на Дальний Восток...» (Послание Мих. Ил. Михайлову) Лавров II, 505

«С глубоким трепетом волненья...» (Г...ву) Неизвестный автор I, 355

«С знакомцем съехавшись однажды, я в дороге...» (Бритвы) Крылов I, 312

С. М. К. («Горел огонь в его очах...») Синегуб II, 227

«С тех пор как нам тупой монгол...» (24 января 1878 года) Неизвестный автор II, 333

С того берега («На утесе на твердом сижу я и слушаю...») Огарев II, 48

«„С чем, брат, предъявился?...“» (Недоразумение) Саблин II, 383
Садоводство («Жил-был садовник — барин важный...») Неизвестный автор II, 116

«Сам-друг в степи необозримой...» (В степи. Из дорожных воспоминаний, 1) Волховской II, 275

〈Сатирическая песня на исправников〉 («Вдруг под вечер сани зашумели...») Неизвестный автор I, 161

«Сатурн губительной рукою...» (Глас правды) Раевский I, 206

Н. Д. Свербееву («Едва ты юности коснулся...») Аксаков К. С. I, 457

Свидание («Два императора...») Огарев II, 189

«Свобода, свободушка, воля вольная...» (Свободушка) Синегуб II, 177

Свободное слово («Ты — чудо из божьих чудес...») Аксаков К. С. I, 460

Свободушка («Свобода, свободушка, воля вольная...») Синегуб II, 177

«Свободы гордой вдохновенье!...» (Элегия) Языков I, 307

«Свободы сеятель пустынный...» Пушкин I, 232

Святки (1—2) Горчаков I, 109

«Священной памяти владыки...» (Ответ Аксакову на стихотворение «Петр Великий») Дмитриев I, 464

«Сгинули силы...» Морозов II, 263

«Сдвинемся тесною, дружной семьей...» (Дружной) Оржих II, 430

«Сей, Маша, мучицу, пеки пироги...» (Подблюдные песни, 4) Бестужев и Рылеев I, 284

17 апреля 1856 года («Царь Николай просил у бога...») Добролюбов II, 494

Сердце царево в руке божией («Пока наш русский бог...») Шумахер II, 508

Сестре Н. Н. К(реницыно)й, просившей у меня стихов в альбом («Нет, не до песен мне, сестра...») Креницын I, 397

«Сила ломит и соломушку...» Павловский (?) II, 526

«Сим письмом, пущенным в Люзанском лесу...» (Письмо) Неизвестный автор I, 535

«Сим победиши» («Мой друг, твой голос молодой...») Огарев II, 64

«Скажи мне, двигатель народный...» (Кнут) Неизвестный автор II, 11

«Сказали раз царю, что наконец...» Пушкин I, 233

Сказка («Я когда-нибудь сберусь...») Неизвестный автор II, 12

- Сказка про белого царя («„Вот в некотором царстве...») *Шумахер II*, 506
- Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться («Не бояр, не вельмож тороватых...») *Барыкова II*, 399
- Сказки («Ура! в Россию скачет...») *Пушкин I*, 220
- Сказочный город («Говорят, этот город красивый...». Из песен о молодом поколении, 2) *Якубович II*, 420
- «Сквозь тьму отчаянья пробьюся...» (Дни моего отчаяния) *Путята I*, 322
- «Скованы цепи...» *Морозов II*, 346
- «Слава богу на небе, а свободе на сей земле!..» (Подблюдные песни, 1) *Бестужев и Рылеев I*, 283
- «Славься, свобода и честный наш труд!..» *Неизвестный автор II*, 107
- «Слезам горькими, тоскою...» (К ***) *Теплова I*, 400
- «Слишком долго мрак убийственный...» (Песнь русского) *Лушиков I*, 389
- Случайному тюремному другу («Спасибо, друг! Мы встретились случайно...») *Волховской II*, 276
- «Слушай!» («Как дело измены, как совесть тирана...») *Гольц-Миллер II*, 522
- «„Слушай! Слушай!“ — гремит над сонною землею...» (Часовые) *Лавров II*, 150
- «„Слышала ль, кумушка, бог-от ведь умер?!.“» (Разговор двух крестьянок-старух в великую субботу) *Неизвестный автор I*, 547
- Смерть поэта («Погиб поэт! — невольник чести...») *Лермонтов I*, 405
- Смеюсь и плачу («Смотря на глупости, коварство, хитрость, лезть...») *Раевский I*, 207
- «Смолкает „Колокол“ на время...» (До свиданья) *Огарев II*, 66
- «Смолкли честные, доблестно павшие...» *Некрасов II*, 342
- «Смотря на глупости, коварство, хитрость, лезть...» (Смеюсь и плачу) *Раевский I*, 207
- «Снесем иль нет главу свою...» (Пестелю) *Неизвестный автор I*, 354
- «Снился мне образ твой — нежный, тоскующий...» (Матери) *Кравцов II*, 363
- «Снова бой неравный с дикой силой...» (На смерть И. М. Ковальского) *Неизвестный автор II*, 342
- Собачий пир («Когда взошла заря и страшный день багровый...») *Бенедиктов II*, 83
- Современная ода («Где нелюбимый сын царевны...») *Неизвестный автор II*, 456
- Современное («Вот Семен Авденч...») *Огарев II*, 51
- Современному поколению («Пора недавняя, сияющая славой...») *Богораз II*, 470
- Современные отголоски (1—2) *Лавров II*, 31
- «Солдат, как скоро в дом вступает...» (Ныне употребляемый саксонских крестьян «Отче наш») *Неизвестный автор I*, 157
- Солдатская жизнь, сочиненная в большом городе, в каменных палатах, почтенным человеком, которого бьет всяк, майя 1 1803 («Хоть читай иль не читай...») *Неизвестный автор I*, 336
- Сон («В ночной тиши, в безмолвье каземата...») *Богораз (?) II*, 439

- Сон («Когда сменился день молчаньем темной ночи...») *Огарев* I, 437
- Сон («Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?») *Давыдов Д. В.* I, 171
- «Сон был нарушен. Здесь и там...» (Михайлову) *Огарев* II, 61
- Сон в летнюю ночь («Проснулся властитель, опухший от пьянства...») *Богораз* II, 459
- Сонет («Когда, сковав навек дрожащие народы...») *Неизвестный автор* II, 331
- «Соотчики мои, заступники свободы...» (Страдальцам-изгнанникам) *Ростопчина* I, 413
- «Сосед достойный, дорогой...» (А. А. И(вановском)у, обещавшему мне несколько рукописей К. Ф. Рылеева) *Креницын* I, 396
- Сотворение секретаря («Однажды ада царь в своем дворце...») *Неизвестный автор* I, 150
- «Спасибо, друг! Мы встретились случайно...» (Случайному тюремному другу) *Волховской* II, 276
- «Спасителя рождением...» *Вяземский* I, 193
- «Спи, малютка, спи, мой милый...» (Колыбельная песня) *Неизвестный автор* II, 343
- «Спи, потомок благородья...» (Песня русской няньки у постели барского ребенка) *Огарев* II, 135
- Сравнение Петербурга с Москвой («У вас Нева...») *Вяземский* I, 192
- «Среди кремнистых скал, на берегах Великой...» (Псков) *Панкратьев* I, 423
- Становой («Полицейский нахал...») *Фесенко (?)* II, 218
- Станс («Когда Подлон кричит пред многолюдным кругом...») *Неизвестный автор* I, 152
- Старик («Пусть молодежь кричит публично...») *Неизвестный автор* II, 122
- Стихи на архимандрита Фотия («Карета мчится выписная...») *Неизвестный автор* I, 349
- ⟨Стихи, носившиеся в народе в 1802 году, на князя Гаврилу Петровича Гагарина) («Так-то делают вельможи...») *Неизвестный автор* I, 149
- ⟨Стихи, носившиеся в народе, на случай смерти Потемкина) («Век счастливо прожив, Потемкин князь скончался...») *Неизвестный автор* I, 147
- Страдальцам-изгнанникам («Соотчики мои, заступники свободы...») *Ростопчина* I, 413
- «Строится, вижу, здесь что-то такое...» (Новая тюрьма) *Лавров (?)* II, 195
- «Струн вещей пламенные звуки...» *Одоевский* I, 392
- Студент («Он родился в бедной доле...») *Огарев* II, 133
- «Суд нынче мог бы хоть с балетом...» *Боровиковский* II, 215
- Судьба русского поэта («Глядишь, глядишь, как правду дуют...») *Волховской* II, 276
- Султан Мурад («„От робости дрожавшими устами...“») *Неизвестный автор* II, 324
- «Сыны отечества кланутся...» (К отечеству) *Тургенев А. И.* I, 168
- «Сыны снегов, сыны славян...» (Новгород) *Лермонтов* I, 404
- Тайное собрание («Уж как в Третьем отделенье...») *Морозов и Клеменц* II, 350

- «Так-то делают вельможи...» ((Стихи, носившиеся в народе в 1802 году, на князя Гаврилу Петровича Гагарина)) *Неизвестный автор* I, 119
- «Там, в краю далеком...» (Могила) *Синегуб* II, 225
- «Там, где, холодом облиты...» (Песня рубильщиков) *Якубович* II, 475
- Там и здесь («Там, на Западе далеком...») *Волховской* II, 286
- «Там, на Западе далеком...» (Там и здесь) *Волховской* II, 286
- «Там, средь движенья...» *Морозов* II, 382
- Тарлейская скала («В глубокой древности один законодатель...») *Федотов* I, 487
- «Твердой поступью, с радостным взором...» *Неизвестный автор* II, 444
- «Твердыню дуба разломил...» *Ротчев* I, 385
- «Тебя ли не помнить? Пока я дышу...» *Одоевский* I, 391
- «Тебя призвал на брань святую...» (России) *Хомяков* I, 494
- «Тебя судил всевышний с нами...» *Чичерин* I, 517
- Тень Рылеева («В ужасных тех стенах, где Иоанн...») *Кюхельбекер* I, 289
- «Теперь вопрос мне разрешите...» (Воззвание к любителям вольности и равенства) *Жохов* I, 498
- Тихие звуки («Люди великие, жертвы гонения...») *Оржих* II, 437
- «Тихо в тюрьме, как в могиле...» *Калиновский* и *Данненберг* II, 464
- Ткачи («Глаза их сухие, не блещут слезами...») *Лавров* II, 414
- «То не на небе туча черная собиралася...» *Навроцкий* II, 173
- «Товарищи, соратники и братья...» (14-е июня 1898 г.) *Волховской* II, 477
- Тоска по родине («Город роскоши и шума...») *Неизвестный автор* II, 157
- «Тот ныне царь — вселенной правит...» (Бренность почестей и величий человеческих) *Пнин (?)* I, 166
- 30 июля. — (Париж) 1830 года («Ты мог быть лучшим королем...») *Лермонтов* I, 403
- «Тридцать лет скоро вот...» (Дума кузнеца) *Клеменц* II, 181
- Тризна («Утихнул бой Гафурский. По волнам...») *Одоевский* I, 391
- «Трудолюбивая пчела!..» (К пчеле, прилетевшей к решетке окна моего каземата весной 1826 года) *Неизвестный автор* I, 355
- Тук-тук («Полно, сосед, заниматься!..») *Фигнер* II, 532
- «Тучи черные в небе носятся...» *Архангельский* II, 442
- «Ты боролся с неправдой и злом...» (Чернышевскому) *Оржих* II, 432
- «Ты в пору мрачную невзгод...» (К бюсту Белинского) *Синегуб* II, 222
- «Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...» *Синегуб* II, 235
- «Ты знаешь ли страну, где ловят соболей...» (Подражание Гете) *Неизвестный автор* I, 536
- «Ты знал ли дикий край, под знойными лучами...» (Жалобы турка) *Лермонтов* I, 401
- «Ты мог быть лучшим королем...» (30 июля. — (Париж) 1830 года) *Лермонтов* I, 403
- «Ты не молод, не глуп, и ты не без души...» *Павлов* I, 489
- «Ты не чужой мне, слава богу...» (К другу) *Синегуб* II, 239
- «Ты скажи, говори...» *Бестужев* и *Рылеев* I, 281
- «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?...» *Радищев* I, 107

- «Ты хочешь, милая жена...» (Послание Рылеева к жене своей из темницы) *Ситников (?)* I, 420
- «Ты — чудо из божьих чудес...» (Свободное слово) *Аксаков К. С.* I, 460
- 1888 год («По верноподданной реляции Толстого...») *Белоголовый* II, 330
- 1849 год («Вы знаете: победа дряхлой власти...») *Огарев* I, 436
- Тюремные видения («Однажды я в башне тюремной лежал...») *Морозов* II, 256
- «Тюрьма мне в честь, не в укоризну...» (Надпись на крепостной тарелке) *Рылеев* I, 276
- «Тяжкий крест несем мы, братья...» *Никитин* II, 510
- «У вас Нева...» (Сравнение Петербурга с Москвой) *Вяземский* I, 192
- У гроба («Как удар громовой, всенародная казнь...») *Ольхин* II, 337
- «У края столицы широкой...» (Проклятое кладбище) *Богораз* II, 435
- У могилы Герцена («На мягком склоне покрытой лесом горы...») *Алисов* II, 164
- «У мужика зажиточного было...» (Басня) *Неизвестный автор* I, 537
- «У них в Европе...» (Аксаковская мелодия) *Неизвестный автор* II, 316
- У окна («На сером фоне фас тюрьмы...») *Волховской* II, 283
- «У подъезда линейки, коляски...» (Вельможа) *Тиханович* II, 121
- «У царя у нашего...» (Из Москвы в Петербург. Послания, 2) *Неизвестный автор* II, 26
- «У царя у нашего...» (Из Петербурга в Москву. Послания, 1) *Неизвестный автор* II, 26
- «У Цепного моста...» *Шумахер* II, 508
- «У шпица римского Петра...» (Памяти царя Николая) *Стронин* II, 323
- «Убит шпион, что жизнь мою хранил как око...» (Новая реформа) *Неизвестный автор* II, 291
- «Угрюмый лес стоит стеной кругом...» («Песнь декабристов») *Неизвестный автор* I, 360
- «Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...» (Послание цензору) *Пушкин* I, 229
- «Ударит час — как тяжкий сон...» (Мите) *Гейман* II, 486
- «Уж вы вейте веревки на барские головки...» (Подблюдные песни, 6) *Бестужев и Рылеев* I, 284
- «Уж как в Третьем отделенье...» (Тайное собрание) *Морозов и Клеменц* II, 350
- «Уж как на небе две радуги...» (Подблюдные песни, 5) *Бестужев и Рылеев* I, 284
- «Уж опять не бывать...» *Неизвестный автор* II, 108
- «Ужели я судьбами осужден...» *Неизвестный автор* I, 358
- Узник («Была семья — семья разбита...») *Волховской* II, 478
- Узнику («Из стен тюрьмы, из стен неволи...») *Рождественский или Утин* II, 63
- Узница («Что мне она! — не жена, не любовница...») *Полонский* II, 529

- «Умерла императрица...» (На кончину е. и. в. государыни императрицы Александры Федоровны) *Неизвестный автор* II, 25
- Упреки («Ах! без жизни проносится жизнь вся моя!..». Из песен о молодом поколении, 4) *Якубович* II, 424
- «Ура! в Россию скачет...» (Сказки) *Пушкин* I, 220
- Уральская песня («Как по реченьке...») *Неизвестный автор* II, 57
- «Уставши бегать ежедневно...» (Голова и Ноги). *Давыдов Д. В.* I, 172
- «Утихнул бой Гафурский. По волнам...» (Тризна) *Одоевский* I, 391
- «Утро. Ночи тьма редееет...» (Новь) *Саблин* II, 386
- Участь русских поэтов («Горька судьба поэтов всех племен...») *Кюхельбекер* I, 290
- Фантазия («Шибко по полю мчится дорожный возок...») *Неизвестный автор* II, 20
- Февраль 1884 («Лечу крылатою мечтою...») *Неизвестный автор* II, 308
- Федорушка («„Барыня-сударыня, матушка Федорушка...“)» *Розенгейм* II, 417
- Фейерверк («Я страшный видел сон. Мне снилось, будто где-то...») *Неизвестный автор* II, 20
- Фонарики («Фонарики-сударики...») *Мятлев* I, 428
- «Фонарики-сударики...» (Фонарики) *Мятлев* I, 428
- Фонарь («Друзья, не лучше ли на место фонаря...») *Неизвестный автор* I, 359
- Французам («Народ, смеявшийся над всем без исключения...») *Каратыгин (?)* I, 504
- Хаос («Как страшно мне! — кругом меня всё мгла немая...») *Неизвестный автор* II, 265
- «Ходить в корню и на пристяжке...» (Знакомый тип. Из дорожных воспоминаний, 2) *Волховской* II, 275
- «Хотел издать Ликурговы законы...» *Неизвестный автор* I, 354
- «Хоть читай иль не читай...» (Солдатская жизнь, сочиненная в большом городе, в каменных палатах, почтенным человеком, которого бьет всяк, майя 1 1803) *Неизвестный автор* I, 336
- Царские указы («Есть речи — значенье...») *Огарев* II, 140
- Царство дворников («Реакции дикой суровый поборник...») *Иванов-Классик* II, 308
- «Царь, дворяне да попы...» *Неизвестный автор* II, 138
- «Царь наш — немец русский...» *Бестужев и Рылеев* I, 278
- «Царь наш — немец русский...» (Русский царь) *Неизвестный автор* I, 543
- «Царь Николай просил у бога...» (17 апреля 1856 года) *Добролюбов* II, 494
- «Царь, советом утвердись...» (Замечания старообрядца на тайные «Постановления по части раскола») *Неизвестный автор* II, 102
- «Царя коварный лъстец, вельможа напыщенный...» (К Рубеллию) *Милонов* I, 188
- Цепи («Зачем игрой воображенья...») *Полежаев* I, 376
- «Час ослушный пробил для нас...» (Ослушная песня) *Неизвестный автор* II, 106

- Часовые («„Слушай! Слушай!“ — гремит над сонною землею...») *Лавров* II, 150
- Челобитная к богу от крымских солдат («Вседержителю боже наш и вселенной творец...») *Неизвестный автор* I, 142
- Н. Г. Чернышевскому («Не говори: „Забыл он осторожность!..“») *Некрасов* II, 306
- Чернышевскому («Ты боролся с неправдой и злом...») *Оржих* II, 432
- Четыре нации («Британский лорд...») *Полежаев* I, 370
- 14 декабря 1861 («Еще одним их меньше стало...») *Ткачев* II, 516
- 14-е июня 1898 г. («Товарищи, соратники и братья...») *Волховской* II, 477
- «Чиновник уж заштатный я...» (Заштатный чиновник) *Арбузов* I, 508
- Н. Ч — и — у («Едва ли мать когда бывает...») *Волховской* II, 277
- Что буду делать я? («Что буду делать я...») *Неизвестный автор* II, 157
- «Что значат эти увещанья?..» (Послание к другу) *Зубов* I, 384
- «Что мне она! — не жена, не любовница...» (Узница) *Полонский* II, 529
- «Что ни ветер шумит во сыром бору...» (Песня) *Бестужев М. А.* I, 421
- «„Что пользы,— говорит расчетливый Свиньин...“» *Вяземский* I, 198
- «Что так ветер воеет глухо...» *Неизвестный автор* II, 92
- «Что тебя прихлопнуло...» (Надгробное) *Огарев* II, 139
- «Что чиновники то же, что воинство...» («Отрывок из водевиля: «Как опасно предаваться честолюбивым снам»») *Некрасов* I, 461
- «„Что это, кумушка,— сказал Медведь Лисице...“» (Карикатура) *Пнин (?)* I, 167
- «Чтоб надолго дни былые...» (Ода на памятник императора Николая) *Писарев* II, 511
- «Чувствую я: приближается время...» (Из апостола Павла) *Тихомиров* II, 249
- «Чуя невзгоду дворянскому роду...» (Изображение Российского царства) *Шумахер* II, 507

- Шарманка («По дворам таскал старик...») *Зотов* II, 46
- «Шепот, грозное бряцанье...» (Ночь) *Неизвестный автор* II, 321
- «Шибко по полю мчится дорожный возок...» (Фантазия) *Неизвестный автор* II, 20
- «Эй, ребята, собирайтесь поскорей...» (Крестьянская песня) *Волховской* II, 187
- Элегия («Восплачь канцелярист, повытчик, секретарь...») *Нахимов* I, 184
- Элегия («Еще молчит гроза народа...») *Языков* I, 307
- Элегия («Свободы гордой вдохновенье!..») *Языков* I, 307
- «Эх, батюшка, твой дележ нехорош...» (Дележ нехорош) *Погосский* II, 521
- «Эх! и плохие пришли времена!..» (Новоселье) *Оржих* II, 487

- «Эх, кабы нам теперь да на луг, господ...» *Шишко (?) II, 253*
 «Эх, солдатское житье...» *Неизвестный автор II, 88*
 «Эх, товарищи любезны...» *Неизвестный автор II, 91*
 «Эх ты доля, моя доля...» (Доля) *Синегуб II, 178*
 «Эх ты, царь наш батюшка...» (Мысли россиянина при чтении указа о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам в западных четырех губерниях и четырех уездах) *Огарев II, 98*

Юмор («Подчас, не знаю почему...») *Огарев I, 431*

Юноше («Рано в пыльном уме зарождается...») *Неизвестный автор II, 448*

- «Я в первый раз взял в руки лиру...» *Завалишин I, 328*
 «Я врагами давно погребен...» (Памяти 1873—75 гг.) *Морозов II, 255*
 «Я встречаю зарю...» (Вечерняя заря) *Полежаев I, 372*
 «Я вынести могу разлуку...» *Волховской II, 282*
 «Я когда-нибудь сберусь...» (Сказка) *Неизвестный автор II, 12*
 «Я ль буду в роковое время...» *Рылеев I, 273*
 «Я люблю смотреть на звезды...» (Взгляд на природу) *Вейнберг II, 120*
 «Я мужик, ты мужик...» (Мужицкая) *Неизвестный автор II, 449*
 «Я над Волгой сидел...» (На Волге) *Русанов II, 489*
 «Я нашел, друзья, нашел...» (Двуглавый орел) *Курочкин II, 43*
 «Я песни страшные слагаю...» *Завалишин I, 327*
 «Я пою для тех, чьи души юны...» (Из песен о молодом поколении, 1) *Якубович II, 419*
 «Я с мрачным размышленьем...» (Последнее слово Рылеева, произнесенное на кронверке перед входом на эшафот, к народу) *Неизвестный автор I, 356*
 «Я скажу вам предварительно...» (Обвинительная речь прокурора Желеховского по делу 193-х (1877—78)) *Саблин или Синегуб II, 394*
 «Я слышу грозный клич: война!...» *Карлин I, 515*
 «Я составил себе положение...» (Гибкий человек) *Вейнберг II, 55*
 «Я сплю иль нет?.. Что это — ночь иль день?..» (Забутье) *Огарев II, 26*
 «Я страдаю в тяжелой доле...» (Песнь) *Неизвестный автор I, 357*
 «Я страшный видел сон. Мне снилось, будто где-то...» (Фейерверк) *Неизвестный автор II, 20*
 «Я умру! На позор палачам...» (Песнь пленного ирокезца) *Полежаев I, 374*
 «Я ускользнул от Эскулапа...» (N.N.) *Пушкин I, 222*
 N.N. («Я ускользнул от Эскулапа...») *Пушкин I, 222*
 Requiem («Не плачьте над трупами павших борцов...») *Пальмин II, 524*
 Triste vale («Прости, рассадница духовного дурмана...») *Загоскин (?) I, 502*

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Полярная звезда. Лондон. 1855 — 1869

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

1. «Как восьмого сентября...» 7

Л. Н. ТОЛСТОЙ

2. «Как четвертого числа...» 9

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

3. Кнут («Скажи мне, двигатель народный...») 11
4. Сказка 12

Н. П. ОГАРЕВ

5. Искандеру 14

В. М. МИХАЙЛОВ

6. Из «Wintermärchen». (Из Г. Гейне) 15

Д. Т. ЛЕНСКИЙ (?)

7. Помойная яма. Басня 16

И. С. ТУРГЕНЕВ (?)

8. Кнут («Ремянный кнут, не безуханный...») 17

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

9. Вожди свободы	18
10. Фантазия	20
11. Фейерверк	20

В. С. КУРОЧКИН

12. Навуходносор. <i>〈Из П.-Ж. Беранже〉</i>	23
---	----

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

13. Басня («Раз до царя животных Льва...»)	25
14. На кончину е. и. в. государыни императрицы Александры Федоровны	25
15—16. П о с л а н и я	
1. Из Петербурга в Москву	26
2. Из Москвы в Петербург	26

Н. П. ОГАРЕВ

17. Забытье	26
-----------------------	----

Голоса из России. Лондон. 1856 — 1860

П. Л. ЛАВРОВ

18—19. Современные отголоски	
1. Пророчество	31
2. Русскому народу	34

В. С. КУРОЧКИН (?)

20. Русский певец	41
-----------------------------	----

В. С. КУРОЧКИН

21. Двуглавый орел	43
------------------------------	----

Колокол. Лондон — Женева. 1857 — 1867

Н. П. ОГАРЕВ

22. Предисловие <i>〈к «Колоколу»〉</i>	45
---	----

В. Р. ЗОТОВ

23. Шарманка	46
------------------------	----

Н. П. ОГАРЕВ

24. С того берега 48
25. Современное 51

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

26. Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года 53

В. Р. ЗОТОВ

27. «Грустно матушке России...» 55

П. И. ВЕЙНБЕРГ

28. Гибкий человек 55

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

29. Уральская песня 57

М. Л. МИХАЙЛОВ

30. Памяти Добролюбова 59

Н. П. ОГАРЕВ

31. Михайлову 61

И. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ или Н. И. УТИН

32. Узнику 63

М. Л. МИХАЙЛОВ

33. Ответ 63

Н. П. ОГАРЕВ

34. «Сим победиши» 64

В. С. КУРОЧКИН (?)

35. «Долго нас помещики душили...» 65

Н. П. ОГАРЕВ

36. До свиданья 66

Н. П. ОГАРЕВ

37. Памяти Рылеева 68

Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый.
Стихотворения. Часть первая. С предисловием Н. Огарева.
Лондон. 1861

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

38. На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за
жестокое обращение с ними 70
39. Друзьям в России. <Из А. Мицкевича> 82

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

40. Собачий пир. <Из О. Барбье> 83

П. Л. ЛАВРОВ (?)

41. «Когда он в вечность преселился...» 87

Солдатские песни. Лондон. 1862

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

42. «Эх, солдатское житье...» 88
43. «Русскому солдату...» 90
44. «Эх, товарищи любезны...» 91
45. «Что так ветер воеет глухо...» 92
46. «Братцы! дружно песню грянем...» 93
47. «„Дядя, ты в походах...“» 94

Н. П. ОГАРЕВ

48. «Жил на свете русский царь...» 95

Общее вече. Прибавление к «Колоколу». Лондон. 1862 —
1864

Н. П. ОГАРЕВ

49. Мысли россиянина при чтении указа о прекращении обяза-
тельных отношений крестьян к помещикам в западных
четыре-х губерниях и четыре-х уездах 98

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

50. Замечания старообрядца на тайные «Постановления по
части раскола» 102

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

51. «Ах ты сукин сын, проклятый становой!..»	105
52. Ослушная песня	106
53. «Славься, свобода и честный наш труд!..»	107
54. Песня бранного воинства	107
55. «Уж опять не бывать!..»	108

Будущность. L'Avenir. Лейпциг-Париж. 1860 — 1861

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

56. «Внемли, о царь, надежда Руси новой!..»	110
57. К генералу Гарибальди	110

Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым. Брюссель — Лондон. 1862 — 1864

Н. П. ОГАРЕВ

58. <i>⟨Н. П. Поггенполю⟩</i>	112
---	-----

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

59. Русский пролетарий	112
----------------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

60. Садоводство	116
61. Овцы	119

П. И. ВЕЙНБЕРГ

62. Взгляд на природу	120
---------------------------------	-----

В. Г. ТИХАНОВИЧ

63. Вельможа	121
------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

64. Старик	122
----------------------	-----

Н. П. Огарев. ⟨Отдельные брошюры и листовки⟩. Женева. 1869 — 1871

65. Восточный вопрос в панораме. <i>Рифмованные строчки</i> . . .	125
66. Мужичкам	128
67. «Гой, ребята, люди русские!..»	129

68. Встреча	132
69. Напутствие	133
70. Студент	133
71. Размышления русского унтер-офицера перед походом . .	134
72. Песня русской няньки у постели барского ребенка. <i>Подражание Лермонтову</i>	135

Вольный песенник. Вып. 1—2. Женева. <1870>

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

73. «Обманул нас царь свободой...»	137
74. «Царь, дворяне да попы...»	138

Н. П. ОГАРЕВ

75. Надгробное	139
76. Царские указы. <i>Подражание Лермонтову</i>	140

Собрание запрещенных стихов и прозы. Лейпциг г. 1865 — 1876(?). Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений. Лейпциг г. 1869 — 1879(?). Лютня II. Потаенная литература XIX столетия. Лейпциг г. 1874. Лютня III. Молодая Россия в стихах. Лейпциг г. 1897

В. Р. ЗОТОВ

77. Годовщина (18 февраля 1856 г.)	141
--	-----

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

78. На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча	144
---	-----

П. Л. ЛАВРОВ

79. Предопределение	149
80. Часовые	150
81. Новому царю	152

В. С. КУРОЧКИН (?)

82. Верх премудрости	154
--------------------------------	-----

В. С. КУРОЧКИН

83. О цензуре. <i>Комедия в трех действиях, без соблюдения единства времени, места и действия</i>	155
---	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

84. Тоска по родине	157
85. Что буду делать я?	157
86. Дворянин-барин	158

М. Л. МИХАЙЛОВ

87. Белое покрывало. <i>〈Из М. Гартмана〉</i>	160
88. Песня о рубашке. <i>〈Из Т. Гуда〉</i>	162

П. Ф. АЛИСОВ

89. У могилы Герцена	164
--------------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

90. Национальный гимн	166
---------------------------------	-----

〈А. А. Навроцкий〉. Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин. 〈Женева. 1873〉

91. «Есть на Волге утес...»	169
92. «Было времечко, время давнее...»	171
93. «То не на небе туча черная собиралась...»	173

Сборник новых песен и стихов. *〈Женева〉. 1873*

С. С. СИНЕГУБ

94. Дума ткача	175
95. Свободушка	177
96. Доля	178
97. Просьба	179

Д. А. КЛЕМЕНЦ

98. Дума кузнеца	181
99. «Когда я был царем российским...»	183

Д. А. КЛЕМЕНЦ и С. С. СИНЕГУБ

100. Барка	185
----------------------	-----

Работник. Газета для русских рабочих. *Женева. 1875 — 1876*

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

101. Крестьянская песня	187
-----------------------------------	-----

102. Песня народного борца 188

*Вперед! Непериодическое обозрение. Цюрих — Лондон.
1873 — 1877*

Вперед! Двухнедельное обозрение. Лондон. 1875 — 1876

Н. П. ОГАРЕВ

103. Свидание 189

П. Л. ЛАВРОВ

104. Новая песня 190

Д. А. КЛЕМЕНЦ

105. В память июньских дней 1848 года 192

Л. А. ДМОХОВСКИЙ (?)

106. Заповеди отщепенца. (Акростих) 193

П. Л. ЛАВРОВ

107. Апостол 194

П. Л. ЛАВРОВ (?)

108. Новая тюрьма 195

Г. А. МАЧЕТ

109. Последнее прости!.. 197

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

110. «Не трава в степи колышется...» 198

П. Л. ЛАВРОВ

111. Рождение мессии 199

П. Л. ЛАВРОВ (?)

112. «Война!.. На землю мрак густейший...» 201

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

113. Письмо в тюрьму 202
 114. К арестанту 203

Набат. *Орган русских революционеров. Женева — Лондон. 1875 — 1881*

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

115. «Будем верить и ждать, будем громко взывать...» 205

П. В. ГРИГОРЬЕВ (?)

116. К друзьям 205

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

117. Нечего ждать! 208

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ (?)

118. Друзьям 209

⟨М. П. Драгоманов⟩. *Детоубийство, совершаемое русским правительством. Женева. 1877*

С. И. БАРДИНА (?)

119. Две соседки 211
 120. К матери 213

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

121. «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...» 214
 122. «Возлюбила ты брата убогого...» 215
 123. «Суд нынче мог бы хоть с балетом...» 215
 124. «Мы были там. Его распяли...» 216

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ (?)

125. К ⟨Л. Н.⟩ Фигнер 217

126. **И. Ф. Фесенко (?)**. *Становой. (Быль в стихах). Петербург. 1877* 218

С. С. СИНЕГУБ

127. «Думы мои любые...»	222
128. К бюсту Белинского	222
129. Могила	225
130. Прощанье эмигранта	226
131. С. М. К.	227
132. Мой друг Коля	228
133. Живое кладбище. (Отрывки)	229
134. «Волчонок»	233
135. «Ты знаешь ли, милый, до встречи с тобою...»	235
136. Она	237
137. К другу	239
138. Петру Алексею	240
139. Монолог	242
140. Перед смертью	243
141. Завешание	245

В. НОСОВ

142. Вербовчанину	246
143. «Когда и тьму, и предрассудки...»	247

Н. И. ЕДУКОВ (?)

144. Ольге Любатович	247
--------------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

145. «Когда за жажду обновленья...»	248
---	-----

Л. А. ТИХОМИРОВ

146. Из апостола Павла	249
147. «Дорогие братья!..»	249
148. «Прочь мои снимите цепи...»	250
149. К моему пиджаку. (Подражание Беранже)	250
150. «Прощай, земля родная! Может быть...»	252
151. Плясовая	252

Л. Э. ШИШКО (?)

152. «Эх, кабы нам теперь да на луг, господя...»	253
--	-----

Н. А. МОРОЗОВ

153. В Доме предварительного заключения	254
154. В заключении	254
155. Памяти 1873—75 гг.	255

156. Тюремные видения	256
157. «Русская жизнь! Среди густой темноты...»	262
158. «Проклятие! Пиши стихи в тюрьме...»	263
159. «Сгинули силы...»	263

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

160. «Прошла зима. Подходит лето...»	264
161. Хаос	265
162. Другу Вербовчанину	265
163. На смерть Богомолова	266
164. Памяти Павла Трутковского	266

Г. МИХАЙЛОВ

165. Пропагандист	267
-----------------------------	-----

М. Д. МУРАВСКИЙ

166. Из 1874 года	269
167. Не от мира сего	269
168. Кто? (Из классического поэта Пиндара)	271

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

169. «Пусть я в тюрьме, пускай я связан...»	272
170. Прокурорские речи	272
171. Прогресс	274
172. Гармония	274
173—174. Из дорожных воспоминаний	
1. В степи	275
2. Знакомый тип	275
175. Судьба русского поэта	276
176. Случайному тюремному другу	276
177. Н. Ч — и — у	277
178. М. А.	278
179. «Когда подумаю, голубка, о тебе...»	279
180. Всё то же	279
181. «Не то обидно мне, что отнята свобода...»	280
182. «Бесконечно, мертво, монотонно...»	280
183. Письмо	281
184. Прощай!	281
185. Мать	282
186. «Я вынести могу разлуку...»	282
187. У окна	283
188. «Кашель душит, грудь болит...»	283
189. «О братство святое, святая свобода!...»	284
190. Нашим угнетателям	285
191. Там и здесь	286
192. Кричи!..	286

П. А. ОРЛОВ

193. «Мальчишка» 287
194. Революция 288

Общее дело. Газета политическая и литературная. Жене-
ва. 1877 — 1890

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

195. «Лет тридцать, как раки, мы задом ползли...» 289

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

196. «Люблю тебя, родная Русь...» 290
197. Новая реформа. (Драматический этюд) 291
198. Петербургские мотивы. (Вольный перевод из «Floh») . . . 296

Н. А. МОРОЗОВ

199. Завешание 297

М. И. ВЕНЮКОВ

200. Марсельеза. (Из Ж. Руже де Лиля) 298

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

201. «Однажды я ночной порой...» (Из Т. Г. Шевченко) . . . 300
202. «Кажись, здоров я... Что ж такое...» (Из Т. Г. Шевченко) 301

В. П. МИХАЙЛОВ

203. «Если трезвой мысли холод...» 302

А. П. БАРЫКОВА

204. Поэт. (Из Ж. Ришпена) 302

П. В. ГРИГОРЬЕВ

205. Песня голытьбы 304

Н. А. НЕКРАСОВ

206. Н. Г. Чернышевскому 306

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

207. Ода на коронацию Александра III 306
208. Февраль 1884 308

А. Ф. ИВАНОВ-КЛАССИК

209. Царство дворников 308

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

210. После одной проповеди 309

211. Над могилой Судейкина 311

212. Дворник 311

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

213. П. Л. Лаврову 312

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

214. Встречный голос на въезд Александра III 312

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

215. «Роскошный катафалк под аркой триумфальной...» . . . 314

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

216. «Закрылись тяжелые двери тюрьмы...» 315

217. Аксаковская мелодия 316

218. Квинтет 316

А. А. ОЛЬХИН

219. Дубинушка 317

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

220. На 1885 год 318

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

221. Ночь. (Подражание Фету) 321

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

222. «Русь пою, ко мне, мелодия!..» 321

А. И. СТРОНИН

223. Державная ворона. (Басня) 322

224. Памяти царя Николая 323

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

225. Султан Мурад. (Восточная легенда) 324

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ (?)

226. На 1887 г. 326

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

227. В царстве Плутона 326

228. Два духа. *Современная драма в одном действии* 327

С. М. КОГАН и Н — А З — А

229. «Кто сердца в груди не имеет...» 328

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

230. Ода 329

231. «В наш век безверия не в моде чудеса...» 330

232. «Воистину пришло смешенье языков!...» 330

233. 1888 год 330

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

234. Сонет («Когда, сковав навек дрожащие народы...») 331

А. Х. ХРИСТОФОРОВ (?)

235. «В час, когда живой волною...» 331

Начало. *Орган русских социалистов. Петербург. 1878*

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

236. 24 января 1878 года 333

Земля и воля. *Социально-революционное обозрение. Петербург. 1878 — 1879*

А. А. ОЛЬХИН

237. У гроба 337

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

238. На смерть И. М. Ковальского 342

Н. А. НЕКРАСОВ

239. «Смогли честные, доблестно павшие...» 342

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

240. Колыбельная песня 343

Н. А. САБЛИН

241. Голуби 344

Собрание стихотворений. Петербург. 1879

Н. А. МОРОЗОВ

242. Перед судом 346

243. «Скованы цепи...» 346

244. Борьба 347

245. В заключении 347

246. «Милый друг, безумно смелый...» 348

247. Ночью 349

Н. А. МОРОЗОВ и Д. А. КЛЕМЕНЦ

248. Тайное собрание 350

С. С. СИНЕГУБ

249. На смерть М. В. Куприянова 352

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

250. Иегова 352

251. Он 353

Народная воля. Социально-революционное обозрение. Петербург. 1879—1885

Н. М. МИНСКИЙ

252. Последняя исповедь. (Отрывок из драмы) 354

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

253. Песнь гражданки 361

Н. А. МОРОЗОВ

254. После казни 4 ноября 362

В. Х. КРАВЦОВ

255. Матери («Снился мне образ твой — нежный, тоскующий...») 363

В. Г. БОГОРАЗ

256. «Кровавые реки, веревка и плаха...» 363
257. На смерть Судейкина 365
258. «Не божий здесь алтарь и не роскошный трон...» 367

La poésie par Nicolas Morosoff. Н. А. Морозов. Стихотворения, 1875—1880. Женева. 1880

259. Встреча 368
260. «Там, средь движенья...» 382

Рабочая газета. Ежемесячное издание. Петербург — Москва. 1880—1881

Н. А. САБЛИН

261. Недоразумение. (Разговор рабочего с фабрикантом) 383

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

262. «Время, братцы, уж пришло...» 385

На родине. Лондон — Женева. 1882—1883

Н. А. САБЛИН

263. Новь. (Отрывок из неоконченной поэмы) 386

Н. А. САБЛИН или С. С. СИНЕГУБ

264. Обвинительная речь прокурора Желеховского по делу 193-х (1877—78) 394

265. А. П. Барыкова. Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться. Петербург. 1883 399

Poésies de P. Grigorieff. П. В. Григорьев. Стихотворения. Париж. 1883

266. Дубровин на исповеди 413

Вестник «Народной воли». Революционное социально-политическое обозрение. Женева. 1883—1886

П. Л. ЛАВРОВ

267. Ткачи. <Из Г. Гейне> 414

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

268. Видения 415
269. «Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...» 416

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

270. Федорущка 417

Е. И. МИНАКОВ

271. Последние минуты 419

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

- 272—278. Из песен о молодом поколении
1. «Я пою для тех, чьи души юны...» 419
2. Сказочный город 420
3. «О, подлое, чудовищное время...» 423
4. Упреки 424
5. Матери («Не плачь, о мать моя! и сына не кори!..») 426
6. «Друзья! в тяжелый миг сомненья...» 426
7. «„Не пора ли отдохнуть, о братья?“» 427

Отголоски революции. Таганрог. 1886

Б. Д. ОРЖИХ

279. Песня бедняков 429
280. Дружней 430
281. Тихие звуки 431
282. Чернышевскому 432

В. Г. БОГОРАЗ

283. Два пути 433
284. Матери («Долги вы, зимние ночи бессонные!..») 434
285. Проклятое кладбище 435
286. На коронацию 436

В. Г. БОГОРАЗ (?)

287. Сон 439

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

288. «Мы жертвою пали борьбы роковой...» 440
289. «Тучи черные в небе носятся...» 442

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

290. Завет 443
291. «Твердой поступью, с радостным взором...» 444

292. Правда	445
293. Два течения	446
294. «Позабудь свои боли и муки...»	447
295. Юноше	448
296. Мужичья	449
297. «Гибнем мы! Безумной злобы сила...»	450
298. К — ой	451
299. На бедного Макара все шишки валяются. <i>Плач</i>	452
300. Современная ода	456

301. В. Г. Богораз. Сон в летнюю ночь. (Баллада-шутка). <i>Таганрог. 1886</i>	459
---	-----

Стихи и песни. Сборник стихотворений разных авторов. С приложением стихотворений из ненапечатанного сборника «Отголоски революции». (Москва). 1886

Б. Ф. КАЛИНОВСКИЙ и Ф. Р. ДАННЕНБЕРГ

302. «Тихо в тюрьме, как в могиле...»	464
---	-----

И. И. ПОПОВ

303. Монолог из поэмы «Перовская»	465
---	-----

В. Г. БОГОРАЗ

304. На переломе	465
305. Борцу поэту	467
306. Отрывок из неоконченной поэмы «Софья Перовская»	468

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

307. «Братья, вперед! Не теряйте...»	469
--	-----

308. В. Г. Богораз. Современному поколению. Москва. 1886.	470
--	-----

(И. Я. Емельяненко). Мотивы неволи. Сборник стихотворений. Тетрадь № 1. Женева. 1891

309. «Не звон колокольный, не пенье попов...»	472
---	-----

Новый сборник революционных песен и стихотворений. Париж. 1898

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

310. Матери («Мне снилось сегодня: в безвестном краю...»)	474
311. Песня рубильщиков	475

Ф. В. ВОЛХОВСКОЙ

312. Новогодняя песня	475
313. 14-е июня 1898 г.	477
314. Узник	478

Н. Л. ЛАВРОВ

315. Вперед!	479
316. Н. П. Огареву	481
317. Песня ненависти. <i>(Из Г. Гервега)</i>	482
318. Песня юности	483

Б. Н. ГЕЙМАН

319. «В отдаленном краю, за Уральским хребтом...»	485
320. 2-е (14) июля 1889 г.	485
321. Мите	486

Б. Д. ОРЖИХ

322. Новоселье	487
323. «Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...»	488

Н. С. РУСАНОВ

324. На Волге	489
-------------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

325. Два стана	491
326. Призыв	492

Стихотворения, не входившие в сборники революционной поэзии второй половины XIX в.

Н. А. ДОБРЮБОВ

327. Ода на смерть Николая I	493
328. 17 апреля 1856 года	494

П. Л. ЛАВРОВ

329. Отзыв на манифест об ополчении	498
330. Послание Мих. Ил. Михайлову	505

П. В. ШУМАХЕР

331. Сказка про белого царя	506
332. Изображение Российского царства	507
333. «У Цепного моста...»	508
334. Сердце царево в руке божией	508

<i>И. С. НИКИТИН</i>	
335. «Тяжкий крест несем мы, братья...»	510
336. «Падет презренное тиранство...»	510
<i>Д. И. ПИСАРЕВ</i>	
337. Ода на памятник императора Николая	511
<i>П. Н. ТКАЧЕВ</i>	
338. 14 декабря 1861	516
<i>В. С. КУРОЧКИН</i>	
339. Господин Искарриотов. <i>〈Из П.-Ж. Беранже〉</i>	517
<i>М. Л. МИХАЙЛОВ</i>	
340. Пятеро	519
<i>А. Ф. ПОГОССКИЙ</i>	
341. Дележ нехорош	521
<i>И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР</i>	
342. «Слу-шай!»	522
<i>Л. И. ПАЛЬМИН</i>	
343. Requiem	524
<i>С. С. СИНЕГУБ</i>	
344. «Гей, работники! несите...»	524
<i>И. Я. ПАВЛОВСКИЙ (?)</i>	
345. «Сила ломит и соломушку...»	526
<i>Я. Н. ПОЛОНСКИЙ</i>	
346. Узница	529
<i>В. Р. ЩИГЛЕВ</i>	
347. 24-го января 1883 г.	530
<i>В. Н. ФИГНЕР</i>	
348. Лопатину	532
349. Тук-тук	532

350. Матери («Если, товарищ, на волю ты выйдешь...») . . .	533
351. «Пали все лучшие... В землю зарытые...»	534

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

352. «Итак, сбылись заветные желанья...»	534
353. Казнь	535
Примечания	537
К иллюстрациям	660
Алфавитный указатель авторов и переводчиков	661
Алфавитный указатель произведений	665

Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков:

В 67 Сборник: Т. 2 / Сост., подг. текста и примеч. С. А. Рейсера.— Л.: Сов. писатель, 1988.— 720 с., 16 ил. (Б-ка поэта. Большая сер.).

ISBN 5—265—00228—6 (т. 2)

Во втором томе представлены образцы вольной поэзии второй половины XIX в.; среди них стихотворения видных деятелей русского революционно-демократического движения: Н. П. Огарева, М. Л. Михайлова, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, В. С. Курочкина, П. Л. Лаврова, поэтов-народников: С. С. Синегуба, Ф. В. Волховского, Н. А. Морозова, П. Ф. Якубовича, В. Н. Фигнер и мн. др.

В 4702010102—171 423—88
083(02)—88

ББК 84. Р1

*ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
XVIII—XIX ВЕКОВ*

Том второй

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1988, 720 стр.
План выпуска 1988 г. № 423

Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *Б. А. Комаров*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Е. Я. Лапиль*

ИБ № 6629

Сдано в набор 24.06.87. Подписано к печати 26.04.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 39,76. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1051. Цена 3 р. 20 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104. Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1920

CONTENTS